

СЛОВА
•
КОНЦЕПТЫ
•
МИФЫ

К 60-ЛЕТИЮ
АНАТОЛИЯ ФЁДОРОВИЧА ЖУРАВЛЁВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛОВА
•
КОНЦЕПТЫ
•
МИФЫ

*К 60-летию
Анатолия Фёдоровича Журавлёва*

МОСКВА «ИНДРИК» 2011

УДК 81
ББК 81
С 48

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-04-16222_д)

Редколлегия:

доктор филологических наук Г. К. Венедиктов (ответственный редактор)
кандидат филологических наук М. И. Ермакова
доктор филологических наук В. С. Ефимова

Рецензенты:

доктор филологических наук Р. Ф. Касаткина
кандидат филологических наук Д. Ю. Анисимова

Слова. Концепты. Мифы/ Отв. редактор Г. К. Венедиктов. — М.: «Индрик», 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-91674-109-4

Настоящий сборник содержит статьи авторитетных отечественных и зарубежных ученых, известных трудами в области этимологии, лексикологии, диалектологии. В них анализируется новый материал, на основе которого решаются разноаспектные проблемы этих и других областей языкознания. Особого внимания заслуживают предлагаемые этимологии конкретных слов и освещение отдельных вопросов лексикологии и семасиологии славянских языков, их связей с другими языками. Исследуется также разнообразный круг вопросов славянской диалектологии и фольклора.

Разнообразием своего содержания сборник представляет интерес для широкого круга специалистов в области славянского языкознания, фольклора и этнолингвистики.

©Издательство «Индрик». Оформление, 2011
© Коллектив авторов. Текст, 2011

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Н. Е. Ананьева (Москва).</i> О некоторых компонентах лексико-семантического поля 'желание' в русском и польском языках (русск. жажда — польск. <i>żądza</i> , польск. <i>pragnienie</i>).....	11
<i>Е. Э. Бабаева (Москва).</i> О легких писателях и сложных мыслях: к истории концептуализации смыслов 'простота — трудность' в русском языке.....	27
<i>О. В. Белова (Москва).</i> Освоение пространства языка: между «своим» и «чужим».....	38
<i>Е. А. Березович (Екатеринбург).</i> В кустах ручей целуется с рекою... («семейные» образы в лексике речного ландшафта)	50
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова (Москва).</i> Метаязыковое сознание и его отражение в диалектном тексте.....	61
<i>М. М. Валенцова (Москва).</i> К вопросу о межъязыковых омонимах (на материале русского и словацкого языков)	74
<i>Ж. Ж. Варбот (Москва).</i> И все-таки др.-русск. <i>-слянути</i> реально (к проблеме гапаксов).....	82
<i>Г. К. Венедиктов (Москва).</i> Незабывтая лексика из далекого детства	85
<i>А. Х. Гольденберг (Волгоград).</i> Мифологические концепты славянского фольклора в художественном мире Гоголя.....	90
<i>И. Г. Добродомов, В. В. Шаповал (Москва).</i> Реальные и призрачные слова из мира подарков	97
<i>А. Д. Дуличенко (Тарту).</i> К обоснованию славянской лингвонимики....	116
<i>А. В. Дыбо (Москва).</i> Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях.....	130
<i>В. А. Дыбо (Москва).</i> <i>ē/ī</i> - и <i>ē/e</i> -глаголы в балто-славянском и их акцентные типы.....	145

<u>М. И. Ермакова</u> (Москва). Характеристика некоторых именных конструкций со значением посессивности в серболужицком языке...	158
<i>В. С. Ефимова</i> (Москва). Можно ли лишить права говорить виноградные гроздья?	167
<i>И. И. Исаев</i> (Москва). Рассказы про жизнь.....	173
<i>А. Э. Калнынь</i> (Москва). О проявлении морфологически маркированной связи вокальных компонентов фонетического слова в русских говорах.....	185
<i>Ф. Д. Климчук</i> (Минск). Обры, обратанты, авары, hros.....	190
<i>С. А. Крылов</i> (Москва). Опыт составления семантического указателя к этимологическому комментарию (на материале книги А. Ф. Журавлева «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу“»).....	193
<i>А. В. Куркина</i> (Москва). Ю.-слав. <i>*(j)utrina</i>	203
<i>Ф. Р. Минлос</i> (Москва). Князь великий или великий князь: параметры варьирования	209
<i>В. М. Мокиенко</i> (Санкт-Петербург). Паремиологический минимум и паремиологические максимы современной русской жизни	218
<i>С. А. Мызников</i> (Санкт-Петербург). Начало русской диалектной лексикографии (опыт первых сводных диалектных словарей)	232
<i>Г. П. Нецименко</i> (Москва). О значимости сопоставительного изучения близкородственных языков.....	252
<i>Т. М. Николаева</i> (Москва). Какова функция повторов в тексте?.....	275
<i>С. А. Николаев, М. Н. Толстая</i> (Москва). Из Синевирского словаря: <i>*biti, *-bivati</i>	289
<i>И. П. Петлева</i> (Москва). К изучению семантического поля ‘родить(ся)’ на материале русских говоров.....	309
<i>В. Я. Петрухин</i> (Москва). О «детской» семантике детинца.....	314
<i>Л. Раденкович</i> (Белград). Об одном иранизме на Балканах: <i>пери</i> ‘фея’... ..	318
<i>Александр Б. Страхов</i> (Бостон). Из наблюдений над берестяными грамотами	326
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> (Москва). <i>Плыть</i> и глаголы плавания в олонцевских говорах	336

<i>Тодор Ат. Тодоров (София)</i> . Происхождение трех диалектных болгарских слов: <i>джѣтам, пѣлькам, размѣгам</i>	342
<i>С. М. Толстая (Москва)</i> . Вокруг испуга, страха и ужаса	345
<i>В. В. Шаповал (Москва)</i> . Преображение письмен: украинское (?) « <i>нивизать</i> — терять (время)» у И. Репина.....	361
<i>А. К. Шапошников (Москва)</i> . Читая «Язык и миф» Анатолия Федоровича Журавлева	364
Список публикаций А. Ф. Журавлева	371

Настоящий сборник статей посвящен одному необычному явлению в европейской славистике: увлеченности, с которой Анатолий Федорович Журавлев вглядывается в слова.

В диалектном словаре он замечает фантомные лексемы. Читая этимологический словарь осетинского языка, отмечает модели номинации, документированные и в славянской этимологии. Дотошные маргиналии к труду А.Н. Афанасьева занимают 1000 страниц и представляют собой собрание заметок о словах, едва ли не независимое от комментируемого труда. Да и монография «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян» читается прежде всего как книга о фразеологии и этимологии.

Подобная увлеченность не ограничена подготовкой печатных листов. Анатолий Федорович размышляет о словах, и выгуливая на улице Машкова собаку, и сочиняя в Гурзуфе рассказы.

Что позволяет ему широко смотреть и точно видеть нужные детали? Музыкальный дар? Поэтическое чутье?

Готовя этот сборник, авторы задавались этим вопросом.

Н. Е. Ананьева (Москва)

О НЕКОТОРЫХ КОМПОНЕНТАХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ‘ЖЕЛАНИЕ’ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

(русск. *жажда* — польск. *żądza*, польск. *pragnienie*)

Не насытится (не наполнится) око зрения, а сердце желания.
(Русская пословица)

— *Хочу* туда. *Хочу* скорей на землю!

— Постой. Сейчас поднимемся повыше. На десять тысяч. Там еще ты не был.

— Пусти!

— Ты сам *мечтал*. Ты *жаждал*. Ты *хотел*!

Жить на земле. Душой *стремиться* в небо.

Вот человека сладостный удел.

(В. С. Солоухин. «Жить на земле...»)

Данная статья представляет собой продолжение работы [Ананьева 2005], где были исследованы нейтральные составляющие концепта ‘желание’ в современном русском и польском языках (русск. *желание*, *хотеть* — польск. *chęć*, *chcieć*), а также некоторые другие его компоненты с X-содержащими корнями (русск. *охота*, польск. *ochota*, польск. *zachcianka* и др.). В статье 2005 г. было определено также соотношение понятий «концептуальное поле» и «лексико-семантическое поле». Подчеркивалось, что постулировать понятия «концепт» и «концептуальное поле» возможно только в том случае, если эти понятия включают в себя не только лексико-семантические поля (иначе, понятийные поля), но и всю совокупность представлений и ассоциаций, возникающих у носителей данного языка в связи с определенным объектом, действием, признаком или состоянием, в нашем случае — волитивным состоянием желания. Помимо лексических и фразеологических компонентов в состав концептуального поля могут входить как разноразрядные языковые средства (например, волитивный концепт ‘желание’ выражается в польском и русском языках грамматическими средствами оптативности: частица *by* в русском

языке, спрягаемая частица сослагательного наклонения *być, byś, by, byśmy, byście* и частица *oby* в польском языке и др.), так и невербальные (например, жест соединенных ладоней, прижатых к груди, выражает просьбу-желание у русских) ¹. Если мы вспомним, что семантика (семантический лейтмотив, смысл) оптативности/желательности — это один из типов *модальных* значений ², то концепт ‘желание’ входит в еще более широкую категорию модальности. Когда же для исследователя понятия «лексико-семантическое поле» («понятийное поле») и «концептуальное поле» синонимичны, то есть концепт в соответствии со значением лат. *conceptus* означает ‘понятие’, то вполне можно обойтись, на наш взгляд, и без терминов «концепт» и «концептуальное поле» и не умножать число тождественных терминов. В данной статье мы ограничиваемся анализом компонентов лексико-семантического поля ‘желание’, входящего в состав более объемного концептуального поля оптативности. Подобно другим лексико-семантическим полям (далее ЛСП), ЛСП ‘желание’ не имеет резких границ и пересекается с другими полями (например, с такими в свою очередь тесно связанными ЛСП, как ‘надежда’ — ‘ожидание’ — ‘мечта’ и даже с ЛСП концепта ‘любовь’).

Особую трудность при анализе языковой репрезентации концепта ‘желание’ создает то обстоятельство, что смысл ‘хотеть, желать’ входит в число так называемых «семантических примитивов», с помощью которых когнитивисты толкуют значения слов любого языка. Иначе говоря, существует опасность безмерного расширения этого концепта. Поэтому в наш анализ вовлекаются только те лексемы, для определения значений которых в словарных источниках используются слова оптативной семантики.

К лексическим составляющим ЛСП концепта ‘желание’ относятся слова, содержащие континуанты следующих основных корневых морфем: **xot^(?)-*/**xət-*/**xpt-*, **žel^(?)-*, **žit^(?)-*, **žed(j)-*, **jvsk-*, **olk-*, **prag-*, **tęg-*, **vol(j)-* и некоторых других. Как уже было отмечено выше, в работе 2005 г. нами анализировались репрезентанты X-содержащих корней в современном польском и русском языках, а также лексемы с континуантом **žel-* в русском языке. В обоих сопоставляемых языках концепт ‘желание’ манифестируют лексемы, содержащие корневые континуанты **žed(j)* (жажда, др.-русс. *жажа*, *žadza* и др.), **tęg-* (тяга, *rosiąg* «желание, влечение»), **vol(j)-* (воля, *wola*, *волеизъявление*

1 О манифестации концептов разноуровневой системой языковых средств см. также, например: [Баранов, Добровольский 1997; Апресян 2006; Алтабаева 2007: 474]. О возможности невербальных составляющих тех или иных концептов и даже «невербальных концептов» (последнее представляется нам весьма спорным) см., например: [Воркачев 2004].

2 Ср. Е. М. Вольф рассматривает, как оценка накладывается на такие *модальности* (курсив здесь и далее наш — Н. А.), как модальность долженствования, *модальность желания* и другие: [Вольф 2002].

и др.), **olk-* (*алкать, łaknąć* и др.). При отсутствии в русском языке, в польском языке компонентами АСП оптативности являются слова с континуантами корней **prag-* (*pragnienie, pragnąć*) и **žit'*⁹⁾ (*życzenie, życzyć*). Представленность континуации **jьskati* в польском языке тем не менее не позволяет включить *iskać* (и его устаревшие и диалектные варианты *wiskać, hiskać*) в АСП оптативности, поскольку для польской лексемы известно только значение специализированного поиска: 'искать в голове (паразитов, вшей)'. Напротив, для русск. *искать* с его основным значением неспециализированного поиска 'стремление найти', а также аналогичного польскому (хотя и не отмеченного в [ЭССЯ 8: 238]) специализированного значения 'искать в голове вшей', выделяется и смысл 'хотеть что-либо сделать' [ЭССЯ 8: 238]. Это значение представлено, например, в таком выражении, как *искать руки* 'хотеть взять в жены кого-л.'. Ср. также синонимию «искать» и «желать» в пословице: *Искав (желаючи) чужого, свое потеряешь* [Даль 1996, III: 58]. Судя по материалам ЭССЯ [ЭССЯ 8: 238], значение 'хотеть' наряду с 'искать' характерно для южнославянского ареала, в то время как у западных славян оно не выделяется. Русский язык занимает здесь срединное положение: русск. *искать* входит в периферию АСП оптативности, являясь основным средством выражения смысла 'поиск'.

Ряд репрезентантов концепта 'желание' в обоих сопоставляемых языках восходит к глаголам движения или каузации движения (польск. *prędzić* 'стремиться, гнаться' — *poręć* 'влечение, склонность, пристрастие', польск. *ciągnąć* 'тянуть, тащить(ся)' — *rosnąć* 'желание, влечение', русск. *тяга, стремление, влечение* и др.).

Поскольку часть семантических признаков концепта 'любовь' образуют так называемый «дезидеративный» (оптативный) смысловой блок (влечение, страсть, стремление), восходящий к «этимону» глагола любить — 'хотеть/желать' [Воркачев 2007: 211], в сферу исследования компонентов АСП 'желание' вовлекаются также континуанты корней **lub-*, **mil-*, **lask-* (в обоих сопоставляемых языках) и **kox-* (в польском).

И в русском и в польском языках представлены также лексические компоненты концепта 'желание', не связанные с континуацией вышеперечисленных праславянских корней и производством от них соответствующих дериватов. Например, содержащие «органолептическую» лексику (в том числе и заимствованную) фразеологизмы: *mieć chrapkę na coś* «иметь охоту к чему-л.» (*chrapka* — уменьш. от *chrapy* «ноздри»), *mieć apetyt na coś* 'иметь охоту к чему-л., *apetym* к чему-л.' (*apetym/apetyt* связан со вкусом), русск. диал. сибирск. *норка свистит* 'непреодолимо хочется что-либо сделать' (*норка* = *ноздря*) [Элиасов 1980: 244], простор. *губу раскатать* на что-л., заимствованная паремия «*Аппетит приходит во время еды*», употребляемая в ситуации, не связанной с поглощением пищи (о возрастании в

процессе каких-либо действий некоторого желания). Ср. также различного происхождения польские диалектные лексемы со значением 'желание': *zabażyć* «захотеть, пожелать», *zabażyć się* «захотеться, прийти в голову, взбредить на ум», существ. *zabażenie* и *zabażenie się* [Słownik Warszawski VIII: 17–18], малопольск. (дер. Гурно, окрестности Жешува) *ćudora* 'chęć, zachcianka' («желание, каприз») [Ożóg 2001: 220], южномалопольск. («подегродский» говор) *has* 'ochota przy picciu', 'kuraż' («желание во время выпивки», «кураж», [Pawłowski 1955: 190]. Последняя лексема выводится Е. Павловским предположительно из гуральского *xasen* 'zysk' («прибыль»), которое, в свою очередь, восходит к унгаризму *haszon* 'korzyść, zysk' («польза, выгода; прибыль»). Ср. также заимствования, в которых содержится сема 'желание' или, напротив, 'нежелание': русск. *волонтёр* 'доброволец'; польск. устар. *wolontariusz* 'то же'; русск. *волюнтаризм*, *волюнтарист*; польск. *benewolencja* «доброжелательность» (т. е. 'желание добра кому-л.'), «благосклонность»; *volens-nolens* «волей-неволей». О широком распространении в XVI в. глагола *raczyć* «хотеть, изволять», этимологически связанного с наречием *raczej* «скорее; лучше», см. [Brückner 1970: 451–452].

В концептуальное поле опативности входят также паремии. При этом они могут включать лексические компоненты ЛСП 'желание', но не обязательно. Например, порицание чрезмерности желания выражается в русской паремиологии содержащими глаголы *хотеть* и *желать* пословицами Лишнего *пожелаешь* — последнее потеряешь, Много *желать* — добра не видать, Кто много *желает*, тот и мало не выдает, Назови его братом, а он и в большие (старшие) *похочет* и мн. др., а также паремиями с отсутствием подобных компонентов (например: За двумя зайцами погонишься — и одного не поймаешь, Двух зайцев гонять — ни одного не поймаешь) [Даль 1996, III: 58–60]³. В свете этимологии **xot^(?)-/*xət-/*xot-*, которые возводятся к **xvot-* (родственному **xvatati*) [ЭССЯ 8: 83–84], любопытной представляется синонимия *желать* — *хватать* в паремиологических вариантах: Много *желать* — добра не видать и Много *хватать* — свое потерять.

В данной статье речь пойдет главным образом о лексических компонентах ЛСП 'желание' с континуацией корневой морфемы **ǰed(ji)-*, представленной в обоих сопоставляемых языках, и корневой морфемы **prag-*, отсутствующей в русском языке в качестве носителя значения 'желание'.

-
- 3 Вообще у В. И. Даля представлено значительное число паремий, входящих в ЛСП опативности. Исключая огромное количество пословиц, относящихся к категории опативности по форме (содержащих частицу *бы*), это паремии, сгруппированные прежде всего в разделах «Зависть — Жадность», «Умеренность — Жадность», «Терпение — Надежда».

В отличие от нейтральных составляющих АСП 'желание', компоненты с континуантами **žed(j)-* и **prag-* в современных русском и польском языках (русс. *жажда*₁ — *жаждать*₁, польск. *żądza*₁, *pożądanie*₁ — *pożądać*₁, *pragnienie*₁ — *pragnąć*₁) обозначают высокую степень желания. Ср. словарные определения некоторых из этих лексем: *жажда*₁ — 'сильное, страстное желание чего-н.', *жаждать*₁ — 'сильно желать', *pragnienie*₁ — '*gorąca chęć, dążenie do czegoś*' «горячее желание, стремление к чему-л.», *pragnąć*₁ — '*chcieć czegoś usilnie*' «сильно чего-н. желать», *żądza* '*gwałtowne, niepohamowane pragnienie czegoś*' «внезапное неудержимое сильное желание чего-н.».

Выражая высокую степень, интенсивность желания, слова *жажда*₁ и *жаждать*₁ одновременно являются стилистически маркированными, в отличие от нейтральных центральных компонентов АСП оптативности существительного *желание* и глагола *хотеть*, поскольку приводятся в словарях современного русского языка с квалификатором *высок*. Они частотны в лексиконе русских поэтов, причем не только XIX в., но и у современных, где подчеркивают «высокий стиль» поэтического языка.

В отличие от современной русской пары *жажда* — *жаждать* (генетических церковнославянизмов, которым соответствуют исконно русские др.-русс. *жажа*, устар. и диал. *жадать*, ср. говорящую фамилию *Жадов* у А. Н. Островского), в современном польском языке в глаголе несов. в. *żądać* (соответствующий перфектив *zażądać*) специализировалось значение 'требовать', в котором волитивный компонент значения хотя и просматривается (поскольку всякое требование предполагает желание требуемого действия или предмета, ср. определение отглагольного существительного *żądanie* '*życzenie wyrażone w kategoriycznej formie*' «желание, выраженное в категорической форме»), но затемнено значением 'совершение определенных действий для достижения желаемого' (категорической просьбы в устной или письменной форме). Значение 'сильно желать чего-н.' представлено в современном польском языке в производном от *żądać* префиксальном глаголе *pożądać*₁. В древнепольском языке *żądać* сохраняло еще значение 'сильно желать чего-н.; ожидать'. Это значение представлено как в древнейших памятниках польской письменности, так и в источниках XVI в. Например, в рукописном памятнике к. XIV в. «Житие св. Блажея» читаем: *Swyoty blasze[y] mosznye [= mężnie] zodał cyrzuenuya prze Ih[c]zv crista* «Святой Блажей мужественно *жаждал* пострадать (букв. страданий) ради Иисуса Христа»; *kaszda [niewiasta] zodała miłoscywy prze ihezu Crista cyrzpyecz* «Каждая дева *жаждала* во имя любви к Иисусу Христу страдать» [Vrtel-Wierczyński 1969: 32]. В таком же значении этот глагол употребляется в ряде произведений XVI в., например, в первой польской печатной книге, переводе средневековых латинских молитв «*Raj duszny*» («Рай души», 1513 г.) и рукописи «*Sprawa chędogo o męce Pana Chrystusowej*» (1544 г., в III

ее части «Historia o trzech królach»). Примеры из «Рая души»: *bych też ani myślił ani żądał* «одно тобых тебе wzdzięcznie go baczył «и я бы тоже и не думал и не желал ничего, только бы с благодарностью [букв. благодарно] его [Иисуса] видеть»; A stąd *żąd[da]ł* Piłat wypuścić go «А отсюда хотел Пилат выпустить его» [Vrtel-Wierczyński 1969: 224]. Пример для *żądać* ‘желать’ из «Sprawy chędogiej»: «*yze tho zaslužily wydziecz, czego sdawnych czassow wssidczy ludzie ssmąthliwie czekały a zandaly*» [Vrtel-Wierczyński 1969: 112] «что это заслужили видеть, чего с давних времен все люди с грустью ожидали и желали». Кстати, употребление в данном контексте рядом глаголов *czekać* ‘ожидать, ждать’ и *żądać* ‘желать’ — косвенное свидетельство близости и пересеканности ЛСП ‘ожидание’ и ‘желание’. В древнепольском языке употреблялся также субстантивный дериват от этого глагола с суффиксом *-ość*: *żądność* «алчность; вожеление». В частности, существительное *żądność* выступает наряду с другими наименованиями пороков (Тщеславием, Чревоугодием, Словоблудием, Своеволием, Спесью и под.) в аллегорическом произведении «Fortuny i spoty różność» (перевод с чешского, 1524) ⁴. Старое значение ‘желание’ выходит на первый план в выражении *na własne żądanie* «по собственному желанию»: *odejść (zostać zwolnionym) z pracy na własne żądanie* «уйти (уволиться) с работы по собственному желанию». И дело здесь не в переводном эквиваленте, поскольку смысл ‘желание’ представлен для данного контекста в толковых словарях польского языка. Ср. трактовку этого выражения в трехтомном Словаре польского языка под ред. С. Шимчака: «*odejść, zostać zwolnionym z pracy z własnej inicjatywy*» [Szymczak 1981, III: 1086]. Полным синонимом к «*na własne żądanie*» является словосочетание «*na własne życzenie*». В других контекстах *na żądanie* = *по требованию*. Ср.: *na (każde) żądanie* — по (любому) требованию (например: *przystanek na żądanie* — остановка по требованию).

Об исходном синкретизме значений ‘желать’, ‘требовать’ (а также ‘просить’), которые указывают этимологи для реконструируемого праслав. **žēd-* — континуации и.е. **gʷhedh-*, — свидетельствуют, например, соответствия русского *хотеть* и польск. *żądać* в следующих контекстах: *ile pan za to żąda?* — *что (сколько) вы за это хотите?*

Кроме того, значение ‘желание’ как основное представлено в адъективе *żądny* книжн. ‘gorąco, pamiętnie czegoś pragnący, spragniony, chciwy czegoś’ «горячо, страстно желающий чего-л., жаждущий, алчущий чего-л.».

Таким образом, в современном литературном польском языке значение неспециализированного желания как основное представ-

4 «Komornikow pana Szczęścia iestći niemało dosyć wspanoszających, a czelniejszi: Pych, Dopor cźci, Lubosć, Lako(m)stwo, ktorzy mie (iako(m) rzekł) z dworu wypchali. Potym ijnych mnostwo, iako: Słowotwor, Przechyra, Swieboda, *Żądność*, które prožno wyliczać» [Vrtel-Wierczyński 1969: 272].

лено в таких лексемах, содержащих континуант корневой морфемы **žed(j)-*, как существительное *żądza*₁, адъектив *żądny* (книжн.) и образованное от него наречие *żądnie* 'с вождением, жадно, алчно', глагол *pożądać*₁ 'страстно желать чего-л., жаждать', а также в формациях, производных от этого глагола, которые подробнее мы рассмотрим ниже.

Обозначающие неспециализированное желание русск. *жажда*₁ и польск. *żądza*₁ управляют родительным падежом существительного, номинирующего объект 'желания'. Это могут быть номинации определенных объектов, обладание которыми считается в данном социуме благом (знание, слава, почести, богатство и т. п.), действий, состояний и чувств, обычно довольно сильных (месть, любовь, ненависть и т. п.): *żądza zemsty* — «жажда мести», *żądza czyni* «жажда действий», *żądza wiedzy* «жажда знаний» (= любознательность), *żądza władzy* «жажда власти» (= властолюбие), *żądza walki* «жажда борьбы», *żądza zaszczytów* «жажда почестей» (= честолюбие), *żądza miłości* «жажда любви», *żądza przygód* «жажда путешествий», *żądza sławy* «жажда славы» (= честолюбие). В отличие от русского языка, в котором в сочетании с лексемой *жажда* возможен инфинитив, номинирующий тот или иной объект желания, в польском языке инфинитив невозможен. Ср. русск. *жажда действовать*, *жажда обладать чем-л.* и польск. *żądza działania*, *żądza czyni*, *żądza posiadania czegoś*. Адъектив *żądny* «жаждущий» имеет сходную с субстантивом *żądza*₁ синтаксическую (род. п. суц.) и лексическую сочетаемость: *żądny sławy* «жаждущий славы», *żądny wiedzy* «жаждущий знаний» (= любознательный) (в отличие от польского языка в русском предпочтительнее форма плюратива в управляемом адъективом субстантиве; ср. синоним *chciwy*), *żądny władzy* «властолюбивый; жаждущий власти»; *żądny zaszczytów* «жаждущий почестей», *żądny silnych wrażeń* «жаждущий сильных ощущений / ярких впечатлений», *żądny przygód* «жаждущий / ищущий приключений». То, что *жажда* — *żądza* является состоянием высокой степени эмоционального напряжения человека, охватывающей всю его сущность волевой эмоцией, которой трудно и даже невозможно противиться, выражено в лексической сочетаемости этих субстантивов с такими адъективами, как *niepohamowana* (*żądza*) — «неудержимая» (*жажда*), *nieasycona* (*żądza*) — «ненасытная» (*жажда*), *nieustrasliwa* *жажда* знаний, *opanowany* *żądzą przygód* «охваченный жаждой приключений», а также со следующими глаголами: *pyłać* — *pałać* (*pyłać* жаждой мести, *pałać* nieodpartą *żądzą wiedzy* «гореть / *pyłać* неистребимой / непреодолимой / неукротимой жаждой знаний»).

Русский глагол *жаждать*₁ и польский аналог *pożądać*₁ также управляют род. п. существительных, обозначающих конкретный объект желания: *pożądać snu* «жаждать сна», *pożądać spokoju* «жаждать покоя / спокойствия», *pożądać szczęścia* «жаждать счастья», *жаждать примирения*. Образованное от глагола *pożądać*₁ причастие *pożądany* в

значениях 'желаемый', 'желанный' также является компонентом АСП оптативности. (Ср. толкования этих двух значений в словарях: 'taki, którego obecność sprawia przyjemność, mile widziany' «такой, присутствие которого желаемо, приветствуется»; 'będący przedmiotem pragnienia, upragniony' «являющийся предметом желания, желанный».) Примеры сочетаемости адъектива *pożądaný* с определяемым существительным: *pożądaný gość* «желанный гость», *pożądane odwiedziny* «желанный визит», *pożądaný skutek* или *pożądaný wynik* «желаемый / ожидаемый результат / эффект». Объект 'желания' при адъективе *pożądane* может быть выражен целым придаточным предложением (ср. то же с русск. *желательно*): *Wyłoby pożądané, żeby pan do nas przyszedł rano* «Было бы желательно, чтобы Вы пришли к нам утром». Кроме того, адъектив *pożądaný* употребляется и в сформировавшемся на базе первичной 'желательности' вторичном значении 'соответствующий' (намерению, желанию, планам и т. п.) (польск. словарное толкование значения: «odpowiadający planom, zamierzeniom, stosowny, odpowiedni») → 'нужный'. Ср.: *jechać w pożądanym kierunku* «ехать в соответствующем (нужном) направлении». Слияние сем 'желательности' и 'необходимости' представлено в распространенном в научном стиле клише *coś jest / wydaje się bardzo pożądané* (употребление наречия *bardzo* «очень» — свидетельство стирания в подобном клише 'высокой степени' действия, ср.: то же самое представлено, как мы увидим ниже, и при употреблении *pragnąć*₁ в официальном стиле). Пример из научной лингвистической статьи с данным клише: *Bardzo pożądané wydaje się również szczegółowe zbadanie północnej peryferii języka rosyjskiego* [Popowska-Taborska 2004:291]. Если в польском языке место давнего бесприставочного *żądać* в АСП оптативности занял приставочный *pożądać*, то в русском языке архаическим является приставочный *возжаждать* (перфектив в отличие от польского префиксального глагола несов. вида), который уже не приводится многими словарями современного русского языка и употребляется в качестве маркера возвышенной поэтической речи.

В АСП 'желание' в польском языке входят также производные от *pożąd-* имена с суффиксом *-liw-* (*pożądliwie, pożądlivy, pożądlivość*), которые относятся чаще всего к конкретному виду желания ('желание физической близости, похоть, половое влечение'), но также употребляются и в значении 'жадный = алчный', 'жадно, с вожделением', 'жадность, алчность'. В приведенных русских соответствиях *жадный, жадно, жадность* (не в значении 'скупой', 'скупость') представлено сохранение собственно русского корня *жад-* (в отличие от церк.-слав. *жажд-*). Образований с этим континуантом в русском языке было значительно больше, чем сохранившиеся в современном литературном русском *жадность, жадный, жадно*. Так, в СЛРЯ XI–XVII вв. представлены: *жадати / жедати* 2. сильно желать, жаждать, хотеть чего-л., *жадѣти и жадити* 'сильно желать, хотеть чего-л.', *жадный*₂

‘сильно желающий, жаждущий чего-н.’, *жадательный* (*жедательный*) ‘испытывающий сильное желание, жаждущий чего-н.’, *жадание* (*ве*) (*жедание*) 2. желание, стремление, *жадовати* (*жедовати*) ‘то же, что жадати₂’, *жажа* (только в конкретном значении ‘жажда’ — желание пить), *жажати* (то же, что жадати₂) [СЛРЯ XI–XVII вв. 5: 69–70]. Ср. у В. И. Даля ряд диалектных лексем с корнем *жад-* со значением ‘желание’ (без учета конкретного значения ‘жадность, скупость’): *жада́ть* ‘сильно желать, хотеть, волить’ (*жада́ю видеть его* ввгд., тмб., ряз. или я *жада́ю* его), *жадеть*, жаждать, жадно желать, нетерпеливо хотеть, ожидать. *Жада́нье* ср. состояние по знач. глг.... *Жада́тель* м. -ница ж. желатель, нуждающийся в ком или в чем. *Жа́дничать* орл. *жа́довать* чего быть нескромным в желаниях своих, страстно и ненасытно хотеть приобрести что... *Жадо́бный* нвг., твр., ряз. или сщ. *жадо́бинка* об. нвг. *жадо́бнушка* об. ол. *жадо́ба* об. желанный, милый, любимый, любезный, родимый; душа, сердце мое, ласкательн. кого жалею и // кого желаю. Вместо *жадобный* в этом значении употребл. *жа́дный*... *Жадо́ба* юж. также *жажда, алчба, алчность, страстное хотенье, стремленье, желанье. *Жадо́бить* чего, юж. страстно хотеть, желать [Даль 1978, I: 524].

Остатки некогда более обширного словообразовательного гнезда корня *жад-* (*жадный*, *жадно*, *жадность*), входя в современном русском литературном языке в АСП ‘желание’, выражают его чрезвычайно высокую степень, чрезмерность, избыточность. Ср. словарные толкования этих лексем: *жадность* 1. *Чрезмерное* стремление удовлетворить какое-л. желание. Есть с жаждностью. Ж. к развлечениям. *жадный* 1. неуждержимый в стремлении удовлетворить какое-н. желание, *слишком* падкий на что-л. Ж. к деньгам, на еду (до еды). Жадно слушать. Жадное любопытство. Ж. на работу (до работы) [Ожегов 1973: 175].

Чаще всего определители *жадно*, *жадный* относятся, помимо поглощения еды и воды (*жадно* есть, пить ‘с жаждностью, т. е. с большим желанием’, он *жадно* сделал глоток воды), характеристики активных действий (*жадно* / *с жаждностью* работать, что-л. делать), к органам внешнего восприятия (т. е. зрению и слуху), которые являются основным каналом получения информации о внешнем мире, средством удовлетворить «*жадное* любопытство» или «*жажду* знаний / знать». Ср.: *жадный* взгляд (взор), *жадно* слушать кого-л. (= *с жаждностью*), *жадно* внимать кому-л. и т. д.

В ряде слов, входящих в АСП ‘желание’, представлен также конкретный вид желания (специализированное желание), относящегося к основным физиологическим потребностям человека: ‘желание пить’ (*жажда*₂ — *жаждать*₂; *pragnienie*₂, ср. *jestem spragniony* «я хочу пить»), ‘желание есть’ (ср. устар. высок. *алкать*, др.-польск. *łaczny* ‘голодный’), ‘желание совокупляться’ (*хотеть*, *похоть*, *chcieć* — подробнее [Ананьева 2005]), ср.: польск. диалект. *chcieć do konia* (о лошади), *do byka* (о корове), *do knura / kiernoza* (о свинье) ‘проявлять

половое влечение' (о животных), *pożądać*₂, *pożądanie*₂, *пожелать* / устар. *возжелать* — библ. *не пожелай* жены ближнего, *возжеление* < *вжж-желѣние* ← *желю* 'желать' и 'сожалеть', *желанный*, *желанная* (о любимых), *pożądliwy* «похотливый», *pożądliwość* «похоть», *rosiąg* «половое влечение», *popęd* 'то же'. Вероятно, и хронологически специализированные желания «есть» и «пить» предшествовали в некоторых случаях неспециализированному. Об этом свидетельствует наличие в старославянском *алѣкати*, *лакати* значения 'быть голодным, испытывать голод' и производного от первого значения 'поститься' (т. е. 'намеренно голодать') [Ст.-слав. словарь 1994: 69]. Те же значения как первые два представлены для *алкать* в «Словаре» В. И. Даля, только значения, связанные с чувством голода, указаны здесь для префиксальных и префиксально-суффиксальных *взалкать*, *поалкать*, *наалкаться*, *доалкаться* до тошноты, *заалкаться*, а также 'голод, голодание' и 'голодный' определяют семантику существительных *алкание*, *алкота*, *алчба* и прилагательного *алчный* [Даль 1978, I: 11]. Ср. употребление Сумароковым лексемы *алч* в значении 'голод' в переводе басни Лафонтена: Утоли мой *алч* и жажду! (цит. по [Топоров 2006: 408]).

Приведем примеры с *жажда*₂ 'желание пить' и *жаждать* 'хотеть пить' из произведений М. И. Цветаевой, poetика которой тяготеет к употреблению экспрессивной, высокой лексики: *Стакан воды во время жажды жгучей* / — Дай — или я умру! («Земное имя»); *Слепец... Обратно не отдашь? / Нет? Наклонюсь — услышишь? / Всеутолительницы жажд* [т. е. воды. — Н. А.] / *Держусь, как края крыши* («Поэма конца»); *Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна, / Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.* («Я — есмь цвет»). Ср.: в переносном значении употреблено А. С. Пушкиным в «Пророке»: *Духовной жаждою томим / В пустыне мрачной я влачился.* При этом в русском языке «жажда утоляется», а в польском, поскольку в западнославянских языках отсутствует континуант **toliti*, **utoliti* (и. е. **tel-* / *tol-* / **tl-*) [Черных II: 295], она «гасится»: *ugasić pragnienie*. Номинация жидкой субстанции представлена и в I части композита *кровожадный* (ср.: в польск. *krwiożerczy* отсутствует во II части континуант **żęd-* и представлено образование от глагола *żyć* «жрать, пожирать»).

Прежде чем перейти ко второму «персонажу» нашей статьи (корню **prag-*), остановимся на соотношении 'желания' и 'ожидания'. Мы уже отмечали, что целенаправленное ожидание чего-л. благого (надежда) предполагает желаемость действия / события [Ананьева 2005]. *Долгожданный* ребенок — это тот ребенок, которого *хотели* и долго ждали. Ср. *ждет не дождется* 'сильно хочет'. Древнеславянские антропонимы типа *Nieždan* и *Ždan* (как и *Нечай*), даваемые детям при рождении, закрепляли в имени процесс желаемости / ожидаемости — нежелаемости / неожиданности появления новорожден-

ного. Ср.: в русском переводе сказки французской писательницы г-жи д'Онуа «Лесная лань» долгожданную новорожденную принцессу называют, по совету фей, *Желанием*. Ср. также у И. А. Крылова в «Письме о пользе желаний»: Не тот счастлив, кто счастьем обладает: / Счастлив лишь тот, кто счастья *ожидает* (то есть *желает, стремится* к счастью). И в современном русском глаголе *ждать* выделяется значение 'стремиться (т. е. желать) получить что-л.', которое приводится через запятую с 'надеяться на что-л.' [Черных I: 294], хотя основным является значение 'пребывать в состоянии, когда появление чего-л. не является внезапным' (но не обязательно желательным). *Ждать* — континуант корневой морфемы **žyd-*, отличающейся от корня **žed-* лишь огласовкой, возводится к **g(h)eidh*. Для и.-е. **g(h)eidh* реконструируют сему 'ждать' наряду со значениями 'быть жадным' и 'требовать', которое реконструируется и для **g^hhedh* (> **žed-*) [Черных I: 294]. Формальная близость не могла не способствовать и сближению семантики. С другой стороны, формальная и семантическая близость континуантов корневых морфем **žyd-* и **žed-* проявляется и в наличии значения 'надеяться, уповать' не только в *ждать* (соврем. и древнерусск.), но и в др.-русск. *жадати*. В СЛРЯ XI–XVII вв. приводятся примеры XVI — начала XVII вв. [СЛРЯ XI–XVII, 5: 69].

Глагол *żdać* в современном польском языке отсутствует, хотя *żdać* было известно древнепольскому языку. В современном польском языке ему соответствует глагол *czekać* (др.-польск. *czakać*). Таким образом, в АСП 'желание' в современном русском языке входят (хотя и не в ядро АСП, а ближе к периферии) глагол *ждать*, *ожидать*, субстантив *ожидание* (как и *чаять* — не чаял вас увидеть, нечаянно [т. е. не желая, ср. — невольно] толкнуть кого-л. — еще один периферийный компонент АСП 'желание'), а в польском — *czekać, czekanie*.

В свете вышеизложенного словосочетание *жадно ждать* в какой-то степени (а в еще большей степени *жадно желать / хотеть*) — генетические плеоназмы ('с огромным желанием желать'), поскольку и в наречии, и в глаголах присутствует смысл 'желание'. (Ср. в связи с этим аналогичный генетический плеоназм *chęć chwyta* «желание охватывает / берет».)

Переходим к анализу **prag-*, который, несмотря на формальную континуацию в русском языке в значениях, связанных с 'горением' и 'жареньем', в отличие от польского континуанта, не входит в АСП оптативности. Лексемы с континуантом **prag-* репрезентативны для польского языка и находятся в АСП 'желание' ближе к центру, чем к периферии. Хотя *pragnąć* обозначает более высокую степень желания, чем *chcieć* (ср. толкования в словарях польского языка: *pragnąć* — 'chcieć czegoś usilnie' «*сильно* чего-н. желать», *pragnienie*₁ 'gorąca chęć, dążenie do czegoś' «*горячее* желание, стремление к чему-л.»), в ряде контекстов (клише) эта 'более высокая степень' стирается, а лексема *pragnąć* сигнализирует об определенном стиле клишированного вы-

ражения — высоком, официальном. Ср.: *Pragnę Państwa zawiadomić* (из официального приглашения на конференцию), *Pragnę złożyć Panu życzenia z okazji jubileuszu* (из официальной поздравительной телеграммы). В научных статьях (так же, как вышерассмотренное *jest* (выдаже się) *bardzo* *pożądane*) глагол *pragnąć* сигнализирует не о высокой степени выражаемого желания, а является маркером научного стиля. Ср.: *Tematyka, którą pragnę podjąć, ma już za sobą duże tradycje badawcze, sięgające początków rozwoju geografii lingwistycznej, i dotyczy prób lokalizacji faktów językowych w powiązaniu z szeroko pojętymi faktami kulturowymi* (пример из лингвистической статьи) [Popowska-Taborska 2004: 269].

С одной стороны, стирание этой семантики ‘*сильного, горячего*’ состояния (совпадающего, кстати, с этимологией корня *prag-*, соотносимого этимологами с *prażyć* «жарить», *Praga* и под. [Brückner 1970: 434], ср. литовск. *prągaras* ‘ад, пекло, преисподняя’, *prągariškas* ‘адский’, белор. диал. *прагіі* «жарить» (*прагіі яечню* — цит. по [Борковский 1981: 124]), белор. диал. и литер. *пражыць* и белор. диал. *пражонка* ‘яешня’ «яичница» [Бялькевіч 1970: 338]), а с другой — проявление закона «семантической гармонии» [Гак 1972] приводит к появлению генетических плеоназмов типа *pragnąć czegoś gorąco*.

Словосочетания *pragnąć z całej duszy, z całego serca* свидетельствуют о передаче глаголом *pragnąć* эмоционального состояния, охватывающего всю *духовную* сущность человека, с которой связаны понятия *сердца* и *души*, топологически располагающихся в одном и том же месте.

Каким может быть *pragnienie*? Иначе говоря, какова лексическая сочетаемость этого существительного с прилагательными и субстантивами, выступающими в функции определения? *Pragnienie* может быть, в частности, *przemożne* «огромное, непреодолимое», *najskrytsze* «сокровенное, самое скрытое». Как и *chęć*, *pragnienie* употребляется с род. п. существительного (в древнепольском возможен был и дат. п. с предлогом *ku*: *pragnienie ku czemu* «желание чего-л.»): *pragnienie miłości* (жажда / желание любви), *pragnienie sławy* — ср. синонимы *żądza / chęć sławy* (жажда славы), *pragnienie wiedzy* — ср. синоним *żądza wiedzy* (жажда знаний), *pragnienie zemsty* (жажда / желание мести), *pragnienie zysku* (жажда прибыли), т. е. в качестве объекта «*pragnienia*» могут быть, как и для «*żądzy*», номинации довольно сильных чувств или объектов, представляющихся в данном социуме благом материальным или духовным (*zysk* «прибыль», *ślawy* «слава», *wiedza* «знание»). *Pragnienie* может сочетаться с инфинитивом: *pragnienie dowiedzieć się czegoś* «желание узнать о чем-л.».

Что можно делать с «*pragnieniem*»? Его можно *budzić* «возбуждать», *obudzić* «возбудить», *podniecać* (как и с огнем — ответ «жаркой») этимологии корня *prag-* «разжигать; возбуждать», *spełnić* «исполнить», *zaspokoić* «удовлетворить» (например, *zaspokoić wszystkie*

pragnienia «удовлетворить все желания»). Субъект может *doznawać / doznać pragnienia* «испытывать / испытать желание». И можно «*nie mieć żadnych pragnień*» «не иметь никаких желаний». Само *pragnienie kogoś opanowuje* «охватывает кого-л.», *rośnie w kimś (w czyimś sercu)* — словосочетания указывают на всепоглощающий характер этого состояния (*opanowuje*) и на возможность усиления этого чувства. Глагол *pragnąć* (кроме вышеприведенных сочетаний) обязательно сочетается с род. п. субстантива (как *pożądać* и в отличие от *chcieć*, который в зависимости от лексического наполнения объекта может сочетаться с род. или вин. п.): *pragnąć spokoju, szczęścia, sprawiedliwości, zdrowia* (номинации объектов, аксиологически позитивно маркированных в данном обществе). *Pragnąć* сочетается с инфинитивом: *pragnąć wyjechać na wakacje* «очень хотеть уехать на каникулы». Ср. у А. Мицкевича в поэме «Pan Tadeusz»: *Pragnąłby u Woźnego lepiej się zapytać o pani Telimienie, / Lecz go nie mógł schwytać; Podróżny do folwarku nie biegł sług zapytać, / Odemknął, wbiegł do domu, pragnął go powitać* (Księga I: Gospodarstwo). *Pragnąć* сочетается с придаточным, являющимся развернутой номинацией объекта 'желания': *pragnę, abyś (byś) dochował obietnicy* «я очень хочу, чтобы ты выполнил обещание». Лексема *pragnąć* функционирует в составе фразеологизма «*pragnąć czegoś jak kania deszczu*» «*bardzo, gorąco, niecierpliwie pragnąć czegoś*» (кстати, употребление в словарной трактовке данного фразеологизма определителей *bardzo, gorąco, niecierpliwie* в сочетании с *pragnąć* свидетельствует о выхолащивании семы 'высокая степень' эмоционального состояния в глаголе *pragnąć*, о чем уже шла речь в связи с научным и официальным стилями). В качестве синонимов к *pragnąć* в данном фразеологизме употребляются также глаголы *wyglądać / czekać / taknąć* (*czegoś jak kania deszczu / dżdzu*). *Pragnąć* входит также в состав частотного разговорного клише, призванного убедить собеседника в искренности говорящего: *jak pragnę szczęścia (zdrowia)* ~ «провалиться мне на этом месте», «право». Причастная форма *spragniony* «жаждущий, алчущий» употребляется с род. п. номинации объекта желания (*spragniony czegoś*, например: *spragniony co raz nowszych wrażeń* «жаждущий / алчущий новых впечатлений»). *Spragniony* имеет также значение, связанное со специализированным желанием ('хотеть пить'), которое выделялось выше для *pragnienie₂*, *жажда₂*, др.-русск. *жажа*. Значение 'хотеть пить' представлено как устар. в современном польском языке в *pragnąć₂*. В древнепольском языке эта лексема широко употребляется в значении 'хотеть пить' (ср.: Иисус Христос на кресте говорит «Prągnę» «я хочу пить» в сборнике молитв «Raj duszny») ⁵. В отличие от двузначного в современном польском языке причастия *spragniony* также входящее в ЛСП оптативности причастие с префик-

5 «Potym wiedząc Jezus, iż sie wssytko spełniło, iż by sie wypełniło pismo, rzekł: *Prągnę*» [Vrtel-Wierczyński 1969: 225].

сом *и-* (*ipragniony*) выражает только неспециализированное желание ('тот, которого желают', 'желаемый', синоним *wymarzony* — пересечение с АСП 'мечта').

Подведем некоторые итоги.

Содержание концептуального поля (в данном случае АСП, входящего в состав концептуального поля 'желание') исторически изменчиво как по составу его компонентов, так и в отношении места, которое занимает тот или иной лексический компонент в АСП. Например, в древнерусском языке состав лексем с корнем *жад-*, входящих в АСП 'желание', значительно превышает состав лексем с этим корнем в современном русском языке, отсутствует в последнем морфонологический вариант *жед-* в качестве компонента концепта 'желание' (др.-русс. *жедати, жедание, жедательный*). Тем не менее новое в языке создается из элементов старого и, в частности, особенности лексической сочетаемости и фразеологизмы компонентов АСП 'желание' доносят до нас «ответ» представлений, которые легли в основу номинации того или иного явления. Так, сочетаемость *gasić pragnienie, roznieść pragnienie*, фразеологизм *pragnąć jak kania deszczu* дают представление о чем-то горячем и жгучем (что можно «угасить» водой), присутствующем в значении номинации *pragnienie*, что совпадает с реконструируемой семантикой корня **prag-*. Следует заметить, что в ряде случаев в АСП 'желание' на определенном этапе развития языка может входить один из морфонологических вариантов, континуирующих один и тот же корень. Например, из морфонологических вариантов корней **tęg-* и **tęg-* в польском и русском языках только первый входит в АСП 'желание' (*prosiąg* «влечение», *тяги* к чему-л.), а континуант варианта **tęg-*, как в древний период (в русском и польском), так и в современном русском языке (в современном польском литературном языке отсутствует), является компонентом АСП 'тоска' (*туга, тужить*, др.-польск. *tużyć // trzyć* «тосковать, тужить») в отличие от чешско-словацкой зоны, где чешск. *touha, toužiti*, словц. *tužiti, tuga* являются также составляющими концепта 'желание' (ср. *touha povědění* «жажда знаний», *horet touhou* «гореть желанием»). В АСП 'желание' в чешском входят и дериваты *toužebný* «жаждущий, страстный», *toužený* «желанный», *toužebně (hledet)* «жадно» (смотреть), *tužba* книжн. «сильное / страстное желание чего-н.; страсть к чему-л.», мн. *tužby* «чаяния». Или для двух морфонологических вариантов *žel-/žal-*, входящих в древнерусском как в АСП 'жалость, скорбь', так и в АСП 'желание' (хотя *žal-* занимает во втором поле маргинальное место, ср. «*жалость* ему знамение заступи, искусити Дону Великаго» в «Слове о полку Игореве»), впоследствии происходит дифференциация: *žel-* относится исключительно к полю 'желание', а периферийный для АСП 'желание' вариант *žal-* — к компонентам АСП 'жалость, скорбь'.

Несоответствие в формальной эквивалентике выражения концепта 'желание' в сопоставляемых языках может быть обусловлено не

только отсутствием в одном из языков континуанта лексемы с определенным корнем, входящим в АСП оптативности (**prag-* в русском, которое переводится в последнем образованиями с корнями *жажд-* и *жел-*), но и отсутствием в системе языка определенной грамматической формы при наличии той же корневой морфемы. Например, для глагола *pożądać* представлен русский эквивалент с тем же этимологическим корнем *жаждать*, а для причастия *pożądany* — только *желательный, желаемый*, поскольку нет причастных форм с корнем *жажд-* (**жажданный, *жаждуемый*).

Рассмотренные в статье лексемы, содержащие континуанты корневых морфем **žed-* и **prag-*, демонстрируют в частности следующие модели семантических изменений: 'специализированное желание' → 'неспециализированное желание' (**prag-*), 'желание' → 'требование' (**žed-*), 'желание' → 'чрезмерное, избыточное желание' → 'жадность, скупость' (**žed-*). Интенсивная степень волитивного эмоционального состояния 'желания', выражаемая континуантами **prag-* и **žed-*, может стираться и затемняться в научном и официальном стилях (*jest bardzo pożądanе*). Формальная близость корней обуславливает семантическое сближение (**žed-* и **žbd-*). АСП 'желание', как и другие АСП, не имеет резко очерченных границ, пересекаясь с другими АСП («надежда», «поиск», «мечта» и др.).

Таким образом, лексико-семантическая система любого языка, состоящая из совокупности пересекающихся, плавно «переходящих друг в друга», разнообъемных АСП, представляет собой такой феномен, к которому возможно применение понятия «континуум».

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева 2005: *Ананьева Н. Е.* Концепт 'желание' в польском и русском языках (I. польск. *chęć* — *chcieć*, русск. *желание* — *хотеть*) // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2005. Вып. 30. С. 109–124.
- Алтабаева 2007: *Алтабаева Е. В.* Оптативность в категориальном пространстве языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 года). Труды и материалы / Составители М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2007. С. 474.
- Апресян 2006: *Апресян Ю. Д.* и др. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- Баранов, Добровольский 1997: *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия АН СЛЯ 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21.
- Борковский 1981: *Борковский В. И.* Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М., 1981.

- Бялькевіч 1970: *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Вольф 2002: *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Воркачев 2004: *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Воркачев 2007: *Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
- Гак 1972: *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Даль 1996, III: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в трех томах. Т. III. М., 1996.
- Даль 1978, I: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. М., 1978.
- Ожегов 1973: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973.
- СЛРЯ XI–XVII вв. 5: Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 5 (Е — ЗИНУТИЕ). М., 1978.
- Ст.-слав. словарь 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Топоров 2006: *Топоров В. Н.* Этимологические заметки // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Черных I, II: *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
- Элиасов 1980: *Элиасов А. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭССЯ 8: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 8 (**xa* — **jъvьlga*). М., 1981.
- Brückner 1970: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
- Ożóg 2001: *Ożóg K.* Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia. Rzeszów, 2001.
- Pawłowski 1955: *Pawłowski E.* Gwara podegrodzka. Wrocław; Kraków, 1955.
- Popowska-Taborska 2004: *Popowska-Taborska H.* Problematyka peryferii językowych w badaniach etnogenetycznych // *Popowska-Taborska H.* Z językowych dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa, 2004.
- Словник Warszawski VIII: *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Wydanie fotooffsetowe. Tom ósmy. Z–Ż. Warszawa, 1953.
- Szymczak 1981, III: Słownik języka polskiego / Red. S. Szymczak. T. III. Warszawa, 1981.
- Vrtel-Wierczyński 1969: *Vrtel-Wierczyński S.* Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

**О ЛЕГКИХ ПИСАТЕЛЯХ И СЛОЖНЫХ МЫСЛЯХ:
К ИСТОРИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВ
'ПРОСТОТА – ТРУДНОСТЬ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В русском языке прилагательное *легкий* имеет в составе своей разветвленной многозначности две лексемы: (а) *легкий чемодан* [о ноше] 'имеющий такой вес, что человек может поднять и нести его, затрачивая немного физических усилий'; (б) *легкий трюк <урок>* [о физических и ментальных действиях] 'такой, который при его выполнении или других действиях с ним не требует знаний, способностей, умений, усилий, превышающих средние'¹. В первом случае прилагательное *легкий* противопоставляется прилагательному *тяжелый*, а во втором — прилагательным *трудный, сложный, тяжелый*².

В большинстве словарей значение, представленное в словосочетаниях типа *легкий чемодан*, толкуется как 'незначительный по весу'. Такое толкование затемняет связь между лексемами (а) и (б). Если предположить, что значение (а) формируется как антропоцентрическое, то выявляется общее для двух значений представление о некотором количестве прилагаемых человеком усилий³. В значении (а) количество усилий определяется

1 Во многих языках смыслы 'легкий' по весу и 'легкий' по исполнению также передаются двумя лексемами в составе одного слова (греч. *ελαφρός, κοῦφος*; лит. *leñgvas*; латыш. *liēgs, viegls*; нем. *leicht*; англ. *light*). Вместе с тем, эти смыслы могут передаваться лексемами разных прилагательных; ср. груз. *msubuki* [вес] VS *advili* [Климов, Халилов 2003: 323]; лат. *levis* VS *facilis*; англ. *light* VS. *hard*; франц. *leger* VS *facil*.

2 Прилагательное *тяжелый* в этом значении, в отличие от *трудный* и *сложный*, указывает, прежде всего, на то, что взаимодействие с объектом приводит к ухудшению физического или морального состояния человека; ср. *трудная <сложная> работа* [требуется больших усилий, умений или знаний] VS. *тяжелая работа* [такая, которая выматывает человека физически или морально].

3 В связи со сближением смыслов 'вес' и 'усилия' ср. также реконструкцию ностр. *кeñu* 'пустой, легкий': арм. *sin* 'пустой' приурал., алт. 'легкий' [Иллич-Свитыч 2003: 349–350], а также чеш. диал. *lechkej* 'пустой'.

как небольшое⁴. Для значения (б) важна относительность: в данном случае количество затрачиваемых усилий сравнивается с некоторыми средними усилиями <умениями, знаниями>.

На существующую в сознании носителей языка связь между легкостью VS. тяжестью ноши и усилиями, которых требует что-л., указывают, например, такие выражения, как *неподъемное дело; взвалить какое-л. дело кому-л. на плечи; Это дело не по силам <кому-л.>; На этом деле он надорвался*.

В истории языка формирование представлений о количестве усилий, требующихся для того или иного действия (физического или ментального), происходило внутри двух оппозиций: *легкий* VS. *трудный* и *простой* VS. *сложный*.

Современный язык не делает различий между затратой усилий физического или же ментального плана. И в том и в другом случае можно употребить прилагательные *легкий, простой; трудный, тяжелый, сложный*; ср. также существование эталонов легкости, ориентированных на некие прототипические простые физические или ментальные действия: *раз чихнуть, раз плюнуть; как дважды два, как таблица умножения*. Однако диахронический материал показывает, что это неразличение возникло достаточно поздно: оценка количества усилий, необходимых для ментальных действий, формируется, по всей видимости, не ранее XVII в.

В XVII–XVIII вв. эта оценка начинает передаваться словами *легко, легкий; трудно, трудный*, которые до этого времени указывали лишь на количество усилий, затрачиваемых при физических действиях.

Первым ментальным предикатом, употребленным в сочетании с наречием *легко*, был, как следует из накопленных лексикографией данных, глагол *разуметь*; ср. самое раннее употребление: *И из того всякому лехко разумети мочно, что обливание или окропление... во святом крещении з божиим... словом соглашается* (Списание [...] Ивана Наседки, 1644) [СРЯ XI–XVII вв. 8: 191]. Выбор такого предиката кажется неслучайным. Глаголы *разумети, разумевати* могли использоваться, в частности, в значении ‘объяснять, толковать’, т. е. осознаваться как глаголы говорения; ср. использование в контексте глагола *разумети* наречия *просто*: *от бога дана ему бысть мудрость в божественем писании просто всем разумети* (Псковская летопись I, сп. XV–XVII) [СРЯ XI–XVII вв. 20: 232]. Впоследствии прилагательное *простой* часто используется в контекстах, где оно характеризует язык (*речь, слог*) как такой, который ориентирован на массовое восприятие и понятен всем (ср., например: *Jargon, Große Baurensprache, sermo rusticus Мужицкая, грубая, простая речь* (Лексикон Волчкова, 1764); *C'est un commun dire. Das ist ein gemeines Sprachwort Простая,*

4 Смысл ‘небольшой’ пронизывает практически всю многозначность данного прилагательного.

общая, народная поговорка (Лексикон Волчкова, 1764); В напечатанных Российских простых песнях можно найти почти все роды строф (Аполлос Байбаков, Правила пиитические, 1785); Слог законов должен быть краток, прост (*simple*); выражение прямое (*expression simple*) всегда лучше можно разуместь, нежели околичное выражение (Наказ Екатерины II, 1770) [Картотека СРЯ XVIII в.].

В первой половине XVIII в. наречие *легко*, как следует из СРЯ XVIII в., сочетается с предикатами *представить*, *усмотреть*, *увидеть*; такое употребление, в частности, свойственно Примечаниям к ведомостям 1738 г. Ср. еще: *Чрез следующую Песнь всяк легко увидеть может, как все такие простые наши стихи... слагаются* (В.К. Тредиаковский, Новый и краткий способ к сложению российских стихов, 1735) [СРЯ XVIII в. 11: 135]. Что касается прилагательного *легкий*, то оно начинает активно употребляться для характеристики объектов ментальной деятельности во второй половине XVIII в. Ср.: *Апокалипсис во многих местах довольно легок ко истолкованию* (Лексикон Сергея Волчкова, 1755–1764); *<Это> служит легким довазательством, что древние имели стихотворцев лучше нас* (П.А. Пельский, Кум Матвей, 1803) [СРЯ XVIII в. 11: 134].

На рубеже XVII и XVIII вв. фиксируются употребления слов *трудно*, *трудный* в сходных контекстах; ср.: *А грамматического оубо сиречь осмии частей слова и разума ведение трудно* (Пролог, 1643) [Картотека СРЯ XI–XVII вв.]; *Многая трудная и недоуменная последовательно сим правилом прясно [...] предлагаю* (Л. Магницкий, Арифметика, 1703) [Картотека СРЯ XI–XVII вв.]; *Куран сложен есть на арапском языке [...] но и ко истолкованию зело труден есть* (Книга Систима или состояние мухаммеданския религии, 1722) [Картотека СРЯ XI–XVII вв.].

В САР 1789–1794 среди примеров на сочетаемость прилагательных *легкий*, *трудный*, *тяжелый* преобладают названия физических действий; вместе с тем, для прилагательного *трудный* предусмотрена возможность указывать на приложение особых усилий для понимания текста (*трудной писатель*), а для существительного *трудность* — указывать на «неудобность [...] к разумению».

Осмысление ментальных действий как таких, которые могут требовать больших или меньших усилий, произошло в XVIII в., по всей видимости, благодаря бурному развитию оппозиции *простой* VS. *сложный*.

Данная оппозиция использовалась в книжных текстах, начиная с XI в., довольно ограниченно — главным образом, для противопоставления объектов неделимых или первичных объектам составным или вторичным. С этой точки зрения характеристика *простой* относилась к таким объектам, как Бог, душа, а характеристика *сложный* — к сотворенным (так сказать, со-ставленным) сущностям, т. е. к вещному миру.

Выбор именно этих прилагательных объясняется разными причинами: для прилагательного *простой* — особенностями его употребления; для прилагательного *сложный* — его происхождением.

Корень *прост-* был соотнесен со смыслами 'первичный' и 'неделимый', видимо, благодаря одному типу не книжных употреблений. Этот корень вычленяется в ряде диалектных слов, обозначающих плетеные или тканые изделия; ср.: *простоплетки* (твер., орл., ряз.) 'лапти простого, не очень прочного плетения', *простоплеты* (ряз.) 'лапти, сплетенные в два лыка'; *простовивки* (твер.) 'лапти простого, не очень прочного плетения', *простовивки* (ряз.) 'веревка, сплетенная из двух прядей', *простовивчатый* (тул.) 'сплетенный из двух прядей (о веревке)', *простка* (пск., клин.) 'простой холст в две нитки' [СРНГ]. В контексте плетения или тканья речь может идти об особом (базовом) качестве изделия, которое связывается со смыслом 'два' (базовое количество прядей, нитей и т. д.); ср. зафиксированные в словаре В. Даля слова *двупрядный* 'свитый из двух прядей'; *двупрядка*, *двупрядник* 'нити или веревочки, ссученные из двух прядей'. 'Два' может связываться с представлением об удвоении (ср. *двугубый*, *сугубый*, лат. *duplex*, греч. διπλᾱξ), т. е. повышении уровня крепости, надежности, однако в данном случае речь идет, видимо, о некоторой примитивной технологии, соотносимой с представлением о первичном (одинарном) сгибании (ср. греч. ἀπλοῦς).

На семантическую связь между плетением и простотой указывает и история лат. *simplex*.

И-е. корень **plek* имел значение 'плести' (ср. лат. *plicare* 'сгибать [о чем-л. гибком]', *plectere* 'сплести, свивать', *plexus* 'сплетение'; греч. πλέκω). К глаголу *plicare* восходят глаголы *duplicare* ('удваивать'); *complicare* 'сворачивать' (например, о канате, снастях; ср. выражение *notio complicata* [о неясном, путаном понятии]), а также существительное *complicatio* 'складывание', 'свертывание').

От *plectere* и *plexus* образованы *complecti* 'обвивать, обнимать', *complexus* 'объятие' (→ 'связь'), *complexio* 'связь, сцепление', *complex* 'тесно связанный'; *perplexus* 'переплетенный' (→ 'запутанный'); *simplex* (первоначально — 'одинарный'; ср. лат. *simpulum* 'ординарное, недвойное'); *duplex* 'двойной'; *multiplex* 'многосложный, состоящий из многих элементов'.

Латинское *sim-* восходит к и.-е. **sem-*/**som-*/**sm-*, с которым связывается смысл 'один'⁵ (→ 'вместе', где важна идея тождества, подобия); ср. *semel* 'один раз', а также *simul* 'одновременно', *similis* 'подобный'; к этому же корню восходит, например, франц. *ensemble*, англ. *same*⁶.

Латинское же *com-/cum-*, которое содержится в *complex-*, происходит от и.-е. **kom-*, также имевшего значение 'вместе', в котором, по

5 Этот смысл в латинском языке впоследствии передавался словом *unus*.

6 Ср.: «наряду с *sm в др.-инд. sa- (sakṛt «однажды»), греч. ἅ в ἀπλοῦς 'простой, одиночный'» [Фасмер III: 540].

всей видимости, превалировала идея совместности, единства. Можно предположить, что изначально *simplex*- связывалось с представлением о некоторой примитивной технологии, о первичном (одинарном) сгибании или переплетении (ср. лат. *simplicare* ‘производить нечто простое’), а *complex*- — с представлением о переплетении как наличии тесной связи между какими-л. элементами.

Прилагательное же *сложный* восходит к причастию *съложеныи*, образованному от глагола *съложити*, который имеет в своем составе праславянские префикс **sъ* и корень **ložiti* (из **logiti*), восходящий к и.-с. **legħ-* : **logħ-* [Pokorny I: 658–659]; ср. образованные аналогичным образом лат. *compositum*, греч. *σύνθετος*. Наиболее древние (старославянские) употребления причастия связаны именно с «конструктивной» семантикой: по всей видимости, она включала три семантических компонента — ‘класть’ + ‘вместе’ + ‘в определенном порядке’ (например, употребления причастия в контексте слов *мир* или *тело*).

Вполне вероятно, что семантическое сближение слов *простой* и *сложный* стало возможным благодаря наличию у первого смысла ‘первичность’, а у второго — ‘вместе’.

В XVIII в. оппозиция *простой* VS. *сложный* начинает активно использоваться для объяснения устройства объектов, изучающихся в рамках различных научных теорий. Например:

1) в области грамматики; ср.: *вос в сложных глаголах пишется вместо воз и значит тоже* (Триязычный лексикон Ф. Поликарпова, 1704)⁷; *Буква, как буква, есть произвольный знак либо звона простого и сложного, происходящего от нашего голоса; либо растворения, каким в некоторый способ приводится тот нашего голоса звон простой и сложный* (В. Тредиаковский, Разговор об орфографии, 1748); *Следует тому сочинение сложное: то есть соединение нескольких речей полной разум в себе содержащих* (М. Ломоносов, Российская грамматика, 1755); *Предложение сложное есть то, в котором находится или несколько подлежащих, или несколько сказуемых* (Я. Козельский, Философические предложения, 1768);

2) в области математики; ср.: *Геометрия уже от давних времен в простую и вышнюю разделена: простая содержит в себе прямые линии и от них происходящи плоскости, корпусы и циркуль, понеже его свойства без труда понять можно* (О квадратуре циркуля, Примечания на Ведомости, 1729); *Величина сложная есть величина, состоящая из многих членов* (Н. Муравьев, Начальные основания математики, 1752);

3) в области физики; ср.: *Оное движение, которое из течения множества ударений происходящее, называется сложное* (Фундамент учения физического, Комментарии 1728); *Всякое простое движение есть движение прямолинейное* (Краткое начертание физики Крафта, 1779);

7 Далее используются материалы Картотеки СРЯ XVIII в.

4) в области механики; ср.: *Машины оные суть или простые или сложные, простые суть жердь, векиша, ворот, плоскость покатаемая, и клин; из сих простых бывают безчисленные разнотелные* (Фундамент учения физического, Комментарии 1728); *Маетников есть два рода, а именно: простой и сложный* (Крафт, Физика, 1779); а также метафорическое переосмысление: *Воспитание подобно сложной машине, в которой составлены многие разные пружины и колеса* (Н. И. Новиков, О воспитании и наставлении детей, 1783);

5) в области архитектуры; ср.: *Пять чинов (Orders) в Архитектуре суть: Тосканский, Дорический, Ионический, Коринфский и Сложный или Римский* (Новой Виньола, 1777); *Витрувий не написал о чине составном или сложном, чтоб он имел какую нибудь отмену от чинов Коринфического, Ионического и Дорического: только он упомянул что де иногда ставят на столб Коринфической главу составленную из многих частей взятых из чинов Коринфического, Ионического и Дорического* (Сокращенный Витрувий, пер. Ф. Каржавина, 1789);

6) в области медицины и биологии; ср.: *железы суть двух образов одне называются одинакие; как то в орту, при языке и при кишках, а другие сложные, которые составлены вместе из многих желез* (Я. Козельский, Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании, 1788).

В конце XVIII в. прилагательное *сложный* воспринимается как неупотребительное — оно вошло в «Роспись неупотребительным словам на российском языке» 1779 г. (*Сложный Compositus*) — и специальное. В САР 1789–1794 и САР 1806–1822 гг. прилагательное *сложный* входит именно как термин: «1) Соединенный, совокупленный, составленный из многих частей, или смешанный из многих разнородных веществ. Сложная машина. Пластыри суть сложные лекарства. 2) В грамматике составленный из двух или многих частей речи. Благодеяние есть слово сложное: ибо составлено из благо и деяние. 3) В Ботанике называются: Сложные цветы, состоящие из нескольких цветочков на одном гугенце находящихся». Одновременно в САР 1789–1794 фиксируется в качестве первого для прилагательного *простой* значение «несложный»: «Стихии суть тела простые. Которыя машины простее, те и лучше. Простыя слова в грамматике суть рука, стою, вера».

Простота VS. сложность конструкции, внутреннего устройства объектов могут переосмысляться как *простота VS. сложность* взаимодействия с этими объектами (понимания или манипуляций). Это переосмысление шло быстрее для прилагательного *простой*; первые примеры его употребления в качестве синонима для *легкий* относятся к 1750-м гг. (*простой способ, простой пример*), число их нарастает в 70–80-е гг.; ср.: *вопросы [...] были просты* (Физика Крафта, 1779); *тут нет рифм и мысль самая простая* (И. Елагин, Мизантроп, 1788); *Ответ его был прост; он представил мне картину той жизни, какую*

мы теперь ведем (Московский журнал, 1791); Сие наблюдение подало повод г. Реомюру к изобретению весьма простаго способа для сохранения яиц свежими (Физ. Крафта, 1779).

В САР 1789–1794 для прилагательного *простой* выделяется значение «нетрудный, незапутанный» с иллюстрацией: *Эта самая простая загадка, которую легко разрушить можно.*

Осмысление характеристики *сложный* как синонимичной характеристике *трудный* связано, по всей видимости, с проникновением в Россию учения Дж. Локка о *простых* и *сложных* идеях. В учении Локка, как хорошо известно, речь идет, так сказать, о структурных различиях между идеями; однако связь между *простотой* VS. *сложностью* идеи и *простотой* VS. *сложностью* восприятия устанавливается достаточно быстро; ср.: *Учение о понятиях для изследования истинного источника наших познаний весьма важно. Во первых разделяют понятия на простые и сложные* (А. Эйлер, Письма о разных физических и философических материях, пер. С. Румовского, 1768–1774); *ум наш прежде всего понимает простые идеи* (Д. Аничков, Слово о свойствах познания человеческого, 1770); *Нынешний день видел я две чудесные школы: училище природно глухих и немых (которым посредством знаков сообщают самые трудные, сложные, метафизические идеи, которые знают совершенно грамматику, разбирают все книги и сами пишут ясным, чистым, правильным слогом), и еще другую, не менее удивительную школу природно слепых* (Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника, 1793); а также обыгрывание многозначности прилагательного: *Домик у него маленькой, и внутри приборов не много. Все просто... кроме его Метафизики* (Н. М. Карамзин, Письма русского путешественника, 1793)⁸.

Прилагательное *сложный* начинает передавать представление о трудности только в 30-е гг. XIX в., с 1840-х по 1850-е гг. их количество неуклонно нарастает:⁹ ср.: *В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим* (Д. В. Давыдов, Дневник партизанских действий 1812 года, 1830–1835); *Несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым* (А. С. Пушкин.

8 Похожий процесс имел место в истории англ. *complex*. Согласно Oxford English Dictionary Online, первые фиксации слова относятся к XVII в.: 1652 J. SMITH Sel. Disc. i. 20 That complex and multifarious man that is made up of soul and body. 1690 LOCKE Hum. Und. II. xii. (ed. 3) 79 Ideas thus made up of several simple ones put together, I call Complex; such as are Beauty, Gratitude, a Man, an Army, the Universe; ср.: 1715 DESAGULIERS Fires Impr. 4 A very complex Apparatus.

9 Далее используются примеры, взятые из Национального корпуса русского языка.

Повести покойного Ивана Петровича Белкина, Барышня-крестьянка); Знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения (А.С. Пушкин, Дубровский); Как будто мало женщине дела в скромном кругу домашней жизни; я не говорю уж о матери, которой обязанности и так святы и так сложны (А.И. Герцен, Сорока-воровка, 1846); В поднятии или спуске паруса, в повороте корабля и всяком немного сложном маневре видно такое напряжение сил, что в одном моменте прочтешь всю историю усилий, которые довели до умения плавать по морям (И.А. Гончаров, Письма, 1842–1859).

Таким образом, в период с конца XVII по середину XIX вв. прилагательные *легкий* и *трудный*, указывавшие изначально на количество усилий, необходимых для выполнения физических действий, приобрели способность характеризовать ментальные действия, а прилагательные *простой* и *сложный*, развив способность указывать на особенности структуры некоторых объектов, стали характеризовать ментальные, а затем и физические действия.

Новые изменения в сложившейся системе произошли уже в XX в. Так, у слова *трудность* появляются новые синонимы: *сложность* и *проблема*.

По данным Национального корпуса русского языка, в 40-е гг. XX в. окончательно формируется лексема *сложность* 'то, что мешает какой-л. деятельности или какому-л. занятию и требует многих или значительных усилий для устранения' (ср.: *преодолевать сложности; столкнуться со сложностями; На работе у него вечно какие-нибудь сложности* [А. Вампилов, Прощание в июне]). Во всяком случае, эта лексема отсутствует в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова; ср. наиболее ранние примеры: *Да, это было сложно, очень сложно, но сложности эти нужно было во что бы то ни стало преодолеть* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Сие пишу в Академии, хотя уже пятый час, ибо дожидаясь стандартной справки, которую по новому порядку надо завезти в ЖАК и тысячи еще каких-то сложностей* (Александр Болдырев, Осадная запись (блокадный дневник), 1941–1948).

Интересно, что, как показали исследования Анны Зализняк, употребление слова *проблема*, появившегося в русском языке в XVIII в. также в рамках научного дискурса, резко возрастает в 50-е гг. XX в. Оно, калькируя англ. *problem*, развивает новое значение, синонимичное уже описанному значению слова *сложность*: 'обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей' [Зализняк 2006: 154].

Одновременно слово *проблема* начинает использоваться для «отсылки к ситуациям, которые называть «прямо» неприлично» [Зализняк 2006: 155], т. е. как эвфемизм. Ср. клише *У кого-л. проблемы*. Эвфемистичными, видимо, следует считать и современные употребления прилагательного *проблемный*; ср.: *проблемный ребенок*;

проблемная кожа; Крем наносится на проблемные места; Проблемная квартира стала предметом судебных разбирательств.

В современном русском языке есть множество клише, включающих слово *проблема*; например: *Это <не> проблема; Это <не> моя проблема.* Заметим, что реплика-согласие на просьбу — *Нет проблем* — в современном разговорном языке имеет синоним: *Легко.*

Кроме того, под влиянием конструкции *трудно с чем-л.*, указывающей на то, что каких-л. объектов немного [*В те времена <годы> было трудно с деньгами <мебелью, одеждой, продуктами питания, жильем>; Теперь с вертолетами трудно* (Борис Екимов, Прошлым летом); *Тогда было очень трудно с гостиницами* (Русская разговорная речь); *Правда, сейчас трудно с продуктами, ты уж не взыщи* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед)], в современном разговорном языке появляется конструкция *сложно с чем-л.*; ср.: *С путевками сложно; Туристам из регионов нужно как-то добраться до Москвы, а с билетами на поезда и самолеты очень сложно* (Известия).

По всей видимости, XX веку в целом присуще осмысление свойства *сложный* как отвечающего некоторой объективной данности, интуитивному представлению о том, что все, что нас окружает, в той или иной мере *сложно* и требует адекватного этой *сложности* подхода.

Превалирующий взгляд на мир через призму *сложности* отразился, в частности, на научном сознании. Этот взгляд оттеснил на периферию научного сознания, во-первых, попытки сведения *сложного* к единому (одному) началу (первооснове) или же к нескольким универсальным началам (первоосновам), которые были еще возможны в первые десятилетия XX в. (ср., например, теорию монизма Вселенной К. Циолковского или учение Марра), а во-вторых, поиски рационального объяснения мира (наподобие модели атома Бора или же единой теории поля).

Представления о *сложности*, сосуществующие в науке, отражаются в специальных словосочетаниях: ср., например: *дескриптивная сложность, коннекционистская сложность, алгоритмическая сложность, сложность Колмогорова.*

Сложность стала главным объектом так называемой постнеклассической науки, возникшей в 70-е гг. XX в. и объединившей разные подходы (например, теорию самоорганизации Германа Хакена, теорию диссипативных структур Ильи Пригожина, теорию катастроф Тома Рене).

Постнеклассическая наука исследует открытые и способные к самоорганизации *сложные* и *сверхсложные* системы¹⁰ (от физики и биологии до экономики и социологии), а также некие *сложные* комплексы, составной частью которых является человек (экологические, биотех-

10 Под *сложной* системой обычно понимается система, имеющая *сложное* поведение.

нологические и другие; ср.: *биосфера, ноосфера*). Изучение таких объектов способствовало разработке особого научного словаря *сложного* (ср. такие термины, как *вероятность, случай, энтропия, устойчивость, неравновесность, необратимость, хаос, бифуркация, нарушение симметрии, дальний порядок, аттрактор, эволюция сложного*).

Что же касается вненаучной сферы, то для современного сознания оказывается важным представление о том, что при интерпретации разного рода фактов и событий не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать содержащуюся в них меру *сложности*; ср. формулы типа *не надо усложнять VS. не надо упрощать <все не так просто>*; например: *Так вот, — закончил Сергей, — я могу тебе, в твоём нынешнем положении, сказать то же самое: с одной стороны, не надо усложнять, с другой — не будем упрощать!* (И. С. Шкловский, Новеллы и популярные статьи).

Вместе с тем, в современном языке сохраняется восприятие *простоты* как идеала, к которому следует стремиться при решении какой-л. проблемы (ср.: *все гениальное просто*), при восприятии мира (ср.: *смотри на все проще*) или же в повседневном поведении (ср.: *держись <будь> проще*). Отрицательная оценка *сложного* отражена в языке футбольных болельщиков, где отмечено выражение *быть на сложных щцах* — о недовольном, напряжённом лице.¹¹ Для массового сознания может сохранять свой ценностный статус отказ от *сложного* в пользу *простого* (ср., например, такие понятия, как *упрощение, адаптация, популяризация, обработка, модель*). В рамках такого типа мышления *сложные* вопросы подразумевают наличие *простых* ответов: *На самые сложные вопросы люди любят получать ясные и простые ответы* (Уппсальский корпус).

ЛИТЕРАТУРА

- Иллич-Свитыч 2003: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Ъ-К / Под ред. В. А. Дыбо. Изд. 2-е. М., 2003.
- Зализняк 2006: Зализняк Анна А. Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово *проблема* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2006.

11 На эти примеры мне указала И. Б. Левонтина. В Интернете можно также встретить выражение *иметь трудные щщи*; ср. также название коллектива музыкантов «Щщи проще». Вообще выражения, включающие слово *щщи* в значении 'щеки, лицо' (вероятно, восходящей к омонимии *щечки* уменьшит. от *щеки* и *щечки* — уменьшит. от *щип*) являются предметом живой дискуссии Интернет-сообщества [Левонтина 2010: 34–35].

- Климов, Халилов 2003: *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
- Левонтина 2010: *Левонтина И. Б.* Русский со словарем. М., 2010.
- САР 1789–1794: Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
- САР 1806–1822: Словарь Академии Российской. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1–. Л., 1966– (продолжающееся издание).
- СРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I–. М., 1971–. (продолжающееся издание).
- СРЯ XVIII в.: Словарь русского языка XVIII в. Т. I–. Л., 1984– (продолжающееся издание).
- Фасмер I–IV: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Pokorny I–II: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1959–1969.

О. В. Белова (Москва)

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА: МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ»*

Случилось так, что изучение этноконфессиональных стереотипов, бытующих в традиционной культуре, погрузило меня в область «народной лингвистики» и «фольклорного языковедения». Таким образом, тема «Язык и миф», блестяще раскрытая А. Ф. Журавлевым в одноименном фундаментальном исследовании с точки зрения этимологии, лексикологии и культурной семантики [Журавлев 2005], оказалась крайне привлекательной и для исследователя фольклорных традиций поликультурных регионов Восточной Славии. Именно здесь, на фоне длительного этноконфессионального соседства, воплотились в различных формах представления о «своих» и «чужих» обычаях, «своей» и «чужой» вере, «своем» и «чужом» языке.

В ряде работ мы уже пытались охарактеризовать народные представления славян о языке этнических соседей (как внутри славянского языкового континуума, так и в контексте контактов славян с неславянами), во многом мифологизированные, связанные с архаическими представлениями о чужаках [Белова 2008]. Второй неотъемлемой частью исследования стало изучение коммуникативных принципов и стратегий в ситуации разноэтничного соседства, сформировавшихся при непосредственном опыте языкового общения. Этой проблеме — на примере языкового общения славян и евреев Восточной Европы — мы посвятили один из разделов книги „Еврейский миф“ в славянской культуре» [Белова, Петрухин 2008: 288–301], причем основное внимание было уделено точке зрения славянской стороны межкультурного диалога.

Теперь пора выслушать и другую сторону. В ходе экспедиций в регионах бывшего тесного соседства славян и евреев —

* Статья написана в рамках проекта РФФИ «Время и пространство: семантика и символика» (08-06-00107а).

в Смоленской и Брянской областях, на Украине (в Подолии и на Буковине), в Гродненской обл. в Белоруссии — не раз приходилось записывать рассказы, посвященные языковой «картине мира» наших еврейских информантов. Надо признать — этот пласт народной прозы еще ждет детального исследования и таит множество интересного. На пути изучения фольклорных «лингвистических нарративов» вдохновляющим примером служит опыт наших израильских коллег — лингвиста М. Еленевской и фольклориста Л. Фиалковой, посвятивших целый ряд исследований отношению к иноязычной среде эмигрантов из бывшего СССР [Еленевская, Фиалкова 2005; Фиалкова 2007]. Их информанты, прибыв на «историческую родину», оказались перед выбором между «немотой и красноречием», а языковая адаптация в новой среде, где они вдруг снова оказались в положении «чужих» (в СССР и в России они были «чужаками-евреями», а в Израиле оказались «русскими»), для многих стала поистине эпическим испытанием [Еленевская, Фиалкова 2005: 110–143].

Наши информанты никуда не едут. Они навсегда — «русские» евреи (независимо от того, живут они сейчас в России, на Украине или в Белоруссии), прожившие жизнь в славянском окружении и теснейшим образом с ним связанные.

Для большинства наших рассказчиков еврейский язык (идиш) остался языком детства и отрочества, для многих это — «язык предков», на нем говорили местечковые бабушки и дедушки, а уже родители наших информантов сделали выбор в пользу русского языка. Древнееврейский язык знают (умеют читать молитвы) очень немногие из представителей старшего поколения (те, кому в детстве пришлось учиться в хедере или заниматься с учителем иврита). Однако, вне зависимости от степени знакомства с идишем или ивритом, факт причастности (даже опосредованной) к иной, отличной от славянской, языковой традиции остается для «русских» евреев значимым фактором их самоидентификации.

В СВЕТЕ ИСТОРИИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ВАВИЛОНСКОЙ БАШНЕ. Нам уже приходилось подробно говорить о том, что основным объяснением наличия множества языков (и народов соответственно) в славянской традиционной культуре являются народные пересказы библейского сюжета о Вавилонской башне и «смешении языков» [НБ: 285–289]. Оригинальную версию с «лингвистическим подтекстом» удалось зафиксировать и в еврейской среде, при этом рассказчик — житель города Тульчина (до Второй мировой войны — колоритного еврейского местечка в Подолии) — проявил своеобразный «патриотизм», отдав пальму первенства своему родному языку, идишу, который он, как и многие его земляки, воспринимает как «настоящий», «исторический» еврейский язык. В приводимом ниже рассказе причудливо сочетаются сюжетные линии нескольких библейских и

исторических эпизодов — это и строительство Вавилонского столпа (когда в результате его разрушения появляются *язычники* — носители разных *языков*!), и Исход из Египта, и «встреча на Эльбе», объясняющая, почему идиш похож на немецкий язык (сходство немецкого и идиша отмечают и комментируют с точки зрения «фольклорной этнологии» и носители славянской традиции, подробнее об этом см.: [Белова 2008: 391]).

«Все вообще-то когда-то, до нашей эры тысячелетия, все евреи были. Не было русских, не было татар, не было никого — все евреи были! Един язык! Даже когда были раскопки, то находят вот это, могилы, камни находят и написано на идиш. На идиш все там написано. И вот, значит, эти люди богатые, у них был один-единственный человек, который был какой-то домэк, а дом сделано из золота и бриллиантов. Серебро, золото вот это... И один человек, никто не имел права зайти в этот домэк, кроме, значит, этот человек. Он говорил с Богом. Бог шо-то ему говорил, то он потом разъяснил людям. И вот эти люди богатые, они хотели, значит, добраться до Бога. Вот они сделали очень большую... может, вы на экскурсии были? вам не говорили про это? И вот они сделали, значит, большую пирамиду, из камня выложили, и вот, значит, они хотели добраться до Бога. Бог это узнал через этого человека, который единственный человек, и вот он говорит, смотри, без разрешения [строят], я взял и развалил это пирамида, это высота, на которой они делали! И я, говорит, шоб они взяли разрешение, я бы им разрешил бы вот это... шоб они до меня добрались. Но раз они не сообщили, то развалил. Говорит, я щас сделаю так, шо сколько век будет стоять, и никто до меня не будет добираться. Что ж он сделал? Он сделал язычники. Вот на идиш говорите, на русском. Есть русские, евреи, шо на идиш разговаривают, есть татары, есть и грузины. И каждый в своей нации разговаривает, образовался, вот видишь, все люди... вы хотите что-то договориться, вы не знаете ихний язык. Вот он сделал это. И называют язычники <...> В Египет очень много издевались над евреями <...> И вот нашелся один пастух, он был очень умный человек, и его Бог подсказал это всё — шо он должен делать, как вывести евреи из Египта [идти через определенный морской пролив во время отлива]. И он всё время агитировал этот... Мойше-рабейну его звали <...> И вот в один прекрасный день собрал всех народ, израильтяне, и пошли туда за море. [Начался отлив, Мойше махнул палкой] и вот все евреи перешли через — это Нил называется <...> Люди шли [по пустыне], это ж территория очень большая, Синай, солнце печет, песок... И вот они добрались до границы. Самая ближняя граница — это немцы. И вот, значит, откуда немцы... они не хотели брать. Но пожалели и взяли немного [евреев], вот где американцы встречались с русскими вот на немецкой территория. И вот оттудова вийшло — немецкий язык сходится с еврейским. Они — всё понятно! И вот оттудова евреи обра-

зовались там и они, значит, начали говорить на идиш. А там Австрия имеется государство, и Австрия — тоже разговаривают по-немецки. Потом они, значит, дальше пошли. В Америка не хотели их принимать. Потом пошли в Россия, на Украину, и по всему, значит, свету, эти люди, первые люди, которые находились в Египте. По где вы только не хотите — в Аргентине имеются евреи, в Америке — евреи, в Англии — евреи, в Румынии — евреи, в России — евреи <...> [Язык идиш когда появился — позже или раньше иврита?] Раньше был идиш. Были раскопки, нашли вот эти могилы, написаны на идиш. Вот и сейчас пишется на идиш, все идиша буквы, а мы не понимаем, [потому что это] на иврите...» (Колоденкер Лев Шаевич, 1925 г. р., Тульчин Винницкой обл., 2007, зап. М. Каспина, С. Пахомова).

Иерархия языков. В распоряжении большинства наших информантов могло быть три языка — два еврейских [разговорный или (редко!) изучаемый в еврейской школе в 1920–1930-е гг. идиш и книжный иврит] и славянский (русский, украинский, белорусский — язык «общества» и «образования»). При этом в разных ситуациях эти языки по-разному располагались по иерархической шкале в зависимости от экстралингвистических обстоятельств.

«В мое время все... моя мама гимназию окончила <...> [Она по-еврейски умела писать?] Не-а, по-русски она умела. [А Вас учили на идиш писать?] Меня учили на иврите, а на идиш я говорил и научился... [А вот именно писать? Орфографию?] Орфографию, был грамматика, *dikdik* назывался. И все это... а идиш, к сожалению, в Молдавии, к идиш относились так... Так шо это язык простонародья...» (Клейман Исай Давидович, 1931 г. р., уроженец местечка Вад-Рашков, Бессарабия; Черновцы, 2006, зап. М. Каспина, Н. Киреева).

«Ну и вот у нас были книги, но я их... брат еще немножко знал *немецко-еврейский* (sic!), а я так и не научился. Не учился нигде и об этом не знаю <...> [А белорусы идиш знали?] Мои ребята по школе, вот Ковалёв Шурик, он профессором потом был в Москве, вот как и я, так и они знали. Но могу вам сказать, что вот в детстве в школе мы говорили на идиш без всякого стеснения... в Рославле этого уже не было, евреи делали вид, что идиш они уже не знают» (Кугелев Меер Симонович, 1923 г. р., уроженец м. Милославицы Климовичского р-на Могилевской обл.; Смоленск, 2005, зап. О. Белова).

«Одно дело читать и говорить на идише, другое дело — знать „настоящий“ еврейский язык. Тут называют *Пурим*, а у нас называли *Пирим*, потому что язык идиш у бессарабов отличается от буковинского. [Жена рассказчика Мария: «колорит другой»]. Тут *маца*, у нас — *моце*, *Пурим* — *Пирим*. *Ханука* называлась *Хонеке*. Даже когда я пел в хеседе еврейские песни на чисто идиш, они воспринимали его как правильный язык» (Кличинский Михаил Григорьевич, 1932 г. р., уроженец с. Фараоновка, Бессарабия; г. Сторожинец

Черновицкой обл., 2006, зап. М. Каспина, Н. Киреева, А. Полян, О. Белова, Д. Малюта, С. Копелян).

В последнем примере показательно различие идиша и «настоящего» еврейского языка, под которым рассказчик понимает древнееврейский — язык Торы. В то же время М. Г. Кличинский настойчиво обращал внимание собирателей на диалектные различия в идише, которые еще не раз станут предметом обсуждения наших информантов. При этом каждый носитель идиш-диалекта именно свой диалект считает «правильным», «чистым» и более благозвучным.

«КДА: А вот это самое, кто у нас едет... Любовь Самуиловна — из Белоруссии.

КВН: Нет по-моему, с Украины. У нее идиш украинский, не наш литовский. Идиш же разный! Вот более твердое произношение — это литовские евреи. Мы как раз Брянск — это всё литовские евреи. А она читает на двух идишах...

КДА: Она более мягко говорит.

КВН: ...заметили? И вот когда более твердый, это литовское, а более мягкий и иное такое произношение — недалекое от немецкого — это украинский.

КДА: Это украинское.

КВН: Вот приглядитесь!»

(КДА = Кулешова Даша Абрамовна, 1947 г. р., КВН = Кривошеева Вера Николаевна, 1948 г. р., уроженки Брянска; Брянск, 2008, зап. М. Каспина, О. Белова).

Иногда все же отдается дань справедливости, и носители украинского идиша признают статусность литературного идиша (на основе его литовского диалекта).

«Правильный идиш — это литовский. Так и говорили — *литвише*. А у нас на Украине больше влияние украинского языка. У нас будет „миме“ — тётя, а литовские евреи говорили „муме“. Литературный — литовский» (Воллернер Софья Филипповна, 1910 г. р., Киев; Черновцы, 2005, зап. М. Каспина, О. Белова).

Иврит для наших информантов в большинстве случаев — далекий и «чужой» язык. И если идиш — это язык «народных масс», то иврит понимается в первую очередь как язык религиозного сообщества, даже в ущерб историческим фактам:

«Когда была Голда Меир, то вот эта Голда Меир настаивала, чтоб только — раз образовался еврейское государство, чтобы говорили на идиш. А там же, значит, большинство [при голосовании], которые вот эти пейсатые, всего три голоса перевесили, и стало на иврите!» (Колоденкер А. Ш., 1925 г. р.; Тульчин, 2007, зап. М. Каспина, С. Пахомова).

В общении с молодым поколением, живущим в Израиле и говорящим на иврите, у стариков возникают проблемы: среди идишских слов, сохранных памятью, не находится ничего похожего на язык,

которым изъясняются внуки, утрачивающие постепенно и русский язык.

«Ну а теперь у меня уже правнук есть в Израиле, тот знает иврит. Звонит мне и кричит: «Дед, мама не дает мне *гиниш, виниш, тиниш...*», — ну, короче говоря, мороженое на иврите. А я же не знаю, что [это] такое. Ну вот, думаю, вот разговаривай с ним, когда он, значит, жалуется мне, а я не знаю, что сказать!» (Кугелев М. С., 1923 г. р.; Смоленск, 2005, зап. О. Белова).

Любопытно, что некоторые наши еврейские информанты, выросшие в русскоязычной среде, воспринимают идиш сквозь призму немецкого языка. В их интерпретации они понимали идиш не потому, что были евреями и в детстве слышали и воспринимали разговорный язык бабушек-дедушек, а исключительно потому, что учили в школе немецкий.

«...У бабушки была сестра, которая умерла в 40 лет, это я была где-то в третьем классе, и ее муж Наум, он больше не женился, он постоянно приходил к бабушке, и чтобы мы ничего не понимали, они вели разговор на иврите. На идише, прошу прощения, на идише! И это было очень смешно, потому что все равно какие-то слова я... мама у меня уже не разговаривала, но понимала. Я у мамы спрашивала, она мне переводила, а с первого класса я учила немецкий, и я прекрасно понимала, о чем они говорят!» (Кулешова Д. А., 1947 г. р., Брянск, 2008, зап. М. Каспина, О. Белова).

Потребность в «своем» языке. «[Мама] очень хотела всегда поговорить по-еврейски. Она хорошо говорила по идиш — свободно, спокойно всё... <...> и у нас вокруг только русское окружение было. Поэтому у нас сложнее было <...> Мы шли обычно гулять все втроем [родители и Вера]. Отец говорил, это — прививка против антисемитизма [отец Веры — мордвин]. Вернее, мы даже четвером вначале ходили, еще брат. Вышли гулять — прогулка называлась. Идем там на „Чермет“». Там были такие желтые домики, где всякие бывшие военные жили, а за ними была хатка, такая небольшая, голубоватая, и в ней жил мал-мала, сколько же было этих Непомнящих! Старик Непомнящий, древний по отношению к матери, а мать была 17-го года рождения. Его старуха, с вечно перепачканным передником, потому что вечно надо было всё варить. Еще там двое сыновей, внуки, правнуки, всё-всё-всё бегало. И вот, как только мы подходили к этому дому, а в окне, значит, появлялась фигура этого дли-и-инного-длинного, худого старика Непомнящего. Он спускался к нам по ступенькам и сразу говорил: „Гивка [произносит с «еврейской» интонацией и картавым «р»], ну здравствуй“, — и потом шло всё по идиш. Она ему — он ей. Она ему — он ей. Отец стоял рядом, улыбался, кивал, улыбался и кивал. А я немецкий учила, брат ничего не понимал, а я немецкий учила, я, конечно, понимала суть все-таки, я рассказы-

вала ему потом. Потом, значит, мы уходили, и мама пересказывала ту же суть отцу. А он улыбался и кивал! Потом однажды, у нас было так, что я шла с отцом, мать была где-то занята и мы шли с отцом. И выскочил этот же самый Непомнящий и говорит: „Ой, Коля, Коля, Хрущев *шифт* послал, Хрущев *шифт* послал, маленький народ истребить хочет Хрущев!“ — „Да-да“, — говорит отец, улыбается. Я дёрг его за руку, мы с ним договорились, если что не так, дергаю всегда за руку. „Да-да, — говорит он тогда серьезно, — да-да“. И так долго он рассказывал на идиш, как это тяжело, какое это безобразие, как это нельзя истреблять народы! Один другому. Вот такой был старик Непомнящий, так что я идиш знала! <...> Значит, мама у меня преподавала русский и литературу в вечерней школе. Ну, она родилась здесь, в Брянске <...> А так общения на языке ей не хватало <...> Мать отводила душу, когда к сестре на Урицкого ходила или когда с этим товарищем, с Непомнящим разговаривала» (Кривошеева В. Н., 1948 г. р., Брянск, 2008, зап. М. Каспина, О. Белова)

Рассказ В. Н. Кривошеевой — живописная зарисовка из жизни послевоенного «еврейского» Брянска, когда на улицах города еще можно было слышать еврейскую речь. Обращает на себя внимание целый ряд деталей. Это «ностальгическая» потребность учительницы русского языка пообщаться на родном еврейском языке, который еще не окончательно «ушел в пассив», это заинтересованность детей, еще понимающих разговорный идиш (правда, здесь опять возникает мотив «немецкого посредства»!), и немое участие в разговоре родственника не-еврея (о них речь еще впереди).

Полиглоты. Любимая тема наших информантов — это рассуждения о том, как в прежние времена люди свободно владели несколькими языками и свободно общались. Отметим, что и многие информанты-славяне с гордостью говорили о своем знании еврейского языка (и старались доказать это, припоминая слова и выражения на идише, запомнившиеся им со времен тесного общения с соседями-евреями) [Белова, Петрухин 2008: 295–301].

Вот несколько рассказов на эту тему, записанных от евреев.

«Черновицы — на перекрестке всех дорог. Родной язык — немецкий. Евреи знали еврейский, украинский — надо было ходить на базар. А наши домработницы хорошо говорили по-еврейски — жили в одних дворах. Румынский не привился. В образованных семьях как не знать иностранный язык? Учили английский и французский. Тут были все полиглоты. Местные необразованные — портниха и меховщик, так они очень хорошо говорили и писали по-немецки» (Воллернер С. Ф., 1910 г. р.; Черновцы, 2005, зап. М. Каспина, О. Белова).

«А есть у меня столько подруг, они поумирали, шо жили с нами на одной улица. Такие шо говорили... Говорили же большинство и

по-немецки и по-еврейски. И эти девочки-подружки, и эти друзья — это все говорили со мной по-еврейски, как я, так и они!

[А хорошо говорили?] То шо надо! есть еще одна Мила. Я не знаю, она умерла или есть ее еще — нет. По-немецки или по-еврейски.

[Хорошо говорили?] Хорошо! так, как все евреи! Они родились, а ихние мамы и бабы были у евреев. Не́ была разница!

[А в селе украинские крестьяне тоже могли с евреями по-еврейски говорить?] Я не знаю, эти простые украинцы некоторы́ми знали...»

(Гимельбрандт Рива Фридриховна, 1932 г. р., уроженка Черновцов; Черновцы, 2007, зап. М. Каспина, О. Белова, Н. Киреева, Л. Жукова).

По воспоминаниям наших информантов, идиш причудливо смешивался с русским, что добавляло колорита в речь местечковых евреев.

«КВН: А меня больше всего всегда поражало в еврейской в нашей Унече, с идишем интересно. То же самое по-русски и по идишу. Вот: *lesen vider leifen* бегом. [Смеется]. Вот — больше чем «бежать бегом!» *Leifen*, а потом *бегом* идет. А чего, серьезно!

КДА: Я никак не забуду, когда ругались-ругались — дядя Наум говорит на моего отца: „Абгам, шлимазеле, не будь дураком!“ Я говорю — так ты уже на одном языке выражайся!

КВН: Это непередаваемо, когда дублирует еще русское слово на всякий случай! Непередаваемое ощущение!»

(КВН = Кривошеева В. Н., 1948 г. р., КДА = Кулешова Д. А., 1947 г. р.; Брянск, 2008, зап. М. Каспина, О. Белова).

Освоение «чужого языка». Как уже упоминалось, предмет особой гордости информантов-славян, проживавших в соседстве с евреями, составляет сохранившийся в памяти «идиш-разговорник», которым пользовались при повседневном общении, на базаре, на работе. Иногда даже кажется, что рассказчики преувеличивают степень своего знакомства с языком соседей. Однако рассказы евреев подтверждают, что дело обстояло именно так.

«[Дед рассказницы был заготовщиком кож в подольском местечке Тульчин Винницкой обл. Вопрос: А эти украинцы, которые с дедом работали, они еврейский язык знали?] Исключительно! Понимать они понимали. Не все. Но понимали, потому что это село было настолько близко к нашему городочку, и они столько много лет дружили, что они объевреились все. Все объевреились. Я до сих пор помню: один приходил — Павло. Он приезжал к нам и по-еврейски разговаривал с дедом. А я всегда думала, я же малая была, я думала, что он еврей. А потом, по мере того, как я выросла, я поняла, что он чистых кровей украинец был с окрестного села. Они настолько были дружны, что мы ездили на свадьбы к ним в села. Я еще другое помню, что они нас с этого села... они нас спасали. Дедушка рассказывал, что этот Подольян нас прятал в погребе <...> [Дед КМА приглашал

украинцев, с которыми работал, на все свадьбы в своей семье.] Они были самые дорогие гости, очень желанные и очень почетные, потому что они были как братья. Украинцы приходили из окрестных сел, с некоторыми из них дед был дружен десятилетия и двадцати-летия» (Клузман Муся Абрамовна, 1941 г. р., уроженка г. Тульчина Винницкой обл.; Черновцы, 2007, зап. О. Белова, Е. Солопова).

«И ходят в нашу общину два русских мужчины, да. И сами оне баптисты. Так один из них, полуслепой, и живет он в этом доме, где наша община. Так он уже там по знакомству с этой общиной, с начальством, и он туда приходит. То мусор уберет, то еще что-нибудь, уже присутствует при всех наших, субботней — трапезу эту. Ну вот, уже давно он ходил к нам один, а потом смотрим — еще один появился, тоже русский мужик, моложе этого <...> И что вы думаете — вот когда объявляет этот наш ведущий — Григорьич, он ведет у нас субботу, и когда он обращается с поздравлением субботы и песню „Шабат шáлом“, и эти двое мужиков поют эту песню на еврейском языке, вот я так на... английском не спою! Как оне поют на еврейском вместе с нами» (Аршанская Ента-Хая Евелевна, 1917 г. р., Клинцы Брянской обл., 2008, зап. М. Каспина, О. Белова).

Происходило и приобщение евреев к славянской языковой стихии, и здесь также немалую роль играли домашние няни. Следующая история — из жизни интеллигентной ассимилированной еврейской семьи, обитавшей в Киеве на Крещатике в собственном доме. В семье было принято говорить по-русски, поэтому рассказчица особо подчеркивает, что няня ее была «образованная» и тоже пользовалась в общении русским, а не украинским. Здесь опять возникает представление о статусности языков, и русскому отдается первенство, что характеризует языковую ситуацию дореволюционного Киева, для которого украинский был языком окрестных сел.

«У меня была грамотная православная няня. Она меня таскала по церквям и монастырям. Водила на крестины, на свадьбы <...> няня была некрасивая, в оспе. Образованная. А семья была — торговки на Бессарабке. Няня Маланя. На русском говорила. Украинский язык такой неграмотный, всё перемешано» (Воллернер С. Ф., 1910 г. р.; Черновцы, 2005, зап. М. Каспина, О. Белова).

Для сравнения приведем рассказ человека, чье детство прошло в городе Хотине, на границе Северной Бессарабии и Буковины. Евреи Хотина не были подвержены ассимиляции, идиш был языком общения. Но герой рассказа, как это ни удивительно, активно овладел идишем не сразу — благодаря няне-украинке, с которой он проводил почти все время, мальчик сначала освоил русско-украинский «суржик».

«Мать... она была обеспечена, отец ее обеспечивал, мы жили материально неплохо, и она не была вынуждена работать. Она, значит, была домохозяйка, воспитывала детей и так далее. И кроме этого

была еще прислуга тоже — помогала варить и уборку делать, и так далее. И одновременно была она и няней тоже моей. Она была местная украинка, вот когда я начал... учился говорить, так я научился говорить по-русски и кроме того она со мной тоже много времени проводила, эта няня, так она разговаривала по-украински — так я научился от нее и украинские слова. Но тогда я не знал, что это разные языки, и вот я говорил на таком „суржике“ — половина русский, половина украинский [смеется]. А в четырехлетнем возрасте, когда я стал уже сам выходить на улицу, во двор, так я научился от еврейских ребят по идиш, по еврейскому языку. Говорить, только разговорную речь. А потом, когда отец нанял учителя, так он мне не идиш учил, он мне учил иврит. Я начал с азов, алфавит, и он долго — что-то несколько лет — к нам приходил» (Гурфинкель Лазарь Михайлович, 1924 г. р., уроженец г. Хотин, Северная Бессарабия; Черновцы, 2008, зап. О. Гордон, С. Ериш).

НЕЕВРЕЙСКАЯ РОДНЯ. Интересные подробности раскрываются в рассказах о «породненных лицах», вошедших в еврейскую семью неевреев (невестках, зятях). В большинстве воспоминаний «присымыш» представлен даже большим евреем, чем его новые родственники, с успехом осваивает язык и обычаи и становится любимцем семьи. И хотя каждый такой случай рассказывается как произошедший на глазах информанта, набор характеристик-клише, однотипная структура рассказов могут свидетельствовать в пользу того, что перед нами — успешно приживающийся в традиции фольклорный стереотип. Приведем несколько примеров.

«У нас председатель колхоза [еврейский колхоз «Най лэбэн» в м. Милославици Климовичского р-на Могилевской обл.] женился на цыганке <...> Цыганку вот как взял. К нам в деревню еще до революции и после приезжал какой-то табор с Украины. И в этом таборе была Маринка, которая вместе с нами играла в мячи, а потом, когда я перешел в 5-й класс, уже Маринка стала ходить в широких юбках и по домам — гадать. И вот эта Маринка... А председателя колхоза наградили тоже за коноплю, за ращение — велосипедом. И он начал катать Маринку, и, видимо, когда ей было лет 15, и он на ней поженился. Эта Маринка стала работать в колхозе, *стала настоящей еврейкой, свекровь от нее не могла нарадоваться, и тоже выучила идиш, и говорила так, что...*» (Кугелев М. С., 1923 г. р.; Смоленск, 2005, зап. О. Белова).

«Могу рассказать историю смешанных браков. Это сестра моей матери, Мария Суперфин, по мужу Шук, в 15-летнем возрасте уже была портнихой. Она ездила по богатым шляхтичам, это вроде дворяне не дворяне польские, и их там обшивала. Обшивала, конечно, не очень, наверно. И вот в одном доме она шила там что-то в 15-м году. И в это время сын, Иван его звали, после ранения, после госпи-

тая, прибыл домой в отпуск. И встретил там Маню. И Маня и Ваня друг с другом сошлись. Но разговора о том, чтобы пожениться — это был страшный разговор — быть не могло. Тогда в одну прекрасную зимнюю ночь они запрягли жеребца, который славился своей прытью во всей округе, и за 80 километров махнули в Рославль... [Потом молодые уехали в Донбасс.] <...> Прожили они долгую жизнь, лет 60, в мире и согласии... Но самое интересное, что *отец Мани и мать последнее время жили с ними и над этим Ваней Богу молились. Иван прекрасно говорил на идиш* и при этом вот со мной разговор был после войны: „Я самый счастливый человек. Вот. Мои родители были католики, католическую пасху я, конечно, отмечаю. Но я же живу среди православных — тоже [отмечаю], а Маню же я обидеть не могу — вот мы мацу печем каждый год. Вот, и я три пасхи справляю и самый счастливый человек“» (Кугелев М. С., 1923 г. р.; Смоленск, 2005, зап. О. Белова).

«У меня муж был русский <...> Ну мы приехали в Брянск. Через полгода мой муж заговорил на идиш! Я не умела, а он — он заговорил! Это был такой, главное, цирк! <...> Да... Я говорю, так я не поняла, откуда ты нахватался? „Да что ты, у тебя слуха нет что ли?“ [Смеются]. И вот они сидели с дядей Наумом <...> и вот, когда ему нужно было... я говорю, вы секретничаете, вы ж не понимаете, что я как мама — не говорю, но я ж понимаю!» (Кулешова Д. А., 1947 г. р.; Брянск, 2008, зап. М. Каспина, О. Белова).

УТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДСТВО. И в заключение — несколько слов о тех, для кого «язык предков» так и остался «иностранным». Воспоминания о «причастности» к иной языковой стихии у этих рассказчиков приобретают форму ностальгических меморатов о детстве, о бабушке или дедушке, которые могли говорить как-то «не так», о милом комизме иногда возникавшего непонимания, о так и не освоенном пространстве «своего», но при этом «чужого» языка.

«В общении с дедушкой, с бабушкой, я какие-то еврейские слова знал. [Например?] *Кум!* [Иди! — идиш.] Потому что когда с дачи, то есть из Суража, привезли меня в Москву, на Сретенский бульвар, я стоял около этого... не телеграфного, а электрического столба, фонаря, старался его качать и плакал, и кричал: *Бум, яблоко! Кум, яблоко!* То есть там они снимали у соседа, у которого был этот сад, они на лето, родители, снимали его — чтоб я туда мог прийти и сорвать яблоко любое, и раскатать, чтоб вот, это, упало оно. То есть я привык, что вот яблоки мне падают ко мне, и что это *кум*. Это вот я знал, какие-то такие отдельные слова <...> В детстве меня учила моя бабушка, учила еврейскому языку. И говорила: „Вот иди скажи этой старенькой бабушке [т. е. прабабке рассказчика. — О. Б.], чтоб она тебе дала яблоко“, — предположим. Мне было что-то три года или так... „Пойди и скажи: *Бобэ, гиб мир эпл!*“ И я решил: *Бобэ* — это

обращение. И у меня вот так это и сложилось, что у меня одна бабушка — *Бася*, а другая бабушка — *Боба*. [Смеется.] Так я ее в детстве звал...

<...> Такого, что садишься за субботний стол, что садишься, что мы будем справлять сегодня *ша́бас* или как это называется? *ша́бат*? этого я не знал. Даже слов этих я не знал. Может быть, при мне, потому что тут была еще ситуация... что... также, как и у русских — что очень часто эти партийцы крестили детей, и, значит, этот... отец ребенка говорил: „А я и не знаю... это ж мои вот старики, а я вот... я ничего не знаю!“ <...> Подоспели другие дети, другие внуки. И они попали, вот моя двоюродная сестра, причем она это... наполовину, у нее отец русский. Вот уже жили там в Салтыковке. А тут уже после войны он [дед] стал общественный еврейский деятель, в смысле что он был один из организаторов еврейского кладбища в Салтыковке <...> И тут уже начались все субботние... Мне, когда они ходили в церковь [характерная оговорка! типична для речи русскоговорящих ассимилированных евреев. — *О. Б.*], то есть это... в синагогу — не было синагоги [в Салтыковке]! Они при мне даже не называли, но, хотя это, кажется, официальное название — что они ходили *ин шул*. „Куда вы пошли? Куда вы идете?“ — „В школу“. — „А зачем вам в школу?!“ Ну вот, я узнал, что это „школа“ — *шул*. А с Галкой уже было другое: „Надоели мне ваши *ша́басы*! Не хочу я здесь с вашими *ша́басами*!“ Ей было десять лет там. Но при мне всего этого не было...» (Смолицкий Виктор Гершенович, 1926 г. р., уроженец г. Москвы; Москва, 2005, зап. О. Белова).

ЛИТЕРАТУРА

- Белова 2008: *Белова О. В.* Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2008. С. 380–396.
- Белова, Петрухин 2008: *Белова О., Петрухин В.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., Иерусалим, 2008.
- Еленевская, Фиалкова 2005: *Еленевская М., Фиалкова Л.* Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. М., 2005. Ч. 2.
- Журавлев 2005: *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- НБ: «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Фиалкова 2007: *Фиалкова Л.* Коли гори сходяться. Нариси українсько-ізраїльських фольклорних взаємин. Київ, 2007.

В КУСТАХ РУЧЕЙ ЦЕЛУЕТСЯ С РЕКОЮ...

(«семейные» образы в лексике речного ландшафта)*

В заглавие этой статьи вынесена строчка из стихотворения А. Коренева «Полуденное небо. Край земли». Она содержит вариацию образа, который встречается в художественной литературе и фольклоре не часто, но вполне устойчиво, и трактует речной ландшафт через призму взаимоотношений людей, точнее — связей матери и ребенка, мужа и жены, братьев и сестер, влюбленных и др. (условно говоря, семейных отношений). Напомним некоторые фольклорные примеры такого плана, которые рассмотрены, в частности, в известной статье Я. И. Гина [1992] о былинном эпосе: реки Днепр и Сож — братья; Днепр — батюшка; Волховь (форма имени Волхов) — матушка; Непра (женская «ипостась» Днепра) — мать богатыря Сухмана, который сам становится Сухман-рекой; Дон может иметь отчество — Иванович (добавим: по Иван-озеру, из которого он вытекает¹. — Е. Б.), а порой к нему выступает Непра-королевична и т. п. [Там же: 112–113]. Как удалось показать Я. И. Гину, логика разворачивания «семейной» метафоры во многом определяется грамматическим родом названия реки. «Семейные» речные образы встречаются не только в былинах, но и в малых фольклорных жанрах, ср., к примеру, загадки о «взаимоотношениях» реки и ее притоков: «Есть мать — как вырастут у ней большие дети — всех пожирает», «Какая мать своих дочерей сосет?» (река, море) [Садовников: № 1537, 1550]².

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

1 Ср.: «Два брата родные, оба Ивановичи, да один Дон, а другой Шат (реки Дон и Шат обе текут из Иван-озера)» [Даль² 1: 124].

2 Образный эффект в данном случае в определенной степени основывается на оживлении стертой внутренней формы слова *устье*.

Если фольклорные данные обнаруживают системно-языковую обусловленность «семейных» образов, то можно предполагать наличие таких метафор и в собственно номинативной системе, в обозначениях элементов речного ландшафта — как апеллятивных (в гидрографической номенклатуре), так и проприальных (в гидронимии)³. Этот вопрос, кажется, специально не изучался, что побуждает нас рассмотреть его в настоящей статье. Думается, что направленный поиск звеньев «семейной» метафоры поможет семантической реконструкции отдельных темных слов (пример такой реконструкции с опорой на систему вторичных значений лексики родства представлен в работе А. Ф. Журавлева о слове *детинец* ‘крепость’ [2002]). Материалом для статьи послужили данные славянских языков и диалектов (преимущественно русских), которые в типологических целях иногда дополняются неславянскими фактами.

В лексике речного ландшафта представлены следующие образные ряды:

- родители и дети;
- брачные отношения;
- холостяк, вдова;
- братья и сестры;
- кулмение.

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ. Для обозначения основного русла реки, фарватера, а также родника, источника и др. в общеславянском масштабе используется образ **матери**: рус. сиб. *матеря́я* ‘основное русло реки в отличие от рукавов’, арх., влг., перм., сиб. *матеря́я*, кемер., заурал. *матка*, арх., оренб., перм., сиб. *матері́к* ‘фарватер реки’, ст.-укр. *матка* ‘русло реки’, серб. *ма́тица* ‘источник’, *ма́тичийште* ‘средняя, наиболее глубокая часть речного русла’, болг. диал. *майка* ‘исток реки’, ‘родник’, ‘каптаж воды, источник’, *ма́тица* ‘русло реки’, ‘родник, источник’, *ма́тка* ‘русло реки; глубокое место реки, где она никогда не пересыхает’, ‘сырое, болотистое место, где собирается вода’, макед. *матка* ‘середина реки’, *ма́торник* ‘главная канава в виноградунике для слива воды; старая, глубокая яма с водой’, ст.-польск. *tasica* ‘исток потока или реки; главный источник, основное русло реки’, польск. *tasica* ‘главный ключ, главный источник’ [ЭССЯ 17: 135, 253, 259–263; 18: 15–18; СРНГ 18: 22, 23, 32; Григорян: 127–129] и мн. др. Широко распространены фольклорно-разговорные эпитеты-приложения

3 Приводя примеры из нарицательной лексики, мы стараемся дать весь собранный материал (пусть немногочисленный и, конечно, не исчерпывающий), а подачу географических названий ограничиваем несколькими более или менее прозрачными иллюстрациями, поскольку полный анализ фактов топонимии потребовал бы пристального внимания к мотивам номинации в каждом конкретном случае, к необходимости разграничивать качественные (метафорические) и поссесивные названия etc.

к названиям рек: Волга-матушка, Ока-матушка, Кама-матушка и проч. «Материнская» метафора представлена и в гидронимии: рус. *Матка*, р. (сред. левобереж. Поочье) [Смолицкая: 96], костр. *Матка*, р. [ТЭ], *Мать*, *Мать-болото*, бол. (Приладожье) [СГЮВП: 19], серб. *Matica*, р. (Черногория), макед. *Маторник*, местность у озера (Леринско) [ЭССЯ 17: 253, 260], укр. закарпат. *Матка*, руч.; черновицк. *Матка*, р. [СГУ: 355] и др.

Что касается образа **отца**, то он, кажется, не закреплен в славянской гидрографической лексике (за исключением формул вроде Дон-батюшка). Очень редко «отцовская» метафора встречается в гидронимии, ср. влг. *Отец-озеро*, оз.; арх. *Отец*, перекат⁴ [ТЭ].

Образы родителей воплощают качественные смыслы («большой, крупный по размеру», «главный, основной»⁵, «срединный», «питающий, кормящий»)⁶, но есть в нем и релятивная составляющая («являющийся источником чего-л.»).

Развитие релятивной семантики приводит к тому, что у родителей появляются **дети** — притоки, протоки, рукава и т. п.

«Детские» образы могут быть выражены с помощью словообразовательных средств, ср. костр. *речёнок* 'ручеек' [АКТЭ]. Чаще всего такими средствами пользуется топонимия: рус. алтай. *Лебедёнок* (*Лебяжонок*), оз. — «Лебяжонок тоже как дитя его, озера Лебяжьего»; *Обутенок*, оз. — «Озеро Обутошно, Обутенок приток ему небольшой, как племянник будет»; *Козлёнок*, оз. — «Небольшое озерко от Козлова озера, с ним соединяется» [РТА: 126]; влг. *Быстренок*, р. — «Быстренок маленький, как ребеночек у Быструхи»; арх. *Кодёнок*, приток р. *Кода*; ср.-урал. *Аксаренок*, приток р. *Аксариха* [ТЭ]; терск. *Баксанёнок*, приток р. *Баксан* [Семенов I: 191] и др.

Более ярко звучат образы детей в собственно лексическом выражении: рус. арх. *детинка*, *детиночка* 'маленькое озерко, соединенное протокой с другим озером': «От озера к детиночке височка есть,

4 Речь идет о самом крупном и мощном перекате на р. Ваеньга, рядом с которым находится перекат *Матушка*. Укажем, что названия *Отец* и *Матушка* употребляются относительно редко и в особых контекстах; в качестве основных обозначений этих перекатов функционируют соответствующие по грамматическому роду топонимы *Воронец* и *Чолча* [ТЭ].

5 Семантически близко рус. сев.-двин. *самик* 'фарватер реки' [СРНГ 36: 75]: в этом слове проявляется не столько «мужской» смысл (ср. влг., новг., петерб., пск., свердл. *самик* 'особь мужского пола животного; самец' [Там же]), сколько идея «самости» (сев.-двин. 'основное в предмете', 'твердая дорога во время метели или распутицы' [Там же]).

6 Такая семантика имеет многочисленные параллели за пределами русского и других славянских языков, претендуя на статус универсалии. Приведем лишь один пример: в коми топонимии встречаются названия вроде *Эньты*, оз. (коми *энь* 'мать, жена, самка', *ты* 'озеро'), *Айвож*, р. (коми *ай* 'отец', *вож* 'приток'). В этих и других подобных случаях термины родства *ай* и *энь* в топонимическом употреблении указывают на величину объекта [Туркин 1986: 8, 136].

детиночка как дитятко у его» [СГРС 3: 220], арх. *усы́нка* ‘небольшое озеро, соединенное протокой с другим озером, небольшой залив’⁷, арх. *пасынок* ‘рукав реки’ [КСГРС], воронеж. *пасынок* ‘ответвление холма, оврага’ [СРНГ 25: 270], блр. диал. *пасынак* ‘приток реки, ручья’ [ЭСБМ 8: 205]; ср. также исп. *hijuela* («дочка») ‘отводной канал’ [DNMLE II: 2277]. «Пасынки» и «сынки» закреплены и в гидронимии: укр. дон. *Донов Сынок*, овраг [Отин 1989: 126], рус. прикам. *Под Черное Пасынок*, оз.; *Пасынок Кривого*, оз. [Торопов: 378, 121], влг. *Большой Пасынок* — *Малый Пасынок*, р. [ТЭ], мурман. *Пасынок*, р. [Минкин: 177, 182] и др.

Интересна диалектика образов ребенка (сына) — **пасынка**: в первом сильнее проявлена идея «порождения» рекой, во втором — идея отделения от нее. Последняя находит логическое продолжение в метафоре **сироты**: болг. диал. *сирѧк* («сирота») ‘небольшой арык, отведенный от главного канала для орошения лугов, садов и проч.’ [Григорян: 200; БЕР 6: 687]. Признак отдельного расположения «сирот» (вдалеке от других объектов одного с ними класса) реализуется и в топонимии: влг. *Сиротинка*, р.; арх. *Сиротка*, бол. [ТЭ]; *Сиротинка*, р. (сред. левобереж. Поочье) [Смолицкая: 95], *Сиротинка*, р. (Верх. Поднепровье) [Топоров, Трубачев 1962: 59].

Приведенный материал позволяет задуматься о пересмотре этимологии воронеж. *усыночек* ‘маленький заливчик’, которое М. Фасмер считает тюркским заимствованием, сопоставляя с др.-чув. **ösön*, казах. *ösön* ‘ручей, река’ [Фасмер 4: 173]. Представляется, что перед нами «семейный» образ. Эта версия поддерживается не только арх. *усы́нка* ‘небольшое озеро..., небольшой залив’ (с точки зрения лингвогеографии доля вероятности тюркского происхождения для архангельского слова не очень велика), но и наличием словообразовательно-мотивационных параллелей в других семантических сферах: обл. *усы́нок* ‘конусообразная рыболовная сеть, вставляемая передней широкой частью внутрь верши’ [ССРЛЯ 16: 1012] = перм. *пасынок* ‘то же’ [СРНГ 25: 270]⁸. Несколько смущает только префиксация слова *усыно́к*. Для подтверждения этой префиксальной модели мы располагаем лишь приведенным выше арх. *усынок* ‘усыновленный ребенок’, ср. также глаголы *усыня́ть*, *усыни́ть* = *усыновить* [Даль₂ 4: 517]⁹.

Брачные отношения. Слияние рек может восприниматься как их **женитьба**, ср. рус. влг. *жені́ться* ‘сливаться (о реках)’: «Реки-то стекаются, женятся, от их потом другая река идет, как детеныш их. Сухона

7 В плане префиксации ср. арх. *усы́нок* ‘усыновленный ребенок’ [КСГРС].

8 В рыболовецкой терминологии образ сына (пасынка) «наведен» образом матери: с помощью «материнской» метафоры во многих славянских языках обозначается основной корпус ловушки на рыбу или мотня невода.

9 Быть может, *усынок* образован от метафорического значения глагола *усынить* (принять за сына → *присоединить что-л. к чему-л.)?

и Юг поженились, а от их Северная Двина началась» [КСГРС]; ср. также англ. *to marry* 'соединяться' с иллюстрацией «Where the waters marry» («Где потоки женятся, т. е. сливаются в один») [ABBYU Lingvo x3]. Любопытная разработка этого образа обнаруживается в итальянской лингвокультурной традиции, ср. итал. *sposa* («невеста») 'ручей, который вливается в большую реку' [Battaglia XIX: 1016]. «Женихом» реки или моря может выступать город — такой как Венеция: итал. истор. *spasare il mare* («жениться на море») 'праздновать каждый год очень пышно свадьбу Венеции с Адриатическим морем (Венеция выступает в лице дожа)' [Там же: 1017], *nozze del mare* («свадьба моря») 'религиозная церемония, которая проводится ежегодно в Венеции: символизирует главенство города над морем' [Там же, XI: 619].

Свадебный образ иногда получает дополнительную поддержку в особых физико-географических свойствах сливающихся рек — разных цветовых оттенках их вод, ср. впечатления В. В. Радлова о месте слияния горноалтайских рек Бия и Катуня, которые, по легенде, являются мужем и женой¹⁰: «... Открывался новый вид на могучий поток Бия и приближающуюся к своему супругу Катуню... теперь они продолжают путь уже вместе, но девичий стыд еще не позволяет ей слиться с ним, и отчетливо видно, как обе текут, не сливаясь, в одном русле, справа — река Бий с ее светлыми, прозрачными водами, слева — беловато-желтая Катуня» [Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 17. — Цит. по: Тадина 2007: 152]. Этот же природный феномен наблюдается в устье Рио Негро в Амазонии: «Свадьбой рек называют место, где Рио Негро (один из самых крупных притоков) сливается с Амазонкой. В Амазонке вода мутная, желтоватого оттенка. В Рио Негро вода черная, потому как ее воды насыщены природными минералами. Температура вод разная, поэтому, когда Рио Негро впадает в Амазонку, воды двух рек на протяжении двух километров текут, не смешиваясь, в результате чего возникают черная и светлая стороны» [http://www.jazztour.ru/brazil/amazonia/info/meeting_of_rivers/].

Образным аналогом «речной» женитьбы оказывается женитьба «пищевая» (эта метафора используется для обозначения сливающихся напитков — точнее, разбавления крепких напитков водой или соком): рус. арх., влг. *женить* 'развести алкогольный напиток водой' [СГРС 3: 356], сарат., куйбыш. *женить* 'разбавлять водой (квас, пиво

10 Ср.: «О самых крупных реках Горного Алтая — Катуня и Бии, воды которых при сливании образуют р. Обь, сложена легенда, бытующая до сих пор. В ней звучит история о двух влюбленных — девушке Кадын, имя которой обозначает „правительница“, и женихе Бий, что означает „правитель, властелин“. Эта история имеет счастливый конец — Катунь и Бий женятся и их судьба становится общей, в том смысле, что эти реки, текущие среди гор, встречаются далеко в степи и сливаются» [Тадина 2007: 152]. Подобная легенда рассказывается и о другой паре сибирских рек — о Лене и Абакане [Там же: 158].

и т. п.), куйбыш. *женатый* ‘разбавленный водой (о квасе, пиве, водке и др.): «Квас весь выйдет, варить новый не охота: его (старый квас) подмолодят (разбавят водой), вот и женатый» [СРНГ 9: 124, 125], чеш. *ženit víno = křtit víno* ‘разбавлять водой’ [Zaorálek: 419], польск. *tata z mamom* ‘о спиртном, разбавленном соком’ [Kaś: 888] и др.

Если образ женитьбы рек находит собственно лексическое выражение, то образы мужа и жены в гидрографической лексике и топонимии, кажется, не представлены: они не обладали бы различительной силой, так как могли бы прилагаться к любой паре сливающихся рек. В некоторых случаях эти образы возникают как вторичная реакция на грамматический род «первичных» гидронимов. Ср. следующий пример: архангельские реки *Рудас* и *Рудасья*, стекаясь около устья, впадают в р. Виледь [ТЭ]. В основе первого названия — заимствованный из коми географический термин *рудос* ‘топкое место с выступающей на поверхность ржавой водой’, ‘подводный ключ’ [СРНГ 25: 235]. Объясняя исход гидронима *Рудасья*, можно рассматривать его в ряду других топонимов на -я, распространенных в топонимии Вилегодского района Архангельской области (*Лупья, Шобья, Пысья* etc.): «„Формант“ -я мог возникнуть на русской почве при переработке коми-зырянских гидронимов на -ю (‘река’) или же непосредственно восходить к коми языку, где *а, я* — суффикс обладания» [Матвеев 1985: 35]. В данном случае возможны обе версии, т. е. *Рудасья* — «ключевая река» или «обладающая ключами». Эти названия воспринимаются как различающиеся по грамматическому роду (по аналогии с парами типа *барин — барыня*). Затем к морфологии подключается семантика — и у гидронимов *Рудас* и *Рудасья* появляются параллельные названия *Мужская Речка — Женская Речка*.

ХОЛОСТЯК, ВДОВА. Если слияние рек — это их женитьба, то естественным продолжением образа становится трактовка не принимающей притоков реки как **холостой**, ср. арх. *холостой* ‘не имеющий притоков (о реке)’: «Вохта долго холостая не течет, у ей притоков много», «Егбель сперва холостой идет верст три» [КСГРС]. В итальянском языке в терминологии речного ландшафта обнаруживается также «**вдова**»: итал. *védovo* («вдовый») ‘безводный (о реке)’ [Battaglia XXI: 689].

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ. Текущие рядом реки или расположенные «бок о бок» озера (как правило, сходные по размеру и форме) могут быть представлены как **братья** и **сестры**. Из всех семейных образов данный является наименее специализированным: «братьев» и «сестер» легко обнаружить практически у любого элемента ландшафта (и, разумеется, не только ландшафта), поэтому он не фиксируется словарями нарицательной лексики применительно к рекам или озерам. В топонимии образ обладает большей различительной силой за счет

включения в конкретную ситуацию, где требуется указание на количество объектов или дополнительные особенности расположения (к примеру, братья рядом, а сестра чуть поодаль) и др. Ср.: влг. *Два Братика*, руч.; костр. *Два Брата*, руч. [ТЭ], *Двубратьев*, овраг (ниж. правобереж. Поочье) [Смолицкая: 249], волгогр. *Два Брата*, оз. — *Сестра*, оз. [Долгачев: 42], влг. *Сестрёницы*, три оз.; влг. *Сестрёница*, два руч. [ТЭ] и др.

Кумление. Лексика кумовства — «крестного» породнения, примыкающая к терминологии родства, проявляет тесную связь с последней в своих вторичных значениях. Метафора кумовства (точнее, кумления) в лексике речного ландшафта в отличие от всех других требует наибольшей глубины реконструкции. Рассмотрим группу русских и белорусских диалектных гидрографических терминов. Русские примеры отличаются богатой вариативностью и не дают цельного ареала (дон., арх., беломор., влг., новг., олон.); их значения распределяются по трем пересекающимся по смыслу группам.

Место встречи течений: дон. *кумова вода* 'встречная вода' [СРНГ 16: 85], арх. *кумина́ вода*, *кумова́*, *кумовна́* 'встречное течение в реке на крутом повороте': «На кумову воду выехал в лодке», «Идёт река и делает поворот, и вот в этом повороте вода о берег ударяется и идёт кверху, и это называется кумовна» [КСГРС], беломор. *кумора* 'спокойная вода от берега до встречного течения около острова' [СРНГ 16: 85], арх. *кумороть* 'водоворот в месте слияния нескольких течений в реке или море': «Куморотей у нас много по рекам, там погребёшься; кумороть така — реки вместе сходятся» [КСГРС];

обратное течение реки у берега: новг. *кумовица* (уд.?) [СРНГ 16: 85];

водоворот в реке, озере, море: олон. *кумовник*, арх. *кумоворот* [СРНГ 16: 85], арх. *кумоворо́т*, *куноворо́т* [Подвысоцкий: 78], арх. *кумовороть*, *куновороть* [Даль₂ 2: 217], арх. *куновороть* [Опыт: 97], новг. *кумови́к* [НОС 4: 78], арх., влг. *кумови́к*, арх., влг. *кумовороть*, арх. *кумовороток*, влг. *кумоворот*, *кумоворо́т*, влг. *куморо́т*, арх. *кумороть*: «Где кумовороть, лодки утягивает, кумовороток в Чёрном Яру есть», «Весной рыбку ловим, сетки ставим в кумороть, на быстром ведь не поставишь», «Вода кружится — это кумовики, может засосать» [КСГРС].

Аналогичные значения отмечаются у белорусских фактов, ср. *кума́* 'водоворот в реке Горыни', 'яма, где крутит воду', *куми́н*, *кумина́ вада* 'водоворот', *кумина́* 'водоворот около берега, где вода разворачивается в направлении, противоположном течению', *зышло на куму* 'попал в водоворот' [ЭСБМ 5: 157, 158; Цыхун 2000: 182, 183].

Эти слова рассматривались в ЭСБМ: «Неясно. Гипотетически можно предположить, что первоначальным значением слова <кумина́> было 'болото'. Тогда сопоставимо с *кумкаць*, *кумаць* (польск. *kitaś*)

‘издавать звуки *кум-кум* (про жаб)’» [ЭСБМ 5: 158]. Согласимся с Г. А. Цыхуном, который считает эту версию неубедительной [Цыхун 2000: 183]. По его мнению, здесь следует предполагать связь с *кум*, *кума*, но «остается неясной мотивация этой связи», которая «может восходить к достаточно древним представлениям», отражать «древние тотемные запреты» [Там же]. Это суждение автор подкрепляет записанной им на Туровщине легендой, «которая основывается на допустимости нарушений обычного, естественного характера вещей в природе: „Ехаў кум із кумою лодкою, да хоцелі нешто зробіць, да кажэ, шчо не можна. А знайшли таку воду, шчо лодка пойдзе проці воды, то й назвалі куміна вода“» [Там же]. Однако данная легенда, которая явно носит народно-этимологический характер, не может существенно прояснить мотивацию изучаемых гидрографических терминов.

Хочется предложить такое решение. Как известно, отношения кумовства оформляются обрядом кумления, ср. моск. *кумленье* ‘древний обряд, состоящий в том, что девушки во время праздничного гулянья целуются через венок, символизируя этим верность в дружбе, духовное родство’, *кумиться* диал. шир. распр. ‘совершать обряд, символизирующий верность дружбе девушек, их духовное родство, во время праздничного гуляния в лесу’, моск., яросл., ряз., смол. ‘целоваться через венок, свитый из веток березы (знак дружбы)’, кубан. *кумованье* ‘обычай целования мальчика с девочкой в первый день троицы, символизирующий их дружбу’, *кумоваться* ‘целоваться в первый день троицы в знак дружбы (в обычае детей)’ [СРНГ 16: 84–85] и др. «Эмблемой» кумления становится поцелуй — и именно этот образ, по нашему мнению, отражен в лексике речного ландшафта: устремляющиеся друг к другу водные потоки «целуются», «кумятся». Думается, что предпосылки для развития «поцелуйного» образа заложены и во внутренней форме слова *устье* (выше говорилось о возможности оживления образа речных «уст»: в загадках мать-река пожирает или сосет своих детей-притоков).

В образе «кумящихся» рек звучат также мотивы встречи, совместности, ср. рус. пск. *кумить* ‘встречаться, гулять с кем-н.’ [ПОС 16: 362], *кумиться* пск., печор., костр. ‘устанавливать дружеские отношения, жить в ладу, заводить дружбу с кем-л.’ [СРНГ 16: 84] и др. Аналогично можно истолковать костромской топоним *Поцелуйки*, обозначающий место встречи течений [ТЭ]; ср. также волж. *люб-ки* (уд.?) ‘пространство у кормы между двумя счаленными судами’ [СРНГ 17: 237]¹¹.

11 В современном русском просторечии фиксируется глагол *(по)целоваться* ‘о транспортных средствах: столкнуться, сталкиваться друг с другом’, ср. контексты из Интернета: «Из космоса определят, почему “целуются” речные суда чаще всего на реке Алдан», «„Икарус“ и „копейка“ крепко поцеловались»,

Словообразовательно и фонетически эта версия вполне состоятельна; появление форм типа *кумороть* можно объяснить гаплогогией из *кумовороть*, а форм с *н* (*куноворот* и др.) — контаминацией со словами вроде курск., моск., тул., ряз. *куна́ть* 'окупать', курск., тул., юж.-урал. *куна́ться* 'окупаться' [СРНГ 16: 90], арх. *куновина* 'яма', влг. *ку́нка* 'попыньа' [КСГРС].

Таким образом, представленный материал позволяет по крупizam сложить картинку, точнее, «фильм» о родстве рек. Речной ландшафт — благодарный «клиент» семейной метафоры, он предоставляет в ее распоряжение подходящий денотативный ряд: в отличие, к примеру, от статичных гор, реки вступают в динамичные «отношения» друг с другом, которые истолковываются как семейные связи. Изучаемую метафору нельзя считать популярной, поскольку в целом у нее довольно мало реализаций (распространенным можно назвать только один образ: «мать» = фарватер, источник). Вместе с тем метафора родства в гидрографической номенклатуре является системной, так как она принимает во внимание практически все виды отношений, составляющих смысловой каркас семейной лексики, использует как предметные, так и акциональные грани образа. Сказанное не позволяет согласиться с суждением И. В. Крюковой и В. И. Супруна о том, что «для гидронимов нетипична модель образования от терминов родства» [Крюкова, Супрун 2002: 134]. Авторы говорят об этом в связи с «загадочным» гидронимом *Мачеха*, обозначающим правый приток Бузулука [Там же]. Действительно, единственный вариант мотивировки здесь назвать трудно. Во-первых, образ мачехи мог быть «наведен» образом пасынка (как мы видели выше, последний вполне устойчив в апеллятивной и проприальной лексике речного ландшафта): «мачеха» — река, от которой отводится «пасынок». Во-вторых, гидроним мог сохранить древнюю безоценочную семантику праслав. **matjexa* 'подобная матери' [ЭССЯ 17: 268] (которая, кстати, проявляется и в нарицательной лексике — в фактах идентичности некоторых вторичных значений, возникающих у продолжений **mati* (**matere*) и **matjexa*). В-третьих, у «мачехи» есть вторичная семантика, сближающая ее с «вдовой» (из-за «неполноценности» семейных связей), — значит, так могли обозначить не принимающую притоков реку. Какой вариант объяснения мы бы ни выбрали, гидронимическая *Мачеха* служит проявлением красивой и вполне регулярной модели.

Выдерживая принцип кольцевой композиции, хочется закончить строками современной поэзии, которые основаны на рассмотренных в статье образах: «Струйки пота синеют, А в них отражаются соп-

«Буквально на днях трамваи столкнулись также в Днепровском районе, а 17 марта поцеловались на ул. Павла Усенко» etc.

ки. Меж ними реки целуются» (Д. Ревякин. Порыв)¹²; «Умываются березы с соснами, Дождь целуется ручьями с реками» (Н. Шапарев. Ветер дождь переплетает косами); «Ручей-сорванец от отца-родника Сбежал, поманила красotka-река...» (А. Яро. Ручей).

ЛИТЕРАТУРА

- БЕР: Български етимологичен речник. София, 1962–. Т. 1–.
- Гин 1992: *Гин Я. И.* Днепр — Непра — Лелепр: О поэтике гидронима в фольклоре и литературе // *Язык русского фольклора*. Петрозаводск, 1992. С. 109–117.
- Григорян: *Григорян Э. А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
- Даль: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
- Долгачев: *Долгачев И. Г.* Язык земли родного края. Волгоград, 1986.
- Журавлев 2002: *Журавлев А. Ф.* Об этимологии русского *детинец* — ‘крепость’ // *Русская речь*. 2002. № 1. С. 113–117.
- Крюкова, Супрун 2002: *Крюкова И. В., Супрун В. И.* Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград, 2002.
- КСГРС: картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ: лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (Екатеринбург, кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ).
- Матвеев 1985: *Матвеев А. К.* Топонимия Урала. Свердловск, 1985.
- Минкин: *Минкин А. А.* Топонимы Мурман. Мурманск, 1976.
- НОС: Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Опыт: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.
- Отин 1989: *Отин Е. С.* Структурно-семантические отношения в топонимических парах (гидроним-аугментатив и гидроним-деминутив) // *Русское языкознание*. Киев, 1989. Вып. 19. С. 124–129.
- Подвысоцкий: *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
- РТА: Русская топонимия Алтая. Томск, 1983.
- Садовников: Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников. М., 1996.
- СГРС: Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

12 Автор этих строк, Д. Ревякин, в своем комментарии указывает, что они навеяны детскими воспоминаниями: Ингода (река в Читинской области), сливаясь с Ононом, образует реку Шилку, а место их слияния называют *где реки целуются* [<http://km.untitled.ru/slovo/index.htm>].

- СГУ: Словник гидронімів України. Київ, 1979.
- СПЮВП: Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- Семенов: Семенов П. Россия: Географическо-статистический словарь Российской империи: СПб., 1863–1885. Т. I–V.
- Смолицкая: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: Список реки и озер. М., 1976.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- ССРЯ: Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Тадина 2007: Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири. СПб., 2007. С. 151–159.
- Топоров, Трубачев 1962: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Торопов: Торопов С. А. По голубым дорогам Прикамья. Пермь, 1976.
- Туркин: Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
- ТЭ: картотеки Топонимической экспедиции УрГУ (Екатеринбург, кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ).
- Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Цыхун 2000: Цыхун Г. А. Из блокнота участника полесских экспедиций (1. *куміна вода*; 2. *Чагошчы и Чугайка*; 3. *крычаць як боўгары*) // Etnolingwistyka. Lublin, 2000. № 12. S. 181–188.
- ЭСБМ: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- ABBYU Lingvo x3: электронный словарь ABBYU Lingvo x3. ABBYU, 2008.
- DHMLE: Martín Alonso. Enciclopedia del idioma diccionario histórico y moderno de la lengua española (siglos XII al XX). Madrid, 1968. Т. I–III.
- Battaglia: Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961–2002. Vol. I–XXI.
- Каś: Каś J. Słownik gwary orawskiej. Kraków, 2003.
- Zaorálek: Zaorálek J. Lidová rčení. Praha, 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГИДРООБЪЕКТОВ

- бол. — болото
 оз. — озеро
 р. — река
 руч. — ручей

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова (Москва)*

МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ДИАЛЕКТНОМ ТЕКСТЕ

Честное слово, я и не подозревал, что
вот уже более сорока лет говорю прозой.

Г-н Жураен
(Мольер. «Мещанин во дворянстве»)

На современном этапе развития диалектологии в научных центрах и вузах страны сформированы значительные фонотеки, включающие записи диалектной речи различной протяженности и жанровой принадлежности. Собранный материал интерпретируется не только в лингвистическом, но и в коммуникативном, социокультурном, психологическом аспектах. Диалектные тексты, записанные за последнее десятилетие и хранящиеся в отделе диалектологии Института русского языка РАН, разнообразны по тематике: это воспоминания-биографии, небольшие истории, зарисовки, местные анекдоты, поучительные, драматические, смешные, курьезные сюжеты, описания обрядов и обычаев. Среди этого многообразия встречаются любопытные высказывания информантов о языке и языковых явлениях, примеры народной этимологии, рассказы о коммуникативных неудачах. Анализ подобных текстов и является целью нашей работы.

Метаязыковое сознание привлекает внимание лингвистов, в том числе диалектологов, так как дает материал для реконструкции языковой картины мира и изучения языковой личности. Представители Томской лингвистической школы еще в 80-е гг. XX в. начали исследовать феномен языкового сознания на диалектном материале. Богатый материал для наблюдений содержит [Мотивационный диалектный словарь 1982, 1983], в котором приведены лексические и структурные мотиваторы, актуализирующие восприятие слова информантом [Блинова, Ростова 1985]. Различные аспекты мотивологии и ее связи с языковым сознанием описаны во многих работах названных авторов. Так, анализ семантики и структуры мета-

текстовых высказываний носителей среднеобских говоров содержится в обобщающей монографии [Ростова 2000]. В работе исследуются тексты, полученные в результате прямого опроса (приведены типы вопросов) или извлеченные непосредственно из разговора и представляющие попутные замечания информантов о языке.

Источники и пути исследования метаязыкового сознания рассматриваются в работе Е. А. Березович: «Из различных аспектов наивной лингвистики в большей степени изучены явления мотивационной рефлексии над словом — народной этимологии, а также этимологической магии. Предпосылки для наблюдений над этими явлениями создаются тем, что процессы ремотивации достаточно полно (хотя, разумеется, не исчерпывающе) обнаруживают себя в диалектном словаре...» [Березович 2008: 34]. Помимо прочего автор называет в качестве источника изучения коллективные и индивидуальные прозвища, метаязыковые тексты разного содержания, в том числе нарративы, и словарики, написанные диалектоносителями, — «внутренние» словари, по терминологии Березович.

Интересный материал по метатекстовым высказываниям, почерпнутый из разных славянских языков, приведен в статье [Белова 2008], анализирующей восприятие «чужого» языка в народной культуре.

Экспедиционные записи каждого диалектолога обычно содержат примеры разнообразных метавысказываний, поскольку рефлексия по поводу языка вообще свойственна человеку. Кроме того, неодинаковый социально-культурный статус участников речевого общения — говорящего, которым выступает носитель диалекта, и слушающего, приехавшего диалектолога — способствует активизации языкового сознания информанта и побуждает к рассуждениям на эту тему: «...появление высказываний поясняющего характера, различных оценок речи связано с нарушением ее автоматичности, с возникновением особых условий общения» [Крючкова 2002: 187].

Назовем наиболее типичные темы, характерные для метавысказываний: объяснение мотивационных отношений при номинации, в том числе прозвищ, замечания об употребительности слов, характеристика языковых явлений разного уровня, оценка своего и чужого говора, рассказы о коммуникативных неудачах. С точки зрения структуры, они могут представлять вводную конструкцию, отдельное суждение или нарратив. Именно метатекстовые нарративы — короткие сюжетные истории или рассуждения, отражающие восприятие языка, — и представляют, на наш взгляд, особый интерес. Подобные рассказы разбросаны по разным текстовым корпусам, поэтому изучены в меньшей степени. Представляется полезным собрать их воедино, возможно, в виде хрестоматии, чтобы эксплицировать метаязыковое сознание носителей традиционной культуры разных регионов, так как оно является одним из важнейших компонентов когнитивной лингвистики.

Перейдем к непосредственному анализу материала, включающего записи, собранные авторами в экспедициях последних лет; помимо них в статье используются записи сотрудников Отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН, а также «внутренний» словарь говора д. Вычурки Нижегородской обл., составленный уроженцем этой деревни журналистом Б. Н. Жуковым [Жуков 2008].

1. Диалектологам хорошо известно, что в говорах бытуют слова, которые создаются «по случаю», в контексте события — это окказионализмы. Они появляются в речи индивидуума, некоторые из них со временем получают распространение среди других носителей говора, но «человек со стороны» не всегда может определить статус такой единицы. Обычно подобные новообразования имеют прозрачную внутреннюю форму и обращают на себя внимание «чужих», сами же носители говора их происхождение с охотой объясняют.

Мы с мужиком жили // и были у нас соседи / семь пар нас было // Мы сделали семипáрный праздник // Сегодня к одним на день рождения идёшь / завтра к другим // Нас так и прозвали семипáрный праздник // Весело так / хорошо было;

Садóвник / лопата для хлеба // Хлеб в печь сажáется на клено́вые листьá или солому;

А сестра Матрёна Владимировна повелíтельная была // боялись ходить мимо ее дома // стрóгая была;

Нíжник / мужик из Нижнего Новгорода // (по-видимому, регионализм, употребляющийся в ряде мест Нижегородской обл.) (Варнавинский р-н Нижегородской обл., запись авторов 2002 г.);

Я́мники / скрывались во время войны в ямах / не хотели воевать // (Невельский р-н Псковской обл., запись авторов 2006 г.);

Мы бережáне // выросли на берегу реки // (Любытинский р-н Новгородской обл., запись авторов 2008 г.).

Подобные индивидуальные слова приведены в большом количестве в [Нефедова 2002; 2008], они могут быть как нейтральными, так и экспрессивно окрашенными.

2. Высказывания о языке чаще всего содержат оценку своего и чужого говора [Крючкова 2002], фиксацию различий фонетического, интонационного, лексического, реже грамматического строя, замечания об употребительности слов: чаще — реже, старое — новое. Они могут быть краткими, состоящими из нескольких предложений, а могут, как сказано выше, представлять собой нарратив. Но следует заметить, что высказывания о языке далеко не всегда отражают лингвистическую реальность.

Указания на фонетические и просодические особенности:

Мы óкаем // начальство говорили без акцéнтов // (Любытинский р-н Новгородской обл.);

У нас в деревне говорили как городские / не *растя́áli* / а Бердни́чиха / Селива́нича / Фа́лино *растя́áli* как-то певуче / «Дуня́шка-а-а-а! Иди домо-ой!» // Тятя у меня говорил ого-го // дружился всё с начальством / руководством // а Са́ша / муж / *говорил по-московски* // по большой дороге к лесу говорили *штё* // (Варнавинский р-н Нижегородской обл.);

В каждой деревне был свой говор / хотя все деревни друг от друга очень близко // у всех разный такой разговор // вот прудовские они *тяну́ли* // они *говорили* очень *напевно* / *растянуто* / и ходили в школу они через Зяблицу // а в Зяблице наоборот *говорили* очень *отрывисто* / как дрова рубили / часто и *отрывисто* // и вот / значит / эти зяблинцы дразнили прудовцев / кричали / «Чей ты?» // А он говорит / «Пруд-о-осы́ки» // А они / зябляны / опять говорят / «А уж больно ты *фиг-осы́кий*» // И вот они / значит / обижались / (Варнавинский р-н Нижегородской обл.);

У них там как-то на [о] говорят, [ко́шкь], а у нас помягче [куошкь]. (Касимовский р-н Рязанской обл. запись И. И. Исаева 2000 г.).

Известный всем диалектологам пример, отражающий восприятие [о] и [w] носителями говора, записанный М. Н. Преображенской, приведен в учебном пособии [Русская диалектология 2005].

Но наиболее часто информанты обращают внимание на отличия в лексике:

В каждой местности по-своему // у нас *кали́тки* / у них *пресну́шки* //

Коре́ц питерские говорят / а у нас *ковш* // *Двуор* для скота / а у нас всё больше *коню́шня* (для любого скота) // У Мсты *ра́йдуга* / а у нас здесь *ра́дуга* // (Любытинский р-н Новгородской обл.).

Нередко высказывания сопровождаются замечаниями об употребительности слов:

Могилки старое слово // теперь *кла́дби́шиш* // *Весёлка* было раньше / ста́ры люди говорили // теперь *радуга* // *Колоту́ха* ('каша из муки') старое / *зати́рка* новое // (Невельский р-н Псковской обл., запись авторов 2006 г.);

По старини́ *ка́лика* // а теперь *брю́ква* называют // *Се́ни* / а теперь *колидор* // (Любытинский р-н Новгородской обл.).

Пометы «раньше», «теперь», «старое», «новое», «чаще», «реже» содержатся в материалах «Диалектологического атласа русского языка», включены они и в комментарии к отдельным картам [ДАРЯ].

Оценка своего говора. Примеры подобного рода высказываний содержатся в записях каждого диалектолога.

Языку нас какой *плохо́й* / шу́бной // (Сямженский р-н Вологодской обл., запись И. И. Исаева 2001 г.);

У нас здесь *плохо* говорят // и не [цэ] / и не [ч'э] // мы и [цэ] *потеряли* и [ч'э] *не нашли* // (Гусь-Хрустальный р-н Владимирской обл., запись И. И. Исаева 2006 г.);

Хвастаться вы́чурским говором не приходится: произношение грубейшее. Кроме жёсткого О в неударных слогах (это про нас: «Чай кОрОва-тО пила, а брюхО-тО хОлОднО»), еще и ы́канье, и даже ё́канье... Мы умудрялись выговаривать Ё (вместо Е) как безударное: бёгу, сёдой, нибёса [Жуков 2008: 9].

Как известно, яркими особенностями характеризуются говоры Заонежья, вот почему в литературе упоминается большое количество метавысказываний, посвященных заонежскому ляпанью¹. Современная языковая ситуация в заонежских говорах подробно описана в [Тер-Аванесова 2004]. Позволим себе привести любопытную цитату из названной статьи: «Люди старшего поколения, в непринужденной обстановке пользующиеся местным говором и имеющие достаточное представление о литературном языке, чтобы при случае переходить на приближенную к нему форму, называют свой говор „заонежским лявзяньем“², а литературную речь — „культурным“, „грамотным языком“, „разговором по-культурному“» [Там же: 227]. При этом «местные говоры в повседневном общении сохраняются лишь у некоторых малообразованных старых женщин; по словам одной из них, *эта мы́ аи́шиа по́дд’ёрживаа́мса ы́зыка на́шага к’р’иво́га*» [Там же: 232].

Как видим, родной говор при сравнении с литературным языком оценивается как *плохой, шубной, кривой*, но совсем иное отношение проявляется при сопоставлении его с наречием соседей.

Вот что пишет [Санников 2002: 380], демонстрируя типичное отношение деревенских жителей к своему говору в сравнении с соседними:

В целом сельские жители признавали превосходство «городского» языка. Но каждое село, даже каждая деревня, считала, что она ближе к этому «этало́ну» — городской речи, чем соседняя. Помню, в диалектологической экспедиции старуха говорит: «У нас-то хорошо ба́ют, пошти-што как в городу́, а вот в Пя́нтёге (вы сходите, недалеко это, верст 10), дак там ба́ют так, што вы обхо́хочите́ся!»

Вспоминая студенческие диалектологические экспедиции, [Клобуков 2003: 281] отмечает:

Запомнился ее [Комягиной] рассказ о двух соседних деревнях на Северной Двине (расстояние между ними — 7 километров), в одной из которых вместо притяжательного местоименного прилагательного его говорят е[г]о́вый, а в другой — ево́нный, и жители каждой из деревень активно борются против «порчи языка», наивно полагая, что уж они-то говорят правильно, а их соседи допускают ошибку.

Обычно носители говора, признавая авторитет литературного языка, считают свое наречие правильнее и красивее соседского,

1 Под ляпаньем в диалектологии понимается перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный и произношение под перенесенным ударением особых гласных [эа] и [оа].

2 Лявзя́ть (ля́зять) — ‘беседовать, болтать’, по-видимому, является заимствованием из карельского.

при этом «окальщики» гордятся тем, что говорят, «как все пишут».

Высказывания, подобные приведенным выше, в большом количестве содержатся в словарях и словарных картотеках. Многочисленные примеры аналогичных замечаний, касающиеся фонетических и лексических различий, в [Герд 2005: 21].

Особенно любопытные суждения о языковых особенностях находим в районах пограничья, в зоне интерференции, где соседствуют разные языки. В этом случае важным фактором становится национальная самоидентификация, осознание себя как части определенного этноса. В 2003–2005 гг. нами были обследованы говоры русско-белорусского пограничья: север Витебской (Городокский и Полоцкий р-ны) и юг Псковской обл. (Невельский р-н). Жители северной части Витебской области, которая по административному делению разного времени неоднократно меняла свою принадлежность, часто и охотно рассуждают о своем языке и оценивают его как *смешанный*, при этом многие говорят, что они русские и язык их русский с включением белорусских элементов. Школьные учителя также отмечают, что изучение русского языка дается школьникам гораздо легче, чем изучение белорусского; в частности, местным ученикам незнакома специфическая белорусская лексика.

Вот у нас язык почти так / смоленский и витебский // Витебская область это отнóсится одно // як Смолéнишина / так и Вiтебiшина // за Минск чуть-чуть дальше / за Минск до Талáшина / а там уже совсем дру́ей разгово́р // Минск тоже го́ворит не так / як мы // правда? // у Слуцке там тоже разговор дру́ей // (Городокский р-н Витебской обл., запись авторов 2004 г.).

Приведем еще одно замечание подобного рода, записанное от информантки — участницы фольклорного ансамбля, исполняющего белорусские и русские песни:

На такéм языке го́ворю я / йон и ня русский / и ня белорусский // тут и украинское наречие и польское можем найти и русское можем найти // не́сёт / ве́зёт / поёт / это русский язык // ня́сё / вя́зё / спява́е / это белорусский // нясу́ть / вяза́уть / спева́еть — у нас // хма́ра / это белорусский язык / и По́льшиа / и украинский // (Полоцкий р-н Витебской обл., запись авторов 2005 г.).

3. Речь является одной из самых ярких характеристик человека, в ней проявляется его индивидуальность, что отражается в различного рода наименованиях, кличках, присловьях, чаще экспрессивных: *балаболка, балагур, красnobай, трепло* и др. Диалектные особенности в речи также становятся почвой для языковых прозвищ и дразнилок. Так, в приведенной ниже «метатекстовой» дразнилке высмеивается цоканье:

Как барановски девчонки
Говорят на букву «цэ»:

«Дайте мыльце, полотенце
И *цуло́чки* на *пеце́*».

Многие из дразнилок широко известны, они приводятся в художественных, публицистических и даже научных текстах, например: «*Куриса на ѓлисе яйсо́* снесла», здесь показана утрата затвора у [ц] в части южных говоров: курских, орловских, воронежских.

Прозвища также возникают на основе подчеркивания яркой фонетической черты, частотного слова или грамматической формы:

Да мы их зовем щемя́ки, они на щ говорят, вот, к примеру, щи́щаш ‘сейчас’ (Староюрьевский р-н Тамбовской обл., запись авторов 1982 г.).

А там за Порховом живут «ти-ти-ти типло́вато, ти-ти морсковато», те тикуны́, скобари́, а мы здесь «на о» (Дновский р-н Псковской обл.) [Герд 2005: 21]. Прозвище *тикуны* передает частое употребление частицы *ти* в местном говоре.

Яны так не прицокивают, мы их поля́ками зовем, наречие у них совсем другое (Великолукский район Псковской области) [Там же: 21].

Жителей Харовского р-на Вологодской обл. соседи называют *хохла́ми* из-за слабого противопоставления твердых и мягких согласных: мягкие согласные произносятся здесь как полумягкие или твердые, что воспринимается как свойство украинского языка (запись А. В. Тер-Аванесовой 2003 г.; см. также [Белова 2008]).

Уроженцев Заонежья называют *заонежские тятё́нники* — от слова *тя́сто* ‘каша из муки’ (кушанье было широко известно в традиционной деревне), это наименование распространено именно в Заонежье (запись А. В. Тер-Аванесовой 2000 г.).

Несколько любопытных прозвищ приведено в [Березович 2008: 34]: арханг. *камана́* ‘англичане и американцы (<англ. *come on*)’; ср.-урал. *Энтатой* ‘прозвище жителя д. Кунгурка, который часто говорил слово *энтатой*’; ... смол. *пше́к* ‘поляк’ отражает фонетические особенности речи, курск. *кога́н* ‘прозвище курян или орловцев, произносящих *г* в окончаниях род. пад. прилагательных и местоимений’.

Подобные наименования приводятся и в словарях, например, у В. И. Даля: *Акальщик, -щица, акала́* кто акает, говорит свысока... [Даль I: 8]; *Асе́й, асе́йка арх.* иноземец, особ. англичанин (от англ. *I say*, я говорю) [Там же: 26]; *Алалы́ка, лалы́ка твр. ряз.* картавый, нечисто произносящий буквы, особ. *л* вместо *р* ... [Там же: 10].

Большой материал по различным наименованиям человека, включая языковые прозвища, приведен в словаре «Человек в производных именах русской народной речи», например: *Ёхуня* — человек с екающим произношением, Забайк. [Алексеев, Литвинникова 2007: 149]; *а́йкало* — тот, кто часто произносит *ай* [Там же: 13].

Неофициальные названия жителей той или иной территории, даваемые на основе различных признаков: по местности, роду деятельности, привычкам, особенностям речи, одежды и др. — всегда

привлекали внимание лингвистов и этнографов. Подобные номинации в разных трудах называются по-разному: микроэтнонимы, присловья, этнические клички, регионально-групповые прозвища. Интересный материал по таким наименованиям собран и тонко проанализирован В. Ф. Журавлевым, который замечает, что «...за грубоватым юмором этих прозвищ стоит поразительная наблюдательность, умение увидеть разницу между собой и соседями, острое чувство „своего“ и „чужого“» [Журавлев 1984:117].

К сожалению, в современных говорах многие из присловий уже утрачены в связи с разрушением традиционного уклада жизни. Однако в некоторых регионах они все же сохраняются, так, например, в Варнавинском районе каждая деревня имела «свое лицо»:

*Нувот знаете / о каждой деревне была такая небольшая песня / которая / четверостишие / очень характеризовало эту деревню // вот / например / **пенье и коренье** — **Зяблица деревня** / потому что самая первая от леса // пенье и коренье / всё сохранилось // о **Меньшикове / Бородатые мужики** — **мёньшиковские паренки** //*

При этом чаще сохраняются прозвища, ведущие свое происхождение от имени/фамилии, профессии предков, например: *Солдатовы* — дед и отец долго служили в солдатах, *Селюга* от Селюгин, *Шипа* от Шипов (Любытинский р-н Новгородской обл.). О популярности «поулошных» фамилий и прозвищ в д. Вычурки пишет Б. Н. Жуков [2008: 117–121], например: *Сюра* от Васюра (Василий), жену стали звать *Манька Сюрица*, а детей — *Сюрята* (распространенный способ образования «поулошного» имени); повсеместно распространены прозвища, данные по характеру, внешности, роду занятий человека: *Нюрка Барыня*, *Ваня Нос*, *Куриный бог* (зоотехник), по приверженности к любимому словечку — *Анчутка*. «Тетя Аннушка Иванушкина звала многочисленных детей и внуков своих „лукавыми“ и потому превратилась в Лукашку» [Жуков 2008: 118].

Бытуют и прозвища, образованные от ойконимов, например: *поспелята* — жители д. Пospelиха, *лапины* — д. Лапшанга, *михальцы* — д. Михалёво, *колпаки* — жители д. Колпаково, *зябляны* — жители д. Зяблицы, *бархотёвинка* — жительница д. Бархатиха (Варнавинский р-н Нижегородской обл.).

Любопытна кличка *коблы́*, данная уроженцам д. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. (запись А. В. Тер-Аванесовой 1992 г.); как замечают сами жители, их говор выделяется среди прочих: «мы же как говорим — орем... по звуку голоса узнают нас...». В округе они слывут людьми скуповатыми, недоброежелательными, себе на уме. По наблюдениям А. В. Тер-Аванесовой, их язык характеризуется особым интонационным строем, который отмечается во владимирско-поволжских говорах. У В. И. Даля находим в статье **Коба**: *нвг. кобёл, кобл, коблю́х вост. кол, пень, надолба, тычек, копыл...* [Даль II: 126]; у Д. Н. Ушакова: *кобёл*, а, м. (обл.). пень, кол,

свая... [Ушаков I: 1386]. М. Фасмером отмечены два значения: кобёл I. „высохшее дерево на берегу“, диал. вероятно, к *кобень*. II. *кобл* «мера сыпучих тел», стар., укр. *збол*, русск.-цслав. *къбыль* «чан»... [Фасмер II: 266–267]. На наш взгляд, именно значения ‘пень, кол’ и подобные послужили основой для прозвища.

4. Как уже говорилось, особый интерес представляют собой метазыковые нарративы. Многие из них в рамках деревенского социума становятся прецедентными текстами. О функционировании прецедентных текстов пишет [Медведева 2002], среди прочего она отмечает, что достаточно часто такие тексты содержат сведения об истории деревни и ее названии.

Подобный рассказ записан нами в д. Зяблицы Варнавинского р-на Нижегородской обл. от библиотекаря Н.Ю.Козыревой, 1948 г. рождения:

Я собирала историю деревни Зяблица / так как эта очень была мне близка деревня // хотя я не родилась в этой деревне / но всю свою сознательную жизнь прожила в Зяблице // И в то время / когда я собирала / много было еще этих исторических (смеется) лиц / которые помнили все это // но теперь уже там никого не осталось // Как это выяснилось // первый житель деревни Зяблицы был эстонец по национальности // и вот Зяблица может быть она из-за этого и называцца Зяблицы / потому что когда выезжали из леса / а в лесу было тепло / а выезжали в чисто поле // и вот этот эстонец на таком языке русском ломаном говорил: // «Зябли лица» // Может быть поэтому деревня Зяблицы так и называцца // а вторая версия / потому что там были зяблики / были леса / их разрабатывали / может из-за зябликов назвали Зяблицы //.

В тексте мы видим пример народной этимологии, объясняющей название деревни, помимо этого в речи информанта встретился непроизвольный каламбур — *исторические* лица, те, кто помнит историю: рассказчица почувствовала двусмысленность и потому засмеялась. Этот нарратив, похожий на современные анекдоты, связанные с особенностями прибалтийского акцента, показывает определенную тенденцию, имеющуюся в народном сознании: объяснять непонятные слова иноязычным происхождением.

Приведем еще один прецедентный текст, записанный в Варнавинском р-не, о князе Трубецком³, местном помещике. Это фрагмент популярного рассказа-«пластинки» о его женитбе на деревенской девушке. Рассказчица характеризует говоры окружающих деревень, при этом для передачи чужих слов использует прямую речь с сохранением ее особенностей:

3 История о князе Трубецком, который влюбился в деревенскую девушку, женился на ней, в связи с чем был объявлен родственниками недееспособным и лишен состояния, является местной легендой, где трудно отделать правду от вымысла. Лингвистический анализ рассказа о князе Трубецком см. [Букринская, Кармакова 2006].

«Я // князь говорит // научу тебя говорить красиво» // учительницу взял / порядил⁴ / чтобы её научить красиво говорить / на пианине играть // она побрякала / побрякала / побрякала / поговорила / поговорила и говорит / «**Хоць уцїте не уцїте / лўце баїть не буду**»⁵ // она деревенская / из деревни поближе к Горькому-ту // Бердничиха / Фалино / Селиваниха / Поспелиха / там **цокали** / что смешно говорили // (записано авторами от А. И. Антоновой, 1909 г. рождения).

Темой многих метаязыковых нарративов становятся случаи коммуникативных неудач. Как правило, непонимание бывает связано с лексическими, реже фонетическими особенностями говоров. Такие случаи становятся местными анекдотами и также являются прецедентными текстами.

Вот был случай с мужиками из другой деревни // «Хотите яблошника?» // «Бабуль / хочу» // она вытаскивает **картофельник** — **яблошник** звали // все звали картошку «яблоки» // «Мужики / хотите яблоки кушать?» / она выставляет картофельник // мужики: «Что это / бабушка / где же яблоки?» // — «Это они и есть»;

Тетка одна наша хромая была // говорит / «Будете ли яблоки кушать?» // «Да / съедим по яблочку» // она **картѳь** и выставляет на площадке // «А ты яблоки обещала» // все смешинки я вам рассказала (Варнавинский р-н Нижегородской обл.).

Подобного рода истории, связанные с незнанием местного слова, встречаются в разных регионах, приведем еще примеры:

Девушку-невестку свекровь отправила принести **корѳц** / та вышла в сени и стоит / не знает что брать // возвратилась пустая // соседка догадалась / говорит / «Это так ковиш у нас называют» // (Любытинский р-н Новгородской обл.);

Мальцы / у нас не только называют подростков / но друг с другом встречаются уже женатые мужчины и говорят // «Мальцы / куда вы там?» // приехали с Азербайжану / живут здесь у нас говорят // «Какие ж **мальцы** / скоро седые бороды?» (Невельский р-н Псковской обл.).

Трудности понимания могут быть вызваны и фонетическими особенностями говора: цоканьем, произношением [ʏ] фрикативного. Библиотекарь Е. Пунько рассказывает о своей коллеге:

Эта девушка / ее по распределению прислали сюда к нам в нашу (библиотеку) / она из Красногородска // это опочицкий край / тоже Псковская область // но у них другие наречия / куда я к ней поехала / в автобус села / как с иностранцами / ничего не понимаю // они там **цокают** / и потом какие-то тоже слова используют // тогда я только **пѳняла** / почему она меня не понимала // она сюда приехала и уоворит // «Что — что?» // Я повышаю голос / «Так что ж ты не слышишь / улухая что ли?» // Она уоворит / «Да я все слышу / я хоро-

4 Распорядился.

5 «Хоть учите, хоть не учите, лучше говорить не буду!»

шо слышу / просто я не понимаю // ты куда [γ] в начале произносишь / я слова понимаю / а куда это [γ] встречается в середине слова / то / говорит / получается совсем что-то непонятное» // и конечно / непонятно / если я вот это вот некоторые буду говорить / можно даже некоторое слово и не понять // перевод надо записывать тогда.

Примеры метавысказываний, рассуждений о говорах и литературном языке, рассказы о коммуникативных неудачах и неверном понимании чужого слова приведены в [Санников 2002: 378], например: «...А как он [друг детства] хохотал, когда я сказал, что у нас сегодня *Будут губы жарить!*, спросил «А носы вы жарить не будете?» Дело в том, что у нас губами называли грибы, а губы — часть тела — это у нас *брылы*».

5. Собранные в экспедициях материалы содержат много воспоминаний о Великой Отечественной войне. Среди записанных текстов есть такие, которые отражают восприятие простым человеком незнакомого ему немецкого языка как неблагозвучного, смешного. Рассказывает А. И. Степанова, 1918 г. рождения:

*И вот окружили нашу деревню // Подходить немец: **тён-тён, лё-лё-лё** / А я уже села самая первая // Думаю / если кинут гранату / хоть обои ляжем // Вот такие мысли были // Потом / когда он стучится / я говорю: «Мирные жители» // И ушел / но видно / понял женский голос / или понял какое слово / может // (Вяземский р-н Смоленской обл., запись авторов 2003 г.).*

Приведем еще два рассказа того же информанта. Первый демонстрирует, как при общении с немцами актуальной становится внутренняя форма этнонима:

*Только начальник мне по плечу / сам говорит: // «**Матка** / **крик**» // и потом переводчик перевёл / что мол война / будьте осторожны // так он их всех поднял и на передовую // только они уехали / а я начала пол подметать / глядь в окошко / другие наехали // идут с краю / ставить солдат // я ещё хату не домела / говорю: / «**Черти нямые** / опять идут» // и девочка моя входит / Надя // только дверь открыли / она: / «**Черти нямые** идут!» // Мои слова / а переводчик тут // Этот немец не понял / гладить её по головке: // «**Гут, гут**» // Переводчик спросил / что она сказала / но тот по-другому перевёл / только мне сказал: // «Будьте осторожны!» // Но тут-то я уже в голову взяла это / а то бы была расстреляна // Вот такие чудеса со мной творились и в войну //.*

По говорам известно большое число дериватов, образованных от корня *нем(ой)*, характеризующих человека: *нему́ха, нему́ша* ‘немая женщина’, общ. род: *нёмка, немты́рка, немчурá, немта́, немотá* ‘немой человек’ и др. [Алексеев, Литвинникова 2007: 245, 246].

Другой рассказ показывает, как незнание языка становится поводом для розыгрыша, который в условиях войны имел трагикомический эффект:

Был у меня финн / какой-то начальник / и у него был слуга // теперь этот слуга как чуть / так ложку / тарелку берет // а у меня одна тарелка осталась / всё растащили немцы / и ложка для девочки // ага // он приходит за тарелкой ко мне / а я говорю / «Как по-вашему тарелка?» // он говорит: / «**Форшлюх**» (искаж. нем. *verflucht* 'проклятый') // А я и до сего времени не знаю / что это значить // вроде ругательство? / ну ладно / он ушёл // пошёл и не несёт тарелку / а мне надо кормить детей этих // я вхожук этому начальнику: «Вам **форшлюх** нужен?» // Как он закричит / «Матка, матка, ты что?» // а я говорю / «Ваш **комара́д** сказал» // Он успокоился / я тарелку забираю / кормлю девчонок // заходит этот слуга / Ну и дал начальник ему / а он / слуга / видно немец Поволжья / и по-русски можно было с ним говорить // Такой был мальчишка молоденький / и видно пошутить тоже любил // я тоже насчёт этого бойка // вышел он / говорить / «Зачем ты сказала?» // «А ты / говорю / не ври!»

Итак, приведенный материал показывает, что метатекстовые высказывания многочисленны и разнообразны, и потому способны дать представление как о конкретной личности, так и о целом социуме. Язык, будучи важным средством самоидентификации, воспринимается как неотъемлемая часть традиционной культуры, при этом может быть и предметом гордости, и объектом насмешки: *Псковичане — те же англичане // только нареция другое* (Невельский р-н Псковской обл.). Приведенная пословица привлекает своей тонкой иронией и мудростью: 'мы, конечно, не хуже других (даже иностранцев), но в то же время у нас свой язык и нрав'. Многим метатекстовым высказываниям свойственна установка на смешное, ироничность, экспрессивность, особенно это присуще нарративам. Сбор и анализ подобных текстов представляется актуальным и перспективным, так как дает возможность судить о народном менталитете, о чертах национального характера, тем более, что комплексное изучение языка, культуры и языковой личности лежит в русле общей тенденции к антропоцентричности лингвистических исследований конца XX — начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко, Литвинникова 2007: Алексеевко М., Литвинникова О. Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. М., 2007.
- Белова 2008: Белова О. В. Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. М., 2008.
- Березович 2008: Березович Е. А. Наивная лингвистика как объект диалектологического исследования // Діалектна мова: сучасний стан і динаміка в часі. Київ, 2008.

- Блинова, Ростова 1985: *Блинова О. И., Ростова А. Н.* Явление мотивации слов по данным языкового сознания носителей диалекта // *Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения*. Кемерово, 1985.
- Букринская, Кармакова 2006: *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Экспрессивность как норма диалектного текста // *Русский язык сегодня*. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006.
- Герд 2005: *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб., 2005.
- Даль I: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955.
- ДАРЯ 1996: *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996.
- Жуков 2008: *Жуков Б.* Черпачок из Святколодца (о языке родной деревни). Нижний Новгород, 2008.
- Журавлев 1984: *Журавлев А. Ф.* Этнография в прозвищах // *Русская речь*, 1984. № 3.
- Клобуков 2003: *Клобуков Е. В.* Диалектологические экспедиции в Архангельскую обл. в воспоминаниях их участников // *Архангельские говоры*. Словообразование. Лексика. Семантика. Вып. X. М., 2003.
- Крючкова 2002: *Крючкова О. Ю.* Метаязыковая функция в диалектной речи // *Языковые средства в системе, тексте и дискурсе*. Ч. I. Самара, 2002.
- Медведева 2002: *Медведева Т. Н.* Особенности функционирования прецедентных феноменов в речи носителей традиционной культуры деревенского общения // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. I (VII). М., 2002.
- Мотивационный словарь 1982, 1983: *Мотивационный диалектный словарь*. Говоры Среднего Приобья. Т. I–II. Томск, 1982–1983.
- Нефедова 2002: *Нефедова Е. А.* Идиолект как источник диалектного варьирования // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. I (VII). М., 2002.
- Нефедова 2008: *Нефедова Е. А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. (Глава 8.)
- Ростова 2000: *Ростова А. Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
- Русская диалектология 2005: *Русская диалектология*. Учебное пособие для практических занятий. Под ред. Е. А. Нефедовой. М., 2005.
- Санников 2002: *Санников В. З.* Деревенские в городской языковой среде // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. I (VII). М., 2002.
- Тер-Аванесова 2004: *Тер-Аванесова А. В., Рыко А. И.* Говорить по-культурному и ляззать по-заонежски (о языковых разновидностях в Заонежье) // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 9. М., 2004.
- Ушаков I: *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. I. М., 1935.
- Фасмер II: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.

К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Изучая иностранный язык, человек принимает его систему как новую, обособленную, он поглощается ею и перестает видеть совпадающие по звучанию с его родным языком слова. Человек же не знакомый с данным языком, стремящийся «постичь» его непосредственно в языковой среде или из уст носителей, прислушиваясь к чужой речи, поневоле вычленяет знакомые сегменты, слова, иногда домысливая или даже переосмысливая их, ища в них доступный смысл.

Тот же механизм действует и при «создании» человеком «речи» животных и птиц, то есть при звукоподражании. Например, в Полесье «слышали», как перепелка предупреждает в начале жатвы: «Пора жать! Пора жать!» (Брянская обл.), угод кричит: «Худа тут! Худа тут!», а квохчущая курица жалуется: «Пло-о-хо-хо-хо-хо» (Черниговская обл.) [Гура 1997: 103, 112].

Рассмешил меня и, одновременно, заставил задуматься над названной темой один недавно приехавший в Словакию коллега. Однажды он усмехнулся: «Вы видели, что у них на пакете молока написано? Что оно спаивает родину». И вправду, на каждом пакете объясняется, как молоко полезно и папе, и маме, и детям, его пьют все, и оно «*spája rodinu*» — ‘объединяет семью’. Классический пример недоразумений для русского человека в Словакии — слово *pozor* ‘внимание’, неизменно ассоциируемое с позором.

Таких слов в русском и словацком языках достаточно много; относительно большой их компендиум собрал Геннадий Урядов (более 800 пар) (<http://www.slovník.org/cgi-bin/main/main.pl/ru/00004/n>). Анализу таких пар посвящен ряд курсовых и дипломных работ, выполненных студентами словацких вузов (например, [Pančíková 1993]).

Эти одинаково звучащие в разных языках слова называют «ложными друзьями переводчика», «словами-предателями»

(слав. *zradné slová*), а также «межъязыковыми омонимами», «межъязыковыми паронимами», «межъязыковыми аналогизмами» (К. Г. М. Готлиб, воронежская школа), «диалексами» (В. В. Акуленко), «ложными эквивалентами» (А. В. Федоров), «лексическими параллелями» (В. В. Дубичинский).

Как представляется, каждый из этих терминов имеет право на существование в зависимости от того, что и с какой целью исследуется.

В дискуссии о возможности применения термина «межъязыковая омонимия» нам близка позиция тех, кто для характеристики данного явления употребляет термины с более широким, констатирующим значением (*межъязыковые аналогизмы, эквиваленты, параллели, паронимы*), поскольку действительно употребление термина «межъязыковые омонимы» требует слишком большого количества допущений о сходстве внешней формы слов двух разных языков, не говоря уже о трактовке их семантики.

Как писал Н. И. Толстой, «омонимы следует рассматривать лишь в пределах одной системы (диалекта, языка и т. п.)», а выражение «междиалектная омонимия» «следует воспринимать как обиходный термин, применяемый на наддиалектном уровне». То же самое, на наш взгляд, можно сказать и об омонимии «межъязыковой». И далее: «Значительный семантический объем слова, определяемый как „полисемантность“, выдается часто, при подходе к нему с мерилем другого языка, за омонимичность, что в принципе неверно, так как омонимичность означает исключительно полную несовместимость признаков разных семем, выраженных одной лексемой» [Толстой 1997: 21].

Понятие лексической омонимии в отдельном литературном языке до сих пор остается предметом дискуссии. Особую трудность представляет его разграничение с понятием полисемии, в связи с отсутствием четких критериев и отчасти интуитивностью такого разграничения.

Еще менее разработан вопрос трактовки омонимии/полисемии по отношению к диалектному материалу. Чаще всего избираемые для разделения случаев омонимии и полисемии критерии — наличие совпадающих компонентов значения или ассоциативной связи и общность происхождения — не являются строгими [Толстая 2008: 45]. При этом общего происхождения недостаточно и для признания слов многозначными, особенно в случае параллельной номинации разных классов денотатов с использованием одного и того же мотивирующего признака. С. М. Толстая предложила иерархию «критериев происхождения» для отнесения лексем к омонимам или многозначным словам в диалектном словаре [Толстая 2008: 48], которая применима и в сфере аналогичных отношений близкородственных языков.

«Омонимия» в близкородственных языках в широком понимании охватывает все лексические единицы синхронного среза двух языков, которые формально идентичны, но семантически различны.

Формальная идентичность в случае разных языков — понятие относительное и, строго говоря, вовсе даже не «идентичность», поскольку в противном случае пришлось бы игнорировать графические, фонетические, морфологические различия [например, написание латиницей и кириллицей, регулярные соответствия окончаний прилагательных (-ий, -ое, -ая в русском и -ý, -é, -á в словацком), наличие долгот, дифтонгов и др. несовпадающих графем (ô, ě в словацком, ё в русском), фиксированное ударение в словацком, разное произношение звуков в обоих языках и т. п.].

Когда полного тождества написания и звучания не наблюдается, говорят о паронимии. Представляется, что по отношению к двум разным языкам следует говорить именно о межъязыковой паронимии. В таком случае, представляет интерес вопрос о составе и происхождении этих паронимов.

С учетом критерия происхождения и используя схему, предложенную С. М. Толстой для диалектного словаря, можно предложить шкалу семантических отношений межъязыковых паронимов, отношений, ассоциирующихся с омонимией и полисемией. Данные ассоциации становятся еще более явными, если рассматривать русский и словацкий (или другие близкородственные языки) в качестве наследников диалектов праславянского языка. Как писал О. Н. Трубачев, праславянский язык «...с самого начала был группой диалектов» [Трубачев 1991: 86].

1. Несвязанные значения (случайные совпадения) различных слов вследствие заимствования, исчезновения корня в одном из языков, различного грамматического строя языков и под. Эта группа относительно малочисленна, по данным Д. Коллара, лексемы этой группы составляют примерно 18% общего числа межъязыковых паронимов [Kollár 1982: 231], например:

Dávka ‘доза, порция’ (от гл. *давать*) — *Давка* ‘толкотня’ (от гл. *давить*)

Fara *церк.* ‘приход’ — *Фара*

Orat ‘пахать’ — *Орать*

Pach ‘сильный запах, вонь’ — *Пах*

Párta ‘головной убор девушки’ — *Парта*

Rezina ‘опилки’ (< *rezať* ‘пилить’) — *Резина*

Parom ‘черт, мифол. Перун’ — *Паром*

Solný ‘соляной’ (от *sol* ‘соль’) — *Сольный* (от *соло*)

Sok ‘соперник, конкурент’ — *Сок*

2. Различные значения, **восходящие к разным, но этимологически родственным словам**¹:

Hod — 1. ‘бросок’; 2. ‘праздник, пир’ — *Год*. Словацкое *hod* 1. < *hodiť* ‘бросить, кинуть’. Словацкое *hod* 2. < *hoditi se*, как и русское *год* < **goditi se* ‘подходить, годиться; ладить’.

Druh 1. ‘род, вид, сорт’; 2. ‘товарищ, друг’ — *Друг*. Развитие в средние века в чешском значения 1. ‘род, вид’ [Machek 1957], семантически не связанного с значением 2. ‘друг’, которое затем проникло и в словацкий, дает основание рассматривать лексему с этим значением как хотя и этимологически связанную с **drugъ*, но иную, особую, хотя бы потому, что она с таким значением не зафиксирована в других славянских языках.

3. Разные значения, **восходящие к одному этиму**. При этом семантическое расхождение слов может быть настолько значительно, что их генетическое родство доказывается лишь с помощью специального этимологического анализа:

Baňa (шахта) — *Баня*. Достоверно объясняется как праслав. заимствование **ban’a* < **banja* < народнолат. **bānea*, *balnia* — pl. лат. *balneum* ‘баня, купальня’, которое в свою очередь < греч. βαλανεῖον в том же значении. Лексема заимствована южными славянами, распространилась у восточных, а затем у западных славян приобрела значение ‘рудник, шахта’.

Cerstvý ‘свежий’ — *Чёрствый* ‘жесткий, несвежий’. Словацкий язык демонстрирует вторичное, переносное значение ‘бодрый, свежий, живой, быстрый’ по отношению к предполагаемому основному значению праслав. **čerstvъ* ‘твердый, жесткий, крепкий’, в то время как русский — одно из первичных (‘твердый, сухой’). Расхождение значений надо считать результатом раннего диалектного членения праславянского языка.

Čin ‘дело, действие, поступок’ — *Чин*. Оба слова — из праслав. **činъ*. В русском — развитие нового значения, уже начиная с др.-рус. и ц.-слав., когда появляются значения ‘порядок, подчинение, чиноположение, сан’ и др.

Kňaz ‘священник’ — *Князь*. Наряду с первичным значением ‘князь’, ‘господин’, в ст.-чеш. появилось значение ‘священник’, которое стало в словацком единственным (ср. для славц. ‘князь’ — *knieža*).

Lutoť ‘сочувствие, жалость, печаль, тоска, грусть’ — *Лютость*. Оба слова — производные от **luto* со значениями ‘дикий, свирепый, жестокий, яростный, суровый’. В словацком, как и в др. западнославянских языках, произошло смещение значения от ‘суровость, жестокость, злоба, гнев’ — через ‘страдание’ — к ‘сострадание, милосердие, скорбь, печаль’.

1 Здесь и далее, кроме специально указанных случаев, использованы этимологии [ЭССЯ].

Presný ‘точный, четкий’ — *Пресный*. В чеш. и словц. — также первоначально ‘неквашеный’, ‘не измененный брожением’, в дальнейшем изменение значений > ‘первоначальный’, ‘нетронутый’ > ‘правильный’, ‘точный’ [Machek 1957].

Rychlý ‘быстрый, скорый’ — *Рыхлый*. Происхождение обоих слов связано с *ruch* ‘движение’ < *rušat* ‘двигаться’ < **rušiti* ‘сдвигать, нарушать’ (ср. ст.-чеш. *ruchati* ‘пахать’, словц. *rúchat* ‘пахать плугом’ — [Machek 1957]).

4. Значения **генетически родственных слов**, связанных отношениями **семантической деривации**, т. е. находящихся в отношениях, аналогичных отношениям значений многозначных слов в отдельном языке. Их значения принадлежат к одному семантическому полю. Эта группа самая многочисленная среди межъязыковых паронимов, например:

Byt ‘квартира’ — *Быт*. Оба слова — производные от основы **by-* (**byti*). В словц. — метонимический переход: ‘жизнь, сущность, бытие’ > ‘место жительства, жилище’.

Čas ‘время, срок, пора, погода’ — *Час*. Основным и ранним значением слав. **časъ* считается ‘ограниченный отрезок времени’. В русском — сужение области значения слова.

Dvihať ‘поднимать, повышать’ — *Двигать*. Большинство славянских языков демонстрируют значения, близкие к ‘поднимать, перемещать вверх’, которые считаются первичными. В др.-рус. фиксируется ‘двигать’, ‘перемещать, не поднимая’, ‘приводить в движение’. В русском слове — семантический сдвиг.

Hnoj ‘удобрение, навоз’ — *Гной*. Слово, многозначное еще в ст.-слав. языке: ‘навоз, гниль; язва, гнойная рана’. Производное от **gniti*. В рус. диалектах фиксируется также ‘навоз, удобрение’, а среди диалектных и устаревших значений в словацком — ‘гной’.

Kal ‘грязь’ — *Кал*. В русском — забвение старого общеславянского значения ‘грязь’ в широком смысле слова (‘глина’, ‘кал’, ‘сера в ухе’, ‘тина’, ‘жидкая грязь’, ‘лужа’) и закрепление только значений ‘испращения’, ‘нечистоты’.

Kývať ‘качать, двигать, шевелить, махать рукой’ — *Кивать*. Сужение значения в русском, его специализация (только ‘качать головой’). Интересно, что в рус. диалектах — наоборот, расширение значений: ‘шатать’, ‘брыкаться’, ‘ловить рыбу удочкой’, ‘молотить цепом’, ‘двигать ногой педаль самопрялки’, ‘качаться, шататься, колебаться’, ‘дремать’.

Prúd ‘течение, струя, поток, электрический ток; ход, течение; направление’ — *Пруд*. Первоначальное значение праслав. корня — ‘быстрое течение’, позже ‘место реки, где течение быстрое’ (то есть где река не глубокая), далее — ‘мелководье’. Противоположное значение русского слова возникло в обратном направлении, из значения

в словосочетании *запрудить реку* ‘остановить течение’, *запруда* (ср. укр. *став*, пол. *staw* ‘пруд, запруда’), откуда *пруд* — ‘непроточная вода’ [Machek 1957].

Rodina ‘семья; дети, родня’ — *Родина*. В русском — метонимический перенос значения: ‘родная земля, страна’ (возможно, через стадию: *родина* — место, где родился, село, в котором все друг другу родня).

Vlažný — 1. ‘тепловатый, прохладный’; 2. ‘свежий’; 3. ‘равнодушный, безразличный’ — *Влажный*. Предполагается вторичное заимствование праслав. корня в ю.-слав. огласовке со значением, отличным от первоначального (ср. *vlbký* ‘сырой, влажный’ < **vyľgъkъ* < **vyľgn(q)ti* ‘становиться влажным, пропитываться влагой’). Значения слова *vlažný* метонимически связаны с значениями слова *vlhký*.

5. Родственные слова, имеющие **как общие, так и различные значения** в сравниваемых языках. Для таких пар можно говорить об относительно новых семантических процессах: изменении мотивации, исчезновении отдельных сем из некогда общих значений, появлении новых сем — в связи с разными условиями обитания, историей, языковым окружением и т. п. Так, в словацком у лексемы *hora* основным становится значение ‘лес’, ‘горный лес’, наряду с значением ‘гора’ — в связи с тем, что большинство горных массивов в стране — горы старые, покрытые лесом. О подобных семантических процессах писал Н. И. Толстой (лексемы **haj* и др.) [Толстой 1997].

Как правило, этот процесс постепенного расхождения значений в близкородственных языках еще не завершен, семантические связи прозрачны, слова еще не разошлись настолько, чтобы быть непонятными носителям обоих языков:

Hrob ‘могила’ — *гроб*. Словацкий продолжает общеславянское ‘могила, гробница, яма, ров’, в то время как у русского слова появляется новое значение ‘ящик, в который кладут умершего для погребения’, при сохранении ‘могила, место погребения’.

Kopať 1. ‘копать’; 2. ‘бить ногой, лягать’ — *Копать*. В др.-рус. также было зафиксировано ‘лягать (о коне)’, однако в русском и др. восточнославянских ‘бить ногой, лягать’ уже не отмечено.

Нередко общее у русских и словацких слов значение является менее распространенным, архаическим или стилистически маркированным, например:

Starost’ 1. ‘забота, хлопоты’; 2. — ‘старость’ (вытесняется лексемой *staroba*) — *Старость*

Blesk — 1. ‘молния’, 2. ‘блеск’ (вытесняется лексемами *blískanie*, *lesk*) — *Блеск*

Zápach — ‘запах (как правило, неприятный), зловоние, смрад’ — *Запах*

6. Значения лексем двух языков **совпадают, но различаются их оттенками**, сочетаемостью, употреблением:

Dobyť — ‘взять (с бою)’, ‘завоевать’ — *Добыть*

Prázdný ‘пустой, праздный’ — *Праздный* (фразеологически связанное)

Družba — ‘шафер; содружество; дружба (при общеупотребительном *priateľstvo*)’ — *Дружба*

Civilný — ‘гражданский’ (в противоположность ‘военный’) — *Гражданский*

Межъязыковые соответствия внешней и внутренней формы паронимов двух языков можно было бы также назвать паралексами (термин А. Е. Михневич).

Наиболее близки к понятию омонимии пары слов, относящиеся к 1 и 2 группам (случайные совпадения; образование от разных этимонов). Группа 3, включающая слова, образованные от одного этимона, семантические связи которых на синхронном уровне практически разорваны и их генетическое родство большинством говорящих (в том числе и рядом исследователей) не осознается, также приближается к позиции «омонимов». Поэтому эти пары слов можно было бы называть также *квазиомонимами*.

Семантические отношения лексем групп 4–6 аналогичны отношениям полисемии в отдельном языке. Они сохраняют генетическую общность, в той или иной степени осознаваемую говорящими, а вместе с тем и общие семы и ассоциативные связи. Для их наименования можно было бы использовать термин *квазиполисемии*.

Отметим в скобках, что часто даже при совпадении значений общих и одинаково звучащих лексем разных языков невозможно говорить о тождестве их семантического объема, именно потому, что они являются единицами разных языковых систем.

Теоретические вопросы сбора и классификации «межъязыковых омонимов и паронимов» интересны, в первую очередь, переводчикам и студентам, изучающим данные языки. Однако попытка разобратся в семантике и этимологии похожей, аналогичной лексики близкородственных языков может привести и к лучшему пониманию проблемы определения и разграничения понятий омонимии/полисемии в отдельном языке, в том числе и в его диалектах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гура 1997: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Толстой 1997: Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 12–43 (статья 1968 года).

- Толстая 2008: *Толстая С. М.* Многозначность и омонимия в диалектном словаре // *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 45–49 (статья 2006 года).
- Трубачев 1985: О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 6–15.
- Трубачев 1991: *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.
- Фасмер 1986: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под редакцией и с предисловием Б. А. Ларина. М., 1986. Т. I–IV.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Kálal 1923: *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí* (Slovensko-český diferenciálny). Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali K. Kálal a M. Kálal. Banská Bystrica, 1923.
- Kollár 1982: *Kollár D.* Medzijazyková homonymia // *Studia academica slovaca*. 11. Prednášky XVIII letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava, 1982. S. 221–234.
- Machek 1957: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Pančíková 1997: *Pančíková M.* Zradné slová v poľštine a slovenčine. Lexikológia poľského jazyka. Vysokoškolské skriptá, univerzita Komenského. Bratislava, 1993.

**И ВСЕ-ТАКИ ДР.-РУССК. -СЛЯНУТИ РЕАЛЬНО
(К ПРОБЛЕМЕ ГАПАКСОВ)***

Одна из вечных проблем лексикографии и лексикологии — отношение к гапаксам. С одной стороны, единичная фиксация слова (особенно взятая из чужих — не собранных составителем словаря — материалов) прежде всего вызывает подозрения в некорректности записи / ошибочности прочтения и побуждает к попыткам конъектуры (параллельно с упреком в адрес составителя словаря в неосмотрительности), и еще более уязвима позиция этимолога, рискнувшего предложить толкование происхождения гапакса (особенно с некоторыми далекоидущими выводами о семантическом развитии и возможности праязыковой реконструкции). Многие серьезные исследователи вынуждены были отрекаться от своих построений из-за позднейшего обнаружения некорректности исходного материала. С другой стороны, при неоспоримой реальности исторических утрат лексики вряд ли можно настаивать на обязательности абсолютной утраты, с исключением возможности сохранения единичной фиксации в каком-либо памятнике письменности или употреблении в одном диалекте, а это предполагает особую ценность гапаксов как потенциальных реликтов, полезных и даже необходимых для восполнения истории словарного состава (и отраженной в нем культуры). Я. Малкиел считал причиной элемента случайности в этимологии неизменно фрагментарный характер имеющегося в распоряжении этимолога материала и уподобил обнаружение в каком-либо недавно открытом памятнике или диалекте гапакса как недостающего в цепи исследования звена археологической находке [Malkiel 1962: 201]. Поэтому представляется очевидным, что научная добросовестность обязывает и

* Работа выполнена в рамках темы «Этимологические и этнокультурные исследования лексики русского языка на славянском и индоевропейском фоне» при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

лексикографов, и этимологов идти на известный риск, связанный с публикацией и исследованием гапаксов. Кроме того, нельзя исключить возможность последующего изменения статуса гапакса — обнаружения новых фиксаций этого слова. Предлагаемая ниже заметка посвящена одному случаю реализации такой возможности.

Я возвращаюсь к своей реконструкции тридцатипятилетней давности, основанной на древнерусской лексеме, считавшейся тогда гапаксом. Напомню вкратце содержание тогдашней публикации [Варбот 1974: 42–44]. В словарь Срезневского включен глагол *засланути*, со знаком вопроса, без указания значения, с иллюстрацией только одним текстом из Жалованной грамоты Тверского великого князя Михаила Борисовича Кириллову монастырю от 1 янв. 1486 г.: А засланеть ихъ судно монастырьское усть Дубны, и они выкладываются изъ того судна въ три подвозки, и мои мытники и таможники и заказчики и всѣ пошлинники потому жъ на игуменовъ купчинъ. и на его людехъ и на его наимитѣхъ, и с тѣхъ с трехъ подвозковъ, в которые выкладутся изъ паузка, мыта и тамги, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ не смлютъ... [Срезневский I: 946]. Употребленной в тексте форме настоящего времени *засланеть* должен соответствовать инфинитив *засланути*, как и реконструировал его Срезневский. Что касается значения этого глагола, то на основе контекста оно было мною определено как ‘достигнуть, пристать’.

Реконструированные форма и значение глагола *засланути* послужили далее базой для гипотезы о его родстве со слав. **sloniti* ‘прислонять, опирать’. Этимологические связи последнего до сих пор признаются неясными. Изолированность **sloniti* в славянском лексическом фонде и противоречивость потенциальных индоевропейских соответствий при характерных для фактитивов структурных особенностях этого глагола (корневой вокализм в ступени **o* и *-i*-основа) и значении побудили А. Вайяна предположить исходную производящую основу настоящего времени на *-ne-* с корнем **slb-*, тождественным литовскому *šliėti* ‘наклонять, прислонять’ [Vaillant 1966: 425–426]. Сопоставление **sloniti* с др.-русск. *-сланути* позволило мне внести коррективы в эту реконструкцию, с толкованием *-сланути* как исковой производящей для **sloniti* основы на *-nq/-ne-* при корне **slę-*, аналогичной праслав. **(po)menęti*. Соответственно из возможных индоевропейских соответствий для славянских глаголов было отдано предпочтение лтш. *slenēt* ‘бить’, *slānīt* ‘бить, укладывать (слоями)’. Таким образом, слав. **sloniti* было включено в аблаутно-словообразовательные связи славянской и индоевропейской лексики. Но данная реконструкция базировалась на гапаксе — др.-русск. *засланути*, поэтому она оставалась весьма проблематичной.

Ситуация принципиально изменилась в связи с обнаружением в одной из редакций Пролога — Прологе 1313 г. — глагола *присланути* в значении ‘прильнуть, припасть’: моучимоу же юмоу [Евлампиу] еулампиа сестр(а) юго посредѣ народа пришьдши

молашесѧ присланувшисѧ [ПрЮр XIV₂, 57 в припадши] к нѣмоу молитисѧ ѿ нѣи да мчна боудеть съ нимъ (περιεπλάκη ‘обняла’, 55в) [СДР VIII: 561]. Значение ‘прильнуть, припасть’ (не только выводимое из контекста, но и подтверждаемое синонимом в другой редакции Пролога) вполне согласуется со значением ‘достигнуть, пристать’, реконструированным для *заслянути*. Структура *присляноутисѧ* и *заслянути* несомненно свидетельствует о параллелизме префиксальных производных от глагола *-слянути* со значением ‘припадать, прислоняться, приставать’. Реальность этого последнего подкрепляет толкование праслав. **sloniti* как родственного фактитива, а соответственно — подтверждается и правомерность реконструкции праслав. **slenqti*. Наконец, представляется закономерной попытка углубления реконструкции исходной глагольной основы выстраивающегося праславянского этимологического гнезда. Основа **slenqti* может быть лишь относительно поздним вторичным образованием (последовательность *-enq-* невероятна как историческое продолжение **-ennon-*). Для аналогичной основы праслав. **(po)męnqti* Махек предположил первичность инфинитива **(po)męti* при основе настоящего времени **(po)menq*, с позднейшим обобщением корневой структуры инфинитива для настоящего времени **romęnq* и последующим выравниванием инфинитива уже по вторичному настоящему времени — **(po)męnqti* [Machek 1997: 370]. Отдельные этапы этого преобразования факультативно представлены в славянских языках. Очевидно, аналогичная история преобразований вероятна и для **slenqti*. Следовательно, реконструируется праславянское этимологическое гнездо с исходной глагольной корневой основой инфинитива **slęti* (при вероятной основе настоящего времени **slenq*) и производным фактитивом **sloniti*. Примечательной особенностью этого гнезда является сохранение продолжений исходного глагола только в древнерусском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот 1974: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II (**slenqti*, **ratiti*, **ridati*, **qlajъ*, **priłyka* и **lykadlo*, **zakъlo* и **nakъlo*, **zaqkъ*, **zaromъ*, **dęd(ъ)ъ*, **koporul’a*) // Этимология. 1972. М., 1974. С. 42–57.
- СДР VIII: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VIII / Гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2008.
- Срезневский I: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958 (= 1893).
- Machek 1997: Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.
- Malkiel 1962: Malkiel Y. Etymology and General Linguistics // Word. Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists. 1962. Vol. 1–2. P. 198–219.
- Vaillant 1966: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Paris, 1966.

Г. К. Венедиктов (Москва)

НЕЗАБЫТАЯ ЛЕКСИКА ИЗ ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА

Содержащийся в настоящей статье материал не есть результат специального его собирания в ходе непосредственного общения с носителями говора. Это — лишь незначительная часть сохранившейся в моей памяти лексики моего родного говора. Время, к которому относится этот материал, и нынешнюю его фиксацию разделяют... 70 лет. Временной разрыв весьма большой, и уже одно это обстоятельство может дать резонный повод для сомнений в точности указываемых значений приводимых ниже слов и обозначаемых ими реалий. В объяснение целесообразности предпринимаемого здесь обращения к воспоминаниям о забытой лексике из далекого детства напомним, что, как хорошо известно диалектологам, и специально собранный и внимательно обрабатываемый материал сам по себе не всегда является залогом абсолютной безошибочности его описания. Подтверждением этому могут служить, например, многочисленные лексикографические диалектные фантомы — несуществующие в говорах слова, выявленные А. Ф. Журавлевым в «Словаре русских народных говоров» и рассмотренные им в продолжающейся серии статей, указанных в публикуемом в настоящем сборнике «Списке» его научных работ. Некоторой уверенности в целесообразности приведения здесь нижеследующего материала придает мне и то обстоятельство, что я, наверное, единственный человек, причастный к славянской диалектологии, который в настоящее время может сообщить кое-какие данные о лексике одного старожильского русского говора в Литве как его носитель в детстве, а не со слов других лиц.

Мой родной говор — это говор деревень ¹ Уличёлы (Вуличёлы; Ulitėlės kaimas) — моя родная деревня, Липники

1 Названия населенных пунктов привожу здесь так, как их произносили местные жители; в скобках указаны их литовские названия, какими они остались в моей памяти. В опубликованных работах, посвященных русским старожильским говорам Литвы, к сожалению, не всегда указываются деревни,

(Lipnikai), Кревля́нцы (Kriaunienai), Шпү́ли (Špuliai), Борóвка (Barauka) Рокишского и деревень Савьяны (Suvėnai), Яда́ни (Juodaniai?) Зарасайского уездов довоенной Литвы. В послевоенное время все эти деревни входили в Зарасайский район. Бывавшие в Литве знают, что там деревня — это обычно не компактное поселение крестьянских дворов с их жилыми домами и хозяйственными постройками, а территория, которую занимают земельные владения с усадьбами всех жителей административной единицы, именуемой «деревня» (лит. *kaimas*). Названные деревни представляли собой небольшую округу с компактным русскоязычным населением — потомками, как и в других районах Литвы, далеких предков-староверов, переселившихся сюда из северо-западного региона русских земель. Эта округа расположена у самой границы с Латвией. Наш дом находился примерно в километре от границы, представлявшей тогда летом поросший травой ров. Ближайшими к нам местечковыми поселениями были волостной центр Обéли (лит. *Obeliai*) и уездные центры Роки́шки (лит. *Rokiškis*) и Ажарéны (лит. *Ežerėnai* ? < *ežeras* 'озеро'), как тогда русские жители называли небольшой городок Зарасай. Самый крупный ближайший к нам город Даугавпилс, который русские тогда называли Двинск, был километрах в тридцати от нас в Латвии. Русский говор жителей названных деревень был единственным средством их общения. Почти все жители старшего и среднего поколения были малограмотны или вовсе неграмотны. Русской школы в то время в нашей округе не было, и дети учились в местной начальной школе, в которой все преподавание велось на литовском языке. Эту школу я окончил в 1941 г. В первый же день войны наша семья на повозке через Латвию двинулась на восток, в Великих Луках нас и других скопившихся там беженцев посадили в товарные вагоны длинного состава и в конце июля доставили нас в Чкаловскую (теперь Оренбургскую) область. Наша семья оказалась в с. Сакмара, большом районном центре этой области. В конце войны я вернулся в Литву, жил и учился в Вильнюсе, потом в Ленинграде и только в летние каникулы, приезжая на короткий срок в деревню в гости к бабушке и дедушке, я вновь оказывался в стихии родного говора, на котором в то время я уже не говорил.

Старожильческие русские говоры в Литве рассеяны по разным уездам (районам), как правило, небольшими островками в окружении литовского языка. В послевоенное время лексика этих говоров, как таких же говоров Латвии и Эстонии, нашла отражение в целом ряде описаний прибалтийских диалектологов. В них содержится интересный и ценный материал для самой русской диалектологии, истории русского языка и межъязыковых контактов на территории Прибалтики. Вместе с тем, к сожалению, встречаются в них и не совсем точные и ясные толкования

особенности говора которых в них описываются. Не исключено поэтому, что в какой-либо из таких работ приводится и материал моего родного говора.

отдельных слов. Отмечая это, я опираюсь на данные родного говора, относимые к его состоянию в предвоенное десятилетие. Естественно, я многое забыл. Я не уверен сейчас, например, в том, что жители моей родной округи не употребляли слова *лошадь*, всегда называя это полезнейшее домашнее животное только словом *конь*. Не могу с уверенностью сказать сейчас и то, например, что словом *пíздрик* носители говора называли именно чибиса — небольшую птицу с хохолком на голове, гнездившуюся на земле и издававшую при полете звук, похожий на «пи-и-ии». Не помню, как назывались у нас всем известные лесные ягоды — *брусника*, *черника* или *брусница*, *черница* и т.д. Но есть и много таких слов родного говора, лексические значения которых я твердо помню. Будучи в этом совершенно уверенным, я и привожу ниже тематически отобранный перечень части таких слов из незабытой лексики далекого детства.

Жилой дом и другие постройки. Почти все жилые дома в нашей округе до войны были покрыты соломой. Лишь несколько домов в д. Боровка, называвшейся также и д. Норейки (по литовскому названию железнодорожной станции Noreikiai), и двухэтажный особняк самого богатого в округе землевладельца были покрыты *гóнтом* (дранкой). Другие постройки: *клеть* ‘амбар’, *ба́йня* ‘баня’. Внутренность дома: *го́рница* ‘лучшая в доме комната, обычно самая светлая и большая’, *зы́бка* ‘люлька, колыбель’, *по́лог* ‘навес из домотканой ткани, укрывающий кровать’, *пола́ти* ‘возвышающийся над полом настил из досок, пристроенный к стене’, *лену́ха* ‘широкая лавка, пристроенная к русской печи’, *ошо́сток* ‘шесток русской печи’, *капту́р* ‘верхняя, припотолочная часть трубы русской печи’, *печу́рка* ‘выемка в стенке русской печи для сушки варешек и других мелких вещей’, *кля́мка* ‘щеколда’. Домашняя утварь и другие предметы: *ча́шка* ‘миска’, *кру́жка* ‘чашка’, *квартá* ‘большая металлическая кружка’, *пу́шка* ‘металлическая банка, коробка’, *ла́тка* ‘глиняная миска, тарелка’, *до́но* ‘нижняя часть, основание сосуда’, *гасю́лька* ‘коптилка, плошка с фитилем’, *кно́т* ‘фитиль в керосиновых лампах и фонарях’, *ца́ука* ‘игрушка’, *ля́лька* ‘кукла’. Орудия домашнего труда и другие предметы домашнего обихода: *абцу́й* ‘клещи’, *но́жни* ‘ножницы’, *тамбу́рка* ‘крючок для вязанья’, *пруто́к* ‘вязальная спица’, *шерша́тка* ‘большая иглолка для работы с толстыми нитками’, *ланицу́г* ‘цепь’, *пра́льник* ‘валек для стирки и полосканья белья’, *ла́пина* ‘заплата’, *шма́т* ‘кусочек ткани’, *шматок* ‘лоскуток ткани’, *поса́га* ‘приданое’, *голи́к* ‘истершийся от употребления веник без листьев и тонких прутьев’, *кулёк* ‘вязанка нарубленного хвороста, целиком закладываемая в русскую печь’.

Земля и объекты на ней: *по́жня* (*по́жыня*) ‘луг’, *не(в)удоб́ие* ‘неудобный для обработки, плохого качества участок земли’, *гни́ла* ‘глина’, *глы́жевя* ‘засохшие после вспашки или копки комья земли’, *больша́к* ‘большая грунтовая дорога’, *жвир* ‘гравий’, *са́жалка* ‘пруд’, *буза́* ‘ил на

дне водоема', *люн* 'заболоченный, топкий луг у берега озера', *отмэль* 'отмель', *лávина* 'мостки из досок на озере для забора воды, стирки одежды и пр.'

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ И ЗАНЯТИЯ: *драпáк* 'культиватор на конной тяге', *áрфа* 'веялка', *молотíлка* 'передвижная машина на конной тяге для обмолота зерновых', *мýлка* 'самодельная льномылка для обработки высушенного после вымачивания льна', *брі́ка* 'повозка с высокими решетчатыми бортами для перевозки сена, снопов', *побóйня* 'деревянная колотушка на длинном черенке для разбивания засохших после вспашки или копки комьев земли', *сéчка* 'орудие для размельчения травы, ботвы, овощей, идущих на корм скоту', *зúпер* 'суперфосфат', *толока́* 'кратковременная работа в помощь соседям, родственникам', *ора́ть* 'пахать', *боро́нить* 'бороновать', *арфова́ть* 'очищать зерно, пропуская его через арфу (веялку)', *мури́ть* 'складывать стену, ограду и пр. из кирпича, камней', *шмули́ть* 'движением руки по ветке отрывать от нее листья', *сечь* 'рубить хворост, дрова', *скуба́ть* 'отделять пластинки птичьего пера от его стержня'.

ЧЕЛОВЕК: *жёнка* 'жена', *шва́гра* 'шурин', *швагёрка* 'свояченица', *ма́лец* 'парень, неженатый молодой мужчина', *баху́р* 'ребенок (неодобрительно)', *ки́ндыр* 'то же', *жебра́к* 'нищий, побирушка', *ги́рник* 'лесник', *жидови́н* 'еврей', *болботу́н* 'болтун', *дри́сту́н* 'страдающий поносом', *сиу́ль* 'страдающий недержанием мочи', *жи́чка* 'ячмень (на глазу)', *сли́на* 'слюна', *сукора́тки* 'катышки, образующиеся на потном, нечистом теле при растирании его пальцами', *си́аки* 'моча', *ки́ла* 'паховая грыжа', *по́тка* 'penis', *пу́тя* 'penis' (детск.), *пу́тька* 'то же', *си́ать* 'мочиться', *сю́кать* 'то же' (детск.), *пи́риться* 'капризничать, хныкать' (детск.), *гри́биться* 'надувать губы, делать недовольное лицо', *уби́ть* 'ударить, ушибить', *уби́ться* 'удариться, ушибиться', *жебровáть* 'просить милостыню, побираться', *позы́чить* 'дать взаймы, взять взаймы', *шко́дить* 'вредить, пакостить', *мару́дить* 'медлить, мешкать', *сморко́титься* 'соскучиться', *ру́нить* 'беспокоиться, быть озабоченным', *потре́фить* 'угодить', *меркова́ть* 'обдумывать, прикидывать', *пужа́ть* 'пугать', *ши́каться* 'со́ге', *стра́м* 'срам, стыд', *лено́й* 'ленивый', *лупа́тый* 'губастый', *треблáтый* 'брюхатый'.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ: одежда — *стану́ха* 'женская ночная сорочка', *дя́нки* 'варежки, рукавицы', *поголёнок* 'верхняя часть чулка', *или́пст* 'галстук', *носа́тка* 'носовой платок', *гайтáн* 'шнурок для нательного крестика', *корт* 'фабричная плотная хлопчатобумажная ткань'; обувь — *обу́тки* 'обувь', *дерева́шки* 'башмаки на деревянной подошве (сабо)', *па́столи* 'самодельные башмаки из толстой мягкой кожи, охватывающей ступню снизу и зашнурованной сверху ремешками', *забо́рска* 'обувной шнурок', *заборса́ть* 'зашнуровать башмаки'.

Кушанья: *баркáница* ‘молочный суп с нарезанной кружочками морковью’, *бураки́* ‘суп с нарезанными ломтиками столовой свеклы’, *зати́рка* ‘суп с растертыми хлопьями теста’, *затиру́ха* ‘то же’, *холодн́ик* ‘холодный суп из свекольной ботвы, щавеля с нарезанным свежим огурцом’, *ботвинья́* ‘холодный суп из нарезанной ломтиками красной свеклы’, *комы́* ‘суп с круглыми комочками сырого тертого картофеля, начиненными свиным салом’, *гарбузи́ха* ‘тыквенная каша’, *драче́на* ‘запеченное в миске кушанье из пшеничной муки, молока и яиц’, *ска́нец* ‘сложенная пополам лепешка, начиненная творогом’, *коко́ра* ‘мучная лепешка’, *коко́рина* ‘то же’, *картофля́ник* ‘сложенная пополам лепешка из толченого вареного картофеля, начиненная капустой’, *гу́льбишник* ‘то же’, *дро́жди* ‘дрожжи’, *куму́шка* ‘брага’, *панса́к* ‘перловая крупа’, *мука́ вальцовáная* ‘мука тонкого помола’, *мука́ петлева́ная* ‘мука грубова-того помола’, *отго́н* ‘обрат (обезжиренное молоко)’, *сикадво́й* ‘то же’, *простоќиша* ‘простокваша’, *белто́к* ‘белок (яйца)’, *поку́шать* ‘попробовать, отведать кушанье’, *исть́* ‘принимать пищу’², *снеда́ть* ‘завтра-кать’, *снеда́нье* ‘завтрак’.

Животный мир: животные — *шешо́к* ‘хорек’, *ве́кша* ‘белка’; пти-цы — *инды́к* ‘индюк’, *пету́н* ‘петух’, *батья́н* ‘аист’, *коришун́* ‘коршун’, *пلي́стовочка* ‘трясогуска’, *шпак* ‘скворец’; рыбы — *менту́з* ‘налим’, *оку́нь* ‘окунь’, *писку́н* ‘вьюн’, *плот́ка* ‘плотва’; насекомые — *сикля́ха* ‘муравей’, *мятлы́шка* ‘бабочка’, *скачо́к* ‘кузнечик’, *шй́тик* ‘личинка ручейника’; другие — *рану́га* ‘жаба’, *поваре́шка* ‘головастик’, *земя́* ‘змея’.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР: овощи — *барка́н* ‘морковь’, *бу́льба* ‘картофель’, *гу́льба* ‘то же’ (но чаще, кажется, уже употреблялось слово *карто́шка*), *спёшка* ‘раннеспелый картофель’, *бура́к* ‘свекла’, *ка́лика* ‘брюква’, *кисли́ца* ‘щавель’; травы — *стрека́ва* ‘крапива’, *цвет* ‘цветок’; дере-вья — *ольха́* ‘ольха’; ягоды и ягодные кустарники — *порё́чка* ‘красная смородина’, *сморо́да* ‘черная смородина’, *ягREST* ‘крыжовник’, *гонобо́ль* ‘гонобобель’; другие — *шпары́нка* ‘спаренный (сдвоенный) плод оре-ха, зерна и др.’.

Грибы: *оба́бок* ‘подберезовик’, *горя́жка* ‘сыроежка’, *подгре́б* ‘груздь’.

Другие слова: наречия и частицы *а́жно* ‘аж, даже’, *ба́йки* ‘ладно, пусть’, *гора́зд* ‘очень’ (*горазд большой* ‘очень большой’), *ту́тыка* ‘тут, здесь’, *та́мыка* ‘там’, наречия с «оттянутым» ударением *высо́ко*, *до́бро*, *лё́гко*, *далё́ко*, *све́тло*, *те́мно*, *те́пло*.

2 Начальный гласный [и] глагола *исть*, если меня не подводит память, выступает в говоре только в формах 2 и 3 л. ед. ч. — *ишь*, *ист*; в остальных формах высту-пает гласный [е] (с яканьем в безударной позиции): *ем*, *едим*, *едите*, *едя́т*, *ел*.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ
СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГОГОЛЯ

Своеобразие художественного мира Гоголя не в последнюю очередь связано с воскрешением в нем, или, точнее, «перевоссозданием», древнейших пластов словесного творчества, восходящих к архаическим обрядам и ритуалам. В творческое сознание писателя они входят через промежуточную сферу фольклора, в котором, как показал на примере волшебной сказки В.Я. Пропп, происходит реинкарнация первобытных обрядовых структур. Мифологические концепты славянского фольклора, лежащие в основе архетипов традиционной обрядовой культуры, становятся неотъемлемой принадлежностью художественного мира Гоголя и оказывают существенное воздействие на онтологию его творчества.

В качестве ключевой онтологической проблемы выступает у Гоголя оппозиция бытия и небытия, живого и мертвого. Характерной чертой поведения персонажей писателя является постоянное пересечение ими *границы* между миром живых и миром мертвых. Уже в первом сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» одной из главных архетипических черт поведения и родового сознания героев становится ощущение живой непрекращающейся связи с предками, «дедами». Здесь торжествует не условное время сказки, а мифологическая концепция циклического времени, согласно которой души умерших предков возрождаются в их потомках. «А как впутается какой-нибудь родич, — говорит рассказчик «Пропавшей грамоты», — дед или прадед — ну, тогда и рукой махни: <...> если не чудится, вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе <...>» [Гоголь 1937–1952: I, 189].

В традиционной славянской культуре общение живых и мертвых строго регламентировано [см.: Толстая 2000]. В его основе лежат мифологические представления о посмертной судьбе предков, души которых в определенные народным календарем дни почитают, приглашают в гости. Тех, кто явился

в неурочное время, боятся, выпроваживают, стараются защититься от них. Былички и похоронные причитания отразили представления о том, что смерть человека наступает из-за того, что умерший родственник, явившийся до сорокового дня, забирает его к себе на «тот» свет [Мифологические 1996: 29, 116]. В календарных обрядах у «предков» просили покровительства, в семейных (родинных, свадебных, похоронных) ведущую роль играла охранительная семантика. Новорожденный, невеста, умерший считались лиминальными существами, которые должны были совершить «обряд перехода» (А. ван Геннеп), чтобы утвердиться в новом статусе человека, замужней женщины, покойного предка. Любые нарушения обрядового регламента были чреваты опасными последствиями для участников обряда и для всего родового коллектива.

Особый статус имел в фольклорных обрядовых представлениях *сирота*. Он воспринимался как лицо ущербное не только социально, но и ритуально. Сирота был обделен, лишен своей доли и поэтому не мог участвовать в семейных обрядах, чтобы его обездоленность не распространилась на окружающих и на саму обрядовую ситуацию. Сирота не допускался к участию к свадебном обряде, а также в некоторых календарных обрядах, исполняемых ради плодородия и правильного течения жизни. Лишенный защиты и покровительства в мире земном, сирота мог обращаться за помощью к миру потустороннему. Он имел статус посредника между миром людей и «иным» миром [см.: Левкиевская 2002: 433].

Главные герои большинства повестей «Вечеров» наделены чертами сиротства или полусиротства. Вот почему столь проблематична для них ситуация брака. Грицько («Сорочинская ярмарка»), Петро («Вечер накануне Ивана Купала») — круглые сироты. Полусироты — Левко («Майская ночь»), Вакула («Ночь перед Рождеством»), Катерина («Страшная месть»). И даже Иван Федорович Шпонька — сирота, находящийся под покровительством своей тетушки. Обратим внимание, что во всех этих произведениях, за исключением последней повести, где тема брака только намечена как возможность превращения «дытыны» в «мужа», свадьба выступает в качестве ключевого сюжетного мотива. И совершается она при участии нечистой силы. Иными словами, сиротство персонажей наделяет эти свадьбы признаками «нечистоты», то есть превращает в антисвадьбы. Даже если свадьба сыграна по всем обрядовым правилам, как в «Вечере накануне Ивана Купала», она не приносит героям счастья. Вероятно, не случайно свадебная тема соединяется с мотивами смерти и скуки в финале «Сорочинской ярмарки»: «при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком» [I, 135].

В славянском фольклоре свадебный и похоронный обряды структурно изоморфны [см.: Байбурин, Левинтон 1990]. Их неразрывная

связь отражает архаические представления об изоморфизме смерти и рождения. Отзвуки структурно-семантического комплекса, объединяющего свадьбу и похороны, можно обнаружить в «Вечерах», «Миргороде» и петербургских повестях. Такова, например, сюжетная коллизия «Вия», в рамках которой строятся отношения круглого сироты Хомя Брута и панночки. Отмечалась и травестия романтической темы мистического брака в «Шинели» [Манн 1987: 77]. Однако превращение Башмачкина в «ходячего покойника» в «фантастическом» окончании повести может получить адекватное толкование благодаря соотнесению финала «Шинели» с мифологическими представлениями о причинах явления умершего в мир живых, одной из которых является неизжитость им срока жизни. Поведение мертвеца, ищущего свою шинель, по словам современного исследователя, «прямо указывает на него как на заложного покойника, доживающего за гробом свой век» [Кривонос 2006: 386].

В поэме «Мертвые души» тема посмертного существования является ведущим смыслообразующим мотивом, актуализирующим не только христианские, но и языческие концепты живой и мертвой души. Здесь, в первую очередь, следует обратить внимание на архетипические черты поминальной обрядности, которые проявляются на разных уровнях художественного текста. Они связаны с загробным интересом главного героя — покупкой мертвых душ. Композиционное своеобразие первых шести глав поэмы может быть охарактеризовано таким фольклорно-этнографическим термином как *обход*. Сначала Чичиков наносит визиты городским чиновникам — «отцам города», а потом совершает объезды окрестных помещиков — владельцев мертвых душ. Они воспроизводят структурную схему обрядовых обходов, связанных с календарными народными праздниками. На святках обход дворов является композиционным стержнем обряда колядования, атмосфера которого с этнографической точностью воспроизведена Гоголем в «Ночи перед Рождеством». Обряд заключается в последовательном посещении домов группами колядовщиков с определенной ритуальной целью и получении даров от хозяев дома. Мифологический смысл обряда восходит к архаическим представлениям о том, что колядовщики есть заместители покойных предков [см.: Виноградова 2000: 115]. Их одаривание было призвано обеспечить покровительство усопших в новом земледельческом году, гарантировать хозяйственное и семейное благополучие. Обряд сопровождался исполнением особых магических песен заклинательного типа — колядок. Они включали в себя в качестве обязательного структурного элемента благопожелания хозяевам дома [см.: Агапкина, Виноградова 1994]. В рамках этого ритуала и совершался дарообмен между исполнителями колядок и хозяевами. Одаривание колядовщиков как заместителей душ умерших, пришедших в свои дома, опиралось на мифологические представле-

ния о том, что покойные предки способны «не только предсказать судьбу, но и повлиять на все сферы земной жизни. В этой связи поминальные обряды есть не что иное, как жертва в целях задабривания умерших, чтобы они в дальнейшем содействовали благополучию своих родственников» [Виноградова 1982: 148].

Чичиков с его умением «очень искусно польстить каждому» [VI, 12] производит при своих посещениях помещиков типологически сходный дарообмен: «благопожеланий» на мертвые души. Этот обрядовый архетип представлен, естественно, не в прямой, а в трагической ипостаси во всех диалогах с помещиками, кроме главы о Ноздре. Манилов, подаривший своих покойников Чичикову, в ответ на благодарности «смешался, весь покраснел и <...> выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь» [VI, 36]. В остальных случаях дарообмен носит товарно-денежный характер.

Диалог Чичикова и Манилова представляет собой инверсию обряда благопожелания, характерную для святочных игр с покойником, в которых пародируется погребальная обрядность (игра в «умруна»): «Чичиков ведет свою роль в личине „притворной скромности“, Манилов же — в роли щедрого „величальника“ [Карпенко 1996: 53]. Игры с покойником были тесно связаны с календарными праздниками, где они выражали идею вечного круговорота жизни и смерти. Это особые формы народной смеховой культуры, пародийные «ряженные» похороны и отпевания, которые носят эротический характер, призванный активизировать продуцирующие функции мира живых, повлиять на плодородие земли, животных и людей [Морозов, Слепцова 2004: 559–572].

Однако в наиболее архаичных формах они сохранялись не в календарной, а в семейной обрядности. Вплоть до 30-х годов прошлого века этнографы фиксировали в западноукраинской погребальной традиции веселые игры с телом настоящего покойника. К ноге мертвеца привязывали веревку и дергали за нее, щекотали за пятки, чтобы «пробудить», вернуть его к жизни [Богатырев 1996: 490–491]. Эти кошунственные, на первый взгляд, действия являлись частью целого комплекса ритуалов, направленных на то, чтобы снять страх перед вредоносностью смерти. На Русском Севере одним из наиболее действенных средств защиты от нее считалось прикосновение к пятке покойного, «так как пятка — это та часть тела, которой нет у представителей нечистой силы (ср. одно из наименований черта — Антипка беспятый)» [Мифологические 1996: 115]. Знакомство Чичикова с Коробочкой начинается с предложения гостеприимной вдовы почесать на ночь пятки: «Покойник мой без этого никак не засыпал» [VI, 47]. Ночной гость, явившийся в неурочное время неизвестно откуда, в мифологическом сознании воспринимался как представитель

«чужого», или потустороннего, мира и мог быть демоническим существом, «ходячим» покойником. Недаром Коробочке, «необыкновенно» боящейся чертей, незадолго до встречи с Чичиковым «всю ночь снился окаянный» [VI, 54]. Предложение почесать пятки в обрядовом контексте можно рассматривать как способ идентификации гостя по признаку «свой»/«чужой», человек/нечеловек.

У славян была широко распространена вера в то, что души умерших посещают свои бывшие дома в поминальные дни и в сочельник. В связи с этими представлениями находились и поверья о том, что любой пришедший в сочельник гость — «особа священная» [Виноградова 1982: 195]. В некоторых обходных обрядах визитером мог выступать один человек. Считалось, что «именно через посредничество ритуально значимых лиц можно связаться с миром умерших» [Виноградова 1982: 144]. Показательно, что в похоронных причитаниях восточных славян покойника называют «гостем» [Невская 1997: 443]. Первого посетителя дома во время целого ряда осенне-зимних народных праздников именовали «полазником» и воспринимали как ритуального гостя [Богатырев 2007]. Такого рода гость — объект особого почитания как представитель чужого, иного мира. В словаре В. Даля одно из первых значений слова «гость» — «иноземный или иногородний купец, живущий и торгующий не там, где приписан» [Даль 1951: 386]. Превращение «чужого» в «гостя» связано с обрядовыми формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования.

«Вы у нас гость: *нам должно угощать*» [VI, 148] — вот модель, по которой строятся до девятой главы отношения городских чиновников и помещиков с Чичиковым. Архетип *обрядового гостя* возникает в системе тончайших аллюзий, связанных в поэме с главным предприятием Чичикова, с его настойчивым интересом к мертвым душам. И дело не только в том, что Чичикова щедро угощают блюдами традиционного поминального стола. Обилие блинов на столе у Коробочки уже было отмечено как элемент масленичной обрядности [Смирнова 1987: 48]. Остается добавить, что блины на масленицу предназначались прежде всего для угощения покойных предков. Обычай печь блины в народных верованиях был одним из самых надежных способов связи с иным миром: печь блины — «мосыциць Хрысту дорогу на небо» [Виноградова 1982: 188]. В качестве блюд традиционного поминального стола можно упомянуть щи и гречневую кашу, которой была начинена знаменитая «няня» у Собакевича, ватрушки, «из которых каждая была гораздо больше тарелки» [VI, 99]. Изобильный стол был одним из признаков поминальной обрядности, для того чтобы приходящие в дом души предков насытились. За комической фразой Собакевича: «Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как *душа требует*», — возможно, стоит вполне определенный обрядовый контекст. С христианской поминальной обрядностью связан и сухарь из пасхального кулича, которым вознамерился уго-

стить Чичикова Плюшкин. Из этой традиции ритуального угощения «гостя» выпадает Ноздрев, на обеденном столе которого «блюда не играли большой роли» [VI, 75], единственный из помещиков, с кем Чичикову не удалось договориться о покупке мертвых душ.

Особенно важно отметить, что рассказы Коробочки и Собакевича о своих умерших крестьянах носят открыто поминальный характер и могут быть сопоставлены с поэтикой похоронных причитаний, устойчивым мотивом которых была *некрологическая похвала*. «И умер такой всё славный народ, всё работники <...> На прошлой недели сторел у меня кузнец, такой искусный кузнец и слесарное мастерство знал» [VI, 51], — говорит Чичикову Коробочка. Характеристики покойных крестьян Собакевича представляют собой развернутые панегирики. Размышления Чичикова над списком купленных душ, символический «смотр» которым он производит, напоминают языческий обычай обрядовой «оклички» мертвых в Великий четверг, зафиксированный в «Стоглаве»: «А Великий четвергъ по рану солому палют и кличуть мертвых» [цит. по Успенский 1982: 141].

С Чичиковым входит в поэму тема смерти. Уже в первом разговоре с гостиничным слугой гость «расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии, повальных горячек, убийственных каких-то лихорадок, оспы и тому подобного» [VI, 10]. Эпидемии и болезни в народной культуре персонифицировались и воспринимались как стихийные вторжения «чужого» в сферу «своего» [Усачева 2000: 58]. Для их предотвращения совершались «опахивания», «огораживания», профилактические обходы «своей» территории. Сюжетное поведение гоголевского героя, структура его визитов и объездов носят характер своеобразной инверсии этих апотропеических обрядов. Негоция Чичикова, скупающего мертвые души, нарушает традиционный регламент общения предков и потомков. Пытаясь отторгнуть от мира мертвых его часть, он, согласно народным воззрениям, лишает купленные души родовых связей и способствует несанкционированному вторжению «чужого» в мир живых, расширяя тем самым пространство смерти. Крах предприятия Чичикова есть знак победы над энтропийным началом, угрожающим миру русской жизни.

Исследование роли мифологических концептов славянского фольклора у Гоголя позволяет не только увидеть глубину и цельность художественного мира писателя, но и заново осмыслить важнейшие онтологические аспекты его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина, Виноградова 1994: Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благодарения: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Вера. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 168–208.

- Байбурин, Левинтон 1990: *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–99.
- Богатырев 1996: *Богатырев П. Г.* Игры в похоронных обрядах Закарпатья // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 490–491.
- Богатырев 2007: *Богатырев П. Г.* «Полазник» у южных славян, мадяров, словаков, поляков и украинцев // *Богатырев П. Г.* Народная культура славян. М., 2007. С. 131–214.
- Виноградова 1982: *Виноградова А. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.
- Виноградова 2000: *Виноградова А. Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.
- Гоголь 1937–1952: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1952. Все цитаты после первой даются по этому изданию с указанием в скобках только тома и страниц.
- Даль 1955: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1.
- Карпенко 1996: *Карпенко А. И.* Черты народно-смеховой характерологии в мире «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Мысль, слово и время в пространстве культуры. Теоретические и лингводидактические аспекты изучения русского языка и литературы. Киев, 1996. С. 23–59.
- Кривонос 2006: *Кривонос В. Ш.* Повести Гоголя: Пространство смысла. Самара, 2006.
- Левкиевская 2002: *Левкиевская Е. Е.* Сирота // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 433.
- Манн 1987: *Манн Ю. В.* Диалектика художественного образа. М., 1987.
- Мифологические 1996: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.
- Морозов, Слепцова 2004: *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- Невская 1995: *Невская А. Г.* Концепт *гость* в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 442–452.
- Смирнова 1987: *Смирнова Е. А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987.
- Толстая 2000: *Толстая С. М.* Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение. 2000. № 6. С. 14–20.
- Усачева 2000: *Усачева В. В.* Контакты человека с демонами болезней: способы защиты и избавления от них // Миф в культуре: человек — не человек. М., 2000. С. 58–67.
- Успенский 1982: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культа Николая Мирликийского. М., 1982.

И. Г. Добродомов,
В. В. Шаповал (Москва)

РЕАЛЬНЫЕ И ПРИЗРАЧНЫЕ СЛОВА ИЗ МИРА ПОДАРКОВ

Поскольку *errare humanum est*, а для лексикографов *nihil humani alienum est*, возникает необходимость специального осмысления лексикографических ошибок, что можно было бы (в соответствии с нынешней модой плодить гелертерские названия областей исследования) назвать еггатологией, образцы разработки которой (без этого звонкого и едва ли нужного «термина») на базе призрачных слов сводно-академического СРНГ дал Анатолий Федорович в серии заметок под общим названием «Лексикографические фантомы». В области лексикографической еггатологии уже сложился некий круг авторов — соратников А. Ф. Журавлева, которые подвергают научному анализу материал лексикографии: А. Е. Аникин, А. Ю. Астахина, А. Б. Страхов и авторы данных строк, — не называя свои разыскания еггатологией.

Особенностью предлагаемого здесь материала является то, что в нем предпринята попытка проанализировать не только сделанную, но и запланированную ошибку в будущем «Словаре русского языка XIX века», где в проспекте встречаются резко противоречащие друг другу утверждения относительно предполагаемого включения иноязычной лексики. Так, в разделе о словнике (гл. I, § 5) декларируется: «В Словаре найдут отражение иноязычные слова, употребляемые в тексте без перевода, но в русской транскрипции», — а с другой стороны — нечто противоположное: «В словник Словаря XIX в. не включаются иноязычные заимствования, не входящие в систему русского языка, не употребляемые в речевом обиходе и занимающие положение „экзотизмов“ <...> Не подлежат показу в Словаре иноязычные слова, являющиеся простым эквивалентом русских слов и употребляемые писателями с художественной целью: восточн. **пешкеш** ‘подарок’, **харамзада** ‘жулик, обманщик’, **зильфяры** ‘кудри’ (А. А. Бестужев-Марлинский) <...> и под. Употребление такого рода иноязычной лексики от-

ражает не столько языковые, сколько стилевые особенности русской литературы XIX в., в первую очередь литературы романтического направления» [Сл. XIX: 22, 24].

I

Эти противоречия станут еще более разительными, если учесть, что автор этих несогласностей является и одной из составительниц СРНГ, где ей принадлежат две словарные статьи, трактующие первое слово *пешкеш* из списка (едва ли правильно) как два омонима: «1. **Пешкеш**, м. 1. Подарок. Астрах. 1840. Терск. Дедим из городу пешкеш привез. Кедабск. Азерб. ССР. Арм. ССР. 2. Взятка. Астрах. 1840. 2. **Пешкеш**, нареч. Даром. Картошки ныне много, почитай, пешкеш отдаем. Кедабск. Азерб. ССР, 1963» [СРНГ-27: 14]¹.

Слово «**ПЕШКЕШЪ**, а, с.м. Подарокъ, иногда вынужденный, взятка. А с т р а х.» [Опыт 1852: 157]² почти сразу в списке между *перечать* и *плавъ* получило этимологию: «П а ш к е ш ъ. Персидск. пишкашъ — подарокъ» [Петров 1852: 89], которую подтвердили В. И. Даль и Ф. Миклошич; опечатка последнего *пашкешъ* исправлена Ф. Е. Коршем в рецензии [Korsch 1886: 662].

В СРНГ есть отсылочная статья: «**Пишкеш**. См. П е ш к е ш» [СРНГ-27: 60] — однако ни под *пешкеш*¹, ни под *пешкеш*² нет сведений о форме *пишкеш*.

Впрочем, относительно диалектной лексики Проект занимает весьма смутную позицию: «Описание данного разряда лексики не входит в непосредственные задачи Словаря XIX в.³ Однако <?> одной из характерных для XIX в. тенденций было пополнение словарного состава русского литературного языка за счет „вчерашних“ диалектизмов. Катализирующую роль в этом процессе играла литература, делавшая диалектные слова привычными для человека, владевшего литературной нормой» [Сл. XIX: 31–32].

Осложнит восприятие диалектной лексики ее изолированная подача: «Отсылка ср. при указании на семантически близкие слова в Словаре XIX в. не применяется. Лексикографическая практика

1 Надо сказать, что выделение в особый омоним «наречия» *пешкеш* 'даром' основано на неверном объединении в предложении высказываний: *Картошки ныне много. Почитай, пешкеш отдаем*, т. е. *Считай, что подарок отдаём*.

2 Следует вспомнить, что сведения об астраханской лексике восходят к материалам бывшего в 1837–1841 г. капитаном «над портом» Астрахани П. Ф. Кузмищева [Кузмищев 1841], одного из активнейших корреспондентов В. И. Даля [Савва 1908]. Они хранятся в Петербурге (Архив Академии Наук СССР, фонд 216, оп. 4, № 11, 12, 13).

3 «Это компетенция издаваемого в настоящее время фундаментального академического „Словаря русских народных говоров“, охватывающего материал XIX–XX вв.» (прим. проекта).

убеждает, что в больших словарях ее последовательное использование невозможно (см., например, „Словарь русского языка XVIII в.“, „Словарь русских народных говоров“). Она пригодна лишь для словарей небольшого объема (однотомных), позволяющих выверить текст полностью» [Сл. XIX: 114]⁴. В. И. Даль не побоялся этой трудности и дал этому слову толкование с помощью синонимов: «**ПЕ(И)ШКЕШЬ** м. *орнб. астрх.* персд. гостинець, подарокъ, приносъ, подачка, поклонъ; взятка, поборы, срывъ» [Даль₂-III: 110].

К этому И. А. Бодуэн де Куртенэ в третьем издании словаря В. И. Даля добавил в квадратных скобках указания «[тюрк.]» и «[Ср. бакшишъ]» [Даль₃-III: 271, 293]. Он также не испугался трудностей показа связей между фонетически и семантически сходными словами, чего чрезвычайно боятся проектеры Словаря XIX в. со ссылкой на плохие прецеденты как на образец.

Однако указание Бодуэна на тюркские языки явно безосновательно, поскольку ни один из них в астраханском или оренбургском регионе (казахский, ногайский, татарский и башкирский) слова *нешкеш* или его вариантов, кажется, не знает (по данным словарей). В связи с этим М. Фасмер вынужден был прибегать к весьма далекому турецкому языку: «**нешкеш**, **пишкеш** „подарок“, „взятка“, астрх., сиб. (Даль)⁵. Через тюрк. (тур. *raşkaş* „подарок“) или непосредственно из перс. *piškāš* — то же» [Фасмер-III: 257].

Кроме тур. *peşkeş* ‘подарок, подношение’, широко известного в балканских языках, это слово известно в узбекском (*нешкаш*), азерб. (*нешкаш*) и кумыкском (*нешкеш* редко), которые далеки от Оренбурга и Астрахани.

Астрахань и Оренбург были центрами торговли с Персией, поэтому в этимологическом отношении был прав В. И. Даль, который эти торговые связи мог наблюдать в Оренбурге и связал *нешкеш* прямо с персидским языком. В связи с этим русское уже устаревшее слово *нешкеш* вслед за В. И. Далем приходится возводить к персидскому *не:шкеш* «*پیش کش* (е) первые плоды; лучший подарок (высшимъ сановникамъ и принцамъ); дань»⁶, которое в персидском языке имеет близкое по звучанию и значению, но другое слово *бахшиш* «*بخشش* ж даръ, подарокъ, пожалованье, вознаграждѣніе, Рыбы (знак зодиака)» и *бахши:ш* «*بخشیش* подарок, даръ; на чай, на водку; подарки къ (рождеству)» [Ягелло 1910: 352, 218].

4 Недостатки указанных здесь словарей нельзя возводить в достойный подражания принцип: отказ от требующих больших усилий перекрестных ссылок является сознательной направленностью на ухудшение словаря, делающей его менее информативным.

5 Помета „сиб.“ напечатана у Фасмера вм. „орнб.“ у Даля?

6 Ср. этимологию в книге: *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969, S. 384 b: «ce que est tiré (*kaş*) d'abord (*piş*)» <то, что сорвано (с дерева) вначале>.

Хотя слово *пешкеш* не попало в не вполне законченный словарь-справочник «Редкие слова в произведениях русских авторов XIX века» 1997 г., оно может быть отнесено к редким для русской литературы XIX века, но, тем не менее, спорадически употребляемым словам.

А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-Бек» (1832) использовал его как восточный экзотизм, выделенный *курсивом* (с пояснением в скобках) и отражающий местные особенности взаимоотношений с высокопоставленной особой: «Гарамъ ханскій всегда полонъ гостями и нерѣдко просителями, которые, по Азіатскому обычаю, не смѣютъ показать глазъ безъ *пешкеша* (подарка), хотя бы то былъ пятокъ яицъ» [Бестужев-Марлинский 1832: 64].

Причем слово встречается не только у романтика Марлинского, но и у реалиста Даля, который охотно использует восточные названия подарков, что уже отмечено в литературе: *кунак аш* (VII, 242) 'гостинец для приятеля', *пишкеш* (VII, 261) 'взятка-подарок', *буйляк* (VII, 261) 'приподношение', *тарту* (VII, 354) 'гостинец' [Емельченко 1974: 175]⁷. В повести «Бикей и Мауляна» находим в пассаже о судебных разбирательствах у кайсак-киргизов (т. е. казахов) выделенное курсивом слово *пешкеш* рядом с близким по значению тюркским словом *буйляк* (тат., башк. *бүләк* и проч.): «Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда справедливъ или безкорыстенъ: я самъ былъ свидѣтелемъ противнаго. Правая сторона, чтобы остаться правою, необходимо должна задарить султана; иначе лѣвая будетъ правою. Но Кайсаки на это жалуются тогда только, если уже корысть судьи превосходитъ достояніе просителя; умѣренные *взятки* считаются дѣломъ позволительнымъ, и даже необходимымъ: это обычный *пешкешъ* или *буйлякъ*» [Даль 1836: 197]⁸.

Генерал Н. С. Гонецкий в письме жене от 13.10.1854 также щегольнул этим словом: «Посылаю, мой друг Юлія, при этом письме 3500 руб. сер.<ебром>, маленький пешкеш» [Письма 2003: 196]. Прим. публикатора: «Пешкеш (*персидск.*) — подарок, подношение».

А. Н. Толстой вкладывает это слово в уста казака: «— Ну, такъ вотъ я вамъ *пешкешъ* привезъ, — и Лукашка распоясался, и снялъ

7 В скобках дано указание на [Даль 1898]: том и страница. Отсутствующее в наших словарях слово *тарту* встречается в загадочной форме *тартун* в V главе «Современной идиллии» (1877) М. Е. Салтыкова-Щедрина в стилизации среднеазиатской речи: «За все то ваше одолжение и причиненную нам радость жалую вам тартун (приношение): один глиняный кувшин воды и балык весом двадцать фунтов. Ах, отменна балык!» [Салтыков-Щедрин 1988: 69–70].

8 В посмертном «Полном собрании сочинений» В. И. Даля 1898 г. первые два предложения цитированного здесь фрагмента заменены одним, где не очень понятное для потенциального читателя слово *пишкешъ* специально поясняется: «Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда справедливъ или безкорыстенъ; пишкешъ, то есть почетные подарки и гостинцы, у азіатцевъ во всеобщемъ употребленіи и дѣло рѣдко безъ этого обойдется» [Даль 1898: 261].

одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ» [Толстой 1863: 107].

В повести «Хаджи-Мурат» он включает это слово в свою образную, лишенную словоизменения русскую речь главного героя: «— Кунакъ Воронцовъ пешкешъ, — сказалъ онъ <о подаренныхъ чаках>, улыбаясь» [Толстой 1912: 67].

Ф. Ф. Торнау вспоминал о 1844 г.: «Генераль Раевскій, командовавший въ то время черноморскою береговою линіей, усиливаясь объяснить имъ право, по которому Россія требовала отъ нихъ повиновенія, сказалъ однажды шапсугскимъ старшинамъ, пріѣхавшимъ спросить его, по какому поводу идетъ онъ на нихъ войной: „Султанъ отдалъ васъ въ пешъ-кешъ, — подарилъ васъ русскому царю“. „А! теперь понимаю“, отвечалъ Шапсугъ и показалъ ему птичку, сидѣвшую на ближайшемъ деревѣ. „Генераль, дарю тебе эту птичку, возьми ее!“ Этимъ кончились переговоры» [Торнау 1864, 1: 6; 2008: 172].

В. И. Немирович-Данченко использует его в рассказе о балканской кампании 1877–1878 гг.: «Миръ-алай (майоръ) всколыхнулся немножко, сталъ сосать свою трубку и съ недоумѣніемъ поглядывать на меня. — Можете вы ему дать какой-нибудь пешкешъ <за свидание с русскими пленными>? — спросилъ у меня крымскій татаринъ» [Немирович-Данченко 1884: 308].

Различными путями слово *пешкеш* проникает и в тексты XX века. В книге полковника Кубанского Казачьего Войска Ф. И. Елисеева о событиях 1914–1917 гг. на Кавказском фронте это слово входит в лексикон военных: «Мансур-бек <курдский командир, сдавшийся русским>, выслушав переводчика, быстро подошел ко мне, хлопнул по плечу и решительно сказал: — Йок!.. Пешкеш! (то есть нет!., подарок)» [Елисеев 2001: 106]. Эта ситуация была неприятна Ф. И. Елисееву, который невольно получил скакуна даром.

Внятно суть обычая с *пешкешами* объясняет Н. Е. Лачинова (1813–1896) в романе «Проделки на Кавказе»: «Это ему очень нравилось; но онъ отдалъ шапку не смѣя ее похвалить, чтобы не получить въ *пешкешъ* (подарокъ) и потомъ не быть обязаннымъ отдать въ свою очередь разбойнику все, что послѣ ему вздумается похвалить, начиная отъ лошади Пшемафа <корнет-кабардинецъ> до бешмета» [Лачинова 1844: 178]⁹.

Как экзотизм литературного происхождения *пешкеш* использовано и в повести Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1929): «Слуги внизу тащили за каждым <из гостей> по огромному мешку пешкешей» [Тынянов 1929: 413].

У П. А. Павленко слово *пешкеш* используется в речи жителей Кавказа: «Я старшину просила — зла делать не будем. Говорят, де-

9 Аналогичный украинско-ориентальный обычай описан в романе «Пан Халевский» 1840 г. [Квитка 1990: 32–46].

лать порох. Порох — ваше спасение. Сурхай был здесь, пешкеш ему тоже сделал» [Павленко 1958: 279].

Как недопереведенное слово *пишкеш* ‘подарок, подношение; замаскированная взятка’ встречается в русских переводах с татского языка в советское время: «Каждый проситель и гость, оказыва-ется, обязан был приносить губернатору **пишкеш** — подарок...» (*Авшалумов Х.* Под чинарами. Повесть. Перевод с татского. М.: Изд-во «Сов. Россия», 1960. С. 21); «То, что я привез вам вчера, мой директор велел отвезти одному очень нужному ему человеку как **пишкеш**» (*Авшалумов Х.* Невеста с сюрпризом. Юмористические рассказы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. С. 108)» [Гальченко 1975: 116, 193].

II

Дело осложняется тем, что слово *пешкеш/пишкеш* встречается и с начальным *б*-¹⁰, отражающим посредство кыпчакских тюркских языков, в которых чуждый им начальный *п*- изменяется в *б*:- «**Бешкёш**, а, м. Взятка, подношение. **Дон.** 1876. <> Выпить на бешкёш. **Дон.** 1876»; «**Бишкёш**, а, м. Подарок. Моздок. **Терск.**, 1900. — Ср. П е ш к е ш. — Тур. *päskäş* <sic!>» [СРНГ-2: 287, 304]¹¹. Любопытно, что изданный сто лет спустя трехтомный «Словарь русских донских говоров» (1975–1976) ни одного из вариантов слова *пешкеш/бешкеш* уже не знает [Сл. р. дон. 1975, I–III], как и «Большой толковый словарь донского казачества» (2001), созданный на его основе.

Между тем, на Кавказе и в соседних регионах было широко известно слово *бешкеш*. В 1869 г. А. П. Боголюбов (1824–1896) писал: «Приехал сюда <в Ялту> Иван Константинович Айвазовский с массой маленьких картиночек, которые имел привычку называть по восточному обычаю „бешкеш“, то есть подарок. Конечно, все принимали это проявление любезности с удовольствием, но когда секретарь Оом понес бешкеш Цесаревичу <будущему Александру III> в виде плохо сделанного его домика, то Его Высочество, посмотрев, сказал: „Ежели бы это было хорошо, так я бы у него с удовольствием купил, но так как это крайне плохо, то подарков вообще не принимаю“». И далее: «Надо быть пошляком, чтоб сказать, что Айвазовский не талантлив <...> Но углубляясь в их технику и краски, вы ясно видите, что это манерность <...> это в публике нашей да литературе подкупной посредством „бешкеша“ называется „гениальностью“» [Боголюбов 1996: 126–127].

10 Это обстоятельство затрудняло М. Фасмера, который дал не очень четкую этимологию: «из тур. *päskäş* „подарок“ <...> или его соответствия в каком-либо тюрк. диалекте» [Фасмер-I: 170].

11 Донской материал, вероятно, из: [Попов 1876]; терский: «бишкёш, а, с. м. пешкеш, подарок» [Караулов 1900: 87].

В той же кавказской традиции сын поэта Ф. Ф. Тютчев (1860–1916) употребляет варианты написания (*бэшкэш/бэшкеш*): а) «Только грозная власть Суджинского владѣтельнаго хана Чингизь-Аги, съ которымъ монастырь, цѣной частыхъ и обильныхъ бэшкэшей, поддерживалъ дружбу, да страхъ передъ близкой православной Россіей сдерживали разнузданныя толпы дикарей <...>», — с пояснением в сноске: «Бэшкэшъ — подарокъ, подношеніе, взятка» [Тютчев 1902: 10]. б) «<...> я далъ султану хорошій бэшкэшъ, и онъ исполнилъ мое требованіе <...>» [там же: 16]. в) «— Чудный у васъ конь! — не удержался Воиновъ, искренно имъ любясь. — Бэшкэшъ! — произнесъ Муртузъ и протянулъ Воинову поводъ уздечки». — В сноске контекстное пояснение: «Бэшкэшъ — дарю. У персовъ обычай — если кто похвалитъ какую-нибудь его вещь, то владѣлецъ этой вещи обязанъ подарить ее похвалившему» [там же: 138]. г) «— Пятигорскъ, Кисловодскъ, Сентука, — всѣ мой знаютъ. Армянинъ есть, татаръ есть, персіяннинъ есть, — бэшкэшъ приносить будеть, онъ давалъ бэшкэшъ яманъ, а я ему давай бэшкэшъ яхши». — В сноске пояснения: «Яманъ — плохой»; «Яхши — хорошій» [там же: 183–184]. д) «Сбѣгая внизъ, художникъ, къ большой своей радости, увидѣлъ издали небольшую глиняную караулку, а подлѣ нея нѣсколько человѣкъ турецкихъ аскеровъ, на покровительство которыхъ онъ могъ вполне рассчитывать, разъ-бы объяснилъ имъ, съ присовокупленіемъ хорошаго бэшкеша, что состоитъ въ русскомъ подданствѣ и подлежитъ отправкѣ въ Россію» [там же: 204–205].

И. В. Сталин, борясь с персональными наградными для покладистых рабочих, использует термин *бешкеш* 29.09.1907 в статье «Надо бойкотировать совещание» в бакинской большевистской газете «Гудок» (№ 4): «Промысловой массе, первый раз выступающей на сцену, выступающей притом так неуклюже и карикатурно („бешкеш“ и т. д.), мы должны сказать громко и резко (фактически сказать, а не на словах только!), что улучшения в жизни даются не сверху и не путем торговли, а снизу, путем общей борьбы <...> в такой момент „итти на совещание“ — значит не вытравлять, а укреплять в головах массы „бешкешные“ предрассудки» [Сталин 1952: 84–85]. В статье «Что говорят наши забастовки последнего времени?» (Гудок, № 21, 02.03.1908) он вернулся к теме *бешкеша*: «Там же, где выставаются наградные, рабочие стараются отодвинуть их в конец своих требований, стыдясь бороться за один только „бешкеш“ (Питоев и т. д.). Очевидно, происходит серьезная ломка старых бешкешных предрассудков. „Бешкеш“ начинает падать в глазах рабочих» [Сталин 1952: 98]. Примечательно употребление слова *бешкеш* в кавычках.

Без кавычек оно встречается у другого «кавказца» — пролетарского поэта В. В. Маяковского: «Рыдает кадий: | „Печаль тоска де!“ | И чешет плешь. | „Брось, писарь, перья! | С кого теперь я | Возьму бешкеш?“» (1919 г.). Примечание Н. В. Реформатской: «*Бешкеш* —

пешкеш (тюркск.) — подарок, взятка» [Маяковский 1956: 257, 542; 1978: 6, 287].

Таким образом, представляется оправданным включение в Словарь XIX в. этого яркого иранизма, как прямо, так и через тюркское посредство заимствованного в русские народные говоры южных регионов и усвоенного рядом поколений участников кавказских и турецких военных кампаний, а потому и вошедшего не только в романтический набор ориентализмов.

III

Есть основание подозревать, что неправильно прочитанное милицейскими лексикографами слово *бишкеш* 'подарок' скрывается за представленным в словаре криминалиста и художника Д. С. Балдаева и журналистов В. К. Белко и И. М. Исупова словом-призраком *бишнёт* 'кража продуктов питания, оставленных для хранения зимой за окном' [ББИ 1992: 29], где представлены три ошибки.

Первая ошибка (*и* вместо *к*) выясняется из сопоставления с соответствующей словарной статьей в сводном словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной: «**БИШКЕТ**, -а, м, *Угол*. Кража продуктов, подвешенных между окнами <...> **Брать на бишкет**. Совершать кражу» [БСЖ 2000: 63].

Вторая ошибка (ошибочность толкования) выясняется при обращении к другому милицейскому же словарю-справочнику, где в косноязычной форме дано более точное определение: «**БИШКЕТ** — продукты питания, подвешенные между стеклами окон или форточкой» [Дубягина, Смирнов 2001: 35].

Находящиеся за окном продукты представляли для вора как бы подарок-*бишкеш*, в написании которого последняя буква *-ш* была ошибочно воспринята как *-т*, что и послужило первым шагом к дальнейшим ошибкам¹².

IV

Любопытно, что Даль ввел слово *пишкеш* в толкование в первом издании: «**БАКШИШЪ**, **бахчишъ** м татр. гостинце <sic!>¹³, пишкешъ, начай, наводку, могарычи, приносъ, срывъ, взятка» [Даль₁-I: 36], но затем убрал [Даль₂-I: 41]. Вновь соединенные И. А. Бодуэном де Куртенэ в словаре В. И. Даля паронимические синонимы *пешкеш* (*пишкеш*) и

12 Еще один призрачный 'подарок' возник в трех словарях жаргона в результате переноса толкуемого в толкование: «**ВЕНЕРА**, -ы, ж. *Угол*. 1. Подарок <...> 2. *Ирон.* Сифилис. Мильяненков, 93; ББИ, 40; Балдаев, I, 58» [БСЖ 2000: 63].

13 Стоит обратить внимание на то, что точно такая же ошибка в написании также стоящего первым в толковании слова *гостинец* наблюдается у Ф.-Э. Г. Толля: «**Бакшишъ** (тат.), гостинце, наводку, взятка» [Толль-I: 201].

бахишиш сталкивались и в жизни, как и в «Воспоминаниях» российского геодезиста и востоковеда И. Ф. Бларамберга (1800–1878), изданных по-русски в 1978 г.: «<...> слуги, приносившие эти подарки, всегда получали щедрое денежное вознаграждение — *бахшиш*, или по-персидски *пешкеш*» [Бларамберг 1978: 110]. Это совмещение и противопоставление разных персидских слов имело место и в оригинале: «<...> *die Diener, die das Geschenk brachten, jedesmal ein hübsches Geldgeschenk als Bakschisch, auf persisch Peschkesch erhielten*» [Blaramberg 1874: 219].

Согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», помеченное особым символом ◁ со смутным значением то ли нового слова, то ли варианта, то ли какой-то формы, слово *бахшишиш*, *бакчишиш* изредка¹⁴ встречается в русских текстах XVIII в., причем с пояснениями-гlossами: «Тако Паши <...> каковыи-либо подарок, от кого чрез слугу его присланный получит, николиже слугу онаго тща, и без подарку [который *бахшиш* нарицают] отпустит» [Кантемир 1722: 227]. «Принужден всегда был давать *бакчиш*» <примеч.: слово сие значит: на питье, и употребляется столь же часто, как у нас простолюдинами: на водку, на калачи> [Левашев 1790б: 10].

На основе этих двух употреблений академический «Словарь русского языка XVIII века» дает несколько сумбурную статью: «◁ **БАКЧИШ** 1773 и **БАХШИШ** 1722, а, м. Перс. *baḥşış*. *Вознаграждение, подарок* (в Турции)» [Сл. XVIII-1: 199], где даты оказались оторванными от употреблений, причем первая дата 1773 г. оказалась ошибочной, поскольку соответствующий текст был напечатан в 1790 г. сразу в двух книгах П. А. Левашева («Плен и страдания россиян у турков» и «Поденные записки»), которые отличаются лишь разным набором первых шести страниц и посвящены описанию событий, пережитых автором во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.). Автор с 1764 г. находился в качестве поверенного в делах в Константинополе, а в начале войны был взят в плен и передвигался вместе с турецкой армией и вернулся в Россию только летом 1771 г. [Кочеткова 1999: 195–196]. П. А. Левашев узнал это слово из какого-то турецкого диалекта, где мена *х*→*ж* весьма вероятна, но переход *ш*→*ч* представляет загадку. Интересно варьирование слова в крымском диалекте караимского языка: *бакшыиш*, *бахшыиш*, *бахыиш* ‘дар, подарок’.

Форма *бахшишиш* у Д. К. Кантемира, хорошо знавшего восточные языки, воспроизводит персидское *بخشش* *бахшишиш* — к ней и относится этимологическая справка «Словаря русского языка XVIII века».

Эти редкие для русского языка XVIII–XIX вв. формы в русских словарях XIX в., однако, не попали. Между тем реальные литературные примеры первой половины XIX в. указывают на неза-

14 Оно отсутствует в «Хронологическо-этимологическом словнике иноязычных заимствований» в монографии: [Биржакова, Войнова, Кутина 1972].

висимость источников заимствования и подчеркнутый экзотизм употреблений. В анонимных «Отрывках из походного Журнала Русского Офицера, посланного курьером чрез Константинополь в Арзерум» 1830 г. дважды представлен вариант *бакчиш*: «Выбравъ изъ оныхъ <каиковъ> одинъ и давъ Кавасамъ (***) *бакчишъ* (****), мы съѣли; весла ударили и мы быстро помчались, разсѣкая волны Босфора». Помеченные звездочками-астерисками слова поясняются в сносках: «(**) Кавасъ, родъ полицейскаго офицера»; «(****) Бакчишъ, деньги, которыя даются, какъ у насъ на водку»; второй раз слово *бакчиш* уже не выделяется и не поясняется: «Кони готовы; вьючныхъ насилу тащили со двора; всѣ, кто тутъ ни былъ, кричали: „урыла, урыла (доброй дороги)!“ и просили бакчишъ» [Отрывки 1830: 223, 224].

В 1848 г. доктор медицины А. А. Рафалович возглавил экспедицию в Азию для изучения чумы, краткое описание ее нашло отражение в разделе «Путешествия и экспедиции» хроникальных заметок «Географических известий», где при описании Иерусалима встречается и вариант *бакшиш* с косвенным пояснением: «Тутъ — среди лавочекъ съ съѣстными припасами, неспѣлыми и гнилыми фруктами, огурцами и битыми баранами, и около кожевенныхъ заводовъ, находящихся въ центрѣ города, близъ самой церкви Св. Гроба — толпится население тощее, блѣдное, оборванное, состоящее, подумаешь, только изъ нищихъ, если судить по жадности, съ которой они просятъ „*бакшиша*“ и требуютъ милостыни» [ПиЭ 1848: 104].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово зафиксировано в двух формах: «**БАКШИШЪ, бакчѣшъ**» [Даль₁-I: 36].

Через посредство «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова, где были частично исправлены этимологические сведения (правильно указан персидский первоисточник, но турецкое посредство оказалось неупомянутым): «**БАКШИШЪ**, а, м. [перс. *bahšîš*] (обл.). Подарок, подачка на чай, взятка» [ТСУ-I: 79] — слово попало в большой академический «Словарь современного русского литературного языка» лишь всего с одной оправдательной цитатой, с турецко-румынской графической передачей персидского слова, также без упоминания тюркского посредства и сбивчивой характеристикой его правильно как устаревшего и ошибочно как областного (без указания, однако, на область): «**БАКШИШЪ**, а, м. Устар. и обл. Приношение, взятка чиновнику; подарок. Многие из пассажиров везут в Константинополь кое-какие русские товары в небольшом количестве и желая избежать пошлины, суют в руку бакшиш турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароход, после чего он немедленно уезжает. Гл. Усп. Оч₁ерки>. перех. времени. III, 1. — Даль, Слов.: бакшѣш. Перс. *bahšîš* — подарок» [БАС₁-I: 250].

С той же, еще более сокращенной, цитатой, но с обозначением лакуны в ней *бакишиш* фигурирует в малом академическом четырехтомнике: «**БАКШИШ**, а, м. Разг.-устар. Приношение, взятка; подарок. [Пассажиры], желая избежать пошрины, — суют в руку бакишиш турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароход, после чего он немедленно уезжает. Гл. Усп. Очерки переходного времени. [От перс. *baḫšīš* — подарок]» [СЛРЯ₁-I: 158].

Во втором издании этого словаря [СЛРЯ₂-I: 56] в иллюстративной цитате зачем-то ликвидировано обозначение лакуны, которое, однако, появилось в переизданиях большого академического словаря: «**БАКШИШ**, а, м. Устар. и разг. Подарок, взятка (в соврем. употр. обычно в стилизованной речи или шутливо). Многие из пассажиров везут в Константинополь кое-какие русские товары в небольшом количестве и желая избежать пошрины, ... суют в руку бакишиш турецкому таможенному чиновнику. Гл. Усп. Оч. перех. времени. — Удалось мне повернуть дело, — великий визирь хоть завтра подпишет мир... Бакишиш надо дать кое-кому. А. Н. Толст. Петр I. Долго шли у нас пререкания с жандармами, наконец тестю удалось как-то уломать их; думаю, что дело не обошлось без бакишиша. Пантел. Восп. — С иным напис. и произнош.: бахч'иш. — Толль, 1863: бакшиш; Даль: бакшиш и бахч'иш; Даль (2-е изд.): бакшиш и бахч'иш; Слов. Акад. 1891: бакшиш. — От перс. *baḫšīš*» [БАС₂-1: 302], — которое сохранилось и в новом переиздании большого академического словаря; к краткому толкованию было добавлено стилистическое примечание в скобках: (в соврем. употр. обычно в стилизованной речи или шутливо), но исчезло персидское слово в этимологической справке: «От перс.» [БАС₃-1: 346].

Опора всех изданий БАС и МАС на одну неизвестно откуда взявшуюся цитату из загадочных «Очерков переходного времени» Г. И. Успенского, которые не фигурируют ни в одном из списков источников большого академического словаря, который во втором издании вообще обходится без указаний на свои сомнительные источники, показывает бедность академической картотеки. Из-за этого приходится во втором и третьем изданиях большого академического словаря опираться на сомнительную цитату из романа «Петр I» А. Н. Толстого с его анахроническим употреблением *бакишиш*. Сомнения вызывает и «Восп<оминание?>» <Л. Ф.?> Пантелеева, поскольку у последнего нет такого сочинения.

В многочисленных словарях иностранных слов и энциклопедических словарях XIX в. преобладает форма *бакишиш*, хотя иногда и обнаруживалась неустойчивость фонетико-графической формы: «**Бакшишъ**, перс. а) Подарокъ, особенно служащему лицу. б) Деньги на водку» [Дубровский 1879: 71].

«**Бакшишъ** (татар.), на чай, на водку»; «**Бахшишъ** (персидск.), значить подарокъ, перешло въ турецкій и арабскій языки и употре-

бляется въ значеніи „на водку“ или „на чай“» [Настольный 1891: 393, 464]¹⁵.

«**Бакшишъ**, а, м. (перс.). Подарокъ, гостинецъ, взятка» [СРЯ-I: 99]. «**Бакшишъ** (тат.), выраженіе равносильно — на водку, на чай; подарокъ слугъ» [Алексеев 1899: 104]. «**Бакшишъ** перс. — подарокъ, гостинецъ, деньги на водку или на чай» [Гавкин 1903: 77].

В большом «Словаре иностранных слов», составленном бригадой государственного института «Советская энциклопедия» и выходившем в течение многих лет с ошибочной (турецко-румынской) записью персидского слова *вокабула* получила устойчивое написание *бакшиш* и краткую дефиницию с помощью синонимов: «**бакшиш** — перс. [bahşış] — подарок, взятка, подачка» [СИС 1937: 76], к чему впоследствии было добавлено «чаевые» (1954, с. 94), а потом в шестом издании опущено слово «подарок» (1964, с. 90), в седьмом издании (1979, с. 70) словарь «обогатился» некоторым сокращением и обновлением ошибки в транскрипции, а также толкования и указанием на устарелость лексемы: «**БАКШИШ** [< перс. bahşış] — уст. взятка; приношение».

Через посредство «Современного словаря иностранных слов» (М., 1992) эта статья в последней редакции вместе с ошибкой в транскрипции попала в «Новый словарь иностранных слов» Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комаровой, И. В. Нечаевой, которые в предисловии претенциозно назвали свой словарь «словарем иностранных слов классического типа» [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 5], который практически продолжает традицию словарей иностранных слов, сложившуюся в русской советской лексикографии.

Фактически нынешние лексикографы почти вернулись к тому, что давал первый советский коллективный большой «Словарь иностранных слов» вошедших в русский язык: «**бакшиш** — перс. — взятка» [СИС 1933: 153].

Как абсолютно полноправный член синонимического ряда с главным (доминантным) словом *взятка* *вокабула бакшиш* трактуется словарями XX в., что едва ли справедливо: «**Взятка**, подарокъ, благодарность, мзда, подкупъ, посуль, бакшишъ, хабаръ, нелегальный (побочный, «безгрѣшный») доходъ. Брать взятки — лихоимствовать, мздоимствовать. «Взятка» окончательно умерла и на ея мѣсто народилъся «кушъ». Салт. *Не подмазано* — не катится (т. е. безъ подкупа)» [Абрамов 1900: 21].

«**Взятка** — подарок, подношение, преподношение, благодарность, бакшиш, подкуп, куш, нелегальный доход, (уст.) мзда, посул» [Павлов-Шишкин, Стефановский 1931: 21].

15 Ср.: «**Бахшишъ**, персид. сл., значить подарокъ, перешло въ турецкій и новый арабскій, употребляется въ значеніи на водку или на чай. *И. Б.*» [Березин: 352].

«**Взятка**; подмазка (*прост.*); мзда; бакшиш (*уст. разг.*); хабар; хабара; хапанцы (*уст. прост.*) <> барашек в бумажке (*уст.*)» [Александрова 1986: 21].

Слова *бакшиш*, *пешкеш*, *бешкеш* не попали в многотомный сумбурно-тематический словарь под странным названием «Русский семантический словарь» и редакцией Н. Ю. Шведовой, где названия подарков почему-то оказались перемешанными с названиями покупок и наград (т. II. М., 2002, с. 593–595), а многие синонимы оказались в разных рубриках¹⁶.

«Большой толковый словарь русского языка» (около 130 тыс. слов) под авторством, составительством и главным редакторством канд. филол. наук С. А. Кузнецова [БТС 1998] не счел нужным объяснить слово *бакшиш*, хотя Т. Ф. Ефремова в своей близкой по объему (свыше 136 тыс. слов) компиляции сохранила: «**БАКШИШ**, *м. устар.* 1. Подарок, взятка» [Ефремова-1: 60].

Однако стоило бы подчеркнуть, что сейчас слово является не только устаревшим, как характеризуют его многие словари советского времени, но и восточным экзотизмом, поэтому в некоторых словарях и энциклопедиях это слово плотно привязывается к Востоку: «**бакшиш** — в Турции и Персии деньги на водку, взятка» [Головков 1916: 43]. «**Бакшиш** (перс. бахтиш <sic!> — подарок) на Востоке (Персия, Турция, сев. Африка) подарок чиновнику или вообще служащему. Будучи по существу взяткой, Б. был одной из язв чиновничьего управления на Ближнем Востоке» [БСЭ-IV (1926): 452].

Привязанность слова *бакшиш* к Востоку подчеркивается при его употреблении (с пояснением!), например, у Н. С. Гумилева в «Африканском дневнике» 1913 г.: «На маленьких станциях голые черные ребятишки протягивали к нам ручонки и заунывно, как какую-нибудь песню, тянули самое популярное на всем Востоке слово: бакшиш (подарок)» [Гумилев 1987: 22].

Несмотря на активную фиксацию многими словарями, слово *бакшиш* в русском языке большого распространения все-таки не получило, что можно видеть из кавычек, в которых оно фигурирует в «Турецко-русском словаре» Д. А. Магазаника: «**bağış** *n* подарок, подачка; „чаевые“, „бакшиш“» [Магазаник 1931: 106]. В большом «Турецко-русском словаре» кавычки были сняты: «**bağış** *n* подарок, подачка, чаевые, бакшиш» [ТРС 1977: 90].

Лексема *бакшиш* в ранних советских словарях ошибочно квалифицировалась как *областное*, а потом как *разговорное* и даже *уголовное* слово.

16 Не путать с однокоренным и одноименным тоже наукообразным «Русским семантическим словарем» под редакцией Ю. Н. Караулова (М., 1988). Эти словари не имеют ничего общего.

В некоторых словарях даются ложные сведения о превращении устар(елого) слова *бакшиш* в ирон(ическое): «**БАКШИШ**, а, м. [тюрк. *bağış*]. устар., теперь ирон. Взятка, приношение» [Крысин 2007: 111]. На самом же деле просто с о з н а т е л ь н а я неуместность любого редкого слова в речи неизбежно создает иронический эффект, но последний нельзя считать стилистической характеристикой слова.

Неизвестно, на каких основаниях слово «**БАКШИШ** — 1. Взятка. 2. Гостинец, подарок» попало в очень ненадежный «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д. С. Балдаева, В. К. Белко и И. М. Исупова [ББИ 1992: 22] и другие аналогичные компиляции, а также с пометой Уголовное — в «Большой словарь русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [БСЖ 2000: 45].

Все сказанное позволяет думать, что проникшее во время пребывания советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. в русский военный жаргон слово *бакшиш* слабо связано преемственно с бытовавшим в русском языке XVIII–XIX вв. экзотизмом *бакшиши*, а является новым заимствованием из местных языков Афганистана при загадочном сохранении старого -к- в интернациональном слове. В. П. Коровушкин зафиксировал якобы семь последовательно развивавшихся значений: 1. Взятка (в общем сленге XIX–XX вв.). → 2. Любое подношение, подарок (обычно начальнику). → 3. Плата деньгами или натурой за личную услугу или продукт. → 4. Что-либо добытое бесплатно. → 5. Награбленное или украденное добро. → 6. Еда, пища. → 7. Взрыв снаряда или эрэса <реактивного снаряда>, выпущенного душманами» [Коровушкин 2000: 35–36]. При этом он указал, что значения 2–7 были в ходу у советских солдат и офицеров в 1979–1989 гг., и связал их с иранским источником. С афганскими событиями связано и ташкентское употребление слова *бакшиш* в книге С. А. Алексиевич «Цинковые мальчики»: «<...>Билет нужен. — За билет бакшиш давай» [Алексиевич 1995: 324], — хотя здесь не обошлось без влияния узбекского устарелого *бахшиш* «дар, милостыня, подаяние» и таджикского *бахшиш* 1) дар, подарок, подношение; 2) посвящение. Из персидского языка слово проникло и в афганский язык (пушту): «بخشېش *бахшійіш* (-ўна) (из перс. بخشش) м. дар, подарок; вознаграждение; награда».

Формы с -к-, вероятно, обязаны своим происхождением арабскому языку, где персидское слово испытывает колебания между *بخشیش* *бахшійш* и *بخشیش* *бахшійш* 'бакшиш, чаевые, подарок'. Стоит отметить, что в той или иной степени следы персидского *بخشش* *бахшиши* (обычно в арабской форме *бахшійш*) представлены сейчас или были представлены в прошлом во многих языках, поэтому пути движения этого слова из языка в язык установить нелегко.

Турецко-арабское *bakşış*, заимствованное из персидского *بخشش* *бахшиши* [производного от глагола *بخشن* *бахшійдан* 'дать, давать, дарить, жаловать, раздавать; прощать, щадить'], проникло во многие

языки Европы: русск., укр. *бакиїиш*; польск. *bakszysz, bakczysz*; чеш., словц. *bakšiš*; болг. *бакиїиш*; макед. *бакииш*; сербохорв. *бакииш*; словен. *bákšiš*; рум. *bakșiș*; нем. *Bakschisch*; франц. *bakchich*; англ. *bucksheesh, buxes* [БЕР-I: 28].

Следует заметить, что названия для чаевых легко заимствуются из разных языков, оставаясь однако на периферии функционирующего словаря, как это имело место в русском языке с французским *pour boire* > *пурбуары* 'чаевые', которое зафиксировано в словаре галлицизмов рядом с другим галлицизмом *презент* 'подарок, подношение' [Епишкин 1999: 533, 525].

Такого рода слова иногда появляются в макаронической речи, как немецкое *Trinkgeld* в русском написании в юмористической поэме «Сентенции и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранж» (1840): «Мы на станции — новый счет! | За *шмир-гельд, тринк-гельд*, барьеры | Здесь на разные манеры. | Отдавайся кошелек: | Мигом весь уйдет оброк» [Мятлев 1969: 195]. Подстрочное примечание: «*Schmiergeld, Trinkgeld* — взятки, чаевые (нем.)».

При более органичном вхождении такого рода слов в русскую речь возникают трудности в их понимании: «<...> я ей буду отдавать все жалованье за удержанием в свою пользу в день получения капитала шестидесяти копеек на тринкгельд» [Лесков 2004: 28]. Последнее слово вызвало затруднения у комментаторов романа Н. С. Лескова «На ножах» (1870–1871).

В «Собрании сочинений в 12 томах» (т. 8. М., 1989, с. 467) дается просто ошибочное этимологическое и контекстное толкование: «*Тринкгельд* (нем. *Trinkgeld*) — здесь: выпивка». Это же толкование повторяется в семитомном «Собрании сочинений в шести томах» (т. 2, кн. 1. М., 1993, с. 517): «*Тринкгельд* — здесь: выпивка (*Trinkgeld* — букв. деньги на выпивку, нем.)». В «Полном собрании сочинений в 30 томах» (т. 9. М., 2004, с. 850) толкование чисто этимологическое: «*Тринкгельд* — деньги на выпивку (нем. *Trinkgeld*)».

Из слов восточного происхождения со значением «подарок, чаевые, взятка» можно вдобавок к предыдущему назвать *хабар* и *сеунч*, которые не освещены достаточно полно в русской лексикографии.

Рассмотренные здесь примеры показывают опасность поспешного априорного подхода к проблеме отбора материала для словаря и необходимость его предварительной лексикологической обработки, о чем убедительно говорил в свое время В. В. Виноградов: «Не только при создании исторических словарей того или иного языка, но и при составлении словарей-справочников применительно к ограниченным периодам развития языка необходимы предварительные разыскания по истории слов, по их конкретно-исторической семантике и по их историко-этимологическим судьбам и связям» [Виноградов 1968: 17; 1977: 280].

Не лишено любопытства, что русское *гостинец* вошло в языки народов Поволжья и существует в них в весьма неустойчивых фор-

мах: чуваш. *кучченеç*, *кӳчченеç*; татар. *күчтәнәç*; башк. *күстәнәç*; марийск. *костенёч*, горн. *костёнец*; удм. *күс'тэнэс*, *кӱстӱнӱс* 'гостинец, сласти, подарок' [Ахметьянов 1989: 118].

Хотелось, чтобы предложенная нами данная статья стала для Анатолия Федоровича гостинцем к юбилею.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов 1900: *Абрамов Н.* <Переферкович Н. А.> Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. СПб., 1900.
- Александрова 1986: *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
- Алексеев 1899: Самый полный общедоступный Словотолкователь и объяснитель 150,000 иностранных слов. <...> <5-е изд. М., 1899>.
- Алексиевич 1995: *Алексиевич С.* Цинковые мальчики. М., 1995. С. 324.
- Ахметьянов 1989: *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
- Балдаев 1997: *Балдаев Д. С.* Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. М., 1997.
- БАС₁: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС₂: Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. I–VI. М., 1990–1991.
- БАС₃: Большой академический словарь русского языка. Т. 1–9. М.; СПб., 2004–2007.
- ББИ 1992: *Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово, 1992.
- БЕР-I: Български етимологичен речник. Св. I. София, 1962.
- Березин 1873: Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С.-Петербургского ун-та И. Н. Березиным. Отд. 1. Т. III: Б. СПб., 1873.
- Бестужев-Марлинский 1832: *Бестужев-Марлинский А. А.* Русские повести и рассказы. Ч. 5. СПб., 1832.
- Биржакова, Войнова, Кутина 1972: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972.
- Бларамберг 1978: *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М.: Наука, 1978.
- Боголюбов 1996: *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника. Саратов, 1996.
- БСЖ 2000: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб, 2000.
- БСЭ-IV (1926): Большая советская энциклопедия. Т. IV. М., 1926.
- БТС 1998: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Виноградов 1968: *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. Переиздано: Избранные труды: лексикология и лексикография. М., 1977.

- Гавкин 1903: *Гавкин Н. Я.* Карманный словарь иностранных слов. Изд. 20-е. Киев; Харьков; СПб., 1903.
- Гальченко 1975: *Гальченко И. Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975.
- Головков 1916: *Головков Д.* Иллюстрированный словарь иностранных слов. 4-е изд. Одесса, 1916.
- Гумилев 1987: *Гумилев Н. С.* Африканский дневник // Огонек. 1987. № 14.
- Даль 1836: *Даль В. И.* Бикей и Мауляна // Библиотека для чтения. СПб., 1836. № 6. Отд. 1. С. 171–259.
- Даль 1898: *Даль В. И.* Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1898. С. 233–327.
- Даль₁: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М., 1863–1866.
- Даль₂: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882.
- Даль₃: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб., 1903–1909.
- Дубровский 1879: *Дубровский Н.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов <...>. 4-е доп. изд. М., 1879.
- Дубягина, Смирнов 2001: *Дубягина О. П., Смирнов Г. Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. М., 2001.
- Елисеев 2001: *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. М., 2001.
- Емельченко 1974: *Емельченко И. Р. В. И.* Даль и восточные языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 164–179.
- Епишкин 1999: *Епишкин Н. И.* Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка. Чита, 1999.
- Ефремова 2000: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. I–II. М., 2000.
- Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
- Кантемир 1722: *Кантемир Д.* Книга систима или состояние мухаммеданския религии [Пер. с лат. И. И. Ильинского]. СПб., 1722.
- Караулов 1900: *Караулов М. А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска // Русский филологический вестник. 1900. № 3–4 (Т. XLIV). С. 66–115.
- Квитка 1990: *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Проза. М., 1990.
- Коровушкин 2000: *Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.
- Кочеткова 1999: *Кочеткова Н. Д.* Левашев Павел Александрович // Русские писатели XVIII века. Вып. 2. Л., 1999.
- Крысин 2007: *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
- Кузмищев 1841: *Кузмищев П. Ф.* Собрание местных слов, имеющих особое значение и употребляемых в Астраханской губернии и на Каспийском поморье // Астраханские губернские ведомости. 1841. № 2. Часть неоф. С. 5–7; № 3. С. 10–12; № 4. С. 14–16; № 6. С. 22–24; № 8. С. 31–33; № 12. С. 52–53; № 13. С. 55–57; № 14. С. 59–61; № 16. С. 71–73.
- Лачинова 1844: *Хамар-Дабанов Е.* <Лачинова Е. П.> Проделки на Кавказе. Ч. 1–2. СПб., 1844.

- Левашев 1790а: *Левашев П. А.* Плен и страдания россиян у турков. СПб., 1790.
- Левашев 1790б: *Левашев П. А.* Поденные записки. СПб., 1790.
- Лесков 2004: *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 9. М., 2004.
- Магазаник 1931: *Магазаник Д. А.* Турецко-русский словарь. М., 1931.
- Маяковский 1956: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 3. М., 1956.
- Маяковский 1978: *Маяковский В. В.* Собр. соч. в 12 т. Т. 8. М., 1978.
- Милютенков 1992: *Милютенков Л. А.* По ту сторону закона. СПб., 1992.
- Мятлев 1969: *Мятлев И. П.* Стихотворения. Сентенции и замечания го-
спожы Курдюковой. Л., 1969.
- Настольный 1891: Настольный энциклопедический словарь. Т. 1. Вып. 1–14.
Изд. А. Гарбель и К°. М., <1891>.
- Немирович-Данченко 1884: *Немирович-Данченко В. И.* Скобелев. СПб., 1884.
- Опыт 1852: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Отрывки 1830: Отрывки из походного Журнала Русского Офицера, посланно-
го курьером чрез Константинополь в Арзерум. Отрывок 1 // Литературная
газета. СПб., 1830. Т. II. № 64. 12-го Ноября. Среда. С. 223–225.
- Павленко 1958: *Павленко П. А.* Кавказская повесть. М., 1958.
- Павлов-Шишкин, Стефановский 1931 — *Павлов-Шишкин В. Д., Стефанов-
ский П. А.* Учебный словарь синонимов. Изд. 2-е. М., 1931.
- Петров 1852: *Петров Н. Я.* Список некоторых великорусских слов, сродных
или сходных с восточными // Известия Императорской Академии
наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. I. Тру-
ды. Стб. 81–91.
- Письма 2003: Письма генерала Н. С. Гонецкого с Кавказа (1854 г.) // Звезда.
СПб., 2003. № 8.
- ПиЭ 1848: Путешествия и экспедиции // Географические известия. СПб.,
1848. Вып. IV.
- Попов 1876: *Попов Е.* Особенности народного говора и областные слова
Донского края // Донская газета. 1876. № 97. С. 385–386; № 98. С. 393–
394; № 100. С. 397–402.
- Савва 1908: *Савва В. И.* П. Ф. Кузьмищев, корреспондент В. И. Даля. Киев,
1908.
- Салтыков-Щедрин 1988: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений
в 10 т. Т. 8. М., 1988.
- СИС 1933: Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык.
Составили К. С. Кузьминский, М. М. Каушанский, Я. А. Рохлин,
С. С. Бровкин. М., 1933.
- СИС 1937: Словарь иностранных слов. Сост. бригадой гос. ин-та «Сов. эн-
циклопедия». Гл. ред. Ф. Н. Петров. М., 1937.
- Сл. XIX: Словарь русского языка XIX века. Проект. СПб., 2002.
- Сл. XVIII-1: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984.
- Сл. р. дон. 1975: Словарь русских донских говоров. Т. I–III. Ростов-на-Дону,
1975.
- СлРЯ₁: Словарь русского языка. Т. I–IV. М.; Л., 1957–1960.
- СлРЯ₂: Словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1981–1984.

- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л.; М.; Л.; СПб., 1965–.
- СРЯ-1: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. АН. Т. 1. А–Д. СПб., 1895. Стб. 99.
- Сталин 1952: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1952. С. 81–86.
- Толль-1: *Толль Ф.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний <...> в III томах. Т. I (*А — Дви*). СПб., 1863.
- Толстой 1863: *Толстой А. Н.* Казаки // Русский вестник. Т. 43. М., 1863.
- Толстой 1912: *Толстой А. Н.* Хаджи-Мурат. М., 1912.
- Торнау 1864: *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1–2. М., 1864. Переиздано: М., 2008.
- ТРС 1977: Турецко-русский словарь. М., 1977.
- ТСУ: Толковый словарь русского языка, под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- Тынянов 1929: *Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара. Л., 1929.
- Тютчев 1902: *Тютчев Ф. Ф.* Беглец (Роман из пограничной жизни). СПб., 1902.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Ягелло 1910: *Ягелло И. Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.
- Korsch 1886: *Korsch Th.* [Rez.]: Fr. Miklosich. Die türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen... Wien, 1884 // Archiv für slavische Philologie. B. IX. № 4. Berlin, 1886. S. 653–682.
- Blaramberg 1874: *Blaramberg J. von.* Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich russischen Generallieutenants Johann von Blaramberg. 2. Band. Berlin, 1874.

А. Д. Дуличенко (Тарту)

К ОБОСНОВАНИЮ СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОНИМИКИ

Мысль о выделении в лингвистике особого лексико-терминологического пласта названий языков и связанных с ними лексических единиц возникла в 60-е гг. по аналогии с лексической (ономастической) серией этнонимов, использующихся в этнографии (этнологии). Тогда этот вопрос обсуждался мною в беседах с ономастом В. А. Никоновым, со славистами Н. И. Толстым и А. Е. Супруном, которые весьма благосклонно отнеслись к предложенному мною термину *лингвонимы*, гибриднему по образованию, — от латин. *lingu(a)* ‘язык’ и греч. *ονομ(α)* в форме *ονιμ(α)* ‘имя, название’, ср. аналогичные генетически разнородные композиты типа *патронимия*, *лингвосемиотика*, *лингвофилософия*, *лингвогеография* и под. От чисто греческой искусственной композиты типа *глоттонимы* или *глоссонимы* (от *glotta/glossa* ‘язык’) пришлось отказаться, чтобы соблюсти симметрию в обозначении двух наук и двух основных объектов, стоящих за их терминологическими обозначениями, ср.:

а) *этнография* / *этнология* — *этнонимы* (наложение конечного *-ο* в *этно-* на начальное *ο-* в элементе *оним*);

б) *лингвистика* — *лингвонимы*.

Предпринятые мною в конце 60-х — начале 70-х гг. попытки опубликовать в «центральных» московских научных изданиях теоретическое обоснование лингвонимического класса оказались безуспешными: статью на эту тему отклонили «Вопросы языкознания» и некоторые другие. Работу пришлось перевести на язык эсперанто и опубликовать в международном научном журнале «Научное обозрение» лишь в 1973 г. [Duličenko 1973: 83–90]. В 1978 г. вышла первая часть задуманной мною серии «Очерки по общей и русской лингвонимике», в которой на широком материале многих языков мира обосновывается необходимость выделения данного терминологического пласта в метаязыке лингвистики, исследуется структура лингвонимов, их состав, вариантность, источники формирова-

ния, соотношение лингвонимов с этнонимами и т. д. [Дуличенко 1978: 23–52]. Эти публикации не остались незамеченными: предложенные понятие и термин нашли отражение, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [см. Нерознак 1990: 598–599], а также в некоторых англо- и немецкоязычных изданиях конца 70-х — 80-х гг., в которых, правда, предпочли термин *glottonym* — англ. *glottonym* у Д. Л. Голда (колебался между терминами *linguonym* и *glottonym*), нем. *Glottonym* — у Х. Гёбла и у О. Бака [Gold 1978: 238 и далее; Goebel 1979: 7–38; то же самое см.: Goebel 1988: 23–66; Back 1988: 6–9; см. также другие работы в этом же номере австрийского журнала: *Die slawische Sprachen, Salzburg, 1988, Bd. 14*]. **Все эти работы не затрагивают теоретических вопросов лингвониимики** — собственно, такого вопроса в них авторами и не ставится: они посвящены лишь интерпретации лингвонимов некоторых языков, в том числе и славянских.

Поскольку теоретические рассуждения по заявленной проблеме содержатся в моей указанной ранее статье 1978 г., к которой я и отсылаю заинтересованного читателя, то здесь я дам лишь обзор нескольких важнейших терминов и понятий лингвониимики:

а) *лингвóним* — основная единица, принятая в лингвониимики для обозначения языков и языковых разновидностей — говоров, диалектов (наречий) и т. д., ср. в этнографии (этнологии) — этнонимы;

б) *лингвониимия* — совокупность лингвонимов, существующая для обозначения языков мира и их разновидностей в одном языке, в группах языков и т. д.;

в) *таксон* — термин общего языкознания типа *язык* ← *диалект* / *наречие* ← *говор*, перешедший в состав лингвониимического знака, или лингвонима;

г) *детерминатив* — определение к таксону, дифференцирующий компонент в составе лингвонима, например, *украинский* по отношению к *язык*, *севернорусское* по отношению к *наречие* (*-ий диалект*) и под.;

д) *лингвониимика* — направление в лингвистике, занимающееся изучением вопросов, связанных с происхождением, формированием, структурой, функционированием и т. д. лингвонимов.

* * *

К сожалению, славянская лингвониимия и изучающее ее направление лингвониимика до сих пор не нашли достойного отражения в славистике. Правда, отдельные статьи и рассуждения о том, как называть тот или иной язык, например, в русской и других славянских и неславянских научных традициях имеются. Прежде всего это относится к старославянско-церковнославянскому и некоторым другим языкам, о чем будет идти речь ниже. Например, в статье Н. А. Кондрашова «Русские названия славянских языков» даже не ставится вопрос о названии славянских языков как об особой лексико-терминологической системе, не говоря уже о том, что, помимо рассмотрения конкретных на-

званий славянских народов и языков, автор не делает никаких обобщений [см. Кондрашов 1990: 71–77]. Между тем речь идет не о формальном увлечении все новыми и новыми терминами, но о выстраивающемся в длинный лексический ряд материале, системное и многоаспектное изучение которого может пролить свет на историю изучения того или иного языка. Скажем более того: за некоторыми лингвонимами нередко можно разглядеть или разгадать научную позицию исследователя относительно происхождения, социокультурных и прочих связей того или иного языка. И еще: история развития некоторых лингвонимов тесно переплетается с историей славянских литературных языков, что само по себе говорит о важности лингвонимического компонента в историко-типологическом изучении славянских языков (и не только славянских).

* * *

Вероятно, одним из наиболее ранних лингвонимических этюдов в рамках славянской культурно-языковой истории следует считать рассуждение Константина (Философа) Костенчского (XIV–XV вв.) о том, почему первый литературно-письменный язык славянства нужно называть *словенским языком*, ср. (из-за диакритической сложности примененного здесь церковного письма транслитерируем фрагмент гражданской кириллицей):

«... того ради и книжевнии сѣи ни блѣгарскоу ни сръбскоу сию наричють, нѣ словѣнскоу, еже се въсѣхъ сихъ племень...» [курсивом выделено нами; цит. по: Ягич 1885–1895: 398].

Т. е. «словенский язык» является языком «всех сих (славянских) племен».

Уже в XVIII в. авторы, писавшие о славянстве, ставили в своих сочинениях вопрос о том, как называть не только тот или иной народ, но и его язык, часто признаваясь в отсутствии единого лингвонима для языка конкретного народа. Такая неопределенность и неустановленность лингвонимических знаков для ряда славянских языков продолжает волновать исследователей и в XIX в. Нередко авторы грамматических и словарных сочинений и собраний указанного периода рассуждают о том, почему они называют анализируемый ими язык так, а не иначе. Лишь в XX в. стали появляться специальные работы по славянским лингвонимам, при этом в них употребляются по отношению, например, к понятию и термину *русский язык* такие слова, как *название / наименование / термин / обозначение / выражение / словосочетание*, т. е. *название* «русский язык», *наименование* «русский язык» и т. д. — вместо лингвоним «русский язык». Такая неопределенность по отношению к обозначению языков лишний раз говорит в пользу необходимости свернуть всю эту лексическую пестроту в единый термин *лингвоним*.

Как было уже сказано, более всего размышлений посвящено вопросу о том, как называть первый литературно-письменный язык славянства, см., например: [Ђорђевић 1957; Толстой 1961; Kurz 1965; Копыленко 1966; Vascenco 1972; одна их последних по времени работ в этом направлении: Keipert 2006]. Свои «лингвонимические корни» усиленно стали искать и изучать многие славянские народы. Особенно многочисленны публикации, касающиеся лингвистического феномена под названием *сербско-хорватский язык* (также *сербо-хорватский язык*) и составляющих его компонентов, ср., например: [Lencek 1976; Младеновић 1992; Zelić-Bučan 1971–1972; Ostojić 1971; Katičić 1989 и др.]. Ср. также новейшую по времени статью о лингвонимических истоках белорусского языка: [Запрудскі 2007: 252–262]. Своего рода «бум» на лингвонимическую проблематику, наблюдаемый в последние десятилетия, вызван объективными потребностями проникнуть в глубины языковой истории того или иного славянского народа, а это в известной степени возможно также в рамках предлагаемого направления славянской лингвониимики.

* * *

Структура славянских лингвонимов (впрочем, как и большинства лингвонимов других языков мира) изначально формировалась как двукомпонентная. Вероятно, на заре человечества это была модель типа *наш язык* в отличие от языка соседей и вообще чужаков (т. е. проявление древней антитезы «мы — они»). Позднее выработалась более отчетливая модель: один ее компонент является уровневым — его мы будем называть *таксоном*, другой представляет собой определение к нему, которое можно обозначить как *детерминатив*. Таксономический уровень составляют единицы уровня «язык» и ниже: *язык* ← *диалект* / *наречие* ← *говор*, в то время как совокупность определений к ним, меняющихся в зависимости от объекта, образует детерминативный уровень лингвонимов, ср.: *русский язык* ← *севернорусское наречие* ← *онежские говоры*, т. е. термины *язык* ← *диалект* / *наречие* ← *говор* (также *поддиалект* / *подговор* / *идиом* и т. д.) являются терминами общего языкознания, однако, оказавшись в составе лингвонимического знака, теряют свое обобщающее значение и вместе с детерминативом выражают конкретную лингвонимическую единицу. В этом легко убедиться, если сравнить *язык* как общелингвистический термин, т. е. термин в значении ‘язык (вообще)’, ‘язык человеческий’ и др., и как составной компонент лингвонима, например, *словацкий язык*, *кашубский язык*, *белорусский язык* и под.

Для славянских языков, таким образом, первичная структура лингвонима предстает в виде «детерминатив + таксон»; последний в славянских языках выступает в виде рус. *язык*, болг. *език*, серб.-хорв. *jezik/jezik*, макед. *јазик*, словен. *jezik*, словац. и чеш. *jazyk*, польск. *język*, с.-луж. *řeč*, белорус. и укр. *мова*, юг.-русин. *язык*, кашуб. *jãzëk*, резьян. *langač* и др., ср.:

рус. *русский язык*
 белор. *беларуская мова*
 укр. *українська мова*
 болг. *български език*
 макед. *македонски јазик*
 серб.-хорв. *српскохрватски језик / hrvatskosrpski jezik, српски језик / hrvatski jezik*
 словац. *slovenský jazyk*
 чеш. *český jazyk*
 словен. *slovenski jezik*
 юг.-русин. *руски јазик* ‘русинский язык’ и под.

Лишь в польском языке детерминатив оказывается, как правило, в постпозиции по отношению к таксону: *język polski* ‘польский язык’, *język słoweński* ‘словенский язык’ и под.

Еще предстоит исследовать вопрос о том, каким образом в рамках одного языка двукомпонентные лингвонимы свертывались в однокомпонентные, которые тоже характерны для славянской лингвонимии, однако их формирование носит явно более поздний по времени характер. Становление однокомпонентных лингвонимов шло за счет суффиксального словообразования, которому подвергались детерминативы. Если бросить общий взгляд на лингвонимическую однокомпонентность, то ее развили лишь некоторые славянские языки, среди которых один южнославянский — словенский, четыре западнославянских — словацкий, чешский и серболужицкие (верхнелужицкий и нижнелужицкий). При этом важно подчеркнуть, что развитие в направлении однокомпонентности не устранило первичную двукомпонентную модель: в таких языках используются обе модели, иногда, правда, стилистически или слабосемантически так или иначе разграничиваясь. Приведем примеры:

словенский: *slovenski jezik* → *slovenščina* ‘словенский язык’
 словацкий: *slovenský jazyk* → *slovenčina* ‘словацкий язык’
 чешский: *český jazyk* → *čeština* ‘чешский язык’
 (верхне)лужицкий: *(hornjo)serbska řeč* → *(hornjo)serbšćina* ‘верхнелужицкий язык’.

Нетрудно заметить, что однокомпонентные единицы формируются за счет одного и того же лингвонимического суффикса (с вариациями): *(-šč)in-a* / *(-č)in-a* / *(-št)in-a* / *(-šč)in-a*.

В сербском однокомпонентная модель не развилась, в то время как в хорватском попытки ее развить предпринимались в XIX в., начиная с периода национального Возрождения, ср., например, название статьи М. Валявеца за 1880 г.: «*Imperfekat kako se tvori u staroj slovenštini i prema njoj u hrvatštini ili srbštini pak u kajkavštini*» (опубл. в серии: Rad JAZU, Zagreb, 1880, knj. LI, s. 55–139), т. е. *stara slovenština, hrvatština ili srbština, kajkavština*. Однако эти эксперименты в конечном счете не дали полноценного результата. Однокомпонентные лингво-

нимы в сербско-хорватском языке редки и находятся на периферии лингвонимического пространства, ср. современные *čakavsko narječje* / *čakavski jezik* → *čakavština* ‘чакавское наречие / -ий язык’, *kajkavsko narječje* / *kajkavski jezik* → *kajkavština* ‘кайкавское наречие / -ий язык’. В целом безрезультатна была попытка С. Линде ввести в начале XIX в. в польский язык по чешскому образцу однокомпонентные лингвонимы типа *czeszczyzna* ‘чешский язык’, *angielszczyzna* ‘английский язык’; впрочем, наряду с двукомпонентным лингвонимом *język polski* употребляется сегодня также однокомпонентный лингвоним *polszczyzna* ‘польский язык’. Примечательно, что в XIX в. в Западной Украине пытались ввести (видимо, по чешскому образцу) однокомпонентную лингвонимическую модель типа *польщина* ‘польский язык’, *українищина* ‘украинский язык’, *російщина* ‘русский язык’, *чештина* ‘чешский язык’ и под., однако она не закрепились.

В русском языке однокомпонентная модель периферийна, ср. редкие случаи (если говорить об усвоенных лингвонимах) типа *латынь*, *санскрит*, а также требующие таксономического подтверждения лингвонимы типа (язык) *африкаанс*, (язык) *хинди* / *хиндустани*, (язык) *пушту* и под., наконец, полисемантические *кайкавищина* наряду с *кайкавский* (литературный) язык / *кайкавское наречие*, *чакавищина* наряду с *чакавский* (литературный) язык / *чакавское наречие* — однокомпонентные модели могут здесь выражать и собирательное значение, т. е. *кайкавищина* — это не только ‘кайкавский язык / -ое наречие’, но и ‘кайкавская традиция’, ‘кайкавская культура’ и т. д.

* * *

Каковы же источники образования славянских лингвонимов?

Прежде всего обратим внимание на то, что речь здесь должна, разумеется, идти о детерминативном компоненте. Вероятно, древнейшей основой лингвонимических образований были (1) *этнонимы*. Еще в начале XX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ указал на этническое значение как на одно из древнейших значений слова *язык*. При этом он приводил пример из Священного Писания, в котором лингвоним *язык самаритянский* употреблен в этническом значении, т. е. ‘самаритяне’ [Бодуэн де Куртенэ 1900: 317]. Из этого можно сделать вывод о том, что в глубокой древности *имя народа* (этноним) и *имя языка* (лингвоним) нередко могли совпадать. Реликты такого семантического синкретизма дожили до нашего времени. Достаточно вспомнить бытовавшее в XIX в. в науке мнение о тождестве типа «народ — язык» и далее «народность — наречие / диалект», чтобы понять, насколько тесна связь двух значений — этнонимического и лингвонимического. Напомним также об известной строке из А. С. Пушкина: «... И назовет меня всяк сущий в ней *язык*...». Однако в целом этноним следует признать более древним и более распространенным именем, на базе которого уже формировалась лингвонимическая система.

Итак, ср.:

сербь → *сербский (язык)* / *Срби* → *српски (језик)*

(*русь* →) *русские* → *русский (язык)*

(*поляне* →) *поляки* → *польский (язык)* / *Polacy* → (*język*) *polski*

болгары → *болгарский (язык)* / *българи* → *български (език)*

чехи → *чешский (язык)* / *Česi* → *český (jazyk)* → *čeština* и под.

(2) *Топонимическую основу* лингвонимов можно, вероятно, считать моложе этнонимической, хотя допускаем, что в ряде случаев они могли находиться в одной временной плоскости. Вот примеры отчетливой связи между топонимами и образованными на их основе лингвонимами (возможно также через этнонимический этап):

Украина → (*украинцы*) → *украинский (язык)*

Белая Русь (→ *Белоруссия*) → (*белорусы*) → *белорусский (язык)*

Нидерланды → (*нидерландцы*) → *нидерландский (язык)*; аналогично: *Голландия* → (*голландцы*) → *голландский (язык)*

Африка → (*африканеры / африкандеры*) → (*язык*) *африкаанс* и под.

Ср. также случаи с таксоном ниже уровня «язык»: *среднеподнепровские говоры* (← юго-восточного наречия украинского языка), *фракийские говоры* (← юго-восточной зоны восточноболгарского наречия болгарского языка), *моравские говоры* (← чешского языка), *корошское / каринтийское наречие* (← словенского языка) и под. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет о лингвонимах, образованных в науке в связи с исследованием ареальных различий в языках и в связи с созданием диалектных классификаций, т. е. это, можно сказать, чисто метаязыковый уровень — в отличие от лингвонимов с таксоном «язык», которые следует квалифицировать не только как элементы метаязыкового, но и лингвокультурологического уровня.

(3) Смешанную *этнонимическо-топонимическую основу* имеют такие лингвонимы, как, например, *серболужицкий язык* (resp. *серболужицкие языки*): *сербь* + *Лужица* (нем. *Lausitz*).

Научный характер имеют и лингвонимы, учитывающие (4) *географические обозначения* типа *степные говоры* (← юго-восточного наречия украинского языка), *восточные говоры* (← южнорусского наречия русского языка). Однако чаще всего географические обозначения выступают в виде препозитивного компонента лингвонима ниже уровня «язык», детерминативный компонент которого маркирован: *западномакедонское наречие* (← македонского языка), *южнорусское наречие* (← русского языка), *среднесловацкое наречие* (← словацкого языка) и т. д. Нетрудно увидеть, что в этом случае лингвонимические единицы такого плана не требуют специального пояснения взятыми нами здесь в скобки лингвонимами на уровне «язык».

(5) *Фонетические или лексические особенности речи* (= *лингвистические особенности*), ср. обозначения

а) на основе *фонетико-лексических элементов*: серб.-хорв. *штокавское наречие* (-ий диалект) или *штокавица* (*штокавско наречје* /

štokavsko narječje — *штокавщина* / *štokavština*), образованное от вопросительно-относительного местоимения *што* ‘что’ (соответствует русскому произношению); аналогичным образом произведены *čakavsko narječje* / *čakavština*, *kajkavsko narječje* / *kajkavština*; *cotacké nářečie* восточнословацкого диалекта, названное так по специфическому произношению местоимения *со* [цo] ‘что’; лемковские говоры (укр. лемківські говірки) — по специфическому словечку *лем* ‘только’ при укр. *тільки, лиш(е)* и др.;

б) *функциональные особенности*, т. е. предназначение языка: *книжно-славянский язык* — в рамках письменной культуры, *церковнославянский язык* — преимущественно в церкви, однако со временем выходил в своем функционировании за ее пределы; *риксмол* — ‘государственный язык’ и *букмол* ‘книжный язык’ (оба в Норвегии);

в) *временные рамки*: *праславянский язык* — *древнеславянский язык* — *старославянский язык* — *новоцерковнославянский язык*, *староукраинский язык*, *древнечешский язык* и под., где префиксальные элементы и первые компоненты сложных детерминативов указывают на этот признак;

г) в интерлингвистике, науке о международном вспомогательном языке, лингвонимы образуются обычно *на основе нарицательных слов* различной семантики: *волапук* / *Volapük* — ‘язык мира’, ‘всемирный язык’ (из англ. *world* ‘мир’ и *speak* ‘речь’), *эсперанто* / *Esperanto* — ‘надеющийся’, *идо* / *Ido* — ‘потомок (эсперанто)’, *интерлингва* / *Interlingua* — ‘международный язык’ и под.;

д) *способом контаминации* отмечено с середины XX в. появление нового типа лингвонимов, ср. *франглэ* / *franglais* ‘французско-английский язык’ ← *français* + *anglais* ‘французский (язык) + английский (язык)’, *русангл* ‘русско-английский язык’ ← из *русский (язык)* + *английский (язык)*, *англосербский язык* / *англосрпски језик* ← *енглески језик* + *српски језик*, *денглиш* или *дэнглиш* / *Denglish* или *Denglisch* ‘немецко-английский язык’ ← *Deutsch* ‘немецкий язык’ + *English* или *Englisch* ‘английский язык’ и др.

* * *

История отдельных лингвонимов — это рассуждения со всеми их противоречиями, непоследовательностями и нередко простым непониманием сущности вопроса, это эволюция взглядов на статус и особенности функционирования того или иного языка. И все же из последовательного и систематического изучения исторического развития конкретных лингвонимов можно вывести определенные закономерности в их эволюции. В качестве примера обратимся к названиям старославянско-церковнославянского языка, просматривая их в хронологической плоскости — как они представлены в русской славистической традиции.

Сначала предлагаем таблицу № 1, где представлены наиболее показательные лингвонимы и их варианты по письменным и печатным источникам вплоть до конца XVIII в. (сохраняем в этой и в следующей таблице написание в некоторых случаях лингвонимов в оригинальной форме — с прописной буквы):

Таблица 1

время	автор, составитель, издание	лингвоним словенский язык / славенский язык	другие лингвонимы
XII в.	летописец Нестор	(словеньскый языкѡ)	
XIV в.	словарик к «Лествице» Иоанна Синайского	(словѣнски рѣчи)	
XVI в.	Зиновий (Отенский)		(русскіи языкѡ)
конец XVI в.	Иван Вишенский	(язык славенский, словенский язык)	
1581	Евангелие в перев. В. Негалеvского	(языкѡ словенский)	
1591	грамматика «Адельфотис»		(еллино-славенскій языкѡ)
1596	Лаврентий Зизаний	(Словенска Грамматика)	
1619	Мелетий Смотрицкий	(славенскій языкѡ)	
1627	Памва Берында		(славеноросскій, славенороссійскіи языкѡ)
1631–1648	Р. Левакович	(език словенскіи, славинскіи языкѡ)	
1730–70-е гг.	В. К. Тредиаковский	языкѡ славенской/ славенскои, славенскій языкѡ/языкѡ, словенскій языкѡ	Славениц(з)на, Славенороссійскій языкѡ, книжный церковный языкѡ
1736	Ф. Прокопович	(Славенскыи языкѡ)	
1741	М. Караман	(славенскіи языкѡ)	
1755–1757	М. В. Ломоносов	Славенскій языкѡ	
1763	А. П. Сумароков		старое нарѣчіе
1786	А. Б.	Словенскій языкѡ	
1790-е гг.	И. П. Елагин		Славянчизна

Примечание: в скобки взяты лингвонимы, переведенные нами с церковной азбуки на гражданскую кириллицу.

Нетрудно заметить, что первоначальным обозначением был лингвоним *словен(ь)ский язык*; спустя несколько веков появляется его вариант *славенский язык*. Указание на первоначальную сферу применения языка содержится в одном из лингвонимов В.К.Тредиаковского *книжный церковный языкъ*. В лингвонимах *ръсскіи языкъ*, *славеноросскій языкъ*, *славенороссійскій языкъ*, примененных по отношению к первому литературно-письменному языку славян, подчеркивается его локальная связь и позднейшее развитие, известное под лингвонимом *церковнославянский язык русского извода*. Что касается однокомпонентных лингвонимов типа *славеници(з)на*, *славянчизна*, то они в известной мере могли также употребляться как стилистически маркированные.

В таблице № 2 представлены более разнообразные лингвонимы для «словенского/славянского языка», собранные преимущественно по библиографическому указателю изданий по русскому языкознанию за 1825–1880 гг. [см. Библиографический указатель 1957]:

Таблица 2

время	словенский / славенский язык	старославянский язык	церковно-славянский язык	другие лингвонимы
нач. XIX в.	<i>Славенскій языкъ</i> , <i>Славенской языкъ</i>			
1808	<i>славенскій языкъ</i>			
1811				<i>Славно-Россійскій языкъ</i>
1821				<i>Славноороссійскій языкъ</i>
1822			<i>церковный языкъ славянскій</i>	
1823			+	
1824	<i>языкъ словенскій</i>			
1833–1834				<i>языкъ славянскій по древнему нарѣчію</i>
1843				<i>церковно-книжный языкъ</i>
1846				<i>священный языкъ Славянъ</i>

Таблица 2 (продолжение)

1847			<i>~ое нарѣчіе</i>	
1847–1848				<i>церковный языкъ</i>
1851			+	
1852		+		
1852		<i>~ое нарѣчіе</i>		
1852				<i>древній славянскій языкъ</i>
1857			<i>славяно- церковный языкъ</i>	
1858			<i>славяно- церковный языкъ</i>	
1860–1861			+	
1863			+	
1865		+		<i>древнесловенскій языкъ</i>
1868		+		
1872		+		
1875		+		
1875			+	
1876			+	

Из таблицы видно, что до первой трети XIX в. интересующий нас язык называли в основном *словенский язык* или *славенский язык*, хотя некоторое распространение уже с XVIII в. получал также лингвоним *славянороссийский язык*. По справедливому заключению Н. И. Толстого, высказанному еще в 70-е гг. XX в., лингвоним *словенский язык* или *славенский язык* выполнял различные функции: под ним могли подразумевать праславянский язык (правда, это уже в основном в начале XIX в.), далее — *старославянский и церковнославянский языки* и, наконец, один из южнославянских языков [Толстой 1976: 185]. Таким образом, лингвонимы, как показывает этот пример, могли быть полисемантическими, и в каждом конкретном случае следует обращать на это особое внимание.

Начиная с XIX в. в науке и культуре все сильнее ощущается потребность поточнее определить язык, которым пользовались и пользуются для книг, особенно религиозной тематики. Лингвонимических предложений в это время — масса, однако заметно, что конкуренция проходит преимущественно между лингвонимами *церковнославянский язык* и *старославянский язык*. Лингвоним *древнеславянский/древнеславянский язык* употребляется лишь эпизодически. В конечном счете в XX в., особенно в советскую эпоху, предпочтение было отдано именно лингвониму *старославянский язык* — не в последнюю очередь по причине официальной атеистической идеологии Советского государства, чему противоречил бы лингвоним *церковнославянский язык*. Впрочем, в специальной научной литературе использовался и он.

Как бы то ни было, но проблема с лингвонимом для первого литературного языка славянства так и остается неразрешенной. Не случайно в начале 60-х гг. XX в. этот вопрос поднял Н. И. Толстой, предлагая для книжного языка IX/X–XVIII вв. **единый лингвоним древнеславянский язык**, при этом язык памятников IX/X вв. и отчасти XI в. он называл *ранним древнеславянским литературным языком*, или *старославянским* [Толстой 1961: 52, 53, 66]. С этим предложением согласились некоторые слависты (например, Ф. Мареш, М. М. Копыленко), однако были и возражения (Е. М. Верещагин). Для решения вопроса необходимо, помимо прочего, систематический и последовательный анализ предложенных на протяжении веков лингвонимов со всеми их семантическими, функциональными, стилистическими и проч. нюансами, а это уже — одна из задач, которая стоит перед славянской лингвониимикой.

* * *

Хотелось бы подчеркнуть, что не менее интересным и важным в теоретическом, в том числе в чисто лингвистическом и в лингвокультурологическом, плане является вопрос о лингвонимической эволюции применительно к остальным славянским языкам. В качестве актуальных задач славянской лингвониимики выступают в этой связи конкретно-историческое изучение лингвонимов как совокупности в каждом славянском языке, а также сравнительно-типологическое исследование их происхождения, структуры и развития внутри славянской группы, в контексте индоевропейских языков и шире — языков мира. Результатом такой работы должен был бы стать толковый словарь славянских лингвонимов, над которым работает автор настоящей статьи. Такой словарь стал бы полезным дополнением к собраниям и словарю славянских этнонимов и к систематическому курсу истории славянских литературных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Библиографический указатель 1957: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. VI. Учебная и методическая литература. М., 1957.
- Бодуэн де Куртенэ 1900: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Славянские языки // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. XXX. С. 317.
- Дуличенко 1978: *Дуличенко А. Д.* Очерки по общей и русской лингвонимике. 1. К метаязыку лингвистики: лингвонимы как особый класс терминов // Семантика номинации и семиотика устной речи (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 442). Тарту, 1978.
- Запрудскі 2007: *Запрудскі С.* Назвы беларускай мовы ў працах даследчыкаў XIX стагоддзя. Працы 1800–1810-х гадоў // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе. Мінск, 2007.
- Кондрашов 1990: *Кондрашов Н. А.* Русские названия славянских языков // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1990.
- Копыленко 1966: *Копыленко М. М.* Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? // Советское славяноведение. М., 1966. № 1.
- Младеновић 1992: *Младеновић А.* Назив српски језик — најстарија потврда из XIV века? // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1992. Св. XXXV. № 1.
- Нерознак 1990: *Нерознак В. П.* Этнонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Толстой 1961: *Толстой Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. М., 1961. № 1.
- Толстой 1976: *Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1.
- Ягич 1885–1895: *Ягич И. В.* Рассуждение южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895. Т. I.
- Ђорђевић 1957: *Ђорђевић П.* Терминолошка питања из палеословенистике // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 1957. Књ. II.
- Back 1988: *Back O.* Glottonyme und Ethnonyme // Die slawische Sprachen. Salzburg, 1988. Bd. 14.
- Duličenko 1973: *Duličenko A. D.* La lingvonimiko. (Ĝiaj esenco kaj problemoj) // Scienca Revuo. Vol. 24. Beograd, 1973. N 2/3.
- Goebel 1979: *Goebel H.* Glottonymie, Glottotomie und Schizoglossie // Ladinia, 1979. N 3; то же в изд.: Die slawische Sprachen. Salzburg, 1988. Bd. 14.
- Gold 1978: *Gold D. L.* Suffix *-nym* // American Speech. Baltimore, 1978. Vol. 53.
- Katičić 1989: *Katičić R.* «Slovenski» i «Hrvatski» kao zamjenjivi nazivi jezika hrvatske književnosti // Jezik. Zagreb, 1989. N 4.
- Keipert 2006: *Keipert H.* Церковнославянский in verordnetem Vergessen // Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici. Maribor, 2006.

- Kurz 1965: *Kurz J.* О назву *jazyk cirkevněšlovanský* // Славянска филология. София, 1965. № 7.
- Lencek 1976: *Lencek R. L.* For the History of the Term «Serbocroatian» Language // Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1976. Св. XIX. № 1.
- Ostojić 1971: *Ostojić I.* Kako su Hrvati nazivali svoj jezik? // Kolo. Zagreb, 1971. N 1–2.
- Vascenco 1972: *Vascenco V.* Din istoria metalimbii slavisticii româneşti. II. Terminii pentru paleoslava // Romanoslavica. Bucureşti, 1972. T. 18.
- Zelić-Bučan 1971–1972: *Zelić-Bučan B.* Narodni naziv hrvatskog jezika tijekom hrvatske povijesti // Jezik. Zagreb, 1971–1972. N 1, 2–3; то же см.: Tisućljetni jezik naš hrvatski. Zagreb, 1991.

БУЛГАРЫ И СЛАВЯНЕ:
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
В РАННИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Самый ранний распад пратюркского языкового единства — это разделение на «булгарскую» и «общетюркскую» или «стандартно-тюркскую» группы. По ряду соображений (датировка заимствований из древнекитайского языка в пратюркский; глоттохронологические расчеты различного типа) это разделение датируется приблизительно рубежом нашей эры, не позже III в. н. э. Единственным живым потомком булгарской группы является современный чувашский язык; кроме того, наиболее ранние стадии собственно булгарской фонетической истории известны прежде всего по ранним заимствованиям из языков булгарской группы в другие языки. Особенно много в этом отношении дают булгарские заимствования в венгерском языке, которых насчитывается около 400.

Фонетические особенности булгарской группы, в сравнении с общетюркским состоянием, следующие¹.

1) развитие пратюрк. **λ*, **l̥*, **ʀ* в прабулг. **l*, **l̥*, **r* (дунайско-и волжскобулг. *l*, *l̥* > *ĭ*, **r* в соответствии с общетюрк. **ʃ*, **ʒ*, **ʒ*);

2) переход **s* > *ʃ* в прабулгарском в позиции перед ПТ **i*, **ī*, **ia*;

3) не-озвончение пратюрк. **t*- > общетюрк. **d*- перед звонкими смычными, **λ*, **r* и **ʀ*;

4) развитие в булг. **-d-* > *j* в основах, содержащих *r*, и **-d-* > *-r-* в других контекстах (хронологически после совпадения в булг. **r* и **ʀ*, ср. чув. *xujər* 'кора' < пратюрк. **Kadıŋ*, общетюрк. *kadıŋ*);

5) сохранение глайдовой инициали нисходящих дифтонгов в прабулгарском при падении их в общетюркском.

Булгаризмы в венгерском по фонетическим особенностям можно разделить на две группы. В одной предполагаемый об-

1 Последнюю по времени версию пратюркской реконструкции, из которой мы здесь исходим, можно увидеть в [Дыбо 2007: 5–64].

лик тюркских прототипов мало отличается от пратюркского состояния (за исключением «чувакской палатализации» — перехода $*z > \check{z}$ перед $*i, *i$). В другой прототипы обнаруживают значительные сходства с прототипами заимствований из дунайско-булгарского в южнославянские языки. Соответственно, первую группу заимствований в венгерском можно отнести к «the Pre-Conquest Layer» ([Róna-Tas 1988: 752], «до Переселения») — это заимствования, происходившие, скорее всего, на территориях Волго-Камского, либо, как сейчас предпочитает считать А. Рона-Таш [Róna-Tas 2005: 436–438], Доно-Кубанского ареалов (V–VII вв. н. э.). Вторая же группа булгаризмов в венгерском — **заимствования из дунайско-булгарского, происходившие на территориях, близких к нынешней Венгрии**; правила их фонетической адаптации в венгерском совпадают с правилами адаптации ранних славянских заимствований, попавших в венгерский язык в период, «хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895–900 гг.)» — см. эти правила в [Хелимский 2000: 422].

Достаточно полный материал по тюркским заимствованиям в славянских языках, собранный к настоящему времени, позволяет утверждать, что выделяются две категории булгаризмов в славянском: 1. Слова, заимствованные из языка дунайских булгар в южнославянские языки (не в праславянский, как иногда предполагают — это невозможно хронологически), ставшие вследствие этого принадлежностью старославянского языка и с ним, как с литературным языком славянского мира, распространившиеся в восточнославянские и частично в западнославянские языки. По историческим основаниям такое заимствование следует датировать VIII–IX вв. н. э. 2. Слова, заимствованные из волжско-булгарского в восточнославянские языки (на Волжском торговом пути) и оттуда частично прошедшие в западнославянские, в первую очередь в польский. Эти заимствования, видимо, можно датировать несколько позже, периодом возвышения волжско-булгарского государства.

Ниже рассматриваются ранние тюркизмы славянских языков по отношению к отражению некоторых тюркских гласных первого слога.

I. «Дунайские» булгаризмы в славянском, содержащие ПТ $*a, *ā$. Интерпретация a языка-источника в ранних славянских заимствованиях как o или a соответственно исходной краткости/долготы (ср. ниже аналогичное отображение дун.-булг. $a, ā$ из ПТ $*ā, *ā$), очевидно, связана с наличием в праславянском и раннеславянском фонологическом инвентаре недистинктивного признака долготы гласного; долгими были, как известно, ПСл $*a, *u, *y, *ē, *i$ и носовые, краткими — $*o, *e, *v, *v$. Ср. отражение славянских гласных в старовенгерском, см. [Хелимский 2000: 422 (таб. 1, 2)].

ПТ *а краткое > дун.-булг. *а > слав. о

**kovъčegъ*: рус. *ковчѣгъ*, укр. *ковчѣгъ*, др.-русск., ст.-слав. *ковъчегъ* κιβ-ωτός, θήκη (Euch. Sin., Супр., Зогр, Мар, Асс), болг. *ковчѣгъ*, сербохорв. *кѡвчѣгъ* 'ящик, ларь' Фасмер II: 272–273. ПТ **Kapyrčak* 'ящик, гроб; корзина' ЭСТЯ 1997: 276; ср. венг. *kororsó* 'гроб' с 1372; *kaporsó*, *korparsó*, MNyTESz 2: 566, болгаризм по *s* < *č.

**doxtorъ* 'подушка': русск.-цслав. и ст.-слав. *дохъторъ* (Зогр.), *дѣхъторъ* (Супр.) προσκεφάλαιον. Традиционно связывается с др.-булг. **ža/oγdor*, чув. *šъDar*, *šiDar* 'подушка, постель', Федотов 2: 158–159, неверно у Рясянена (VEWT 127, к монг. *žoydar* 'пучок верблюжьей шерсти для набивания подушки'). Более правильно, по-видимому, возводить болгарское (и чувашское) слово к тюрк. **jat-ku-r*: **jat-* 'лежать' + *-kUr* афф. отглагольного имени, для которого зафиксировано значение пожелания/предположения (ср. [Щербак Имя: 171–172]). Ср. др.-тюрк. *jatuu* 'спальные места', *jatuu* 'войлочный лежник', образование действительно, скорее, болгарское (ср. ст.-слав. *ятхульница* 'монастырская гостиница' с кыпчакским рефлексом **j-*, см. [Дыбо 2008a]).

**tojagъ* 'дубинка, посох', др.-русск. *тояга* (Жит. Нифонта, Успенск. сборн. XII в.), цслав. *тоягъ* (м.), *тояга* (ж.), болг. *тояга* (Младенов 636), сербохорв. *тојага*, черногорск. *тољага*. Фасмер IV: 91. ПТ **daja-k* 'посох' (или, скорее, **daj-n-a-k*, т. е. образование от рефлексивного глагола), чув. *toja*, як. *tajax*, *tajax*, долг. *tajax*, *таһак*, тоф. *dajaq*, *tajaq*, др.-уйг., крх.-уйг. *tajaq*, тур. *dajak*, аз. *dajaG*, туркм. *tajaq*, тат. *tajak*, EDT 568, TMN 2: 445, Щербак 1997: 152. От ПТ **daja-* 'подпирать, прислонять', Refl. 'опираться' VEWТ 455, EDT 567, ЭСТЯ 1980: 125–127, Федотов 2: 259–260.

**klobukъ* 'шапка', рус. *клобук*, укр. *клобук*, др.-русск., цслав. *клобоукъ* (с XII в.), сербохорв. *клобук* 'шапка, шляпа', словен. *klobúk* 'шляпа, шлем, основа стропил', чеш. *klobouk* 'шляпа', словц. *klobúk*, польск. *klobuk*, *kobluk* 'высокая шапка, монашеский клобук', в.-луж., н.-луж. *klobuk*, полаб. *klüöbük*, Фасмер 2: 252, ЭССЯ 10: 61–62. ПТ **Kalpak* 'шапка, шляпа' ЭСТЯ 1997: 234–235. Отметим озвончение *p* > *b*. Ср. венг. *kalpag* ' меховая шапка' MNyTESz 1: 330, с 1653. Венг. считается турецким заимствованием (т. е. позже XIV в.), однако ср. конечное -*g* (не -*k*), что предполагает более ранний слой.

**bojanъ* и.с., др.-рус. *Боян*, древний певец в «Слове о полку Игореве», болг. *Боян*, Фасмер I: 203. Тюрк. *Vajan*, имя аварского хана в VII в., болгарского царевича в VIII в. Ввиду наличия такого тюркского имени славянская этимология (Фасмер: «наиболее очевидным является сближение с *бой*»; однако что за суффикс?) кажется маловероятной. Тюрк. имя обычно связывают с **bāj* 'богатый, знатный; много, многочисленный', чув. *poj-* 'богатеть', прич. *poj-an* 'богатый', як. *bāj*, долг. *bāj*, *bājdak*, *bājdik*, тув. *baj*, хак. *paј*, сюг. *pāj*, др.-тюрк. *baj* (орх., ен., др.-уйг.), крх.-уйг. *baj* (МК, КВ), чаг. *baj*, узб. *bэј*, нуйг. *baj*,

тур., гаг., аз. *baj*, туркм. *bāj*, кар., кум., балк. *baj*, тат. *baj*, *bajtaq*, башк. *baj*, ног., каз., ккалп., кирг. *baj*, галт. *baj*, *bajtaq*, EDT 384, VEWT 56, TMN 2, 259, ЭСТЯ 1978: 27–29, 36, СИГТЯ 2000: 304, 332, Федотов 1: 440. Словообразовательная верификация этимологии заставляет предполагать в этом случае причастие на **-yan* от глагола **bāj-* ‘богатеть’. Но с возведением ранних фиксаций имени в этом случае имеется проблема. Фонетически они могли бы восходить к монгольской форме (тюрк. > монг. *bajan* ‘богатый’ KWb 29, Щербак 1997: 103, которое заимствуется в новые тюркские языки, в частности, как имя собственное: казах., алт. *Bajan* и пр.), и тогда это будет единственный надежный монголизм в дунайско-булгарском (ср. ниже о *хоругви*). Если возводить их к тюркской форме, посегментно тождественной современной чувашской, то для того времени следовало бы ожидать, скорее, **bojxanъ* или **bojganъ* [ср. сюда дунайско-булгарский титул в греческой записи, IX в.: Βαγανός; совр. слав. титул *ban* (болг., серб.-хорв. *бан*, чеш. *bán* — скорее всего, заимствование из венг. *bán* ‘командир приграничного укрепления’ и под.: в венг. словарях предполагается заимствование из схр., но первая фиксация венг. слова — под 1138 г., и для этого времени еще очень маловероятно такое стяжение в слав.; в древневенгерском же мог выпасть в такой позиции даже глухой гуттуральный]. По-видимому, следует связывать тюркское имя собственное с другим апеллятивом, ПТ **baj* ‘священный, благой’, як. *bajanaŋ* ‘имя божества’, крх.-уйг. *bajat* ‘бог’ (МК — аргу, KB, Tefs.), чаг. *bajat* ‘бог’ (Абуш., Sangl.), тур. *bajat* ‘бог’, туркм. *baj-na-* ‘блаженствовать’, кирг. *baj terek* ‘мировое древо’, галт. *baj-lu* ‘священный’, *maj-* ‘первая часть в ряде теонимов’, *baj terek* ‘мировое древо’ EDT 385, VEWT 56–57, TMN 2: 379, Аникин 109, 125–126; имеется алтайская этимология, см. EDAL. Тюрк. формы типа *bajat* формально представляют собой реликтовое множ. число, к которому единичным/собирательным именем было бы как раз **bajan*, ср. Erdal 1991: 82, 91. Якутское образование — звательная форма от **bajan*, туркм. — отыменной глагол на *-а-*.

Ср. заимствование в восточнославянский, по-видимому, из волжско-булгарского, с таким же рефлексом первого гласного: только др.-русск. *Хопужское море* «Каспийское м.» (Псковск. 2 летоп., Жит. Алекс. Невск. 4), *Хупожское* — то же (I Соф. летоп. под 1242 г.). Тюрк. название, ср. тур. *кари* «ворота», первонач. — о **Дербентских воротах** (ср. *Дербеньское море* „то же“); см. подробно Фасмер, ZfslPh 24, 28 и сл. Фасмер IV: 261. Ср. ПТ производные от глагола **kap-* ‘закрывать’ со значением ‘ворота, дверь’: 1) **kap-ug*; орх. *qаруу*, др.-уйг. *qаруу*, крх. *qариу* МК, ср.-уйг. *qариу* (Тefs.), куман. *kabak*, ст.-кыпч. *qару*, *qари* (Ноч., АН) нуйг. *qарид*, тур. *кари*, аз., туркм. *qару*, караим., кум., ног., ккалп. *qару*; 2) возможно, **kap-gi* отражено в ср.-уйг. *qари* (Тefs.), чаг. *qари* (если это не огузские формы); 3) **kap-ga*, *qаруа* МК, ИМ, тат. *карка* (> чув. *харха*) и др. кыпч. и карлук.; см. ЭСТЯ 1997: 274–275, TMN

3: 370–371, EDT 583. В чув. собственное только *хобъ* ‘крышка’. Венг. форма *кари* ‘ворота’, с 1009, Lig. MNyTK 1: 10, MNyTESz 2: 367, могла бы быть из ст.-тур. *кари* (как предполагал Дерфер; это объясняло бы краткий узкий гласный на конце слова, который не отпал и не удлинился под влиянием отпавшего *-g; ср. венг. *кариси* ‘привратник’, возможно, из тур.), но ранняя фиксация противоречит этой гипотезе. Это либо развитие **kar-ug* с непонятным поздним сокращением конечного гласного (конечное сочетание *иК* в старовенгерском давало -*и*), либо развитие из (иначе незафиксированного) производного от того же корня **kar-gu* (с естественным переходом $\gamma > v > 0$ после *p*). В обоих случаях вероятнее булгаризм; первая гипотеза лучше согласована с др.-рус., но, в конце концов, разные болгарские диалекты, дунайский и волжский, могли иметь разные производные.

ПТ **ā* долгое > дун.-булг. **ā* > слав. *a*

samъcbъjъ* ‘управляющий хозяйством’, цслав., ст.-слав. *самъчии* ὁ οἰκονόμος, ὁ μεϊζότερος (Супр., Жит. Св. Климента) Фасмер III: 554–555. Заимств. из др.-булг. **sām-čy*, имя деятеля по существительному; ПТ **sā-m*, булг. > венг. *szám* ‘цифра’ MNyTESz 3: 667, с 1086 г., чув. *sum* «число, счет», имя от ПТ **sā(ji)* ‘считать’, в рефлексиве **sā-n-* (чув. *su-, sōv-*, Refl. *sun-*, як. *ā-x-*, туркм. *sāj-*; булг. > венг. *szán-* ‘жалеть’ MNyTESz 3: 672 с 1372 г.), ср. тур., тат., казах. *san*, туркм. *sān* «число, счет, множество» VEWТ 390, EDT 781–782, ЭСТЯ 2003: 132–134, Федотов 2: 53. Видимо, сюда же как дунайский булгаризм можно отнести болг. *самсур* ‘нелюбезный человек’ (sā-m* ‘число, честь’ + **-sUř* ‘без’, чув. *-sōr*, общетюрк. *-sIz*).

**šaranъ*, рус. диал. *шаран* ‘молодой сазан, карп’, южн., укр. *шаран* ‘то же’, болг. *шеран*, *шаран*, сербохорв. *шаран*, польск. *szaran*. Фасмер IV: 407–408. ПТ **siār-an*, булг. **šāran*, тув., хак. *sazan*, узб. *sazan* (диал.), тур., гаг., аз. *sazan*, туркм. *sāzan*, кум. *sazan*, башк. *hadan*, *šadan* (диал.), каз., кирг. *sazan* VEWТ 406, СИГТЯ 2000: 179, ЭСТЯ 2003: 147–148. Здесь возможны и разные пути заимствования в южнославянские и восточнославянские языки.

Ст.-болг. *шатъръ*, болг. *шѣтър*, *шѣтра*, др.-русс. **шатъръ* (G.Sg. *ни шатра имаше* в летописном рассказе о Святославе), *шаторъ* (Лаврентьевская летопись, Жит. Бориса и Глеба; Новг. I летопись; форма с проясненным ером), укр. *шатор*, сербско-ц.-слав. *шатъръ* скѣпнѣ (из памятника с одноеровой орфографией, т. е. замена *ъ* на *ь* — графическая), сербо-хорв. *шѣтра* ‘прилавок, лавка’, чеш. *šatr*, польск. *szatr* м., *szatra* ж. ‘цыганский шатер’. Др.-русс. *шатеръ* (Георг. Амарт., Лавр.), Instr. Pl. *шатъры* (Ипатьевск. летоп.), *шатерными* Новг. I летопись — церковнославянское заимствование старосербской одноеровой формы (возможно, именно через Георг. Амарт.), из ц.-сл. совр. рус. *шатёр*, *шатра́*. См. Фасмер IV: 413, Младенов 692, Skok. ПТ (?), ОТ **čatur*. Общетюрк. (+ булг.). Булг. **čatur* > венг. *sátor* ‘шатер’ MNyTESz 3: 500, с

1150 г. (топоним) — 1200 г. Венг. > сербо-хорв. *ша̀тор* ‘шатер, палатка’, словен. *šator*, слов. *šiator*. Венг. слово иногда рассматривают как славянизм. Действительно, *o* второго слога могло бы отражать славянский проясненный ер, а долгое *a* может как сохранять тюркскую долготу, так и интерпретировать славянское *a*, см. Хелимский 2000: 422. Т. е. либо венг. из раннебулг., др.-болг. из дунайско-булг., либо дунайско-булг. > др.-болг. > венг.; вторая гипотеза, впрочем, кажется чрезмерно усложненной (так или иначе, южнославянские формы с *o* — из венг.). Тув. *čadyr* ‘чум, шалаш’, тув. диал. *čadyr* ‘летняя кухня из теса’ (Сегл. РНДХР 153), тоф. *čadyr* ‘загон для оленей’ (Рас. 74); хак. *sadyr* ‘палатка, шатер’ (Верб. 283аб.), шор. *šadyr* ‘то же’ (Верб. 441, Р IV: 972); крх. *čatyr*, *čašyr* (огуз.), *čačyr* МК ‘палатка’ (последние две формы, очевидно, обратные заимствования из монг.); поздне-др.-уйг. (XIV в.) *kün čatyr* Lig.VSOu 150 ‘зонтик, палатка’ (букв. «солнечный *чатыр*»), ср.-уйг. *čatyr* IM 24 ‘палатка’, *čadyr* Бор.ЛТ 355 ‘палатка’, ср.-кыпч. *čatyr* СС 74 ‘палатка’, Abū Н. 27 ‘зонтик’, Ettuhf. 161 ‘изар (женское покрывало)’; хрзм.-т. *čadyr* ‘палатка’, чаг. *čadir* ‘палатка из ткани’ (в противоположность палатке из палок и войлока, которую называют *ak öj* или *alačū*) Sangl.; узб. *čadir* ‘палатка, шатер; матерчатый занавес, полог; чадра’, н.-уйг. *čedir* ‘крыша; чердак; палатка, шатер’; ст.-осм. *čadyr* ‘палатка; тур. *čadyr* ‘юрта, палатка’, гаг. *čadyr* ‘палатка, зонтик’, аз. *čadyr* ‘палатка, шатер’; турк. *čadyr* ‘палатка, шатер’; кар.К. *čadyr* ‘палатка, шатер’, кар.К.Т. *čatyr* ‘изба; кар.Г. ‘кибитка, палатка; кум. *čatyr* ‘шатер, шалаш’, кбалк. *čatyr* ‘шатер, палатка’, тат. *čatyr* ‘шатер, палатка’ (заим. в чув. *čatər* ‘шатер, палатка; навес, балдахин; полог, занавес’), башк. *satyr* ‘шатер, палатка; *бom*. зонтик’, ног. *šatyr* ‘шатер, палатка; паутина’, ккалп. *šatyr* ‘шатер, палатка’, каз. *šatyr* ‘палатка; крыша; кирг. *čatyr* ‘шатер, палатка; зонтик; навес; крыша; *охомн*. переносной заслон’, галт. *čadyr* ‘шатер, палатка, полог; корьевая юрта’, тел. *šatyr* (Верб. 445).

О реалии, обозначаемой словом *čadyr* в тюркских языках Алтая и Сибири, см., напр., Пот. ОИА 309: ‘корьевой шалаш из жердей, конической формы, крытый корой лиственницы’ (ср. *čadyr ajyl* ‘юрта из коры’ — Верб. 421). Тюрк. > ср.-монг. *čacır* SH 25 ‘палатка’, монг. *цацар* и пр. (из формы с уже установившейся гармонией — в огубленности, где -у- 2-го слога проинтерпретировалось как *i*). См. VEWT 101; EDT 403b; TMN III № 1042, СИГТЯ 2000: 497 и цит. лит.

Обычно слово возводят к новоперс. *čadur*, *čadir*, *čadar* ‘шатер; чадра’, ср.-перс. *čadur* ‘покрывало, чадра’ [č’twl] CPD 21, ср. также новоперс. *čatr* ‘зонт (в особенности как символ царской власти); тент, палатка’ Гаф. 1, 132, Fazl. 201. Последнее — скорее всего, индийское (через Восточный Туркестан) заимствование [санскр. *chattrā* ‘зонт’ с Брахман; особ. царский зонт (под такими индийские цари выступали в военных походах); перен. зонтичные растения; виды грибов] > пракр. *chatta*, панджаби *chatrī*, лахнда *chattar* ‘зонт’ Turner № 4972, от *chad-* ‘покрывать’, Мауг. 1, 558]. Ни соответствующий корень, ни

суфф. *-tra* не являются особенно популярными в иранских языках, ср. Аб. I: 292; Цаболов I: 224; ОИЯ. Пратюрк. форма хорошо объяснялась бы по форме и семантике из новоперс. *čādūr* (исключая оглушение интервокального согласного), но это довольно плохо хронологически; предположение о ср.-перс. заимствовании плохо объясняет семантику². Похоже, что значение новоперс. слова, наоборот, развилось под тюркским влиянием (также осет. *catyr* 'шатер' Аб. I: 292 из тюрк.). В общем, развитие значения «шатер» через «царский шатер» из «царский зонт» вполне вероятно. Фиксации лексемы в других среднеиранских языках не обнаруживается. Для тюркской праформы обязательно предполагать глухость срединного согласного и долгий гласный перед ним, вызывающий озвончение в огуз. и карлук. группе (возможно, отраженный в венг.). Можно предположить, что слово заимствовано из неизвестного среднеиранского языка, а там слово являлось либо параллелью к санскр. *chattra*, т. е. иран. **čad-* + *-tra* с заместительным удлинением, как и ср.-перс. «покрывало, чадра», но с другим набором значений, либо, скорее, индийским заимствованием. Во всяком случае, в хотано-сакском зафиксировано название царского зонта *šābauja* 'зонт' < **sāyača* < **sk'ai-* 'тень' Bailey 398, послужившее источником заимствования крх. *čowač* МК 'царский зонт' (EDT 395), а кроме него — заимствованное, по-видимому, из буддийского гибридного санскрита *kṣattra* 'parasol' (*ysarrnā kṣattra*, *šābaujä*, *pale* 'золотые зонты, балдахины, знамена' К 48.3.2). Того же происхождения тохарское В *kṣātre* (*š kṣātre*) (n.[m.sg.]) 'umbrella', по объяснению Адамса, «from BHS **kṣattra*-, a hyper-Sanskritism of the more usual *chattra*»-. Таким образом, во всяком случае, в V–VII в. н. э. предмет был вполне популярен у индоевропейских народов Восточного Туркестана; возможно, что и на рубеже эры на территории тюрко-иранских контактов уже фигурировало индийское заимствование. С другой стороны, можно считать тюрк. слово исконным³, но подвергшимся, возможно, в центральноазиатских тюркских языках контаминации как с санскр. заимствованием в новоперс. (откуда значения типа «зонтик»), так и с унаследованным в новоперс. из ср.-перс. (также инд. заимствованием?) названием женского покрывала. Ср. ТМ **č/šita*: эвенк. *čita*, *tita* 'береста, берестяная сумка', эвен. *titik* 'шалаш' (заим. в якут. *titik* 'летний хлев'), нег. *tita* 'тростниковая циновка', орок. *čita*, *tita* 'берестяная подстилка, берестяная крышка для юрты', нан. *čita* 'тростниковая циновка'; такое сопоставление возводимо к ПА ***č/šiat*'V.

2 Однако очень сомнительно, чтобы ср.-перс. слово было тюркизмом, вопреки Менгесу (ВЭ 182–183).

3 Однако не проходит по фонетическим причинам производность от тюрк. *čat* 'сходиться под острым углом, склиниваться (о балках)' (вопреки Németh J. Рец. на Brockelmann C. Osttürkische Grammatik — OLZ, 1953 № 5/6, 267), от которого образовано имя с афф. *-ma*: *čatma* 'палатка кочевников, шалаш' СИГТЯ 2000: 499.

Ст.-сл. *халѣга* ‘изгородь, огороженное место’, φραγμός, Зогр., Мар., Ас, Сав., Остром., русск.-цслав. *халуга* «тын, изгородь» (Юр. еванг. 1119 г.), также «улица» (Ефрем. Кормч.; см. Срезн. III: 1359), *халужина* «длинная хворостина», терск. (РФВ 44: 100¹), укр. *халуга* «водоросль», блр. *халуга* «шалаш, сплетенный из прутьев», сербохорв. *халуга* «сорная трава, чаща, расселина», словен. *haložžga* «кустарник, водоросль», др.-чеш. *chalužník* «разбойник с большой дороги» Фасмер IV: 218–219. Мы предлагаем считать слово заимствованием из дунайско-булгарского рефлекса ПТ **(h)āla-n* / **(h)āla-ŋ* ‘равнина, лужайка, открытое пространство, площадь’: булг. **bālaŋ-uk* > чув. *oləx* ‘заливной луг’, як. *alās* (< **(h)alaŋ-ač*), *alī*, долг. *alīn*, *alī*, тув. *alāk* (**(h)alaŋ-uk*), *alandī*, крх.-уйг. *alaŋ* (МК), чаг. *alaŋ* (Рав. С.); тур. *alan*, диал. *ala*, туркм. *alaŋ*, *āla*, караим. *alaŋ*, тат. *alan*, ног., каз., ккалп. *alaŋ*. EDT 147; ЭСТЯ 1974: 134–135, Федотов 2: 277. В туркменской и якутской суффиксированных формах — вторичное сокращение. Як. *alās* > рус. сиб. *alās* (Аникин 80–81). ПТ < ПА **p’ālà*, EDAL. Другой случай отражения славянским заимствованием сохранившегося в дунайско-булгарском пратюркского **h-*, отражающего ПАлт. **p’-*, — слав. **xorogu*, *-ove* ‘знамя, стяг’, см. ниже.

Русск.-цслав. *брачина* (с XII в.) «вид шелковой ткани», др.-серб. *брачинь* «то же» (XV–XVI вв.). Фасмер I: 208–209. ПТ **bārčun*: др.-уйг. будд. *barčyn*, крх.-уйг. *barčyn* QB, IbnM ‘шелковая парча; далее хорезм.-тюрк. *barčyn* (Нахдж-ал-Фарадис), ср.-кыпч. *barčyn* (Abū H.) то же, см. EDT 357–358 (с очевидно неверной тохарской этимологией); заимствовано (судя по фонетике, из булгарского) в венг. *bársony*. В новых яз.: чув. *порзын* ‘шелковая ткань’, из чув. (позднего волжско-булгарского?) заим. в рус. *бурса́* ‘персидская шелковая ткань’ Фасмер I: 208–209 и в поволжские финно-угорские языки: мар. *порсын*, *парсын*, удм. *буртчин* и др. (Федотов 1: 447); из ср.-перс. *abrēšom* [*plyš(w)m*, маних. *‘bryšwn*] ‘шелк’ CPD 4, перс. *abrēšum* < **abi-raiš-* ‘прясть’, см. Аб. I: 132, Цабадов 1: 15–16; перс. заимствовано в том же значении ‘шелк’ во многие языки. Новоперс. заимствовано в тур. *ibiršim*, ново-уйг. (Р: таранчи) *ābrišin* ‘шелковый’, ср. перс. *berīšem*. Это слово формально может быть заимствованием в пратюркский, связанным с ранними этапами действия Шелкового пути — действительно, уже при Сасанидах (с 224 г. н. э.) Персия получала в изобилии шелк-сырец, и в Сасанидской империи работали многочисленные мануфактуры по его обработке, и уже при Августе (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) шелк, по-видимому, через парфян, попадал в Рим. Другая возможность — предполагать некоторый слой «базарных заимствований» в раннебулгарском (подвергающихся фонетической адаптации) из центральноазиатских тюркских языков. Исходная долгота первого гласного тюркского слова подтверждается долготой венгерского заимствования; ср. также долгий гласный в ср.-перс.

Пограничный случай представляет собой др.-русск., цсл. *бълванъ*, *болванъ*, *блаванъ* (Кир. Иерус., XII в.) Срезн. 1: 197–198, укр. *бовван*

‘массивная глыба неопределенных очертаний, идол, болван’, блр. *балвѧн* ‘деревянный столб в углу печи, столб, свая’, ср.-болг. *балванъ* (XIII в.) ‘изваяние’ (Mi. LP. 11), болг., макед. *балван*, сербохорв. *бѧлван*, *бѧвѧн* ‘идол, брус’, словен. *balvān* ‘идол, бревно, глыба’, *bolvān* ‘идол, глыба’, чеш. *balvan* ‘ком, глыба’, словац. *bolvan*, польск. *batwan* ‘большой камень, обломок скалы, глыба’. Как исходная славянская форма предлагаются **bǫlvantь* и **bal(ǫ)vantь* (вторая — в отдельных языках в результате ассимиляции гласных из **bǫlvantь*). Фасмер I: 186–187, ЭССЯ I: 121. (Заметим, что совершенно неверно утверждение, что из праформы **bǫlvantь* объясняется большинство славянских форм: из нее могут объясняться только часть др.-рус., вост.-слав. и словен. форм ⁴). В венг. — *bálvány* ‘идол’, с 1001 г. MNyTESz I: 234. Слово в конечном счете — из ПТ **balbal* ‘каменная колонна на могиле, истукан’, др.-тюрк. *balbal* EDT 333. Др.-тюрк. в принципе может быть монголизмом (из раннемонг. **bari-bal* > письм.-монг. *barimal* ‘скульптура’, см. разбор гипотезы в Дыбо 2007: 182–183). В слав., видимо, следует принять дунайско-бугарское происхождение, заимствование в южнославянской зоне (уже не в праславянский) как *balvantь* с последующим развитием в отдельных диалектах *blavantь* (ср. выше *брачина*) и гиперкорректной записью в древнерусском формы *bolvantь*, перестроенной из заимствованного *balvantь* (ср. *aldija/oldija*) как *bǫlvantь*.

II. «Дунайские» бугаризмы в славянском, содержащие ПТ *ǣ, *ǣ̃. По-видимому, для обоих древнебугарских языков — и волжского, и дунайского, — был характерен переход ПТ *ǣ > а, результат которого мы наблюдаем также в современном чувашском языке. При этом, судя по отражению в славянских языках, старая долгота до какого-то момента сохранялась.

ПТ *ǣ краткое > дун.-буг. *а > слав. о

Сербохорв.-цслав. *огарь* «гончая собака», сербохорв. *ogar*, словен. *ogar*, -*rja*, чеш. *ohař*, польск. *ogar*, н.-луж. *hogoř* Фасмер III: 117, др.-рус. *огарь* ‘гончая или борзая собака’, под 1520 г., в документе, касающемся отношений с Польско-литовским государством, вероятно, полонизм, см. Stachowsky 1995: 104. Вопреки М. Фасмеру, вряд ли с этим связано др.-русск. *огарь* ‘вид корабля’ (*ѡгары трегребныя* ‘триеры’ Иос. Флав. 225, 233, вин. мн.; связывает с названием гончей через

4 Для рефлексов **ol* ср. др.-русск. *вѡлна*, ст.-слав. *вѡлна* (Клоц., Супр.), болг. *вѡлна*, чеш. *vlna*, польск. *wetna* ‘волна’, укр. *вовна*, блр. *воўна*, др.-русск. *вѡлна* ѣриов, болг. *вѡлна*, сербохорв. *вѡна*, словен. *vótna*, чеш. *vlna*, савц. *vlna*, польск. *wetna*, в.-луж. *wotna*, н.-луж. *watna* ‘овечья шерсть’, укр. *полк*, др.-русск. *пѡлкѡ*, ст.-слав. *плѣкъ* φάλαγξ, παράταξις (Супр.), болг. *пѡлк*, сербохорв. *пѡк* ‘народ, толпа’, чеш., савц. *pluk* ‘куча’, польск. *pułk* ‘полк’, в.-луж. *połk* ‘полк’, укр. *вовк*, др.-русск. *вѡлкѡ*, ст.-слав. *вѡлкѡ* (Зогр., Супр.), болг. *вѡлк*, сербохорв. *вѡк*, словен. *vólk*, чеш., савц. *vlk*, польск. *wilk*, в.-луж. *wjelk*, н.-луж. *wel’k* ‘волок’.

быстроту передвижения, ср. греч. δρόμων 'быстроходный парусник', но последнее — легкий корабль, а здесь речь идет о триерах, таковыми не являющихся). ПТ *äker 'охотничья собака', булг. > чув. *agar jitti*, шор. *eger*, чاغ. *iger* (Буд.), кум. *eger*, кбалк. *eger* 'охотничья собака, борзая, гончая', татар. (сиб.). башк. *igër* 'гибрид волка и собаки', галт. *eger*, VEWТ 38, 23. Из дун.-булг. также венг. *agár* 'гончая' MNyTESz 1: 101, с 1193 г. Более раннее заимствование из древне-булгарского — осет. *egar* 'борзая'. Авар. *эгер*, по-видимому, заимствовано из кумыкского. Ингуш. *эр* 'борзая, гончая (собака)', чечен. *эре* 'тж.' (*d*-класс) могут не иметь сюда отношения (следует выяснить, что происходит с болгарским интервокальным гуттуральным при заимствовании в пра-чечено-ингушский). Приводят также каб. *hağer* Аб. I: 411 (по Корш 1913, *hager* 'гончая собака'); статус этой формы неясен. В Кабардинско-русском словаре соответствующего слова нет; есть *ha* 'собака', орфографически *хъэ*; 'гончая' — *самыр*, 'борзая' — композит *хъэджафэ*. О проблеме связи с тур. *zogar*, сербо-хорв. *zagar* id., ср.-греч. ζαγόριον и под. см., в частности, Stachowsky 1995 (ср. мегр. *zogor* 'собака'); однако кажется очевидным, что в венг. и слав. — дунайский булгаризм (дун.-булг. *ager?). Отражение переднего болгарского гласного как заднего во втором слоге обусловлено позицией после заднеязычного, ср. в первом слоге: *кънига*: ПТ *kün-ig; *къркыга* 'носилки': ПТ *kürk 'мех, покрывка', но *тъма* '10000': ПТ *tümen 'тж'.

? Рус. *коври́га* 'ломоть хлеба, каравай' (Аввакум 265), блр. *каври́га*, др.-русс. *коврига* 'хлеб цельный', Лаврентьевск. летоп. под 1075 г. и др. (Срезн. I: 1242), болг. *коври́г* 'пирожок', откуда рум. *covrig* (Младенов: 244). Фасмер II: 272. (?) Тюрк. *gäbrek > тур. *gevrek* 'вид чурека', гаг. 'сухарь' (из тур. заимствовано болг. *геврэк* 'бублик'). Эта старая этимология, по мнению Фасмера, наталкивается на фонетические трудности; но они снимаются при предположении дунайско-булгарской формы (**kavrek*) как непосредственного источника заимствования. Тюркское слово как обозначение хлебного изделия фигурирует только в ср.-кыпч. *kewrek* 'сухарь' АН, 'корабельный сухарь' Bulg., турецком и гагаузском (чув. *кавринкке* 'коврига', возможно, из русского). Рефлексы в других языках: як. *кэбирэх* 'непрочный, хрупкий, ломкий', долг. *кэбирэк* 'непрочный, рваный', тув. *хээрэк* 'непрочный, недоброкачественный', шор. (конд.) *kebrek* Верб. 168, хакас. *kibərek* 'хрупкий, ломкий, непрочный', крх.-тюрк. *kevrek* МК 'ломкий (сорт дерева)', узб. *хуврак* 'хрустящий' (о фруктах, овощах), аз. *kövräk* 'рыхлый, рассыпчатый', тат. диал. (Сиб.) *köjräk* 'поджаристый, затвердевший; хрупкий', башк. диал. *köjöräk* 'хрупкий' (в примере — о дереве) БТДh 150, каз. *küjrek* 'непрочный'. См. EDT 690, ЭСТЯ 1980: 7; производное от *geber- 'ломаться', туркм. *güjür-*, кирг. *küjro-*. Краткость (не вполне надежно) подтверждена якутской и долганской формами, надежно — туркменской (*-āb- дало бы -āv-, ср. туркм. *gāvūs* 'жвачка').

Ср., по-видимому, волжско-булгарское заимствование в восточнославянский: рус. *ковёр*, род. п. -*вра́*, укр. *ко́вер*, др.-русск. *ковѣръ* (Сказ. о Борисе и Глебе, Лаврентьевск. летоп. и др.). Рум. *covor*, лит. *kauṛas*, *kaurà* заимств. из слав. Фасмер II: 270–271. Наряду с этим ср. чеш. *koberec*, *kober*, польск. *kobierzec*, болг. *гѹбер*: для западнославянских форм со срединным *-b-* возможно дунайско-булгарское заимствование (ср. ст.-слав. *боубрегъ*: ПТ **bögrek* > **bövrek* ‘почки’); но болгарская форма (особенно *-y-*) не объясняется и должна пока считаться заимствованием из неизвестного источника. Из ПТ **gebiř* или **gebür* ‘ковёр’, дунайско-болг., волжско-болг. (др.-чув.) **kavər*, тув. *xe-vis*, хак. *kibəs*, шор. *kemis*, сюг. *γiγis* ‘ковёр’ Тен. ССЮЯ; крх.-тюрк. *kev-iz*, *köwüz* (МК), чаг. *kebiz* (МА), ср.-кыпч. *köwüz* (ССум.), *kevüz* (АН); тур. диал. (кыпч.) *köüz*, кум. диал. (кайтак.) *guuz*, кбалк. *küwüz*, *küjüz*, башк. *köjöd*, ног. *küjiz*, алт., тел., куманд., туба *kebis* EDT 692, ЭСТЯ 1997: 83. Приводимые у Фасмера казах. *kijiz*, тат. *kijez* означают ‘войлок’ и относятся к другой этимологии: ПТ **kidiz* ‘войлок’. Тюрк. > монг. *kebis* (> маньчж. *kebisu* etc., см. ССТМЯ 1, 444) ‘ковёр’, калм. *kews*; см. Clark 1980: 39.

ПТ **ǣ* долгое > дун.-булг. **ā* > слав. *a*

Ст.-слав. *капѣ* ж. εἶδωλον ‘видение, призрак, образ’, εἰκὼν ‘статуя, изображение’ (Супр.), *капиште* (заимствовано в рус. *капище*) ‘языческий храм’, болг. *ка̀пище* Фасмер II: 185–186, Младенов 231. Из ПТ **gār* ‘форма, пример, изображение’, ранне-булгар. > венг. *kép* (ε/ē) (нечередующаяся долгота) ‘образ, портрет’ MNyTESz 2: 447–448, с 1315 г.⁵; дун.-булг. **kār*, волжско-булг. > чув. *кар*, як. *kiep*, туркм. *gār*, EDT: 686, VEWT: 253, ЭСТЯ 1997: 44–45. Из чувашского заимствованы мар. *кар* ‘тело, стан’, коми *kab* ‘колодка’.

Отражение булгарской оппозиции по долготе гласных, восходящей к пратюркской, наблюдается в заимствованиях в славянские языки и в некоторых других случаях; наиболее ярко это видно на материале ПТ **o*, **ö*. Ср.:

ПТ **o*: 1) ст.-слав. *хорѣгы*: ПТ **horungu* ‘флаг’ > дун.-булг. **horūngǝ* EDT 362; 2) ст.-сл. *сокачи* ‘мясник’: ПТ **sok-* ‘закалывать’ + **či* > дун.-булг. **soqčǝ* EDT 805, СИГТЯ 2000: 396; 3) (из волжско-булгарского) вост.-слав. *воръ*: ПТ **ogri* ‘вор’ (ранне- или дун.-булг. > венг. *or*, *orv*, MNyTESz 2: 1096, с 1131; волжско-булг. > чув. *vǝrǝ* ‘вор’) EDT 90, ЭСТЯ 1974: 412–414, TMN 2: 77–78.

ПТ **ö*: 1) ст.-слав. *ваяти* (заим. в рус. *ваять*), если не к *вить*, то: ПТ **ōj-* ‘долбить, вырубать, ковырять’ > дун.-булг. **vāj-* ЭСТЯ 1974: 425–428, 434; 2) слав. **kvarǝ* ‘вред, порча’ (южнослав., словацк., гуцульск.) ЭССЯ 13: 150 (внутриславянская производность неубе-

5 О различии рефлексов гласных в венгерских заимствованиях из раннебулгарского и из дунайско-булгарского см. подробнее в [Дыбо 2009].

дительно): ПТ **kōr* 'вред, убыток', дунайско-булгар. **quār* > венг. *kár* 'вред' Lig. MNyTK 1: 3–4, MNyTESz 2: 370, с 1019 г.; EDT 641–642, 645–646, ЭСТЯ 2003: 73–74, Федотов 2: 369; 3) слав. **tvarogъ* 'творог' Фасмер IV: 31–32: ПТ **dōrak* 'сыр', дун.-булг. **tvāraq*, волжско-булг. > чув. *tōvara*; ранне-булгар. > венг. *túró* 'творог' MNyTESz 3: 1005; TMN 3, № 1195, VEWТ 490, ЭСТЯ VIII: 4) (из волжско-булгарского) др.-русс. *ватага* 'шатер' (только вост.-слав.) Фасмер I: 278: ПТ **ōtag* 'шатер, кочевое жилище', волжско-булг. **vātaγ*, EDT 46, VEWТ 366, ЭСТЯ 1974: 484–487, TMN 2: 66–67, Дыбо 2008.

ПТ **ō*: 1) рус. цслав., серб. цслав. *боубрѣъъ*, *боубрекъ* (болг. *бѹбрек*, сербохорв. *бѹбрег*): ПТ **bōgrek* > (?) дун.-булг. **buvrek* > **bubrek* (-*br*- под влиянием начального согласного, ср. тур. *böbrek*) 'почки' EDT 328, TMN 2: 353, ЭСТЯ 1978: 205–207, СИГТЯ 2000: 278; волжско-булг. > чув. *püre* 'почки' (со стяжением); 2) рус. цслав., болг. цслав. *курѣлькъ* *схѣмъ*, *τύπος* 'образ, подобие, вид', русск.-цслав. *куруль* *τύπος* 'форма', 'отливка' (переразложение? Поздняя новгородская форма, Сильв. и Ант. вопр. XVI в., с новгородским переходом *ѣ>и*) Фасмер II: 425, Срезневский 1: 1380, 1378: Тюрк. **görüġ-lük* > (?) дун.-булг. **kurav/jlāk* 'внешность, форма' от **gōr*- 'видеть', EDT 743, ЭСТЯ 1980: 81 (ср. немного иначе Прицак UAJb., 29, 1957, стр. 212 и сл.).

ПТ **ō*: 1) ст.-слав. *верига* ἄλυσις (южнослав., рус.): ПТ **ōr-ük* (от ПТ **ōr*- 'плести' > венг. *ver*-), ср. чув. *vər-en* 'толстая веревка' ЭСТЯ 1974: 544–546; 2) (из волжско-булгарского) рус. *бирюк* 'волк, нелюдим': ПТ **bōrō* 'волк' > булг. **bire-g* > зап.-осет. *beræg*, вост.-осет. *biræg* Аб. I: 262–263; волжско-булг. > марийск. *pirə*, *piræg* 'волк'. Отличающийся рефлекс мы видим в сербск.-цслав. *колимогъ*, др.-русс. цслав. *колимагъ* 'шатер', зап.-слав., рус. 'тип повозки' Фасмер II: 291: ПТ **gōl*- 'запрягать' > др.-уйг. *kōlünjü* 'повозка' EDT 719. По-видимому, как и в случае ст.-слав. *Атѣхульница* «монастырская гостиница» (см. выше), это — старое кыпчакское, а не булгарское, заимствование.

ЛИТЕРАТУРА

- Аб.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
 Абуш.: Вельяминов-Зернов В. В. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.
 Аникин: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
 Ашм.: Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.
 Бор. ЛТ = Тефс. = Tefs. = Tfs: Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII веков. М., 1963.
 БТДh: Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.

- Буд.: *Будагов А.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1871.
- Верб.: *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Гаффаров: *Гаффаров М. А.* Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914; т. II. М., 1927; Переизд.: Т. I–II. 1974.
- Дыбо 2007: *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., «Восточная литература», 2007.
- Дыбо 2008: *Дыбо А. В.* Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.
- Дыбо 2008а: *Дыбо А. В.* К кыпчакским заимствованиям в славянских языках // Материалы международной науч.-практ. конф. «Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы». Уфа, 2007.
- Дыбо 2009: *Дыбо А. В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // Е. Helimskii in memoriam. Wiesbaden, 2009.
- Корш 1913: *Корш Ф. Е.* Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Восточной Европы // Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913.
- Менгес ВЭ: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Младенов: *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- ОИЯ 1981: Основы иранского языкознания. Древне- и среднеиранские языки. М., 1981.
- Пот. ОИА: *Потапов А. П.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.
- Р (Радлов): *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899–1911.
- Рас. ФиЛ: *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
- Сегл. РНДХР: *Сегленмей С. Ф.* Особенности речи населения Дзун-Хемчакского района // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.
- СИГТЯ 2000: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
- Срезн.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- ССТМЯ: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
- Тефс.: *Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1961.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1964–1973.
- Федотов: *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Хелимский 2000: *Хелимский Е. А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка в

- Паннонии // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. М., «Языки русской культуры», 2000. С. 416–432.
- Цаболов: *Цаболов Р. А.* Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001. Т. II (в печати).
- Щербак, Имя: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977.
- Щербак (1997): *Щербак А. М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–.
- ЭСТЯ 1974: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ 1978: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- ЭСТЯ 1980: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980.
- ЭСТЯ 1997: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997.
- ЭСТЯ 2000: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
- ЭСТЯ 2003: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М., 2003.
- ЭСТЯ VIII: Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Т», «Ч» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. Рукопись.
- Abû H=AH: *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.
- Bailey: *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- Bulg.: *Zajaczkowski A.* Słownik arabsko-kipczacki. Warszawa, 1954.
- CCum: Codex Cumanicus / Ed. G. Kuun. Budapestini, 1880.
- Clark: *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial s, z, ş, ç // CAJ. 1980. Vol. 24, № 1–2.
- CPD: *MacKenzie D. N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- EDAL: *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EDT: *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Erdal (1991): *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. I–II. Wiesbaden, 1991.
- Ettuh.: Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-türkiyye / Çevirien Besim Atalay. Istanbul, 1945.
- Fazl.: *Fazl-i-Ali.* A Dictionary of the Persian and English Languages. New Delhi, 1979.
- IM: 1) *Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С. Е.*

- Ибн-Муханна о турецком языке // Записки коллегии востоковедов. Л., 1928. Т. III. Вып. 2.
- KWb: *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Lig. MNyTK: *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. I. Budapest, 1977; II. Budapest, 1979.
- Lig. VSOu: *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-ouigour des Ming. Le „Kao-ch'ang-kouan yi-chou” du bureau des traducteurs // АОН. 1966. Т. XIX, fasc. 2–3.
- Mayr.: *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953–1979.
- МК: словарь Махмуда Кашгарского (см.: EDT).
- MNyGESz: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Budapest, 1967–1976.
- Pav. C.: *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.
- Róna-Tas A. Turkic influence on the Uralic languages // *Sinor D.* (ed.) The Uralic languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden e.a., 1988. P. 742–780.
- Róna-Tas (2005): *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről (*Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy*) // Magyar Nyelv. 2005: 419–438. Budapest.
- Sangl.: *Sanglax A.* Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile Text with an Introduction and Indices by sir G. Clauson. L., 1960.
- Skok: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Stachowski: *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.
- Stachowsky (1995): *Stachowski M.* Problem orientalnych etimologii polskiego *ogar* i węgierskiego *agár* // Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej, 32. SOW, Warszawa 1995. 103–115.
- TMN: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.
- Turner: *Turner R. L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Arian Languages. Fasc. I–IV. L., 1962–1964.
- VEWT: *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Ē/ĩ- и ē/е-ГЛАГОЛЫ В БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ И ИХ АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

Наличие ē/е-типа глаголов в балтийском хорошо известно по материалам литовского языка. О существовании ē/е-глаголов в качестве реликтов в славянском обычно не упоминается. Тем не менее они достаточно в праславянском сохранялись и отразились в ранних памятниках славянских языков. Это очевидно для группы глаголов с инфинитивной -ě-основой, имевших варианты тематических презентных форм (в большинстве случаев формы действительного презентного причастия), при отсутствии корневой основы инфинитива.

1. слав. **do-vylēti* ~ praes. 3.pl. **do-vylotъ* [основа инфинитива (inf. ст.-слав. **довѣлѣти** *Клюц.* 91b₁; аог. ст.-слав. **довѣлѣ** *Клюц.* 12a14) ~ основа презенса (praes. 3.sg.: ст.-слав. **довѣлетъ** *Зогр.* Ио 14: 8, **довѣлетъ** *Мар.*, Мт 6: 34; Мт 10: 25; Ио 14: 8; (ср. **довѣлетъ** *Зогр.*, Мт 6: 34), **довѣлетъ** *Сав. кн.*, Мт 6: 34; Ио 14: 8; Мт 10: 25, *Зогр.*, *Мар.*, *Асс.*; praes. 3.pl.: **довѣлжтъ** Ио 6: 7, *Мар.*; ср.-болг. (ст.-тырн.) **не дѣвѣлѣтъ** E74¹¹⁶)];

2. слав. **gorēti* ~ part.praes.act. **gorotj-* [основа инфинитива (inf. **ѣзгорѣти** *Супр.* 140₂₄, **изъгорѣти** *Супр.* 131₁₃; аог. 3.pl. **ѣзгорѣшѡ** *Супр.* 400_{28a}; part.praet.act.: acc.sg. f. **ѣзгорѣвъшѡж** *Супр.* 129₄, **ѣзгорѣвъшѡж** *Супр.* 517_{4b}, nom.pl. m. **ѣзгорѣвъшѡе** *Супр.* 516₂₇) ~ основа презенса (part.praes.act.: ст.-слав. nom.sg. **горы** Лк 24: 32 (*Асс.*); nom. pl. **горжшѣ** Лк 12: 35 (*Мар.*, *Зогр.*, *Асс.*); dat.sg. f. **горжшѣи** *Супр.* 540₂₉; acc.sg. f. **горжшѣи** *Супр.* 541₁; instr.sg. m. **горжшѣмъ** *Супр.* 89₂₄)];

3. слав. **letēti* ~ part.praes.act. **letotj-* [основа инфинитива (aog. 3.sg. **летѣ** *Син. нс.* Пс 17: 11 (2×); part.praet.act.: dat.pl. **вѣзлетѣвъшѣмъ** *Супр.* 256₂₁₋₂₂) ~ основа презенса (part.praes.act. др.-рус. **летѣуща**, ср. также совр. рус. adj. **летящий** при part.praes.act. **летящий** от **летѣть**)];

4. слав. **vbrēti* ~ part.praes.act. **vbrotj-* [основа инфинитива (aog. **сѣвъѣри** *Супр.* 234₂₂; part.praet.act.: **прѣвъзвѣѣри** *Супр.* 88₂₈) ~ основа презенса (part.praes.act. ц.-слав. **вѣруцѣ** Miklosich Lexicon 79)];

5. К этой же группе, вероятно, можно отнести **bĕgĕti* (> **bĕžati*), сохранивший тематические формы презенса в русском языке: *begý* — *begým*, инфинитивная основа *bĕgti* явно не первична и региональна (польский, староукраинский и смоленский диалект русского; ср. также лит. *bĕgti*); *-ĕ*-основа зафиксирована в старославянском: inf. **бѣжати** Лк 3: 7 (*Зогр., Мар., Асс., Сав.*); аог. 3.pl. **бѣжаша** Мк 5: 14 (*Зогр., Мар.*); part.praet. act.: nom.sg. m. **бѣжавъ** *Супр.* 92₁₃;

6. **rylztī* зафиксировано поздно и регионально; основа инфинитива, к которой могли относиться засвидетельствованные презентные формы, это **rylžēti* (др.-русс. **рѣлзѣти** *Сбор. Троиц. XII в.*).

Представляется менее очевидным вхождение в эту группу глаголов, у которых наряду с *-ĕ*-основой инфинитива уже в старославянском была зафиксирована корневая основа: **власти**, **процвѣсти**.

7. Однако внимательное рассмотрение рефлексов вокализации основы **kvisti* (< **kveit-ti*) обнаруживает различия, которые указывают скорее на параллельное складывание корневой инфинитивной основы в разных славянских языках; тогда как основа **kvytēti* дает одинаковые рефлексы во всех языках, в которых она отмечена: схрв. *cāvtjeti* (XII в.), *ctjĕti* (XVI в.); словен. *cvetĕti*; чеш. *tkviti*; славц. *tkviet*; в.-луж. *kćeć*; н.-луж. [?] *kwiśeś*; польск. стар. *kcieć*, диал. *kścieć*; др.-русс. ц.-слав. **цвьѣтѣти** *Инпол. Антихр.* 8; кроме того, в балтийском обнаруживается точное соответствие предполагаемому славянскому глаголу: лтш. *kviēt*, praes. 1.sg. *kvitu* 'glänzen, flimmern'.

8. Основа inf. **власти** Мрк 10: 42 (*Зогр., Мар., Сав.; Супр.* 88_{16a} и др., в одном контексте); в ср.-болг. основа inf. **владѣ**, при этом в презенсе достаточно часто **владѣтъ** *Зогр.сб.* Б49^{30a}; и подобные; такому славянскому состоянию соответствует балтийское: др.-лит. *veldėti*, praes. 1.sg. *vėldu* и *vėldžiū* 'besitzen, regieren, an sich bringen, in Besitz nehmen' и '(er)erben'; inf. *vlas-ti* (< **vol-d-ti*), где основа **vold-* из форм презенса, поэтому нет оснований считать ее более архаичной, чем **владѣти**.¹

Два акцентных типа *ĕ/i-* и *ĕ/a-* глаголов

I. Неподвижный акцентный тип

Ė/i- глаголы

Не переносят ударение на отрицание и приставку в формах презенса в текстах Н. Даукши следующие основы:

1. *galėti* 'мочь': др.-лит. praes. 1.sg. **galū* [*galū* DP 11₁₄, *galū* DK 66₄, 66₈, 137₁₀, 152₁₃, 155₈, *Ir galū* DP 626₄₃] ~ **ne galū* [*negalū* DP 94₃₃, 388₅₃, *ne galū* DP 154₂₆, 308₅, 362₃₁, *ne galū* DP 274₁₈, *ne gā=lu* DP 614₂₄₋₂₅ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога) и один раз с двумя ударениями: *nė galū* DP 305₁₅]; praes. 2.sg. **gali* [*gali* DP 64₃₆, 74₂, 74₂₂, 74₂₄, 76₄₈, 221₃₆, 231₇, 236₃₄, 255₄₄, 283₁₈, 284₃, 315₉, 324₁₄, 331₁₇, 383₁₃, 444₂, 460₃₈, (?) 555₄₃,

1 Пользуюсь случаем выразить благодарность А. К. Поливановой и И. С. Пекуновой за любезное предоставление полной росписи форм ст.-слав. глаголов.

558₃₂, 585₄₄, 626₆, DK 137₄, 137₆, 137₉, *gali* DK 159₁₀, *Gali* DP 74₄₈, 558₃₇, 598₃₆, *Gali* DK 188₅, *gali* DP 369₃₄, *gali* DP 36₂₀; (случаи с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *gali* DP 526₅₀, *gali* DP 526₂, с двумя акцентами: *gali* DP 84₃₈) ~ **ne gali* [*negali* DP 74₁₇, *ne gali* DP 133₁₇, 200₃₂, 598₃₀, 612₂ (случаи с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *ne gali* DP 349₅₁, 598₃₇, *Ne gali* DP 558₂₉, 558₃₅; с двумя акцентами: *negali* DP 40₁); praes. 3. **gali* [*gali* DP 10₃₅, 90₃₂, 98₃₃, 102₂₄, 103₃₉, 108₄₆, 120₂₆, 133₄₀, 137₃, 168₂₁, 170₃, 174₂₅, 177₁₃, 239₃₀, 255₃₁, 267₃₉, 279₃₃, 283₁₅, 301₄₀, 306₂₀, 325₃₉, 331₂₁, 340₄₆, 347₃, 348₁₄, 349₁₈, 355₃₁, 356₁₄, 357₂₈, 364₄₁, 364₄₂, 364₄₄, 366₅, 374₂₂, 378₂₀, 380₂₉, 388₄₁, 388₅₀, 393₄₀, 403₉, 409₃₄, 411₄, 411₄₂, 412₂₆, 417₂₃, 475₂₈, 483₄₉, 537₄₉, DK 29₁₈, 38₁₅, 51₃, 116₇, 126₁₂, *gá=li* DP 348₄₋₅, 388₅₃₋₅₄, 436₂₄₋₂₅, *ir gali* DP 115₇, 355₁₅, *ir gali* DP 328₁, *gali* DP 435₄₈, *gali* DP 84₁₄, 122₁₈, 137₄₃, 208₁₇, 266₆, 301₃₃, 303₂₈, 360₄₈, 368₂₈, 378₃₈, 389₁₈, 404₁₆, 518₁₂, 526₄₆, 526₄₈, 527₁, 529₉, 529₂₅, 537₂, 537₄₀, 541₁₆, 550₄₅, 556₄, 558₅₄, 565₄₅, 596₁₅, 607₄₀, 613₄₉, *gali* DK 61₁, 71₁₃, 93₈, 93₁₅, 117₄, 117₁₇, 121₂₀, 125₁₀, 130₇, 130₁₇, *gali* DK 113₅, *gali* DP 522₃₁, *Gali* DP 598₃₇ (?), 607₂₅, с двумя знаками ударения: *gali būt* DP 134₂, *gali* DP 587₁₇] ~ **ne gali* [*negali* DP 349₃₆, *ne gali* DP 86₁₄, 128₂₈, (*ne gali* ?) 136₂₈, 150₂₁, 161₅₀, 172₂₇, 319₃₆, 324₁, 344₄₆, 355₃₁, 364₄₅, 378₅₄, 388₂₃, 394₅₂, 434₁₅, 434₄₇, 517₄₂, *Ne gali* DP 88₄₀, 120₁; *negali* DP 100₂₉, *negali* DP 103₄₁, 166₃₂, *ne gali* DP 98₄₂, 99₃₂, 100₃₄, 116₂₉, 119₂₅, 129₁₉, 133₃₂, 137₁₁, 139₅, 146₃₀, 147₂₃, 149₇, 204₁₁, 204₄₀, 232₁₁, 251₃₇, 251₄₄, 290₁₇, 302₁₉, 325₄₀, 329₁₄, 330₃₉, 331₂₀, 366₁₀, 374₃₅, 399₂₆, 402₅₃, 411₁₄, 421₄₂, 435₁₅, 526₁₄, 536₅₁, 540₄, 547₁₀, 547₂₇, 549₁₂, 553₄₄, 554₃₃, 572₃₉, 574₆, 575₁₀, 579₄₃, 580₇, 598₃₇, 600₃₀, 601₄₉, 622₃₈, *ne gá=li* DP 104₄₇₋₄₈, 161₁₈₋₁₉, 167₁₁₋₁₂, 417₃₆₋₃₇, *ne gali* DP 89₃, *Ne gali* DP 408₁₃, с двумя знаками ударения: *ne gali* DP 86₁₃, 350₂, 420₁₆; 3.pl. *ne gali* DP 101₂₁, 138₅₃, (*ne gali* ?) 143₈; *ifigali* DP 85₄₀, 613₃₈]; l.pl. **gálime* [*gálime* DP 119₃₅, 120₁₆, 131₈, 142₂₅, 214₃₇, 259₇, 263₆, 294₃, 309₇, 309₈, 314₈, 325₁₃, 334₃₇, 336₁₂, 337₂₀, 339₃₁, 357₁₇, 372₃₄, 383₇, 394₄₀, 426₂₁, 432₃₆, 434₃₉, 447₁, 490₂₂, 490₂₃, 538₂₅, 539₃₆, *gá=lime* DP 396₃₉₋₄₀, *gáli=me* DP 215₃₉₋₄₀, *Gálime* DP 430₁₀, *gálimė* DP 7₁₃, *gálimę* DP 137₈, 162₃₇, 186₁₈, 277₄₇, 296₄, 298₁₀, 370₂₆, 388₄₉, 419₂₃, 430₇, 485₂₀, 520₁₇, *gáli=me* DP 382₃₅₋₃₆, *Gálimę* DP 430₈, *gáli-me* DP 33₁₃, 124₃₇, 257₂₅, 522₃₈, 525₃₄, 536₅₂, 542₄₃, 594₁₂, 597₁₄, 606₄₃, *gáli-mė* DP 19₅₃, 22₆, *gálimę* DP 449₂, 595₅₄, *Gálim* DP 482₂₁, с двумя знаками ударения: *gálime* DP 299₁₆, *gálime* DP 253₁₁, с отмеченным ритмическим ударением: *galimé* DP 457₃] ~ **ne gálime* [*ne gálime* DP 81₂₈, 103₁₄, *ne gá=li-me* DP 606₃₂₋₃₃, *negálimę* DP 452₃₈, *ne gálimę* DP 394₃₉, 449₁, 454₃₉, *negáli-me* DP 363₁₅, *ne gálime* DP 30₃₇, 111₁₂, 129₄₂, 237₇, 249₂₈, 317₁₆, 327₂₄, 329₁₈, 360₃, 526₁₈, 532₁₈, 559₁₉, 585₂, 587₂₁, 606₃₅, 606₃₇, *ne gáli=me* DP 405₃₃₋₃₄, *ne gá=lime* DP 213₃₁₋₃₂, *nė gálimė* DP 11₉, 24₃₉, *ne gálimę* DP 222₂₇, *ne gátime* DP 121₄₃]; 2.pl. **gálite* [*gálite* DP 457₅, *gálite* DP 34₂₃, *gálitę* DP 19₁₄, *gálitegu* DP 482₂₀, 485₁₄; с отмеченным ритмическим ударением: *gálitė* DP 276₁₁] ~ **ne gálite* [*ne gálite* DP 128₁₈, *Ne gálite* DP 331₂₀, *ne gálitę* DP 500₆, *ne gálitę* DP 488₄₇₋₄₈, *ne gálite* DP 125₄₈, 215₂₅, 217₄₅, 606₁₂, 606₃₂, *Ne gálitę* DP 331₁, *ne gálitę* DP 603₁₂] || part.praes.act. **gális* [*gális* nom.sg.m. DP 56₂₇, 107₄₁, 191₂₁,

242₃, 329₁₂, 334₉, *gális* nom.sg.m. DP 327₄₀, 371₃₄, *gá=|lis* nom.sg.m. DP 378₄₈₋₄₉, *gáliš* nom.sg.m. DP 191₂₅, *gális* nom.sg.m. DP 528₃₅, *gális* nom.sg.m. DP 9₂₄, 189₁₇, 537₄₇, *gálinti* nom.sg. f. DP 459₂₀, 466₂₁, *gálinčzius* gen. sg. f. DP 398₁₈, *gálinti* acc.sg. m. DP 81₁₂, *negálinti* acc.sg. m. DP 104₄₃, *negálinčziūiu* instr.sg. m. DP 39₄₀, *gáli* nom.pl.m. DP 472₂₃, *gáli* nom.pl.m. DP 148₂, 617₁₁, *negálinčziū* gen.pl. DP 243₅, *gálinčziū* gen.pl.m. DP 14₁₈, *negálinčzius* acc.pl.m. DP 178₃₀, 341₉, *ne gálinčzius* DP 482₆, *gá|linčziuosius* acc.pl.m. чл.ф. DP 471₁₈₋₁₉];

2. *gulėti* 'лежать': др.-лит. praes. 2.sg. **ne guli* [*ne guli* DP 349₄₇, *ne guli* DP 133₁₀]; praes. 3. **gūli* [*gūli* DP 39₄₆, 73₁₈, 188₃₃, 374₁₅, *gūli* DP 105₃₅] ~ praes. 3. **užgūli* [*vžgūli* DK 114₁₄, *vž=|gūli* DK 131₇₋₈, *vžgūli* DP 69₁₂, 91₅₂, 144₂₆, 145₄₈, 251₇, 339₃₂, 344₂₃, 357₄₇, 415₁₂, 415₁₈, *vžgūli* DP 364₅, *ne vžgūli* DP 142₁₆, 437₅, *vžgūl* DP 18₂₉, 207₄₁, 208₃₀, 211₂₉, 218₂₁, 247₃₈, 254₁₅, 256₃₅, 292₃₅, 434₅, 557₃₄, *ne vžgūl* DP 136₃₃, 595₄₁, *vžgūl* DP 17₃₅, 19₅₀, 62₁₆, 91₄₆, 122₂₇, 146₃₈, 147₂₂, 190₁₆, 233₂₈, 248₃, 256₄₄, 265₄, 332₁₁, 430₂₅, 435₄₁, 453₁₈, *vžgūl* DP 462₄₆ 'przyleżeć, należeć; tyczyć się; tknąć się; zależeć; ku']; 1.pl. **gūlime* [*gūlime* DP 221₁₈] ~ 1.pl. **nugūlime* [*nugūlime* DP 360₁₀]; 2.pl. **gūlite* [*gūlite* DP 405₁₇] || part. **gūlis* [*gūlis* nom.sg.m. DP 186₁₇, *vžgūlinčziū* gen.pl. DP 33₃₈; *vžgūlinčziump* allat.pl. DP 281₃₀] || (с отмеченным ритмическим ударением?) *gulinčziūiu* gen.pl. DP 551₂]

3. *turėti* 'иметь': др.-лит. praes. 1.sg. **turiū* [*turiū* DP 35₃₃, 106₁₈, 107₃₈, 150₃₇, 167₁₉, 167₄, 197₃₈, 206₁₄, 314₃₇, 448₄, 475₁₇, 476₁₅, 485₁₆, 564₁₆, 574₂₅, *turiū* DK 69₆, *tu=|riū* DP 614₄₋₅, *Turiū* DP 432₃₉, *turiū* DP 67₃₄, 482₂₀] ~ **ne turiū* [*neturiū* DP 154₂₅, *ne turiū* DP 127₁₂, 415₁₁, 558₂₇, 624₃₂, *ne turiū* DP 257₄₂, *ne turiū* DP 524₄]; praes. 2.sg. **turi* [*turi* DP 4₃₉, 28₄₈, 39₃₆, 76₂₉, 101₆, 104₈, 133₁₅, 134₂₉, 177₄₆, 178₁₁, 178₂₇, 236₂₅, 246₁₀, 253₂₃, 265₁, 284₂₄, 295₁₀, 304₁₅, 306₁₁, 308₁₂, 308₄₆, 310₃₅?, 342₃₃, 350₆, 353₃₄, 362₃₃, 364₁₈, 369₈, 369₁₁, 369₁₂, 369₁₃, 371₄₂, 382₃₈, 384₅₀, 389₂₃, 391₁₁, 392₁₈, 399₃₂?, 399₃₇, 414₁₀, 441₄₆, 490₇, 523₅₂, 525₃₃, 530₆, 530₇, 540₅, 552₂₂, 552₂₃?, 582₅₂, 587₃₆, 628₈, *Turi* DP 615₅, 615₆] ~ **ne turi* [*ne turi* DP 74₁₅, 133₁₀, 133₁₄, 169₂₂, 267₃, 343₃₇, 350₃, 590₃₉, *Ne turi* DP 80₉, *ne turi* DP 127₂₆]; praes. 3. **tūri* [*tūri* DP 46₂, 80₃₁, 83₄, 83₈, 83₂₆, 83₃₉, 84₁₅, 85₁₉, 85₂₂, 87₂₉, 90₅, 90₂₆, 91₆, 96₅₄, 97₂₅, 98₁₅, 99₂₁, 99₃₂, 103₃₃, 114₃₈, 119₃₃, 119₄₀, 121₂, 122₁₃, 122₂₁, 123₂₇, 123₃₈, 125₃, 125₁₃, 128₂₉, 128₄₇, 128₄₉, 130₁₁, 130₁₅, 134₂₀, 136₃₄, 141₅₀, 142₄₇, 150₄₈, 151₄₀, 151₄₆, 155₄₉, 160₄, 165₂₀, 165₄₃, 167₁₁, 168₁₄, 173₃₈, 173₄₀, 174₅, 174₄₁, 174₄₂, 182₁₂, 204₉, 204₁₈, 238₁₄, 280₅₀, 282₂₄, 284₂₅, 285₂₈, 289₅₀, 291₉, 295₅₃, 296₈, 296₁₂, 296₁₅, 306₁₇, 306₁₉, 306₂₆, 307₄₈, 312₇, 325₄₂, 331₂₂, 333₅, 337₄₀, 344₂₄, 345₅, 345₄₂, 348₄₄, 352₄₉, 354₉, 354₁₇, 354₂₅, 354₂₆, 355₂₁, 361₃₂, 367₉, 367₁₁, 369₃₇, 371₃₅, 372₃₃, 373₁₃, 373₃₇, 374₁₃, 379₁₉, 379₄₂, 379₄₇, 379₄₈, 380₂₆, 381₂₄, bis, 382₁₈, 382₄₄, 385₃₃, 385₅₂, 385₅₃, 387₁₈, 387₃₁, 390₂₈, 390₄₁, 390₄₅, 391₁, 396₄₅, 404₄, 405₂₂, 409₃₄, 409₃₇, 410₃₇, 412₁₁, 413₃₈, 417₄₀, 419₁₀, 420₁₁, 421₉, 428₄₉, 435₆, 435₂₇, 436₄, 437₂₁, 443₂₁, 464₄, 466₃₉, 481₁₉, 484₁₄, 488₂₆, 518₂₈, 520₁₄, 524₂₅, 534₁₃, 539₄₉, 544₈, 547₁₄, 547₃₂, 569₇, 569₂₂, 608₅, *tūri* DK 26₁₅, 39₉, 41₄, 50₁, 65₁₁, 67₆, 78₁₀, 83₁, 83₉, 83₁₉, 84₄, 97₆, 99₂₁, 102₁₀, 102₁₃, 102₁₆, 102₁₉, 107₁₁, 119₁₈, 126₄, 127₁₆, 129₁₄, 129₁₉, 158₆, 182₇, *tū=|ri* DP 81₁₁₋₁₂, 84₄₃₋₄₄, *Tūri* DP 228₁₅, 228₁₆, *Tūri* DK 83₃,

97₉, 100₅, 126₈] ~ praes. 3. **ne tūri* [*ne tūri* DP 84₅, 87₃₅, 90₃₃, 98₂₇, 99₃₃, 100₅, 120₁₅, 120₁₇, 125₃₈, 344₈, 368₁₈, 384₉, 390₂₅, 402₁₈, 402₂₂, 404₁₄, 414₂₆, 418₂₇, (3.pl.) *ne tūri* DP 98₂₇, *ne| tūri* DP 111₂₈₋₂₉, *ne tū=ri* DP 316₂₅₋₂₆, *Ne tūri* DP 169₅₀, *ne tūri* DP 396₁₀, *ne tūri* DP 417₄₅]; 1.pl. **tūrime* [*tūrime* DP 7₁₂, 22₄, 30₁₅, 31₂₆, 31₄₄, 33₁₂, 33₄₁, 35₁₁, 52₃₆, 55₄₂, 57₂₄, 57₂₈, 60₄₁, 62₃₄, 62₃₆, 71₂₂, 74₂₈, 74₃₁, 79₇, 81₁₁, 96₄₄, 96₅₂, 99₅, 99₉, 103₁₅, 103₂₄, 107₃₃, 107₄₃, 108₃₀, 110₁₅, 110₂₁, 111₄, 111₁₇, 112₁, 112₃₂, 114₃₅, 115₁₆, 116₂₁, 116₂₃, 123₅, 123₈, 124₂₄, 125₂₉, 125₃₆, 130₃₀, 130₃₉, 132₅, 137₂₀, 137₂₉, 138₁₈, 141₃₀, 146₄₅, 151₁₀, 151₃₆, 152₅, 152₂₁, 152₃₁, 167₄₂, 174₂₃, 182₄₇, 183₁₇, 185₃₀, 186₁₅, 186₁₆, 188₄, 188₁₉, 188₂₃, 192₁₀, 195₇, 197₁₇, 214₁₂, 214₁₄, 217₄₆, 221₂₂, 222₂₆, 222₂₈, 223₁₃, 223₂₀, 223₄₉, 224₁₉, 224₃₄, 224₃₈, 226₄₅, 227₁₆, 230₂₀, 230₂₃, 230₃₃, 232₂₇, 232₄₅, 233₁, 233₃₂, 233₄₆, 237₄₈, 238₉, 238₂₀, 245₂₄, 245₂₆, 246₂, 257₁₃, 258₃₀, 261₃₂, 270₇, 271₂₀, 273₃₇, 280₄₆, 289₁₀, 289₂₄, 291₂₄, 295₂₃, 299₂₃, 299₂₄, 299₂₉, 299₄₆, 300₁₃, 301₁₆, 301₄₆, 302₁₁, 304₄₇, 309₅, 314₂₁, 317₁₄, 318₃₃, 319₄₇, 319₄₈, 319₄₉, 322₃₅, 323₄₁, 325₁₅, 326₄₀, 327₁, 327₂₉, 328₂₂, 328₂₃, 328₂₅, 333₁₁, 333₁₂, 333₂₂, 335₃₆, 337₄₈, 338₂₈, 338₂₉, 338₃₆, 341₄₂, 346₇, 359₂₄, 360₁₄, 364₃₂, 374₁₉, 375₉, 380₂₃, 380₃₃, 387₄₄, 392₄, 393₂₃, 404₂₄, 406₄₉, 407₃₈, 415₂₈, 416₁₈, 434₅, 435₁₁, 436₄₉, 448₈, 448₃₁, 453₄, 463₄₁, 465₂₀, 472₂₆, 477₈, 479₁₁, 481₅₄, 523₄, 526₃₅, 530₂₉, 532₃₁, 540₄₆, 553₂, 566₁₂, 618₃₅, 619₂₂, *tūrime* DK 18₁, 27₂₂, 80₂, 182₁₈, *tū=rimē* DP 107₃₁₋₃₂, 245₃₄₋₃₅, *tū=rimē* DK 28₈₋₉, *tūri=me* DP 144₁₂₋₁₃, 252₃₈₋₃₉, 327₂₈₋₂₉, 336₄₉₋₅₀, 339₄₋₅, 553₂₋₃, 584₃₉₋₄₀, *Tūrime* DP 24₄₅, 55₃₁, 69₁₃, 77₄₆, 253₂₅, 434₁₂, *tūrimē* DK 27₅, 45₄, 49₄, 50₁₀, 70₅, 70₁₃, 70₁₄, 82₂₁, 84₁₃, 90₁₂, 90₁₄, 96₁, 115₅, *tūrimē* DK 57₇, *Tūrimē* DK 57₈, *tūrimē* DP 1₃₄, 2₁₄, 11₁, 13₂₂, 18₁, 24₃₉, 24₄₂, *tū=rimē* DP 18₄₂₋₄₃, *tūri=me* DK 85₄₋₅, *Tūrimē* DK 81₁₅, *tūrimē* DP 18₃₉, 23₂₆, 23₃₉, 24₁₄, 29₄₃, 33₁₆, 35₂, 49₃₇, 55₂₇, 55₄₂, 57₁₄, 57₃₄, 73₃₆, 96₄₆, 103₄, 150₄₂, 155₃₁, 156₁₆, 159₃₂, 165₆, 186₁₇, 187₂₄, 222₂₃, 252₃₆, 273₁, 280₁₀, 284₈, 299₂₄, 300₁₀, 356₂₇, 360₅, 364₂, 370₃₂, 371₉, 381₃₈, 382₃₆, 382₃₉, 396₂₇, 409₄₅, 413₂₅, 414₈, 414₁₃, 415₁₆, 416₁₃, 416₂₂, 416₂₆, 424₃₈, 434₇, 438₃₃, 444₂₀, 448₃₄, 450₂₈, 450₃₀, 452₂₆, 455₆, 455₁₆, 455₂₀, 457₃₆, 458₅₁, 475₃₂, *tū=rimē* DP 182₃₉₋₄₀, 270₄₋₅, 301₄₇₋₄₈, *tūri=me* DP 290₂₃₋₂₄, 416₁₃₋₁₄, *tūrimē* DP 55₂₄, 463₃, *ir tūrime* DP 383₅, *tūrime* DP 71₄₉, 74₃₉, 131₁₇, 140₁₉, 259₁₈, 309₆, 314₂₆, 327₄, 360₁₁, 364₁₈, 368₂₈, 407₂₁; *tūrimē* DP 85₁₃, 128₄₃, 321₂₆, 416₆, 450₃₇, *ir tūrimē* DP 277₄₈, *tūrimē* DP 55₃₉, 327₃₁, *tūrimē* DP 288₂₂, *tūrimē* DP 151₃₉, 195₄₄, *tūrime* DP 328₄₀, 432₃₆, *tūrimē* DP 154₁₈, *tūrim* DP 187₁₄, 252₂₅, 282₄₁, 416₃₀, 461₂₄, 483₁₉, *tūrim* DP 447₂₈, 447₃₈, *tūrim* DP 57₃₁, 57₃₂, 462₄₉, 464₃₇, 471₂₇, 475₄₆] ~ 1.pl. **ne tūrime* [*ne tūrime* DP 30₂₇, 62₄₀, 72₄₇, 79₄₄, 103₁₉, 125₅, 125₁₁, 139₁₇, 142₁₀, 145₃₈, 146₂₆, 147₁₉, 159₄₀, 161₃₀, 193₄₀, 216₃₁, 223₂₃, 229₄₁, 234₁₀, 266₃₃, 299₂₉, 320₄₆, 321₂₃, 340₄₉, 352₃₁, 382₃₇, 383₃₉, 418₉, *ne tūrime* DP 161₃₀ (?), *ne tūri=me* DP 103₆₋₇, 281₁₀₋₁₁, *Ne| tūrime* DP 167₁₆₋₁₇, *nētūrimē* DP 21₂, *nētūri=me* DP 29₅₁₋₅₂, *ne tūrimē* DP 416₉, *ne| tūrimē* DP 155₂₈₋₂₉, *ne tūrimē* DP 81₂₃₋₂₄, *ne tūrimē* DP 30₂₆, *ne tūrime* DP 360₁, *Ne tūrimē* DP 281₁₁, *ne tūrim* DP 493₃₉]; **betūrime* [*betūrime* DP 383₁₁] ~ 2.pl. **tūrīte* [*tūrīte* DP 129₄₄, 180₂₀, 198₄₃, 211₁₁, 299₃, 332₂₇, 339₁₄, 425₂₃, *tūrīte* DK 15₆; *Tū=rite* DP 194₁₈₋₁₉, *tūrīte* DP 12₂, 12₃, 12₁₁, 223₉, 272₂₀, 273₄₆, *Tūri|te* DP 424₃₃₋₃₄, *Tūrīte* DP 167₄₈]; || part. *tūrīs* [*tūrīs*

nom.sg. m. DP 378₅₁, 385₃₄, 390₂₈, *túris* nom. sg. m. DP 28₄₉, 28₅₀, 189₃₁, 192₂₅, *túrinti* nom.sg. f. DP 261₁₀, *túrinčzem'* dat.sg. m. DP 385₃₃, 385₃₄, 389₃₁, *túrinčzem* dat.sg. m. DP 367₂, 390₂₅, *túri* nom.pl. m. DP 30₁, 136₂₆, 209₃₉, 277₃₁, 278₃₇, 304₄, 306₆, 464₂, *ne túri* nom.pl. m. DP 80₁₅, *túrintiemus* dat.pl. m. DP 299₄₂ || (с отмеченным ритмическим ударением?) *ne turintiémus* dat.pl. m. DP 476₁₈];

4. *gailėtis* 'с сожалеть': др.-лит. praes. 3.sg. **ne gailis* [*ne gailis* DP 36₃₁], **ne pasi gaili* (?) [*ne pasigaili* DP 165₄₅] || part. **gailis* [gen.pl. *gailincziųs* DP 283₂₈, *gailintiemušiems* dat.pl. m. DP 268₃₇] || (с отмеченным ритмическим ударением?) *gailincziós* gen.sg. f. DP 477₂₇, *gailintiemus* dat.pl. m. DP 348₂₂];

5. *girdėti* 'слышать': др.-лит. praes. 1.sg. **girdžiu* [*girdžiu* DP 306₄₉ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *girdziu* DP 305₁₂)]; 2.sg. **girdi* [*girdi* DP 67₂₁, 197₂₆, 236₃₂, 252₃, 282₃₀, 282₃₂, 296₁₀, 340₁₄, 349₃₉, 352₄₈, 353₁₀, 353₂₁, 414₅, 435₅₄, 451₄₂, *Girdi* DP 190₂₀, 285₄₀] ~ 2.sg. **ne girdi* [*Ne gir|di* DP 164₁₈₋₁₉]; praes.3. **girdi* [*girdi* DP 17₈, 19₂, 19₁₁, 116₂₄, 248₂₆, 248₃₅, 323₁₈, *ir girdi* DP 535₄₁, 537₄₄, *ir|girdi* DP 282₃₆₋₃₇] ~ praes.3. **ne girdi* [*ne girdi* DP 202₄₁, 323₁₉, 538₁₃]; 1.pl. **girdime* [*girdime* DP 243₁₆, 328₇, 328₃₁, 341₂₅?, 368₂₇, *girdime* DP 318₉, 401₃₂, *ir girdime* DP 403₃; *girdime* DP 49₂₇, 232₉, 314₁₀, 327₃₇, 549₃₉, *ir girdime* DP 292₃₄, 323₁₆, 323₃₉, *girdimė* DP 21₃₈, *girdime* DP 155₃₁, 298₆, 327₂₀, 409₈, 409₁₁, *girdi=me* DP 59₈₋₉]; 2.pl. **girdite* [*girdite* DP 399₁, *girdite* DP 19₁₀; *O girditegu* DP 100₄₄; *girdite* DP 321₄₅] || part. **girdis* [*iis kaip ne girdis* DP 116₂₂].

К этому же неподвижному акцентному типу относились глаголы, которые в соответствующих презентных формах не засвидетельствованы или имели акутовый корень, поэтому акцентовка их презентных форм не показательна, их первичный акцентный тип устанавливается по акцентовке причастия настоящего времени:

6. part.praes. act. **liúdis* [*lúdintiemus* dat. pl. m. DP 550₄₃];

аккутированные корни:

7. part.praes. act. **mýlis* [*milis* nom.sg. m. DP 237₃₆, 325₁₉, *milinczioio* gen. sg. m. чл.ф. DP 576₁₂, *milinczem* dat.sg. m. DP 186₄, *milinczem'* dat.sg. m. DP 186₅, *ir milin=|czei* dat.sg. f. DP 617₃₅₋₃₆, *milintiii* acc.sg. m. чл.ф. DP 241₂₆, *ir milincziuiu* instr.sg. m. чл.ф. DP 191₄₉, *mili* nom.pl. m. DP 13₃₅ (inf. *mylėti* 'любить', praes. 3. *mýli*; но лтш. *milēt* 'lieben, gern haben')];

8. part.praes. act. **nóris* [*nóris* DP 130₃₄, *nóris* nom. sg. m. DP 116₂₂, *nóris* nom. sg. m. DP 236₁₇, 277₄₈, *nórinti* nom. sg. f. DP 261₂₀, *nórinti* acc. sg. DP 104₄₃, *nórinti* acc. sg. DP 411₂₂, *nóri* nom. pl. m. DP 61₂₅, 302₄₃, 365₂₅, 370₂₄, 411₃₈, bis, *nórinčziós* nom. pl. f. DP 462₁₆, *ne nórinčzių* gen. pl. DP 411₁₇, *nórinčzius* acc. pl. m. DP 577₄₀ (inf. *norėti* 'желать, хотеть', praes. 3.sg. *nóri*)];

9. part.praes. act. **pavýdis* [*butų pa=|widis* nom.sg. m. DP 626₂₋₃, *pa-widinti* acc.sg. m. DP 437₂₄ (inf. *pavýdėti*, др.-лит. *pawidet* DP 626₇, но и *pawidēt* DP 281₁₁ 'завидовать; ревновать', praes. 3.sg. *pavýdi*; лтш. (Эргеме) *viēdēt* 'sehen'; слав. praes. 1.sg. **vǐdǫ*, 3.sg. **vǐdītъ*)] : лтш. (Эргеме) *viēdēt* 'sehen'; слав. praes. 1.sg. **vǐdǫ*, 3.sg. **vǐdītъ*;

10. part.praes. act. **stóvj̃s* [*stówinczios* gen. sg. f. DP 478₄₅, *stówinti* acc. sg. DP 196₃₅, *stówinti* acc. sg. DP 173₁, 374₂₃, *stówinczių* gen. pl. DP 173₈, 595₁₇, *stówincziuių* gen. pl. DP 158₁₂, *stówintiemuſiemus* DP 381₂₃, *stówinczius* acc. pl. m. DP 7₄₂, *beſtówinczius* acc. pl. m. DP 92₃₉, *stó=|winczių* gen. du. DP 287₃₈₋₃₉ (inf. *stovėti* ‘стоять’, praes. 3.sg. *stóvi*; лтш. *stāvēt*, praes. 1.sg. *stāvu*, praet. 1.sg. *stāvėju* ‘stehen, bestehen, sein; sich aufhalten, wohnen; sich halten; passen, anstehen’)] : лтш. *stāvēt*, praes. 1.sg. *stāvu*, praet. 1.sg. *stāvėju* ‘stehen’.

В текстах Н. Даукши к этому типу относился и глагол *sėdėti*: part.praes. act. **sėdįs* [*ſėdis* nom. sg. m. DP 1₁₅, 163₉, 449₃, *ſėdis* nom. sg. m. DP 229₄₇, *sėdis* nom. sg. m. DP 319₅₁, *beſėdis* nom. sg. m. DP 66₂₂, *ſėdinczio* gen. sg. m. DP 430₁₀, 625₃₆, *ſėdin=|czio* gen. sg. m. DP 617₂₇₋₂₈, *ſėdinczem’* dat. sg. m. DP 200₃₁, *ſėdinti* acc. sg. 158₂₉, 158₄₀, *ſė=|dinti* acc. sg. DP 261₄₇₋₄₈, *beſėdinti* DP 63₂₈, 180₁₀, *be=|ſėdinti* DP 184₃₇₋₃₈, *ſėdinczių* gen. pl. DP 338₂₂, *ſėdincziuių* gen. pl. DP 350₄₀, *ſėdintiemus* dat. pl. DP 125₂₀, *ſėdintiemus* dat. pl. DP 123₃₂, 625₉, *ſėdinczius* acc. pl. m. DP 350₄₁, *ſėdinczeis* instr. pl. m. DP 350₄₀ (inf. *sėdėti* ‘сидеть’, praes. 3.sg. *sėdi*; но Kurschat DL *sėdįs* sub v. *Arrestant*; лтш. *sėdēt* ‘sitzen’, praes. 1.sg. *sėdu* или *sėžu*, praet. 1.sg. *sėdėju*)] ; но показания лтш. *sėdēt* ‘sitzen’, praes. 1.sg. *sėdu* или *sėžu*, praet. 1.sg. *sėdėju*, и слав. **sėdětĭ*, praes. 1.sg. **sėdĭq*, 3.sg. **sėdĭtĭ*, а самое важное, показания других литовских источников: см. Kurschat DL *sėdįs* sub v. *Arrestant*, — заставляет признать эту акцентовку не только не общебалтийской, но и не общелитовской, возможно, на эту основу оказал влияние глагол *stovėti*.

Ė/a-ГЛАГОЛЫ

11. (1.) *derėti* ‘годиться’: др.-лит. praes.3. **ne dēra* [*ne dēra* DP 360₂₉], **ne indēra* [*ne indēra* DP 607₁₅], **pridēra* [*pridēra* DP 459₁₉, 581₃₁], **ne pridēra* [*ne pridēra* DP 520₂₂] || part.praes. act. **dērąs* и **derąs* [*pridērąs* nom. sg. m. DP 446₇, *pridērąnti* DP 423₂₇, *pridērąnti* nom. sg. f. DP 536₄₇ || *dērąs* DK 78₁₅, *nē dērąs* DK 137₁, *nēderąs* DK 148₈ *ne derąs* DP 255₁₃, *priderąs* DP 54₂₃, *priderąs* DP 227₄₇, 389₂₁, *pri=|derąs* DK 120₁₆₋₁₇, *priderąs* DK 125₂₀, gen.sg. m. *pridē=|ranczio* DK 87₃₋₄, gen.sg. f. *nē derąnczio* DP 331₉, allat.sg. m. *pridērączióp* DK 138₂₀, nom.pl. m. *nē dērą* DK 73₂, *nederą* DP 370₁₁, *ne ſuſi=|derą* DP 193₃₄, *derąnczių* DP 122₅₃, *nederączių* DP 344₄₇ || *nederąn=|cziiu* DP 603₃₉₋₄₀, *ſuderąntiemus* DP 330₃₆, *nederąncziųſius* DP 188₃₇, *ſuderącziėis* DP 112₄₆, nom. pl. *nēderąnczios* DP 535₃₄ (совр. лит. *derėti* ‘годиться, подходить’, praes. 3. *dēra*; *priderėti*, praes. 3.sg. *pridera* ‘подобать, приличествовать; следовать, полагаться’; диал. *jderėti* ‘договориться, условиться’)] ;

12. (2.) *užsižadėti* ‘зарекаться’: др.-лит. praes.1.pl. **užsižadame* [*vzfi-zádame* DP 157₃₄] ‘zarzekać się’;

13. (3.) part.praes. act. **sópąs* [*ſópantiui* nom. sg. f. DP 542₁₀ (inf. *sopėti* ‘болеть’, praes. 3.sg. *sópa*, диал. *sópi*; но лтш. *sápēt*, praes. 1.sg. *sāpu*, praet. 1.sg. *sāpėju* ‘schmerzen’)] ;

14. (4.) part.praes. act. **sérąs* ‘sergis, saugojąs’ [*ſérą* nom. pl. m. DP 38₁, *ſérą* nom. pl. m. DP 179₁₀ (inf. *sėrgėti*, praes. 1.sg. *sėrgiu*, др.-лит. *sėrgmi*; первичен атематический презенс: др.-лит. *sėrkti* praes. 3. sg. DP 516₂₀)] ;

15. (5.) лит. *veldėti*, praes. 1.sg. *vėldu* и *vėldžiu* 'besitzen, regieren, an sich bringen, in Besitz nehmen' и '(er)erben', 'наследовать', praes.3. *vėldi*; part. praes.pass. **vėldamas*, -a : *wėldamu* gen.pl. DP 4₉, *wėldamy* gen.pl. DP 484₄₃, 'подданных', acc.pl. *wėldamus* DP 85₄₂; в прусском корень также сохраняет свою доминантную валентность: прусс. производное **wėldniks* (в сочетании *sendraugi wėldnikai* nom.pl. m., III 93₈ «Miterben, bendraveldėtojai») при рецессивном корне должно было иметь ударение ~ на суффиксе -*nik*-, как это обнаруживается в словах с соответствующими корнями; так же ведет себя и вариант этого корня с -o-огласовкой: прусс. *Waldnikans* acc.pl.m., III 91₁₅ «Könige, valdovus»; среднеболгарские и древнесербские тексты дают материалы, указывающие на доминантность глагольного корня **vold-* в праславянском: ср.-болг. (ст.-тырн.) **ВЛАДЕТЬ** Зогр.сб. Б49³⁰а; др.-серб. **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183¹⁸⁻¹⁹а, **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183²⁰⁻²¹а || герм. praet.1.sg. **wūlpa* < **ul-to-* [др.-исл. praet.1.sg. *olla* 'herrschte' (< **wolpa*) [др.-исл. inf. *valda*, praes. *veld*] (у германского и балто-славянского корней наблюдается только то отличие, что в прагерманском сохраняются следы презентного характера форманта -*dh-*, а в балто-славянском он уже распространен на всю глагольную парадигму и стал частью корня) || лат. *valere* || [Noreen: 352; Feist: 548; de Vries: 640; Seebold: 536-537; WH II: 727-728].

II. Подвижный акцентный тип

Ė/i-глаголы

Переносят ударение на отрицание и приставку в формах презенса в текстах Н. Даукши следующие основы:

1. *minėti* 'вспоминать': др.-лит. praes. 1.sg. **miniū* [*miniū* DP 597₄₃]; praes.3. **mini* [*mini* DP 2₅, 2₁₀, 2₂₅, 10₁₀, 43₃₆, 137₃₅, 138₁₄, 138₂₂, 193₁, 257₃₆, 258₄₀, 265₃₀, 335₂₉, 339₄₃, 341₂₉, 343₁, 355₃₉, 373₂₇, 374₉, 393₄₅, 410₂₅, 418₃, 418₃₀, 456₁₇, 545₂₂, *mi=ni* DP 214₃₄₋₃₅, 253₄₅₋₄₆, *Mini* DP 26₄₉, 108₄₀, *min* DP 450₃₉, *mini* DP 347₉] ~ **nė mini* [*nėmini* DP 402₈, 410₂₁, *nėmini* DP 114₂₅, 117₅, 133₃₇, 139₃₂, 193₃, 347₄₈, *nė mini* DP 241₂, 270₂₃?, 316₃₄, 600₃₅, *nėmini* DP 140₄₉, *Nėmini* DP 186₈; *pāmini* DP 80₃₉, 81₃];

2. *regėti* 'видеть'; др.-лит. praes. 1.sg. **regiū* [*regiū* DP 399₁₇, 519₁₃, 519₁₄, 602₉; *regiū* DP 121₁₉], 2.sg. **regi* [*regi* DP 104₂₅, 352₈, 399₃₀, 536₄₄; *re=gi* DP 126₃₅₋₃₆, *Regi* DP 357₄₉, 371₃₄, 473₃₃, *regi* DP 284₂, 286₄₅, 348₄, 349₂₂, 356₂₁, *regi* DP 349₃₂, *Regi* DP 41₂₃, 186₂₀, 272₁₁, 272₁₄, 290₃, 357₄₆, 418₅₁, 448₂₅, 464₂₀, *Riagi* DP 479₄₂ (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *regi* DP 283₁₇, *Régi* DP 476₂₁, *régi* DP 587₃₅, *Régi* DP 399₄₀, *regi* DP 392₁₇, *Régi* DP 414₄₃)] ~ **nė regi* [*nė regi* DP 370₃₇, *nė regi* DP 226₂₈], praes. 3. **rėgi* [*rėgi* DP 17₇, 176₄₂, 434₄₃, 447₇, bis, 450₉, 450₁₆, 484₁₉, *rėgi* DP 79₄₇, 105₄₇, 151₄₉, 153₈, 153₁₀, 153₁₄, 196₃₁, 206₈, 217₁₆, 232₃₇, 234₅₃, 236₄₆, 273₂, 306₄, 323₁₈, 351₄₄, 403₇, 541₁₉, 549₉, 559₂₆, bis, 583₃₄, 587₃₄, 594₂₉] ~ **nė regi* [*nėregi* DP 255₃₂, *nė regi* DP 213₄₂, 236₄₆, 255₃₃, 255₃₄, 276₄₂, bis, 323₁₉, 570₁₇, 611₃₀, *nė regi* DP 105₄₁, *nė regi* DP 286₃₇, 323₂₁, 323₂₃, 323₂₅, *nė regi* DP 221₁₂]; 1.pl. **rėgime* [*rėgime* DP 264₄₀, 605₁₉, 607₁₁, *Rėgime* DP 479₃₆, *rėgime*

DP 292₃₄, 403₃, *Régimę* DP 489₅₄, *régime* DP 60₂₃, 181₄₈, 226₂₁, 264₅, 272₂₅, 290₂₅, 318₁₅, 318₃₈, 320₁₀, 323₁₆, 334₉, 339₂₈, 421₆, *rę=|gime* DP 237₃₃₋₃₄, *rę-gi=|me* DP 100₁₂₋₁₃, *Régime* DP 323₂₃, *régime* DP 212₁₁, *régimę* DP 150₂₄, 155₃₀, 292₃₇, 292₃₉, 377₃₁, 402₂, 410₄₅, 415₂₁, *Régimę* DP 415₂₄, 421₈, *ir régimę* DP 318₉, *Riágime* DP 481₄₂] ~ 1.pl. **nę régime* [*nę régime* DP 198₃₉, 226₂₉, *nę ręgimę* DP 414₃₈, *nę ręgimę* DP 272₂₆; *nę régime* DP 585₃₁, *ne régime* DP 581₁₅]; 2.pl. **ręgite* [*ręgite* DP 194₁₆, 195₂₃, 321₄₃, 321₄₅, 322₃₇, *Ir ręgite* DP 348₁₆, *ręgite* DP 424₂₆] ~ 2.pl. **nę regite* [*Nę regite* DP 558₃₈] || part.praes. act. **regis* || part.praes. pass. **ręgimas*, -*ą* [*ręgimąsis* nom.sg. m. DP 51₃₁, *nę regimas* nom.sg. m. DP 249₂₃, *nęregimu* instr.sg. m. DP 131₃, *ręgimūiu* instr.sg. m. DP 204₂₉, *regimamę* loc.sg. m. DP 249₂₄, *regimāiime* loc.sg. m. DP 134₁₀, *regimų* gen.pl. DP 293₁₀, *regimą* nom.sg. f. DP 88₃₄, *ne regimą* nom.sg. f. DP 249₄₂, *nę regima* instr.sg. f. DP 88₂₈, 250₁₂] || *ręgimų* gen.pl. DP 156₂₇];

3. *tikęti* 'верить': др.-лит. praes. 1.sg. **tikiu* [*tikiu* DP 101₄, 404₃₂, *Tikiu* DP 351₇, 573₂₀, 573₂₄, 617₁₀]; 2.sg. **tiki* [*tiki* DP 226₂₈, 267₂, 337₂₅?, *ir tiki* DP 133₁₃, *Tiki* DP 226₂₈] ~ 2.sg. **nę tiki* [*Nętiki* DP 447₈, *Nę tiki* DP 450₁₂]; praes.3. **tiki* [*tiki* DP 43₆, 46₁₆, 61₄₂ (pl.), 85₂₇ (pl.), 97₃₃, 111₂₃, 111₃₀?, 122₄₆, 124₃₉, 144₈, 146₃₅, 218₄₅, 236₄₀, 240₂₇, 240₃₁, 242₁₉, 242₂₅, 243₁₂, 250₂₅, 257₂₃, 276₃₆, 278₁₄, 290₂₁, 343₃₁, 344₂₂, 344₃₂, 357₂₆, 369₁₉ (pl.), 371₈, 374₂₆ (pl.), 391₄₃, 417₄₁, 467₁₅, 467₂₄, 518₁₁, 526₅₂, 533₄₇, 578₁₁, 578₁₂, 584₃₂, *tiki* DP 255₅₃, 402₃₄, *ir tiki* DP 122₅₀, 133₁₄, 327₃₅] ~ praes.3. **nę tiki* [*nętiki* DP 257₂₄, 404₁₂, *nę tiki* DP 404₁₅, 444₁₇ (pl.), 462₈, *nętiki* DP 217₈ (pl.), 254₁₁, *nę tiki* DP 217₂₂, 226₂₇, 243₁₃, 243₂₁, 243₂₄, 243₂₆, 243₂₇]; 1.pl. **tikime* [*tikime* DP 32₄₀, 89₉, 185₁₃, 198₃₉, 220₁₈, 229₃₅, 229₃₇, 249₂₇, 257₂₀, 264₃₃, 265₅, 266₃₈?, 345₂₉, 406₁₉, 407₃₈, 578₃₉, *tikimę* DP 162₆, 252₄₃?, *ir tikime* DP 224₄₉] ~ 1.pl. **nę tikime* [*nę tikimę* DP 291₄₃, *nę tikimę* DP 272₄₁]; 2.pl. **tikite* [*tikite* DP 294₂₆, *tikite* DP 100₄₇, 447₃₆?, 448₆, *tį=kitegu* DP 100₄₅] ~ 2.pl. **nę tikite* [*nę tiki=te* DP 252₈₋₉, *nętikite* DP 127₇, *nę tį=kite* DP 128₁₈₋₁₉, 128₃₅₋₃₆, *nętikite* DP 100₄₆, bis, *Nętikite* DP 447₁₁] || part.praes. act. **tikįs* [*ižtikįsis* DP 168₇, *tikincžēm* dat. sg. m. DP 94₁₇, *tikincziūiu* gen. pl. DP 470₂₆, *tikincziūiu* gen. pl. DP 44₂, *tikincziūiu* gen. pl. DP 198₄₂, 470₁₂, 470₂₆, *tikincziūiu* gen. pl. DP 297₃₉, *tikin=|cziūiu* gen. pl. DP 508₁₃₋₁₄, *tikincziūiu* gen. pl. DP 401₂₂, *tikin-tiēmus* DP 291₄₆, 490₄₂, *netikintiēmus* dat. pl. DP 194₁₈] || part.praes. pass. **išti-kimas*, -*ą* [*ištikimąsis* nom. sg. m. DP 384₂₅, *ištikimą* nom. sg. f. DP 80₄₉, *ištikimoi* nom. sg. f. DP 130, *nęištikimu* instr. sg. m. DP 419₈, *nęištikimūiu* instr.sg. m. DP 404₂₄, *ištikimiēmus* dat.pl. m. DP 238₄₃, 149₄₁, 490₃₄, *ištikimāįseis* instr.pl. m. DP 161₅₀];

4. *baisęti* 'ужасаться': др.-лит. praes. 2.sg. **nę baisies* [*nębaisies* DP 285₄₁]; praes.3. **baisis* [*báisįs* DP 107₁₄ 'strachac się; brzydzic się'];

5. *biauręti* 'гнушаться': др.-лит. praes. 1.sg. **biauriūosi* [*biau=|riūsi* DP 316₄₄₋₄₅]; praes. 2.sg. **biaurįs* [*bieurįs* DP 184₅]; praes.3. **biaūrisi* [*bieurįsi* DP 371₁₆, *bieuris* DP 226₂₂, *biēūris* DP 248₄₄, *biēūris* DP 366₅, *bi=|ēūris* DP 183₂₂₋₂₃, *biāūris* DP 20₁₂, *biēūris* DP 231₄] ~ praes.3. **nę biauris* [*nę biauris* DP 421₃₉, *nębieuris* DP 115₂₅, *nę biauris* DP 281₄₂ (но также *nębiāūris* DP 431₂₁); praes. 1.pl. **biaūrimės* [*biēu=|rimės* DP 272₂₄₋₂₅, *biāu=|rimės* DP 289₂₁₋₂₂];

6. *bodētis* ‘брезгать’: др.-лит. praes.3. **bōdis* [*bōdis* DP 102₃₁, 585₂₆] ~ **nē bodis* [*nē bodis* DP 431₂₁];

7. *gardėti* ‘становиться вкуснее’: др.-лит. praes.3. **gaṛdi* [*gārdi* DP 216₄₁] ~ **pāgardi* [*pāgardi* DP 276₄₆] ‘zasmakować’;

8. *gērētis* ‘любоваться’: др.-лит. praes.3. **gērisi* [*gērisi* DP 166₄₃, 464₆, *gē-rīsi* DP 41₂₈₋₂₉, *gēris* DP 568₄₇, *gēris* DP 222₉, 291₁₇, 378₁₈, 379₃, *gēris* DP 147₁₆, 190₄₀, 216₃₇, 244₂₀, *gēris* DP 271₁₇; *ir gēriši* DP 100₅] ~ **nē gēris* [*nēgeris* DP 166₁₈];

9. *lydėti* ‘проводжать’: др.-лит. praes.3. **ne palydi* [*ne pāldi* DP 307₄₃] ‘popuszczać’; praes.3. **prālydi* [*prāldi* DP 174₁₂, *prāldi* DP 407₄, 550₁₀², *prāldy* DP 431₁₉ (но также *prāldi* DP 247₂₃)];

10. *lytėti* ‘касаться’: др.-лит. praes.3. **lytis* [*lītis* DP 568₄₈]; **nē lytis* [*Nē lītis* DP 614₃₁ (*lytētis* ‘dotykać się’)]; praes.3. **pālyti* [*pāli* DP 191₄₈, 356₃₂, *pāli* DP 339₂₆ (*palytėti* ‘dotykać się’)]; **pālytis* [*pālis* DP 203₄₁, 476₁₄, 479₄₁, *pālis* DP 321₈], **ne pālytis* [*Ne pālis* DP 614₃₀ (*palytētis* ‘dotykać się’)];

11. *žvilgėti* ‘kurz hinblicken’: др.-лит. praes.3.[sg.] **pāžvilgi* [*pāžvilgi* DP 162₄₂] ‘wejrząc, pojrząc’; **ir ne atžvilgis* [*ir nótžvilgis* DP 380₂₇] (**atžvilgiu* ‘im Hinblick auf, mit Rücksicht auf etw., in betreff von’).

К этому же подвижному акцентному типу относились глаголы, которые в соответствующих презентных формах не засвидетельствованы или имели акутовый корень и потеряли приставочное ударение по закону де Соссюра, их первичный акцентный тип устанавливается по акцентовке причастия настоящего времени:

12. part.praes. act. **stebīs* [*befstebintiēmus* dat.pl. m. DP 194₁₈, *bēstebis* DP 49₂];

13. part.praes. act. **dēvīs* [gen.pl. *dewincziū* DP 542₂₀ (inf. *dēvēti* ‘носить’, praes. 3.sg. *dēvi*; но лтш. *dēvēt* ‘nennen, für etwas ausgeben, wofür halten’)].

акутированные корни:

14. part.praes. act. **smirdīs* [*smirdincziēis* instr.pl. m. DP 145₂₀ (inf. *smirdėti* ‘плохо пахнуть, вонять’, praes. 3.sg. *smirda*; лтш. *smirdēt*)] : лтш. *smirdēt*, слав. **smǫrdėti*, praes.1.sg. **smǫrdiō*, 3.sg. **smǫrditi*);

15. part.praes. act. **tingīs* [*tingincziūiū* gen.pl. DP 384₁₂, *tingincziūiū* gen.pl. DP 385₃₉, *tingincziūiū* gen.pl. DP 387₂₁ (inf. *tingėti* ‘лениться’, praes. 1.sg. *tingiu*, 3. *tingi*)] : слав. **težāti* (< **teğėti*), praes. 1.sg. **tēžīō*, 3.sg. **tēžūt*, по-видимому, лишь в текстах Ю. Крижанича (см., прежде всего, [Гр.] и [Пол.]);

16. part.praes. act. **veizdīs* [*beweizdincziōs* gen.sg. f. DP 440₁₇, *weizdincziūiū* gen.pl. DP 590₁₆, *weizdintiēmus* dat.pl. m. DP 590₁₈ || *be weizdinti* DP 180₁₀ (inf. *veizdėti* ‘смотреть, глядеть’, praes. 3.sg. *veizdi*; но лтш. (диал. Эпреме) *viēdēt* ‘sehen’)] : др.-лит. praes. 3.sg. *priweizdis* DP 291₂₉ (*priveizdėti* ‘przyglądać’) ~ совр. лит. praes. 3. *veizdi* (inf. *veizdėti* ‘смотреть, глядеть; шупать (курицу)’).

2 Знак ударения плохо пропечатан, но все же, по-видимому, так, а не *prāldi*, как в [Kudzinowski].

Ē/a-глаголы:

17. (1.) inf. *mokēti* ‘уметь, знать; платить’: praes. 3.sg. *móka*; др.-лит. praes. 3.sg. **užmóka* [*vžmóka* DP 102₃₂, 270₃₂ ‘karać; zapłacić, płacić’ (совр. лит. praes. 3. *užmóka*; inf. *užmokėti* ‘заплатить, уплатить; поплатиться’) || part.praes. act. **mokāš* [*ne mokā* nom.pl. m. DP 389₂, *nemokączytių* gen.pl. DP 286₃₉, *nemokanczyū=|iū* gen.pl. DP 340₆₋₇ || acc.sg. m. *Nēmókanti* DK 106₁₄] || part.praes. pass. **užmókamas*, -à [*vžmokamá* nom.sg. f. DP 380₂₈] ~ лтш. *mācēt* ‘verstehen, können’;

18. (2.) part.praes. act. **skelāš* : др.-лит. *skelās* nom.sg. m. DP 359₃₉, *skelās* nom.sg. m. DP 481₃₄ (совр. лит. inf. *skelėti* ‘быть должным’, praes. 3. *skėli*; прусск. part. praes. *skellānts* ‘schuldig’ [*schkel|lānts* nom.sg. m. III, 41₁₆₋₁₇ ‘schuldig’; *skellants* nom.sg. m. III, 67₁₉ ‘schuldig’; *skellāntei* nom.pl. m. III, 37₇ ‘schuldig’; *skellāntai* nom.pl. m. III, 87₁₆ ‘schuldig’);

19. (3.) *kalbėti* ‘говорить’: др.-лит. praes. 1.sg. **nē kalbu* [*nēkalbu* DP 224₂₉]; 2.sg. **āpkalbi* [*āpkalbi* DP 285₂, 285₄]; praes.3. **nē kalba* [*nēkalba* DP 74₂₃, 138₁₅]; **āpkalba* [*āpkalba* DP 284₅₀] || part.praes. act. **kalbāš* [*kalbās* nom. sg. m. DP 121₁₈, 595₃₈, *bekalbanczēm* dat. sg. m. DP 159₁₂, *kalbanczėi* dat. sg. f. DP 547₁₆, *be kalbantėmus* dat. pl. m. DP 591₃₉ || *ne kálbafis* DP 339₂₀ (inf. *kalbėti* ‘говорить’, praes. 3.sg. *kalba*)] || part.praes. pass. **iškalbamas*, -à [*nē iškalbamus* acc.pl. m. DP 354₁₈, *nē iškalbamá* nom.sg. f. DP 241₁₂, 95₅, *nē iškalbamą* acc.sg. DP 420₄₂ || *ne iškálbamas* (Sic!) acc.pl. f. DP 489₃₅³;

20. (4.) *tekėti* ‘течь’: др.-лит. praes. 1.pl. **nē tekame* [*nē tekame* DP 543₂₈]; совр. лит. praes. 3. *pateka* (inf. *patekėti* ‘взойти; подтечь’); *suteka* (inf. *sutekėti* ‘слиться, стечься’);

21. (6.) *viskėti* ‘ruszać się’: др.-лит. praes. 3.[sg.] **nē viska* [*nėviska* DP 60₄₄]; совр. лит. praes. 3. *siuviska* (inf. *siuiskėti* ‘заколыхаться, заволноваться’);

22. (7.) **žibāš* [*ži=|bās* nom.sg. m. DP 593₃₈₋₃₉, instr.sg. m. *žibączyū* DP 265₁₄, *žibątimė* loc.sg. DP 258₃₅, *žibączyū* gen.pl. DP 622₁₉, *žibąnczėis* instr.pl. m. DP 120₃₉, 358₈, 509₁₃, *žibanczėis* instr.pl. m. DP 349₃₄ (inf. *žibėti* ‘блестеть, сверкать’, praes. 3.sg. *žiba*)].

ЛИТЕРАТУРА

- Андронов 2002: Андронов, А. В. Материалы для латышско-русского словаря. СПб., 2002 [<http://www.genling.nw.ru/Staff/Andronov/publicat/mono/lvru.pdf>].
 Апост.: Ст.-сербская рукопись начала XV в. «Апостол и въскреси евангелія» // НБКМ № 889 (по Цоневу).
 Вайан: Вайан, А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
 Гр.: Грамагично изказанье оу рѣскомъ језикѣ, поапа Јѳрка Крижаница, презвѣнцемъ Сѣрбланина, међду Кѣпоуѣ и вѣдноуѣ риками, во вјѣздехъ Бѣхѣца града, околъ Дѣвовца, Озальа и Рѣвника Острѣговъ / Писано въ Сибѣри / Лѣта 4300 / Издано Бодянскимъ. М., 1859 [Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги].

- Дыбо 2000: *Дыбо, В. А.* Морфологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М., 2000.
- Дыбо 2003: *Дыбо, В. А.* Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Дыбо 2008: *Дыбо, В. А.* Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балто-славянская акцентология // Аспекты компаративистики, 3. РГГУ, М., 2008. С. 537–608 [<http://starling.rinet.ru/Texts/verscharf.pdf>].
- Ев.-Апр.: Евангелие-Апракос (полный) [Сербская рукопись начала XV в. // РГБ, отдел рукописей, ф. 178, № 7364].
- Зогр.сб.: Сборник слов и житий [Восточноболгарская рукопись XIV в. // Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 171 (по Ильинскому), ранее была известна как: Зогр. № 103; под данным номером ряд отрывков этой рукописи был издан в: *Йорданъ Ивановъ*. Български старини изъ Македония. София, 1931]. Пол.: *Ю. Крижанич*. Политика. М., 1965 [Цифры обозначают страницы рукописи].
- Срезн.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труды И. И. Срезневского. Т. I (А–К): 1893; Т. II (Л–П): 1902; Т. III (Р–Я [фактически до Ъ]); Дополнения [А–Я]: 1903. Санктпетербургъ.
- Северьянов: Супрасльская рукопись. Томъ I. Трудъ Сергѣя Северьянова / Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ // Памятники старославянскаго языка. Томъ II, вып. I-й. Санктпетербургъ, 1904.
- Чуд.: Чудовский Новый Завет. XIV в. Цит. по фототипическому изданию: Новый Заветъ Господа нашего Ісуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси (изданіе Леонтія, митрополита Московскаго). М., 1892.
- III: третий прусский Катехизис — Enchiridion цитируется по изданию: *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos paminklai. T. I: 1966; T. II: 1981. Vilnius.
- de Vries: *de Vries, Jan*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.
- DK: Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas. Vilnius, 1995 [буква К (вместо № строки) указывает на колоннитул].
- DP: Postilla Catholica (Vilniuje 1599), цитируется по изданию: Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- Ērg.: *E. Kagine, S. Raģe*. Ērgemes izloksnes vārdnīca. 1. Sēj. (A–I): 1977; 2. Sēj. (J–P [pažvadināt]): 1978; 3. Sēj. (P [pēc] – Ž): 1983. Rīgā.
- Feist: *Feist, S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Fraenk.: *Fraenkel, E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I (A–priveikiuoti): 1962; Bd. II (priūkėti – žvolgai, Nachträge, Wortregister, Berichtungen, Nachwort): 1965. Heidelberg – Göttingen.
- Kudzinowski: *Kudzinowski, Cz.* Indeks-słownik do «Daukšos Postilė», T. I (A–N), T. II (O–Ž). Poznań, 1977.
- Kurschat DL: Deutsch-litauisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. 2 Teile. Halle a. S. I (A–K): 1870; II (L–Z): 1874.
- LKŽ: Lietuvių kalbos žodynas. I–XX, Vilnius, 1941–2002 [доступен online по адр.: <http://www.lkz.lt/startas.htm>].
- Meyer: *Meyer, Karl H.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935.

- Miklosich Lexicon: *Miklosich, Franz von*. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum. Windobonae, 1862–1865 [2. Neudruck: Darmstadt, 1970].
- Mühl. – Endz.: *K. Mülenbachs*. Latviešu valodas vārdnīca / Redīgējis, papildinājis, turpinājis *J. Endzelins* ~ *K. Mühlenbach*. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von *J. Endzelin*. I Sēj. (A–Īz): 1923–1925; II Sēj. (Ie–Or): 1925–1927; III Sēj. (Pa–Sv): 1927–1929; IV Sēj. (Ša–Žv): 1929–1932. Rīgā.
- Noreen: *Noreen, Adolf*. Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. Vierte vollständig umgearbeitete Auflage. Halle (Saale), 1923.
- Seebold: *Seebold, Elmar*. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague – Paris, 1970.
- Trautmann BSW: *R. Trautmann*. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- WH: *Walde, A., Hofmann, J. B.*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1930–1956.

СОКРАЩЕНИЯ

- Асс.*: Ассеманиево евангелие (цит. по [Вайан]).
- Зогр.*: Зографское евангелие (цит. по [Вайан]).
- Иппол. Антихр.*: „Иполита епискоупа съказанія о Христосѣ и о антихристѣ“, по рук. Чудова мон. XII в. *Невостр.*, стр. 1–109; *Сказ. антихр.*, стр. 5–35 (цит. по [Срезн.]).
- Клоуц.*: Клоцов сборник (цит. по [Вайан]).
- Мар.*: Мариинское евангелие (цит. по [Вайан]).
- НБКМ: Народна [с 6.VII.2009: Национална] библиотека „Свети Свети Кирил и Методий“. София.
- Невостр.: *К. И. Невоструевъ*. Слово св. Ипполита оъ антихристѣ въ Слав. перев. по сп. XII в. Москва, 1868 (сокращение [Срезн.]).
- РГБ: Российская Государственная библиотека. М.
- Сав., Сав. кн.*: Саввина книга (цит. по [Вайан]).
- Свѣд. и зам.: *И. И. Срезневскій*. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвестныхъ и неизвестныхъ памятникахъ; т. I (С.-Пб. 1867), т. II (С.-Пб. 1876), т. III (С.-Пб. 1879), т. IV (С.-Пб. 1880) (сокращение [Срезн.]).
- Сбор. Троиц. XII в.*: Сборникъ поученій XII в. библ. Троицко-Серг. лавры. — См. *Свѣд. и зам.*, т. II, стр. 196 и слѣд. — *Вопр. Ант.* — „Вопрошаніе кн. Антіоха“ (листь 188 и слѣд.). — *Исид. Пилус.* — „Блаженнаго Исидора Пилусинскаго разоуми“ (л. 175). — *Петр. о постѣ* — „Петра недостойнаго съказаніе о постѣ“ (л. 56–59). — *Пов. и откр. Архип.* — „Повѣсти и откровеніе“ прп. Архипа (л. 38 и слѣд.). — *Сл. богат. и Лазар.* — „Слово о богатѣ и о Лазарѣ“ (л. 2–5). (цит. по [Срезн.]).
- Син. пс.*: Синайская псалтирь (цит. по [Вайан]).
- Сказ. антихр.: *И. И. Срезневскій*. Сказанія оъ антихристѣ. С.-Пб., 1874 (сокращение [Срезн.]).
- Супр.*: Супрасльская рукопись (цит. по [Вайан; Мейер; Северьянов]).
- Эргеме = Erg̃.

K, [K]: Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Hale a. S. 1883. (*Žymimas tik K, o [K] dedamas prie žodžių, kurių tikrumu Kuršaitis abejoja ir rašo juos laužtiniuose skliaustuose*). Deutsch-litauisches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. 2 Teile. Halle a. S. I: 1870, II: 1874. (Skaitmens rodo dalis ir puslapius.) (сокращение [LKŽ]).

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОСЕССИВНОСТИ В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Основу данных конструкций составляют сочетания слов со словообразовательными формантами *-ow-*, *-in-*, *-n-* и определяемыми ими существительными. При этом деривационная морфема *-ow-* связана со значением мужского рода, *-in-*, *-n-* — женского рода (в.-луж., н.-луж. *nanowy dom*; в.-луж. *sotřina kniha*, н.-луж. *sotšine knigty*; в.-луж. *mašerne młoko*; н.-луж. *taminy (maševiny, matcyny) żywot*; от единственного слова среднего рода (в.-луж. *džěčo*, р. п. ед. ч. *džěšća*) образуется слово с формантом *-ow-* — *džěšćowu*.

Группа слов с формантами *-ow-*, *-in-*, *-n-* серболужицкими грамматистами оценивается по-разному. Одни характеризуют данный тип слов как особую группу прилагательных, а именно — собственно притяжательные прилагательные [Šewc 1976: 100], другие предлагают рассматривать их как факультативные (адъективные формы) варианты существительного [Lötzsch 1965: 377–379]. Третьи выделяют данную группу слов в особую часть речи — так называемые посессывы [Fasske 1981: 381]. В данной статье мы пользуемся именно этим термином — посессывы — относительно слов с указанными выше формантами.

Причиной различных оценок так называемых посессывов явились не только их семантические и морфологические свойства, но также и синтаксические особенности, проявляющиеся в том числе и при образовании разного типа синтагм и конструкций со значением посессывности. Кроме синтагм *посессыв + существительное* как основного, наиболее распространенного типа конструкции с посессывным значением, в серболужицком языке возможны различного рода расширения этого базисного типа синтагм посредством элементов атрибутов (прилагательные, адъективные местоимения), которые определяют уже сам посессыв. Ср. *nanowy dom* (дом отца) и *mojeho nanowy dom* (дом моего отца), где атрибут посессыва (притяжательное местоимение) выступает в форме Р. ед.

Своеобразие грамматической организации посессивов определяется особым сочетанием их словоизменительных и синтагматических особенностей, то есть морфологической формой. По своей внешней форме (присутствие деривационных и словоизменительных морфем) они сходны с прилагательными. Формы их согласования с определяемыми ими существительными указывают на свойственные им словоизменительные морфологические категории рода, числа и падежа. Ср. в.-луж. И. ед. *nanowy dom, sotřina kniha*, Р. ед. *nanoweho doma, sotřineje knihi*, Д. ед. *nanowemu domej, sotřinej knize* и т. д. Подобно прилагательным, они выступают в роли атрибута и предикативного определения: ср. в.-луж. *...da dajće kejžorej; schtož je kejžorowe* [Biblia 1728, М. XII, 17], а также н.-луж. *sotřina zahroda — zahroda je sotřina*. Но, в отличие от качественных прилагательных, посессивы не образуют степеней сравнения, так как лишены значения качественности; как и относительные прилагательные, они не выступают в позиции предикативного дополнения.

Другие особенности посессивов — синтагматические — связаны с их семантикой, с ролью базисной морфемы посессивов. Посессивы выражают принадлежность одному определенному лицу (существу), обозначенному базисной морфемой существительного, от которого образован посессив, и не могут обозначать множественного посессора. В сочетаниях типа *wotcowe starosće* (отцовские заботы) или *mužowy woblek* (мужская одежда) слова с формантом *-ow-* приобретают значение качественного отношения к кому-нибудь или чему-нибудь. И в этом случае часто выступают конструкции с соответствующим существительным в форме Р. мн.

Указывая на конкретное лицо, посессивы приобретают индивидуализирующее значение и в этом смысле обнаруживают некоторое сходство с притяжательными и адъективными местоимениями типа в.-луж. *mój, twój, naš, waš, swój; tón, ta, to/te...*; н.-луж. *moj, twoj, naš, waš, swoj; ten, ta, to...* Эти местоимения не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством указания его владельца [Виноградов 1947: 191].

Конструкции *посессив + существительное* конкурируют с сочетанием, включающим форму Р. ед. существительного, референтом которого является посессор. Ср., например, *nanowu* (посессив) *potocnik* и *potocnik nana* (Р. ед. сущ.).

Возможность такой конкуренции структур с посессивным значением обусловлена общим для обоих типов конструкций значением *отношение к данному лицу, личностная, индивидуализирующая принадлежность лицу*, на которое в одном случае указывает посессив, в другом — существительное в форме Р. ед. Однако замена конструкций с посессивом конструкцией с формой Р. ед. существительного невозможна в случаях, когда посессив выступает в функции предикативного определения. Например, *ta prjenja (róža) bješe nanowa* [Volkslieder

1953: 180], но не *ta prjenja (róža) bješe nana*. Отметим также, что посессив в глубинной структуре восходит к существительному в отыменном Р. ед. (*syn wučerja* → *wučerjowy syn*), хотя не каждое существительное в отыменном Р. ед. трансформируется в посессив. Это обстоятельство, наряду с другими, является одним из основных аргументов против того, чтобы рассматривать посессив в качестве факультативного комбинаторного варианта существительного [Lötzsch 1965: 377–379; Fasske 1981: 384], хотя и существует возможность прономинализации посессива притяжательным или личным (субстантивным) местоимением (ср. *To je nanowa kniha — wón (nan) w njej čita*).

Ср. широкое употребление базовой конструкции *посессив + суш.* с посессивным значением и, наряду с ними, посессивных конструкций с существительным в Р. ед.: в Библии 1670 г. — *Jakuba Zebedeoweho syna* [Mat., М. 19], *pschindžechu do Symonowei a Handriowei cheiže* [М. I, 29]; *A Symonowa macž leižasche...* [М., I, 31]; *wuhlada won Levi, Alphaoweho Syna* [М. II, 14]; ... *z Herodessowemi sluschobnikami* [М. II, 6]; ... *a Jana Jakuboweho bratra* ... [М. III, 17] — *predařa blos* [Mat. III, 3], *čłóweka Syn* [М. II, 9]; в Библии 1728 г.: ... *Krystus je Dawitowy syn* [М. XII, 35] — *Ja syn Boh Abrahama, a Boh Jsaaka, a Boh Jakuba* [М. XII, 26]; ср. также конструкции с посессивами в современном литературном языке: в.-луж. в [Chr. 1981]: *mužowe hawtowanje* (ворчание мужа) — с. 545, *Krawcowy blos* (с. 560), *pastyrjowy pohlad* (с. 536), *dudakowy řečnik* (с. 535); ... *podla džědoweho różowca* (с. 545), *Lutherowy přeložk* (Библие с. 504), *Reissenbergowy chłěb* (с. 530), ... *worjoł běše stary Krabatowy towarš* (с. 520) и конструкции с Р. ед.: *Nan wučerja* (с. 537).

Все посессивы, имеющие ярко выраженное значение принадлежности одному конкретному лицу, указывают на обладание в широком смысле слова. Референт существительного, от которого образован посессив, может указывать на автора субстанции, с которой связан посессив, сама субстанция может представлять собой результат соответствующего действия лица, на которое указывает посессив, или на номинализированную пропозицию [Fasske 1981: 386]: ср. ... *tutón wosobinski Lutherowy naklad...* [Chr. 1981: 505], *Lutherowy přeložk* [Chr. 1981, 504], *nanowy hněw*; *w biskopowej přijimowarni* [Chr. 1981: 542].

Конструкция с посессивным значением, образованная сочетанием посессива с определяемым им существительным, может быть расширена с помощью атрибута (притяжательного местоимения, прилагательного, существительного), определяющего сам посессив. В результате такого расширения в составе элементов конструкции образуется структура с атрибутом, предшествующим посессиву. Ср., например, *Tak je boža mudrosć nas lačnych ... wopřijata a... wokošuje serbski rôt přez Michała Frenclowe mudre pjero* ... [Chr. 1981: 41] — «Так Божья мудрость нас жаждущих... охватила и... целует всех сербов благодаря мудрому перу Михаила Френцеля»; *wučerja Zarjenkowa zahroda* ‘сад учителя Заренка’, *mojej sotřine džěći* ‘дети моей сестры’, *na bohateho*

mtynkowe dźěčo pohladać ‘посмотреть на ребенка богатого мельника’ [Šewc 1976: 100], *našeho wučerjowa dźowka* ‘дочь нашего учителя’.

Формирование такого рода расширенных конструкций обусловлено определенными правилами связи отдельных элементов подобных структур. Если связь элементов базисной части конструкции — посессива с определяемым им существительным — определяется правилами их согласования в роде, числе и падеже благодаря действию соответствующих словоизменительных грамматических категорий рода, числа и падежа, то связь атрибута, расширяющего базовую часть посессивной конструкции с определяемым им посессивом, обусловлена действием селективных логико-грамматических категорий. К ним относятся категория рода существительного (род существительного и его грамматическое значение, выраженное определенной формой, определяется базисной или деривационной морфемой), грамматические категории одушевленности–неодушевленности, личности–неличности. Действие этих категорий находит выражение в форме атрибута посессива в рамках расширенной посессивной конструкции: он всегда выступает в форме Р. ед., так как по числу и роду он связан с референтом посессива, который в своей глубинной структуре восходит к отыменному посессивному родительному падежу. Таким образом, синтаксическая связь атрибута посессива с посессивом определяется характером базисной морфемы посессива: от нее зависит выбор деривационной морфемы посессива, соответствующей роду того существительного, от которого образован посессив. С базисной морфемой связано также единичное, индивидуализирующее значение посессива, указывающего на конкретное, определенное лицо (ср. в.-луж. *kowar* — *kowarjowy*, *mtynk* — *mtynkowy*, *prěcelka* — *prěcelcynu*, *Hilža* — *Hilžiny* (реже речь идет о животном)). Референт, соответствующий посессиву, является единичным по своему характеру. Это определяет тот факт, что атрибуты посессива в расширенной конструкции *атрибут* + *посессив* + *существительное*, независимо от числового значения его формы, выступают в форме единственного числа. Ср. *mojeho* (ед. ч.) *nanowu* (ед. ч.) *bratr* — *mojeho* (ед. ч.) *nanowu* (дв. ч.) *bratroj* — *mojeho* (ед. ч.) *nanowe* (мн. ч.) *bratroja* [Fasske 1981: 381–384].

Хотя падежная форма посессива, определяемая атрибутом, связана с синтаксической функцией существительного, лежащего в основе посессива, не каждое существительное в форме отыменного родительного может быть трансформировано в посессив и не всегда посессив может конкурировать с формой родительного падежа (см. выше). Так что посессив исключает необходимость формально-грамматического согласования, которое наблюдается у существительного как аргумента с его несубстантивным логическим предикатом (Gr. 1981: 384). Кроме того, невозможна трансформация в посессив существительного в отыменном Р. п., если референт существительно-

го не указывает на определенный индивидуум типа *prawa mužow* (но не *mužowe prawo*).

Посессивные конструкции типа *атрибу́т + посессив + существительное* дают возможность установить отличия посессивов от собственно прилагательных. Атрибу́т прилагательного не располагает морфологическими средствами для выражения грамматических категорий рода, числа и падежа. Ср. *rjenje wysoky dom, žalostnje hluboka studnja, jara rjane wjedro* [Fasske 1981: 382, 384]. Атрибу́ты, выражающие эти категории, связаны только с существительными — *rjany dom, žalostna studnja*. Посессивы, в отличие от прилагательных, допускают возможность прономинализации, то есть замены посессива соответствующим притяжательным или субстантивным (личным) местоимением (см. выше).

Конструкции с посессивом, определяемые атрибу́том, распространены в в.-луж. литературном языке (хотя и не являются очень употребительными). Они не свойственны н.-луж. литературному языку. Для в.-луж. и н.-луж. литературных языков в большей степени характерны неатрибуированные посессивы, которые в ряде случаев успешно конкурируют с тождественными по функции формами отыменного Р. ед. Ср. н.-луж. *přez Lejnikowe wrota, k maminej postoli, maminu ruku, słyńco mamineje lubosći, Pawołowy gere — w knižkach Fryca Rochy, kšikanje małého Wyloma* [Młynkowa 1959]. Неатрибуированный посессив отмечен в собственно верхне- и нижнелужицких диалектах, а также в диалектах переходной зоны. Например: в.-луж. *holčyny nowy dwor, na holčynu komorku, Jankowy konik, Jankowy peršćen, z móńkowej džówku, pastyrjowa žona* (наряду с *džowka maćerje*), *mótercyne scókanje* [Volsklieder 1953], *w Motsowej stwě, Motsowe wobsydstwo, z Knjezowej ruki, pastyrjowy a rólnikowy puć, ...ale z wuměnenjom Matejoweje a Zejlerjoweje gramatiki a Swětlikoweho słownika, Zwahrowy słownik, krasnosť Zejlerowych basnjow, přěnja zasada Fichtoweho idealizma, sčěwki Schopenhaueroweje metafyziki, přetožk žarowskeho Serba Jakubicy* (Р. ед.), *Lutheroweho rowjenka, Lutherowy přetožk, biskopowy faktotum, Korjatkowa džiwna lubosć, Hansowe wobličo, Hansowy głos* [Chr. 1981]. Ср. в н.-луж. диалектах *tej góspozynej mamje* (Мост), *do njewjesćinego weza* (Гроджишчо), *do nawoženjoweho domu* (Милкецы), *nanowe koloso* (Бурковы, Прьявоз, Турнов, Шейнейда и др.), в переходных говорах — Птачецы, Бури, Спръёве, Нарч, Черны Холмец и др.) [СЛА, 15: 67].

Конструкции, включающие атрибу́т посессива, типа *mojeje sotřiny džěči* ‘дети моей сестры’, *knjeza wučerjowa kniha* ‘книга господина учителя’, *staršeho synowe awto* ‘машина старшего сына’ свойственны не только в.-луж. литературному языку, но и собственно в.-луж. диалектам, где они так же, как и конструкции с неатрибуированным посессивом, предпочитают структурам с Р. ед.

В переходных диалектах случаи употребления конструкций с атрибуированным посессивом являются единичными. Ср. в говоре

Терпе — *to jo našogo nanowo koleso*, в говоре Чорны Холмц — *to je naše nanowo koleso*.

В собственно в.-луж. диалектах примеры на подобного типа синтагмы с атрибутом посессива (*прилагательное или адъективное местоимение + посессив + существительное*) зафиксированы в 81 случае. Ср., например, *to je tej starej žoniny woblek, to jo našo nanowo koleso* (Гора), *to je stareje žoniny mantl, to jo našo nanowo koleso* (Радвор), *tam steji mojo nanowo koleso, starej žoniny mantl* (Брежки) [СЛА, 15: 68], *To jo našo Pawlowe kholowe* (Любхосч).

В определенных позициях, при условии, что посессив выражен формой единственного числа, в разговорном языке, в диалектах, а также в в.-луж. литературном языке наблюдается явление аттракции, то есть формальное выравнивание по падежу атрибута и определяемого им посессива. Ср., например, *Twarski mistrowy syn* [Стружа], *na mojim nanowym dworiam steja rajtarjo* [Volkslied 1953: 169]; ...*Partnikee Liza chodži we wašej žoninej drasće* [Młynkowa 1967]; в.-луж. диалектное — *naše nanowe/nanowo koleso* (Кребья) вместо *naš(eh)o nanowe koleso*; *naše bratrowe/bratowo džěci* (Клитно; Лескей); *moje nanowe/nanowo koleso* (Мучов); *moje bratowe/bratowo džěci* (Немцы, Любхосч), *Naša nanowa mać je wjele płatu měla...* (Дельня Кина) и другие примеры. Как отмечается в [СЛА, 15: 68], аттракция наиболее распространена в синтагмах типа *адъективное местоимение + посессив + определяемое существительное* и менее вероятна в конструкциях, где атрибутом посессива выступает прилагательное.

Только в 13 случаях вместо конструкции с посессивом зафиксирована структура с беспредложным или предложным Р. ед. типа *to teje stareje žony mantl* или *Tam jo to staro nana koleso* (Бьервалд); *To jo starej žone woblek* (Дубрьенк); *To je mojeho nana koleso / To su mojeho bratra džěci / To je teje stareje žony mantl* (Любхосч) — *To je wot teje stareje žony tón plăć* (Серньяны), *To je wot stareje žony mantl* (Поршицы).

На территории распространения собственно в.-луж. диалектов соотношение конструкций с посессивным значением, включающих посессив, и конструкций с отыменным Р. ед. (так называемого посессивного) определяется как 85 : 13 [СЛА, 15: 68]. В некоторых в.-луж. говорах конструкции *прилагательное + посессив + существительное* вообще не отмечены, и атрибутированное существительное, обозначающее посессора, имеет здесь форму отыменного родительного падежа.

В собственно н.-луж. диалектах посессив всегда определяется не прилагательным, а существительным в форме отыменного родительного.

В редких случаях в в.-луж. литературном языке, чаще в в.-луж. разговорном языке, в синтагмах с посессивным значением типа *атрибут посессива в форме Р. ед. (с предлогом) + посессив + существительное* атрибут-существительное остается несклоняемым. Ср., на-

пример, *Po wučer* (вместо *wučerja*) *Rychtarjowej wučbje jo so mi stajnje styskało* [Kubašec 1949].

Только в собственно верхнелужицких диалектах в 31 случае зафиксированы конструкции с двумя следующими друг за другом посессивами, из которых один является атрибутом другого. Эти конструкции представляют трансформацию двойного отыменного Р. ед., то есть структура типа *džěći bratra [našeho] nana* → *nanoweho bratrowe džěći* (*džěći nanoweho bratra*), реже — *našeho nanoweho bratrowe džěći* [СЛА, 15: 70–72].

Конструкции с двойным посессивом могут употребляться без атрибута — прилагательного при одном из посессивов. Ср., например, *To su nanowe bratrowe džěći* (Кребъя), *nanowo bratrowo hólcy su moje kóženki* (Шунов)¹.

Состав форм в синтагмах с двойным посессивом может быть различным: **1 тип** — *адъективный атрибут в форме Р. п. + посессив в Р. п. + посессив + существительное* (ср. *našeho nanoweho bratrowe džěći* ‘дети брата нашего отца’ зафиксирован в редких случаях; **2 тип** — *адъективный атрибут в форме Р. п. + посессив + посессив + существительное* (ср. *našeho nanowo bratrowo hólcy*); **3 тип** — *адъективное местоимение — атрибут в И. п. + посессив + посессив + существительное* (ср. *moje nanowo bratrowo džěći* — Ральбицы).

Вероятность применения конструкций с двумя посессивами связана с наличием или отсутствием атрибута при первом посессиве, определяющем следующий за ним посессив. Присутствие такого атрибута уменьшает возможность употребления конструкции с двумя посессивами. Ср. *našo nanowo bratra džěći* (Липич); *mojeho nana bratrowo džěći* (Гбьелск); *wot mojo nana bratrowo hólcy*, но и *wot nanoweho bratra synu* (Серньяны). Ср. также конструкцию без посессивов — *mojo nana bratra džěći* (Рыхвалд) — с двумя формами посессивного родительного падежа. Синтагма типа *mojeho nana bratrowe džěći* отмечена только в говоре Гбьелск.

В собственно н.-луж. диалектах и переходных говорах конструкций с посессивом, определяемым другим посессивом, не наблюдается. Исключение составляет пример из говора Кособуз — *fóterowe bračowe žiši*. В этих диалектах атрибутирование посессива возможно исключительно с помощью существительного в форме Р. п. Для мужаковского и слепянского диалектов типична конструкция (*našogo*) *nana bračowe žiši*. На севере собственно нижнелужицкой диалектной территории и в некоторых пунктах шпрейчанского, воеровского и центрального пограничного диалектов зафиксированы примеры

1 Сочетания форм *nanowe bratrowe džěći* свидетельствуют об аттракции по падежу: они указывают на И. мн. (вместо *nanow[eh]o bratrowe džěći*). Форму *nanowo* нельзя определить однозначно: она может быть определена как результат редукции формы Р. ед. *nanoweho* или как форма И. мн., в которой представлено изменение конечного *e* → *o* в позиции после лабиального [СЛА, 15: 71].

типа *nanowego braća žiši*, то есть без адъективного или местоименного атрибута посессива. В остальных говорах отмечены конструкции, где обозначение посессора имеет форму отыменного Р. п.

Конструкции, включающие посессивы, в н.-луж. диалектах наблюдаются в небольшом числе примеров и могут быть двух типов: **1 тип** — *посессив + существительное в отыменном Р. п.* Например, *To su nanoweg braća žiši* (Заброд); **2 тип** — *существительное в отыменном Р. п. + посессив*. Например, *Fotera braćowe žiši su doma* (Радуш). Однако преобладают конструкции без посессивов. Например, *nana braća gelcy* (Шкадов), *mejog fetera braća žiši* (Копец), *wyt nana braća žiši* (Вьербно). Соотношение конструкций с посессивным значением, включающих посессив, и без посессива (то есть с существительными в форме Р. п.) в СЛА определяется как 18 к 25; в собственно в.-луж. диалектах — как 33 к 7.

Таким образом, особенности употребления так называемых посессивов в серболужицких литературных языках и диалектах свидетельствуют о правомерности выделения этих слов со словообразовательными формантами *-ow-*, *-in-*, *-n-* в особую часть речи (см. [Fasske 1981: 381–388]), хотя анализ грамматико-семантического содержания данных слов на материале не только верхнелужицкого, но и старославянского, сербскохорватского и словацкого языков приводил к неоднозначным оценкам: их или относили к классу прилагательных (собственно притяжательных со значением «индивидуальной принадлежности»), или считали парадигматическими (адъективными) формами существительных. Впервые слова данного типа были представлены как особая часть речи в «Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка» [Фасске 1981] на основе концепции, особенностью которой является подчеркивание не только тесной связи парадигматики и синтагматики слова, но и роли слова как объекта изучения синтаксиса [Ермакова 1989: 196–206]. На этой основе было бы интересным сравнительное изучение так называемых притяжательных прилагательных в славянских языках, в том числе и в русском (притяжательные прилагательные типа *отцов, сестрин*), где индивидуальная, единичная принадлежность уже не выделяется грамматически как основной отличительный признак предмета, а выражение отношений притяжательности между лицом или группой лиц синтаксически закреплено за формой родительного падежа существительного единственного или множественного числа, указывающей на посессора [Виноградов 1947: 193]. Развитие значения качественности и устранение оттенка принадлежности определяют тяготение притяжательных прилагательных данного типа к слиянию со словами с качественно-относительным значением [Виноградов 1947: 197], но явно выраженный характер личностной принадлежности мешает действию этой тенденции.

В серболужицком языке судьба посессивов в определенной степени обусловлена изменением в формальной связи элементов в по-

сессивных конструкциях, в состав которых входит атрибуированный посессив. Наблюдаемое здесь явление аттракции «подрывает» главную особенность связи элементов в синтагмах, для которых характерно отсутствие формального согласования определяемого и определяющего слова. Важным фактором является почти полное отсутствие посессивных конструкций с атрибуированным посессивом верхнелужицкого типа в н.-луж. литературном языке и диалектах, особенно в свете изучения вопроса об изучении генетических связей верхне- и нижнелужицких диалектов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ

- Виноградов 1947: *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
- Ермакова 1989: *Ермакова М. И.* Новый этап в изучении морфологии верхнелужицкого литературного языка (Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981) // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.
- СЛА, 15: Sorbischer Sprachatlas. T. 15. Bautzen, 1996.
- Biblia 1670: S. Matthaeus und S. Markus. Wie auch Die drey allgemeinen Haupt-Symbola in die Oberlausitzische Wendische Sprache Mit Fleiß übersetzt... durch Michaelen Frentzeln, Pfarren zu Postwitz. Bulifin, 1670.
- Biblia 1728: Biblia, To jo, Zyle Sswjate Pissmo Stareho a Noweho Sakona, predy do njemskeje, wot D. Mertena Luthera, njetko pak do Horneje Lužiskeje serbskeje recze se wschitkej sswernoscju a prozu wot Njekotrych Evangelikich Prjedarjow pscheložena. Wot Davita Richtarja, knihow kupza sałožena, czischczana w Budeschini, 1728.
- Fasske 1981: Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981.
- Chr. 1981: Sorbisches Lesebuch. Leipzig, 1981.
- Kubašec: *Kubašec Marja*. Row w serbskej holi a druhe powědančka. Budyšin, 1949.
- Lötzsch 1965: *Lötzsch R.* Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteile // Forschungen und Fortschritte. Berlin, 1965, 12.
- Młynkowa 1967: Młynkowa Marje: Dny w dalinje. Budyšin, 1967.
- Šewc 1976: *Šewc-Schuster H.* Gramatika hornjoserbskeje rěče. 2. Zwjazk, syntaksa. Budyšin, 1976.
- Volkslieder 1953: Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von Leopold Haupt / Johann Ernst Schmalzer. Berlin, 1953.

Можно ли лишить права говорить ВИНОГРАДНЫЕ ГРОЗДЯ?

Путем данной небольшой спекуляции мы попытаемся усомниться в общепринятом значении псл. **otrokъ* (> русск. *отрок*) и в некотором смысле вернуться к дискуссии 50-х — 70-х годов прошлого века. Как правило, этимологи, исходя из семантики корня *-rek-/rok-* ‘говорить’, приписывают этому слову в качестве первоначального значение ‘не говорящий’ → ‘не имеющий права говорить’ ([Фасмер III: 172–173; Черных I: 611] и др.). Вот как объяснял это значение О. Н. Трубачев: «Этимология слав. **otrokъ* проста и понятна. Это сравнительно позднее славянское образование мужского рода, сложение приставки *ot-* и *rok-*, ср. слав. *rekti* ‘говорить, сказать’. Таким образом, *otrokъ* = ‘не говорящий’, вернее, ‘тот, кому отказано в праве говорить’. Слав. *otrokъ* обозначало юношу, подростка, который еще не получил права голоса зрелого мужчины» [Трубачев 2006: 47].

Тем не менее, видимо, не всем такое объяснение семантики псл. **otrokъ* казалось «простым и понятным», что и послужило причиной возникновения в свое время не только попыток других ее истолкований, но даже и гипотез о другой морфемной структуре этого слова. Так, К. Мошинский связывал его с ц.-слав. *trъkъ* ‘бег’, члена как *o-trokъ*, приписывая ему значение ‘гонимый, посыльный’ (*goniec*), дословно ‘бегущий вокруг’ (*obiegacz*) [Moszyński 1952: 200–201], а отсюда объяснял и значение ‘слуга’ [Moszyński 1955: 132–133]. А. С. Львов предложил членить *otrokъ* как *o-trokъ*, также с префиксом *o-*, который «выступает в значении направления действия в сторону, так же как в ст.-слав. *оходити*», суффиксом *-okъ* (как в ст.-слав. *видокъ, съвѣдокъ, ходокъ*) и корнем *-trъ*, «который обнаруживается в словен. *tírta* ‘ивовый прут’, ‘вица’, а также в вост.-слав. языках, где «слова с корнем *tor/*tъr* сохранились в значениях ‘растение’, ‘палка’, ‘сук’, ‘отросток’, ‘потомок’...» [Львов 1969: 184]. Обе гипотезы, однако, подверглись серьезной критике Ф. Копечного [Копечный 1968: 56–60; Кореšný 1973]. Отверг

Копечный и гипотезу (или, как он ее назвал, «догадку») Л. Садник о том, что «можно исходить из *rokъ*, обозначающего какой-то отрезок времени» ('Knabe unter einer bestimmten Altersgrenze'). По мнению Копечного, она «наталкивается на следующее препятствие: слово *rokъ* относительно поздно засвидетельствовано в таком значении» [Копечный 1968: 60]. Позднее Копечный признал это возражение малосущественным, однако отверг гипотезу Садник уже по другой причине — с позиций словообразования: по его мнению, Садник исходит «из несуществующей словообразовательной процедуры (*s neexistujícím derivačním postupem*) *rokъ* → *ot-rokъ*» [Кореčný 1973: 111]. Сам Копечный предложил рассматривать **otrokъ* в качестве отглагольного образования, а именно образования от гл. **otrekti* в значении 'отречься, отвергнуть' ('*zřeknutí se/odmítnutí*'). Таким образом первоначальным значением **otrokъ* получалось бранное наименование ребенка («*odmetek*»), которое затем **нейтрализовалось и получило** значение 'ребенок вообще' ('*dítě vůbec*') [Кореčný 1973: 111–112]. Такая трактовка образования этого слова кажется вполне логичной с точки зрения теории современного синхронного словообразования, вопрос только в том, насколько характерными были подобные процедуры отглагольного словообразования в ту, несомненно, весьма древнюю, эпоху, когда возникло слово **otrokъ*. Или все же предпочтительней рассматривать его как относящееся к древнему типу именно-го сложения с префиксом (к «префиксальному сложению»)?¹

Рассмотрим еще раз псл. **otrokъ* с точки зрения семантики его морфем и процедуры словообразования.

Как мы старались показать в статье 1997 г.², основываясь на анализе не только словарных, но и контекстных значений слов с корнем *-rek-/rok-* в «классических» старославянских рукописях X–XI вв., значения этих слов гораздо менее были связаны с семантикой 'говoreния' и гораздо более с семантикой 'ограничения, упорядочивания, определения'³, чем это принято считать [Ефимова 1997: 22–30]. В образованиях с префиксом *otъ-*, вследствие соединения с приватив-

1 Данная трактовка казалась, видимо, более правдоподобной и Р. Айцетмюллеру. Ср.: «Alle diese Bedeutungen (слов *urokъ*, *obrokъ*, *zarokъ* — В.Е.) setzen ein *rokъ* „Festgesetztes, Bestimmtes“ voraus — es existiert ja auch tatsächlich in allen Sprachen — und sind in ihren Schattierungen durch Präfixe bestimmt. Warum sollte es nicht auch ein *otrokъ* „von etwas Festgesetztem weg, unter oder über einer bestimmten Grenze“ gegeben haben?» [Aitzetmüller 1974: 157–158].

2 Статья была написана в 1993 г. и сдана в ж. «Славяноведение», а с выходом из печати в 1994 г. «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой в нее были добавлены ссылки и на этот словарь (что, впрочем, не изменило содержания статьи).

3 Данную семантику следует, видимо, считать исконной, на базе которой в славянских, как и в некоторых других и.-е. языках, развивались значения, связанные с речью. Покорный «выводил» значение этого корня как 'anordnen' ('располагать в определенном порядке') [Pokorný 1959: 863].

ной семантикой префикса, доминируют значения ‘освобождения от чего-либо, расставания с чем либо’ [Ефимова 1997: 24]. Из 17 употреблений гл. **отъреци** в «классических» старославянских рукописях только в одном случае (в Сборнике Клоца 2b 9) употребление этого глагола связано с речью. Переводит гл. **отъреци** не только ἀπαγορεύω и παραιτέομαι, уже в греческом языке получившие развитие семантики к обозначению речи определенного типа, но и ἀθετέω, и ἀποτάσσομαι, чьи значения с речью связаны не были [Frisk II: 859; 897–898]. Тем не менее авторы старославянских словарей (видимо, под влиянием последующей сильной актуализации семантики ‘говoreния’ у корня *-rek-/-rok-* в славянских языках) в словарных статьях гл. **отъреци** ставят значение ‘ответить’ на первое место [Словарь 1994: 433; SJS II: 614]. Заметим попутно, что Копечный, отвергая гипотезу Л. Садник на том основании, что слово **рокъ** в значении ‘срок’ (*‘Termin’, ‘Ihūta’*) засвидетельствовано относительно поздно, был неправ: в древнейшей старославянской рукописи XI в. — Синайском евхологии — ст.-слав. *рокъ* употреблено дважды именно со значением ‘временной границы’. Ср., например: *πάσι γάρ ἀνθρώποις τὸ κοινὸν τὸν ὅρον τοῦ βίου πληρωθήτω. — в’сѣмъ во чѣмъ овѣщанихъ оучинилъ еси рокоу житиѣ съкончавъшю сѧ.* Euch 58a 17. Ст.-слав. **рокъ** всегда переводит греч. ὅρος, которое в соответствии с семантикой ‘ограничения’, свойственной корню *ор-о-* (*‘Grenze’, ‘Termin’, ‘Bestimmung’* и т. п. [Frisk II: 425–426]), имеет значение ‘граница’, ‘предел’, ‘рамки’ (в том числе и временные, и возрастные — ср. γάμον ὅρος). Таким образом, приписывать корню *-rok-* в достаточно древнем праславянском образовании **otrokъ* семантику ‘говoreния’ по меньшей мере не больше оснований, чем неречевую семантику ‘ограничения, упорядочивания, определения’.

Далее. В упомянутой статье Л. Садник, опубликованной в 1954 г., автор связывает **otrokъ* со ст.-слав. **отрочникъ** ‘незрелая виноградная гроздь’. Последнее известно по употреблению всего в двух текстах — в Слове патриарха Фотия в старославянской Супрасльской рукописи XI в. и в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского. Последнего текста в собственно старославянской рукописи не сохранилось, но он дошел до нашего времени в списке (1263 г.) сербского и нескольких списках русского изводов. Поскольку для нас важно и значение этого слова, и его написание, приведем здесь оба эти пассажа. В Супрасльской рукописи **отрочникъ** употреблено в переносном значении при переводе греч. ἐπιφυλλίς (тоже в переносном значении): *πῶς δὲ προσκαρτερεῖς μὲν τῷ γράμματι, τὸν νοῦν δὲ τῶν γεγραμμένων ἀθετεῖς, καὶ τὴν μὲν ἐπιφυλλίδα τοῦ νόμου ῥωγολογεῖς...; — како ли вьлежиши книгахъ . разоума написаныхъ ослοушаа сѧ . и отрочникы закона събирахши . а истовокъ грозновыкъ вѣрати . попоуштахши.* Супр 334,30–335,1. В Шестодневе **отрочникъ** переводит греч. ὄμφαξ в прямом значении: *Ἡ ρίζα τῆς ἀμπέλου· τὰ κλήματα*

ἐν κύκλῳ εὐθαλῇ καὶ μεγάλα ὑπὲρ γῆς κεχυμένα· ὁ βλαστός, οἱ ἔλικες, ὁ ὄμφαξ, οἱ βότρυες. — корень вин'нын винникь ѡкрогѣтъ лѣже (вм. гыжа) възрастъ велико . и выше землѣ въшедѣ велми . лѣторасль закон ѡтрочници . гроздови. Шест 104d 22; корень вин'нын, и вин'ничье, ѡкрѣгъ гыжа възрасте, велико и выше землѣ въшедѣ велми . лѣторасль закон . Ѡрочници гроздове, ... Шест-Бар 100a 7.

В ESJS ст.-слав. *otroč'nikъ* предлагается рассматривать «как дериват от гл. *otrešti* 'отказаться, отвергнуть' (*odřici, odmítnout*)». Мотивация наименования *otroč'nikъ* в ESJS объясняется тем, что оно называет виноградные гроздья «отвергнутые», отсроченные, оставленные на более позднее время [ESJS 10: 605]⁴. Л. Садник считала ст.-слав. **отрочъникъ** словом, образованным переводчиком, при этом видела два возможных пути его возникновения: 1) слово представляет собой полностью продукт словотворчества переводчика для создания славянского наименования незрелого винограда (Herling) на базе корня *rok-*, имеющего среди прочих значение 'срок' („Termin“), префикса *ot-* („ab, weg, von“) и суффикса *-in-ikŭ*; 2) переводчик исходил из уже имеющегося в наличии (*bereits vorhandenen Komposition*) общеславянского *otrokŭ* [Sadnik 1954: 155]. Первое предположение представляется нам маловероятным: если считать, что переводчик создал слово **отрочъникъ** по образцу греч. ἐπιφυλλίς⁵, которое оно переводит в Супрасльской рукописи, то непонятно, почему он калькировал его только в части префикса (имеется соответствие префиксов ἐπι- и *ot-*, но не корней). В пользу же второго предположения Л. Садник говорит, как нам кажется, обстоятельство, которое почему-то с легкостью «обходится» этимологами (в том числе и в цитированной выше статье ESJS), а именно: в древнейших славянских рукописях образования с префиксом *otъ-* и корнем *-rek-/rok-* всегда пишутся с «ером» на конце префикса, и только **отрокъ** и **отрочъникъ** «стоят особняком»⁶. На наш взгляд, данное обстоятельство свидетельствует не только о деэтимологизации префикса в слове **отрокъ** (об этом писали, см., на-

4 Сходно предложил истолковывать семантику ст.-слав. *otroč'nikъ* и Копечный — ср.: «'отвергнутое, то, что отбрасывают при сборе урожая' („das Ent-sagte; das, worauf man verzichtet, (Lese)verzicht“)» [Корецнѣ 1974: 164].

5 Ἡ ἐπιφυλλίς — 'маленькие виноградные гроздья, оставленные для сборщиков, которые подбирают остатки после основного сбора урожая' ('small grapes left for gleaners' [Liddell-Scott 1996: 672]).

6 Так же с «ером» на конце префикса пишется и сущ. **отърочъникъ** 'отступник, принадлежащий к секте апостатитов' = греч. ἀποτακίτης, употребленное в Рязанской кормчей XII в. [Срезн II: 765–766; СлРЯ XI–XVII 14: 21]. Однако это слово совсем другого образования, которое, в отличие от ст.-слав. **отрочъникъ** 'незрелая виноградная гроздь', действительно можно рассматривать как мотивированное глаголом **отърещи сѧ** в значении 'отречься'. Следует отметить, что на отличие написания слова **отрокъ** от других образований с префиксом **отъ-** обратил внимание и А. С. Львов [Львов 1969: 183], но объяснял это обстоятельство другим морфемным составом слова (см. выше).

пример, в [ESJS 10: 606]), и, следовательно, об относительной древности этого слова, но и о наличии словообразовательной связи между **отрокъ** и **отрочникъ**. В старославянском лексиконе имеется ряд подобных словообразовательных пар, в которых производное слово с суффиксом *-nikъ* получает то же или сходное значение, что и исходное существительное. Ср.: **истокъ** ‘источник’ и **источникъ** ‘то же’, **ровъ** ‘пропасть, бездна’ и **ровъникъ** ‘то же’, **сжпърь** ‘противник’ и **сжпърьникъ** ‘то же’ и др. Если отвлечься временно от всех известных этимологий слова **отрокъ** и лишь сопоставить два представления о предметах, которые именуют ст.-слав. **отрокъ** и **отрочникъ**, можно, несомненно, найти явное сходство: «маленький, незрелый человек» и «маленькая, незрелая виноградная гроздь». Какой же могла быть общая мотивация для этих двух наименований — **отрокъ** и **отрочникъ**, которая, видимо, была понятна древнему книжнику? Судя по рассмотренной выше семантике морфем, они должны были называть что-то, не отвечающее установленной норме, находящееся вне установленных рамок (не обязательно временных). Но «право говорить», как кажется, тут ни при чем.

ЛИТЕРАТУРА

- Копечный 1968: *Копечный Ф. Ф.* К этимологиям слав. *otrokъ* // *Этимология* 1966. М., 1968. С. 54–61.
- Львов 1969: Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 180–191.
- Словарь 1994: *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- СЛРЯ XI–XVII: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 14. М., 1988.
- Срезн: *Срезневский И. И.* *Словарь древнерусского языка*. Т. II. М., 1989.
- Супр: *Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.*; изд.: *Заимов Й., Капалдо М.* *Супрасълски или Ретков сборник*. В 2 т. София, 1982–1983.
- Трубачев 2006: *Трубачев О. Н.* *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М., 2006.
- Фасмер: *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Черных: *Черных П. Я.* *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I. М., 1994.
- Шест: Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.; изд.: *Aitzetmüller R.* *Das Hexaemeron des Exarchen Joannes* / *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Т. I–VI. Graz, 1958–1971.
- Шест-Бар: Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.; изд.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. *Г. С. Баранкова*. М., 1998.

- Aitzetmüller 1974: *Aitzetmüller R.* Nochmals *otrokъ* // Anzeiger für slavische Philologie. Bd. VII. Graz, 1974. S. 155–158.
- ESJS: Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 10. Praha, 2000.
- Euch: Синайский евхологий, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Frček J.* Euchologium Sinaiticum // Patrologia orientalis. T. XXIV. Paris, 1933. T. XXV. Paris, 1939.
- Frisk: *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960; Bd. II. Heidelberg, 1970.
- Kopečný 1973: *Kopečný F.* Etymologie slova *otrokъ* // Slovo a slovesnost. Roč. 34. č. 1. Praha, 1973. S. 110–112.
- Kopečný 1974: *Kopečný F.* Noch ein Wort zu slav. *otrokъ* // Anzeiger für slavische Philologie. Bd. VII. Graz, 1974. S. 153–154.
- Liddell-Scott 1996: *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
- Moszyński 1952: *Moszyński K.* Uwagi do 1. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego // Język polski. Rocz. 32. Zesz. 5. Kraków, 1952. S. 193–202.
- Moszyński 1955: *Moszyński K.* Uwagi do 3. zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» Fr. Sławskiego i uzupełnienia uwag poprzednich // Język polski. Rocz. 35. Zesz. 2. Kraków, 1955. S. 112–135.
- Pokorny 1959: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. T. I. Bern, 1959.
- Sadnik 1954: *Sadnik L.* OTROČĚNIKŮ — OTROKŮ. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des südslavischen Wortschatzes // Festschrift Julius Franz Schütz. Graz; Köln, 1954. S. 154–157.
- SJS: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997.

И. И. Исаев (Москва)

РАССКАЗЫ ПРО ЖИЗНЬ

Диалектологическая экспедиция привлекательна сама по себе, но она интересна не только языковым материалом, полученным в результате анализа звучащих текстов. Удовольствие открытия или узнавания известного диалектного факта — это работа; это удовольствие вторичное, трудное; отстоящее, как правило, от момента записи речи. Экспедиция же увлекает — прежде всего — удивительными и простыми людьми, которые наиболее образно являют себя в рассказах про жизнь.

В предлагаемых текстах представлены лишь фрагменты больших рассказов информантов о своей трудной, как правило, жизни, которая типична для тех мест, где этот рассказ записан. Мне приходилось слышать такие рассказы с раннего детства, это стало привычным и очевидным, но с ростом количества экспедиций, оставленных «за плечами», пришло осознание того, что очевидное для моего сознания — небесспорно для носителей другого жизненного опыта. Именно тогда и возникло желание поделиться историями из непростой и очень достойной жизни скромных людей-тружеников. Такими были мои бабушка и дед, так думали, наверное, мои прадеды.

В этих рассказах нет зависти, злобы и корысти. В них есть лишь сожаление о прошедших лучших годах жизни недоумение по поводу несправедливости жизни, тяжесть и любовь, горе и радость. В этих рассказах то, что рассказывают в вагоне поезда случайному попутчику; то, что обычно не рассказывают близкому человеку. В этих рассказах — в с я жизнь человека. В этих рассказах то, что запомнилось из всей жизни. То, что дорого.

*Деревня Халчиха Харовского района Вологодской области.
Васинцева Зоя Дмитриевна, 1931 г. р.
Записали И. И. Исаев, О. Г. Ровнова в 2003 г.
Расшифровка И. И. Исаева*

КАК ЗАМУЖ ВЫХОДИЛА И РОЖАЛА. О ЖИЗНИ С ДЕВКОЙ-СТАРКОЙ

Я выходила сюда — мужа не знала, в глаза не видала. Так меня отдали, как за провинок¹ за какой.

— Как это?

— А вот так. Пришёл жених. К одной девке пришли они сватом — не получилось: у её другой был в акkurat, не договорились: у её другой. «Ну, — говорят, — пойдёте, в такой-то деревне отдадут. Без невесты² домой как-то неудобно». Да раньше, г<овори>т девок-то ходили наваливали³, невест-то. Это раньше было, что наваливали.

Так как, говорит, не идти? Вот меня и отдали, а я не шла. Говорю: «Не пойду». А отца-то раньше всё же почитали, да побаивались; он и строгий был у нас.

Ну вот. Сперва не шла, потом уж... чё и будет уж. В акkurat моего наросту⁴ ребят не было. Все в армии были, никого не было. Вот так и отдали, вышла за чужого, ни за любовь⁵. Любовь не любовь, а как-то привыкнуть надо — привыкала. Жили.

Наваливали ходили. У коо в семье⁶ много девок — надо как-то отдать. Это было. Ну, вот, придут: «Возьми у нас дочь замуж». Там <где я жила> женихов искали: за любóго-то даже не отдавали, это много было. Если ты хочешь за любóго идти, а им не ндравится, родителям — не отдадут. Отдадут куда-нибудь, и далёко. И не знают чьи. Вот так жили. Ну, в мои-то годы мало так было, но здесь было. Выходили и... Чи⁷ пондравивси вот жених, раньше пондравивси, в городе живёт дак, из города приехал, дак лучше. Чё в деревне-то? В город-то так и отдавали.

Мне-то сюда. Я бывала <в> девках-то в этом мисте, мне не пондравилось. Я говорю: «Да сюда идти, в Карачуново, замуж? Да и дороги-то нет!» Мы приезжали сюда за зерном бывало. Вот церковь на дороге стоит — здесь было склад. Этот, сельпо. Сельпо заготавливало хлеб, тут принимали си. Ну и мы вот за зерном при-

1 Провинность.

2 Невесты.

3 Предлагаали; избавлялись, сбывая на чужие руки.

4 Возраста.

5 Не по любви.

6 В семье.

7 Если.

езжали. И мне не пондравилось, что вытаскивали колёса, телегу поднимали, что дороги нет. Заедем, что никак не выехать, дак подымали, лошади помогали. На конях возили-то, ведь не на тракторе. Я это место знала — мне не нравилось, но чё ж, изжила⁸, людей не смешила.

Двое детей. Хотела ещё родить, но не удалось: была я в положении — не доходила: дак на лошади поездила и вытрясла. Выкидыш получился: коней загоняла, ездила-ездил (мужа дома не было — в Вологду уезжал за жеребцом)... Кому есть надо, чтобы неродышши, вон как стараются, тяжёлое поднимают — всё равно никак. А я, уже пятый месяц была беременность, я никак не думала, что мне не родить. Хотелось родить. Не родилась.

Родила в дороге уже: повезли меня в Харовскую, но не довели. Михайловское знаете? Проти Ильинского, там далеко за Кубеной, там в медпункте уже я родила. Повезли на тракторе, вон как трясет. Не в телеге, в кабине — всё равно трясет. Трактор изломался в дороге. Влепился — не выехать. Пошли за другим трактором.

Пятый месяц был. Девочка была. Она мёртвая родилась — это нет хуже. Лучше до время доходишь — и легко и очень хорошо, а тут я всю ночь мучилась. Как к ребёнку — у меня никак. Надо родить — а я не могу: раз не время, дак не родится. Еле-еле родила, что всю ночь промучилась, а родила уже в дороге.

А первого родила дома тожо. И хорошо — дома, а я обоих дома родила. Ну второго-то родила была это, медичка была со мною. А первого — уехали на Новый год в гости к матери. На лошаде ехали с мужем. Ну, вечером сходили свадьбу посмотреть у одних, посмотрели, пришли. Дорогой иду, я говорю: «О, мне бы сейчас далеко дак не уйти. Чё-то, — говорю, — ноги опустились вот, ноги не идут». Я домой пришла, а утром сказалось, и родила там, в гостях. Четырнадцать километров отсюда.

— А уже знали, что пора?

— Ещё время не дошло немножко-т. Несколько дней. Я не думала, что щё рожу. Думала похожу. «Ну, — говорят, — неправильно, что родилось, его выдавили на свадьбе. Там толкучка, — говорят, — тисно». Ничего, ничего не тисно, а просто... Так уж, видно...

И родила хорошо, и не в избе! В хлеву! Не так, что на постельке! Новый год — праздник, отец тоже любил выпить; пришёл бригадир — они тары-бары, а мисто-то, мисто-то мало! А уже меня... Хожу только... Хожу... А матери-то сказала, она: «Ой, да хоть бы мне пироги-то <успеть> испекчи! Не знаю как!» Пироги пекет, а

меня — к ребёнку. «Ну, поди, — говорит, — в стае⁹ посиди, я выпущу телку, корова на дворе». Там солома, солома, такая белая, знаш, хорошая. Постлала, как постель: «Посиди, — говорит, — тут пока, на если¹⁰, — как это, — на кормушке. Я, — говорит, — вот пироги вот выну сейчас да». Я, говорю, посадила¹¹, вынула, потом приходит: «Давай скорее, все». Так вот она добро¹² фартучек себе, подол подоставила, я его выродила да. Идет с ребёнком, он орёт, ревит. Бригадир: «Марья, где ты взяла ребёнка-то?» «Да вот, — говорит, — дочь...» «А я-то, дурак, сiju! Что не сказали, так я бы ушёл!» И по-бе-жал вот¹³ нас бегом!

Вот родила, да и не баливала. Сама уже нарожала, уже внуки родятся. Вот надо было, водился¹⁴ свёкор, полуслепой. Свекров, вот как только я родила, она десять дней пожила и померла, свекров-та. Не было свекрови.

Со свёкором семь лет жила, со свекровью гот. С золовущкой — сорок шесть! Дева старая была. Это сестра мужа. Не выхаживала замуж. Не слышали, что значит девки-старки? Не слышали? Не слышали... Это ведь только сказать: прожить со старой девой! Кто знает, дак... Ну, конечно! Она не выхаживала замуж, ничего она не знала! Она вот позапрошлого года только померла ишшо. А ей было восемьдесят шесть, а мы жили с ей сорок шесть. Сорок шесть! Муж не подноровчивый. Даром бы и не всё она знала, что чё скажешь. Чё поговорю, такое чтобы, <а он> — «вот мы с Зоей так-то говорили». «Ой, ты, — говорю, — продажная шкура!»

Не вышла <замуж>. Да в те годы много девок старок осталось. Ведь и не было... На войну-то ушли, ать мало женихов-то осталось. Ну она была не очень добра, была это, как говорится, шшадровита, корявая. Ямочки-ти. Знаешь, раньше болезнь-то была эта, оспой болели, не давали прививку делать. А у йих дедушка не дал сделать. Не дал прививку делать. Ну, она заболела, вся была лицо — короста, а потом ямочки. Сплошная ямка. Ну, она в Москве жила в прислугах, и она там лечилась, ходила на какое-то лечение, шшо там вот лицо сделалось получше, почище, меньше ямочек было. Это дело до войны было. А война постигла, так она вся и закончила, оттуда выехала, не долечилась. Хотела, чтобы чисто лицо было. Война-то подошла, она местная, она до войны жила в Москве, а война-то как стала, так она и выехала оттуда. Тут не до лечения: дома старики, брата взяли на войну.

9 Помещение для скота, хлев.

10 Ясли.

11 Посадить пироги — поместить в печной под.

12 Хорошо.

13 От.

14 Находился у нас.

*Д. Кожинская Слободского с/с Харовского района Вологодской области.
Смирнова Александра Ивановна, 1930 г. р.
Записано И. И. Исаевым и А. Ивановым в 2003 г.
Расшифровка И. И. Исаева*

СТРОИЛИ ДОМ

У меня дом-от строили мы с мужем, вот этот дом, со шшепки — всё новенькое! А ведь не пилы «Дружбы» не было; всё рукой, рукам пилили, этой, длинна такая пила. От дак. Да ишшо и зажимали <нас>, чтобы не строиться: ну-ко мы выстроимся, дак... Будем жить! А тогда уехать-то уехали б мы конечно — паспортов не давали.

Настроили дом-от, уж се так-от построили бы, потолок стали стлать, ешшо две потолочины осталось постлать (я вот по земле ходила, ему позачикирую¹⁵ на веревку эту, ну вот два бревна, тут вот и у той стены, по этому-то бревну, да потолочину-то положут, верёвкой закикируют за конец, он и поташшит туда так). Да у его от с этого с конца-та верёвка-то да и съехала. А я ходила вроде эт там сё дале, не тут вот, не возле стены; а тут вот шла нарочно как, возле стены. Мне прямо вот...

Мне очень сильное сотрясение мозга было это. Трамва. Ну, вопшем, вся чашка отколона <по кругу>, сантиметра три вот как не отколона. А в больнице бы вот чё? Он меня унёс ноской домой — я без сознания была. И рвота была и всё было. А в больнице, чё в деревне дак! Пешком надо идти. Да и вопше, я сильная, крепкая была (и муж у меня сильнай, крепкой был).

На другой день пришёл бригадир: «Иди на роботу». От сегодня ударило, а завтра пришёл! Я говорю: «Я не могу, голова очень сильно болит». «Ну ладно! Ты одна не пошла!» Опять приходит, опять на другой день: «Иди на роботу!» И пошла на работу. Просеваю-просеваю, мне уж кажется елки у меня увились¹⁶ в этой, в голове-то, видимо. А чё, отдохну, да опять пошла. Как врачи потом говорили, что сильная, крепкая была и с детства закаленная была дак. Так вот выдержала, а так-то бы... Мало ль чё могло бы быть...

А пришла через четыре недели я уж в больницу-ту. Не помню как пришла... Ну здесь-то за семь километров ходила на уколы. Дак иду туда — плачу, оттуда — плачу, так голова туда тянет и туда тянет, словно много пудов тут она у меня. Ну, вопшем, пришла я через четыре недели в больницу. Был у нас такой Петрушшенко. Вошем он меня спросил скоко времени прошло. Я сказала: «Четыре недели». «Как-как?!» — сказал. «Четыре недели». Он как на меня заорал! Ну я потом-то поняла, чё он заорал. У меня слезки потекли, конечно. Ну

15 Закреплю, привяжу.

16 Переплелись.

я сумела преломить себя, подошла... Трогал он меня, у меня ни пролому нигде не было. Нигде. Просто чашку расколело, и всё. Ну, он меня и наладил к терапевту: невропатолога у нас не было в Харовской. Наладил к терапевту, а терапевт меня не положила в больницу: «Для деревни нет места!» Потом невропатолог появился, дак меня вызывали два раза в году, так я ездила, ложилась. А потом тоже вызывали, да не ездила: и не могу, да и...

Ой, всё говорить, дак... В деревне-то чуть не сйили¹⁷! Лень работать мне! Такая мол румяная, здоровая — лень работать ёй! Дак голова чё она? Не нога храмлет! Не руку держать! Не видно, я и говорю — не видно! Ну я вот на работу пойду, никто не видит, я вот так вот голову сожму — вроде как утешение... Или вот просеку ходили <прорубать>, отойду в сторонку, стою, рублю деревце, да плачу.

Сейчас получше. А переработаю, дак плохо.

— Дети приезжают?

— Редко ездют теперь дети. У меня одна дочка. Вот у меня и получилось, что одну-то родила (ну, у меня шесть лет не было), ну мне тоже сказали, что рожать нельзя, не надо. Ну я эту родила, а потом через пять лет забеременела и приехала в Харовскую, мне никак не разрешили ничего. Потом женский терапевт <сказал>, что мне надо покой. Я пошла в женский (можно подумать мужики чего знают!), они посмотрели карточку, ну и записали меня... Я проплакала целый год... Может мальчик был бы... Так я жись и прожила...

Муж два раза был бригадиром, проработал — уходил. Его ели из-за меня: я не могу, который может день никак не могу, не хожу, а раньше не хватит в году пети дней (на женщин двести пятьдесят было, по моему), уже этот год не считался, что ты и не работала его. И его и не писали, этот год. И бюллетень не давали колхозникам. Вот например я заболела — не дадут. А топерь грипп ли, чего ли пожалуйста, бюллетень дают и всё. И в больницу «деревню» не любили ложить, никак! Бывало голова так болит! А всё равно не положат, да и всё! Ак вот я бывало лежу в больнице, в Харовской, <городские говорят>: «А нам что работать, что в больнице лежать — одинаково плотят». Им-то плотят, а нам не платили!

Здоровье-то худое стало, <когда> ударило в голову. Чай и работала, да я знаю как у меня с головой было! Никто не знал — я одна знала. Даже врачи не знали. Не знали, болело-то у меня ведь. Дак всё и думала, что я умру, умру, не доживу до таких-то годов, даже до пенсии не доживу. Я переживала не то что недели или чего-то там, я переживала дни, сутки, недели. То и слава Богу — прошло... От эк: сама себя переживала я. А сечас я не переживаю, на пенсию вышла дак.

Ну вот как бы в эти годы — сразу бы инвалидность дали. А тогда, говорю, уйду в Харовскую, ведь туда день, да там на приёме надо...

17 Чуть не съели.

Дак три дня пройдёт, у меня-ти эти дни-ти уже не числятся, в году-ту у меня и не хватит дней-то. У меня года-то и нету... робочего. Вот так... А топерь-то так не делают.

Четыре раза грыжу вырезала. Первый раз дак знаю где и сделалось, а второй дак чего... Первый раз двенадцать дней пролежала, второй — семь. Таблеток каких дадут... А придёшь домой — сразу надо за вёдра! А завтра и на работу надо идти. Первый раз с мужем сено носили на носилках. И большая островина была, и он не ростряс её; те ростряс, а эту нет: «Да она сухая!» Я подымать-то стала. «Ну, не поднеть, сзади-т не поднеть!» А я сильная была, дак он уж знает меня! Я пообиделась на него, что говорит «ну, уш не поднеть»! Я как рванула! И почувствовала — в паху у меня чё-то хрустнуло...

После этого четыре раза сё у меня делалось: чё, приду — и сразу делать дак!

Я потом хирургу говорю: «Почему же у меня швы-ти расходятся?» «А швы-ти, — говорит, — никогда не разойдутся, а ткань тела слабая». Значит с детства надорвала её. Там тело слабое, так тело расходится.

Липецкая область, Задонский район, село Ксёзово.

Абáнина Анна Дмитриевна,

1928 г. р., образование 4 класса (из Дегтевого).

Запись 2007 г., И. И. Исаев, О. Е. Кармакова.

Текст обработан.

ПРО ОККУПАЦИЮ

Родилась я в Дехтевом. Здесь жили, бабушка у нас (знаешь, были тада люди старые, они веровали в Бога), когда колхоз стали соединять, не пошла в колхоз. Пришли и всё повыбрали, и зерно, усё. Потом, в тридцатых годах, я ишшо маленькая была, папа уехал на Дамбас Ворошиловградской области Свёрдловский район. Заработал денжонк. Товарищ приехал оттудова, за своей семьёй, ну и нас забрал туда.

Нас было тада четверо детей, бабушка (папина мать), и мама. Приехали туда, там ещё у нас появились четверо. Восемь детей у нас было до войны. Началась война, забрали отца, а мы остались. Эт сорок первый год. В сорок втором году пришли немцы. Были мы в оккупации девять месяцев, с сорок второго до сорок третьего. В сорок третьем весной нас освободили. Освободили когда нас, в сорок третьем году, весной, вот я не помню — в марте или в апреле. Ну, у немцев мы жили, трое детей у нас уже померли. Корь ходила, ну всё, осталось нас пятеро, бабушка и мама. А от отца, как взяли нас в плен-то, в оккупацию, мы не получали не письма, ни чего.

В оккупации очень тяжело — ну, немцы! Не давали ничего, семья большая, есть нечего. Побирались ходили, и ходили к немцам.

Немцы сделали бойню там, где баня была до войны, где шахтеры мылись. По сёлам они ходили, отбирали у людей коров, поросят, ну, у ково што есть, а там били, вытаскивали эти нутрё, ут в вагонеточках вывозили. И люди, все, очень много, весь наш районный шахтёрный посёлок, за эти кишки... Усе в этом в навозе, в гомне¹⁸. Вот так вот поперепутают, а немцы даже садились на крышу и нас фотографировали. И вот принесёшь эту кишку-то, а тебя затолкут, людей-то заталкивали. Очень страшно было.

Мама моя была рукодельница, делала платочки, обвязывала, цветочки вышивала. И ходили к немцам. Вот, придем: «Пан! Дай хоть что-нибудь за платочек!» Ну они возьмут, выкинуть какую-нть из нутря требуху, что-нибудь коровие, и тащишь.

А потом, когда уже совсем тяжело стало, ходили, где живут немцы, которые бьют коров. А там у них помойная яма, мы приловчились (подружка у меня одна была, я и моя сестра) ходить в эту помойную яму. Я какая-то сухая, длинная была, туда уступаюся, ведра возьму. Там куски прям вот такие, обрезают варёное и сырое мясо, мяса много. И кости. Мы наберём ведро-то, домой приносить, мама усё обделаёт, а потом раз проворить, другой, ну и ели. Нечего есть-то! Да и главное дело, здесь вот огороды, у деревне-то, а там мы жили — у нас же не было ничего. Так, были кустики у окол дома, да и всё. И вот этим вот мы и переживали.

И однажды застали нас два немца. Девочки разбежались, а я осталась. Они по-своему ругаются, шумят на меня, а я-то не понимаю. Я только была в четвертом классе, когда война-т началась. Ну и што... Один, значить, вытаскивает пистолет, хотел застрелить, а другой не дал. Не дал. Они стали так ссориться! А я уж там без сознания сижу, вот так трясуся. Белая была... Ну этот, который заступался, подал мне руку, вытащил меня оттуда. А другой как дал мне вот суда вот, по кости таза. А он дядя здоровый, сапожняки вот такие... Я так летела!

Ну, сперва-т лежала-лежала, не могу ни повырнуться, ничего. А потом потихоньку сползла, сползла, сползла... Сестра моя и подружка плачуть стоят у кустах. Вёдра там остались, не до вёдер! Я кой-как доползла, а немцы ушли. Ну и домой. Я девкам заказала: «Вы маме не говорите, никому! А то больше никуда не пустють!» Я подхрамывала-подхрамывала, прошло, а потом отразилось мне. У меня начало болеть, када я ребенка родила, приключился туберкулёз кости. Это уже после войны, видишь, я уж выросла.

В войну о-о-о-й, что было! Бомбёжки, всё везде горело. Немцы везут наших пленных солдат прям мимо нас на лошадях. Они, бедные, плачуть: «Предайте, предайте смерти!» Дуже тяжело, стал быть, было. И вот гонють их немцы, они друг друга держуть, по четы-

18 В говне.

ре человека, кто не может итить, их под руку держать. А мы шумим¹⁹ усе, дети шумять: «Нашего папы тут нету? Хфамилия Астафьев! Хфамилия Астафьев!» «Нету!», — отвечают, а немцы: «Вэк-вэк-вэк-вэк!» С автоматами идуть: «Вэк, вэк!» Не давали нам даже близко подойти. А мы издалека.

Страсть была какая! Вот, где бойня-т была, немцы побросали кожу. Кожа была вот прямо скирдáми, и мы тащили эту кожу, палили её, варили, бабушка мелко-мелко резала и мы носили военным. Сами голодные, а этим солдатам раненым носили еду. Госпиталь там был, и госпиталь этот подожгли немцы. И кто успел — выпрыгнули, какие пониже-то были (а он либо трёх, либо четырёхэтажный). Прыгали, даже разбивались наши солдаты.

И когда немцы были, даже дети, и то помогали солдатам. Были у нас дома брошенные и туда запирали немцы евреев! Запирали в эти дома евреев и поджигали. И вот там-т дети что-то сделали и освободили этот самый барак. И ещё один барак освободили, где военнопленные были. Чевой-то дали, дей-то там подоткнули йим, мож лом, мож ещё што. Они можа и сами там освободились, ну дети там были, они что-то им принесли. И вот больных людей тащили домой, чтобы немцы не видали. И спасали йих, прятали. Очень тяжело было, очень. Эту войну прожить так, эт...

Молодёжь работали у немца, но они были наши, ну я уж не могу сказать, у меня уже памяти-т нету, склероз, как они назывались-то... Ну вот они всё знали, а нашим пердавали. Партизаны! Партизаны, да. И вот йих вылавливали, и туда, в это, в шурф. И вот туда казнили, убивали. И кидали живыми. А они там помирали. А кода наши свободили, я ходила и глядела своими глазами. Сколько крику! Какого узнають, какого не узнають... Вот у меня наколка, я, дура, наколола. И за это наколола, поглядела, как люди мучились, искали своих детей, а одна женщина нашла по наколке. И мы вот все девчонки, какие ходили, взяли, дураки, и накололи. А тут вот цветочек и «Аня». Имя и вот два цветочка. Четырнадцать лет уж было-то. У сорок третьем году. Мы глядели. У кого груди нету у девушек. А одна девушка, Караблина, вот я её даже помню. А вот фамилию её уже забыла, всё помнила, а сейчас забыла. Она тоже работала с немцами, она там може печатала, може ещё, но она всё знала и передавала русским. А её дядя ходил полицаем. Он её устроил туда, но он пошёл против Советской власти. Она за Советскую власть, а он проти. И он её предал. Дядя рódный предал! И её тоже... Она как закрывалась руками! Немец стал бить её в лицо нето кинжалом, нето ещё чем вот. И у неё такой вот — два пальца влезет — разрез был. Хоронить я её ходила, они от нас недалеко жили. Это очень, очень тяжело было переживать. После того, как освободили, мертвых вытащили, а они и мёрзлые были, наверное в

19 Кричим.

марте, наверное март был, но уже таяло. Баню топили, йих там распарили, гробы поделали. И домой забирали.

Моему папе тоже предлагали остаться, чтоб партизаном быть, папа не остался. «Нет, — говорить, — моя семья большая». Папа был одиннадцатый у нас. Ну как... как можно остаться?! И дети тут, и мать, и всё. Он говорить: «Я пойду на фронт». Папе принесли повестку, он ушёл на фронт, а сосед остался. У нас сосед был — партизан. Тату́ра. Вот, хфамилию помню, Татура. Его немцы поймали, он рассказал, где, что пряталось, они усе подоставали. И там было спрятано у них оружие, и всё эти немцы повыкопали, позабрали. Садик у нас был, деревья, речка текла. Там дёр²⁰ был от йихних, он соседих-то, от Татуры. А я пошла там дёру нарвать, стала ковыряться и штой-т я увидала, стала ковыряться, расковыряла, вытащила, а там вот такая сабля. Принесла её домой спрятала, потом ещё пошла копать, а там какой-то ящик. И ящик эт домой принесла, развернула (нихто, ни мама, нихто-нихто не видел), а там вот такие вот стеклянные трубочки, насыпаны чем-то, а я одну разбила — и бабашка-т вот она! Открывает двери-то. А я испугалась (помойное ведро стояла), а я у помойную ведро прых! эту трубку-то с этим порошком. Ка-ак воспламенилось от воды! Ах! Бабушка испугалась, хватает эту ведро, на улицу выливает.

— Ты что принесла! где ты взяла?

— Да вот тут, вот тут!

— Отнеси сейчас же! Отнеси всё!

Я этот ящик отнесла, опять на место закопала, эту саблю закопала. Мама заругалась, говорит: «Да ты что-ж делаешь-то!» Мама узяла одну трубку, понесла, там дед был, я уж забыла его фамилие, он говорить: «Это знаешь что, это, — говорить, — подрывают корабли». Это такое вот для, ну, морское что-то такое. Вот. Всё, всё было. Это военная процедура была тяжёлая.

А раз идём мы на рынок. А на рынок ходили мы с сестрою. Тада морс какой-то тайком люди продавали. А мы несли ведро воды, принесёшь (я принесу: я постарше, она — помоложе), плеснёшь вон ложечку, а вода красная и вкус сладкий. И вот там на рынке продавали, и, глядишь, на буханку хлеба иль на стакан соли выручишь денег. Купишь. Семья-т большая была. И вот однажды идём мы, а немцы ведут этих вот самых, что я говорила, евреев. Это еврейская была семья, йих фамилие, по-мойму, Глинки... Глинка, или Глинкины. Вот такая вот вроде была семья. Бабушка старенькая, молодая и двое детей. Одна была на руках, один мальчик стоял. И йих расстреляли. Тама были кучи большие с пылью, ну, штыб назывался, штыб из шахты вывозили. И порасстреляли и закопали йих этими, шты́бом. А остались там иде у кого рука, у кого нога. И немцы эти ушли. А мы

спрытались у траву. Испугались мы, ведь позастрелили всю семью! А он был, стал быть, коммунистом, может быть он был тоже этим, партизаном, я точно не знаю, но он тут не был, не жил.

Там, если вспомнить, ну каждый день происшествие было. Каждый день. Ведь жили-то девять месяцев у немцев! Когда немцы заходили, забирал нас, мы пошли прятаться у шурф, у шахту. Там весь посёлок, ну сколько туды зашло. И туда саживали, а там темнота. Брали шахтерские лампы, заправляли керосином, зажигали и там горело. У шурф залезли, а там и цыганы, и татары, и русские — ну все, кто жили в посёлке этом. Нахаловкой назывался (нахально там строились, но мы купили дом, уже построенный и садик посаженный был кругом). Вот, залезли туда, а тут бьют, уся земля на двести метров, шахта, всё слышно, как гуд! И земля трясётся! Бомбило когда. А то... Но утихло-утихло. Там один этот немец... Ай, немец... Этот, как, цыган и русский дед (два деда), и пошли, вышли из шахты, поглядели, а тут усё... Пыль чёрная, запах эт вот от этих... Дома есть и разбомбило, есть всё, но они приходят, но... говорить: «Усё затихшее, нету уже не бомбёжки, ни чего, и снаряды не рвутся». Ну когда вышли оттуда, наш дом стоит, бабушка заголосила, прям с причётом. Да и, стал быть, господь есть на наших деточек, дом наш стоит, а у людей есть развалились. Ну, попали вот иль снаряды, иль ещё что.

Ну, мы подошли, усё и замок висит, усё отомкнули, зашли, вот, и никуда не выходим. Бабушка там... шахты там у нас были, у нас углѧ много было запасов. Э вот. Затопила печку, а там день и ночь горит печка, андрацит уголь, и зиму и лету. Летом на улице кухня, а зимой у хате. Вот. Ну и мы сидим. Идет она, бегут люди оттудова, с города, бегут, ну а там это, усе стоять наши соседи, усе <нрзб.> глядим, онь подбегают, спрашивают:

— Ну что там, там что? Как вот тут-то?

— Да вот там то-то, вот там то-то. Вот щас, — гыть, — повесили.

Немой, у нас был, глухонемой у нас был один. А он шѧ по путям, ну шѧ мож домой откуда-то. Вот и немцы поймали его и повесили. Стали там чѧй-то спрашивать, а он глухонемой, он ничѧ не ответил. А они взяли его... Парк там, мим парка поезда ходили и повесили на ветке. Ой, все испуганные, понапугались, щас придуть, нас будут убивать и всё. Немцы. Ну, а что делать! Ну, день этот мы пра... не видели немцев. На рани ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, и к нам приходят два немца. Заходят, а мать села, этих детей маленьких обняла, Митрошка тоже маленький, небольшой. Он у нас так ростом вот... вырос-т и то небольшой. Вот. А маленькая... А, и маленькая у матери на колене одна, а на другой колене другая. А, и мы усе. А бабушка дверь там им открыла.

Немцы в сорок третьем ушли, и мы оттудова решили уехать. Приехали в Дехтевое на чистое поле — никого, ничего! Приехали мы на праздник Троица, под Троицу мы приехали. Ни кола, ни двора.

Нас взяла тётка — папина брата жена. И у ней мы год пережили и купили хатёнку: она кирпичная, но вся завалённая. В этом доме жили, но хозяев тоже раскулачили, они всё бросили, уехали куда-то. А тут люди порасташшили, так хатёнка и развалилася. Дедушка (папин дядя, папиного папы брат) наладил эту хатёнку. И мы жили.

Тяжело работали. Я ешшо подростком была, четырнадцать, пятнадцатый год. И лес посылали пилить, блиндажи делали с военными. Ну мы ж девочки, пилить еще не смогли, и нас, детей, заставляли оттаскивать ветки. На дороги вот посылали камни бить, на Задонск тут дорога была. Вот станция Хитрово, и туда ходили, зерно носили. Насыпють вот — и неси! Хотя пуда полтора, када два. Тяжело было, назад-уперёд, у мешке. И несёш пешком. А обуваться-одеваться не в чего. Мы всё бросили, когда уезжали: дом бросили свой и у доме всё бросили. Забрали только смену. Нас пятеро детей, я самая старшая была, а это всё меньше и меньше. Двое на руках были. Одна с тридцать девятого года, а другая с сорок первого, только рождёная. Война началась — полтора месяца ей было. Когда папу провожали на войну, он несёт её вот так на ладонке, а сам плачет. И на маму: «Дарьюша! Береги эту девочку! Она самая несчастная!»

Вот так вот и жили, тяжело жили, очень тяжело. Побираться ходили. Разутые-раздетые были. Война досталася плохо.

А. Э. Калнынь (Москва)

О ПРОЯВЛЕНИИ
МОРФОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ СВЯЗИ
ВОКАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ФОНЕТИЧЕСКОГО СЛОВА В РУССКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена вопросу о возможности влияния безударного вокализма на выбор гласных под ударением в некоторых русских говорах. Для рассмотрения привлекается частный случай диалектной фонетики, который, однако, демонстрирует специфические закономерности.

Сама постановка вопроса о воздействии одних вокальных компонентов слова на выбор других основана на определенном представлении об организации фонетического слова. В сознании говорящих фонетическое слово не является только набором дискретных сегментов, но воспринимается и как целостная линейная последовательность, организованная по фиксированной произносительной программе. Это — планнамерение, который предваряет произнесение слова в сознании говорящих и состоит в пересчете и выборе из серии сегментных и суперсегментных возможностей данного идиома. В русских говорах для выбора гласных имеет значение отношение к ударению и качество следующего сегмента (согласного и гласного). Именно эти факторы определяют различные виды организации безударного вокализма в русских говорах.

Программа, предусматривающая взаимосвязь гласных разных слогов, способствует тому, что вокальная составляющая фонетического слова воспринимается говорящими как целостное образование (или — вокальный каркас слова). Возможна ситуация, когда говорящие вносят коррективы в это образование сообразно своим представлениям о языковой целесообразности. В статье мы это рассматриваем на примере такого явления, как выбор гласного под ударением. Имеется в виду произношение под ударением гласного *о* вместо нормативного *а* и гласного *я* вместо нормативного *о*. Явление это свойственно восточной части акающих среднерусских говоров [Образование 1970: 318] и многим южнорусским [Обнорский 1953: 94–97]. Особенность явления состо-

ит в том, что оно эксплицировано в фиксированных морфологических образованиях.

В программе русского диалектологического атласа [Программа 1947: 39] имеется вопрос 23, ориентированный на выяснение того, произносится ли под ударением гласный *о* вместо *а* и *а* вместо *о* в парадигме глаголов *тащить*, *варить*, *дарить*, *ловить*, *валить*, *катить*, *платить*, *бранить*, *солить*, в N pl *скамьи*, в суффиксальных существительных *седок*, *ходок*. Материал ответов на этот вопрос послужил основанием для карт № 27–35 [Атлас. Восток. Карты. 1957]. Картографируется корневой гласный и место ударения в парадигме глаголов II спряжения *ловить*, *платить*, *тащить*, *валить*, *варить*, *дарить*, *садить*, *катить*. В основе диалектных различий лежит возможность произношения под ударением гласного *а* вместо *о* в формах глагола *ловить* и гласного *о* вместо *а* в других глаголах. В комментарии к карте № 35 приводятся не предусмотренные программой атласа формы с *о* вместо *а* под ударением — *цопнут'*, *мон'ут*, *мон'ит'и* (2 pl), *раздóв'иш*, *крóс'им* [Атлас. Восток. Вступ. статьи 1957: 472]; дополнительные примеры с *á* вместо *ó* (кроме *лávит*) в комментариях не приводятся. В [ДАРЯ 1986] материал этих фонетических явлений не картографируется и не комментируется.

Отдельные случаимены гласных, отмеченные в севернорусских говорах, по замечанию С. П. Обнорского, «должны считаться занесенными сюда из черты акающих говоров, отчасти из литературного московского языка» [Обнорский 1953: 97].

Рассматриваемое явление отражено в материале, собранном автором статьи в 1950–51 гг. в ограниченном регионе среднерусских говоров. Это говоры территории к югу от Москвы в Коломенском, Ступинском, Малинском, Михневском, Серпуховском, Виноградовском районах Московской обл. (по административному делению 50-х годов).

Гласный *о* вместо *а* под ударением:

парадигма глагола II спряжения — *тош:'иш*, *тош:'а* (3 sg), *падóр'иш*, *свóл'иш*, *плóт'иш*, *вóр'им*, *пасóд'ут*, *брóн'иш* (от *бранить*), *прикóт'ит*; в других формах — *скóм'иш* (N pl), *бóд'иш* (pl от *бадьа*), *нол'итъ* (= *налито*), *на припóр'е* (= *припар* 'компресс'), *свóр'ина* (= *сварена*).

Гласный *а* вместо *о* под ударением отмечен преимущественно на юге территории — *лáv'ут* 3 pl, *скрáит'* (3 sg), *крáила* (от *кроить*), *слáманы*, *закáпаны* (от *копать*), *фсклакáч'ены* (от *клок*), *рáсы бал'и́ые* (от *роса*).

Список примеров может быть расширен за счет данных, приведенных в [Обнорский 1953: 94–97].

Гласный *ó* вместо *á* — *приглóсят* (= *пригласят*), *раздóвывал* (= *раздавать*), *крóпит* дождь, *притóчен* (= *притачать*); *замóбрано* (= *марать*);

гласный *á* вместо *ó* — *перелáмат*, *пакáпаны* ямки, *лáмишь*, *слáмано*, *сáчитца* кровь, *дакáн'цына* (= *докончена*), *вáдитъ* 3 sg (inf во-

дять), *замáтаны вожжи, рыбу сáлют* (= *солят*), *кáнчился* (= *кончился*), *ворáчаться*.

Взаимная мена гласных *а* и *о* под ударением является реакцией на акающий вокализм соответствующих говоров.

С. П. Обнорский в исследовании о русском глаголе считает, что первоначально замена *á* на *ó* происходила преимущественно в глаголах II спряжения с основой на *-i* в контексте диссимилятивного аканья: модель *нашú ~ нóсишь* способствовала появлению форм *ташú ~ то́щишь*, а модель I спряжения *пэхáть ~ пáнешь* не давала стимула для *á* → *ó* [Обнорский 1953: 98].

Но современные примеры не ограничивают замену гласного *á* гласным *ó* глаголами II спряжения. Замена возможна и в глагольных формах I спряжения, в именных и других образованиях. В современных говорах эта вокальная мена представлена не только при диссимилятивном аканье.

Замена гласного *á* гласным *ó* может быть рассмотрена через призму включения аналогического выравнивания в организацию фонетической программы слова, как компонента парадигмы.

Программа фонетического слова ассоциируется в сознании говорящих с заменой ударного гласного *о* безударным *а* — *нóсит* → *насúть*, *рóсы* → *расá*. Если соотнести эту мену с морфемным составом слова, то сравнительно чаще она эксплицирована в парадигме *ргаес* глаголов II спряжения. Парадигма вообще, как определенное языковое образование, в котором словоформы взаимосвязаны, в известной мере может восприниматься сознанием говорящих как некое целое. В этом случае естественно стремление к фонетической унификации актуальных наборов парадигм. Особенность явления состоит в том, что парадигма, исконно не имеющая фонетического различия в корневой морфеме, в формах, включенных в парадигму, получает такое различие. Изменение не является аналогическим выравниванием, происходящим в отдельной парадигме как в замкнутом образовании. В данном случае происходит влияние одного типа парадигмы на другой. Приоритет получает фонетика определенной грамматической формы — тип [*нóсит* → *насúть*, *нашú*] становится образцом для преобразования глаголов, имеющих гласный *а* под ударением [*кáтит*, *катúть*, *качú* → *кóтит*, *катúть*, *качú*]. Таким образом, увеличивается количество парадигм, в которых отдельные формы имеют вокальные различия.

Как показывают приведенные выше примеры, в *неглагольных* формах гласный *о* вместо *а* употребляется редко. Не исключено, что это отражает недостаточное внимание эксплораторов к этому явлению, тем более что и программа русского атласа обращает внимание в основном на глаголы. Но вероятно и то, что глагольная парадигма как целостное устройство более склонна к фонетической организации по одному типу. Замена *а* гласным *о* под ударением, будучи вы-

звана фонетическими причинами (аканье), имеет морфологические последствия, так как увеличивает количество корневых морфем с гласным *o* под ударением и тем расширяет поле реализации аканья.

Другой языковой статус имеет произношение под ударением гласного *a* вместо *o*. Это явление более редкое, чем замена *á* на *ó*, и ограничено сравнительно немногими словами (в Программе русского атласа предусмотрена фонетика только двух примеров — *ловит*, *солит*, а картографируется только *ловит*). Произношение *лáвишь*, *закáпаны*, *крáить*, *рáсы* выражает фонетическую унификацию корневых морфем в пределах парадигмы — [*лóвишь* → *лáвишь*, потому что *лавлю́*], [*рóсы* → *рáсы*, потому что *расá*].

Внимание к возможности произношения гласного *ó* вместо *á* отражено и в программе белорусского атласа [Праграма 1950: 21]. В сравнении с русской программой здесь дается более широкий набор примеров — не только *кóцiм*, *плóцiм*, *пасóдзiм*, но и отдельно в позиции перед *j* — *зóйдзеш*, *нóйдзеш*, *утóйваць*, и в позиции перед *ǰ* — *доǰ*, *казóǰ*, *лóўка* и др. Произношение *o* перед *ǰ* не связано с аканьем — здесь проявляется регрессивная ассимиляция гласного по лабиализованности. Что касается других примеров, то они, как и в русских диалектах, являются реакцией на аканье. Произношение *содз'иш*, *плóц'иш*, *дор'иш* свойственно восточногилевским, полоцко-минским говорам [Крыўіцкі, Падлужны 1984: 152, 181]. Здесь же к числу примеров с гласным *a* вместо *o* в корне отнесены глаголы с суффиксом *-ыва/-іва-* типа *выкáшываць*, *закáпываць*. Но, как кажется, это отражает закономерное употребление гласного *a* в глаголе несовершенного вида. В описании белорусских говоров П. А. Расторгуева приводятся такие примеры, как *штóнікі*, *поднóшываю*, *закóча* (= *качать*) [Расторгуев 1927: 19].

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Безударный акающий вокализм в русских (как и в белорусских) говорах обуславливает мену гласных *o* и *a* под ударением. Замена *á* на *ó* и замена *ó* на *á* обычно рассматриваются как явления одного порядка, эксплицирующие результаты аналогии в пределах парадигмы. Но в действительности эти виды вокальных замен имеют разный лингвистический статус.

При замене *á* на *ó* в отношения аналогии вступают компоненты разных парадигм, что ведет к увеличению количества морфем, имеющих разные гласные под ударением и без ударения и поэтому включенных в сферу позиционного чередования гласных. Тем самым расширяется поле реализации акающего вокализма. В этом случае происходит аналогическое выравнивание не компонентов отдельной парадигмы, а набора парадигм определенного грамматического класса.

При замене *ó* на *á* аналогия ограничена пределами одной парадигмы и означает унификацию фонетического состава морфем в этой

парадигме. Возможности позиционного чередования гласных в этом случае сокращаются, т. е. парадигма становится более простой.

Эти два вида мены гласных под ударением могут сосуществовать в одном говоре (ср. примеры из среднерусских говоров к югу от Москвы). С.П.Обнорский считает замену *ó* гласным *á* (*сáлит*, *сáчитсѧ*, *закáпан* и под.) хронологически более поздним явлением, чем *á* → *ó* [Обнорский 1953: 99]. Если это так, то замена *ó* → *á* могла бы распространиться и на уже сформировавшиеся ранее случаи типа *то́щит*, но этого не происходит. Вероятно, сосуществование в одном говоре двух видов аналогического выравнивания является следствием того, что исходно существовала альтернатива выбора лингвистических единиц, вступающих в отношения аналогии (разные парадигмы ~ компоненты одной парадигмы).

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас. Восток. Карты 1957: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты / Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1957.
- Атлас. Восток. Вступ. статьи 1957: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам / Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1957.
- ДАРЯ 1986: Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. М., 1986.
- Крывіцкі, Падлужны 1984: *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Обнорский 1953: *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Образование 1970: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В.Г.Орловой. М., 1970.
- Праграма 1950: Праграма па вывучэнню беларускіх гавораў і збіранню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
- Программа 1947: Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
- Расторгуев 1927: *Расторгуев П. А.* Исследования в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

ОБРЫ, ОБРАТАНТЫ, АВАРЫ, HROS

В говоре моего родного села Симоновичи Дрогичинского района Брестской области употребляется выражение: *Здорóвый, як брыта́н*. *Здорóвый* — это крепкий, сильный, рослый, широкоплечий мужчина. А вот что такое *брытан* — неясно. Это слово я включил в свой опубликованный словарь [Климчук 1968: 22]. Обсуждал с коллегами проблему слова *брытан*. Проблема осталась нерешенной. Формально слово *брытан* напоминает словоформу *бритáнец*. Так иногда называют англичан и представителей других народов Великобритании. Но британцы (англичане) не отличаются от других народов Европы массивностью телосложения. Скорее всего, в западнополесских говорах словоформа *брытан* под влиянием довольно распространенного слова *британец* сформировалась из какой-то иной, близкой ей словоформы. Какая это была словоформа?

Эта словоформа нашлась. В декабре 1974 г. в селе Каменюки Каменецкого района Брестской области я записал выражение: *Здорóвый як обра́тант* с тем же значением, что и аналогичное выражение *Здорóвый, як брыта́н*, записанное в селе Симоновичи. Слово *обратант* включено в другой опубликованный словарь [Клімчук 1992: 45].

Итак, *брыта́н* произошло из *обра[<?]та́нт*. В последнем: *обр-* — старый корень, *-а[<?]т-* — старый суффикс, *-ант* — более поздний суффикс. Гласный [-а-] в первом суффиксе, скорее всего, произошел из **е*. Гласный [-ы-] в слове *брытан*, зафиксированном в говоре села Симоновичи, тоже, скорее всего, произошел из **е*. Так что начальные *бр-* в слове *брытан* — это, вероятнее всего, усеченная форма от *обр-*.

Поищем аналогий. Находим их. Это народ *обры* и представитель этого народа *обрин* в «Повести временных лет». Они близки не только по звучанию, но и по значению: *обратант* — это человек крепкого телосложения; *обры*, согласно летописи, — «велики телом».

В чем же различие *обратантов* и *обров*? Различие в том, что *обратанты* — это исполины, а *обры* — народ. Правда, это не обыкновенный народ, а народ-исполины. А люди-исполины и народы-исполины — это не реальности, это предметы мифологии. Правда, иногда высказываются мнения, что люди-исполины в прошлом существовали [Белов: 15—16; Гарифзянов, Панова: 10—12, 14. 18].

Таким образом, *обры* в «Повести временных лет» — это этноним, наименование народа. Но такой этноним употребляется только в древнерусском языке, причем только в «Повести временных лет».

Названия этого народа в других языках: в греческом — *αβαρείς*, *αβαροι*, *οαρχωννιται*, в латинском — *avari*, *avares*, в арабском — *абары*, в современных русском и белорусском — *авары*, украинском — *авари*, польском — *awarowie*.

Таким образом, этнонимы, обозначающие авар, подразделяются на две группы. Первая: этноним *обры* в древнерусском языке, только в одном памятнике, только при описании одного события, которое происходило почти 400 лет назад до того, как было записано в древнерусской летописи. Вторая: этнонимы с корнем *а(о)в(б)ар-* во всех остальных языках. Этот вариант этнонима впервые зафиксирован греческими и латинскими авторами в V–VII вв., современниками появления авар в Европе и существования могущественного Аварского каганата.

Естественно считать, что этноним *а(о)в(б)ар-* в его вариантах исконный, а этноним *обры* искажен. Но искажение произошло не произвольно. Этноним изменился под влиянием какого-то слова. Какого? Уже сам текст «Повести временных лет» дает намек на это: *обры* — телом велики, т. е. они исполины, великаны. Подтверждают этот намек данные западнополесских говоров, о чем речь шла выше, а также западно- и южнославянских языков. В западнополесских говорах *обратант*, *(о)брытан* — человек крепкого телосложения, чешское *obr*, старочешское *ober*, словацкое *obor*, верхнелужицкое *hobr*, словенское *obər*, древнепольское *obrzym*, польское *olbrzym* — ‘исполин, великан’ [Фасмер: 107; Machek: 406–407].

Таким образом, наименования с корнем *обр-* — это названия исполинов, великанов. В славянских языках и говорах они бытуют до настоящего времени и довольно широко.

Отсюда и о *обрах* «Повести временных лет» можно высказать следующее предположение. *Обры* «Повести временных лет» — это контаминация наименований реального народа *аваров* и *обр-[ов]* — мифических исполинов.

Авары действительно в VII в. господствовали в Прикарпатье и на Волыни, угнетали славянское племя дулебов. В середине VII в. они разрушили столицу дулебов — городище Зимно, находившееся недалеко от Владимира Волынского [Баран: 59–68, 185–188]. И вот прошло 350–400 лет. В первой половине XI в. написана древнерусская летопись. Возможно, летописец использовал какие-то записи второй

половины X в. Можно ли в настоящее время, в начале XXI в., не используя никакой литературы, архивов, описать предельно точно события, происходящие в первой половине XVII в.?!

Так вот на страницах летописи *авары* превращаются в *обров*. А *обры* — это великаны-исполины. В связи с этим *аварам*, получившим наименование *обры*, приписываются черты исполинов. Во-первых — они «*телом велики*». А во-вторых, они, согласно летописи, все погибли. Естественно, авары далеко не все погибли, значительная или даже основная их часть была ассимилирована другими этносами [Эрдели: 99–110]. Что касается великанов-исполинов, то их действительно теперь нет. Если они были, то они вымерли.

Вот это согласуется с «Повестью временных лет», утверждающей о бытовании пословицы «Погибоша, аки обре», т. е. вымерли, как существовавшие в далеком прошлом исполины-великаны.

А вот в Западном Полесье встречаются люди, считающие, что люди-великаны в прошлом были: зафиксировано нами в с. Спорово Березовского и с. Ласицк Пинского районов Брестской области.

Сирийский автор Псевдо Захария Ритор в 555 г. писал: «Соседний с ними [*амазонками*] народ *hros*, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» [Дьяконов: 83–90]. *Амазонок* обычно локализуют в северном Приазовье, к северо-западу от низовьев Дона. Северо-западнее, т. е. в районе Среднего Поднепровья, обычно локализуют народ *hros*. Мнения исследователей относительно народа *hros* разделились. Одни считают его реальной среднеприднепровской *русью*, другие — мифическим объектом. Скорее всего, с народом *hros* такая же ситуация, как и с обрами: это контаминация реального и мифического.

ЛИТЕРАТУРА

- Баран: *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.
- Белов: *Белов А. И.* Путь ариев. В поисках прародины. М., 2009.
- Гарифызов, Панова: *Гарифызов Р., Панова Л.* Откровения ангелов-хранителей. Происхождение Земли и человечества. М., 2006.
- Дьяконов: *Дьяконов А. П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ, 1939. № 4.
- Климчук 1968: *Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Клімчук 1992: *Клімчук Ф. Д.* 3 лексикі вёскі Камянюкі Камянецкага раёна // Жывое народнае слова. Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 1992.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
- Эрдели: *Эрдели И.* Авары // Исчезнувшие народы. М., 1988.
- Machek: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

С. А. Крылов (Москва)

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ
К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ КОММЕНТАРИЮ

(На материале книги А. Ф. Журавлева «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу“»)

Настоящий указатель устанавливает соответствия между глоссами, то есть элементами семантического метаязыка, с помощью которого объясняются значения слов разных языков (преимущественно индоевропейских, а в особенности славянских), привлекаемых для обоснования этимологических гипотез в монографии А. Ф. Журавлева «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М.: Индрик, 2005. 1004 с.), и адресами этимологических комментариев А. Ф. Журавлева из его книги. Подавляющее большинство глосс — русскоязычные.

Верхний индекс (римское число от I до III) в начале адреса означает № тома (Афанасьева). Следующий символ означает раздел труда Афанасьева (римское число от I до XXVIII, даваемое основным кеглем перед двоеточием, означает № главы по Афанасьеву). Далее после двоеточия дан № страницы (труда Афанасьева), комментируемой А. Ф. Журавлевым (он дается основным кеглем, полужирным шрифтом). Затем в квадратных скобках (основным кеглем) указан № комментария, данного А. Ф. Журавлевым.

Полный указатель содержит 6,5 тыс. входов (глосс) и занимает 4,5 п. л.; так что привести его здесь затруднительно. Поэтому здесь представлены лишь избранные словарные статьи из него. Принцип отбора глосс для включения в краткую версию указателя таков: включены лишь те глоссы, которые использованы в составе не менее чем трех этимологических комментариев А. Ф. Журавлева.

При работе над указателем использована интегрированная информационная среда StarLing, созданная чл.-корр. РАН С. А. Старостиным (1953-2005) и усовершенствованная Ф. С. Крыловым.

Б

белый ¹II:80, ¹II:92[1], ¹II:96[1], ¹II:112–113, ¹X:516[1], ¹XII:597,
¹XII:602, ¹XII:645[1], ¹XVI:204[1], ¹XVI:218[1], ¹XVIII:370,
¹XX:530, ¹XXI:720, ¹XXI:730–731
бес ¹II:99, ¹III:116, ¹XIII:694–695, ¹XV:102[1], ¹XVIII:454,
¹XXI:733
бить ¹VI:250–251, ¹X:488[1], ¹XI:557–558, ¹XII:599[1], ¹XIII:680[1],
¹XIII:713, ¹XIX:470, ¹XXI:734[1], ¹XXI:746, ¹XXI:751
блестеть ¹II:96[1], ¹III:116, ¹IV:151[1], ¹IV:195[1], ¹XV:7[1], ¹XVI:121[1],
¹XVIII:370, ¹XX:530, ¹XXI:715
бог ¹II:68, ¹II:92[1], ¹XIV:731[1], ¹XV:64[1], ¹XVI:221, ¹XVII:277[1],
¹XIX:462[1], ¹XIX:483, ¹XX:618
болезнь ¹I:42, ¹VI:251, ¹XV:10, ¹XX:595
болото ¹VI:353[1], ¹XVI:121[1], ¹XVI:221, ¹XVII:287[1], ¹XVII:298[1]
болтать ¹VII:411, ¹X:492[1], ¹XVII:339, ¹XX:605
бросать ¹XI:569, ¹XIV:792, ¹XIX:489[1], ¹XX:617, ¹XXI:715,
¹XXII:5[1]
бурить ¹VII:371[1], ¹VII:372[1], ¹X:488[1], ¹XII:599[1], ¹XVI:139[1],
¹XVII:287[1], ¹XIX:468
буря ¹IV:183[1], ¹VI:351, ¹X:503[1], ¹XII:616[1], ¹XIII:665[1]
бык ¹II:78, ¹XIII:654, ¹XIII:662[1], ¹XIII:662–663[1], ¹XVI:189[1]
быстрый ¹X:488[1], ¹X:489[1], ¹X:492[1], ¹XII:592[1], ¹XII:592–593,
¹XII:593[1], ¹XII:611[1], ¹XIV:738[1], ¹XVI:151, ¹XVI:220[1],
Библи.

В

всѣдма ¹VII:409[1], ¹XV:81[1], ¹XIX:483, ¹XX:595, Библи.
великан ¹XV–XVI(Пирл.):266[1], ¹XVIII:456, ¹XX:529, ¹XXI:651[1]
весна ¹IV:193[1], ¹VIII:439[1], ¹VIII:440, ¹XVI:139[1]
ветвь ¹III:138[1], ¹XIX:478, ¹XIX:479, ¹XIX:491
ветер ¹II:81, ¹IV:176, ¹IV:185, ¹VI:331[1], ¹X:490, ¹X:492[1], ¹X:503[1],
¹X:508[1], ¹X:541, ¹XV:103[1], ¹XVI:131
веять ¹IV:176, ¹X:503[1], ¹X:541, ¹XV:103[1]
видеть ¹I:41, ¹IV:151[1], ¹IV:152, ¹V:213[1], ¹VII:405[1], ¹X:492[1],
¹XIII:694–695, ¹XVIII:370
вихрь ¹II:99, ¹VI:331[1], ¹IX:481, ¹XII:616[1]
влага ¹IV:188–189, ¹XI:574[1], ¹XII:640, ¹XVI:121[1], ¹XVII:287[1],
¹XXI:637[1]
вода ¹II:78, ¹VII:364, ¹X:492[1], ¹X:543. [1], ¹XI:574[1], ¹XVI:121[1],
¹XVI:151, ¹XVI:180, ¹XVI:189[1], ¹XVI:220[1], ¹XVII:287[1],
¹XIX:476, ¹XX:537, ¹XX:554, ¹XXI:637[1]
водоворот ¹VII:372[1], ¹X:489–490, ¹XII:616[1], ¹XVI:139[1],
¹XVII:287[1]
воздух ¹II:81, ¹X:489[1], ¹X:490, ¹XV:103[1], ¹XVI:139[1]
войско ¹VI:312, ¹VI:340, ¹VIII:435[1], ¹XV:29, ¹XIX:480[1]

волок ^IVII:386–387[1], ^IXII:600[1], ^IXII:645[1], ^IXIV:737–738, ^IXIV:740,
^IXIV:741[1], ^IXIV:742[1], ^IXIV:745, ^IXIV:762–763
ворон ^IVI:352[1], ^IVII:409[1], ^IX:497[1], ^{II}XX:529

Г

глаз ^II:41, ^IIV:151[1], ^IIV:152, ^IIV:153[1], ^IIV:158, ^IV:213[1], ^IXIII:663[1],
^{II}XVI:220[1], ^{II}XX:618
гнать ^IXIII:662[1], ^IXIII:705, ^IXIV:720[1], ^IXIV:740
гнуть ^III:90[1], ^IX:488[1], ^{II}XV:103[1], ^{II}XV:111[1], ^{II}XVI:221, ^{II}XVIII:377
говорить ^IVI:352[1], ^IVII:404[1], ^IVII:409[1], ^IVII:412[1], ^IVII:431
голос ^IVII:392, ^IXIV:724, ^{II}XV-XVI(Прил.):259[1], ^{II}XIX:463
гора ^IIII:119, ^IXI:552, ^IXIV:765, ^{II}XVI:143[1], ^{II}XVIII:350, ^{II}XVIII:351[1],
^{II}XVIII:456, ^{II}XX:528, ^{II}XX:529–530, ^{II}XX:550
гореть ^III:69, ^IIV:155, ^IVII:409[1], ^IVIII:467, ^IX:488[1], ^IXIII:680[1],
^{II}XV:39[1], ^{II}XVIII:370, ^{II}XIX:491, ^{II}XX:514
горы ^IIII:138[1], ^{II}XVI:143[1], ^{II}XVIII:456, ^{II}XX:529, ^{II}XXI:677
горячий ^III:69, ^IX:488[1], ^IX:489[1], ^IXIV:744–745, ^{II}XVII:291[1]
господин ^II:15[1], ^III:96[1], ^IV:227. [1], ^IVIII:443–444, ^IXIII:695[1],
^{II}XV:64[1], ^{II}XVI:221
гром ^IVI:331[1], ^IVIII:434[1], ^IXIII:665[1], ^{II}XVI:189[1], ^{II}XVII:298[1],
^{II}XVII:338[1], ^{II}XIX:463
грязь ^IIII:136[1], ^IIII:139[1], ^IXIII:670, ^{II}XVIII:432, ^{II}XIX:499

Д

давить ^IVI:250–251, ^IVII:371[1], ^{II}XV:100–101, ^{II}XIX:483, ^{II}XX:512–
513, ^{II}XX:595
делать ^IVII:411–412, ^IVIII:467, ^IX:521, ^IXIV:768[1], ^{II}XV:39[1]
демон ^IIII:116, ^IVI:331[1], ^IXIV:739[1], ^IXIV:742[1], ^{II}XVII:322,
^{II}XX:618
дерево ^{II}XVII:298[1], ^{II}XVIII:351[1], ^{II}XIX:478, ^{II}XIX:490–491, Библ.
дикий ^IVII:385, ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1], ^{II}XVIII:361., ^{II}XX:618
дождь ^III:78, ^IXII:640, ^IXIII:654, ^IXIII:665[1], ^IXIII:666[1], ^IXIII:671[1],
^IXIII:672, ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVII:287[1]
дом ^IIII:114[1], ^{II}XV:25[1], ^{II}XV:83[1], ^{II}XV:111[1], ^{II}XVI:148[1],
^{II}XVIII:362
домовой ^IXIV:742[1], ^{II}XV:68, ^{II}XV:79, ^{II}XV:81[1], ^{II}XV:89, ^{II}XV:100–
101, ^{II}XV:102[1], ^{II}XX:539, ^{II}XX:555
дуб ^IVI:249[1], ^IVIII:452[1], ^IXIII:675, ^IXIV:765, ^{II}XV:7[1], ^{II}XVI:189[1],
^{II}XVII:298[1], ^{II}XXI:715
дубина ^IIV:168[1], ^IVII:389, ^IVIII:452[1], ^{II}XVIII:456, ^{II}XXI:746
дуть ^IIV:176, ^IVI:251, ^IX:503[1], ^IX:541, ^IXIII:665[1], ^{II}XV:103[1],
^{II}XXI:754–755
дух ^IIII:132[1], ^IVI:331[1], ^IX:541, ^IXIII:665[1], ^{II}XV:16[1], ^{II}XV-
XVI(Прил.):275, ^{II}XVII:332–333[1], ^{II}XVIII:396, ^{II}XIX:472,
^{II}XIX:489[1], ^{II}XIX:506, ^{II}XXI:727

душа ^IX:541, ^{II}XIX:471, ^{II}XIX:472, ^{II}XIX:489[1], ^{II}XIX:506, ^{II}XXI:727
 дым ^III:64, ^IVIII:467, ^IXIII:665[1], ^{II}XV:89, ^{II}XX:514
 дьявол ^III:99, ^IIII:116, ^IXIII:665[1], ^IXIII:694–695, ^{II}XVII:332–333[1],
^{II}XXI:773–774

Ж

жаждать ^IIV:193[1], ^IV:222, ^{II}XV:40[1], ^{II}XV:72[1]
 жар ^III:69, ^IIV:193[1], ^IVIII:439[1], ^IX:489[1], ^{II}XV:8, ^{II}XV:14, ^{II}XV:-
 39[1]
 жгучий ^II:41, ^IIII:130[1], ^IXI:583[1], ^{II}XVI:148[1]
 желание ^IVII:428, ^IXIII:674, ^{II}XV:40[1], ^{II}XVIII:377
 желать ^IXIII:694–695, ^{II}XV:40[1], ^{II}XV:72[1], ^{II}XVIII:377
 желтый ^IIV:151[1], ^IIV:194, ^IVI:301, ^{II}XXI:715
 жеребец ^IVI:353[1], ^IXII:592[1], ^IXII:592–593, Библ.
 жертва ^II:8, ^IVII:408–409, ^IVIII:443–444, ^IXIII:680[1]
 жечь ^II:24, ^III:65, ^IIV:193[1], ^IV:212, ^IVII:409[1], ^IX:488[1], ^IXIII:680[1],
^{II}XV:39[1], ^{II}XV:40[1], ^{II}XV:72[1], ^{II}XVII:287[1], ^{II}XVIII:430,
^{II}XX:514
 живой ^IIV:168[1], ^IVII:364, ^IVII:394[1], ^{II}XV:8, ^{II}XVI:121[1], ^{II}XIX:470
 жребий ^IVII:411, ^{II}XVI:200[1], ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1], ^{II}XX:594
 жрец ^IXIII:680[1], ^IXIII:694–695, ^{II}XV:7[1], ^{II}XV:39[1]

З

запах ^II:41, ^IX:541, ^IXIII:665[1], ^{II}XVI:178, ^{II}XIX:506
 заря ^III:75, ^III:87, ^IV:215[1], ^{II}XVIII:370
 здоровый ^IX:488[1], ^IXII:601, ^{II}XX:622, ^{II}XXI:651[1]
 зеленый ^IIV:195[1], ^IV:230[1], ^{II}XVIII:432, ^{II}XXI:715
 земля ^IIII:139[1], ^IXIII:653, ^{II}XVI:151, ^{II}XVIII:456, ^{II}XX:528
 зерно ^II:42, ^III:95, ^IIV:151[1], ^IXIII:666[1], ^{II}XV:70, ^{II}XVIII:370,
^{II}XIX:489[1], ^{II}XXI:758
 злой дух ^IVIII:434[1], ^{II}XV:81[1], ^{II}XVII:279[1], ^{II}XVII:322, ^{II}XVIII:454,
^{II}XIX:462[1], ^{II}XX:618, ^{II}XXI:733, ^{II}XXI:773–774, Библ.
 змси ^{II}XVI:151, ^{II}XX:512–513, ^{II}XX:528, ^{II}XXI:718
 змей ^IX:481, ^{II}XX:514, ^{II}XX:518, ^{II}XX:528, ^{II}XX:537, ^{II}XX:539
 змея ^IXIV:742[1], ^{II}XIX:483, ^{II}XX:512–513, ^{II}XX:514, ^{II}XX:515,
^{II}XX:539, ^{II}XXI:718
 знать ^IVII:405[1], ^IVII:406[1], ^IVII:409[1], ^{II}XV:7[1], ^{II}XVI:197[1]
 золото ^IIV:151[1], ^IIV:194, ^IIV:197, ^IV:217[1], ^IX:512[1]

И

идти ^IXIII:680–681, ^{II}XV:83[1], ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVI:218[1],
^{II}XVIII:400[1], ^{II}XIX:471, ^{II}XIX:491, ^{II}XX:595
 исполин ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1], ^{II}XVIII:456, ^{II}XX:529, ^{II}XXI:643
 источник ^IXII:599[1], ^IXIII:663[1], ^{II}XV:85–86, ^{II}XVI:121[1],
^{II}XVI:220[1], ^{II}XVII:287[1], ^{II}XVIII:406

К

камень ^IIII:114[1], ^IVI:328[1], ^{II}XVI:189[1], ^{II}XIX:475, ^{II}XIX:480[1]
 кидать ^IXIV:792, ^{II}XX:617, ^{II}XXI:715, ^{III}XXII:5[1]
 кипеть ^IX:488[1], ^IXII:599[1], ^{II}XVI:139[1], ^{II}XVII:287[1]
 клевать ^IX:527[1], ^IXII:599[1], ^{II}XVIII:405, ^{II}XIX:471
 когда ^IXII:642, ^IXIV:736[1], ^{II}XV:46[1], ^{II}XV:119, ^{II}XIX:476
 кол ^IV:212, ^IXII:611[1], ^{II}XIX:470, ^{II}XIX:491
 колдун ^IVI:344, ^IVII:409[1], ^IVII:411, ^{II}XV:7[1], ^{II}XVI:139[1]
 колодец ^III:91, ^IXIII:663[1], ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVI:220[1]
 колоть ^IVI:275, ^IXI:557–558, ^IXIII:713, ^IXIV:779[1], ^{II}XXI:746
 конь ^IVI:353[1], ^IX:492[1], ^IXII:592[1], ^IXII:593[1], ^IXII:629[1],
^IXII:641[1], ^{II}XVI:189[1], ^{II}XX:514, Библия.
 корова ^IXIII:653, ^IXIII:654, ^IXIII:674, ^{II}XXI:639
 кошмар ^III:100–101, ^IXIV:768[1], ^{II}XV:100–101, ^{II}XVIII:396
 край ^IIII:114[1], ^IIV:190, ^IVI:245, ^{II}XVI:121[1]
 красивый ^III:97, ^{II}II:98[1], ^IIV:195[1], ^{II}XXI:734[1]
 красный ^III:97, ^IIV:196[1], ^IVIII:461, ^IX:512[1], ^IXII:597, ^IXII:637–638,
^{II}XVII:287[1], ^{II}XVII:289[1]
 красота ^III:97, ^{II}II:98[1], ^IV:227. [1], ^IVIII:439[1]
 крепкий ^IVI:249[1], ^{II}XIX:468, ^{II}XX:554, ^{II}XXI:651[1]
 крик ^II:41, ^{II}II:105, ^IVI:338, ^IVII:408[1], ^IVII:411, ^IXI:570
 кричать ^IV:227. [1], ^IVI:352[1], ^IVII:408[1], ^IVII:411, ^{II}XV:81[1], ^{II}XIX:478

Л

леший ^{II}I:99, ^{II}XV:68, ^{II}XV:81[1], ^{II}XVII:322, ^{II}XVII:328, ^{II}XVII:332–333[1]
 лист ^{II}XVIII:386, ^{II}XVIII:387, ^{II}XIX:467, ^{II}XX:566
 лихорадка ^IXIV:742[1], ^{II}XV:10, ^{II}XV:15[1], ^{II}XV:40[1]
 лошадь ^IVI:353[1], ^IXII:592[1], ^IXII:592–593, ^IXII:629[1]
 луна ^III:73[1], ^{II}II:80, ^IVI:352[1], ^IXII:597–598, ^IXII:641[1]
 любезный ^IIV:185, ^IV:227. [1], ^IVI:249[1]
 любить ^IV:227. [1], ^{II}XV:72[1], ^{II}XVIII:377

М

малый ^II:23, ^{II}XVIII:370, ^{II}XXI:716, ^{II}XXI:733
 мальчик ^IIII:136–137, ^IV:215[1], ^{II}XIX:479, ^{II}XXI:738
 мать ^IIII:127, ^IXIV:742[1], ^{II}XV:85–86, ^{II}XVI:177, ^{II}XV-
 XVI(Прил.):266[1], ^{II}XVIII:454
 мед ^IVII:372[1], ^IVII:386[1], ^IVII:404[1], ^{II}XVIII:405
 медведь ^IVII:386[1], ^IVII:386–387[1], ^IXIV:736[1], ^IXIV:739[1],
^IXIV:742[1]
 место ^IIII:138[1], ^IIII:139[1], ^IXIV:721[1], ^{II}XV:85–86, ^{II}XV-
 XVI(Прил.):269
 милый ^II:8, ^IV:227. [1], ^IVI:249[1]
 мир ^IIII:114[1], ^IIII:139[1], ^IVI:249[1], ^{II}XVIII:456, ^{II}XIX:467

могила ¹XI:574[1], ¹XV:24[1], ¹XV:83[1], ¹XVI:131, ¹XXI:730
мокрый ¹II:100–101, ¹III:136[1], ¹IV:188–189, ¹XI:574[1], ¹XII:640,
¹XIII:670, ¹XVI:151, ¹XV-XVI(Прил.):266[1]
молния ¹IV:168[1], ¹VI:245, ¹VI:249[1], ¹VI:288[1], ¹VI:331[1], ¹VI:351,
¹VIII:434[1], ¹XV:39[1], ¹XVII:289[1], ¹XX:511
молоко ¹IV:188–189, ¹XII:640, ¹XIII:654, ¹XIII:665[1], ¹XIII:666[1],
¹XIV:764[1], ¹XXI:639
море ¹IX:483[1], ¹XI:574[1], ¹XVI:120, ¹XVI:121[1], ¹XVI:139[1],
¹XVI:205, ¹XVI:220[1], ¹XVII:287[1], ¹XXI:637[1]
муж ¹III:139[1], ¹XVIII:370, ¹XVIII:454, ¹XXI:647, ¹XXI:716, ¹XXI:738
мужчина ¹II:78, ¹III:139[1], ¹XVIII:370, ¹XVIII:454, ¹XXI:716,
¹XXI:738
мучить ¹X:488[1], ¹XI:574[1], ¹XIX:483, ¹XX:595

Н

небо ¹II:62, ¹II:64, ¹III:114[1], ¹III:119, ¹III:130[1], ¹III:132[1], ¹X:490,
¹X:494, ¹X:543, [1], ¹XI:552, ¹XVI:120, ¹XVI:121–122, ¹XIX:463
некоторые ¹IV:192, ¹XIV:753[1], ¹XV:17[1], ¹XV:54[1]
нести ¹VII:407, ¹XI:557–558, ¹XXI:638, ¹XXI:717
нечистая сила ¹XIV:742[1], ¹XIV:744[1], ¹XV:68, ¹XV:81[1], ¹XV-
XVI(Прил.):266[1], ¹XV-XVI(Прил.):275, ¹XXI:773–774
нечистый дух ¹VI:331[1], ¹XIII:694–695, ¹XV:68, ¹XV:81[1], ¹XV-
XVI(Прил.):275
ничтожный ¹VIII:450, ¹XII:625[1], ¹XXI:698, ¹XXI:734[1]

О

облако ¹II:64, ¹II:100–101, ¹III:128[1], ¹III:132[1], ¹XIII:654, ¹XIII:661[1],
¹XIII:670, ¹XIII:681[1], ¹XIV:768[1], ¹XVI:121[1], ¹XVI:143[1],
¹XVI:204[1], ¹XVIII:350, ¹XVIII:388, ¹XX:514; облака ¹III:128[1],
¹IV:188–189, ¹XIII:681[1], ¹XVI:143[1]
огонь ¹II:97, ¹IV:176, ¹IV:193[1], ¹VIII:439[1], ¹VIII:467, ¹XII:629[1],
¹XV:8, ¹XV:14, ¹XV:18, ¹XV:39[1], ¹XV:40[1], ¹XV:89, ¹XVI:148[1],
¹XVI:177, ¹XVI:178, ¹XVI:180, ¹XXI:744
одежда ¹VII:409[1], ¹XIII:681[1], ¹XIV:792, ¹XIX:503
озеро ¹IX:483[1], ¹XI:574[1], ¹XIII:662–663[1], ¹XVI:121[1]
окутывать ¹X:543, [1], ¹XVIII:362, ¹XIX:470
основание ¹I:52, ¹III:139[1], ¹XV:85–86, ¹XX:528
острый ¹III:141[1], ¹VIII:436[1], ¹XI:557–558, ¹XIV:738[1], ¹XV:25[1],
¹XVIII:377, ¹XIX:475
отблеск ¹II:105, ¹VI:352[1], ¹VII:404[1], ¹XIV:779[1]
очаг ¹III:114[1], ¹IV:193[1], ¹XV:25[1], ¹XV:67, ¹XIX:475

П

пар ¹II:64, ¹II:69, ¹VIII:439[1], ¹VIII:467
пасмурный ¹II:106, ¹III:118[1], ¹IV:188–189, ¹XIV:768[1], ¹XVI:121[1]

пахать ^IVI:353[1], ^IVIII:435[1], ^IXI:557[1], ^{II}XIX:491
 песня ^IVII:392, ^IVII:404[1], ^IVII:411, ^IXIV:724
 пестрый ^IXI:558[1], ^IXII:629[1], ^IXII:637–638, ^IXIV:720[1],
^{II}XVI:148[1]
 петух ^IVIII:467, ^IX:518[1], ^{II}XV:89, ^{II}XV-XVI(Прил.):259[1],
^{III}XXII:2–3
 печь ^IIV:193[1], ^{II}XV:25[1], ^{II}XV:72[1], ^{II}XIX:475
 пить ^III:69, ^IVII:367, ^IVII:368[1], ^IVII:413, ^IXII:599[1], ^IXIII:665[1],
^IXIII:671[1], ^IXIII:680[1]
 племя ^{II}XV:29, ^{II}XIX:478, ^{II}XIX:489[1], ^{II}XX:555
 пласти ^IVII:404[1], ^IVII:409[1], ^{II}XV:103[1], ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1]
 погода ^IIII:132[1], ^IIV:176, ^IX:503[1], ^{II}XVI:139[1]
 поражать ^IXIV:738[1], ^{II}XIX:470, ^{II}XX:617, ^{II}XXI:746
 поток ^IVII:404[1], ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVI:220[1], ^{II}XVI:223[1], ^{II}XX:537,
^{II}XXI:639
 поэт ^IVII:392, ^IVII:401–402, ^IVII:409[1], ^IXIII:694–695, ^IXIV:724
 привидение ^III:100–101, ^IIII:116, ^IXIV:768[1], ^{II}XV:16[1], ^{II}XV:100–
 101, ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1], ^{II}XIX:462[1], ^{II}XXI:736
 призрак ^III:99, ^IIII:116, ^IVI:331[1], ^IXIV:768[1]
 приятный ^II:8, ^IV:227. [1], ^IXIII:680[1]
 пропасть ^IXI:558[1], ^IXIV:778[1], ^{II}XVI:220[1], ^{II}XX:530
 птица ^IVI:301, ^IVII:409[1], ^IX:492[1], ^IX:496, ^IX:503[1], ^IX:505[1],
^IX:517[1], ^{II}XV-XVI(Прил.):266[1], ^{II}XIX:471
 пылать ^IVII:371[1], ^IVIII:467, ^{II}XV:39[1], ^{II}XVIII:362, ^{II}XIX:491,
^{II}XX:530
 пыль ^IIII:139[1], ^IVIII:467, ^IXIV:739[1], ^{II}XV:14, ^{II}XXI:758

Р

радуга ^III:90[1], ^IVI:349[1], ^IVI:352[1], ^IVI:354, ^IVI:360[1], ^IX:503[1],
^IXIII:665[1], ^IXIII:671[1], ^{II}XVIII:377, Библ.
 разрывать ^IVIII:435[1], ^IXI:558[1], ^IXI:570, ^{II}XVII:289[1]
 расти ^IIII:141[1], ^IXIII:671[1], ^{II}XVI:131, ^{II}XIX:478, ^{II}XIX:491
 рвать ^IIII:138[1], ^IV:221[1], ^IXIII:680[1], ^IXIV:765
 резать ^III:99, ^IVI:260[1], ^IVII:412[1], ^IVIII:436[1], ^IXI:557–558,
^IXIII:680[1], ^IXIV:720[1], ^IXIV:738[1], ^IXIV:779[1], ^{II}XV:90,
^{II}XXI:734[1], ^{II}XXI:746, ^{II}XXI:771
 река ^IVII:404[1], ^IIX:483[1], ^IXI:574[1], ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVI:201[1],
^{II}XVI:218[1], ^{II}XVI:220[1], ^{II}XVI:223[1], ^{II}XXI:730–731
 род ^IV:230[1], ^IXIII:652[1], ^{II}XV:28, ^{II}XV:53[1], ^{II}XIX:478, ^{II}XIX:489[1]
 родник ^III:91, ^IXII:599[1], ^IXIII:663[1], ^{II}XVI:121[1], ^{II}XVII:287[1],
^{II}XVIII:406
 рождать ^III:70–71, ^IXIV:768[1], ^{II}XV:53[1], ^{II}XIX:478, ^{II}XX:555,
^{II}XXI:638
 рубить ^III:97, ^IVI:275, ^IXI:557–558, ^IXIII:680[1], ^IXIV:720[1], ^{II}XVI:151,
^{II}XIX:470

рука ¹I:8, ¹IV:199, ¹¹XIX:490[1], ¹¹XIX:491
ручей ¹VII:404[1], ¹¹XVI:203[1], ¹¹XVI:221, ¹¹XXI:639

С

свежий ¹IV:168[1], ¹IV:193[1], ¹VIII:439[1], ¹¹XV:8
сверкать ¹I:41, ¹IV:151[1], ¹IV:155, ¹VI:260[1], ¹XII:606, ¹¹XV:39[1],
¹¹XVIII:370
свет ¹III:116, ¹IV:151[1], ¹VII:404[1], ¹VIII:439[1], ¹VIII:443–444,
¹XII:597–598, ¹XII:602, ¹XII:645[1], ¹¹XVII:287[1], ¹¹XIX:467,
¹¹XXI:744
светить ¹III:116, ¹IV:151[1], ¹IV:153[1], ¹VI:321[1], ¹VII:404[1], ¹XII:645[1],
¹¹XV:5, ¹¹XVII:277[1], ¹¹XVII:287[1]
светлый ¹II:80, ¹IV:195[1], ¹VIII:443–444, ¹X:489[1], ¹X:543. [1],
¹XII:597, ¹XII:597–598, ¹XII:602, ¹¹XVI:136, ¹¹XVII:289[1],
¹¹XVIII:370, ¹¹XIX:462[1], ¹¹XX:530, ¹¹XXI:715, ¹¹XXI:730–731
связывать ¹III:130[1], ¹V:237, ¹VII:404[1], ¹¹XIX:491
сглаз ¹¹XV:16[1], ¹¹XVI:144, ¹¹XVI:183[1], ¹¹XX:561[1]
седой ¹II:98[1], ¹V:230[1], ¹XII:641[1], ¹XIV:739[1], ¹¹XVIII:370
семья ¹III:114[1], ¹XIII:652[1], ¹¹XV:111[1], ¹¹XIX:478, ¹¹XIX:489[1]
семя ¹XI:572, ¹XIII:666[1], ¹¹XIX:459[1], ¹¹XIX:478, ¹¹XIX:489[1],
¹¹XXI:758
серый ¹IV:151[1], ¹V:230[1], ¹VI:301, ¹XII:641[1], ¹XIV:739[1], ¹¹XVIII:370,
¹¹XIX:478, ¹¹XXI:715
сила ¹I:8, ¹V:215[1], ¹¹XVIII:388, ¹¹XIX:489[1], ¹¹XX:554, ¹¹XX:595,
¹¹XXI:651[1]
сильный ¹V:227. [1], ¹X:488[1], ¹XI:583[1], ¹XII:592[1], ¹XIV:738[1],
¹¹XIX:468, ¹¹XIX:489[1], ¹¹XX:514, ¹¹XX:554, ¹¹XXI:651[1]
сиять ¹I:41, ¹III:116, ¹IV:151[1], ¹IV:155, ¹IV:195[1], ¹V:215[1], ¹VII:371[1],
¹¹XVII:277[1], ¹¹XVIII:362, ¹¹XVIII:370, ¹¹XX:530, ¹¹XXI:715
сияющий ¹X:518[1], ¹X:543. [1], ¹XVI:148[1], ¹¹XVIII:370, ¹¹XXI:715
скала ¹III:114[1], ¹VI:328[1], ¹¹XVI:143[1], ¹¹XXI:677
скот ¹XIII:652[1], ¹XIII:653, ¹XIII:680–681, Библия.
слабый ¹I:31, ¹IV:188–189, ¹XII:625[1], ¹¹XIX:488[1], ¹¹XXI:734[1]
слово ¹I:6[1], ¹VI:297–298, ¹VII:404[1], ¹VII:431, ¹X:514
слякоть ¹III:136[1], ¹IX:473[1], ¹XIII:670, ¹¹XIX:499
смерть ¹II:100–101, ¹IV:180, ¹VII:367, ¹X:517[1], ¹XI:574[1], ¹XIV:778[1],
¹¹XV:81[1], ¹¹XVIII:456
смотреть ¹I:41, ¹III:116, ¹IV:151[1], ¹IV:152, ¹VII:405[1], ¹XI:569,
¹¹XVI:139[1], ¹¹XVIII:370, ¹¹XX:520, ¹¹XX:618
собака ¹V:208, ¹XIV:720[1], ¹XIV:742[1], ¹XIV:762–763
совокупляться ¹VIII:436[1], ¹VIII:443–444, ¹XII:641[1], ¹XIII:672
соединять ¹III:130[1], ¹VII:404[1], ¹VII:431, ¹¹XIX:491
создавать ¹III:97, ¹VI:254–255, ¹X:521, ¹¹XV:39[1], ¹¹XIX:468
солнце ¹I:8, ¹III:130[1], ¹IV:151[1], ¹IV:153[1], ¹XI:558[1], ¹XII:593[1],
¹XIV:768[1], ¹¹XV:89, ¹¹XVI:174

спешить ¹X:488[1], ¹X:489[1], ¹XIV:720[1], ¹XVI:220[1]
 старик ¹IV:151[1], ¹XI:574[1], ¹XIV:742[1], ¹XVIII:370, ¹XXI:738
 старый ¹II:98[1], ¹IV:151[1], ¹XI:574[1], ¹XV:8, ¹XVIII:370, ¹XXI:716
 судьба ¹VII:409[1], ¹XIII:674, ¹XV-XVI(Прил.):266[1], ¹XVII:287[1],
¹XX:594
 супруг ¹II:78, ¹V:227, [1], ¹XV:64[1], ¹XVIII:370, ¹XVIII:377,
¹XXI:716
 счастье ¹II:68, ¹VII:409[1], ¹XIII:674, ¹XVI:221, ¹XIX:471
 сын ¹V:215[1], ¹XV:78, ¹XIX:478, ¹XIX:489[1], ¹XXI:638

Т

творить ¹II:97, ¹VI:254–255, ¹X:521, ¹XV:39[1], ¹XIX:468
 темный ¹II:100–101, ¹II:112–113, ¹III:128[1], ¹V:230[1], ¹VI:301, ¹XII:597,
¹XIV:768[1], ¹XVII:298[1], ¹XVIII:432
 тень ¹III:116, ¹IV:185, ¹XV:16[1], ¹XIX:462[1]
 теплый ¹II:69, ¹X:488[1], ¹XV:29, ¹XVII:287[1]
 тереть ¹XI:557–558, ¹XV:20, ¹XXI:746, ¹XXI:757
 течь ¹III:135–136, ¹VII:397[1], ¹VII:404[1], ¹X:489[1], ¹XI:574[1],
¹XII:600[1], ¹XIV:720[1], ¹XVI:121[1], ¹XVI:151, ¹XVI:218[1],
¹XVI:220[1], ¹XIX:471, ¹XX:555, ¹XX:593, ¹XXI:639
 толкать ¹X:488[1], ¹X:490, ¹XIII:662[1], ¹XXI:734[1], ¹XXI:746
 толочь ¹VI:288[1], ¹XIII:681[1], ¹XXI:734[1], ¹XXI:758
 тот ¹XII:600[1], ¹XIV:742[1], ¹XIV:792, ¹XVI:172, ¹XVI:197[1],
¹XX:594, ¹XXI:695
 туман ¹II:64, ¹II:108, ¹III:128[1], ¹X:503[1], ¹XIII:670, ¹XIV:739[1],
¹XIV:768[1]
 туча ¹II:100–101, ¹III:128[1], ¹IV:188–189, ¹X:503[1], ¹XII:645[1],
¹XIII:654, ¹XIV:768[1], ¹XVIII:388, ¹XX:511, ¹XX:550, ¹XXI:639;
 тучи ¹III:128[1], ¹XIII:654, ¹XIII:681[1], ¹XVI:143[1], ¹XX:511

У

уголь ¹VIII:467, ¹XII:600[1], ¹XII:606, ¹XII:629[1]
 ударять ¹XI:557–558, ¹XII:599[1], ¹XIX:470, ¹XX:617, ¹XXI:746
 умирать ¹II:100–101, ¹IV:180, ¹XV:83[1], ¹XVI:121[1]

Х

хватать ¹X:492[1], ¹XIV:738[1], ¹XVIII:432, ¹XIX:468
 хилый ¹XII:625[1], ¹XV:16[1], ¹XVI:141[1], ¹XXI:734[1]
 хозяин ¹I:15[1], ¹II:96[1], ¹VIII:443–444, ¹XV:64[1], ¹XVII:322
 хороший ¹II:65, ¹II:98[1], ¹VI:360[1], ¹XXI:734[1]
 худой ¹X:473[1], ¹XII:625[1], ¹XIX:488[1], ¹XXI:734[1]

Ц

царапать ¹VIII:435[1], ¹XI:557–558, ¹XI:558[1], ¹XV:93[1], ¹XXI:746
 цветок ¹XII:602, ¹XVIII:370, ¹XIX:492, ¹XIX:506

Ч

человек ¹I:30, ¹III:139[1], ¹VI:251, ¹XIV:765, ¹XIV:778[1], ¹XIV:792,
¹¹XV:16[1], ¹¹XV:89, ¹¹XVIII:454, ¹¹XVIII:456, ¹¹XX:561[1], ¹¹XXI:647,
¹¹XXI:746

червь ¹¹XX:512–513, ¹¹XX:515, ¹¹XX:561[1], ¹¹XXI:718

черный ¹II:99, ¹V:230[1], ¹XII:597, ¹¹XVI:220[1], ¹¹XVII:318, ¹¹XVIII:432,
 Библ.

черт ¹II:99, ¹III:116, ¹XIII:694–695, ¹XIV:721[1], ¹XIV:742[1], ¹XIV:744[1],
¹¹XV:68, ¹¹XV:81[1], ¹¹XV:102[1], ¹¹XV-XVI(Прил.):266[1], ¹¹XVII:328,
¹¹XIX:462[1], ¹¹XXI:652, ¹¹XXI:660, ¹¹XXI:686, ¹¹XXI:733,
¹¹XXI:773–774, ¹¹XXI:775, Библ.

чужой ¹XIV:740, ¹¹XVI:139[1], ¹¹XVIII:456, ¹¹XXI:668, ¹¹XXI:736

Ш

шерсть ¹III:138[1], ¹VIII:464–465, ¹XIII:680[1], ¹XIV:736[1]

шум ¹IV:172, ¹VI:338, ¹VII:408[1], ¹VII:411, ¹XIV:778[1]

шуметь ¹V:227. [1], ¹VI:352[1], ¹VII:408[1], ¹VII:411, ¹XII:599[1],
¹XIII:665[1], ¹¹XVII:339

Я

ясный ¹III:116, ¹IV:153[1], ¹X:489[1], ¹¹XVI:136, ¹¹XIX:462[1]

* * *

Р

penis ¹III:136–137, ¹XIII:672, ¹XIV:742[1], ¹¹XV:89, ¹¹XIX:470

Ю.-СЛАВ. **(j)UTRINA**

Представленная в славянских языках лексема **(j)utrina* в значении ‘земельная мера’ (ср. польск. *jutrzyzna* с XIV–XV вв., ст.-чеш., слвц. *jutro*, чеш. *jítro*, а также словен. *jútro*, с.-хорв. *jùtro*) традиционно толкуется как образование, сложившееся под влиянием нем. *Morgen* ‘утро’ и ‘мера земли’ [Sławski I: 597]. Однако лексические архаизмы, сохранившиеся в ю.-слав. языках, лишь частично подтверждают эту версию, более того, они дают основание для несколько иного подхода к пониманию истоков слав. **(j)utrina*.

В македонском языке и его диалектах, а также диалектах сербохорватского языка находим лексему *утрина* с общим значением ‘перелог’, ‘пастбище’: ср. макед. *утрина* ‘земля, оставленная под пастбище’, ‘награда, которую получает пастух за свою работу’ [Кон. III: 452], ‘пашня, на которой никто не сеет’ [Пеев 1976: 123]; с.-хорв. *utrina* ‘pascua’ [Mažuranić II: 1519], вост. *јтрина* ‘пастбище, выгон для скота, pascua’ [Вук; RJA XX: 137; Iveković-Broz II: 675]. В словаре Скока с.-хорв. лексема включается в гнездо слав. **terti*, **tvrq* [Skok III: 512]. Решительно не согласен с таким объяснением Ф. Безлай. Он полагает, что в основе такого объяснения лежит сближение по народной этимологии приведенных лексем с продолжениями **terti*, к отражениям которых отнесены с.-хорв. *utrenik*, *utrvenik*, *trvenik* ‘проторенная дорога’ [Bezljaj 1975: 7–8; Bezljaj II: 235 s.v. *jutro* II]. По мысли Ф. Безлая, ю.-слав. *утрина*, определяемое им как ‘перелог; земля, которая много лет оставалась необработанной и которая в данное время используется для выпаса скота’, этимологически тождественно слав. **(j)utro*, **(j)utrina* ‘jugerum, зе-

* Работа выполнена в рамках темы «Этимологические и этнокультурные исследования лексики русского языка на славянском и индоевропейском фоне» при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

мельная мера', засвидетельствованному в исторических источниках для польск. *jutrzyzna*, *jutro*, чеш. *jitro*, ст.-чеш. и славц. *jutro*, с.-хорв. *jùtro*. Анализируя этимологические версии, Ф. Безлай полагает, что слав. **(j)utro*, **(j)utrina* 'jugerum, мера земли' никак не связаны со сред.-лат. *dies, diurnale, jurnale* [Нидерле 1966: 315], им отвергается возможность калькирования нем. *Morgen* 'jugerum' [Slawski I: 597] или развития из др.-в.-нем. *juchert* 'jugerum' (совр. нем. *Juchert, Jauchert*) [Machek 229]. Далее он обращает внимание на словен. диал. *jâtarc* (v Goriških Brdih) и засвидетельствованные в исторических документах фамилии 1437 *Jure Dobrajatra* 1400 = 1400 *Gutenmôrgen* и т. п., которые, с его точки зрения, могут быть сближены с н.-луж. *jatšy, wjatšy*, кашуб. *jastre* 'Пасха'. Для всей этой группы восстанавливается праслав. **ôstro / *austro* (ср. лат. *aurôra*, лит. *aušrà* 'заря; рассвет'), которое является не заимствованием, как полагал Миклошич [Miklosich 106], а калькой др.-в.-нем. *ôstara* 'Пасха'. Свое объяснение Ф. Безлай подкрепляет ссылкой на отмеченное в диалектах Прекмурья, Каринтии прилаг. *utern* со значением 'светлый' и приводит в качестве семантической параллели словен. *svêt* 'крестьянское владение без леса' или *svetlina*, н.-луж. *svetlina* 'просека, прогалина' от **světitī*. Предполагается, что продолжением основы со старым значением 'светлое место' являются засвидетельствованные в Юлийских Альпах словенские микро-топ. *Utro, Staro Utro, Utrc, Utrce*. Из всего хода рассуждений Ф. Безлая следует признание вторичного характера значения 'земельная мера'. В истолковании, предложенном Ф. Безлаем, далеко не все представляется убедительным. Прежде всего представляется спорным приведенное Ф. Безлаем объяснение зап.-слав. форм, поскольку для них признается наиболее вероятным развитие из **astrb* 'быстрый' > 'ясный, чистый, выразительный' > 'пора времени, когда ясно, весна' > 'Пасха' [SEK II: 335–336].

В. Махек, разбирая чеш. *jitro* и связанные с ним слова, также предполагает, что первоначально это слово не имело отношения к земельной мере, при этом он дает более точное определение исходного значения **(j)utrina* — это 'земельный участок с выкорчеванным лесом' > 'участок земли, обрабатываемый за один раз' [Machek 229]. К сожалению, эта идея не получила развития и обоснования.

Опубликованные в последние годы диалектные словари содержат данные, которые подтверждают предположение В. Махека и позволяют полнее и точнее раскрыть особенности денотата, обозначаемого ю.-слав. **utrina*. В районе Старой Планины на границе с Сербией различали три типа земли — 1) земля, пригодная для пахоты, 2) *утрина* и 3) земля, покрытая лесом [Станојевић 1913: 12]. В южной Шумадии *утрина* определяется как луг, поросший травой: ср. *Утрине су ливада са травом, утрина не пашется* [Петровић 1948: 30, 31]. В словаре, отражающем лексику вост.-серб. диалекта, *јтрина* определяется как 'находящаяся в общественном пользовании земля,

необработанная, запущенная, заросшая мелкой травой», ср. *Отерáмо волóви у утрину и пуштíмо и[х] да пасу́* [Јовановић 2004: 351]. В ресавских говорах *планинске утрине* — это поля или горные пастбища [Мијатовић 1930: 126]. По этнографическим описаниям в северо-восточной части Балкан переселенцы селились не в обжитых местах, а «на утрини», приехавшие по приглашению своего рода и имевшие дом со временем отделялись, для этого «*утрину крче*» [Николић 1905: 61]. На крайнем юге Сербии, на границе с Македонией отмечен топ. *Утрина* [Стевановић 1979: 229]. В описаниях содержится характеристика земли, используемой с разными целями и в разное время. В процессе использования земля переходит из одного состояния в другое: земля, прежде чем стать местом выпаса скота, была перелогом, землей, оставленной для отдыха после использования под посев, а этому предшествовало корчевание, расчистка лесного участка. В описаниях существенно указание на связь *утрина* с корчеванием. Это позволяет предположить, что название относилось к терминам раннего земледелия, которое характеризовалось применением огня и подсеки. Земля отвоевывалась у природы, что требовало больших усилий, особенно в то время, когда еще не было плуга. Использовались разные предикаты для обозначения способов возделывания земли: ср. **derti*, **lomati*, **tvrzati* и т. п. Исходная семантика глаголов со значением 'драть, рвать, ломать и т. п.' проясняет характер действий, с помощью которых производилась разработка лесного участка (корчевание, расчистка участка, первая грубая вспашка целины и т. п.). Соответствующие имена становятся обозначением земли, подготовленной тем или иным способом: ср. **dorъ*, **lomъ* и т. д. В этом фрагменте словаря складываются семантические отношения 'драть, ломать и т. п.' > 'расчищенное место' > 'место, подготовленное под посев или пастбище', 'драть, ломать и т. п.' > 'первая грубая вспашка земли' и т. п. В этом ряду как производное с суф. *-ina* от основы наст. вр. гл. **terti*, **tvrq* может быть понято ю.-слав. **utrina* < **utvrina* со значениями 'перелог', 'пастбище'. Примечательно, что ту же исходную основу **tvr-* имеют приводимые словарями как синонимы с.-хорв. *nǝtprica* = *утрина* (Вук с указанием: у Сријему), *pǝtra*, *pǝtrica* 'поле или виноградник, вытоптанная скотиной' [RJA XI: 189, 208; Iveković-Broz II: 147]. В словенском языке и его диалектах находим связанные с этим глаголом наименования земли, земельного участка: ср. *utro* // *u:tro* 'часть горы, на которой стоят дома, строения' [Ivančič 2007: 103], *útər* 'сильно утрамбованная, утоптанная земля', ср. *Pojdimο igrat se tja na uter* [Plet.² II: 731]. Ф. Безлай в более ранней по времени работе, посвященной словенским гидронимам, соотносит эти названия с русск. *торумъ*, с.-хорв. *ùtrina*, *pǝtrica* и т. п. и соглашается с тем, что они принадлежат к гнезду слав. **terti*. С этими же апеллятивами связываются в этой работе и приведенные выше топ. *Utro*, *Staro Utro*, *Utrc*, *Utrce* [Bezljaj II, 1961: 288].

Славянским языкам известны названия земли от основы с вокализмом *-o-*. Как правило, эти названия относятся к пахотной земле: ср. блр. *атóра* ‘узкий загон, который образуется после того, как вспахан широкий загон’, *атóрак* ‘поле, вспаханное поперек загона’ [Яшкін 1971: 17], полесск. *отўр, отўрыч* ‘часть вспаханного поля’ [Выгонная 1968: 113]. С этим апеллятивом связаны топонимы: ср. русск. *Отор*, дер. в Могилевской губ. ~ польск. *Otor* [Vasmer VI: 508], с.-хорв. *Tor, Tòrina, Tòrina, Tòrine, Torine* и т. д., пашня, луг [Moguš 1966: Senj, 397], *Торйне*, нива [Букумирић 1982: 410].

С включением слов в этот тематический ряд появляются дополнительные аргументы в пользу версии, предложенной в словаре Скока, и той реконструкции первоначального значения, которая представлена в словаре В. Махека. Ставшее основным значение ‘мера земли’ сложилось вторично. В славянских языках поземельные меры получают названия по орудиям, которыми обрабатывалась земля (ср. с.-хорв. диал. *плуг земле*, русск. диал. *плуг земли, соха, рало*), по средству измерения земли (ср. русск. *гон, сажень, веревка* и т. п.), по количеству зерна, которым засеивается земельный участок (ср. русск. *короб*), по количеству дней, необходимых для обработки земли (серб. *дан* ‘количество земли, которое можно обработать за один день’, ср. *Земљораднику се не може продати пет дана земље*) и т. д. Земля на разных этапах подготовительных работ становится единицей измерения сенокосов, пашни: ср. русск. ряз. *плоха* (~ чеш. *plochyj*, слов. *placha* ‘площадь’), *нива* в рязанских, тульских, московских говорах, в окрестностях Пскова и Великих Лук [Коткова 1971: 18–19; см. еще Нидерле 1966: 315], пск. *ляда* [Пск. сл. 17: 296]. Именно по этой модели сложилось значение ‘мера земли’ у слав. **utrina*.

В одном из ю.-слав. ареалов, объединяющем македонские и восточные сербские диалекты, сохранились следы употребления **utrina* > *utrina* в старом значении ‘раскорчеванная земля’, что, видимо, связано с длительным применением подсечного земледелия в этом регионе. Архаичная форма земледелия практиковалась вплоть до начала XX в. на севере Восточной Европы, в отдельных районах Словении, Черногории, Карпат и т. д. На остальной славянской территории уже к X в., а в некоторых районах раньше, произошел переход к плужному земледелию. С переходом к более совершенной технологии возделывания земли происходит ослабление внутренней формы слова, что приводит к сближению и отождествлению с омонимом — слав. **(j)utro* ‘утро’ (ср. макед. *утрина* ‘раннее утро’). Развитию значения ‘мера земли’ способствовали два обстоятельства: наличие семантической модели ‘количество дней, необходимых для подготовки земли под посев’ > ‘земельная мера’ и влияние нем. *Morgen* ‘утро’, ‘земельная мера’. С ослаблением этимологических связей старый термин был вытеснен из употребления. Возобладала форма, тождественная **(j)utro, *(j)utrina*, уже в качестве обозначения земельной меры под влиянием нем. *Morgen*.

ЛИТЕРАТУРА

- Букумирић: *Букумирић М.* Из ратарске лексике Гораждевца // Прилози проучавању језика. 19. Нови Сад, 1983.
- Выгонная 1968: *Выгонная Л. Т.* Полесская земледельческая терминология // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1968.
- Јовановић 2004: *Јовановић Вл.* Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. LI. Расправе и грађа. Београд.
- Кон.: *Димитровски Т., Корубин Б., Стаматовски Т.* Речник на македонскиот јазик. Редактор Конески Б. Т. I–III. Скопје, 1961–1966.
- Коткова 1973: *Коткова Н. С.* Наименования русских поземельных мер и их история // Диалектная лексика 1973. Л., 121–134.
- Нидерле 1966: *Нидерле Л.* Славянские древности. Перевод с чешского. М.
- Николић 1905: *Николић Р.* Пољаница и Клисуре // Српски етнографски зборник. Књ. шеста. Насеља српских земаља. Књ. III. Београд.
- Пеев 1976: *Пеев К.* Земјоделската терминологија во македонските дијалекти // МЈ XXVII, 1976.
- Петровић 1948: *Петровић П.* Живот и обичаји народни у Грузи // Живот и обичаји народни. Књ. 26. Уредио Ј. Ердсмановић. Београд.
- Пск. сл.: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–15–. Л., СПб., 1967–2004–.
- Станојевић 1913: *Станојевић Маринко Т.* Заглавак. Антропогеографска проучавања // Српски етнографски зборник. XX. Насеља српских земаља. Књ. IX. Београд.
- Стевановић 1979: *Стевановић Вл.* Микротопонимија општине Трговишта // Ономаголошки прилози. I. Београд.
- Јашкин 1971: *Јашкин И.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск.
- Bezljaj II, 1961: *Bezljaj F.* Slovenska vodna imena I–II. Ljubljana, 1956–1961.
- Bezljaj 1973: *Bezljaj F.* Kleine Beiträge zur slavschen Wortforschung // Linguistica XIII, 1973, 114 (= *Bezljaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi. I. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2003, 492).
- Bezljaj 1975: *Bezljaj F.* Onomastika v etimoloških slovarjih // Onomastica Jugoslavica V, 1975 (= *Bezljaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi. I. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2003, 539–540).
- Bezljaj: *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1977–2007.
- Ivančić: *Ivančić Kutin Barbara.* Slovar bovškega govora. Ljubljana, 2007.
- Iveković–Broz: *Iveković F., Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika. I–II. Zagreb, 1901.
- Machek: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.
- Mažuranić: *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. T. I–II. Zagreb, 1908–1922. Pretisak: Zagreb, 1975.
- Мијатовић 1930: *Мијатовић Ст.* Ресава // Српски етнографски зборник. Књ. XLVI. Прво одељење. Насеља и порекло становништва. Књ. 26. Београд.

- Miklosich: *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Moguš 1966: *Moguš M.* Toponimika u prvim zemljišnim knjigama bivšeg Senjskog kotara // HDZb. Knjiga II. Zagreb.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. I–XXXIII. Zagreb, 1880–1976.
- SEK: Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny. T. I–V. Warszawa, 1994–2006.
- Skok: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sławski: *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–IV. Kraków, 1952–1983.
- Vasmer: *Vasmer M.* Russisches geographisches Namenbuch. Begründet von M. Vasmer / Herausgegeben von. H. Bräuer. V. I–IX. Wiesbaden, 1963–1980.

КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИЛИ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ: ПАРАМЕТРЫ ВАРЬИРОВАНИЯ

Задачей нашей работы является изучение синтаксических параметров, релевантных для выбора линейного положения атрибута относительно существительного: препозиции (*у великого князя*) и постпозиции (*князь великий*) в языке средневековых восточнославянских памятников¹. Для определения методов исследования принципиально важно, что позиция атрибута в значительной степени определяется самими словосочетаниями или их классами. Качественные прилагательные в большинстве случаев находятся в препозиции (например, по данным в [Санников 1968: 66], для древнерусских текстов это 71,2% случаев)². Многие относительные прилагательные тоже устойчиво фиксируются в препозиции — например, прилагательное в сочетании *крестное цѣлование* (см. [Борковский 1949: 274; Widnäs 1952: 44, 50, 59; Минлос 2008: 207])³. Постпозиция характерна для притяжательных атрибутов [Berneker 1900: 146; Обнорский 1946: 166; Санников 1968: 66, 67; Евстифеева 2008: 173], атрибутов с суффиксом **-ьск-* (см. [Борковский 1949: 261–270; Лаптева 1959: 98–99; Минлос 2008: 207–208]). Учитывая

- 1 Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).
- 2 Известные подсчеты дают сходные значения: по данным С.П. Обнорского, в «Слове о полку Игореве» в препозиции употреблено 78,1% непритяжательных прилагательных в неименной форме [Обнорский 1946: 170]; по данным В.И. Борковского, в древнерусских грамотах в препозиции употреблено 74,2% прилагательных в неименной форме [Борковский 1949: 228].
- 3 Отметим, что это производная от выражения *крест цѣловать*, которое обычно выступает именно в таком порядке (т. е. с той же последовательностью частей). Впрочем, существеннее может быть то, что это сочетание часто выступает в предложной конструкции (прежде всего, на *крестном цѣловании* и по *крестному цѣлованию*).

это, при изучении синтаксических факторов, влияющих на позицию атрибута, представляется целесообразным, по возможности, использовать не весь корпус разнородных словосочетаний, а группы сходных словосочетаний, лучше всего — конкретные словосочетания, для которых есть заметное количество фиксаций как в постпозиции, так и в препозиции. Для многих средневековых светских текстов (княжеских грамот и летописей) в качестве такого словосочетания можно использовать, в частности, *князь великий* / *великий князь*. Настоящая работа ограничена анализом примеров с этим словосочетанием.

Хорошо известна гипотеза о том, что постпозиция атрибута связана с его логическим выделением (согласно [Коробчинская 1955: 79], в какой-то степени и выделения субстантива). Как кажется, это мнение в значительной степени основывается на количественном соотношении порядков: более редкий, необычный даже для древних текстов (и совсем необычный для современного языка) порядок воспринимается исследователями как «стилистически» нагруженный [Борковский 1949; Борковский, Кузнецов 1965: 412], «эмоционально насыщенный» [Обнорский 1946: 166–172]. Однако в оценке коммуникативного выделения элементов старого текста достаточно велик элемент произвола. Более формальные доводы были представлены О. А. Лаптевой, которая продемонстрировала, в частности, что в контекстах противопоставления прилагательные стоят в препозиции ([Лаптева 1959: 104–108], ср. также указание на сходные примеры в [Ворт 1982/2006: 273]), однако это наблюдение трудно доказательно распространить на все случаи препозиции (которых, как сказано выше, по крайней мере для качественных прилагательных большинство). Дальнейший прогресс в исследовании линейной позиции атрибута был связан с изучением формальных корреляций (с падежом и с наличием предлога). Тем не менее, как будет показано в настоящей работе, сейчас появляются новые основания связывать положение атрибута с коммуникативной структурой высказывания.

Ученые отмечали тот факт, что для именительного падежа постпозиция атрибутов характерна в большей степени, чем для других падежей. Это явление на примере словосочетания *князь великий* в великорусских государственных документах XIV–XV вв. обнаружила финская исследовательница Мария Виднес в работе, напечатанной в 1953 году. Особенно выразителен объемный материал XV в.: в именительном падеже на 133 примера *князь великий* приходится всего 6 примеров *великий князь*; в других падежах, наоборот, в 3–4 раза больше примеров с препозицией (273 примера с препозицией и 78 примеров с постпозицией) [Widnäs 1952: 49]. Приводимые ею примеры употребления этого сочетания в текстах XIV в. демонстрируют сходное распределение: в именительном падеже только постпозиция (16 примеров), в сочетаниях с предлогом только препозиция (5 примеров; при этом М. Виднес не выделяла параметр наличия предлога),

в приименном родительном — колебания (1 пример постпозиции и 1 пример препозиции) [Widnäs 1952: 43–44]. О. А. Лаптева, знакомая с работой Виднес, писала, что «прилагательные в форме именительного падежа <...> обычно были постпозитивными», приводя статистические данные по небольшой выборке из «древнейших памятников» [Лаптева 1959: 110]⁴.

Дин Ворт в статье 1982 г. [Ворт 1982/2006] на материале сочетаний с прилагательным *новгородьский* в новгородских пергаменных грамотах⁵ обнаружил, что позиция прилагательного при неодушевленном существительным зависит, в частности, от наличия предлога: в предложных конструкциях прилагательное почти всегда (96%) выступает в препозиции, а в беспредложных конструкциях чаще (67,4%) в постпозиции. При одушевленных существительных прилагательное в материале Ворты в большинстве случаев (82,7%) стоит в постпозиции (вне зависимости от наличия или отсутствия предлога).

В системах, в которых положение атрибута зависит как от падежа, так и от наличия предлога, должна наблюдаться следующая шкала:

обычно постпозиция в именных группах в именительном падеже
> колебания в других беспредложных группах > обычно препозиция в предложных группах

В частности, такая система зафиксирована в материале Д. Ворты (в процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного):

94% в им. п. > 71% в косвенных падежах без предлога > 24% в предложных конструкциях

Использование титула *князь великий* в основном ограничено хронологическими рамками XIII–XV вв. В летописных записях, от-

4 Несколько особняком стоят замечания В. И. Борковского. Связывая постпозицию атрибутов с их предикативностью или «подчеркиванием», он писал, что «в косвенных падежах оно [подчеркивание] было (благодаря тому, что постпозицию в косвенных падежах нельзя было сопоставить со случаями употребления прилагательного в предикате) менее заметным, чем в им. п.» [Борковский 1949: 234]. Из этого может следовать, что Борковский наблюдал обсуждаемую корреляцию, а может следовать лишь то, что эта корреляция хорошо укладывается в его концепцию.

Можно также упомянуть данные, приведенные в работе Р. А. Евстифеевой: для некоторого множества именных групп («сочетания, не образующие групп») в Новгородской первой летописи в препозиции наблюдается практически одинаковое количество примеров в «прямых» и «косвенных» падежах, а среди групп с постпозицией большинство (82%) — в прямых падежах. Под прямыми падежами подразумеваются, по всей видимости, именительный и винительный [Евстифеева 2008: 180].

5 Ворт изучил часть грамот, изданных в [ГВНП].

носящихся к домонгольскому времени, это сочетание используется достаточно редко — оно еще не было формальным титулом; кроме того, в некоторых случаях эпитет мог быть добавлен позднейшим переписчиком, см. обзор источников и литературы в [Филюшкин 2006: 31–38]. Рассматриваемый титул содержит интитуляция трех жалованных грамот начала — середины XII в. (*се азъ князь великий Всеволодъ* [ГВНП, №№79, 80], *се азъ князь великий Изяславъ Мъстиславичъ* [ГВНП, №82]), однако, по словам В. А. Янина, «поскольку рассматриваемые здесь акты сохранились лишь в виде позднейших списков, вполне допустимо предположение о некоторой модернизации в них титулатуры переписчиками» [Янин 1970/2004: 155]⁶ (отметим, что подлинная жалованная грамота того времени — хорошо исследованная грамота Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю [ГВНП, №81; Гиппиус 2008] — не содержит даже титула *князь*). В Московской Руси в XVI–XVII вв. *великий князь* перестает быть единственным титулом московского правителя (в результате распространения титулов *царь* и *государь*); в частности, достаточно обычным становится сочетание *царь и великий князь*. В Великом княжестве Литовском титул *князь великий* (в обоих порядках, в Виленской летописи еще с окончанием *-и*) фиксируется в летописях, тогда как в актах он в таком виде почти неизвестен — ранние княжеские грамоты написаны на латыни, на рубеже XV–XVI вв. употребляется развернутый титул *великий князь литовский, русский...*, а позднее княжеский титул употребляется в сочетании с королевским (*король полски велики князь литовский, русский...*). В обоих государствах в составе распространенных титулов фиксируется препозиция атрибута. При этом в языке Московской Руси исчезновение постпозиции в этом сочетании⁷ согласуется с отмиранием постпозитивного использования всех атрибутов.

В статье [Минлос 2008] были приведены данные для сочетания *князь великий / великий князь* в погодных записях XIV–XVI вв. Строевского списка Псковской летописи⁸. Записи XIII в. были исключены, так как в рассматриваемом сочетании в них преобладает препозиция, в том числе и в именительном падеже. Кроме того, из подсчетов исключен титул *царь и великий князь*, фиксирующийся в записях 1550–60 гг. исключительно с таким порядком. В процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного:

- 6 В [Янин 1991: 137–138] модернизация титулатуры эксплицитно предполагается только для грамоты № 79.
- 7 В частности, по данным В. И. Борковского, в великорусских документах в XVI в. порядок *великий князь* фиксируется в 80% употреблений, а в документах XVII в. — в 100% употреблений [Борковский 1949: 231].
- 8 Строевский список датируется второй половиной XVI века. Основная часть памятника — погодные записи, относящиеся к XV в. В языке этого списка отражены особенности псковского диалекта.

94% в им. п. > 38% в косвенных падежах без предлога > 21% в предложных конструкциях

На концах шкалы (в именительном падеже и в предложных конструкциях) видим почти те же процентные значения, что и в материале Д. Ворта, а в косвенных беспредложных падежах есть различие: в нашем материале преобладает препозиция, а в материале Ворта — постпозиция.

Как видно из табл. 1, ничтожное количество примеров в винительном и творительном падежах ограничивает возможность уточнить различия в положении атрибута в косвенных падежах. Можно только отметить, что доля постпозиции в родительном падеже (исключительно приименном) меньше, чем доля постпозиции в дательном.

Таблица 1. *князь великий* / *великий князь* в Строевской летописи⁹

	AN	NA
Nom, –prep	10	176
Acc, –prep	4	3
Gen, –prep	83	47
Dat, –prep	26	17
Instr, –prep	1	0
+prep	94	27

На материале сочетания *князь великий* / *великий князь* в т. н. «старобелорусской» Виленской летописи (цитируется по [ПСРА XVII])¹⁰ слабее, чем в рассмотренных системах, выражена корреляция постпозиции атрибута и именительного падежа (как и выше, в процентах указана доля примеров с постпозицией прилагательного)¹¹:

74% в им. п. (50 примеров) > 41% в косвенных падежах без предлога (12 примеров) > 24% в предложных конструкциях (4 примера)

- ⁹ Используются следующие условные обозначения: AN (сокращение от Attribute Noun) — препозиция атрибута, NA — постпозиция, –prep (сокращение от –preposition) — именная группа без предлога, +prep — предложная группа.
- ¹⁰ Этот текст, занимающий лл. 437–450 Летописи Авраамки (кон. XV — нач. XVI вв.), описывает небольшой фрагмент истории Великого княжества Литовского (1341–1395 гг.) и является одним из старейших списков летописной истории Литвы.
- ¹¹ Чтобы сделать материал максимально однородным, мы использовали только однотипные именные группы, содержащие сочетания титула (*князь великий* / *великий князь*) с именем (например, *князь великий Витовт*). Иные конструкции, в том числе и примеры сочинения именных групп, не рассматриваются (например, *сам великий князь Витовт* или *король и князь великий Скиргайло*).

В языке Виленской летописи основным параметром, определяющим линейное положение атрибута в беспредложной именной группе *князь великий* / *великий князь*, является, по видимому, не падеж, а линейное расположение именной группы относительно глагола. Именные группы, стоящие перед глаголом, обычно (в 88% случаев) демонстрируют порядок *князь великий*: зафиксировано 50 примеров постпозиции атрибута и 7 примеров препозиции. Именные группы, стоящие непосредственно после глагола, обычно (в 76% случаев) демонстрируют порядок *великий князь*: на 22 примера препозиции приходится 7 примеров постпозиции. Неконтактное положение справа от глагола само по себе, видимо, не является позицией, определяющей порядок в именной группе: на 6 примеров препозиции атрибута приходится 5 примеров постпозиции.

Таким образом, постпозитивный атрибут особенно регулярно выступает в беспредложных именных группах, стоящих перед глаголом (*князь великий Ягаило дал был Полтеск брату своему князю Скиргайлу*), препозитивный атрибут отмечается в основном в именных группах, стоящих непосредственно после глагола (например, *и нача великий князь Витовт добывати града*). Это распределение технически можно сформулировать следующим образом: атрибут стоит слева от имени, если глагол стоит непосредственно слева от именной группы, и справа от имени, если глагол стоит справа.

Предложных групп отмечено сравнительно немного. Во всех контекстах преобладает препозиция атрибута. Перед глаголом зафиксированы только 3 предложные группы, все они демонстрируют препозицию атрибута (хотя именно это положение в наибольшей степени благоприятствует постпозиции в беспредложных группах). Непосредственно после глагола: 5 примеров препозиции, 2 примера постпозиции; правее глагола (неконтактно): 7 примеров препозиции, 2 примера постпозиции. Таким образом, нельзя исключать, что предложная группа является самодостаточным контекстом, благоприятствующим выбору препозитивного атрибута независимо от положения во фразе (то есть даже если предложная группа стоит в препозиции к глаголу, все равно в ней будет порядок AN); впрочем, примеров слишком мало.

Для рассмотренного материала беспредложных групп выше предложено две закономерности. Описание, связывающее положение прилагательного с падежом, объясняет 69% случаев. Описание, связывающее положение прилагательного с положением именной группы относительно глагола, объясняет 80–90% случаев (90% примеров можно считать регулярными в том случае, если исключить из рассмотрения именные группы, стоящие справа от глагола, но не непосредственно после него). С синхронной точки зрения до-

статочного одного, более покрывающего объяснения (атрибут стоит в постпозиции, когда именная группа стоит перед глаголом). Тот факт, что атрибут часто стоит в постпозиции при существительном в именительном падеже, не означает, что в рассмотренной системе падеж влияет на положение атрибута: это скорее следствие того, что группы в именительном падеже (т. е. субъекты) особенно регулярно стоят перед глаголом. В самом деле, в рассмотренном материале 74% групп в именительном падеже стоят перед глаголом, а 76% беспредложных групп в косвенных падежах — после глагола.

Великорусские тексты, в которых была зафиксирована зависимость положения атрибута от падежа, не показывают зависимости положения атрибута от места именной группы в предложении.

В Строевском списке большинство беспредложных групп содержит постпозицию атрибута (в этом отношении суммарные данные оказываются в большой зависимости от данных именительного падежа, так как номинативные группы составляют 79% всех беспредложных групп). Перед глаголом доля групп с постпозицией атрибута выше (91%, 148 примеров), чем в положении после глагола (66%, 48 примеров), причем и это различие обеспечивается исключительно данными именительного падежа.

Настоящая работа позволяет сделать следующие предварительные выводы о наборе параметров, релевантных для положения атрибута. В предложных группах одиночный атрибут обычно находится в препозиции, т. е. между предлогом и существительным. Для беспредложных групп существует две корреляции: 1) атрибут регулярно находится в постпозиции в именных группах в номинативе, 2) атрибут регулярно находится в постпозиции, когда именная группа стоит перед глаголом. Эти два правила дают одинаковые результаты для номинативных групп, которые стоят перед глаголом (например, *князь великий Ягаило дал был...*), а таковых среди беспредложных именных групп большинство. Второе правило, насколько известно, ранее не предлагалось¹².

Обнаруженная нами (прежде всего на материале Виленской летописи) закономерность имеет аналогию в современном русском языке. Постпозиция атрибутов (обычно местоименных) в современном языке нормальна только в именных группах, стоящих в начале предложения, в предглагольной тематической позиции, как в (1)¹³.

(1) *И мысль эта меня не покидает.*

12 Ворт высказывал предположение о том, что линейное положение атрибута «во многих случаях обусловлено» положением именной группы относительно глагола, но не рассматривал этот параметр системно, а анализ небольшого и достаточно случайного материала одного словосочетания привел его к закономерности, противоположной нашей.

13 При обследовании современных русских текстов использовался Национальный корпус русского языка (www.russcorpora.ru).

Постпозицию таких безударных атрибутов можно было бы связывать с понятием «вакернагелевской темы» (безударная тематическая позиция после первого полнозначного слова в предложении, см. [Янко 2001: 79])¹⁴.

Возможно, достаточно неясная сама по себе связь постпозиции атрибута с именительным падежом развилась вторично как закрепление самого частотного порядка: группы в именительном падеже чаще всего стояли перед глаголами, соответственно, содержали постпозицию атрибута, а в ходе эволюции системы эта постпозиция была перенесена на любое использование именительного падежа. Такой процесс естественнее всего предположить для отдельных частотных сочетаний (как рассматриваемое *князь великий*). Преппозиция атрибута в косвенных падежах могла также отчасти поддерживаться препозицией в предложных сочетаниях.

Нельзя полностью исключать, что препозиция атрибута в предложных сочетаниях отчасти определялась тем, что предложные группы обычно находятся после глагола. Однако, учитывая большую устойчивость препозиции при предлоге, кажется более продуктивным направление интерпретации, предложенное Д. Вортом: предлог с непосредственно следующим за ним атрибутом (напр., *от великого князя*) образует тесное единство, а атрибут, оторванный от предлога (*от князя великого*), является грамматически ущербным (эту ущербность и восполняет повтор предлога: *от князя от великого*). Может быть, притяжение атрибута к глаголу и притяжение к предлогу являются (на определенном уровне грамматической абстракции) реализацией одной и той же закономерности.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский 1949: *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
- Ворт 1982/2006: *Ворт Д.* Повторение предлога в древнерусском // *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 269–285.
- ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Евстифеева 2008: *Евстифеева Р. А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской первой летописи // *Русский язык в научном освещении.* №2 (16), 2008. С. 162–203.

14 Отметим, что для тематической позиции отмечается и совершенно иной класс случаев с постпозицией атрибута, в которых атрибут выделен, ср. примеры из [Шахматов 1941: 202]:

(2) *Человек сердитый пугает иногда своим видом.*

(3) *Люди голодные не могут быть обвинены в подобном нарушении.*

Тем не менее, для других позиций в коммуникативной структуре предложения постпозиция атрибутов нехарактерна.

- Коробчинская 1955: *Коробчинская А. А.* Функции порядка слов в древнерусском языке // Вопросы языкознания. Кн. 1. Львов, 1955. С. 73–85.
- Минлос 2008: *Минлос Ф. Р.* Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. №15 (2008).
- Обнорский 1946: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л., 1946.
- ПСРЛ XVII: Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. М., «Языки славянских культур», 2008.
- Шахматов 1941: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.
- Филюшкин 2006: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.
- Янин 1970/2004: *Янин В. Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М., 2004 (Первая публикация — в сб.: Культура Древней Руси. М., 1970).
- Янко 2001: *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Widnäs 1952: *Widnäs M.* La position l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1952.

В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИМУМ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ МАКСИМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Раздумывая о сюжете своей статьи в юбилейный сборник Анатолия Федоровича Журавлева, я перебирал в памяти разные эпизоды моих встреч с Юбиларом: диалектологические поездки в Полесье, выступление в качестве оппонента на защите его кандидатской диссертации, научные трапезы в гостях у нашего общего Учителя Н. И. Толстого, дискуссии на конгрессах славистов и конференциях... Сделать окончательный выбор помогло одно счастливое обстоятельство. В начале апреля 2009 года мы оба были приглашены читать лекции и оппонировать ученикам профессора А. Д. Дуличенко в Тартуский университет. Почти неделя жизни в одной небольшой гостинице оживила многое, а главное — заставила нас вновь вспомнить всё, чем мы обязаны Никите Ильичу Толстому и тому счастливому времени, когда мы были вовлечены им в орбиту славянской этнолингвистики и круга молодых «толстовцев», ставших теперь именитыми учеными.

Одна из моих лекций в Тарту была посвящена русской паремиологии, а точнее — паремиологическому минимуму. Анатолий Федорович, присутствовавший на лекции, заинтересованно реагировал на ее сюжет. Обсуждение проблем славянской паремиологии закончилось поздно вечером в старовойрческой деревне Нос (эстонское название — Нина) на берегу Чудского озера, где мы вместе с Юбиларом и А. Д. Дуличенко вглядывались в сторону противоположного берега, распевая русские народные песни.

Да, — фольклор неистребим, как и человеческая память. Надеюсь, что и статья о современной жизни русских пословиц напомнит Анатолию Федоровичу о наших встречах.

Накануне поездки в Тарту, в конце февраля — начале марта, проезжая на эскалаторе нескольких станций петербургского метро, я — как и миллионы других пассажиров — с радостью обратил внимание на большие рекламные щиты, на которых красова-

лась отнюдь не навязывая в зубах реклама, а — кондовые русские пословицы, искусно расписанные славянской вязью на лубочном цветном фоне. Постепенно, многократно спускаясь и поднимаясь по эскалаторам нашей любимой «подземки» и вспоминая песню Б. Окуджавы «Мне в моем метро никогда не тесно...», я с паремиологическим садизмом записывал все пословицы, вытеснившие вдруг призывы покупать новую сантехнику или модернизированные прокладки. Я заметил, что на некоторых станциях метро (напр., «Политехнической», «Академической», «Невский проспект», «Елизаровской», «Новочеркасской») «паремиологических щитов» весьма много — до 7–9, на других же (напр., «Канал Грибоедова», «Московская», «Сенная площадь», «Электросила») — не больше трех, на некоторых же (напр., «Василеостровская») они полностью отсутствуют. Эта неравномерность привлекла мое внимание уже тем, что она не была обусловлена рекламной прагматикой: и на станциях, где пословичные щиты отсутствовали, сохранялись «пустоты» коммерческой рекламы, заполняемые иной некоммерческой информацией — напр., силуэтами нашего города с рукописными строками А. С. Пушкина.

Конечно, не будучи работником метро, я не льстил себя надеждой, что раскрою все тайны «чудесного явления» русских пословиц на эскалаторных ступенях. Как паремиолог, однако, я уже не мог отвязаться от навязчивой идеи объяснить этот новейший транспортный феномен чисто лингвистически, точнее — социолингвистически.

Отказавшись от ответа на вопрос «Кто виноват?», а точнее — «Кто распорядился вывесить пословицы на ступеньках эскалатора?» или «Кто именно отобрал круг эскалаторных пословиц?», я сконцентрировал свое внимание на следующих трех вопросах:

1. К каким концептосферам относятся избранные работниками метро русские пословицы?

2. Почему именно эти концептосферы предпочтены современными рекламодателями «подземки»?

3. Как соотносится отбор этих пословиц со знаменитым паремиологическим минимумом Г. А. Пермякова?

Ответ на эту вопросную триаду заставил меня спускаться в метрополитен гораздо чаще, чем обычно, ибо для объективного анализа стало необходимым точно измерить и сам корпус щитовой «паремиологической корзины», и частотность каждой пословицы, в нее попавшей.

В результате «проезжённого обследования» удалось установить точное число русских пословиц, запущенных в подземную рекламную сеть нашего города. Количественно она невелика — всего 12 паремий. Перечислю их в принятом нашим петербургским фразеологическим семинаром порядке — по первому опорному слову-существительному каждой из них:

1. *Авось да как-нибудь до добра не доведут.*
2. *Банька не нянька, а хоть кого ублажит.*
3. *Едешь на день, хлеба бери на неделю.*

4. *Легко добыто, легко и прожито.*
5. *Обидеть легко, да душе каково.*
6. *И конь спотыкается, да поправляется.*
7. *Где любовь да совет, там и горя нет.*
8. *Птицы сильны крыльями, люди — дружбой.*
9. *Умный не осудит, а глупый не рассудит.*
10. *Час упустишь, годом не наверстаешь.*
11. *Шутки любишь над Фомой, так люби и над собой.*
12. *А где щи, там нас и ищи.*

Любопытно, что все они имеют различную частотность манифестации не только en gros, т. е. в общей картине эскалаторной рекламы, но даже — в пределах одной станции метро. Так, пословица *А где щи, там нас и ищи* повторяется на некоторых станциях метро по 3 раза, а пословицы *Легко добыто, легко и прожито* и *Обидеть легко, да душе каково* — дважды, в то время как *Авось да как-нибудь до добра не доведут* и *Умный не осудит, а глупый не рассудит* всего по одному-единственному разу. Пословицы же *Банька не нянька, а хоть кого ублажит*, *Едешь на день, хлеба бери на неделю*, *Где любовь да совет, там и горя нет*, *Птицы сильны крыльями, люди — дружбой*, *Час упустишь, годом не наверстаешь* и *Шутки любишь над Фомой, так люби и над собой* отражены единично всего лишь на нескольких станциях. Как увидим ниже, частотность их презентации на рекламных щитах метро абсолютно не совпадает ни с частотой их реального употребления в современной речи, ни с частотой их фиксируемости в русских паремиологических сборниках и словарях.

Такая «статистика», как кажется, вызвана субъективными предпочтениями анонимного автора паремиологической рекламы, и в когнитивном анализе наших 12 паремий от нее следует отвлекаться.

Какие же концептосферы нашей современной русской жизни отражены этими пословицами?

Как легко увидеть, их когнитивный потенциал вполне соответствует конкретному концептному «набору», вдоль и поперек исследованному нашими когнитологами-русистами за последние 20 лет:

1. Концепт «Судьба»: *Авось да как-нибудь до добра не доведут.*
2. Концепты «Любовь» и «Дружба»: *Где любовь да совет, там и горя нет; Птицы сильны крыльями, люди — дружбой.*
3. Концепт «Время»: *Едешь на день, хлеба бери на неделю; Час упустишь, годом не наверстаешь.*
3. Концепт «Совесь» и ее угрызения: *Обидеть легко, да душе каково.*
4. Концепты «Ум» и «Глупость»: *Умный не осудит, а глупый не рассудит.*
5. Концепт «Проступки человека» и возможность их исправления: *И конь спотыкается, да поправляется.*

6. Концепт «Критика» и «Самокритика»: *Шутки любишь над Фомой, так люби и над собой.*

7. Концепт «Богатство, материальные блага» и их эфемерность: *Легко добыто, легко и прожито.*

8. Концепт «Национальная русская кухня»: *А где щи, там нас и ищи.*

9. Концепт «Национальный русский быт»: *Банька не нянька, а хоть кого ублажит.*

О каждом из таких паремиологических и лексико-фразеологических концептов написано множество книг и статей, а такие пословицы, как *Авось да как-нибудь до добра не доведут*, стали трамплином для далеко идущих выводов о типично русском менталитете. Так, одна из основателей когнитивного направления в современной русистике А. Вежицкая пишет, что «русское авось» — «это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу. И — далее: «Таким образом, русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, — теме судьбы, неконтролируемости событий, существования в непознаваемом и неконтролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир» [Вежицкая 1996: 78–79].

Как видим, концептная актуальность и репрезентативность избранного ряда пословиц несомненны уже потому, что каждая из них достойна детальнейшего когнитивного анализа в духе А. Вежицкой, В. Н. Телии, Н. Ф. Алеференко, В. И. Карасика и других известных когнитивистов.

Пока же ответ на первый поставленный вопрос в целом стал и ответом на вопрос второй — «Почему именно эти концептосферы предпочтены современными рекламодателями „подземки“?» Ведь очерченные «эскалаторными» пословицами концептосферы являются эффективной реакцией на самые актуальные проблемы современной русской жизни, ее болевые точки и идеалы. Неуверенность в будущем и вера в слепую удачу — это русский паремиологический *Авось*, любовь и дружба — идеальная панацея от всех бед и катаклизмов, убежденность в зыбкости скорого обогащения («Богатые тоже плачут») — наше утешение в нищете, спотыкающийся, но поправляющийся *конь* — столь же утешительное право на погрешение, русская *банька* — вожаемое место субботнего отдыха, наконец, — дармовые *щи* — пресловутое ожидание халявы, которое подпитывает кормушки современных строителей различных финансовых пирамид...

Ответив на два первых поставленных вопроса, перейдем к третьему, собственно паремиологическому. Т. е. перейдем от паремиологических максимумов, запечатленных рекламными щитами, к паремиологическому минимуму Г.А. Пермякова. Идея, выдвинутая в 1971 году известным московским ориенталистом и паремиологом [Пермяков 1971], сразу же вызвала большой интерес и показала многим из нас заманчивой. Ведь научно обосновать и минимизировать отбор наиболее употребительных конкретных пословиц в конкретном языке — значило бы очертить само ядро того нетленного запаса «народной мудрости», которое передавалось из поколения в поколение.

Паремиологический минимум — это не только «живой фольклор», но и та заповедная часть образного и экспрессивного национального языкового фонда, которую следует рекомендовать иностранцам, желающим постичь нашу загадочную русскую душу. Это и та группа пословиц, которую следует рассевать в качестве «разумного, доброго, вечного» в школах и вузовских учебниках, особо комментировать в пособиях по культуре речи и культурологических справочниках.

Г.А. Пермяков не только выдвинул заманчивую идею паремиологического минимума, но и предложил его конкретную разработку на русском материале в виде так называемого «паремиологического эксперимента», целью которого стало выявление «паремиологического фонда» (т. е. наиболее употребительных паремий) и «паремиологического минимума» (т. е. минимального состава паремий, известных говорящим). Группе информантов из Москвы и Московской области было предложено определить неизвестные им паремии из списка в 1494 единицы. После получения 300 ответов другая группа информантов (около 100 человек) оценивала известность тех 538 паремий, подобранных Г.А. Пермяковым, которые на первом этапе эксперимента показали не менее 90% степени известности. По результатам эксперимента был выделен максимальный объем наиболее употребимых паремий, не превышающий 500 единиц [Пермяков 1988: 154–166]. Минимальное же их число определено московским паремиологом в объеме около 300 единиц и стало лексикографической основой для небольших практических словариков болгарского и немецкого языков [Пермяков 1985: 1986].

Энтузиазм, с которым была встречена идея паремиологического минимума и его русская версия, разработанная Г.А. Пермяковым, вполне объясним не только обозначенными выше заманчивыми перспективами, которые они сулили, но и общим состоянием паремиологии и паремиографии конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века по сравнению с лексикологией и лексикографией. Ведь к началу 70-х годов лексика большинства европейских языков была статистически просчитана, ее ядро и периферия были частотно измерены как в синхронии, так и в диахронии, а на многие языки (русский, немецкий, английский, французский) уже приходилось по несколько частотных лексических словарей разного типа и объема.

Пословичный же и фразеологический материал ни одного из европейских языков не был измерен даже приблизительной частотной мерой. Да и до сих пор мы так и не имеем ни одного частотного фразеологического или паремиологического словаря, отчего их корпуса количественно колеблются от 300 до 50 000 фразеологизмов или паремий. Парадоксально, но факт: всеми нами постоянно используемый и переиздаваемый «обычный» «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [ФСРЯ 1967] включает свыше 4 тысячи ФЕ, в то время как недавно вышедший «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии [БФСРЯ 2006] — всего полторы тысячи. «Большой словарь русских поговорок», представляющий максимальный корпус нашей народной фразеологии [Мокиенко, Никитина 2008], включает более 40 000 образных выражений. Если же к нему причислить и корпус большого словаря русских народных сравнений общим числом 45 000 [Мокиенко, Никитина 2008a], то этот максимум увеличивается более чем вдвое. Таков количественный «перепад» наших словарей данного жанра.

Характерно при этом, что и словари с количественно небольшим объемом фразеологического и паремиологического материала отбирают далеко не самые употребительные паремии и потому уже не претендуют на роль частотных словарей.

При таких обстоятельствах, естественно, уже сама попытка очертить паремиологический минимум не могла не вызвать энтузиазма и подражания. Идея Г. А. Пермякова была подхвачена не только советскими паремиологами, но и нашла горячих приверженцев в европейских странах и США. В Германии, например, статьи московского паремиолога на данную тему были переведены на немецкий язык [Chlosta, Grzybek 2000], а рабочая группа семиологов и паремиологов из Бохума, возглавляемая П. Гржибеком и В. Айсманом, занялась описанием немецких пословиц в статистическом ключе, проводя широкое анкетирование в разных землях Германии [Grzybek 1991; 1994; Eismann, Grzybek 1994]. Аналогичную работу П. Грибек проделал в соавторстве с коллегами и на материале хорватского и других языков [Grzybek, Skara, Heyken 1993 и др.], представив предварительные статистические выкладки по паремиологическим анкетам. Современную чешскую паремиологию в том же направлении эмпирически обследовал Ф. Шиндлер, результатом чего явилась не только специальная монография [Schindler 1993], но и словарь чешских пословиц, созданный на основе прямого анкетирования многочисленных информантов [Schindler, Bittnerová 1997].

В СССР и современной России широкого анкетирования и массивной статистической обработки русская паремиология пока не получила, а сейчас — учитывая черепаший темпы и дороговизну «Почты России» — видимо, и не получит. Мы, как часто бывает,

отстали в реализации перспективной идеи, приоритет которой принадлежит нашему соотечественнику.

Зато ссылок на эту идею и челобитья ее автору в отечественной паремиологической литературе хватает. Имеются и отдельные скромные попытки применить эту идею на практике. Так, в преподавании русского языка как иностранного время от времени предлагается отбор ограниченного числа фразеологизмов и пословиц для активного использования при обучении учащихся разного уровня владения нашим языком (см., напр. [Казнышкина 1985; Якименко 1990]). Учитывается факт имплицитно нащупываемой частотности и в специальных пособиях по обучению фразеологии в иностранной аудитории (напр.: [Мокиенко, Степанова, Малински 1995; Вальтер, Малински, Мокиенко, Степанова 2005; Минакова 2005]).

Что же дал нам опыт наших отечественных и зарубежных коллег и собственный опыт?

Увы, при всей эвристичности и кажущейся перспективности «паремиологического эксперимента» он не только не подтвердил, но скорее опроверг самые основы идеи паремиологического минимума, выдвинутой Г.А.Пермяковым. Общего минимума, минимума «для всех» носителей конкретного языка, видимо, не существует. Существует лишь «зона узнавания», которая определяет более или менее условное ядро национальной паремиологии. Но это ядро колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка в зависимости от индивидуального восприятия Слова, его образных и экспрессивных потенций и личного речевого опыта. Независимо от социального статуса и образовательного ценза люди с развитым чувством слова широко пользуются пословицами и поговорками, люди же рационального, рассудочного склада характера и мышления их почти не употребляют. Такой вывод можно сделать не только при анализе фразео- и паремиоупотребления у писателей, поэтов или журналистов, но и при наблюдениях над живой речью жителей наших городов и деревень, больших и малых социумов. Употребление паремий избирательно, оно регулируется не их общей частотностью в языковой системе, а индивидуальными предпочтениями говорящих.

Увлечшись в 70-е годы идеей Г.А.Пермякова, автор этих строк проводил фронтальный устный паремиологический опрос чешских туристов, приезжавших в СССР в 70-е годы прошлого века. Выписав на карточки около 1000 чешских пословиц из различных паремиологических собраний, я опрашивал чехов по «трехбалльной» системе. Пословицы активно употребительные и всем известные обозначались знаком «плюс» (+), не слишком употребительные, «нейтральные», порою и незнакомые носителям языка, но понятные им по образности и лексическому составу — знаком «нуль» (0). Наконец, периферийные, архаичные, давно вышедшие из употребления или узко региональные, с затемненной образностью — знаком «минус» (-). В проекте «Русско-чешского и чешско-русского словаря посло-

виц» [Мокиенко 1979] было предложено использовать эту систему при составлении двуязычных паремиологических словарей. Весьма последовательно такое «троичное» распределение пословичного корпуса, также сделанное на основе широкого опроса информантов, применила в алфавитных индексах пословиц к своему словарю М. Ю. Котова [2000, 273–357; 2003, 26–28]. К сожалению (вероятно, из-за того, что такая «разметка» вынесена лишь в индексы и не нашла отражения в основном корпусе словаря), мало кто из паремиологов обратил внимание на эту полезную и трудоемкую часть словаря петербургской исследовательницы.

Наложив русский паремиологический минимум, составленный Л. Г. Пермяковым, на словники большинства вышедших словарей русских пословиц (особенно тех, которые отбирались на основе классических и современных текстов — [Жуков 1966; Жуков 1991; ШСП 2002]), следует констатировать их разительное несоответствие.

Весьма аргументированному критическому анализу подверг паремиологический минимум Л. Г. Пермякова белорусский исследователь Е. Е. Иванов. В своем докладе на XI Международном конгрессе МАПРЯЛ [Иванов 2007] он продемонстрировал несоответствие этого минимума реальным весьма употребительным блокам русской паремиологии, отраженным современными словарями и паремиологическими собраниями. Так, в паремиологический минимум не вошли столь употребительные, «знаемые» (по терминологии Л. Г. Пермякова) пословицы, как *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Пар костей не ломит; Ворон ворону глаз не выклюет; По Сеньке и шапка* или *Хороша Маша, да не наша*. Вслед за А. Крикманом Е. Е. Иванов отметил количественную и качественную несбалансированность персонального состава информантов Л. Г. Пермякова и территориальную ограниченность проведенного эксперимента. Вот почему белорусский паремиолог предложил заменить поиски «паремиологического минимума» выявлением и скрупулезным описанием «основного паремиологического фонда» славянских языков. Последний, по его мнению, можно выявить на основе точных подсчетов фиксаций той или иной паремии в соответствующих источниках. Обсуждение доклада Е. Е. Иванова заставило многих участников признать его критику паремиологического минимума в целом справедливой, как и предложенную им идею основного паремиологического фонда.

Может показаться, что экскурс в историю концепции паремиологического минимума несколько увел нас в сторону от «детективных» поисков первоисточника «эскалаторных пословиц» в петербургском метро. Однако, как представляется, записанные в нем 12 пословиц имеют самое прямое отношение к паремиологическому минимуму Л. Г. Пермякова и к его конструктивному критическому пересмотру. Как мы видели, эти пословицы, внезапно явившиеся на рекламных щитах «подземки», чрезвычайно актуальны по концептосферам, которые ими отражаются. Это, вероятно, и стало главным

критерием их отбора анонимным (или точнее — неизвестным нам) автором «эскалаторного» паремиологического собрания.

Соотнесение же последнего с паремиологическим минимумом Г. А. Пермякова, т. е. с 500 наиболее употребительных русских паремий, рекомендованных им для активного пользования и лексикографической обработки [Пермяков 1988: 154–166] приводит к поразительному результату: лишь одна (!) из 12 записанных в метро пословиц входит в этот минимум. А именно — пословица о знаменитом русском *Авось*: *Авось да как-нибудь до добра не доведут* [Пермяков 1988: 157].

Значит ли это, что все 12 пословиц, вывешенных в метрополистане, нечастотны и относятся к периферии русского паремиологического фонда?

И да, и — нет.

Да — потому что все они действительно не относятся к ряду пословиц, «узаконенных» большинством русских паремиологических собраний, — т. е. не соответствуют ни критерию частотности употребления по «минимумной» шкале Г. А. Пермякова, ни альтернативному критерию паремиологической «фондовой» частотности, предложенному Е. Е. Ивановым.

База данных русской паремиографии, созданная членами Петербургского фразеологического семинара (СПбГУ), на основе которой сейчас составляется «Большой словарь русских пословиц», дает объективную возможность точно идентифицировать фиксируемость интересующих нас 12 «эскалаторных пословиц» в русских паремиографических источниках.

Вот что показывает такая идентификация.

1. *Авось да как-нибудь до добра не доведут*. — Раз. 1957, 51; Жук. 1966, 31; Танч. 1986, 15

2. *Банька* не нянька, а хоть кого ублажит. — Жук. 1991, 36

3. *Едешь на день*, хлеба бери на неделю. — Снег. 1848, 470; ДП 2, 3; Д 1, 427; Д 2, 376; Бир. 1960, 20; Рыбн. 1961, 42; Соб. 1956, 27; Жук. 1966, 144; ФСГ 1972, 69; Аникин 1988, 90; Ставшина 2008, 216

4. *Легко добыто*, легко и прожито. — Д 2, 19; Аникин 1988, 159

5. *Обидеть легко*, да *душе* каково. — Д 2, 76

6. *И конь* спотыкается, да *поправляется*. — Спир. 1985, 26

7. Где *любовь* да совет, там и горя нет. — Мих. 1, 222; Спир. 1985, 117; Жук. 1991, 82; ППЗК 2000, 18; Киселев 2004, 25

8. *Птицы* сильны крыльями, люди — дружбой. — Отсутствует в базе данных. Есть вариант: *Птица* сильна крыльями, а человек — дружбой — Под., Зим. 1956, 65; Спир. 1985, 118

9. *Умный* не осудит, а глупый не рассудит. — Д 4, 50; Снег. 1848, 417; Аникин 1988, 313

10. *Час* упустишь, годом не наверстаешь. — Жук. 1991, 349. Ср. варианты: *Часом опоздаешь* — *годом не наверстаешь* — Раз. 1957, 208;

ППЗК 2000, 59; *Весной часом опоздаешь — в (за) год не наверстаешь* — Спир. 1985, 31

11. *Шутки любишь над Фомой, так люби и над собой.* — Ср. варианты: *Шутку любить над Фомой — так люби и над собой* — Аникин 1988, 333; *Шутку любишь над Фомой — так люби и над собой* — ППЗК 2000, 72

12. *А где щи, там нас и ищи.* — ДП 1, 134; Раз. 1957, 47; Соб. 1956, 53; Аникин 1988, 13

Как видим, большинство этих — вдруг востребованных современной рекламой — пословиц не относится ни к паремиологическому минимуму Г. А. Пермякова, ни к основному паремиологическому фонду Е. Е. Иванова. Для многих из них в отечественных собраниях пословиц можно найти немало вариантов.

Вариантность вообще — характерный признак частотности употребления пословицы, и в приведенных выше данных основные из них к каждой паремии приводятся. Самой вариативной (в широком смысле, т. е. со включением в вариантный ряд паремий с одним коннотативно маркированным компонентом), пожалуй, можно назвать пословицу о русском *Авось* — ср. лишь часть из них: *Русский человек любит авось, небось да как-нибудь.* ДП 1, 257; *Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь.* ДП 1, 257; Танч. 1986, 132; *Русский на авось и возрос.* ДП 1, 257; *Авось, да небось, да как-нибудь.* ДП 1, 378; *Кто авосьничает, тот и постничает.* ДП 1, 378; *С авосником нехотя согрешешь* (или: *попадешь в беду*). ДП 1, 378; *Авось да небось доводят до того, что хоть брось.* ДП 1, 378; *Авоськал, авоськал, да и доавоськался.* ДП 1, 378; *Авоська веревку вьет, небоська петлю накидывает.* ДП 1, 378; *Авось да небось доводят до того, что хоть брось.* ДП 1, 378 и др. Наиболее частотным в этом ряду по фиксации в сборниках оказывается вариант *Авось да как-нибудь до добра не доведут*, который и отражен «эскалаторным фольклором».

Любопытно, что лишь 5 из 12 этих пословиц зафиксированы самым авторитетным современным словарем В. П. Жукова. Показательно при этом, что при обилии литературных контекстов ко многим другим пословицам, описанным в этом словаре, эти пословицы иллюстрируются немногими цитациями, причем из советской «средней» литературы: напр., пословица об *Авось* — из романа В. Авдеева «Гурты на дорогах», а пословица о *Любви* — из произведения П. Воронина «В дальней стороне». Следовательно, даже такие пословицы, не говоря уже об остальных семи, не отраженных словарем В. П. Жукова, частотными и высоко употребительными считать нельзя.

Но назвать их неупотребительными и нечастотными после того, как они внедрены в массовую «эскалаторную» программу и прочитываются ежедневно миллионами пассажиров метро, — тоже нельзя.

Все эти еще недавно периферийные пословицы в одночасье стали популярными — столь же популярными, как пословицы *Богатые тоже плачут* из мексиканской «мыльной оперы», *Коней на переправе не меняют* из американского политического дискурса или *Кто не рискует, тот не пьет шампанского* из обихода отечественных нуворишей.

В чем же разгадка феномена «эскалаторной» паремиологической девятки и какое отношение она имеет к паремиологическому минимуму?

Разгадка, как кажется, кроется именно в сущностной несоизмеримости, несопоставимости лексики и паремиологии по признаку частотности. Если частотность лексики можно исчислить относительно объективно, ориентируясь на усредненные данные о носителях языка или жанровый характер текста, то частотность паремиологии такому исчислению не поддается. Причина этому — индивидуальная предпочтительность употребления паремий, обусловленная тем, что пословицы — это сжатые креативные мини-тексты, лапидарные литературные произведения. Форма их соответствует вкусу того или иного «пользователя» речи, содержание же — чаще всего универсально. Универсальное содержание может воплощаться как в обкатанные веками паремиологические формы, так и в не совсем частотные, но опознаваемые по образности оригинальные пословицы. И оригинальность, индивидуальность, нестереотипность не являются частотной «ущербностью» той или иной пословицы, но, наоборот, могут стать ее прагматическим достоинством.

Это и случилось с избранными работниками петербургского метро двенадцатью пословицами. Они по своей форме не являются частотными и потому отражены далеко не всеми паремиологическими собраниями. Но как варианты широко известных русских пословиц они легко узнаваемы пассажирами метро, а не совсем привычная, еще «не заезженная» форма делает их оригинальными, вливает молодое вино в старые паремиологические мехи.

Следовательно, паремиологический минимум в отличие от минимума лексического — это не абсолютная частотность той или иной конкретной пословицы, а — **доминантная паремиологическая модель**, включающая как центр, так и периферию. Частотность, продуктивность такой модели определяется не частотностью отдельных пословиц, но востребованностью, актуальностью тех концептосфер, которые эта модель отражает.

Вот, в сущности, основной вывод, к которому приводит внимательное прочтение и лингвистический анализ рекламы на февральских и мартовских рекламных стендах Петербургского метро. Паремиологический минимум — это достаточно большой набор актуальных концептосфер, которые получили свое паремиологическое воплощение как в высокочастотных пословицах, так и в их не совсем известных, но легко актуализируемых вариантах. Это не раз и

навсегда установленный набор конкретных паремий, но динамичная структурно-семантическая модель, по которой могут образовываться все новые и новые актуальные варианты или, наоборот, актуализироваться некогда ушедшие на периферию пословицы. Обеспечивая оперативное перемещение отдельных пословиц из периферии в центр массового употребления, такая модель управляется как востребованным актуальным смыслом, так и привычной для конкретного языка структурой.

Имея счастливую возможность наблюдать, как внимательно слушает А. Ф. Журавлев доклад о двенадцати петербургских «эскалаторных» пословицах, я заметил, что две из них вызвали у него особо заинтересованную реакцию — *Где любовь да совет, там и горя нет* и *Птицы сильны крыльями, люди — дружбой*. Меня это не удивило: ведь Любовь и Дружба — верные спутницы всей жизни нашего Юбиляра. Пожелаем же ему и в будущем хранить верность этим двум своим ангелам-хранительницам.

ЛИТЕРАТУРА

- БФСРЯ 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М., 2006.
- Вальтер, Малински, Мокиенко, Степанова 2005: *Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология для немцев. СПб., 2005.
- Вежбицкая 1996: *Вежбицкая Анна.* Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М., 1996.
- Жуков 1966; Жуков 1991: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М., 1967; 4-е изд., испр. и доп. М., 1991.
- Иванов 2007: *Иванов Е. Е.* «Основной паремиологический фонд» русского языка с «паремиологическим минимумом». Доклады к XI Международному конгрессу МАПРЯЛ. Могилев, 2007.
- Казнышкина 1985: *Казнышкина И. В.* Коммуникативный подход к отбору фразеологического материала для краткосрочных курсов русского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1985.
- Котова 2000: *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. СПб., 2000.
- Котова 2003: *Котова М. Ю.* Очерки по славянской паремиологии. СПб., 2003.
- Минакова 2005: *Минакова Е. Е.* Современная русская идиоматика. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М., 2005.
- Мокиенко 1979: *Мокиенко В. М.* О принципах русско-чешского и чешско-русского словаря пословиц // *Ruština v teorii a v praxi*. 1979. № 4. S. 11–16.
- Мокиенко, Степанова, Малински 1995: *Мокиенко В. М., Степанова Л. И., Малински Т.* Русская фразеология для чехов. Olomouc, 1995.

- Мокиенко, Никитина 2008: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М., 2008.
- Мокиенко, Никитина 2008а: *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М., 2008.
- Пермяков 1971: *Пермяков Г. А.* Паремииологический эксперимент. Материалы для паремииологического минимума. На правах рукописи. М., 1971.
- Пермяков 1985: *Пермяков Г. А.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на болгарском языке). М.; София, 1985.
- Пермяков 1986: *Пермяков Г. А.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). М., 1985.
- Пермяков 1988: *Пермяков Г. А.* Основы структурной паремииологии. М., 1988.
- ФСРЯ 1967: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко. Гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб., 2002.
- Якименко 1990: *Якименко Н. Е.* Обучение иностранных студентов-филологов III курса пониманию фразеологизмов в художественном тексте. Автореф. канд. дисс. ... Л., 1990.
- Chlosta, Grzybek 2000: Versuch macht klug? Logisch-semiotische Klassifikation bekannter deutscher Sprichwörter // *Permjakov G. L.* Die Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit. Mit einer Analyse allgemein bekannter deutscher Sprichwörter. (=Phraseologie und Parömiologie. Bd. 4). Herausgegeben, übersetzt und bearbeitet von Peter Grzybek. Hohengehren GmbH: Schneider Verlag, 2000. S. 169–199.
- Eismann, Grzybek 1994: *Eismann, Wolfgang, Grzybek, Peter.* Sprichwort, sprichwörtliche Redensart, Phraseologismus: vom Mythos der Nicht-Trennbarkeit // *Chlosta Ch., Grzybek P., Piirainen E.* (Hg.) Sprachbildwer zwischen Theorie und Praxis. Akten des Westfälischen Arbeitskreises «Phraseologie/ Parömiologie» (1991/1992). Bochum, 1994. S. 89–132.
- Grzybek 1991: *Grzybek P.* Sinkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Sprichwörter // *Wirkendes Wort* 2. 1991. S. 239–264.
- Grzybek 1994: *Grzybek P.* Proverb // *Simple forms* 1994: Simple forms. An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature. *Koch Walter A.* (ed.) Bochum, 1994. S. 227–241.
- Grzybek, Skara, Heyken 1993: *Grzybek Peter, Skara Danica, Heyken Zdenka.* Istraživanja poslovičnog minimuma na hrvatskom području // *Zeitschrift für Balkanologie*. 2. 1993. S. 5–98.
- Schindler 1993: *Schindler Franz.* Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchungen und semantische Beschreibung. (= Specimina

- Philologiae Slavicae. Hsrg. von Olexa Gorbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta. Supplementband 35). München, 1993.
- Schindler, Bittnerová 1997: *Schindler Franz, Bittnerová Dana. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha, 1997.*

Источники

- Аникин 1988: *Аникин В. П.* (ред. и сост.). Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
- Бир. 1960: *Бирюков В. П.* Крылатые слова на Урале / Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1960.
- Д 1–4: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955.
- ДП: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Изд. 3-е. В 2-х т. М., 1984. (1-е издание 1861–1862).
- Жук. 1966; Жук. 1991: *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М., 1967; 4-е изд., испр. и доп. М., 1991.
- Киселев 2004: *Киселев А. В.* Русские пословицы и поговорки и их испанские аналоги. СПб.: КАРО, 2004. 236 с.
- Мих.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. М., 1994. Т. 1. Т. 2.
- Под., Зим. 1956: *Подобин В. М., Зимица И. П.* Русские пословицы и поговорки. Л., 1956.
- ППЗК 2000: Пословицы, поговорки и загадки Кубани / Сост.: Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. Под ред. Л. А. Степанова. Краснодар, 2002.
- Раз. 1957: *Разумов А. А.* Мудрое слово: русские пословицы и поговорки. М., 1957.
- Рыбн. 1961: *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
- Снег. 1848: *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. М., 1848.
- Соб. 1956: *Соболев А. И.* Народные пословицы и поговорки. М., 1956.
- Спир. 1985: *Спирин А. С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловий, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону, 1985.
- Ставшина 2008а: Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1–2.
- Танчук 1986: *Танчук В.* Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986.
- ФСГ 1972: Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск, 1972.

НАЧАЛО РУССКОЙ
ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
(ОПЫТ ПЕРВЫХ СВОДНЫХ
ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ)¹

У любого научного издания, любой книги, вне зависимости от тиража и времени выхода в свет, имеется срок жизни, зависящий от ее включенности в научный процесс, востребованности у читателя. Кроме того, в любом деле имеется всегда нечто, лежащее в первооснове. Если говорить о русской диалектной лексикографии, то «Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнение» к нему являются тем фундаментальным основанием, на котором строится в дальнейшем корпус словарей, описывающих и разрабатывающих лексику русских народных говоров. Хотя, как писал в предисловии к 1-му тому «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филин, «Опыт областного великорусского словаря» был составлен в ту пору, когда русская диалектология только начиналась, и в распоряжении ученых имелись скудные сведения о русской народной речи [СРНГ 1: 3]. Может быть, поэтому авторам первых словарей хотелось в своей работе суммировать диалектные данные русского языка, в результате чего эти труды имели сводный характер и представляли всю территорию распространения русского (великорусского) языка в народном бытовании. Таким был первый диалектный словарь «Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря».

После издания Вторым отделением Академии наук в 1847 г. «Словаря церковно-славянского и русского языка» собранный в первой половине XIX столетия диалектный материал был обобщен в «Опыте областного великорусского словаря» Академии наук и «Дополнении» к нему, которые до сих пор являются первыми завершенными сводными словарями

1 В 2008 году исполнилось 150 лет со дня выхода в свет «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря».

русских народных говоров². Создание такого рода труда было подготовлено многолетними работами по литературному языку, всей лексикографической практикой Академии наук и всем ходом общественной и литературной жизни России первой половины XIX в.

Начиная составление «Опыта», Второе отделение Академии наук³ рассматривало его лишь как дополнение к «Словарю церковно-славянского и русского языка» 1847 г. В отчете за 1847 г. сообщалось, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» помещены те из областных слов, которые были встречены в языке книжном. «Что касается обширнейшей их части, оно [Отделение] предположило заняться ею особенно и со временем составить из них дополнение к своему словарю, в такой мере полное, как только средства позволяют» [ЖМНП 1848: 27].

За десятилетия до выхода в свет «Опыта» собиранием народных слов занимались любители народного слова по всей России; так, в Вологодской губернии это были: учитель семинарии Н. Г. Суровцев, штатный смотритель гимназии А. Мудров, учителя Е. В. Кичин и Н. П. Титов и др. В «Трудах» Московского Общества любителей российской словесности начиная с 1817 г. публикуются словарики, собранные в различных местах России учителями, директорами и смотрителями училищ, чиновниками, священниками и т. д. В 1817 г. было опубликовано «Собрание особенных слов, употребляемых во Владимирской губернии в Покровском уезде между крестьянами» П. Ф. Горенкина, в 1818 г. — «Записка о наречиях между крестьян Рязанской и Калужской губерний в селениях Спасского, Серпейского и Жиздринского уездов» И. Ляликова (34 слова). В 1820-х годах в тех же «Трудах» публикуются собрания слов, «употребляемых» в Курской, Тверской, Рязанской, Владимирской, Вологодской, Ярославской, Пензенской и других центральных губерниях России [Сороколетов, Кузнецова: 16]. В 1817 г. в примечаниях к книге Н. В. Семивского «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири» был опубликован «Алфавитный список областным просто-народным словам, употребляемым в Иркутске». Эти различные по объему и характеру обработки собрания слов с приведением значений объединяло то, что в основе их лежало сопоставление лексики областной и общенародной.

Впервые с предложением создать сводный словарь русских народных говоров, прозвучавшим за три десятилетия до выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря», выступил М. Н. Макаров. Создание такого словаря, по его мнению, позволит:

- 2 В ИЛИ РАН заканчивается работа над сводным «Словарем русских народных говоров», начато составление словарных статей на букву 'Ф'.
- 3 В конце 1841 г. Российская Академия наук была преобразована во Второе отделение Академии наук — Отделение русского языка и словесности.

«1) отличить слова иностранные от слов славянорусских; 2) отметить слова, известные по их всеобщему употреблению; 3) сравнить между собою одни и те же слова, употребляемые в разных наших провинциях, с замечанием: в одном или в разных смыслах они употребляются; 4) делая значительное наблюдение корням сих слов, рассмотреть: есть ли или нет от оных производные» [Макаров 1822: 297–298].

Инициатором и организатором сбора диалектной лексики в Отделении явился М. Е. Лобанов, он был также автором первой программы собирания областных слов, в которой были сформулированы требования к материалам общего характера: «1) чтобы слова были написаны безошибочно и с означением на них ударения, 2) чтобы они имели точное определение в своем значении и 3) чтобы присовокуплены были в нужных случаях употребления их» (цит.: [Балахонова 1961: 101]). Программа, по предложению М. Е. Лобанова, в конце 1845 г. была разослана директорам и смотрителям всех губернских гимназий и училищ с просьбой принять участие в сборе областных местных слов. После смерти М. Е. Лобанова в 1846 г., с мая 1847 г. до выпуска в 1858 г. «Дополнений» к «Опыту», вся работа над словарем протекала под руководством А. Х. Востокова, хотя диалектология не входила в круг его научных интересов и представляла для него лишь косвенный интерес. Несмотря на это, многими своими достоинствами, особенно в грамматической части, «Опыт» обязан А. Х. Востокову (см. [Балахонова 1961: 102]).

Определяясь с источниками будущего словаря, А. Х. Востоков решил использовать списки лексики, присланные в Академию (к началу 1847 г. была представлена лексика 21 губернии), материалы, напечатанные в «Трудах Общества любителей российской словесности». Вместе с тем А. Х. Востоков совершенно исключил многочисленные списки областных слов, печатавшиеся с начала XIX в. в различных журналах, губернских ведомостях и т. п. Несколько позднее появился третий источник «Опыта»: начиная с 1848 г. словник его постоянно пополнялся лексическими материалами, которые имелись у членов Отделения (особенно материалами И. И. Срезневского и М. А. Коркунова) и были собраны ими в разное время или выписаны из различных источников. Следует отметить, что русский язык рассматривался в то время как совокупность великорусского, малорусского и белорусского наречий, материалы по которым и предполагалось включить в словарь: в первом томе — «отделении» — «слова, употребляемые в Северной и Средней России и Сибири», во втором — «язык малорусский и белорусский», причем лексика таких губерний, как Калужская, Муромская, Тамбовская, Курская и Рязанская, включалась во второй отдел. Поскольку словарь должен был содержать лексику трех главных русских наречий, он был первоначально назван «Опыт словаря областных наречий». Однако в дальнейшем решено было отказаться от этой мысли (см. [Балахонова

1961: 102–103]). В 1844 г. А. Х. Востоковым был написан первоначальный план построения словаря. Исходя из него, «Опыт» должен был отличаться от публикаций областной лексики Обществом любителей российской словесности лишь следующим: 1) все слова располагаются в общем алфавитном своде; 2) одно и то же слово, употребляемое в разных губерниях, помещается «однажды, с указанием, где и в каких значениях употребляется»; 3) «простонародные» слова, уже напечатанные в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., не повторяются в «Опыте», если не имеют ни в каком из говоров особого значения или оттенка его; 4) все слова сопровождаются грамматическими пометами по образцу «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. Начиная работу над «Опытом», А. Х. Востоков предполагал ограничиться соблюдением только этих четырех правил, перепечатав все материалы в том виде, в каком они были присланы, исправляя лишь «явные ошибки и несообразности в значении и правописании» [Балахонова 1961: 103].

Весьма показательно, что словарь включает в себя лексику всех великорусских народных говоров громадной территории Российской империи. Сводный характер словаря, вероятно, объясняет то обстоятельство, что сам этот труд создавался после выхода в свет в 1847 г. «Словаря церковнославянского и русского языка» и рассматривался как дополнение к «общему словарю родного нашего языка».

Были получены материалы по многим губерниям, в том числе по таким, как Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Костромская, Нижегородская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Тобольская, Томская, Иркутская; из Земли Войска Донского, а также с территорий Американских колоний, которые в то время еще находились под юрисдикцией Российской империи.

В словник были включены собственно диалектизмы, авторы в предисловии поясняют, что эти «слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа»; фонетические и словообразовательные диалектизмы, которые трактуются как «слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности».

Однако в ряде случаев в словник включалась лексика, принадлежность которой к народным говорам следует признать весьма сомнительной. Так, например, в «Опыте» представлены единицы, являющиеся составной частью тайных условных языков, которые использовались относительно замкнутыми социальными группами — бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками: **алынья́**

«корова» Влад., Костром., **ала́ня** «пиво», **вала́кша** «вода» Волог., **корю́ка** «девка» Нижегород.; **кля́пы** «руки» Кинеш. Костром., **кьяр** «пиво» Влад., Ряз.; **ле́йма** «корова» Галиц. Костром., **мамúра**⁴ «топор» Костром. (Дополнение), **си́ка** «свинья» Галиц. Костром., **ра́га** «деньги» Олон.

Словник «Опыта» и «Дополнения» отражает не только территориальную специфику лексики русского происхождения, но и показывает всю полноту русско-иноязычного взаимодействия, отразившуюся на словарном составе говоров. Так, имеются данные, являющиеся результатом заимствования из европейских языков, например, английского: **асе́й** «иностранец, прибывший на корабле» (произошло от английского *I say*. Арх.). Значителен пласт заимствованной лексики финно-угорского происхождения из мордовских языков: **музля́й** «оголец, рыба» Городищ. Пенз., сопоставляемое с мокш. *музляй* 'рыба голец', фиксируемое в настоящее время у мордвы в Мокшанском районе Пензенской области [МРС: 394]; из обско-угорских языков: **но́ри** «рогожи, выплетаемые остяками из травы» Берез. Тобол., при хант. *noře* 'спальная циновка из камыша' [Фасмер 3: 83]; из прибалтийско-финских источников: **ги́рвас** «олений самец, оставляемый в стаде для приплода; самоеды такого самца называют хора» Арх., ср. фин. *hirvas* 'самец оленя', 'самец оленя трех лет', кар. *hirvas* 'самец оленя' [Kalima 1915: 92]. Имеются данные, свидетельствующие о влиянии пермских языков, ср. **ко́ртом** «наем» Иркут., Камч., при наличии сходных данных в Словаре 1847 года: **кортома́** «то же, что картома, наем, аренда», **картома́** «стар. откуп, наем земель или деревень; аренда», при коми *körtöm* 'аренда' [Фасмер 2: 339]. При чем в ряде случаев данные «Опыта» гораздо ближе к форме этимона, нежели общеупотребительная лексика: **пельня́нь** «пирожок, начиненный рубленой говядиной, капустою или грибами и сваренный в воде» Верхот., Усол. Перм., при коми *пельнянь* 'пельмени' [КЭСЯ: 219]; ср. **пельме́ни** «кушанье, приготовляемое из катышков теста, начиненных рубленым мясом, и сваренных в воде» [Слов. Акад. 1847]. Впервые в «Опыте» зафиксировано слово **ши́нька** «лошадка» Нижегород.; у Дала, вероятно, более точное толкование — 'жеребенок, молодая лошадь' Нижегород., Перм., сопоставляемое с удм. *tšuij* 'жеребенок' [Фасмер 4: 440]. В настоящее время это гнездо дополнилось более обширными данными, ср. также: **шань** 'возглас, которым отгоняют лошадей' Б.-Игнатов., **ши́ня** 'то же' Ардастов., **шенька** 'жеребенок' Ичалков. [СРГМ].

Фиксируются данные, представляющие результат воздействия самодийских языков: **синеку́й** «отверстие чума с наветренной стороны, чтобы течением воздуха выносило легче и скорее дым из чума» Арх., ср. ненец. *синякуй* 'место в чуме за очагом'.

4 В Дополнении дано ошибочно **мату́ра** (см. ниже).

Имеется значительное число лексем тюркского происхождения, например: **саган** «большая чаша с крышкой для наливания кушаньев» Дон., ср. крым.-тат. *sahan* 'блюдо с крышкой, миска, чаша' [Радлов 4: 282; Фасмер 3: 543]; **савры** «боковая кожа у седла, сквозь которую продевают стремяна; тебеньки» Сиб. (Опыт), при турец., кипч. *sayry* 'кожа со спины лошади' [Радлов 4: 276; Фасмер 3: 542].

Имеется лексика, заимствованная из славянских языков: **ки́рмаш** «рынок» Смол., при белорусск. *кермаш*, из польск. *kiermasz* 'то же', стар.-польск. *kierchmasz* из ср.-верх.-нем. *kirmesse* [Фасмер 2: 238]. Аналогично рассматривается **а́грпус** «крыжовник» Ряз., при более поздних данных: **а́грест** 'крыжовник; ягоды крыжовника' Южн. (Даль), Смол. Смол., Копаневич, 1904, Латв. ССР [СРНГ 1: 202] ⁵, **агрэ́стина** 'ягода крыжовника' Пск., Смол., Копаневич, 1922 [СРНГ 1: 203], ср. польск. *agrest*, белорусск. *агрэст*, при первичном итал. *agresto* 'мелкий, кислый виноград' [Аникин 2005: 83].

Имеются лексемы иранского происхождения (обычно зафиксированные в русских говорах Астраханской губернии): **пешкёш** «подарок, иногда вынужденный; взятка» Астрах., при перс. *pīškāš* 'то же' [Фасмер 3: 257].

Однако в ряде случаев непонятно, каким образом следует трактовать данные иноязычного происхождения — как лексические единицы, вошедшие в территориальные русские диалекты, или как слова, бытующие у инородческого населения и зафиксированные у двуязычных носителей, особенно когда речь идет о нерусских реалиях, обычаях и т. п., ср., например: **киря́мка** «прямо подстриженные на лбу волосы у мордовок» Нижегород. и морд. эрз. *керямот* 'челка', при мотивации эрз. *керямс* 'резать, отрезать', 'рубить' [ЭРС: 257]. Точно так же, при наличии тесных коми-русских контактов, в ряде случаев не вполне ясно, является ли единица, представленная в «Опыте», уже адаптированной говорами лексемой или записью у аборигенного инородческого населения, ср. слово **ши́ра** «мышь» Волог., учитывая более раннюю фиксацию в Яренском уезде Вологодской губернии [Протопопов: 1847], при доминировании в XIX веке на данной территории коми населения, ср. коми *шыр* 'мышь', при удм. *шыр* 'то же', морд. мокш. *шеерь* 'то же' [КЭСКЯ: 326].

В ряде случаев фиксировались данные говоров весьма отдаленных территорий для того времени, также представлявших результаты этноязыковых контактов: например **ку́ренга** «туша зверя; одрань» Камч. (Опыт), при фин. *kurento* 'туша убитого животного' [Kalima 1915: 143]; **о́манжа** «боязливый пугливый человек» Иркут., Якут.; **сáйба** «сруб на земле или на столбах для хранения вдали от жилья

5 Русские диалектные данные XX века рассматриваются уже как обратные балтийские заимствования, а белорусск. *агрусть* 'крыжовник' относят к литуанизмам [Лаучюте 1982: 97].

рыбы, наловленной осенью» Камч., *сáйва* «житница, построенная на столбах» Иркут.

Предваряя анализ лексикографической обработки диалектного материала в данных словарях, следует обозначить следующие характерные моменты. На наш взгляд, в словаре сосуществуют сущностные параметры словаря⁶ (заголовочное слово, толкование) и интерпретационные (омонимия, иерархия значений, вариантность и т. д.), а их анализ возможен только в сопоставлении друг с другом при опоре на источники: полевые, историко-архивные. Однако совершенно очевидно, что диалектные словари, материалы которых были собраны в полевых условиях, а затем обработаны лексикографически одними и теми же специалистами, имеют гораздо меньше случаев искажения как сущностных, так и интерпретационных параметров словаря. Хотя, конечно, данные словарей, основанных на недавних полевых материалах, и словарей, создаваемых на базе архивных источников, предполагают различные степени сложности их описания. Кроме того, только комплексный анализ гнезда с его вариантами: фонетическими, деривационными, этимологическими (восходящими к одному этимону, но имеющими различную форму) — может весьма условно предложить основательность анализа и критического осмысления (если в этом будет необходимость) диалектных лексикографических источников. Однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и в ведении в научный оборот собранных словарных материалов, а не в их этимологическом прочтении. Причем следует отметить, что лексическая эмпирическая база таких данных — словарные картотеки — чаще всего гораздо шире их публикуемой в словарях части.

Таким образом, на качественных параметрах лексикографической обработки сказалось то обстоятельство, что состав собирателей и составителей «Опыта» и «Дополнения» не был однороден. Это в основном сельские учителя и члены Второго отделения, участвовавшие в обсуждении каждого составленного листа словаря (см.: [Балахонова 1961: 98–125]). Что касается «Дополнения», то его авторами-информаторами были те же учителя (Фортунатов, Тимофеев, Базилевский, Хованский и др.), а также люди самого разного социального положения и профессий: титулярный советник Черепанов, священник Полисаров, отставной капитан Кремер, врач Толмачов, студент Яровой, член многих обществ Козлов и даже князь Енгальчев, приславший «две пословицы, слышанные им от ярослав-

6 Следует отметить, что намеченная нами трактовка параметров словаря не может быть постоянной в силу того, что в ряде случаев, в зависимости от организации материала, возможен переход интерпретационных параметров в сущностные. Так, например, показ вариантов слова в СРГК осуществлен таким образом, что установка географической локализации слова не представляется возможной, что переводит вариантность в разряд сущностных параметров.

ской барыни-старухи, и одно выражение костромского мужика» и др. Основную часть «Дополнения» составили 13 269 слов Псковской и Тверской губерний, присланных учителем Карповым. Его определения вошли в словарь без каких-либо изменений. Сравнение с рукописными источниками показывает, что отдельные, разного характера этимологические указания, встречающиеся от случая к случаю в определениях слов, также принадлежат собирателям (см. [Балахонova 1979: 158]).

Однако следует отметить, что сопоставление рукописных данных, которые явились источниками для «Опыта» и «Дополнения», показывает в большинстве случаев если не творческую обработку поступающих материалов, то, по крайней мере, их значительную корректировку. Так, например, рукописные сведения С. Гуляева в его «Словаре областных речений, употребляемых русским народонаселением в Южной Сибири» (рукопись 1847 г.) в «Опыте» имеют несколько иной вид: к заголовочному слову добавляются грамматические пометы, выправляется стиль толкования, в иллюстрации одно слово заменено — вместо *словно* дается *точно* (см. ниже таблицу). Следует иметь в виду, что в середине XIX века под пружиной подразумевалось нечто иное, ср. в Словаре 1847 г.: **Пружина**, ы, с. ж. 1) Упругая металлическая полоса, противодействующая давлению.

	Заголовочное слово	Грамматические пометы	Толкование	Иллюстрация	Географическая помета
Гуляев	Симы́	Отсутствуют	Пружины, приводящие в движение куклу, стацию	Он словно на симах — говорится о человеке, который разговаривая размахивает руками или коверкается	Отсутствует
Опыт	Симы́	ов, с. м. мн.	Пружины, которые приводят куклу в движение	Он точно на симах	Иркут.

В словаре применяются два основных типа определений: эквивалентный и описательный. Если местное слово полностью совпадало по значению с литературным словом, в определении приводилось это соответствующее равнозначное слово. Большое значение придавалось этнографическим и энциклопедическим элементам, помещение которых в толковую часть нередко проявляет диалектную специфику материальной и народной духовной культуры, ср.

например: **кунган** «медный сосуд наподобие кувшина с большим отверстием сверху и рукояткой сбоку; в нем носят святую воду, когда священники ходят с крестом по домам» Шенк. Арх. Причем имеются случаи, когда реалии быта, особенности хозяйственной жизни, различных промыслов, зафиксированные в «Опыте», имеют хождение и в настоящее время, что подтверждается современными источниками, например: **глушить** «ударять топором по тонкому осеннему льду, чтобы рыба под ним заснула» Перм.; **грабилка** «деревянное орудие наподобие руки с пальцами или зубьями и с ложбиною; грабилкою собирают ягоды на низких стебельках, как-вы брусника, черника и. п.» Арх.

Не раз отмечалось⁷, что толкования в «Опыте», несмотря на заметную разнородность и разное качество определений слов, имеют много общего, унифицированного в методах толкования разрядов слов, в построении словарных статей. Поскольку данная работа рассматривалась как дополнение к Словарю 1847 г., то выбор лексических средств толковой части Опыта основывался на его словнике, например: слово **отеть**, в большинстве источников имеющее значение 'лентяй', в данном словаре представлено толкованием *околотень*: **отеть** «околотень»: *Уж не лень, а отеть*. Арх., Волог. Следует отметить, что в Словаре Востокова имеется лексема **околотень** с семантикой «не исправляющийся от побоев» [Слов. Акад. 1847: 59]. Например, лексема **майна** имеет значения «полынья» Вят., Олон., «ледоколья» Петерб., причем последнее слово, которым представлено толкование, отсутствует в БАСе; при том что в Словаре 1847 г. — **ледоколья** «место на реке, где колют лед; майна», а **майна** (с пометой «простонародное»), толкуется как «ледоколья». В ряде случаев толкования представлены лексикой, уже вышедшей из современного общенародного лексикона, что может вызывать трудности при чтении. Например: **рыжик** «пряничный жемок» Осташк. Твер., для понимания этого толкования только данные Словаря 1847 года могут послужить справочным источником: **жемóк**, мкá, с. м. 1) Кусок чего-нибудь вязкого или сжатого в руке. 2) Род пряника из теста с медом [Слов. Акад. 1847]. Такого рода примеры, когда толкование данных «Опыта» основано на разработках «Словаря церковно-славянского и русского языка», можно множить.

Иногда авторы, пытаясь показать диалектную специфику слова и провести дифференциацию по сравнению со словарем 1847 г., значительно расширяют толкование, хотя в общенародном языке эти слова обозначают сходные реалии, явления природы, предметы материальной культуры и т. п. Ср., например, толкования инея: **кúржевина** «пары, замерзшие на холодном воздухе и покрывшие какой-либо предмет в виде мельчайшего снега» Вят., Перм., Иркут.

7 [Балахонova 1979: 170].

и **и́ней** «влажность, замерзшая на деревьях, стенах и проч. в сырые зимние дни»: *Деревья покрылись инеем* [Слов. Акад. 1847].

Или ср. попытку описания одежды в «Опыте»: **кундыш** «женская шуба, покрытая китайкой и опушенная мехом» Кинеш. Костром. при нормативном — **кунтуш** «верхняя мужская и женская одежда у малороссиян и поляков» [Слов. Акад. 1847].

В «Опыте» большое распространение получили типовые определения для производных слов. Согласно Правилам Словаря 1847 г. и Программе И. И. Срезневского⁸, производные слова, сохраняющие тесную смысловую и грамматическую связь с исходными основами и не имеющие дополнительных значений, должны определяться при помощи отсылочных толкований. Это касалось определений уменьшительных, увеличительных, ласкательных, уничижительных и т. п. существительных и прилагательных, относительных, притяжательных прилагательных, глаголов совершенного и многократного вида, отглагольных существительных и некоторых других разрядов слов, при которых давалась отсылка к истолкованному исходному слову с указанием их грамматического отношения.

Имеется в словаре также достаточное число отсылочных толкований, особенно это касается однокоренных лексем, ср.: **куржак** «то же, что куржевина» Тамб.; **куржуха** «то же, что куржевина» Шенк. Арх. Хотя выбор опорной единицы, на которую дается отсылка, не всегда понятен, но в данном случае опора на слово **куржевина**, на наш взгляд, связана с наличием большего числа данных с фиксацией в Вятской, Пермской, Иркутской губерниях.

Следует отметить, что обычно словообразовательные суффиксальные варианты подаются через отсылочное толкование, опирающееся на одну из таких единиц: **жаравика** «то же, что жарáva» Волог., Чухл. Костром., Белозер. Новг.; **жаравиха** «то же, что жаравика» Вят., Кинеш. Костром. Усол. Перм.; **жаравица** «то же, что жаравика» Волог., причем, как видно из примеров, в основе лежит безаффиксальная лексема — **жарáva** «клюква» Кинеш. Костром., а опорный суффиксальный вариант имеет также отсылочное толкование. Корневые лексемы обычно в толковании представлены литературным эквивалентом: **жировины** «клюква» Бел. Смол.

Краткость толкований не всегда бывает оправданной, особенно когда в толковании представлено однокоренное слово, ср., например: **Наживка**, и, с. ж. 1) Нажива. Влад. 2) Дрожжи. *Наживка в квашине. Наживка в пиве.* Влад. Так, толкование первого значения при ориентации на Словарь 1847 г. не дает точного ответа, что имеется в виду, поскольку в этом источнике лексема **нажива** представлена в двух зна-

8 Рукопись И. И. Срезневского «Мнение о правилах, которых должно держаться при создании Областного словаря» впервые опубликована в статье [Балахонова 1971].

чений: 1) Прибыль, корысть, пожива; 2) В рыбном и зверином промыслах: приманка.

Ориентация в семантическом плане на Словарь 1847 г. часто приводит к тому, что краткие толкования, представленные в «Опыте», кажутся вполне достаточными только при сопоставлении с текстом этого источника, ср.: **Малоохотливый**, ая, ое, пр. Несклонный. Наровчат., Нижнелом. Пенз. [Опыт]; **Склóнный** «расположенный к чему-либо» [Слов. Акад. 1847].

«Опыт областного великорусского словаря» вышел в конце марта 1852 г. Его появление было встречено многочисленными откликами в печати. В таких журналах, как «Современник», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Сын отечества», во многих газетах были напечатаны рецензии, заметки или краткие аннотации, посвященные данному событию. Большей частью «Опыт» в них рассматривался как один из важнейших трудов Академии наук, а его появление трактовалось как начало нового этапа в исследовании русского языка. Две статьи «Опыту» посвятил Ф. И. Буслаев, рассматривая его как достойное выполнение завещания Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах. Неоднократно высказывал положительное отношение к Словарю и использовал его в своих исследованиях Я. К. Грот. В. И. Даль также выступил в печати со статьями, характеризующими «Опыт», выражал свое отношение к нему в подстрочных примечаниях «Толкового словаря». Еще ранее он предостерегает составителей «Опыта» от не критического отношения к областным материалам М. Н. Макарова (напечатанным в «Трудах Общества любителей российской словесности»). Эти материалы использовал А. Х. Востоков в «Опыте». «М. Н. Макаров, — пишет В. И. Даль, — сочинял и переделывал слова, придумывал им небывалое значение»⁹. В отличие от других рецензентов, В. И. Даль высказывался по отношению к «Опыту» в основном отрицательно. Особенно резкой, но в целом справедливой критике подверг он принцип орфографии. Его соображения по этому вопросу сводятся к следующему: правописание в «Опыте» нельзя подчинять фонетическому принципу, во всяком случае, следует помещать разные фонетические варианты в одной, а не в разных словарных статьях, как это делали редакторы «Опыта». Отсутствие обстоятельного предисловия, в котором излагались бы сведения о фонетико-грамматических особенностях говоров, В. И. Даль также рассматривал как один из существенных недостатков Словаря. Резкому осуждению подверг он и алфавитный принцип, принятый Академией. По мнению В. И. Даля, толкования в Словаре по большей части односторонние, отрывочные, неполные; нередко в определении раскрывается только переносное значение;

9 Цит. по: [Балахонова 1978].

много неверных определений. В статьях и подстрочных примечаниях В. И. Даль приводит прямые описки, допущенные в заголовочных словах «Опыта».

Вероятно, следует разграничивать не вполне корректные материалы, помещенные в «Опыте», которые относятся к заголовочному слову, параметрам толкования, подачи вариантов и т. п.

Заголовочное слово. Представляются не вполне выверенными принципы подачи заголовочного слова (о чем писал В. И. Даль), приводящие к тому, что данные общерусского характера с мотивационной основой подаются на фонетический вариант, характерный для акающих говоров, например: **мачене́ц** ‘пенька’ Скоп. Ряз. при доминирующем акцентологическом варианте **мо́ченец** ‘конопля или лен, вымачиваемые для обработки’ [СРНГ 18: 317–318]. Однако такого рода подача материала связана с тем, что авторы пытались провести дифференциацию данных Словаря 1847 года и материалов «Опыта», ср.: **мо́ченец** «особый сорт льна, предпочитаемый другим» [Слов. Акад. 1847] и **мачене́ц**, представленный выше.

Акцентологические варианты подаются в разных словарных статьях, ср.: **Молоде́ц**, дца, с. м. 1) Молодой, неженатый мужчина. Рыльск., Судж. Курск. 2) Холостой мужчина вообще. Ирбит. Перм., Тороп. Пск. и **Мо́лодец**, дца, с. м. То же, что молоде́ц в 1 и 2 значениях. Камч., Сиб., Смол. Хотя в других случаях варианты, различающиеся числом консонантных фонем, подаются в одной словарной статье: **пёрст** и **пёрс** «палец на руках и ногах, кроме большого, который называется пальцем». Имеются также случаи, когда диалектный вариант отличается от общенародного слова только ударением: **Тра́ва**, ы, с, ж. Травá. Ворон.

В ряде случаев фонетические варианты, имеющие широкое распространение, например, [и] на месте [ѣ] с хождением в говорах с севернорусской основой, отмечаются как узколокальные: **си́мя** «семя» Тобол.; **свите́ц** «светец, рогатка, в которой горит лучина» Олон.; **биль** «болото, на котором не растет ничего, кроме моха» Шенк. Арх. Также в разных словарных статьях подаются варианты с различным типом вокализма, например: **бро́стега** «то же, что а́растега» Арх., при **а́рестега** «тонкая веревочка около $\frac{3}{4}$ аршина, имеющая на одном конце рыболовной крючок, а другим привязываемая к ярусу при ловле трески или палтусины» Арх.

Иногда форма заголовочного слова, например: **савня́** «лукошко, из которого сеют по полю хлеб» Росл. Смол.¹⁰, не соответствует мотивирующей основе, ср. **севня́**, **сяюня́** «лукошко для ручного сева» Росл., Духовищ., Починк., Хисл., Шум. [ССМГ 9: 189], при наличии слова в различных источниках в смоленских говорах: **севня́** ‘лукошко, корзина, короб из бересты, корней, соломы и т. д. с зерном для

10 Данная единица отсутствует в СРНГ.

ручного сева' Даль, Смол., 1890. Брян., Моск., Новг., Ленингр., Пск. [СРНГ 37: 105].

Ирпéнь «кладенный баран» Иркут. (попавшее все же ошибочно и в СРНГ: **Ирпéнь**, я, м. Кастрированный баран. Иркут., 1852 [СРНГ 12: 210], при наличии **иргён** 'кастрированный баран' Сиб., 1921. Нерч. Забайк., 'некастрированный баран' Забайк., Осокин, 1906; **иргёнь** 'кастрированный баран' Иркут., Якут., 1846. Сиб. [СРНГ 12: 207]; при наличии этимологически первичных бурятских данных, ср. бурят. *ирге(н)* 'кастрированный баран', при монг. *ирэг*, калм. *irgə* 'кастрированный взрослый баран, валух' [Аникин: 224].

Ошибочно дана единица **калчáн** «чаша для укладки хлебного теста перед сажанием в печь хлебов» Вышневол. Твер., при наличии **калгáн** 'деревянная миска, чашка, блюдо (обычно самодельные)' Морш. Тамб., 1849. Тамб., Ворон., Влад., Слов. Акад. 1911. Ряз. Ряз., Калин., Дон., Кокчет., **калгáн** 'миска грубой работы, из которой едят домашние животные' Саратов., 1848; **колгáн** «грубой выделки посудина разного вида: ведро, коновка из толстых клепок, деревянный ковш; деревянная вытесанная чаша (не точеная) для валянья хлебов; глиняная чашка, в которой пекут хлеб и коровай; округлое корытце для пойки телят и пр.» Твер., Влад. [Даль]; **калгáн** 'самодельный ковшик, выдолбленный из древесного корня' Твер., 1860; **калгáн** 'самодельный деревянный долбленный ковш, которым пьют на пчельниках медовый квас' Ставроп., Самар., Слов. Акад. 1911. **Колгáн** 'ковшик' Влад., Судог. Влад., 1847. Влад. [СРНГ 12: 342].

Вызывает сомнение форма **Ма́ста**, ы, с. ж. Мученье. Вят.; при наличии **ма́ета** 'скука, грусть, тоска' Помор. [Подвысоцкий: 87; СРНГ 17: 291]. На эту ошибку обратил внимание еще В. И. Даль: **Ма́ста** ж. ученье, наука, выучка грамоте, ремеслу. *Его отдали в маству* (ошибочно маста, т. е. мученье). В данном случае, вероятно, в «Опыте» приводится не вполне корректное толкование.

Наго́вка «широкое и низкое корыто, на которое просеивают ситом муку» Ирбит. Перм., при наличии правильного **ночѣвка** 'корытце, долбленный деревянный лоток для очистки зерен от мелкой шелухи, просеивания муки, замешивания теста, стирки и т. п.' Чагодош., Пестов., Батец. [СРГК 4: 48], при широком распространении в славянских языках: укр. *ночви* мн. 'корыто, лохань', болг. *нѣшви* мн. 'квашня', чеш. *necky* 'ночва', диал. *nesvičky* 'корыто', польск. *niecki* 'ночва', в.-луж. *tjecki*, н.-луж. *ńacki* 'лохань, квашня', 'корыто для мойки свеклы и свиного корма', при праслав. **nъktju*, род. п. **nъktjъve* [Фасмер 3: 86], при др.-русс. *нецва* 'корыто' [Срезневский II: 440].

Камóжка «болотистое место» Ворон., Курск., Тул., «грязная лужа» Ворон., Курск., Тул. (Опыт) — исправленное Далем и в СРНГ: **калю́жка** 'лужа, лужица' Южн., Тул. (Даль). Ряз. и др. Слов. Акад. 1906–1907 [СРНГ 13: 10]. Зап. Брян., Тул., Ворон., Курск.,

1852, 'болотистое место, топь, грязь' Южн., Тул., Ворон., Курск., 1852 [СРНГ 13: 10].

Имеются случаи, когда в «Опыте» и «Дополнении» представлена единственная фиксация, не подтверждаемая более в позднейших источниках. Например, **гйгра** «овес» Твер.; как будто неисконного происхождения, однако, вероятно, если ориентироваться на прибалтийско-финский источник, ср. кар. *kagra* 'овес', в данном случае, неправильно прочитанная рукописная *a* как *и*.

Хотя, когда описываются диалектные данные, нередко трудно однозначно трактовать ту или иную форму; так, например, в «Опыте» представлено слово **парма́к** «овод» Петрозав. Олон., тогда как в Словаре Даля Куликовский отмечает: «У Даля, вероятно, ошибочно, парман» (см. также [СРНГ 25: 229]).

Не ясны следующие данные: **челу́га, челу́ха, чипе́га** «нагоняемый горными ветрами весьма мелкий с изморозью дождь при тумане» Мезен. [Подвысоцкий: 187]. Даль отмечает, что «можно бы подозревать, что **челуга** ошибочно прочитанное на письме **чемра**; но Кузмищев напечатал: **челуга** и **челуха**, а Максимович **шелуга**».

В ряде случаев разнородные материалы даются в одной словарной статье в иерархии значений без выделения гетерогенных омонимов, ср., например: **Си́тник**, а, с, м. 1) Ситцевое платье. Арх. 2) Булка из пшеничной муки. Холм. Пск. При том, что первый лексико-семантический вариант соотносится с **си́тец** «тонкое бумажное полотно, набиваемое разными цветами и узорами» и **си́тник** «ситный хлеб» [Слов. Акад. 1847]¹¹. **Ласт**, а, с, м. 1) Перо у тюленей около хвоста. Мезен. Арх.¹² 2) Материал для лащенья судов. Астрах. В данном случае также представлены два гетерогенных омонима. Не всегда у авторов была возможность разграничения такого рода данных, особенно если речь шла о неисконных единицах, так, например, в одной статье представлены в иерархии значений два гетерогенных омонима: **карбасни́к**, а, с, м. 1) Хозяин карбаса, занимающийся перевозками Арх. (ср. вепс. *karbaz* 'лодка-долбенка' [СВЯ 18]). 2) Собир. Собрание карбасин (жердей). Камч. (ср. более позднее **ко́рбас** 'длинная жердь для развешивания вяленой рыбы' Колым., Богораз, 1901. Камч., Сиб. [СРНГ 14], при прибалтийско-финских источниках -ливв. *korvain riiv* 'подпора', *korvašči* 'проушина' [СКЯМ: 154], кар. сев. *korva* 'сто-жар в стogu' [KKS 2: 335]).

Можно проследить некорректное прочтение семантики слова **юма**. Так, например, в диалектных источниках XIX века: **юма** 'плот из сплаваемых бревен' (Пошех. Яросл., [Архангельский 1849]), **юма** «то же, что кошма — сплоченные бревна, гонимые по воде, гонки, из

11 В данном случае это слово представлено и в Словаре 1847 года и в «Опыте».

12 Ср.: **Ласты** «лапы у тюленей и у других водяных млекопитающих» [Слов. Акад. 1847].

коих выходит около 3-х сажень дров» (Черепов. Новг., [Эрдман 1857]), **юма** 'соединение нескольких плотов из бревен, сплаваемых по воде' (Яросл. Норское, [КСРНГ]). В «Дополнении» к Опыту в слове **юма** допущена ошибка в толковании на основании ложного понимания семантической трактовки Эрдмана — **юма** «кошма»; в этом словаре «кошма» получила еще неверный синоним — войлок: «юма... 2) То же что кошма, войлок. Новгор. Череп.». Однако вывод о неточности в семантике можно было сделать только при сопоставлении диалектного первоисточника со словарем. Таким образом, слово **юма**, имеющее значение 'плот', и **кошма** с этим же значением получили неверное толкование 'войлок'.

И в настоящее время многие диалектные лексикографические источники подвергаются всесторонней критике, хотя следует отметить, что такого рода работы, выходящие в свет, не являются чем-то новым. Ряд данных «Опыта» и «Дополнения», на ошибочность которых указывал еще В. И. Даль, некритично были помещены в другие диалектные лексикографические труды¹³:

Мальгá «лепешка, намазанная сверху творогом или сметаной» Сиб. (Дополнение), при корректном **шáньгá** с широким ареалом; при заимствованных из «Дополнения» данных СРНГ: **Мальгá** «ватрушка; лепешка, намазанная сверху творогом или сметаной» Сиб., 1858 [СРНГ 17: 343]. Слов. Акад. 1934 [с пометой «обл.»].

Мату́ра «топор» Костром. (Дополнение). В. И. Даль полагает, что корректной является единица **маму́ра** «топор, шуточн. с офенского» Влад. в Словаре Академии ошибочн. матура. **Мамура́ть**, что, Влад. «рубить, офенское»¹⁴.

Бухáлим «филин» Ярен. Волог. рассматривается В. И. Далем как неверно прочитанное **бухалень**; при данных СРНГ: **Бухали́м** «филин» Ярен. Волог., 1819 [СРНГ 3: 318].

Вне всякого сомнения можно утверждать, что отмечаемая в «Опыте» единица **ха́лина** 'дурная погода' Смол., вероятно, является опечаткой ввиду того, что в псковских, новгородских говорах отмечаются лексемы **ха́лепа** 'снег с дождем; дождь со снегом' в Солецком,

13 См. [Балахонова 1979: 167].

14 Хотя сам В. И. Даль не избежал ошибки, его следующие данные, представленные в этом же гнезде, также являются результатом путаницы [т] и [м]: **маму́ра** «растение, которого корни красят холсты в красный цвет? **Мамурник** Олон. «красный сарафан особого покрою, с откидными назад рукавами». На это указывают материалы Словаря Подвысоцкого: **мату́ра** «растение подмаренник (*Galium boreale*). Добываемую из его корня красною краскою красят полотно и саржу для одежды крестьянок. Отсюда **мату́рник** — сарафан из окрашенной матурой ткани» Холмог., Пинеж., Мезен. [Подвысоцкий: 88]. Поскольку слово этимологизируется как единица прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *matara* «*Galium boreale*», то это обстоятельство подтверждает такого рода суждение [Kalima 1919: 164]. См. также [Фасмер 2: 566; СРНГ 17: 353].

Старорусском районах [НОС 12: 6], Порховском, Пушкиногорском, на территории Смоленской (Рудн.), Калужской, Орловской областей (КСРНГ); **халипа** 'дождь со снегом' — в Пушкиногорском, Опочечком, Дновском, Порховском, Славском районах [КСРНГ]. Кроме того, в орловских говорах встречаются менее частотные варианты: **халиба**, **халибень**, **хальба** 'дождь со снегом', у которых [б] явно сопоставляется с [п].

Кўноровоть «место на реке или на море, где вода кружится; водоворот, водоверть» Арх. Даль сомневается в отношении [н], позднейшие более обширные данные фиксируют следующие единицы этого гнезда: **кумовица** 'обратное течение реки у берега' Новг., 1931 [СРНГ 16: 85], **кумовник** 'водоворот (в реке)' Каргоп. Олон., Шустиков [СРНГ 16: 85], **кўмора** 'спокойная вода от берега до встречного течения около острова' Беломор., 1937. Север [СРНГ 16: 85], **кумова вода** 'встречная вода' Дон., 1929 (СРНГ 16: 85). Вероятно, является метафорой от **кум** — **кумова вода**.

Кет, а, м. Полосатая ткань из льна или конопли, пестрядь. Перм. [Опыт; СРНГ 13: 191]. Тобол. [СРНГ 13: 191]. **Кеж**, а и у, м домотканый полосатый материал из льна и конопли, пестрядь. Шадр. Перм., 1818. Перм., Слов. Акад., 1909 [с примеч. в Опыте обл. слов., где ошибочно «кет», с пометой «обл.»].

Иногда диалектное слово, помещенное в толковой части, вероятно не вполне ясное, прочитывается некорректно; так, например, **кóкша** «крюк, поддерживающий потолок» Борович. Новг. (Доп. Опыт), слово *потолок*, помещенное в толкование, кажется не лишенным смысла. Однако сопоставление с другими источниками дает возможность высказать предположение, что в данном случае должно быть слово **пóток** 'деревянный желоб под свесом крыши для стока воды' [Даль]. **Пóток** 'то же' Тихв Новг., Великолукск. Пск. (Опыт). Пск., Твер., Петерб. **Потóк** 'то же' Никол. Волог., 1883–1889. Волог., Ленингр. *Над самым крыльцом каплет с потока*. Новг., Пск., Смол., Твер., Калуж., Тюмен., Свердл., Арх., Мурман., Том., Иркут. [СРНГ 30: 288]. Имеются и современные данные по новгородским говорам, ср.: **Кóкши** 'корни дерева в виде крюков, поддерживающих желоба для стока воды с крыши': *Кокши — деревянные, еловые, штуки выкапывают из земли, кокши — это выкопают с корнями в лесах, стоит елочка, выкапывают, кокши — они родовые, много кокшей. Кокши, вешают на них потоки, кокшам крюки называются*. Любыт. **Потóк** 'желоб для стока воды с крыши' Тихв., Чудов., Борович., Любыт., Мошен., Окулов., Старорусск., Хвойнин. [НОС]. Причем в данных, которые послужили источником для «Дополнения», представлено следующее: «**кóкша** (Борович.) крюк, поддерживающий поток» [Эрдман 1857; КСРНГ].

В ряде случаев первые фиксации некоторых данных как будто были сомнительными, ср.: **Вѣкша**, и, ж. Сорока. *Векиша стрекочет*,

гостей пророчит. Олон.; при довольно частотном — **вѣкша** ‘белка’, но в дальнейшем семантика ‘сорока’ была подтверждена позднейшими фиксациями, ср. данные СРНГ: **Вѣкша**, и, ж. Сорока. Арх., Шадр. Перм., Карпин. Свердл. [СРНГ 4: 105]. На этимологическом уровне значение ‘сорока’ обосновал Д. К. Зеленин, однако по его данным слово отмечалось в Холмогорском уезде Архангельской губернии (см. [Фасмер 1: 287; Зеленин 1930: 51]).

Следует отметить, что материалы «Дополнения», выступая именно как продолжение «Опыта», тесно с ним связаны и нередко могут быть поняты только при совместном прочтении.

Так, например, в ряде случаев отсылочные толкования в «Дополнении» относятся к «Опыту»: **Рямода**, ы, с, ж. Болотистое, сырое, также поросшее мхом место, на котором растет лес или кустарник. То же, что рям, в 1-м знач. Тихв. Новг. [Дополнение]. Ср.: **Рям**, а, с, м. 1) Зыбкое место, поросшее мохом и мелким кустарником. Ирбит. Перм. 2) Мелкий сосновый лес, растущий на болоте. Том. [Опыт] и **Рям**, а, с, м. Вьюга. Каргоп. Олон. [Дополнение].

В ряде случаев материалы «Опыта» дополняются данными «Дополнения»: ср. **Шákша**, ы, с, ж. На тихвинских лодках будка на палубе, сделанная из рогож, где рабочие спят по ночам или укрываются от дождя и холода. Тихв. Новг. [Опыт] и **Сákша**, ы, с, ж. Будка, шалаш. Борович. Новг. [Дополнение].

Активно развивающаяся в настоящее время русская диалектная лексикография (региональная и сводная) имеет у своих истоков эти два основательных труда, которые являются краеугольным камнем диалектного словарного дела, своего рода научной почвой, на ниве которой взросло дерево русской народной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Аникин 2000: *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2005: *Аникин А. Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.
- Архангельский 1849: *Архангельский А.* Село Давшино, Ярославской губ. Пошехонского уезда (написано в 1849 г.) // Ярославские Губернские ведомости. 1856. № 6–43.
- Балахонова 1955: *Балахонова А. И.* История составления и принципы построения «Опыта областного великорусского словаря» Академии наук (1852 г.) и его «Дополнения» (1858 г.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук Л., 1955.
- Балахонова 1961: *Балахонова А. И.* История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–124.

- Балахонова 1966: *Балахонова Л. И.* И. И. Срезневский как диалектолог // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 192–214.
- Балахонова 1968: *Балахонова Л. И.* Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 18–36.
- Балахонова 1971: *Балахонова Л. И.* Из истории диалектной лексикографии // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 237–242.
- Балахонова 1972: *Балахонова Л. И.* Грамматическая характеристика слов в первом сводном словаре русских народных говоров («Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. и его «Дополнении» 1858 г.) // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 190–203.
- Балахонова 1978: *Балахонова Л. И.* В. И. Даль и областной словарь Академии наук (1852) // Диалектная лексика 1975. Л., 1978. С. 204–214.
- Балахонова 1979: *Балахонова Л. И.* Типы определений в Опыте областного великорусского словаря 1852 г. // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 166–177.
- БАС: Словарь современного русского языка. В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Буслаев 1852: *Буслаев Ф. И.* Опыт областного великорусского словаря // Отечественные записки. 1852. Т. XXXV, ноябрь. Отд. V. С. 1–54.
- Буслаев 1852а: *Буслаев Ф. И.* Словарь областных речений великорусского наречия // Известия ОРЯС АН. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 4. С. 167–177.
- Григорьев 1854: *Григорьев В. В.* Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к «Опыту областного великорусского словаря» // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. Т. I. Стлб. 14–21, 68–70.
- Грот 1852: *Грот Я. К.* Областные великорусские слова, сходные со скандинавскими // Известия ОРЯС АН. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 3. С. 113–120.
- Грот 1876: *Грот Я. К.* Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470–474.
- Данилевский 1869: *Данилевский Н. Я.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» // Сб. ОРЯС. 1869. Т. 7. № 3. С. 1–17.
- Доп. Опыт: Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Дубынина 1968: *Дубынина И. Б.* Лексическая группа «обувь» в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. и в говорах Шушенского р-на Красноярского края // Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. (Материалы 8-й зональной конференции вузов Сибири и Дальнего Востока). Красноярск, 1968. С. 196–209.
- ЖМНП 1848: Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. XVII. Отд. III.
- Журавлев: *Журавлев А. Ф.* — Лексикографические фантомы. I. СРНГ — А–3 // Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193.
- Зеленин 1930: *Зеленин Д. К.* Табу у слов народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929–1930. Т. 8–9.

- КСРНГ: Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в ИЛИ РАН).
- КЭСКЯ: *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лаучюте 1982: *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- Макаров 1822: *Макаров М. Н.* К сочленам // Тр. Общ. любит. рос. словесн. 1822. Ч. 21. Протоколы. С. 287–298.
- Макаров 1846: *Макаров М. Н.* Опыт русского простонародного словотолковника // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1846, № 3, отд. IV, с. 24–43: словарь на букву А. 1847, № 1, отд. IV, с. 1–19 (паг. посл.): словарь на буквы Е, Ж, 3. № 2, отд. IV, с. 33–38: словарь на букву И. № 3, отд. IV, с. 89–112: словарь на букву К. № 4, отд. IV, с. 143–154 (паг. посл.): словарь на букву К. № 6, отд. IV, с. 1–24 (паг. 3-я): словарь на букву Б. № 7, отд. IV, с. 17–27 (паг. 2-я): словарь на букву В. № 9, отд. IV, с. 1–21 (паг. посл. перед Проток.): словарь на букву Г, Д. 1848, № 5, отд. IV, с. 145–159 (паг. посл.), словарь на букву Л. № 9, отд. IV, с. 267–295: словарь на буквы М, Н. То же: Отд. отд. без указания места и года издания.
- МРС: Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Н. Полякова. М., 1998.
- Муллоу 1863: *Муллоу П.* Областные слова (дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»). 1863 (Картотека СРНГ).
- Муромцев 1852: *Муромцев И.* Местные вологодские слова и выражения, не вошедшие еще в «Опыт Областного великорусского словаря» 1852 г. // Вологодские губернские ведомости. 1852. № 35, 38, 41, 42.
- НОС: Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Опыт: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий: *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Протопопов 1847: *Протопопов А.* Областные слова Яренского уезда Вологодской губернии. 1847 // Картотека СРНГ.
- Радлов: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899–1911. Т. I–IV.
- СВЯ: *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СКЯМ: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- Слов. Акад. 1847: Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад. 1934: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1934–1940.
- Словцов 1854: *Словцов И.* Объяснение некоторых слов Ирбитского уезда [Пермской губернии], помещенных в «Опыте областного великорусского словаря» // Картотека СРНГ. 1854.
- Срезневский: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. 1–3.

- Сороколетов, Кузнецова: *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
- СРГМ: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск, 1978–2006.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2007. Т. 1–41.
- ССМГ: Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Филин 1963: *Филин Ф. П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963. С. 318–346.
- Черепанов 1854: *Черепанов С.* Областные слова. 1854 (Картотека СРНГ).
- Эрдман 1857: *Эрдман Ф. И.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии» // Ученые записки Казанского университета. 1857. Кн. 2. С. 106–167.
- ЭРС: Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.
- Шестернин 1853: *Шестернин П.* Опыт областного словаря Ярославской губернии // Яросл. губ. вед. 1853. № 2, ч. неоф., с. 12–14; № 3, с. 22–23; № 9, с. 80–82; № 33, с. 330–332; № 34, с. 339–340.
- Kalima 1915: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kalima 1919: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV, Helsinki, 1919.

О значимости сопоставительного изучения близкородственных языков*

В центре внимания настоящей статьи будут находиться некоторые аспекты сопоставительного изучения *близкородственных* языков. Данная дисциплина входит в число относительно молодых лингвистических отраслей, отделившихся в XX столетии от древа наук, оперирующих методом сравнения/сопоставления¹. Ее автономизация стала важным, хотя и несколько недооцененным, на наш взгляд, событием в развитии языкознания второй половины XX в., которое можно по праву оценить как новый виток в совершенствовании теории и методологии современной сопоставительной лингвистики.

Уточняя предмет рассмотрения, отметим, что из состава близкородственных языков мы намеренно выбираем славянские языки, поскольку, по нашему глубокому убеждению, именно при их изучении применение сопоставительного метода оказалось наиболее результативным. Так, в частности, был не только внесен весомый вклад в разработку теоретико-методологических проблем языкознания в целом, но и получены ценные сведения о глубинных системно-функциональных параметрах языковых систем, направленности их эволюции.

Важным импульсом в развитии сопоставительных исследований стали богатые и плодотворные традиции Пражского лингвистического кружка, успешно продолженные последую-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности», № 08-04-00050а.

1 Ср.: «любая наука, если она хочет ясно осмыслить потенциальные возможности своего научного метода, заключается в том, чтобы, не ограничиваясь простым описанием изучаемых объектов, перейти к их сравнению и классификации» [Гринберг 1963: 60]. Впервые данная работа была опубликована в 1960 г.; ср.: *Joseph H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of language* // *International Journal of American Linguistics*. Vol. XXVI. N 3. July 1960.

щими поколениями исследователей. Нельзя, впрочем, не отметить, что один из основателей ПЛК В. Матезиус, характеризуя метод системно-функционального сопоставления, или же аналитического сравнения, имел в виду по большей части сравнение языков *различного* генезиса; ср.: «Системный анализ того или иного языка может проводиться лишь на строго синхронной основе и с помощью аналитического сравнения, то есть посредством сравнения языков различного типа без учета их генетических связей. Только таким способом можно понять данный язык как органическое целое и в достаточной мере правильно выявить значение и функции лингвистических явлений, из которых складывается язык. Чтобы успешнее использовать методы аналитического сравнения, необходимо анализировать отдельные языки лишь с функциональной точки зрения, потому что только этот способ позволяет провести точное сравнение различных языков. Общие потребности выражения и коммуникации, свойственные всему человечеству, являются единственным общим знаменателем, к которому можно свести выразительные и коммуникативные средства, различающиеся в каждом языке» [Матезиус 1967: 226]². Из текста приведенного фрагмента видно, что В. Матезиус, по сути, имеет в виду те задачи, решение которых относится, главным образом, к компетенции типологической лингвистики. К этому вопросу, впрочем, мы еще вернемся ниже.

Наибольшего расцвета сопоставительное изучение близкородственных языков достигает в период 60-х–80-х годов прошлого века, однако на начальном этапе развития этой науки обращает на себя внимание явная диспропорция между высоким уровнем теоретико-методологических разработок в этой области и низким качеством практических описаний языкового материала, авторы которых занимались по большей части формальным сравнением инвентаря языковых средств на основе случайных критериев, без заранее продуманной программы и методики исследования. Научная эффективность и информативная отдача подобных описаний были настолько незначительными, что сопоставление близкородственных языков стало рассматриваться как некая вспомогательная дисциплина сугубо прикладного характера, которая, не поднимаясь до уровня высоких обобщений, ограничивается лишь эмпирической каталогизацией случайных сходств и различий.

Можно назвать и другие причины, мешавшие по достоинству оценить значимость сопоставительного изучения близкородственных языков. Дело в том, что на период 60-х годов приходится пик всеобщего увлечения типологическими штудиями, которые, как правило, были ориентированы на создание типологических классифика-

2 Статья впервые опубликована в 1947 г.: *Vilém Mathesius. O soustavném rozboru gramatickém // Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.*

ций генетически не родственных языков, у которых дифференциальные признаки выражены более рельефно, контрастно³, причем уже на поверхностном уровне языковой системы (оппозиция «да–нет»). На этом столь эффектным фоне близкородственные, и в частности славянские, языки, с их столь очевидной похожестью друг на друга, утрачивали свою привлекательность как объект исследования.

Сходные и отличительные черты *близкородственных* языков также могут обнаруживаться на поверхностном уровне языковой системы, однако для получения более исчерпывающей и достоверной информации, и, в частности, для установления *системно-функциональной* обусловленности тех или иных явлений, как правило, оказывается необходимым привлечение к анализу данных *глубинного* уровня. В этом случае «необходимо как бы раздвинуть поверхностный слой языковой материи, отвлечься от факторов формального сходства и частных характеристик и сосредоточить внимание на глубинных системно-функциональных закономерностях, которые в конечном итоге и составляют основной предмет сопоставительного изучения близкородственных языков» [Нецименко, Гайдукова 1994: 94].

Сказанное хотя и увеличивает трудоемкость исследования, делая его более продолжительным, однако эксплицитная сила получаемых результатов, как правило, компенсирует эти затраты, поскольку наблюдению становятся доступными системно-функциональные и даже универсальные закономерности строения и функционирования языковой системы в целом. Не случайно основополагающей посылкой сопоставительного изучения близкородственных языков является то, что сходство или даже тождество сопоставляемых явлений отнюдь не гарантирует тождества их функциональной нагрузки [Barnetová, Barnet 1962; Barnet 1974; Барнет 1983; Широкова 1978]. Ср. также у В. Матезиуса: «Относительную значимость языкового факта в грамматической системе данного языка можно определить только путем выявления его функции в рамках всей системы; она отчетливо выступает на фоне удачно подобранного сравнительного материала других языков» [Матезиус 1967: 227].

Важно подчеркнуть, что процедура анализа и методические приемы, используемые при сопоставительном изучении *близкородственных* языков, в сущности, имеют универсальный характер: они эффективны не только при *межъязыковом*, но и *внутриязыковом* синхронном и диахронном сопоставлении [Нецименко 1983]. Подобная универсальность метода системно-функционального сопоставления делает его неотъемлемым компонентом при решении широкого спектра теоретических и практических исследовательских задач.

3 Очевидно, именно по этой причине был введен в научный оборот термин «контрастивная лингвистика».

Говоря о *внутриязыковом синхронном* сопоставлении, мы имеем в виду сопоставление *горизонтально, пространственно* совмещенных форм существования языка, т. е. всех его манифестаций, входящих в состав широко понимаемого социолингвистического контекста данного этнического языка. Конкретно речь идет о таких языковых феноменах, как, например, литературный язык, все разновидности разговорного языка, или же языка повседневного непринужденного общения, включая и диалекты.

В этой связи не можем не отметить значимость изучения специфики детской речи, разумеется, насколько это является возможным. Как известно, дети обладают развитым языковым чутьем, обостренным ощущением языковой аналогии, поэтому в их речи нередко встречаются слова и формы слов, отвергаемые действующей кодификацией, что, однако, совсем не означает, что они не находятся в русле естественных закономерностей языковой системы. В свое время нами было проведено небольшое зондирование детской речи в связи с изучением специфики образования обозначений лиц женского пола (так называемые парные феминативы). При этом мы использовали как словарь детской речи С. Н. Цейтлин [Цейтлин 2001], так и наши собственные наблюдения. Как показал анализ, практически все зафиксированные номинации были образованы в соответствии с регулярными словообразовательными типами (в литературном узусе русского языка данные лексемы полностью отсутствуют): словообразовательный тип с *-к(а)*: *врач* — *врачка*⁴; *герой* — *геройка*; *джентельмен* — *джентельменка*; *доктор* — *докторка*; *инженер* — *инженерка*; *капитан* — *капитанка*; *командир* — *командирка* и т. д.; словообразовательный тип с *-ниц(а)*: *дворник* — *дворница*; *герой* — *геройница*; *друг* — *дружница* (в нашем материале представлено *дружница*); *продавец* — *продавница*; *бандит* — *бандитница*; словообразовательный тип с *-иц(а)*: *продавец* — *продавица*; *доктор* — *докторица*; словообразовательный тип с *-их(а)*: *продавец* — *продавчиха*; *Бармалей* — *Бармалиха*; *господин* — *госпожиха*; словообразовательный тип с *-а*: *биолог* — *биолога*; *монах* — *монаха*; *брат* — *брата* (вместо *сестра*); *друг* — *друга*; *дурак* — *дурака*; *сосед* — *соседа* (примечательно, что в литературном языке этот тип образования используется крайне редко; ср. русский неологизм *шейх* — *шейха*; чеш. *magistr* — *magistra* и т. д.). Отмечены и случаи вариативного словообразования; см., напр., *продавец* — *продавица*, *продавница*, *продавчиха*; *герой* — *геройка*, *геройница*; *друг* — *друга*, *дружница*, *дружница*.

Важно подчеркнуть, что основным преимуществом синхронного, пространственного сопоставления является то, что при этом виде анализа удастся установить *диапазон возможностей* языковой си-

⁴ Данный пример приводится в письмах радиослушателями «Эхо Москвы» (2006) как образец детской речи.

стемы. Именно поэтому при оценке потенциальных возможностей того или иного этнического языка принципиально неверно исходить лишь из литературного узуса, игнорируя узус непринужденной повседневной речи. Это могло бы привести к поспешным, типологически ошибочным выводам, искажающим реальную картину языковой системы, ее внутренних резервных возможностей (см. ниже).

Некоторые из этих потенций являются практически реализованными, представляя собой *активные звенья* языковой системы; другие, напротив, временно приглушены, образно говоря, «спят». Тем не менее, их значимость состоит в том, что до поры до времени они сигнализируют скрытые резервы языковой системы, которые могут активизироваться при наличии благоприятных условий, например, при изменении кодификационных предписаний, действующего вербального стандарта.

Именно это мы и наблюдаем в настоящее время, когда значительно возрастает влияние нормы разговорного узуса на узус публичной коммуникации. Факт существования подобных «спящих» звеньев необходимо учитывать при лингвистическом прогнозировании.

При *внутриязыковом диахронном* сопоставлении синхронные срезы одного и того же языка выстраиваются во временной последовательности, позволяя наблюдать *историческую динамику языковых состояний*, а также формирование *внутриязыковых универсалий*.

В этом случае особое значение приобретает уникальное явление *языковой конкуренции*, встречающееся на различных уровнях языковой системы. Так, например, применительно к словообразованию это означает синхронное скопление *изофункциональных* деривационных формантов у *одних и тех же* производящих основ. Появление конкурирующих друг с другом дублетов — это в своем роде пульс вербальной материи. Его, образно говоря, «учащение» сигнализирует о наличии точек напряжения в системе, о том, что адекватное комбинаторное решение до сих пор еще не найдено⁵. Своевременная локализация и адекватная интерпретация очагов конкуренции имеет большое практическое и теоретическое значение, поскольку именно в местах сосредоточения конкурирующих друг с другом вербальных единиц следует ожидать подвижек в языковой системе.

Наличие очагов конкуренции, вполне естественно, противоречит тенденции языковой экономии, являющейся важнейшим импульсом динамики языковой системы, поэтому, как правило, это состояние кратковременное, завершающееся либо функциональным размежеванием дублетов, либо полным вытеснением одного из них

5 Ср. диалог двух журналистов: *диджейка* или *диджейша*. *Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003 (подчеркнуто нами. — Г. Н.). В данном случае речь идет, несомненно, о новом очаге конкуренции в современном русском литературном языке.

из употребления, либо, наконец, смещением его на периферию системы [Нещименко 1999; Neščimenko 2005; 2005a]. Именно поэтому их своевременное выявление и научная интерпретация чрезвычайно важны для диагностирования направленности языкового развития, установления очагов динамической иррадиации.

Данные, получаемые в ходе внутриязыкового сопоставления, имеют большую ценность для установления *Tertium comparationis*, т. е. основания для *межъязыкового* сравнения [Нещименко 1983; 1987]. С учетом специфики материала, находящегося в поле нашего зрения, мы интерпретируем названное понятие как некий конструкт, объединяющий набор основных параметров, существенных для строения и функционирования изучаемой языковой системы (в нашем случае это чаще всего словообразовательные или же номинационные категории).

Наиболее эффективным и надежным способом определения показателей, входящих в состав *Tertium comparationis*, нам представляется предварительное внутриязыковое *диахронное* сопоставление, базирующееся на материале какого-то одного языка⁶. При корректном проведении внутриязыкового сопоставления удастся отсеять случайные, произвольно выбранные признаки, сосредоточив внимание на релевантных закономерностях данной системы.

Результативность проведенного внутриязыкового сопоставительного изучения подтверждает, в частности, тот факт, что правила внутренней организации и функционирования словообразовательной системы, выявленные вначале на материале чешского языка, были впоследствии полностью подтверждены при анализе семи словообразовательных категорий (*Nomina agentis*, *Nomina actoris*, *Nomina attributiva*, *Nomina loci*, *Nomina mota*, *Nomina deminutiva et meliorativa*, *Nomina essendi*) в большинстве славянских языков. Данное обстоятельство, несомненно, говорит о том, что речь идет об *устойчивых* закономерностях *универсального* характера [Нещименко, Гайдукова 1994].

Сопоставительное изучение близкородственных языков, вопреки возможным ожиданиям, является весьма трудоемким жанром лингвистического исследования, предполагающим тщательную предварительную обработку языкового материала, его обстоятельный анализ и обобщение. Для его корректности и результативности необходимо соблюдать ряд исходных тезисов:

- объектом сравнения должны стать действительно сопоставимые языковые факты;
- сопоставляемые объекты должны быть адекватно описаны в соответствии с единой программой, единой процедурой описания, с

6 В свое время этот метод нами был использован при изучении деминутивных существительных в истории чешского литературного языка [Нещименко 1980].

использованием единого понятийно-терминологического аппарата, а также, по возможности, гомогенного корпуса языковых фактов;

- объект исследования должен быть определен как система с учетом параметров, характерных для его строения и функционирования. Для этой цели необходимо выявить правила организации системы, т. е. ее *структуру* (набор системообразующих компонентов), а также *иерархию* системообразующих компонентов — *центральные* и *периферийные*;

- языковая система является живым, функционирующим, постоянно обновляющимся феноменом, динамика которого обуславливается взаимодействием, интерференцией норм различных экзистенциальных форм (идиомов).

* * *

В развитии близкородственных языков отмечаются как *конвергентные*, так и *дивергентные* процессы, причем, как показал сопоставительный анализ, в современных славянских языках происходит *усиление* целого ряда конвергентных тенденций, что на практике проявляется в *ускоренном* и *однонаправленном* развитии данных языков.

Удивляться этому, впрочем, не приходится, поскольку действие комплекса сходных экстралингвистических факторов не может не вызывать в типологически близких славянских языках сходную или же во всяком случае близкую языковую рефлексию.

Назовем эти факторы:

- изменение нормативной основы литературного языка, ставшее особенно очевидным во второй половине XX в. *Тексты художественной литературы* утрачивают роль эталонного, нормотворческого фактора, уступив место текстам СМИ, главным образом, *устным*. В результате этого узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного непринужденного, в том числе профессионального общения, сленгов и пр.;

- усиление значимости публичной коммуникации, ее воздействия на внутриэтническую и межэтническую интеграцию, на существующий вербальный узус. Изменение норм речевого этикета и речевого поведения особенно заметно в сфере публичной коммуникации. Подтверждением этого служит возрастание *экспрессивности* общения, в том числе и в современных СМИ, свидетельствующее о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом, привлечении его на свою сторону, установлении с ним коммуникативного контакта;

- ослабление кодификационных запретов и средств речевого контроля в ареале *регулируемого* речевого поведения [Нецименко 1999а; 2003 и другие, более ранние работы]. В силу последнего огра-

ничители, корректировавшие и лимитировавшие развитие некоторых тенденций в литературном языке, утратили свое воздействие, открывая простор влиянию живой разговорной стихии, выравнивающей некоторые из ранее существовавших различий;

- совпадение универсальных экстралингвистических факторов, предъявляющих языку вполне конкретный информационно-коммуникативный «заказ»;

- существенное возрастание *объема*, а также *скорости* прохождения информационного потока по каналам коммуникативной связи. Данное обстоятельство создает предпосылки для проявления языковой экономии, в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных, семантически емких номинаций.

Таким образом, начиная со второй половины XX в., активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы, влияние которых, судя по всему, будет *долговременным*.

Особенно значимым является происходящее изменение речевого стандарта публичного общения в направлении «массовизации», «устнизации», усреднения узуса. Во многом это обусловлено приоритетным положением устных СМИ, характеризующихся повышенной коммуникативной интерференцией, большей толерантностью в отношении к узусу повседневного, непринужденного общения.

Именно узус устных медийных средств становится ныне, хотим мы того или нет, эталоном вербальной культуры, нормообразующим фактором в узусе публичного общения (см. по этому поводу: [Нещименко 1999а; 2001; 2003 и т. д.]). В свете этих изменений переоценка действующих кодификационных предписаний становится неизбежной.

Как проявление языковой рефлексии на действие названных выше факторов можно рассматривать увеличение стилистического варьирования суффиксальных формантов, востребованным становится весь спектр оценочной лексики, в том числе деминутивов, градационных прилагательных и наречий и т. д. Наличие экспрессивного фона, а нередко и разговорного шлейфа, отмечается у целого ряда новообразований, относимых, например, к абстрактным существительным. Особую значимость приобретает создание компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями. Активно идет процесс окачества относительных прилагательных и наречий и пр. [Нещименко 2003а].

Влиянием тенденции языковой экономии, возможно, обуславливается постепенное расширение границ деминутивного и феминного словообразования, например, в русском или же польском языках. Несмотря на то, что активизация этих процессов в чешском языке является более значительной, есть все основания говорить о движении в одном и том же направлении.

Таким образом, очевидным является снятие или же ослабление более ранних ограничений, накладываемых на реализацию целого ряда словообразовательных моделей. Это стимулирует формирование новых деривационных взаимосвязей, возрастание продуктивности как традиционных, так и новых схем и способов словопроизводства. Активизируется использование возможностей семантического словообразования, ограничивающего чрезмерное разрастание корпуса вербальных единиц и т. п.

Невзирая на сходство словообразовательных систем славянских языков, а также историческую преемственность словопроизводственных традиций, наблюдаемая в них картина не является полностью идентичной. Справедливость сказанного полностью подтверждается результатами сопоставительного изучения, которые убедительно показывают, что выявляемые в тех или иных славянских языках тенденции могут различаться по своей *масштабности* и *темпу* реализации. В результате *неравномерности* темпа развития языков, в том числе и близкородственных, можно одновременно наблюдать *различные* фазы протекания одних и тех же языковых процессов [Нецименко 1983: 49], т. е. фиксировать совмещенную в пространстве и времени диахронию. Типологическая близость славянских языков предопределяет развитие в них конвергентных тенденций.

Иллюстрацией постепенного усиления конвергентных тенденций являются, например, взаимоотношения, складывающиеся между деминутивными суффиксами *-Ok-* и *-Oc-*. Так, в чешском языке деминутивы с „С“-суффиксами (*-Oc-*, *-ic-*) были архаичными уже в древнечешском языке (ср.: *seštríce*, *rybice*, *hvězdice*, *hlavice* и т. д.), т. е. суффиксы с данным деривационным значением утратили продуктивность. Несколько медленнее этот процесс проходил в русском языке, где подобные производные занимают периферийное положение в системе (ср.: *Сестрица* моя, *Алёнушка*, *выплынь*, *выплынь на бережок!*). Характерно также, что факты конкуренции деминутивных суффиксов *-Ok-* и *-Oc-* отмечались и в истории русского языка; ср.: *рыбка*, *речка*, *ручка* вместо *рыбица*, *речица*, *ручица*. Симптомы снижения продуктивности „Ц“-суффикса можно наблюдать у деминутивов в болгарском языке, несмотря на бытующее мнение о том, что южнославянские языки являются зоной предпочтительного использования „Ц“-формантов. Кстати говоря, именно данные *диахронного* внутриязыкового сопоставления, проводившегося на материале чешского языка, навели нас на мысль о вероятном снижении активности суффикса с компонентом „Ц“ в болгарском. Это подтверждалось, в частности, такими фактами, как отсутствие в составе производящих основ производных и заимствованных лексем, новообразований [Нецименко 1983]. Заметим, что некоторые болгарские исследователи деминутивов высказывали ранее иную точку зрения. В сербском и хорватском языках позиции „Ц“-суффиксов (например, *-ец-*, *-иц-*)

продолжают оставаться прочными, хотя определенные симптомы снижения их продуктивности в сербском языке все же можно зарегистрировать [Нещименко, Гайдукова 1994].

Скорость нивелировки проявлений дивергентности может быть весьма впечатляющей. Так, в докладе, произнесенном в Праге на симпозиуме зарубежных богемистов в конце 80-х годов, нами были представлены некоторые результаты сопоставительного анализа отличительных особенностей русского и чешского языков, зафиксированных в практике перевода. Печатная версия этого доклада вышла в 1990 г. [Něščimenková 1990]. Возвратившись к этим наблюдениям уже в начале 2000-х годов, мы обнаружили, что многие из приведенных в нем отличий, зафиксированных в узусе публичной коммуникации, являющейся наиболее динамичной сферой *регулируемого* речевого поведения, к этому времени уже сгладились.

Сказанное касается, в частности, активизации использования универбов, относительных прилагательных с окачественным значением, препозитивной постановки определения, расширения частотности и сферы употребления наречий, некоторых разрядов глагольного словообразования и т. п. Попытаемся проиллюстрировать сказанное.

Там, где в узусе чешской публичной речи отмечается препозиционная постановка согласованного определения (проявление синтетизма), в адекватном русском тексте фиксируется постпозиционное несогласованное определение (чаще всего существительное с предлогом), т. е. проявление аналитизма; ср.: *hektarové výnosy* — *урожайность с гектара*; *sklizňové ztráty* — *потери при уборке урожая*; *bezztrátová přeprava* — *перевозки без потерь*; *vícezdrojové financování* — *финансирование из нескольких источников* и пр. За последнее десятилетие образование компактных окачественных относительных прилагательных в русском языке (очевидно, под влиянием разговорной речи) значительно активизировалось. Сказанное подтверждается большим количеством примеров, из которых мы приводим лишь малую толику: *затмненные стекла*. «Новая газета», 1999 ('стекла, необходимые для наблюдения солнечного затмения'); *белодомавские чиновники молчали*. «Московский комсомолец», 1999; *маячная информация*. «Маяк», 1999; *фанерные концерты*. «Новая газета», 1999 ('концерты, идущие под «фанеру», т. е. фонограмму'); *фонограммные артисты*. «Новая газета», 1999; *в самые безмедальные годы*. «Эхо Москвы», 2000; *бутырочная действительность*. Там же, 2001 и др.

Стремление к большой компактности средств выражения стимулирует активизацию образования и использования наречий в медийных текстах на русском языке. Та же тенденция наблюдается и в ряде славянских языков; ср.: чеш. *prezident byl ústavně odvolán*. «Netopýr-TV», 1999; *Přibývá programově řízených obráběcích strojů*. «Rudé právo», 1981; *sošně se vzdálil*. «Kmen», 1988; *aby se průvodcovsky osvědčila*. «RV»,

2001; *perestrojkově naivní film* и пр.; ср. русск.: *осматривать помещичью и пощично*. «Новая газета», 1999; *Куда более обаятельного и тем паче фактурно близкого миллионам*. Там же, 2001; *Это был бы жест, электорально вредный*. Там же, 1999; *Я отвечаю на этот вопрос притчево*. ТВ-РТР, 2000; *Это был старик, поведенчески странный*. «Новая газета», 2000; *По решению Президиума прямая трансляция отменяется, президиумно нам перекрыли клапан информации*. «Огонек», 1989; *Импровизировать поступочно*. ТВ-«Кинопанорама», 2000; *Приборно доказать*. ТВ, 1989; *Телевизор прямо евростандартно украсил ваш крепкий очаг*. «Новая газета», 2001; *Население рыночно притянулось в Москву*. «Эхо Москвы», 2001. Количество подобных образований в русском и чешском языках стремительно нарастает, большинство из них зафиксировано в нашей электронной картотеке.

Сюда же примыкают и десубстантивные глаголы со значением результативности действия, которые, на наш взгляд, также можно рассматривать как проявление языковой экономии. В чешском языке данная тенденция не только подтверждается множеством языковых фактов, но и имеет давнюю традицию, поэтому мы ограничимся лишь несколькими иллюстративными примерами, для которых в русском языке адекватные компактные обозначения отсутствуют; ср.: *zprovoznit* 'сделать проезжим, напр. улицу'; *zprůchodnit* 'сделать проходным, устроить проход'; *zchutnit* 'сделать вкусным, улучшить вкус'; *zviditelnit* 'сделать видимым'; *odzrnit (papriku)* 'вынуть зернышки (из перца)' и пр.; ср. также *tunelovat* (*peníze z banky*) 'делая тоннель (образно говоря) в банке, т. е. выкрасть деньги из банка; увести деньги из банка' (и производное *tunelář*); *internetovat* 'работать в Интернете' (два последних примера зафиксированы в картотеке Института чешского языка Чешской АН) и пр. Приведем для ясности лишь один контекст: *Předčasné volby měly především zpřehlednit rozložení politických sil*. газета «Metro», 1998 (заметим, что данная газета распространяется буквально «с колес», поэтому возможности языкового редактирования публикуемых текстов являются весьма ограниченными).

В русском языке данная тенденция активизировалась, главным образом, в новейшее время; ср.: *банкротить банки*. «Эхо Москвы», 1999; *челночить в Китае*. «Маяк», 1995; *власти секретят эти материалы*. «Новая газета», 1999; *Ты все абсурдируешь*. Там же, 2001; *в армии изобретательно садировали*. Там же, 1999; *заводы пиратируют своих же заказчиков*. Там же, 2000; *договорились друг друга не пиратить*. Там же, 2000; *Задача „очестнить“, если так можно выразиться, все процессы в обществе*. «Огонек», 1989; *Мы тебя отрейтингуем*. «Эхо Москвы», 2002; *Как можно быстрее отелевизионить Москву* (после пожара в Останкино в 2000 г. — Г. Н.). «Московский комсомолец» 2000; *Мы слишком занавукообразили проблему*. ТВ, 1999; *Два года назад уже «жюри»*. «Новая газета», 2000; *Устроили заседание в Думе. По поводу — можно эфирить или нет*. Там же, 2001; *ваша ко-*

манда мониторит, как это сейчас модно говорить. «Эхо Москвы», 2000; в Швеции большинство велосипедит по городу с утра до вечера. «Комсомольская правда», 1999; Еще когда главбухшила в конторе. «Новая газета», 2001; Зачем оппозиция кошмарит режим? ТВЦ, 2003 и мн. др. Состав этой лексики постоянно пополняется за счет притока новообразований из разговорного узуса.

Как мы видим, зона конвергентного развития славянских языков продолжает расширяться.

Далее приводится краткий перечень языковых процессов, выявлению которых способствовало применение сопоставительного метода.

– Усиление тенденции окачества относительных прилагательных⁷.

– Активизация образования и расширение сферы использования относительных наречий.

– Конкретизация семантики абстрактных существительных, сопровождаемая появлением экспрессивности; ср.: *V involněné atmosféře se Fischer přiznal, že cítí břemeno velké odpovědnosti, ale také se «těší» [...] zda raději míru těšení neměl Fischer vymezit.* Aktuálně.cz.11.04.09; *odmítáme jakékoli formy zpoplatnění studia.* iHNed 15.05.09.; *Havlova kritika národovectví a protievropanství.* «Právo», 20.04.09.⁸; ср.: *вокзальность бытия, его перекресточность* (2003); *жизненные необходимости* (2000); *делить детей и стариков по горбоносости и черноволости* (1999); *крошечность человечества!* (2009). Ср. также случаи образования относительных прилагательных от абстрактных существительных: *отношенческие вещи* (2009); *размысленческие паузы* (2001); *ощущенческая штучка* (2006) и пр. Сказанное особенно примечательно, так как обычно образование абстрактного существительного или же, к примеру, существительного с модификационным значением замыкает деривационную цепочку, препятствуя ее дальнейшему развертыванию⁹.

– Бóльшая регулярность образования и расширение сферы употребления парных феминативов, что отмечается в том числе и в русском и отчасти польском узусе, т. е. там, где это строго лимитировалось действующей кодификацией.

– Активизация образования и употребления деминутивов во всех славянских языках. Ср.: *каталожек* (2006); *интервьюшечка* (2005); *информашка* (2006); *рубричка* (2006); *сайтик* (2008); *телеканальчик* (2003); *фестивальчик, концертик* (2003); *дисплейчик* (2003); *клипчик* (2004); *сериальчик* (2002) и т. д.

7 По поводу этой проблемы см.: [Нещименко 1972; 1980].

8 Все приводимые тексты взяты из чешского Интернета. Воспроизводимые примеры отражают лишь малую тольку имеющегося у нас материала.

9 По поводу развертывания деривационных цепочек см.: [Нещименко 1970; 1980].

Даже этот далеко не полный перечень языковых фактов демонстрирует исследовательские возможности применения сопоставительного метода при изучении системно-функциональных особенностей славянских языков.

* * *

Выше мы уже говорили о том, что данные, получаемые в результате сопоставительного изучения близкородственных языков, нередко используются в качестве основы для вывода типологических обобщений. Признавая ценность этих наблюдений для языкового прогнозирования и типологических выводов, считаем необходимым предостеречь от поспешных и, следовательно, ошибочных глобальных заключений. Как нам представляется, в этом случае необходимо соблюдать ряд правил:

– Нельзя делать типологические выводы о системе этнического языка в целом на основе изучения лишь какой-то одной экзистенциальной формы, сколь бы престижной она ни была (в данном случае мы имеем в виду литературный язык). Как известно, закономерности, характерные для разговорной речи, имеют свою специфику.

– Важно ограничивать *естественные* языковые процессы от процессов, обусловленных целенаправленной корректировкой, в частности, проведением той или иной языковой политики. К сфере языковой политики могут быть отнесены те или иные кодификационные предписания, действующие в тот или иной период правила речевой эстетики и речевого этикета, в том числе и требования политкорректности и пр. Названные факторы оказывают влияние на формирование литературной нормы, на непринужденную повседневную речь они не распространяются. Сказанное является одной из причин, обуславливающих возникновение различий между литературной и разговорной речью.

– Незвизрая на то, что кодификация формируется на основе научного обобщения системных языковых закономерностей, она а priori не может быть абсолютно свободной от регулирующих установок, варьирующихся в тот или иной период жизни социума (ср., например, требование соблюдения политкорректности). Последнее обстоятельство представляется нам весьма существенным, так как это может вести к возникновению слишком большой дистанции между кодификацией и системными языковыми закономерностями, а это в свою очередь может способствовать возникновению коммуникативного дискомфорта. Нельзя, однако, не учитывать, что вмешательство в развитие языка извне способно лишь *приостановить* на какое-то время развитие того или иного языкового процесса, но не «отменить» его полностью.

– Признавая значимость типологических классификаций как таковых, следует, тем не менее, учитывать, что любая типологическая

классификация является лишь некоторым приближением к языковой реальности¹⁰. Это некоторая плоскостная конструкция, достоверность которой может быть поколеблена введением дополнительных критериев либо нового уточняющего материала¹¹.

В связи с последним уместно вспомнить об экспрессивной лексике, при образовании которой нередко используются специфические, нестандартные словопроизводственные процедуры, выходящие за рамки как кодификационных, так и типологических ожиданий. Приведем в качестве иллюстрации употребление так называемых *вставных* морфем при образовании в чешском языке прилагательных (наречий) со значением интенсификации признака: *slab(y) > slab-ounk(y) > slabou-li-nk(y) > slabou-li-li-nk(y)* и пр. В отличие от обычных словообразовательных формантов, вставные морфемы вкладываются *внутрь* производящей основы, причем либо в *морфемный* шов (для славянских языков эта позиция является более или менее стандартной), либо, что уже совсем неожиданно, *внутрь морфемы* (в частности, корня, суффикса), как это характерно для приведенного нами прилагательного. Данная операция нетипична для славянского словообразования, она может рассматриваться как проявление тенденции *инкорпорации* [см.: Нешименко 1968; 1971; 1973; 1980; 2004].

Развитие сопоставительного изучения близкородственных языков, а также внутриязыкового сопоставления позволяет более трезво относиться к типологическим прогнозам, высказываемым в отношении последующей эволюции славянских языков. За неимением места ограничимся всего лишь одним примером. В литературе зачастую высказывается мнение об усилении проявлений *анализи́зма* в славянских языках, однако, по имеющимся у нас данным, можно говорить и об обратном явлении, а именно об усилении *синте́тизма* в определенных фрагментах языковой системы. Мы имеем в виду предпочтительный выбор препозиции согласованного определения (см. выше). В данном конкретном случае наблюдается уравнивание противоположенных тенденций. Это соответственно ставит перед исследователем задачу установления удельного веса фиксируемых новаций.

10 Примечательно, что один из ярчайших представителей типологической лингвистики — чешский ученый Вл. Скаличка — подмечал и ее уязвимые места: «Типология — один из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания» [Скаличка 1958: 19] или же «этот метод (характерологической типологии. — Г.Н.) имеет один существенный недостаток: он не обладает прочной теоретической базой, которая позволила бы ему оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, оценивать их на основе точных и определенных критериев» [Скаличка 1958: 28].

11 По отношению к близкородственным языкам М. Затовканюк рекомендовал пользоваться термином «микротипология» [Затовканюк 1968].

Иными словами, сопоставительное изучение позволяет избежать крайностей и ненужной категоричности в оценках системных закономерностей славянских языков и в прогнозировании направленности их дальнейшей эволюции.

* * *

В заключительном разделе статьи мы постараемся на материале русского, чешского и польского языков показать, как в этих близкородственных языках решается проблема обозначения лиц женского пола.

Забегая вперед, скажем, что данный языковой феномен в буквальном смысле слова является эпицентром бурных споров и столкновений, возникновение которых обусловлено не столько деривационной спецификой данных существительных, сколько регламентирующим воздействием правил речевого этикета, некоторыми — не вполне правомерными, на наш взгляд — типологическими рекомендациями, ограничивающими естественный процесс словообразования и функционирования названной лексики в языке. Все это создает немало трудностей для носителей и пользователей языка.

Яблоком раздора является проблема целесообразности конкретизации родо-половой характеристики лиц, занимающих «статусное» положение в социуме, т. е. имеющих титулы, звания, высокие должности и пр. При этом высказываются две полярно противоположные точки зрения, суть которых вкратце сводится к следующему: фиксировать посредством суффиксальной деривации родо-половую принадлежность лица — не фиксируя родо-половую принадлежность лица, употреблять существительное мужского рода с универсальным значением лица.

Первая точка зрения опирается, главным образом, на традиционно сложившиеся закономерности словообразования данной лексики; сторонники второй точки зрения приводят в качестве убеждающего аргумента типологические предпосылки некоторых языков.

Продемонстрируем сказанное на конкретном материале.

В центре ономастиологической категории парных наименований (*Nomina mota* или же, в чешской терминологической традиции, *Jména přechylená*) находится словообразовательная категория феминативов, коррелирующих с однокоренными существительными мужского рода со значением лица (парные феминативы).

В современном чешском языке последовательное употребление парных феминативов характерно не только для повседневной непринужденной речи, но и для литературного узуса. Иными словами, в этом фрагменте словообразовательной системы различие между кодификацией и системными языковыми закономерностями является практически незначительным. Существовавшие в первой половине XX в. разногласия, касавшиеся целесообразности использования

парных феминативов для обозначения женщин, занимающих статусное положение в социуме, были более или менее успешно преодолены. Окончательный выбор был сделан в пользу употребления парных феминативов; ср.: *akademička, profesorka, docentka, prezidentka* и пр. Приведем в качестве иллюстрации некоторые примеры, зафиксированные в чешском Интернете: *Chomutovská primátorka Ivana Řápková*. iHNed.cz 14.05.09.; *Předchozí rekord petrohradské aukce držela místní gubernátorka Valentina Matvijenková*. Ibid. 14.06.09.; *Europoslankyně Bobošíková, kdysi Železného zaměstnankyně, sympatizantka komunistů a protikandidátka našeho dnešního prezidenta*. Aktuálně dnes. cz 15.05.09.; *Bylo mi ctí, osobně poznat některé kolegy blogery a kolegyně blogerky*. Ibid. 13.05.09.; *proto se stane příští litevskou prezidentkou už po prvním kole voleb. Tuhle dámu s pověstí tvrdé správkyně rozpočtu a skvělé ekonomky by chtěl mít v křesle prezidenta či premiéra v dobách ekonomické krize asi každý. V prvním kole výrazně zvítězila eurokomisařka pro rozpočet Dalia Grybauskaitėová. Letos triiapadesátiletá ekonomka a politička; má z Bruselu pověst tvrdé vyjednačky se skvělou pamětí na čísla, místo eurokomisaře pro rozpočet patří k jednomu z klíčových postů v Evropské komisi; v roce 1999 dělala náměstkyni na ministerstvu financí; Pragmatická v životě i v politice; Grybauskaitėová může přidat svoji zkušenost ministryně financí z let po ruské finanční krizi v roce 1998*. Ibid. 13.05.09.; *Kandidátka na německou prezidentku nadbíhá krajní levici*. Aktuálně dnes. cz 15.05.09.; *pětašedesátiletá socioložka*. Ibid.; *při hledání experta či expertky*. Aktuálně dnes. cz 24.05.09.; *jedna úspěšná islandská investorka*. Ibid.; *neskrývá však své pochyby manažerka rizik České spořitelny Monika Laušmanová*. Ibid.; *islandské finančnice*. Ibid.; *Jeden z poslanců vyjádřil podiv nad tím, že se přáteli starostka za ODS Řápková s hejtmankou za ČSSD Vaňhovou*. Ibid. 03.07.09.; *zpovídala „justiční májanku“ Renátu Veseckou*. Ibid. и мн. др.

Из приведенных примеров видно, что чешский язык молниеносно реагирует на возрастающую потребность в обозначениях женщин, занимающих те или иные жизненные позиции. Трудности вызывает лишь образование парных феминативов от некоторых еще не освоенных заимствований; ср. отсутствие парных феминативов у таких заимствованных обозначений, как *spíkr, atašé* и пр., даже если они относятся к выполняющей эти функции женщине: *Jak si na práci spíkra zvykla Iva?* «Vlasta», 1983, диалог с модератором передачи ТВ; *česká kulturní atašé* и пр. Ср. употребление в сходной структурной позиции более нового образования *lídryně* (от *lídri*).

В литературном узусе русского языка используются как парные феминативы (родовые корреляты), так и существительные мужского рода со значением лица с несловообразовательными конкретизаторами пола (согласование, указание имени лица, фамилии, присоединение приложения). Парные феминативы встречаются обычно при обозначении лиц, занимающихся физическим трудом или спортом, т. е. в тех случаях, когда признак пола имеет значение для характера

выполняемой деятельности¹² (*аккумуляторщица, бетонщица, укладчица* и т. д.; *биатлонистка, каратистка, хоккеистка, многоборка, фигуристка* и пр.). Сказанное касается и обозначений лиц, выполняющих те виды деятельности, в которых, главным образом, заняты женщины (*учительница, билетерша* и пр.).

При обозначении женщин, занимающих статусные позиции, в соответствии с действующими кодификационными предписаниями употребляются существительные мужского рода, имеющие несловообразовательные конкретизаторы, например, согласование (*врач пришла*), указание фамилии (*врач Иванова*), комбинация с приложением (*женщина-врач*) и т. д. Что касается использования приложения, то в современных медийных русских текстах оно встречается довольно часто: *Выступала женщина-депутат*, «Новая газета», 2001; *женщины-камикадзе*. Там же, 2002; *амбициозная женщина-политик*, «Эхо Москвы», 2006, модератор. Иногда уточнение пола лица посредством использования приложения является совершенно излишним: *женщины-художницы, женщины-пенсионерки, женщины-бетонщицы, женщина-террористка, женщина-бомбистка, женщина-подрывница, женщина-террористка, женщина-спринтерша*, «Новая газета», 2000, 2001, 2002, 2006 и т. д.

Отметим также, что в современном русском литературном языке отчетливо прослеживается тенденция активизации образования парных суффиксальных феминативов, соотносимых с существительными мужского рода со значением лица (родо-половая корреляция). В этом, несомненно, сказывается усиливающееся влияние разговорной речи; ср.: *кураторша* конкурса (2006); *меценатка, депутатка, оппонентка* (2000); *арфистка* и *виртуозка* (2000); *боевичка* (1997); *дискжockeyша* (1998); *дикторша* «Новостей культуры» (1999); *дискжockeyша* на ТВ (1998); *киллерша-биатлонистка* (2000); *бизнесменка, бизнесмениша* (2002); люди звали Курбику *ваххабиткой*, или просто *ваххабкой* (2003); *галеристка* (2003); *гидша* (2002); *диджейка* или *диджейша* (2003); звонок *пресс-службистки* (2002); была *самурайкой* (2001); *тинейджерка* (2002); *канцлерша* Меркель (2006); *музыкаведша* (2003); *продюсерша* утреннего вещания (2003); *снайперша* (2001); имя *смертницы* (2003); *пиарщица* Мосводоканала (2003); вербовала *женщин-подрывниц* (2003); *предпринимательница* (1999); *предпринимательша* (2000) и мн. др. Иногда даже уточняется хронология появления новообразования: *боевички* (появился такой неологизм во вторую войну).

12 Именно по этой причине признак пола лица может уточняться в текстах печатных объявлений о найме на работу: *Nabídka zaměstnání Asistent/ka (quality); Zástupce/kyně ředitele — Zlín; bankovní poradce/kyně - Třebíč (Zn. HM). iHNned.cz 06.06.09; Помощник/ца руководителю! Срочно! Помощник/ца руководителя; Приглашаю надежного трудолюбивого сотрудника/цу; Работа с документами. Инна Борисовна возьмет спокойную и надежную сотрудницу. Телепрограмма, 2009.*

«Новая газета», 2000 (имеется в виду вторая чеченская война); симпатии зрителей, дружно подбадривавших «боксерку» (вполне законный неологизм с 9 октября). «Московский комсомолец», 1999.

Более сложная и противоречивая картина наблюдается в польском языке. Стоит отметить, что именно в этом лексическом пласте особенно отчетливо проявляются отличия между повседневной непринужденной речью и литературным узусом.

Разногласия по поводу правомерности фиксации родо-половой корреляции у статусных обозначений стали причиной возникновения бурной лингвистической дискуссии, в которой активно участвовали журналы «Język polski» и «Poradnik językowy».

Журнал «Język polski» целенаправленно проводил линию на маскулинизацию соответствующих обозначений. При этом полностью игнорировалось то, что предлагаемые рекомендации вступают в противоречие как с традиционной литературной нормой, так и с нормой повседневной непринужденной речи.

Поборниками тенденции маскулинизации выступали и крупнейшие авторитеты польской лингвистики (В. Дорошевский, З. Клеменевич и др.). Так, в частности, В. Дорошевский утверждал, что образование парных суффиксальных феминативов опирается лишь на языковую традицию, а отнюдь не на современную реальность: «Jeżeli kobieta jest ministrem, magistrem i tak dalej, to trudno powiedzieć o niej inaczej niż: to jest minister, magister, profesor, doktor» [Doroszewski 1948: 69 и далее]. В. Дорошевский также говорил о наличии двух тенденций при образовании профессиональных обозначений: акцентирование признака пола — игнорирование признака пола, т. е. когда акцент ставится на выполняемой лицом общественной функции [Doroszewski 1948: 72]. Сам В. Дорошевский высказывался в пользу второй тенденции.

О войне¹³ между двумя тенденциями — традиционной и новаторской — говорит З. Клеменевич. Как утверждает ученый, традиционная тенденция «zaleca odrębne formalne nazwy zawodów kobiecych», в то время как новаторская тенденция «przemawia za zachowaniem wspólnej formy, gramatycznie męskiej, dla obu płci» [Klemensiewicz 1957: 111]. Как мы видим, речь идет не только о «войне» между упомянутыми тенденциями, но одновременно дается и их качественная оценка (тенденция традиционная / тенденция новаторская). З. Клеменевич делает и соответствующий прогноз: после пятидесятилетнего единоборства тенденция «традиционная, извечная» должна потерпеть поражение, в то время как тенденция новаторская, т. е. «przyznawania kobietom męskich tytułów zawodowych», одержит окончательную по-

13 Об эмоциональности этой дискуссии свидетельствует, помимо прочего, использование военной терминологии: *totalna wojna z uniwersalnym maskulinum, totalna walka, kapitulacja* и пр.

беду, поскольку «*zostaje ona docentem, adiunktem, lekarzem, adwokatem, sekretarzem*» [Klemensiewicz 1957: 103].

Журнал «*Poradnik językowy*», оппонировавший журналу «*Język polski*», был обвинен последним в пуризме и традиционализме, поскольку он добивался того, что «*w czasach, gdy kobiety otrzymują doktoraty, katedry itd.*», они должны иметь право носить и соответствующие титулы: *doktorka, docentka, profesorka, adwokatką* [Poradnik językowy 1934, 3: 46].

Ставить окончательно точку в этой дискуссии, на наш взгляд, еще рано, несмотря на то, что польский лингвист М. Лазиньский твердо верит в победу «универсального маскулина»: «*Totalna wojna z uniwersalnym maskulinum nie ma w polszczyźnie wielkich szans powodzenia, ponieważ prowadzi do zbyt dużej redundancji tekstu, choć jest częściowo uzasadniona psychologicznie*» [Laziński 2005: 144]. Судя по тональности приведенной цитаты, напряженность по-прежнему сохраняется.

В целом можно сделать следующее итоговое обобщение: в середине XX в. в литературном чешском языке более или менее последовательно соблюдалась родовая корреляция; в литературном польском языке более прочные позиции занимала маскулинизация; литературный русский язык занимал несколько промежуточное положение.

Не намереваясь выступать в роли арбитра в полемике, проходящей в польской лингвистике, выскажем все же несколько замечаний.

Нам кажется концептуальной ошибкой то, что на основе процессов, наблюдаемых лишь в литературном узусе, делается вывод о системных типологических параметрах этнического языка в целом. Спорным представляется и разделение языков на конкретные и абстрактные, причем к языкам с преобладанием абстрактности относятся языки английский и отчасти французский. Именно в этом направлении должен, по мнению сторонников данной концепции, развиваться и польский язык. При этом высказывалось предположение о том, что целенаправленная маскулинизация могла бы способствовать большей абстрактности польского языка (использование парных феминативов соответственно рассматривалось как проявление конкретности), его включенности в число наиболее престижных языков.

При выведении типологических обобщений, по нашему мнению, допускалась важная логическая ошибка — подмена понятий. Так, системные языковые закономерности отождествлялись с кодификацией; национальный (этнический) язык — с языком литературным. Данная подмена отнюдь не была случайной, она обуславливалась недостатками используемой социолингвистической концепции, которую можно было бы определить как *литературноцентристскую* и *стратификационную*¹⁴.

14 Подробный анализ этой концепции представлен в монографиях [Нецименко 1999а; 2003].

Суть этой концепции состоит в квалификации литературного языка как самой престижной, самой перспективной, универсальной формы существования этнического языка. Все остальные языковые идиомы занимают в иерархической шкале более низкое положение, со временем все они обречены на исчезновение.

Как нам представляется, польская лингвистическая дискуссия наглядно показала уязвимость *литературноцентристской* концепции. Ход последующих событий продемонстрировал сомнительность и «типологической инженерии», когда в угоду типологическим предпочтениям языку навязывались чуждые его традициям свойства, когда он должен был подстраиваться под «элитные», более «абстрактные» языки.

Симптоматично, что польская исследовательница Т. Смулкова в составе современных польских неологизмов приводит и парные феминативы *bisnesmenka, menedżerka, bioterapeutka* [Smółkova 2002: 110], т. е., как говорится, «лед тронулся, господа присяжные заседатели!».

* * *

В связи со сказанным выше правомерно возникает вопрос, можно ли говорить о *дивергентном* развитии славянских языков в данном фрагменте словообразовательной системы? Как нам представляется, оснований для подобного утверждения нет, хотя сам факт существования некоторых отличий вряд ли может быть оспорен. Что касается специфики польского литературного узуса, то на его формирование оказали влияние не только установки кодификации, речевого этикета, внедряемые посредством целенаправленно проводимого языкового воспитания, но и системные закономерности данного этнического языка в целом.

В целом можно констатировать, что славянские языки располагают *сходным* спектром системных возможностей, предопределенных как генетически, так и типологически. В связи с этим и отбор языковых средств, используемых при фиксации родо-половых различий, задается диапазоном этих возможностей. Какие звенья этого спектра востребуются, активизируются в речевой практике носителей/пользователей этнического языка, зависит от целого ряда обстоятельств, в том числе и от характера конкретной коммуникативной, а также языковой ситуации. При формировании литературного узуса — а это всего лишь часть речевой практики данного этноса — многое зависит от характера действующей кодификации, которая, несмотря на присущий ей директивный характер, не должна находиться в резком противоречии с системными языковыми закономерностями.

Примечательно, что в болгарском языке, отличающемся от других славянских языков рядом важных типологических параметров (большой аналитизм), используется более или менее традиционный набор словообразовательных реализаций данной номинации

онной категории, т. е. предпочтение отдается суффиксальной деривации¹⁵.

Особая привлекательность парных феминативов как предмета изучения состоит в том, что, начиная со второй половины XIX в. (начало эмансипационных процессов) и по настоящее время, их социальная востребованность развивается по восходящей линии. В результате этого данная словообразовательная категория приобретает наиболее характерные приметы магистральных номинационных потоков с их ярко выраженной динамичностью развития.

* * *

В рамках настоящей статьи мы смогли затронуть лишь некоторые аспекты сопоставительного изучения славянских языков. Учитывая объем статьи, мы не ставили перед собой задачу детального рассмотрения поставленной проблемы. В наши намерения входило лишь привлечь внимание читателя к этой чрезвычайно важной и перспективной области исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Барнет 1983: *Барнет Вл.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 9–29.
- Гринберг 1963: *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. С. 60–94.
- Затовканюк 1968: *Затовканюк М.* К вопросу о микротипологии // *Slavia*. 1968. R. 37. С. 203–209.
- Матезиус 1967: *Матезиус В.* О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 226–238.
- Нецименко 1968: *Нецименко Г. П.* История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII — XX вв. М., 1968.
- Нецименко 1970: *Нецименко Г. П.* Деминутивны деривационны цепочки и их преобразование в чешском литературном языке // Вопросы языкознания. 1970, № 6. С. 46–59.

15 Известны, впрочем, попытки внедрения в болгарский узус лексических конструкций, созданных по англоязычному образцу; ср. *бизнесдама* (равно как и *бизнесфорум*, *бизнесшкола*, *бизнесвестник*, *бизнескорреспонденция*, *бизнеспартия* и пр.). Полагая, что не нужно напрасно «морочить себе голову над их формальными странностями, не поддающимися общепринятой классификации», сторонники их «трансплантации» мотивируют это тем, что подобные номинации широко используются в английском языке, функционально удобны, так как коротки, а поэтому соответствуют тенденции языковой экономии, выразительны и однозначны, широко способны сочетаться с различного рода отечественными языковыми средствами. Приводимая аргументация, однако, не только не убедительна, но и весьма сомнительна.

- Нещименко 1971: *Нещименко Г.П.* О понятии вставной морфемы // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 201–209.
- Нещименко 1972: *Нещименко Г.П.* О влиянии тенденции окачества на словообразование прилагательных // *Slovo a slovesnost*. 1972. R. XXXIII. С. 204–208.
- Нещименко 1973: *Нещименко Г.П.* О некоторых особенностях словообразования экспрессивной лексики в чешском литературном языке // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 229–251.
- Нещименко 1980: *Нещименко Г.П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX вв.). Praha, 1980.
- Нещименко 1983: *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 30–52.
- Нещименко 1987: *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Нещименко, Гайдукова 1994: *Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994. С. 93–126.
- Нещименко 1999: *Нещименко Г.П.* Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. М., 1999. С. 240–269.
- Нещименко 1999а: *Нещименко Г.П.* Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). *Specimina Philologiae Slavicae*. München, 1999. B. 121.
- Нещименко 2001: *Нещименко Г.П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания, 2001. № 1. С. 98–132.
- Нещименко 2003: *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
- Нещименко 2003а: *Нещименко Г.П.* Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков) // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich: Słowotwórstwo / Nominacja*. Opole, 2003. С. 283–306.
- Нещименко 2004: *Нещименко Г.П.* О некоторых специфических явлениях в словообразовании оценочной лексики // Семантика и прагматика языковых единиц. Сборник в честь юбилея О.П. Ермаковой. Калуга, 2004. С. 113–123.
- Скаличка 1958: *Скаличка Вл.* О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. III. М., 1958. С. 19–35.

- Сопоставительное изучение словообразования славянских языков 1987: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков 1994: Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. Москва, 1994.
- Цейтлин 2001: *Цейтлин С. Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций. Speciminae Philologiae Slavicae. München, 2001. B. 132.
- Широкова 1978: *Широкова А. Г.* Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // Вестник Московского университета. 1978. Серия 10. Филология. № 6.
- Barnet Vl. 1974: *Barnet Vl.* Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu. Slavica Slovaca. 1974. 9. C. 273–279.
- Barnetová V., Barnet Vl. 1962: *Barnetová V., Barnet Vl.* O konfrontačním studiu příbuzných jazyků // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 3. Slavica Pragensia IV. Praha, 1962.
- Doroszewski 1948: *Doroszewski W.* Rozmowy o języku. Warszawa, 1948.
- Klemensiewicz 1957: *Klemensiewicz Z.* Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki // Język polski. XXXVII. Z. 2. 1957. C. 101–119.
- Łaziński 2005: *Łaziński M.* Czy gramatyka może przeszkadzać w rozmowie kobiety i mężczyzny? // Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków. Lublin, 2005. C. 119–146.
- Něščimenková 1990: *Něščimenková G.* O některých jevech jazykové specifčnosti češtiny a ruštiny v překladatelské praxi // Čeština jako cizí jazyk. III. Materiály z III. Mezinárodního sympozia Český jazyk a literatura v zahraničí. Praha, 1990. C. 261–273.
- Něščimenko 2005: *Něščimenko G.* Tendence verbální úspornosti a její vliv na jazykovou dynamiku // Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. F. Čermáka. Praha, 2005. C. 139–151.
- Něščimenko 2005a: *Něščimenko G.* K vývojovým tendencím v slovanské slovo tvorbě (se zvláštním zřetelem k češtině) // Verba et historia. Igoru Němcovi k 80. narozeninám. Praha, 2005. C. 255–264.
- Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich 1991: Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich. Slavica. 89. Warszawa, 1991.
- Smółkowa 2002: *Smółkowa T.* Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków, 2002.

КАКОВА ФУНКЦИЯ ПОВТОРОВ В ТЕКСТЕ?

1.

Область функционирования повторов достаточно широка: это и буквальное повторение идентичных лексем, это и повторение одних и тех же синтаксических конструкций, это и повторение фонетически близких отрезков и компонентов текста. Наиболее сложный вопрос — считать ли повторами совпадающие денотаты, оформленные через анафорику, перифрастические сочетания и т. д. Автор предпочитает подобные случаи повторами не считать, хотя и в данной сфере пограничные случаи вполне обнаруживаются и могут считаться допустимыми. Почему не считать? Как представляется, потому, что денотативный слой продвигает сообщение, развивает информативную его часть и препятствует его ретардации. «Желательный повтор, возвращая назад и обращая внимание на план выражения, тормозит сообщение о чем-либо. К тому же, идеальный полный повтор и сам стремится к дурной бесконечности и теряет свою семантику. Желательная информация, в свою очередь, требует тема-рематического повествовательного построения, которое как раз заинтересовано прозрачностью своего плана выражения, избегает повторов и всячески их устраняет. <...> Буквальный повтор неинформативен. Информативна разница. <...> Обе тенденции встречаются в речи (текстах), именуемых художественными, способными одновременно и нечто повествовать, и парадигматизировать (а этим самым и ре-концептуализировать) повествуемое» [Фарыно 2004: 14].

Ответом на последний вопрос — какова же функция повторов, — как представляется, служит вся демонстрируемая статья.

Неизбежным образом повторы — хотят того исследователи или нет — связываются с текстом и тем самым — с лингвистикой текста.

Лингвистика текста возникла в 60-х годах прошлого века и в основном занималась когезивными средствами постепенно развертываемой языковой последовательности; средства эти считались неспецифичными и годившимися для текста любого типа. И так оно и было. Перечислить их, эти средства, несложно: это анафора, синонимическая замена, тема-рематическое членение, просодическое подчеркивание (в плане выражения), а также дистрибуция нового-упомянутого, определенного-неопределенного (в плане содержания). Школа лингвистики текста интересным образом слилась с французской школой структурализма, в особенности с трудами Ролана Барта, создавшего учение о «лексиях» и традиции медленного расшифровочного чтения.

См.: «Параллелизм, повтор с разной степенью его манифестации на любых уровнях речевого потока считается, с разной степенью обоснованности, фундаментальным свойством художественных текстов» [Фарыно 2004: 5].

Между тем, возникло несколько иное направление, методологическим кредо которого было представление текста как цельного пространства, в рамках которого осуществляются когезивные скрепы и, таким образом, возникают «ключи», помогающие разгадать и выявить «неочевидные смыслы» текста [Топоров 1983; Николаева 1997]. Разумеется, подобный метод применим в основном к текстам замкнутым, не слишком протяженным и имеющим некий смысловой центр.

Прежде всего такими текстами являются тексты стихотворные.

Разумеется, прежде всего нужно обратиться к самому известному сочинению на эту тему — огромной статье О.Брика «Звуковые повторы» [Брик 1917]. Что же О.Брик считает повтором в стихе? «Разбирая звуковую структуру поэтической речи, преимущественно по стихотворным произведениям Пушкина и Лермонтова, я обнаружил звуковое явление, которое назвал повтором.

Сущность повтора заключается в том, что некоторые группы согласных повторяются один или несколько раз, в той же или измененной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных.

Повторяясь, согласный или сохраняет полностью свою фонетическую окраску, или же переходит в другой согласный звук в пределах своей акустической группы» [Брик 1917: 2]. Далее он предлагает очень точную классификацию повторов: а именно, если исходные консонанты обозначить через А, В, С, то получатся повторы: АВ, ВА, АВС, ВАС, САВ, АСВ и под. Приведу по одному примеру из обширного материала О.Брика¹:

АВ: *без руля и без ветрил*; ВА: *как взор грузинки молодой*; АВС: *Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник*; ВСА: *взор покраснел как зарево заката*; САВ: *твоя измена черная понятна мне*,

1 Стихотворный источник мною опускается.

змея; ВАС: *но и теперь никто не кинет*; АСВ: *у Черного моря чинара стоит молодая*; СВА: *и слаб, как будто долгий труд, болезнь или голод испытал*. О. Брик приводит более усложненные конфигурации: многократные и многозвучные повторы и их схемы построения. Более интересным для сегодняшнего времени является идея О. Брика о том, что «часто звуковые повторы вместе с основной образуют привычное сочетание», например, *темно — туманно; плач — печаль; клонить — колени*; примеры (из разных поэтов): *Туманно в поле и темно*; *Темно: луна зашла в туманы*; *Темно в долине. Роща спит над отуманенной рекою* и т. д. Именно возникновение подобных псевдолексем, характеризующих художественные тексты, как представляется, имел в виду В. Н. Топоров, говоря о некоей квазилексеме у Достоевского: *уг-ол / уж-ас / уз /кий* [Топоров 1973].

О. Брик предлагает и синтаксические, позиционные модели расположения в строке указанных созвучий. Это: 1. Кольцо — *Редает облаков летучая гряда*; 2. Стык — *и саклю новую минуя на миг остановился*; 3. Скреп — *и ревом скрипок заглушен ревнивый шепот модных жен*; 4. Концовка — *до большой реки, колыхаясь и сверкая*. Эти же конструкции О. Брик видит и на чисто лексемном уровне: *Дитя сама, в толпе детей* и т. д.

И. Ю. Светликова [Светликова 2001/2002] считает, что именно из этой работы О. Брика родилась классическая статья Б. М. Эйхенбаума «Как сделана „Шинель“ Гоголя», но в целом идеология раннего русского формализма восходит к французским трактатам о поэзии.

Не будучи еще знакомой с работой О. Брика, я проанализировала сходным образом звукопись в ткани «Слова о полку Игореве» [Николаева 1997].

Прежде всего выявилась система антитез-повторов. Таковы антитезы-повторы: *Сороки втрескоташа* : СОР-ОК / РОС -КО; *Врѣже жребий*: РЪЖ / ЖР; *Брѣзы комони да позримъ*: РЪЗ / ЗР; *Щиты перегородиша ищучи*: ЩИ / ИЩ и т. д. Все повторы в звукописи «Слова» были разделены мною на четыре основных типа: 1) инициали, 2) темы, 3) фуги, 4) анаграммы. Например, такова инициаль По: *По-роси Поля П(о)рикрываютъ*; тема М: *Смагу мычючи въ пламянь розъ*; fuga К-Т-З: *Клетомъ на кости звѣри зовутъ*; анаграмма имени Ростислав, обнаруженная мною: *Р-ѣка СТУ-гна х-У-д-У СТРУ-ю имѣя пож-Р-ѣши ч-У-жи РУ-чыи и СТРУ-гы Р-о-СТР-ена къ УСТ-ью*.

И однако, я не считаю подобные звуковые конструкции подлинными повторами. Это — определенным образом заданная звуковая ткань текста, не несущая смысловой установки, кроме функции чисто поэтической, по Р. Якобсону. Разумеется, между «подлинными» повторами и звуковыми совпадениями, «разыгранными» поэтом в тексте, непроходимой границы нет. Однако, как кажется, функциональная граница здесь пролегает.

Хочу в качестве иллюстрации представить читателю два стихотворения не самых знаменитых, но достаточно известных русских поэтов XX века.

Итак, первый:

А. С. Кочетков
«Баллада о прокуренном вагоне»
(1932)

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплестясь ветвями, —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольется пламенной смолой.

— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду —
Ты понесешь с собой, любимый, —
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.

— Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
— За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба — я и ты.

— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного —
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.

Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он стал бездомным и смиренным,
Трясаясь в прокуренном вагоне,
Он полуплакал, полуспал,
Когда состав на скользком склоне
Вдруг изогнулся страшным креном,

*Когда состав на скользком склоне
От рельс колеса оторвал.*

*Нечеловеческая сила,
В одной давящей всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, —
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!²*

Это стихотворение поистине пронизано повторами. Они соединяют текст, держат читателя (слушателя) в напряжении. Повторяющиеся строки идут через одну. Но и каждая строка новой строфы рифмуется с пятой от себя строкой в этой же строфе: *странно — рана; ветвями — слезами; пилой — смолой; буду — повсюду; неразделимы — любимый; вдвоем — дом* и т. д. Но есть лексико-семантическая переключка: *раздваиваться — неразделимы; ветвями — пилой — смолой; любовь и смерть — любимый* и, наконец, как сильный заключительный гром оркестра: *С любимыми не расставайтесь* (повторено трижды); *И каждый раз навек прощайтесь!* (также трижды, усиленно!). Это стихотворение А. С. Кочеткова написано по всем правилам русского стиха. И все-таки оно что-то напоминает, и в нем есть одна строчка, к которой я еще вернусь.

Рассмотрим еще одно стихотворение из того же времени³:

И. Уткин
Типичный случай⁴

*Двое тихо говорили, расставались и корили:
Ты — такая! Ты — такой! Ты плохая! Ты плохой!
Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад!*

2 Цитируется по изданию: Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. М.: Художественная литература, 1988. Кн. 2. С. 232–234.

3 Мною сознательно выбраны для начального оттапливания от темы стихи, малоизвестные нероссийским читателям.

4 Уткин И. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 159.

*Дело было на вокзале, дело было этим летом,
Все решили, все сказали, были куплены билеты.
Паровоз в дыму по пояс бил копытом на пути,
Голубой курьерский поезд вот-вот думал отойти.
Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад!*

*Но когда чужак в фуражке поднял маленький флажок,
Паровоз пустил барашки, семафор огонь зажег,
Но когда, в двенадцать двадцать, бьет звонок — один, другой,
Надо было расставаться, надо было расставаться...*

*Дорогая! Дорогой! Я — такая! Я — такой! Я плохая! Я плохой!
Я не еду в Ленинград! Как я рада! Как я рад!*

Интересно, что глубинная семантика этого стихотворения противоположна, просто антонимична, семантике стихотворения А. Кочеткова. (Написано это стихотворение позже, в 1935 г., так что откликом быть может, хотя стихотворение Кочеткова было опубликовано только в 1966 году в сборнике «День поэзии», но оно было широко известно, ходило по рукам, переписывалось на фронте и под.). В обоих случаях Она провожает Его. Они говорят, видимо, на платформе или перед дорогой. Здесь Они ссорятся и хотят расстаться. Но произошло примирение и за ним — happy end и объяснение в любви. То есть, ситуация антонимична ситуации в стихотворении А. С. Кочеткова. Рифмуются здесь две первые строки каждой строфы; представлена (в первой строфе) и рифма перед цезурой: *говори-ли — корили; такой — плохой; Ленинград — рад*. В двух следующих строфах рифмуются предцезурные элементы первых двух строк: *вокзале — сказали; по пояс — поезд; фуражки — барашки* и т. д. и попарно строки строф: *летом — билеты; пути — отойти; флажок — зажег*. Дополнительными скрепами-повторами являются синтаксические конструкции: *Дело было — Дело было; Но когда — Но когда...* Общей же скрепой-повтором являются последние строки строф, как бы «реферат» содержания: *Уезжаю в Ленинград. Как я рада! Как я рад! — Надо было расставаться, надо было расставаться... — Я не еду в Ленинград! Как я рада! Как я рад!* Однако это стихотворение является не только антитезой-повтором стихотворению Кочеткова, но и само оно строится на системе антитез-повторов, выступающих как скрепы текста. См. в начале Он обвиняет Ее: *Ты — такая; Ты — плохая*. Она обвиняет Его: *Ты — такой; Ты — плохой*. В конце они обвиняют сами себя: *Я — такая; Я — плохая; Я — такой; Я плохой*. Смысловая доминанта — *Я не еду в Ленинград* (см. в начале: *Уезжаю в Ленинград*).

Если вернуться к эпохе почти тысячелетней давности, то мы увидим, что именно система антитез-повторов держит как когезивное средство смысловой каркас «Слова о полку Игореве» (см. об этом подробнее: [Николаева 1988; 1997], а также: [Лихачев 1983; Демкова

1979)). Ведь само «Слово» — это Песнь, тяготеющая скорее к стихотворному статусу.

При этом если антитезы обеспечивают цельность текста, его семантическую замкнутость, то чистые повторы работают на его связность, когезивность. Приведем небольшой отрывок из уже упоминавшегося выше «Слова о полку Игореве» для демонстрации высказанных положений. Князь Всеволод заявляет, что у него кони готовы, осбдланы у Курьска наперед. А мои куряне свбдоми кзмети... пути имь вбдоми, яругы имь знами, луци у нихь напяржени, тули отворени.⁵ Тут же сообщается, что враги, половцы, неготовыми дорогами поббгоша. Если мы узнаем в начале, что у курян луци напяржени, тули отворени, то в конце текста Ярославна с мольбой сообщает, что беспощадное солнце вб полб безводнб жаждею имь лучи сяржже, тугою имь тули затче. Если считать исход воинского похода Игоря счастливым, то это подчеркивается антитезами-повторами и в заключительной части текста:

Солнце ему тбмою путь заступаше — см. *Солнце свбтится на небесб*;

Щекотб славий успе — *Соловии веселыми пбсньми свбтб повбдають*;

Говорб галичб убуди — *Галици помлбкоша*.

Разумеется, вся виртуозно построенная система антитез-повторов и повторов излагается здесь мною из-за заданной краткости текста крайне упрощенно. Однако хотелось бы обратить внимание еще на один вид повторов, скрепляющих текст «Слова». Это повторы-цитаты. Так, Святослав Киевский повторяет прежние слова автора: *А Игорева храбраго плбку не крбсити*; Автор повторяет слова князя Всеволода: *Сами скачутб, акы сбрыи вблци вб полб, ишучи себе чти, а князю славб*; Игорь повторяет слова реки Донца: *О Донче! Не мало ти величия*; Кончак повторяет слова Гзака: *Аже соколб кб гнбзду летитб, а соколца...* и т. д. Повторяются в тексте однокоренные слова: *ни мыслию смыслити, ни думою сдумати*. Повторяются синтаксические конструкции, например, печальные картины разгрома русских описываются через уже-конструкции.

Были рассмотрены три разных по жанру примера, и со всей несомненностью система повторов в них выявилась. Поистине апологетику повтора можно увидеть в интересной книге Г. В. Векшина «Очерки фоностилики текста» [Векшин 2006]. По его мнению, «повтор активизирует взаимодействие смыслов, создает эффект их взаимопроникновения, смыслового «взаимоопрокидывания форм» [Векшин 2006: 53]. Более того, автор считает повтор «центральным средством речеобразования». Таким образом, по мнению

5 Здесь и далее текст «Слова» цитируется по изданию: Слово о полку Игореве / Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Г. В. Векшина, вся словесная культура строится на перечитывании, и — тем самым — на повторах; что же касается культуры устной, то, вслед за С. Ю. Неклюдовым, он полагает устное воспроизведение аналогом перечитывания книжных фрагментов. Хотя книга Г. В. Векшина и как будто бы посвящена стиховой «фоностилистике», по сути она целиком строится на идее значимости повторов и их эстетической (в основном, в звуковом плане) ценности.

Можно утверждать, что система повторов характеризует любой стих. Ибо сам ритм стиха, его метрика суть повторы. И аллитерационно-ассонансная структура — это также повторы звукового уровня. Собственно говоря, сами рифмы в рифмованном стихе несомненно родились из потребности в повторах — скрепах и опорах каркаса стихотворной строки. В этом плане интересна недавняя дискуссия в журнале «Новое литературное обозрение» [НЛО 2008] о «новой теории рифмы», дискуссия, вызванная стиховедческой позицией Г. В. Векшина, о книге которого я писала выше. Собственно говоря, идея звуковых повторов вводится Г. В. Векшиным в связи с общим понятием онтологии рифмы [Векшин 2008]. Он считает, что «аналогия в речи — всегда или провокация эха, или провокация „асимметричного“ ответа, когда аналогичная форма реализует свою противопологающую направленность» [Векшин 2008: 229]. Он пишет об эхообразных повторах, называемых им «метафонией». Это — «звуковая ассоциация отдельных инвертируемых и частично или полностью гетероритмичных звуковых групп: *голос* — *логос*; *глуп* — *плугом*; *ворон* — *норовить*; *томный* — *мутного*», объединяемых гласным, являющимся центром [Векшин 2008: 230]. Его большая статья демонстрирует обилие таких созвучий — переключек в русской поэзии. Статья его встретила самые живые отклики. Так, известный исследователь стиха Л. Зубова [Зубова 2008] пишет, что «метафония — явление естественное, имеющее биологические и психологические основания. Она воплощает самую начальную стадию восприятия действительности — досознательную» [Зубова 2008: 252]. По ее мнению, «метафония оказывается, таким образом, компромиссом, формирующим переходную зону между традиционным и нетрадиционным стихом. Движение от эквифонии к метафонии — это одновременно и нарушение порядка, и установление новой гармонии» [Зубова 2008: 253]. Напротив, Ю. Б. Орлицкий, рассматривая теорию Г. В. Векшина исключительно с позиций новаторства в теории рифмы, считает, что «Векшин скорее набрасывает первые штрихи для будущей теории, чем конституирует таковую вплоть до конкретных методик» [Орлицкий 2008: 258]. Так же «с точки зрения рифмы» рассматривает работу Г. В. Векшина и Д. Кузьмин, полагая, что «интенсификация звуковых повторов выступает во многих (и, добавлю, в наиболее эстетически значимых) случаях не как орнаментальное украшение стиха, а как способ борьбы с автоматизацией рифмы как приёма» [Кузьмин 2008: 268].

Заклячая этот раздел, могу сказать, что с некоторой позиции, скажем, позиции «с высоты птичьего полета», и метафония, и классическая рифма, даже и неточная, — суть разные аспекты одного и того же явления — повтора.

2.

Но одинок ли поэтический текст в этой своей устремленности на повторы?

Обратимся к совершенно иному виду текстов.

*Стану благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами, на широкий двор, в чисто поле. В чистом поле помолюсь, поклонюсь. Есть двенадцать ветров, двенадцать вихорев, сильные, буйны, как сушиите, крушите весной по поле, среди лета теплого ниву сжату, траву скошену, так же высушите, выкрушите моего суженогоряженного черные брови, черные очи, кровь его горяча и сердце ретиво. Так бы не мог быть раб Божий без такой-то. Ни дня дневать, ни ночи спать, ни часа скоротать. Так бы была я, раба Божия, ему днем — на уме, ночь. — во сне и на разуме. Аминь.*⁶ Как видно, этот текст насыщен повторами. Повторяются буквально лексемы, повторяются синонимы, повторяются синтаксические конструкции. Это — заклинание, или заговор на любовь. Возможен и иной заговор — на разлуку:

*Стану не благословясь, пойду не перекрестясь, выйду не этими дверьми, выйду подвальным бревном, выйду я мышинной тропой, выйду в дальний восток, там стоит тын, в этом тыну стоит дом, в этом дому стоит печь, в этой печи огонь пылае, век не утихае, на этой печи сидят кошка и собака — дерутся, цапаются, царапаются, кровью умываются, век на встречу не встречаются, так бы, как и (имена)*⁷. И здесь наличие повторов и очевидно, и обязательно.

О повторах в русской народной традиции (в данном случае мы сознательно отвлекаемся и от славянской традиции вообще, где, конечно, повторы столь же обязательны, и от проблем типологического характера) писали очень много. Из последних работ хочется отметить книгу И. Ф. Амроян [Амроян 2005], специально посвященную классификации повторов в народной традиции. Ею выделяется нанизывание — это такой тип повтора, «когда каждое последующее звено, присоединяясь к предыдущему, обязательно воспроизводит из трех его основных элементов два» [Амроян 2005: 50]. Нанизывание может быть линейным — когда звенья повтора семантически равнозначны, или идти по возрастающей: *Шла баба, нашла лапоть, за лапоть куру, за куру гуся, за гуся барана, за барана быченьку*. Другой выде-

6 Цитируется по изданию: Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета. 1953–1993. М.: Изд. МГУ, 1998.

7 Там же.

ленный ею тип повтора — кумуляция, когда добавление нового звена обязательно предполагает повторение всех предыдущих и тем самым обеспечивается нагнетание ситуации. Такова, например, известная всем русским детям песенка Колобка [Амроян 2005: 127]: *Я по коробу скребен, На сметане мешон, Да в масле пряжен, На окошке стужон, Я у дедушки ушел, Я у бабушки ушел, Я у зайца ушел, Я у волка ушел, У тебя, медведь, не хитро уйти*. Еще один вид повтора — кольцевой (на нем построены так называемые докучные сказки). Например, *На море на Океане, На острове на Буяне стояла ель. На ели торчало мочало. Его ветром качало, А оно все молчало. Не начать ли нам сказочку сначала?* [Амроян 2005: 148]. В книге И. Ф. Амроян приводятся и более усложненные виды повторов в народной традиции, на которых мы останавливаться не будем. Помимо повторов указанного типа, в основном, как видно, являющихся лексико-синтаксическими, народную поэзию характеризуют так называемые сквозные эпитеты и тавтология. Сквозной эпитет служит сильным средством, скрепляющим текст. Например, *Идет чудесный человек и несет чудесный топор, да идет в чудесный лес и срубает чудесные деревья, да несет их на чудесное поле, да делает чудесный загон, загоняет чудесное стадо, доит чудесное стадо...* [Амроян 2005: 188]⁸. Тавтологии посвящена специальная статья Л. Г. Невской [Невская 1983], в которой она разбирает такие сочетания русских обрядных текстов, как *путь-дороженька, родимая-любимая, нехорошо — плохо, забыла — оставила* и под.

Хочу заметить, что рифмованные стихи и тексты со сквозными эпитетами окружают русского ребенка с самого раннего детства, и лично для меня, чисто городского, даже столичного, человека, оказался странным вопрос одной французской славистки, спросившей меня о том, почему русские детские стихи всегда являются рифмованными. До этого мне казалось, что иначе и быть не может. К этой же сфере относится и многократно решаемый и все-таки не решенный вопрос о том, почему в русской поэтической традиции не приживается *vers libre*.

Но какова же функция этих повторов в традиционном народном тексте? По мнению И. Ф. Амроян, слово в заговорно-заклинательном тексте⁹ «является одним из средств творения особого, ирреального мира, где происходят определенные события, которые, основываясь на законе подобия, должны произойти и в мире реальном. Причем

8 В детстве даже самых городских детей пугают страшилками, произносимыми с нарастающей по силе интонацией, вроде *Стоит черный-черный дом, в нем черная-черная комната, у нее черные-черные стены и черные-черные окна. В этой черной-черной комнате стоит черный-черный стол и на нем сидит черный-черный...* Страшилка обычно не доканчивалась, так как дети, боясь, взвизгивали.

9 Я опускаю для логики изложения проведенные ею сравнения русских, болгарских и чешских текстов.

в рамки ирреального мира может входить, и часто действительно входит, только вербальная составляющая — творение ирреальности происходит исключительно путем ее наименования, описания» [Амроян 2005: 228]. То есть повтор ведет нас к наиболее архаичным способам и моделям освоения универсума.

Однако повтор в заговорно-заклинательных текстах не есть просто отражение универсума. Как пишет теоретик и основатель польской традиции этнолингвистики Е. Бартми́нский, повтор «самым тесным образом связан с сакральным взглядом на мир (является и его результатом, и средством его отображения).

Выдвигая тезис о ритуальной — производной от *sacrum* и вместе с тем сакрализующей — функции повтора как наиболее древней и основополагающей по сравнению с многими прочими его функциями, мы трактуем *sacrum* как понятие элементарное (в духе М. Элиаде — с позиций универсализма), не соотнося его с более развитой христианской идеей Бога-человека как источника всякой святости» [Бартми́нский 2005: 407]. И далее: «Чем глубже мы проникаем в прошлое языка и культуры, тем очевиднее для нас становится частота и роль повторов. В светских и рационалистических культурах повторы имеют ограниченную сферу применения» [Там же: 408].

И однако в фольклористике, на мой взгляд, недостаточно подчеркивается простая вещь: **заклинание закликает**. То есть говорящий **обращается** к чему-то или к кому-то с просьбой или мольбой.

Снова вернемся к поэзии. См. стихотворение А. С. Пушкина «Талисман»:

«Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы, / Где луна теплее блещет / В сладкий час вечерней мглы, / Где, в гаремах наслаждаясь, / Дни проводит мусульман, / Там волшебница, ласкаясь / Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила: / «Сохрани мой талисман: / В нем таинственная сила! / Он тебе любовью дан. / От недуга, от могилы, / В бурю, в грозный ураган, / Головы твоей, мой милый, / Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока / Он тебя не одарит, / И поклонников пророка / Он тебе не покорит; / И тебя на лоно друга, / От печальных чуждых стран, / В край родной на север с юга / Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи / Очаруют вдруг тебя, / Иль уста во мраке ночи / Поцелуют не любя — / Милый друг! от преступленья, / От сердечных новых ран, / От измены, от забвенья / Сохранит мой талисман»¹⁰.

Перед нами типичное «заклинание-заговор от разлучницы» с вручением материального оберега (известно, что поэту было подарено кольцо).

10 Цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. III. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1950. С. 35–36.

3.

Итак, повторы в тексте ведут нас к мольбе, поскольку заклинение — это мольба, обращение к некоей иномирной силе — как вредоносной, так и могущественной, несущей добро.

Т. Я. Елизаренковой в специальной монографии были описаны модели обращения к индуистским божествам в ведийских гимнах. Имя бога или обращение к нему должно было многократно повторяться, каждый раз с добавлением описания его могущества, и кончаться обращение должно было конкретной мольбой, например:

О боги, вы, которых на небе пребывает одиннадцать / На земле пребывает одиннадцать / Живущих в водах со своей мощью пребывает одиннадцать, / О боги, примите ту жертву <...>

Сома очищается для нас, завоевывая коров, завоевывая колесницы, завоевывая золото, / Завоевывая солнце, завоевывая воды, завоевывая тысячи, / Тот, кого боги создали как хмельной напиток для питья, / Как сладчайшую каплю, золотистую, дающую радость <...>

О Индра, я считаю тебя достойным жертв среди достойных жертв, / Я считаю тебя сотрясателем несотрясаемых, / Я считаю тебя, о Индра, знаменем воинов, / Я считаю тебя быком среди народов [Елизаренкова 1993; приведенный русский текст — перевод Т. Я. Елизаренковой].

Именно так обращается к божествам-стихиям жена князя Игоря Ярославна. Так же точно обращается (возможно, под влиянием «Слова») к стихиям королевич Елисей у А. С. Пушкина, разыскивая свою невесту:

«Свет наш солнышко! Ты ходишь / Круглый год по небу,водишь / Зимус теплоу весной, / Всех нас видишь под собой. / Аль откажешь мне в ответе? <...>

Месяц, месяц, мой дружок, / Позолоченный рожок! / Ты встаешь во тьме глубокой, / Круглолицый, светлоокой, / И, обычай твой любя, / Звезды смотрят на тебя. / Аль откажешь мне в ответе? <...>

Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, / Ты волнуешь сине море, / Всюду веешь на просторе, / Не боишься никого, / Кроме Бога одного. / Аль откажешь мне в ответе?»¹¹

Самое поразительное, что именно так была построена известная песня о Сталине, которая нам пелась с детства:

Сталин наша слава боевая! Сталин — нашей юности полет! С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет. (Маловероятно, чтобы авторы этой песни были знакомы с моделями ведийских гимнов. Скорее всего, это «скрытая память» индоевропейской архаики.)

11 Цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. IV. М.; Л., Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 471–472.

Иисус Христос в Нагорной проповеди призывал к краткости молитвы: *А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны* (Мт. 6.7)¹². Это выражение «многословие» обычно так и передано во многих языках, начиная с греческого языка Нового завета (πολυλογία). И только один раз мне попала в руки (в Финляндии) Библия, где в этом месте было сказано о язычниках (pagans), которые repeated and repeated. К сожалению, я не записала выходных данных именно этой книги. Однако и в православных христианских молитвах в очень большом количестве имеются повторы: не только синтаксические, но и буквальные повторы конструкций. Например:¹³

Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу.

Приидите, поклонимся и припадемъ Христу, Цареви нашему Богу.

Приидите, поклонимся и припадемъ самому Христу, Цареви и Богу нашему.

<...>

Святыи Божє, Святыи Кръпкій, Святыи Безсмертныи, помилуй насъ.

<...>

Ослаби, остави, прости, Божє, прегрѣшенія наша вольная и невольная, яже въ словѣхъ и въ дѣлѣхъ, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, яже во дни и въ нощи, яже въ умѣхъ и въ помышленіи...

Примеры можно варьировать и приводить до бесконечности.

О чем говорит все вышесказанное? Как кажется, о том, что стихи — если это настоящие стихи — восходят в конце концов к заклинаниям, к мольбе, к молитве. Неслучайно женщина в приведенном в начале статьи стихотворении А. С. Кочеткова говорит: *Я за тебя молиться буду*. Ибо стих — это обращение к кому-то Иному, будь то любимая женщина, любимый мужчина или божество. И именно реальные повторы — лексическое верное свидетельство установки на связность, на когезивность текста — говорят об архаичности исходных поэтических моделей, говорят о «скрытой поэтической памяти» Ното sapiens.

ЛИТЕРАТУРА

- Амроян 2005: Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста. М., 2005.
- Бартминьский 2005: Бартминьский Е. О ритуальной функции повтора в фольклоре: к вопросу о поэтике сакрального // Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

12 Цитируется по изданию: Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Нью-Йорк: Американское Библейское общество (год не указан; б/г).

13 Примеры приводятся из: Молитвословъ. Киевъ, 1912.

- Брик 1917: *Брик О. М.* Звуковые повторы (анализ звуковой структуры стиха) // Сборники по теории поэтического языка. 11. Пг., 1917.
- Векшин 2006: *Векшин Г. В.* Очерк фоностилистики текста. М., 2006.
- Векшин 2008: *Векшин Г. В.* Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Векшин 2008а: *Векшин Г. В.* Когда приступим к подсчетам? (к дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Демкова 1979: *Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве». К изучению композиции памятника // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979.
- Елизаренкова 1993: *Елизаренкова Т. Я.* Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.
- Зубова 2008: *Зубова Л.* Звуки поэзии (к статье Г. В. Векшина «Метафония в звуковом повторе») // Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Кузьмин 2008: *Кузьмин Д.* Рифма и звуковой повтор: внутри единого процесса // Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Лихачев 1983: *Лихачев Д. С.* Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4.
- Невская 1983: *Невская Л. Г.* Тавтология как один из способов организации фольклорного текста // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- НЛО 2008: Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Николаева 1997: *Николаева Т. М.* «Слово о полку Игореве». Лингвистика текста и поэтика. М., 1997.
- Орлицкий 2008: *Орлицкий Ю. Б.* Первый шаг к новой теории // Новое литературное обозрение. № 90. 2008.
- Светликова 2001/2002: *Светликова И. Ю.* «Звуковые повторы» Осипа Брика (об истоках идеологии раннего формализма) // *Philologica* 7 (2001/2002).
- Стереотипы 1995: Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.
- Топоров 1973: *Топоров В. Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // *Structure of text and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.*
- Топоров 1983: *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Фарыно 2004: *Фарыно Е.* Повтор: свойства и функции // Алфавит. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. СПб., 2004.

ИЗ СИНЕВИРСКОГО СЛОВАРЯ: **bīti*, *-*bivati*

Работа над словарем говора села Синевир Межгорского р-на Закарпатской области Украины явилась продолжением и следствием многолетних (с 1987 г.) экспедиций в Украинские Карпаты под руководством С. А. Николаева*. Синевир (старое название — Нижний Синевир) — большое село в верховьях р. Теремби, на средней высоте ок. 650 м, с населением не менее 5 тыс. жителей, расположенное в восточной части закарпатских верховинских говоров. Синевирский говор отличается устойчивостью и достаточным единством в разных концах большого села. С 1993 по 2008 год экспедиция работала в Синевире 11 раз. Словарь задуман как часть полного описания синевирского говора. Мы считали существенным приведение в словарных статьях возможно более полного круга типичных контекстов употребления слова, а также комментариев и толкований слов, данных самими информантами. Наличие в словарной статье, помимо перевода, типичных контекстов и аутентичного диалектного объяснения значения слова повышает надежность словарной информации. О работе над словарем см. подробнее [Толстая 2002]. Несмотря на стремление авторов к полноте фиксации лексики, словарь не может претендовать на эту полноту, показывая лишь зафиксированные словоупотребления, очевидно не охватывающие всего языкового уза.

Для настоящей публикации выбрано одно глагольное гнездо — с основой **bīti*/*-*bivati*. Будучи одним из базовых славянских глаголов (и в силу этого слабо отражаемым в дифференциальных диалектных словарях), **bīti* показывает развитую систему значений, имеющих достаточно конкретный характер. Помимо диалектных значений и глагольного управления (ср. *bīti* + instr.), в синевирском говоре обращает на себя внимание более широкое, чем, например, в русском и украинском литературном языке, употребление бесприставочной основы **bīti* в значениях, характерных для приставочных имперфективов *-*bivati*

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

(ср. *bíti* – *zabiváti*, *robiváti*, *príbiváti* и т. д.), причем эта черта оказывается ярче выражена у старшего поколения информантов (ср. *bíti s'a* [о кобыле] – *nabiváti s'a*, *bíti* [о зареве] – *vüdbiváti s'a*). Очевидно, что не все значения зафиксированы нами во всех приставочно-видовых формах, но благодаря гнездовому принципу подачи они в ряде случаев могут быть реконструированы. Материал словаря, выбранный из полевых записей, был проверен и пополнен у носителя говора В. В. Цимбота специально для настоящей публикации.

Приставочные образования даются внутри словарной статьи по алфавиту. Диалектные контексты и толкования информантов, как правило, являющиеся расшифровками магнитофонных записей; при них дается сокращенное указание на информанта. Ручные записи оговариваются специально. Иллюстративный материал сокращен в связи с ограничением объема публикации. Употребление информантами «чужих» слов и форм оговаривается лишь в отдельных случаях.

Диалектный материал приводится в аллофонической транскрипции, принятой в наших карпатских экспедициях (см. [Николаев 1995: 107]; отметим лишь, что буква *œ* обозначает задний гласный средневерхнего подъема)¹. Краткое описание синевирского вокализма см. в [Николаев 2006]. Используются следующие условные написания. В диалектных записях в квадратных скобках даются пояснения; также в квадратных скобки заключаются не вполне ясные отрезки диалектной речи. В таких же скобках приводятся (по-русски) вопросы, обращенные к информанту. Пауза или перебив в речи информанта обозначается двумя точками, перерыв в записи или в расшифровке — знаком [...]. Знак → отсылает к производящей основе или видовой паре глагола.

bíti, 1 sg. *bju*, 3 sg. *bje*, 1 pl. *bjemé*, 3 pl. *bjút*; pt. m. *biw*, f. *bila*; imp. 2 sg. *bjt* Ic

1. 'бить, ударять, колотить, разбивать': *Na bápku kladút žel'izo ta yámorom bjút*. АЦ | *Klepáti kôsu? Bápka ta klepéc*. [...] *Klepuc'om bjút id bápci*, [...] *i kôsu klep'ut*. АВМ | *Dôwbn'a – tó takóje bíti, jak pokládut sokóru u velikoje dèrevo takóje, u takú kôwbic'u veliku, a tám dôwbn'ow bjút, obó s'a roskolóla s'ák*. ВГТ | *Sokóra tám, zad'ut sokóru, a dôwbn'a taká derew'ána, pak u totó bjút, obó s'a roskolóla*. [...] *po sokór'i, po sokór'i bjút, jô, po sokór'i*. ВГТ | *Totó klína, ščo bíti, dèrevo kolóli. Ta totó bíti qbúxom u tót klin*. ОАИ | *yámor – totó ottakóje jak klepéc' takój velikoj, šô kamín'a bíti*. АЦ | *Nó, káže, bjt jo* [камень]. *Towči jo. Rozbjt jo nádvoje*. ОАИ | *Ta c'ipami molotili, stodólo bóli veľiki dawnó, a tám podá na stodól'i nijé, ta tám mós püdnimáti čtavo ta bíti*. АЦ | *Pránnik. Totó takóje cür'a bíti na r'ic'i, koj pol'okáli*. ОАИ | *No ta sesé yámor, a sesé ščós.. takóje yi tepér' odbivn'i bjút ses'i mqlod'i*. АЦ | *Nó, ta sesé bóla dôwbénka*. [...] *tótow bjé, u tód búben* [барабан]. *Búben totó, a totó dôwbénka ščo bjé nim*. ВГТ | ~ u wózúr, u dvér'i 'стучать, колотить в окно, дверь' ВВЦ → *udáriti, rozbíti, pobíti*

2. 'бить, избивать': *Vat' jakúz' bjé gazdá, čolqwik bjé jakús, ta idé obó ne biw* [к знахарю]. *Obó jüj pomüý dásčo obó ju ne biw čolqwik*. АЦ | *Nó napriklat tkôs' mené biw. A tó vid'ila. Nó ta tó püttvéržuješ ščo totó tak tóčno bólo, já ne znáju jak u váz za tóyo kážut, a já bwm kazála ščo tó müj s'vidok, bo tó vid'ila ščo mené bíti, taj tó iděš.. já dála w sú, taj tó i w súd'i kážeš, ščo ajno, já vid'ila, ščo tót ci totá ji bíti*. АЦ | *Já napriklat níkóli ne polučila vüd n'an'a, bo nás n'an'o níгда ne biw*. [...] *N'an'o tak liš, užé skazáw, jak totó máje bóti. Né yrozíw s'a, ne biw*. [...] *Šós' totó wsé do náz*

1 В безударной отрицательной частице *ne/ni* написание того или другого гласного не претендует на отражение реальной ситуации в говоре.

brálo. Ne tréba ne.. ne tréba bólo bítí. Níkolí. АЦ | Já jix tág bíw! čím popálo, ci kám-n'om, ci kopačom, šo w n'a w rukáx jé. ВЦ | [Венгерские жандармы] Bíli! Bíli znáješ to-tó kolí šlí úlic'ow, ta bóli w nix.. sapoyó takí jakís' nešča.. ne znáju wže jakí to-tó bóli, ščo kolí íšlí ta kolí.. špórw ét'i, znáješ. АЯМ | Pak a jág bíli n'imč'i.. n'imč'ki šandéro, kolí dátko dáščo.. ВПГ, ААГ | Nó, ta jag bis' s'a na n'ú [корову] nasérdila ta bíla bis', a wná w'íklá, ne dála s'a bítí bə w'íklá. АЦ | [...] to səxtúje kazátí – búdež bíta, kój-is' na s'a nárubw w'ála, ta búdež bíta, tkós' t'a bdé bítí. [...] Uz'ála-s' na s'a soróčku, ci júpku, ci gát'i, nárubw. Ta dodívila-s'. Ta vella-s' is' s'a. Ta ne beréš na s'a nazát, aj kladéš na múst, ta prímísti nøyów, na kážeš – naj bjúť tebé, a nē menē. A já ne znáju, ci to-tó naj bjúť, ci tojó jakóyos' naj bjúť, já ne znáju, koyó naj bjúť, líš káe – naj bjúť tebé, a nē menē. АЦ | MM A vún ták l'aščít u túj.. tēmr'avi.. – OA Nó náj l'aščít! MM ..ščo.. bjúd yo. – OA Ták? – MM Bjúd yo. MMД, ОАИ | Xóču bítí d'itvaká vat' ščo ta berú.. po násomú kážut prút. ВЦ | Za ttú kóžu soróvic'a kážut, takí tonén'ki, takóje dōwyoje, ta ták kən'a bítí, ta kážut is soróvic'i r'ížeme ttó karbáč takój. ВИМ | Kír'átí [корову], skóro obw xodíla, tág bítí, kír'átí. АЦ | Na karbáč takój jážut na to-tó, kən'a bítí, a to-tó, ščo takój yí prút – ta bičílno to-tó klíčut. МИК | A já bim uz'ála bōtu ta xóču t'a bítí, a tó t'íčeš obím t'a ne wdárla, ta kazálí bw – ják ji nakír'ála. АЦ → póbítí, udártí

3. 'убивать': животных, птицу: *A jiji [ласку] ne bjúť, bo kážut, šo tákoj i ne mós ji bítí. – [Почему?] – Bo kážut šo jág bw ji ubíw, to tág bw to-tó lásic'i drúyi najšlí, ščo.. ne obwynáw bw s'a pored ními. – [На человека?] – Nó pak.. jag bim já ubíla lásic'u, šes'á ščo prínadlěžít do nás. Nó ta drúyi jakós' ták yí.. yí zastavátí za n'u jdút, ta ták ná.. budút ščo dokučátí, ščo ne mós s'a pored ními dále.. ne móž bw s'a obwynátí, ta jix nitkó ne bje. Jix ne bjúť nitkó. АЦ | Misároš? xudóbu bje. АЦ | Šróť – to takóje jag bítí kuníc'u ci pōf'ata, takí šrótw, drōben'koje takóje. АЦ | Rápšic – ták s'a klíkaw čolowik, kotrój bíw ólen'a abo ščós'. [Дец:] íšow krásti ólen'a ubítí. ЕПК | Pak to-tó jak tkós' xoz'ájn ščóz' znáje, ta toydó.. jé, a ták n'et, to tkó nič ne znáje, ta.. tojó móž bítí [змею]. Ščo ts'ág bw líš pril'is, tá jag bw do mēne pril'is túj vúd zvórnw ta.. tojó bji, kobís' líž yō uvid'ila, ta bji. АЦ | [Хорька] bítí líš. Bítí táj, vat' u žel'iza ímítí, vat' u jakú petl'ú, vat' u ščo. Ta ták kopačom čím ubítí yo, vat' ustr'ílí, bo tó.. pojílo bw rúkō. ВЦ | Jakój bidá qwtotó [ласку] bítí, koj tó takóje mal-łen'koje, tó bw nī oblupítí, nī.. ščo s tóyo. ВЦ | [...] yadá bítí ne móž bēremenníu tōže. Ubítí ne mós, bo búde znák na d'itín'i dēs'. Ci mós, ščós' takóje ne móž bítí. АЦ | Sé, kážut, jáymelíkō, šē [sic] ne móž bítí [о бабочках-голубянках]. АЦ || людэй: Oní jix túj ne bíli [немцы евреев]. Oní líž zabráli jix ta po.. dēs' jix vúdvézli, mós ne znájeme [...] ВПГ, ААГ | Jój, jakój yolqwník, kážut, za kóyos' kážut ták, yolqwník vat' kradé dáščo, vād' bje kəyos'. АЦ → ubítí*

4. 'бить (об оружии), стрелять': *L'udína nésla, to-tó púška..ta tótm bje. ЕПК | Dósta daléko, káže, bje [о ружье]. Vozdúška, naprímer, – ci daléko bje? – daléko, káže, dēs' vús'úmdes'at métrú ci kíul'ko. ВВЦ | Túj bataréja stojála w yoród'i. Ayá, a lédv[í] ídēm, ščo samol'ótow bjúť. Nó žen'ítna, žen'ítna bataréja stojála. АЯМ → udártí*

5. 'прибивать, забивать': *To kážda dranič'a, káždu čolowik jak pribjé ta káždu sobí zašarít, tákoj tám sám, kolí ju pribivat. – Tám na túm pobívájut, a tákoj [...] zašarítw, taj tákoj jix bjúť. АЦ | Kól'ut nádvoje i rōbl'at, a onó s'a klíče ták láta. Oní pribívájut do kíul'a – snóčt sme za kíul'a yovoríli, – tújkō [...], túj bjúť. Tám látu pribívájut, do láto dále to-tó lac'kō. МБС | Štablón jé. Na xwží. Tág yí tepér' nqví xwží rōbl'at – yé qis'ák, u nás ták izroblēna maj.. prósto, maj dawnó, a tepér'kō rōbl'at ta popút str'ixu dōwkōla bjúd doškō, ubít'i, ta to-tó štablón kážut. АЦ | Tepér'kō xwží rōbl'at ta vút'e štablónw bjúť, ščo nījé, kozél ne vitko peret xwží na str'is'i. АЦ | Kolí kolóška, tág dawnó víšali, u púd bíli kl'úkō, ta pqvís'at takú kolóšku [...]. АЦ → pr-*

bítí, zabítí || 'сбивать, сколачивать': *Tó wže dawnó bólo, bo tepér' wže ne bjúd boč-kó, wže ʔotóv'i kupl'ájut.* BBI

6. 'бить, махать (частями тела)': *Jak s'a kúple, nò pak ta tak róbit rukámi, noyá-mi bjé w vòd'i, ta kážut: upláv beré.* AI | *Kúric'a bítí królamí móže.* BBI → (*úzbtí* || 'бить ногой' (обычно о корове): *A súl' s'ačenu dájut.. koróva jak s'a otélt, [...] telic'a s'a wtélt, wat' koróva, ta dúže bjé, ne mós ji zdójítí, ta kážut – nò ščós' juj móže užé i.. pomoyli* [навели порчу]. AI | *Kážut, facárna* [корова]. – [Что это значит?] – *Bjé. Ščo bjé kólí s'a dójít.* OAI | *F'ic'kat. Bjé lábow koróva, blayen'ka. Nò, pak ščo taká, ščo ne bjé, ne níč, ne býat čítavo, ta totó blayá.* OAI | *Vat' koróva kólí s'a wtélt, vüc'a s'a wkóttí. Ta toydó vopšé s'xóži níč s'a ne dájé, níč! [...]* Bo kážut, koróva búde *bítí*, *vat' tel'a ne bdé l'ubítí, vat' vüc'a ne bdé jáyn'a xót'ítí, vat' [...]* AI | *Dójítí bjé, kólí tam.. nò ják totó w nás je, tám je tak'í.. šo molokó vüdberált, jak'iz' bábow, tak'í bápkw sút. Šo oni liš u noči idút u xl'iw, i tó. I ʔotómu püt koróvu ne móžna s'ísti. Bjé, kae. Táğ bjé, kae, šo ne móžna püd n'ú s'ísti. Šo bjé koróva. Za dújku túl'ko xóčež brátí, oná bjé wže. Šo tám ščós'.. povoróžat juj tám, jak'is' voroškw.. ta bjé s'ák.* – [Бьет ногой?] – *Lábow bjé. Ne mós püd n'ú i s'ísti. Bo tám voroška, jak'is' tám xód'at tak'í bápkw sút, šo molokó vüdberájut i ʔotómu ne mós s'ísti püt koróvu. A tak, kae, koróva bjé, kae, ne móžu ji zdójítí.* BBI | [А кобыла может бить?] – *Kobóla móže bítí, i kún' móže xot' ščo bítí.* BBI || ~ + **instr.** безл. 'бить, трясти (об эпиплептическом припадке)': *Totó čorna xvoróta kážut.. é kóyo.. bjé nim. Nò, ta totó.* AI | *Bóla nečista xvoróta, ta čolowik táğ bítí nim, rozumijete, – to za totó [káyut].* MAC | *Nefájna xvoróta, kae, bjé nim. Kae, tak nim bjé, kae, totó.. ják.. lixój bet'ü(x) w nás kážut. Lixój bet'ü, ta bjé nim, tr'asé, ta súm idé z róta ne prikážuje.. Bjé nim, káut, bjé nim. Na n'ómu, kae, lixój bet'ü.* BBI || ~ **sobów** 'биться, метаться, трепыхаться': *Ptíčka jakáz' zaléttí. Káze, tak sobów bjé u.. po xóžt, bo ne móže úlet'ítí vón. Bjé sobów.* BBI | *No kúric'a sobów bjé, kúric'a. Nu kúric'a bjé sobów, vütt'áltí ta.. nu ja jáğ dawnó obóčno – kladú na.. na čírku, prittnáju ʔólów, a oná sobów us'o bjé püs'í'a tóyo, jak užé.. bjé sobów, kae, kúric'a.* BBI | *I róba sobów bjé, šo uskákuje ás iz vodó, bjé, róba sobów bjé, bo šós' popálo u vòdu. Vad' bjé sobów, jak úvereči na.. nò, iz r'íčkó, ta bjé sobów po béreyoví.* BBI || 'вести себя беспокойно, не стоять на месте': *Koróva sobów móže bítí jakščo ščós'.. zaból'ila. Jó. Bjé sobów, kae, bo ščós' ji u žólúdok stálo aj ščo.* – [Как это?] – *No bjé sobów, nò. Koróče, bolít, vítko ščo bolít ji, a oná ne móže opovísti, ščo ji bolít, a bjé sobów, nò, ne na mís'č'i, nò. [...]* Ščo ne stojít, dá, a oná sobów bjé, bo kae, bjé sobów, kae, bo bolít ji vad' žólúdok, vat' ščo, káze, ščós' juj.. ščós' juj je. [...] *Krúttí s'a, nò.* BBI || "'колотиться", "крутиться" в жизни (обычно без результата): *Bjé sobów, káze, takój tr'íb-nój čolowik, us'ó bw xót'iw, tak sobów bjé, kae, a níč s'a u n'oyo ne polúcat. Bjé sobów, jak róba w rósól'i, a níč s'a ne polúcat u n'oyo. Us'ó bw xót'iw, bjé sobów, kae, takój, káze, neposíženój, bjé sobów, bjé, káze, a... Zapopadnój takój, u nás kážut.* BBI

7. 'ударять (о молнии)': [...] *Takóje, ta püt totó ne jtí, bo jak dúže vósókoje, ta tám ʔrým bjé, kotróje dúže vósókoje* [агрево]. AI | *Íltj na koní, na bílüm koní ut'ík tudó.* – [Куда?] – *Tám, tám na nébo. Ta tám na koní vün býat, ta ʔremít, ta lúskat, ta ws'óx bjé, króšit. Jak vün izájde na zém'l'u, ta ws'óm koněž' búde.* BI

8. 'побивать (о граде, ливне)': *ʔradqvi Rózwəyw – obw ʔrát siwbú ne bíw. A jak užé uvíd'a.. jak užé príjde w seló, ta wže tak prípre, šo liš na túm mís'č'i ʔrad bjé, bjé, bjé, bjé, vün užé dále ne jdé, a w ođnúm mís'č'i, tak pak kážut – nò, príper ʔrát ta tám u.. na Tówcč'i st.. st ʔntudó, w Négrüwc'i, ta kážut ubilo, bo príperlí zvonámi u jednúmu mís'č'i.* [град останавливают колокольным звоном] AI → (*úzbtí*

9. 'давать ответ, зарево': *Tág zyár'a bjé, vítko šo šóz' ʔorit.* AI руч. зап. | *Móže za prožektor, šo tám deš' s'vítít, a jóyó ne vítko. A liš vídno, šo šós' tám.. ʔorit vat'*

s'vítlo jakójes'. Zjár'a, káe, taká tám.. bjé. [...] Môže bóti požár, môže bóti s'vítlo l'u-bóje. BBL | | 'падать (о свете)': *Ta tám s'vítlo* [из окна] *tkó znáje dé wnó bílo*. AЦ | *Ták sáples' vósóko, ta.. yi na s'vítlo, a xot' tám de s'vítlo bjé s xózi. Pag divi, wózür – bjé s'vítlo ónde na doróyu, nó ta tám ponésti ta úsopatí, de s'vítlo jé* [воду после купания ребенка, для лечения детского плача]. AЦ – ср. *vüdbiváti s'a*

10. 'бить (о ключе, текущей воде)': *Norá bjé. Iz zeml'i norá bjé*. BBL | | [...] *Dó s'c'ingw tóji, ščo vodá.. u n'ú bjé, šo popri vódu stojt* [об укреплении берегов реки]. AЦ | | безл. 'течь, пробиваться' (о воде): *Dámbo? Nó pak óde dábmb pokládén'í.. tújkw níže mósta novóyo, bo vodá v yorót ne jslá, bo ne bílo vódu*. AЦ

11. 'сбивать (сливочное масло)': *Bóla taká páłka, takóje, taká páłka, i tám takóje yi kóleso na n'úm bólo, ta tak totó otóm bíli, bíli, [da j] tak s'a čnίlo máslo*. BT | | [...] *totó máslo kolotíli wže i.. inákši spôsobom, mao to tóže takóje kolotí.. jakás' kolot'úka taká líš ne tak, totó takóje.. inákše zbívalí.. takóje robíli, to tak máslo tám bíli*. ABM | | (mas)lóbójka taká, ščo bíli tak, mas'l'anik takój, kazáli. AЦ → (*u*)*zbíti* | | 'выжимать (растительное масло)': *bíti olíj X* руч. зап. | *Olíj bíti, bjút olíj, u nás kážut, idú olíj bíti u olíjnic'u*. BBL | | → (*u*)*bíti*

12. 'валять (шерсть/сукно)': *Xolóšn'í nésli v stúpó bíti X* руч. зап. → (*u*)*zbíti*

13. 'бить, побивать (в карточной игре)': *Dés'átka bíti. Daváj bíj, káže. Káže, ws'ó pobíw. Pobíw, káže, bíto. Nó*. BBL | | → *pobíti*

◇ ~ *pečát'* 'ставить печать': *Bjúť pečát'* ЕПК | *Pečád' bíti, nó-no-no-nó, pečát'*. *Udáríti tréa pečát', káže. Idú na sil'rádu, bo tréba mi pečát' udáríti. Tréba mi pečát' ubíti*. [Председатель сельсовета] *pečátí bjé*. BBL | | → *udáríti, ubíti* ◇ ~ *w zvónw* + dat. (кому) 'звонить (в колокол) по кому' (известь о смерти): *Bíti w zvónw ti búde, káže. Kolí ščós' s'a posvažájut tam... "Záras ti u zvónw búde bíti"*. Ščo t'ípa.. *zamóctid' yo ta búde zvóníti, nó. Káe, u zvónw ti búde bíti*. [угроза] BBL | | ◇ ~ *kapústu* = *zakládovati* (? , перед тем, как ее засаливать в бочке) X руч. зап. ◇ ~ *v óči* 'бить в глаза, ослеплять': *S'vítlo bjé v óči, káe, tak s'vítlo bjé v óči. S'vítlo bjé v óči, a sónce bjé.. s'vítit, nó, a s'vítlo bjé v óči uvěčér'í. Tak s'vítlo, káe, v óči bjé. "Ta níč-ím ni víd'íw, bo.. já prjśow, a tám s'vítlo takóje, ta wdárilo mi v óči, ta..."* BBL | | → *udáríti* ◇ *šnúř* ~ 'проводить черту на бревне туго натянутой окрашенной бечевкой': *Šnúř, totó takóje bíti dèrevo, vüdbiváti kudw tesáti tréba*. AЦ | *Dèrevo dawnó tesáli ta šnúř bíli úy-l'om.. Šnúř bíli tak, obw pr'ámo potesáti, ta jé taká dówya.. motuzók takój, ta namócat úyl'a, ta takú čóřnu vódu zrób'at, ta u totó namócat' [sic] šnúř, ta prot'áynut, ta pütt'áyne, ta pístít šnúř, ta udárít šnúř [...]* u dèrevo, ta [...] *pag dále fájno yo potěšut. Šnúř bíti, ubíli šnúř*. AЦ | | → *ubíti* ◇ *bjé yátka* + dat./acc. 'приходит (кому-л.) в голову': *Nó ta káže – bíla mi yátka maj dawnó šo totó tág búde. Šós', jak s'a šós' stáne takóje wat' šós' slučít s'a, ta káe – bóla men'í yátka maj dawnó šo totó tág búde. "Bíla yátka", tak ščo tak přichódti, jakós' na čel'ádníka, ta káe – bíla yátka men'í maj dawnó šo os'akóje totó búde. Jak s'a šós' stáne*. AЦ | | *yátka n'a bjé – babw star'í kážut. A bjé n'a yátka, káže.. šós' jag yovór'at takóje.. jakós' wspotínájut, dáwnoe, ta káe – bjé n'a yátka, káže. Bapkw tág budít kazáti, mólod'í ne kážut, a babw – á bjé n'a yátka, káže, šó.. šós' tam.. ták i tág bólo toydw. Bjé n'a yátka. Á bjé n'a yátka, káže, šo bólo s'akóje*. BBL |

~ *s'a pass.*: (1) *Nó a dále bérdo kladé s'a na.. tújkw spēředu kladé s'a ođnóřučka, a w ođnóřučku zakládúje s'a bérdo. Taká ođnóřučka, šo wže tóřm s'a bjé*. AЦ; (3) *Vat' królikw dóma ubíti, bo królikw s'a bjút. Kolí s'a r'íže, ta meži vúxa s'a ubjé, a tód'í wže znízu ís.. krów s'a líš íspuskáje*. BBL; (5) *A špíc íščé jé takóje šo túj s'a bjé na bókónč' óts'ák íspěředu bíli kolí [...]* nosíli, takóje íz bl'ášk, tr'ómá yvózđíkamí s'a túj přibívat, taj totó špíc. AЦ; (12) *Nó, tám [ukrémé jé, stúpó bóli táč ščo suknó s'a bílo, u stúpax, a valílo tám tóže takóje yi korwóto [...]* ВИМ | | *recipr.* 'драться': *Ci dēs'*

s'a bjút, ščōs' s'a pokazít, pútre s'a. OAI | Já jtx pamn'atáju dobre, bo já s'a ták is tómi židámí *bíw.* BI | Nó, pak ták prósto yi znážete, znážete u d'iti.. *privóčka bíti s'a* jednó drúyow, pak tág yi tepér' d'iti. AI | *A tepér'kw sami s'a bjút* mezi sobów. BII | *Abo bíti s'a! dēs' na úlici – ne dáj Bóx.* BII | *Jō, čotowr kútō u xóži.* Bawálo, mal'i xłōpc'i mōji koj bóli, ta púbjut.. – a nú, idí u kút stán' I jed.. idé jeden u jeden, bo *bjút s'a* u jednóm kut'i. AI | *A já kážu – a čoyó Bóx* jedén ta *ws'ój s'vid dēržit.* OAI | *Vat'.. dvóje bjút s'a,* ta jednó músit pol'ivíti, bo ne.. ne kónčit s'a bújka. AI | *No pag dēs' s'a bjút jakis', a dále tkōs' xóce vūdomstítí [...]* AI | *Yrōwóta de sváda* je u xóži. Ta kážut tám s'a tág yrōwút u xóži, ščo ta *bjút s'a* ta yrōwút s'a ta *bjút s'a.* OAI | Svéter porōšanōj jag budé dēs' ták, ta d'iti jāk kolí mal'i ta mēcut, ta *bjút s'a,* ta – ne fúkej, káže, tómi poroxámí túl'ko! AI | *Dáj pōkūj,* káže. *Vat' bjút s'a,* wat' ščōs' s'a zaderájut, ta káe – dáj pōkūj. I búrše nič. OAI | *Zobráw bándu,* káže, ta púšli tám u drúye seló *bíti s'a.* BBI | *Tó d'iti,* naprimér, "idemé *s'a bíti*", nó, *bíti s'a,* odnó drúyow, nó. *Bíti s'a,* káe, budemé *s'a bíti* nón'i věčur. BBI || **med. 1.** 'биться' (о сердце, пульсе): *Sérce s'a bjé šče, káe. Šče s'a bjé, šče ne wmér, šče s'a sérce bjé. Vat' púl's s'a bjé.* BBI | *Nó bába mu nareklá Vasil' iščé.. dog žívōj bow,* dok čúla, ščo *sérce s'a bjé,* a wže kolí s'a ródíw, zadušíw s'a. AI || **2.** о случке кобылы: *Kobóla bíla bw s'a* [о течке кобылы] X руч. зап. → *nabíti s'a;* ср. *nabiváti s'a* ♂ ~ *s'a w yrúdi* 'бить себя в грудь': *Jōj, jāk s'a w yrúdi bjé* [хвастаясь]. *É, ne bij s'a w yrúdi,* káže. *É, ne bij s'a tō w yrúdi,* bo tō tō nýdē ne dokážeš. *Vat' káže – jōj, nō jāk s'a bíw w yrúdi,* a ovún tōyo ne.. káe, ne stójit. BBI

dobíti, 1 sg. *dúbju* 'добить (кого)': *Dobíti* l'ubú skotínu, l'ubú tvarínu, čolō-wika. *Káe,* tréba wo *dobíti,* obó s'a ne múčiw. BBI → *bíti*
~ *s'a* 'добиться': *Ne móže s'a dobíti,* káže. *No ne móže s'a nijág dobíti,* obw prijšli ta pokláli [столб], a dále wže jāk postáwl'at, káe – nó, *dobíla s'a.* BBI | *Dobívat s'a w načálníkō,* káže, *dobívat s'a.* *A dobíw s'a – ój, dobíw s'a,* káže. *Dobíw s'a do načálníka,* tepér', káe, *s'ág yólōw nōsit.* BBI | *Práwdō s'a dobíti.* Níгда tw *s'a,* káe, *práwdō ne dúbjes.* [У начальства или у жены: что-то будешь доказывать, правду будешь говорить, а она не верит.] *Tá já s'a s tobów níгда práwdō ne dúbju.* Káže, nú t'a w *bán'u,* já s tobów *s'a práwdō níгда ne dúbju.* BBI

(i)zbíti, 3 sg. *(i)zóbje* **1.** 'сбить, сколотить': *Pópłavec – takóje zbítō z vorjín'a* ta vozítí s'a na vod'i. Pak is takóyo vorjín'a *zbítō, zbítō* takóje maj š.. takóje záširokoje, s'ák jak stúl.. AI | *Múj n'án'o vozíw darábō.* Sesé.. tábla jedná zroblēna, *izbíta.* A sešé užé bów bw bókōr, bo sešé trí táblō. BI | *Ládu* [шиик] bw tréba *zbíti.* *Ládu,* latčín-u. *Taborétku* tréba *zbíti.* BBI → *bíti, (i)zbiváti* || **2.** 'сбить, заспать': *Yrútkā tokanú.* Nó pak vat' móž *izbíti* yrútku brónz'i. AI || **3.** 'сбить (сливочное масло)': *Máslo zbíti* mōš iz moloká, w butíl'c'i. *Prósto, kolótis, kolótis – izbíti,* káe, *máslo. Izóbju máslo záuutra.* BBI → *bíti, (i)zbiváti* || **4.** 'свалить (шерсть, сукно)': *Nó ta totó* [сукно] dále nesút u stúpō, ta tákoj joyó *zóbje, zóbje,* u stúpaх, šō wnó takóje stajé.. ó, nó, móže j o takóje líš. Ta.. ta pak is tōyo šíjut. AI → *bíti* || **5.** 'взбить (яйца)': *Jájč'a zbíti,* vat' idí ta *zbítj,* káže. *Anú tam izbítj,* káže, *bilkō.* BBI → *bíti, (i)zbiváti* || **6.** 'трянуть, ударить (об интенсивных осадках)': *Zólōp, takóje.* – [Может ли там течь вода?] – *Nō pak dēs' móže málo tečt, kolí vad' búr'a dēs' izóbje* vat' ščōs' takóje, a ták ne.. obóčno njé. *Tam zeml'á.* AI | *Dé? U r'ič'i,* kolí abò s'n'ih s'a tópt, abò takóje ščōs' ta w r'ič'i, a xod' dúže velíki dōžži *zóbju,* búr'i, ta w r'ič'i pōvin'. EPIK | *Takóji-ím prijšōw mókroj, káye,* dōš n'a *zbíw,* mókroj, káže, *zōws'ím.* ABC | *Zólōp, u zólōbi ták izbíla* wčóra búr'a, káže, ščo tám ne mōš s'a kōnúti. U jednōtmu mís'c'i líž, bo jāk u nás obóč-

no, to tujkwo [в Подмосковье] jákqz' dōšć pūšōw ta prūjšōw, a tám vítko, šo ónde dōš padé, ónde padé – u nás ják obōwōno. Ta tám búr'a ubíla-ubíla, káze, wōra. BBI | Búr'a ubíla, búr'a ubíla ci zbíla, búr'a ubíla, taká, káze, u Pól'an'ij, bo divi, káe, jaká kalamútna, kálamut' jaká ploné, káze, zyōw. Izbíla, ubíla, izbíla. nō wže tám xot' ják. BBI → bíti || 6. 'забить, помахать (крыльями)': [Kúr] pēr'xnuli, kážut. Lis s'ák. Jak šōs' s'a napūd'at, toták yé skokōn'at, ta zōbjut krōl'mi, ut'itūt, ta kážut: jōj, jak ščōs' kúr pēr'xnuli, [...] šō tám, ci ni jástr'ap? AI → bíti ◊ ~ zbiuj 'утоптать площадку в снегу': Tréba zbiuj zbíti, idú ta zōbjeme nōn' i zbiuj, a záuwa [idemé si] za s'inom. [Ездят за заготовленным сеном, когда уже выпал снег, и чтобы можно было стрести сено, которое растрясется, заранее утаптывают в снегу площадку.] BBI ◊ ~ (s'a) s tōlku (заимст.) 'сбить(ся) с толку (в разговоре; в жизни)': A zbiw s'a i s tōlku, káze, s'a zbiw. Šo yovōrtw, a dále s'a wže i zbiw, káze. [Dōtūd' joyō zayrúziš, ščo zōbjez yo s tōlku. No slovám i yo zayrúziš, tak ščo zōbjie s'a s tōlku, wže ne znáje šo kazáti, zbiw s'a s tōlku, káze. I šo tōlku, káe, zbiw s'a s tōlku. S tōlku, šo korōče bōw takōj wrōd' i normal'noj – a yet s'a zbiw i s tōlku, káze, užé. BBI

|| ~ s'a pass.: (4) Ščetkovína, nō totō.. u nás jak vōwna s'a zōbjie vat' ščo na vūci taká, ta kážeme: jōj, jaká ščetkovína. BIM | A valílo tám tōže takōje yi koróto, tág yi mlín kōj bw bōw, totám totō val'álo s'a, val'álo, val'álo, tak val'at s'a žérya, ta tak s'a zōbjie krasnō, ščo takōje na n'ū.. ruxnátōje, ta totō mó klikali valílo. BIM | A w stúpw nesūt, ta onō s'a zōbjie tak, jakōs'.. čniti s'a takōje plōtnōje, tōwstōje, ta yustōje [сухно]. AI || med. 'сбиться (в группу)': [...] gléjda móš kazáti šo j xudōba, dēržat u gléjdi, i d'iti sid'at u gléjdi, jak u vōrōs' i ws' i sid'at, dēs', nō, ta ws' i, kážut, izbíli s'a w jednū gléjdu. AI ◊ ~ s'a z dorōyw med. 'сбиться с дороги': Zbiw s'a z dorōyw. Z dorōyw s'a zbiw, išōw ta zbiw s'a z dorōyw. BBI

nabíti, 3 sg. *nábje* 1. 'набить, насадить (на рукоятку)' → *nabiváti*: Čekán tōže žel'iznoje, зроблено, a *nabíto* na toporišče derewl'ánoje. AI | Ne móžu, káe, *nabíti* capínu, bō štōl'a w n'à njé. AI | *Nabíti* toporišče na sokōru, na lopátu. Tréba, káe, lopátu *nabíti*, vat' sokōru *nabíti*. Vílō, nō ws'ō, l'ubāj instrument *nabíti* – tō s'a ščitáje rúčka, nasadíti užé na tō, *nabíti*. BBI | L'ubāj instrument *nabíti*. Štō bw ni bōlo *nabíti* tréba, dáže klepác *nabíti* bw tréa, káe, rúčku na n'ōyo *nabíti*. Capínu *nabíti*, sokōru *nabíti*, motōku, lopátu *nabíti* kážut, jō. To rúčku postáviti, to káut *nabíti*, lopátu *nabíti*, vílō *nabíti*. sokōru, pak ščo bō ni bōlo, rúčku derewl'anu. BBI || 2. 'набить (обруч)': Kōnw bōla dawnō, kōnw. Kōnw, molokō sōpal i w totō. Takōje, takōje izrobłenoje is tōyo, z dúk. Iskládno, dále obruči *nabíti*. OAI | Obruči *nabíti* na bōčku. Dá. Tō wže dawnō bōlo, bo tepér' wže ne bjúd bočkw, wže yotōv' i kupl'ájut. BBI || 3. 'набить (внутри чего-л.)' → *nabiváti*: ...A iščé sn'ák kážud za kíl'ix. [...] Jag dēs' oš'ák ne xōče jisti tkōz' dásčo, ta káye: nō, taj [...] náj *nábje* sn'ák xot' čim. AI | Stružák – dátko pápir óde *nábje*, dátko šuvarú.. Solomžák – jak solóma *nabíta*, užé jak šōs' ínče, ta káut stružák. [виды матрасов] AI | Vat' ščōs' uz'mé w rōt, i s'c' ta ščōs' uz'mé w rōt, ta xōt'ila bw šče i puyovōrti, ta ne móe, no ta káe – ščo-s' *nabíla* pōwnoj rōt, ščo ne móžes' i promōviti? AI | [He каали ли в гроб горилку?] – Nō, a náščō mu, na.. málo žér na s'ūm s'vít'i. Ta šče mu i tám klásti – yráne u pōsok! Málo píw? – [А душа..] – A [át], obō mu dušá bōla tám uw oyni šče maj čítavo, šče mu [z'] yor'ilkw klásti! Tad' yráne mu w rōt *nabíti*. Jásnoji. OAI | *Nabíti* pōwnoj mīx, nō, i mīx *nabíti*. Kážut tōže. *Nabíti*, ščōs' na.. nasuváti tudō, šélestu, ci.. ci s'ina, ci ščo wže ne búde, *nabíj*, káze, pōwnoj mīx. Šélest totō lis'c'a suxōje wže. Šélestu, káe, pōwnoj mīx *nabíw* ta povúz domú, á ta idi ta *nabíj*, mīx šélestu, to pūt svín' i tám sōpati vat' ščōs' takōje. Nō l'ubōje, s'itku ["авоську"] *nabíti*, tōrbu *nabíti*. *Nabíti* pōwnu. Sōbō pōwna, *nabíti*, káe, tré ji *nabíti* pōwna obō bōla. BBI | *Nabíti* pōroxom patrōw. Tréba mi, káe, pōrox.. idemé záuwa na ožōtu – dōbre, tréba mi vécūr *nabíti*, vat'

*věčür nábju patrónw sobi, ta bdemé ití záuwa. BBL | Pípu nabítí [трубку]. BBL | Nabíw svúj žolúdok, kaže, pównoj žolúdok nabíw. BBL | об изготовлении разных сортов колбасы: Takój nanabiváti.. kwoškó. Nò ta s krqwl'ąńkó, káýut, is krqwl'ąńkó totó kwoškó nabíti. [...] U yurkó nabíti krqwl'ąńku. MBC | Šće mi s'a qstálo kqw-básku ta yúrku nabíti. BBL || 4. 'набить (много гвоздей, колев)': Nò.. uw qyrqód'i plút kolí yorqód'at, ta bjút ta káye – nabíla mnóyo kóli. [...] Kúl'a – nò pak mnóyo kúl'a-m nabíla. MBC | Je tak u koróvw tel'a, ta xód'at pásti za korqvwq, ta šs' onó s'a nayádat ta jde korqvu ssáti. Ta rqbł'at mu takój čolínec': rqbł'at takú dósku, a tám nabjút qts'ák kólo pwska takí yvózdkw malén'ki, šo jak bdé ssáti ta obw z'ąpkalo korqvu, qbw koróva ne davála s'a ssáti molojó. AL | Stézar totó takóje ščo yorodíti kopíc'u, ta nabjút dówkola kúl'a-kúl'a tak ysto na takómu róstoján'u a narubájut takóyo žerd'a ta pletút, poméži totó, takój plút úpletut, ta totó kážut stézar. AL | S'ák pribíta dóska dq s'c'ínw, ta nabíti na n'uj tak čopw ščo víšati. AL || 5. о воде (реке): 'нанести; наприбивать (к берегу)': Jak idé torláš, ta takóje krížá kážut tudw nabílo dės' tak vodá málo ýt krúti, vad' dės' id bereyám nabíje krížá takóje. AL | Kolo r'ikw de vodá na.. nabíje tak rine takóji ta kamin'a, ta zróbít y'rádú. AL || 6. ~ *šum* 'взбить пену' → *nabiváti*: Nò tak mō skotárili dawnó, koróvw pásli, ta šum sme nabiváli spic'ial'no, butilkow tr'asės, obw šum, šum nabíw. BBL | *š* ~ *yúsku* 'откормить гуся, насильно запихивая в горло зерна кукурузы, перед тем как его резать': Tréba yúsku nabíti, bo bdemé ji r'izati. BBL*

|| ~ *s'a med.* 1. 'набиться (вместиться в тесноте)': *Nabíti s'a pūd ostanqwu, bo búr'a bóla, ta nabíti s'a. Bólo nix pówno nabíto, kaže. BBL || 2. med. и pass.* 'взбиться (о пене)': Dójat korqvu, i *nabíje s'a šum, ščo čtavo idé z dújkw, i nabíje s'a šum.* OBL | *Nabíw s'a šum – pak mōš, nabíw s'a u butil'c'i, naprimér, is s'irópom jakómš.* || ~ *s'a w yqš'c'i* 'набиться в гости': *Nabíti s'a w yqš'c'i, nezván'i yqš'c'i, tak nabíti s'a s'udw w yqš'c'i, ta.. a nixtó jix i ni čekáw. BBL → nabiváti s'a*

nadbíti 1. 'надавить, удлинить' (доску и т. п.): *Nadbíti mōš. Vorínu jakús', naprimér, tréba nadbíti málo, obw maj dówya bóla. Nadbíti dósku jakús', nò. Obw maj dówyoje bólo, nadbíti, káe, tréba bw málo nadbíti, bo málo ni dqš'iyat. BBL || 2.* 'набить' (посуду), 'отбить кусочек': *Malén'ko nadbíta, kaže [чашка]. Ta tkqš' dės' nadbíw, ci d'itvák, káe, nadbíw, ci wpála dės' ta nadbíla s'a. [со щербинкой] BBL || ~ s'a pass. см. (2).*

obbíti, 3 sg. *obóbje* 1. 'обить (что-л. чем-л.)': *Prís'inq qts'ák pèret xwži, u kóyo je takóje.. – Miter zádqwyoje tak.. – zdqliú doškámi, doškámi obbíti zdqliú, takóje püdlóya maj dówyaja puščeno na xwži. To takóje obbíti, gánok dawnó kazáli. AL | Pika – ščo xwžu pikújut, pikw, takí, jak u nás tám obbíti. EPL | Diván obbíti po nqvwmu, s'c'ínú obbíti doškámi. Tréba mi s'c'ínú šče odnú obbíti, kaže. BBL | Obbíti tréba xwžu ponarúzi, a zyórw pobíti, draníc'ami. BBL | Obbíti, vayqńkw obbíti, plás'c'ikom obbíti, kaže, xwžu mi tréba obbívati plás'c'ikom ci vayqńkw. BBL → ob-biváti || 2. 'оббить' (плоды с дерева): *Obbíti – jáblwka obbíti, slíw obbíti, qr'ixw obbíti. Str'ásti vat' obbíti. Str'ásti to potr'ásti jak úl'isti, a obbíti – pálkow jakqws', vorínqw. Idú ta obóbju šče totó, bo užé morózq, ta obw s'a totó tám ne mērzlo, ta jdu ta obóbju. BBL || 3. 'оббить (с разных сторон)': Kámin' obbíti, šobw zariwn'ati yq, ta tréba mi kámin' málo obbíti, ci kirpič. BBL || 4. 'покрыть сплосью (о сыпи и т. п. на теле), безл.: Us'ó t'ilo mu, kaže, obbílo. Obbílo čtmoš, ws'ó t'ilo mu obbílo ci mi-xuńkámi, ci strupl'om jakómš'. BBL – ср. *úbiti***

perebíti, 3 sg. *perébye* 1. 'перебить, ударить поперёк': *..Nò koróva jak idé, napríkat dės', ta wdár'at ji, korqvu. Pasé koróva, dės' ci.. kolóm ji perebíti, nò, súš'ido ci.. xot' tkó móže tak. Taj wná stáne krqwl'ąńka. Wná kolí wže xóče is'c'ati, ta woná*

krówl'ow ścīt. MBC | *Vat' perebīli jūj* [корове] *šju, šju jūj perebīli, vad' zāt. Perebīli. Šo po nérwax jakós'... šo perebīli, móže bóti, perebīli jūj tám zāt, nérwax jakís' perebīli. Wdārili ta perebīli. Šo vūtказálo śčós' jūj tám. Móže bóti takóje, móže. BBLI || 2. 'перебить всё, переразбивать': Na nívi yrud'á jak s'a zóre ta takóje yrud'á, kážut, ták t'áško kopáti, mūsaj ráz yrud'á perebīti, a dále r'ipu sadíti. AII || 3. 'сделать другую ручку (у инструмента)': Perebīti mós, mós sokóru perebīti, lopátu perebīti iz jednóyo na drúyoje. Rúčku drúyu perebīti. Tó nabīti kolí vopšé wná ne nabīta, ta tréba nabīti, a perebīti, bo obó.. neprávil'na rúčka, ta tréba perebīti drúyu. BBLI ◇ ~ krów безл.: No tó pak jak totá d'itína umélla, bo wni povézli ji w Mukáčevo, ta pak totá d'itína u Mukáčevi umélla, ta kazáli jūj, šo obó s'a lišila tóji robótó, náras, taj yút ras obó ne ródila níč. A naj jis'c' śčós' takóyo sámoyo vitamínnoyo, zélen'i wś'akóji i wś'akóyo, obó jūj perebīlo krów, jeji krów obó perebīlo. Ta ón' toydá obó s'a bérēmēn'ila. AII*

~ s'a med. 'перебиться (обойтись без чего-л.): Perébję s'a, káže. Perébję s'a, nó pak á ja znáju.. śós'.. u nás jak obóčno, śós' s'a naróvat tám śós' prósit vat' šo – á, perébję s'a, káže. Koróče, perébję s'a vún. Šo.. ne dátí mi, t'ipa vún s'a sám perébję. BBLI

pobīti, 3 sg. **púbje 1.** 'побить, разбить': Pútre, je takój ćolowik šo bjé wózoró, bjé dvér'i, bjé yórsko, bl'úda, uś'ó púbje táj. I w nás túj takój je. Ščo óde yét ubiw i dvér'i, ta fon'erow zakróli. OAI | *Skl'á pobitoje, vat' skl'á ćilóje. BIT | Pobitaj asvál't móže bóti. Pobitaj šo dēs'.. porépanoj, vat' remónt róbli'at ta púbjut ta pobitaj kážut asvál't pównūs'c'u. BBLI | Káže, yét púbju tkós' vúd n'a šifer, poprolámowaw. BBLI || 2. 'побить' (ограничит.): A totó pritnut málo úxa, ta malén'ko prútkom takóm.. tónen'kóm málo púbjut po úxow, ta ták krów swóit, swóit, taká ćorna, ta újde totá krów ta pak užé jūj prújde totó [лечение коровы]. AII → *bíti* || 3. 'побить, избить': Májže tów-đen'-im xodíw pri mad'ar'ix u škólu. Ta žít n'a púbju. BI | [...] ta káže wjázow mu pokrutíw yét. Tkós' koyós' jak ták pozbótkowáw, púbju. AII | *Jak udáriti ta pošn'ije, ta kájut, jój, jakój sn'ák u n'óyo, pobīli yo. Vat' u.. jak u žonó sn'ák, nú ta, káže, ta jak pə.. jak ji púbju, jaki na n'ú sn'ákó! Xot'áj bə óná s'a wdáрила dēs' i samá, abo totó wže wśé śčó qvún púbju. AII | Bóže, káže, jój, jak tebé, káže, Pétre, tverdo totá pobīla, káže, anús' peresún's'a túj de já, káže, ležú, bo káže jag zájde, ta ják s'a pro- vérne šče ras, ta bdé t'a bīti, ta ne úderžis, káže, aj užé naj bjé mené. AII | *Póbju yo do krówl'i* 'избил до крови' BBLI || 'победить в драке, одолеть': Né.. totó pobitowáw totó jak s'a dvá bjút, ta.. mó bismę s'a dvi bīli, ta já maj yrúba móže, ta já bim tebé pobīla, kazála bim – já pobiro.. vat' kazáli bə – nó, pak totá pobitowála, ta maj malú pobīla. Vat' maj malá púbje weliku, užé káe – totá pobitowála na totú. AII | *A kolí dēs' bījka jakáz' bóla, káe – wś'óx pobīli, káe, tóx.. potóčan, naprimér, u nás Pótúk, nó. Ta tó ják s'a spuskájut, totó bījka obowjaskóvo. Káe, wś'óx pobīli, potóčan. BBLI | Púbju mi púosok = rozóbjw mi púosok BBLI → *bíti* || 4. 'поубивать': Jój, no tá ci to lexko bólo tótm d'it'om taj tótm žonám, šo vún-nix [= vúd nix] 'n'an'i pobīli, yé? OAI || 5. 'покрыть, побить крышу (дранкой)': Na oboróz'i, pak oború pobitaj táj. [...] Dáx na oboróz'i. OAI | *Pobito bólo dranic'amí, a dále pokláv takí stójkw na pod'i, obó maj síl'no bólo, usilíw. AII | Obbiti tréba xóžu ponarúzi, a zyórow pobīti, dranic'amí. BBLI | Káže, tréba bə pobīti, bo káže, sesé wže staróje ta.. užé teče, ta tréba bə pobīti pə nówomu šče. Púbju, xóžu sobi púbju, bo obó ne teklá. BBLI → *pobiváti* || 6. 'разбить, поломать (об интенсивных осадках)': [...] nasadīli bóli, liś.. śós' vúc'i pojīli, taj s'n'iyó polamálí, ta ták i ne róstút. Taj s'n'iyó pobīli. AII || 7. 'побить (в карточной игре): Pobiti u kártow, naprimér. Bito, vüdbiw s'a, káže, púbju [при игре 'в дурака']. BBLI ◇ ~ *šnuró* (дистрибутивн.) → *bíti šnur*: Šnúr udáriti, pobīti šnuró, šnuró pobīti na mnóyo. BBLI****

~ s'a resipr. 'подариться': *D'iti púbjut s'a takí mal'i totó s'a šs' ne móžut po-d'ilíti ta revút*. АЦ руч. зап. | *Nó, kážut, ne moyli s'a pod'ilíti, ta ják s'a pobíli*. АЦ | *Pobíli s'a. Á, d'iti s'a, kaže, náši pobíli wčora. Pobíli s'a, nó, drúy drúya*. ВВЦ ||| med. 'расшибиться, получить ранения (обычно при падении)': *Upáu ta ták s'a pobíw, korvávoj us'ój, upáu ta pobíw s'a*. ВВЦ | *Ta i já z nim íslá u noči, ta upáu.. vúd n'a [w] tót pótíuk, ta pobíw s'a, ta takój bow dále ráno pobítoj [...]* АЦ | *Ta díže s'a bów pobíw, ta kaže, ta já(k) s'ák, ta níje ni vójnaw, ni níč, ta já budu mús'iti, kaže, ume-ráti*. АЦ | [...] *des' upáu ta pobíw s'a. Potrátiw s'a, upáu ta pobíw s'a táj..* ОАИ

póbiti, 3 sg. púbje, ргт. póbi|w, -la в устойчивых выражениях (проклятия) с субъектом *Boh, pánbüh, Márja*, *xrest, zv'izdá, neščás'c'a* и т. п. (ср. wbíti, rozbíti): *Lájut, kaže, pánbüh bow t'a pobíw*. ОАИ | *"Obó t'a pánbüh pobíw!" – yi lájka*. ОАИ | *ǧarbačow, z'v'izdá bow yo pobíla*. ОАИ | *Dak dáj Bóh obí jix neščás'c'a pobílo!* | *Nó vás Mar'ija tepér' púbje*. ОАИ | *A já tvrdo lájala. [...]* *Dé-m yo víd'ila, – Tílinínču, ci iz'z'iw-is' užé kotá? Neščás'c'a bow t'a, kážu, tvrdoje pobílo, ci najíw-is' s'a móyo kotá?* ОАИ | *Xrézd bow t'a zolotój pobíw, ci wbíw. Tóže lájka taká*. ВВЦ | *Panbój bow t'a pobíw. Neščás'c'a bow t'a pobílo, abo plíta bow t'a wbíla. Márja bow t'a pobíla. Márja bow t'a, kaže, pobíla, vat' Márja bow yo pobíla. Z'v'izdá bow yo jáсна pobíla. Z'v'izdá jáсна bow yo pobíla. Bój bow t'a pobíw, tóže. Lájut, ščo Bój bow yo pobíw, vad' Bój bow t'a pobíw. – [A что из этого хуже?] – Bój bow t'a pobíw, totó máj paskúdna lájka. Sámó yúr-še – Bój bow t'a pobíw*. ВВЦ

ponabíti s'a med. 'понабиться': *Ta oná (ščípačka) takóyo koričn'ovoyo c'vítu, ták l'ize ta ták u l'it'i oná.. des' jak jakí tr'apkw stoját, ta tám s'a w níx mnóyo pona.. nábjje*. АЦ

príbíti, 3 sg. príbje/príbje **1.** 'прибить (гвоздями)': *Ták yúlavo príbíta, ták s'a máxat* [доска]. АЦ | *Pak takóje, ci xóžu prikraváti, ci des' ščós' príbíti, takóje – bl'áxa, nó, ne znážete?* МИК | *U nás kážut príbíti yvózdrom, a yvózdíti jak koň'a kujút, ta jak nedóbre yvúst púde, ta kážud zavvozdíli yo*. АЦ | *Pak é príbíti.. sesé, lábu do qw's'oyo* [стула]. *To tkóz' bow kazáw príbíti, a tkóz' bow kazáw, ščo prikr'ipíti bow totó tréba ták, pri.. prikrutíti*. АЦ | *Pút krósna ontám s'a príbívála.. lác'ka, [...]* *obó zná-ješ jak tčéš, ta obó z tobój krósna s'a ne súnułi, aj obó túyo stojáli ták, ta príbíjút takú na mós'ci lác'ku*. АЦ | *Xrestína navélla krósna, ta totó ták, ta pak malój zad'íw s'a tám ta príbíw jüj lác'ku, ta ták i stojála [...]* АЦ | *Pak totó ovés molotíli, abó pšeníc'u ták u.. yi stodóla, tág yi xáta bów ssé bóla, nó, a takóje učn'at.. taki dósok príbíjút ta ták ta s'ák pak víjeme, víjalka ták*. ВИМ | *To kážda dranic'a, káždu čolqwik jak príbje ta káždu sobi zašarít, tákoj tám sám, kolí ju príbívat*. АЦ | *Šrówf totó takóje šo i na pütqóvu mós' príbíti ko.. prikrutíti koň'ovi..* АЦ | *Nedóbre pütqóva príbíta, ta músaj yvúst ut'iyáti, bo bolít.. kopóto, ta ropá s'a čínit*. АЦ | *Nó taj líž bólo u trínu ta príbíti taj..* ММД | *Pak opáj.. Opájčna bo šé i dóska na n'oyo príbíta, totó.. na drugár'. Na drugár' príbíta dóska, ta totó ws'ó opájčna bólo*. АЦ | *Pak oná.. áš s'a snuje na sno-vál'níc'ax krútít s'a ta totó ontám ne perestúpíš, áš na s'c'in'i príbíti snoválníc'i*. АЦ | *Ta tág dok totá stará xóža bóla, ta ták u kl'it'i bóla taká dóska ták, mó kazáli políc'a. S'ákoj na s'c'in'i yvózdami príbíta, príbíta a na takí yvózdrom, špárnagw*. АЦ | *Ták vorínw príbíti, a do vorín totó poprívívano, totó roštj*. АЦ || **2.** 'прибить (к чему-то, безл.)': *Príbilo d zemli, príbilo u vod'i d béreyovi ščós' Vat' id zemli príbilo. Šós' tám ležálo, jakás'.. No naprimér z y'átkw upálo bil'l'ó, ká, tág yo príbilo tám id zemli, z dožžóm, ščo.. káe, tréa* [стирать заново]. *Príbilo yo. Príbilo d zemli, kaže*. ВВЦ

probíti, 3 sg. prúbje **1.** 'сделать отверстие (пробить, проломить, проткнуть, проколоть, протыкать)': *L'ut probíti, prolómíti, probíti d'írku, prolóňku jakús' ci ščo*. ВВЦ | *Sc'inú probíti. Tréba bow m'i probíti túj, kaže, na s'új s'c'in'i dvér'i. Prolómíti,*

probíti. | *Probíti jakúz' d'irku u nayolównikovi na kon'ovi*. BBL | *A dátko liš prúbje* [уши] *taj tákoj, u kóyo zolot'í kówtkw ta tákoj prúbje taj tákoj i kówtok kladút, bo kážut šo uródi ne bolít vút tóyo. Ta prúbje tylów, ta tákoj čistěn'ko, ta tákoj.. kówtok tám pokláde*. AЦ | *Probíti yornéc' ta búde cúravoj*. BBL || 2. 'пропороть (кожу), поранить': *A pr'áče jak probíti nóyu. Cí nóyu prúbjes, cí rúku prúbjes, ta totó tám narów s'a takój dále róbit*. AЦ | *Nó pak napríkat u čel'ádnika zad'je s'a yvúzd dės' – prúbje nóyu, nó ta tám narów. Mó kážeme pr'áče na nož'í, narów. A w kon'á ropá. Jak prúbje nóyu, ta ne kážut šo pr'áče [...], aj ropá, jak zayvoz'd'át*. AЦ | *Nó. A dē nóyu probíla?* OAI | *Mós probíti, na núš, vat' ščós' takóje, probíti mós rúku*. BBL | *Nó pak a móže dės' ščós' probíti, [...], čimós' tkós' koyós', ta móže káže šo prójaw yo náwskrús'*. AЦ || 3. 'пробить, проложить (путь)': *S'n'ix probíti. Tréba bō ubíti qts'udō doróyu. Ščo obi-sme ni xodíti dōwkola, a napr'amú. Tréba bō ji s'udō ubíti, vat' probrósti, ubíti* [по снегу]. *Vat' probíti, [в основном] probíti, s'n'ix probíti*. BBL || 4. в устойчивых выражениях (проклятия): OA *Ba dē je tepēr' ĵarbačōw? Cí je za n'oyo číti, ci.. [moyló] püti uw Amériku..* – MM *No ták prō n'oyo píše i w Biblji.* – OA *Pak qvün antixrist!* – MM *Á.* – OA *Náj yo neščás'c'a prúbje, lósōj!* OAI, MM – ср. *róbíti, úbíti*

~ s'a **med.** 1. 'стать дырявым (о посуде)' (1): *Ovün sobi z Látviji jakís' taki n'itō naunósōvaw, taki žōwt'iji drótiķw tōws'c'í, šo mōš ním zaklepáti yornéc' jak s'a prúbje, ta obōw ne t'úk*. AЦ | *Vad' yornéc' s'a probíw, ta liš takóje čut'čut' teče. Ta káže takóje slōzít*. AЦ || 2. 'пробиться (куда)' (3): *Probíti s'a čeres s'n'iy dēs'. S'n'ix koltí velíķw, ta káže – tréba s'a probíti ontudō maj yor'í. Nó probrósti, probíti s'a tudō maj yor'í, bo s'n'iy velíķw, t'ásko. Ledwō-m s'a, káe, probíw, [...] ledwō-m s'a tudō probíw. Vat' tréba s'a probíti jakós' it tám drowám*. BBL || 3. 'пробиться (в жизни)': *Takój probíwnój bōw, káže, ta ták s'a i ne probíw. Probíwnój takój bōw, káže, ws'ō žit't'á, šo ws'údō xót'iw bōti, probíwnój takój*. BBL

püdbíti, 3 sg. *püdbje* 'подбить (прибить снизу)' + асс. (что и к чему): *Püdbíti bokōncí, püdbíti.. šō, liš móže štablón na xóžl, káe, püdbíti tréba m.* BBL

~ s'a **med.**: 1. 'сбить себе ноги (о скотине)': *A püdbíti s'a móže kün'. Jakščō ne kōvawoj, káže, püdbíw s'a, šo ne móže xodíti. Bēs pütķōw jak xódiť, ták jak u nás naprimēr kamin'a. Vün s'a püdbje tak šo ne móže nastupáti, [žápka] bolít, káe, püdbíw s'a. Vat' korōva s'a püdbila, šo ledwō, káe, xódiť*. BBL || 2. 'занять чье-то положение, подсесть': *A i spüváltí dawnō, ščo "vezú bokorika, drugár' ulomíw s'a, ta na móju bil'avínu c'imbora püdbíw s'a"*. AЦ → *püdbiváti s'a*

rozbíti, 3 sg. *rozúbje* (/rozóbje) 1. 'разбить, расколоть, раздробить': *Nó, káže [Христос], bítj yo [камень]. Tōwčt' yo. Rozbíti yo nádvoje*. OA. *Petró rozbíw tot kámin' nádvoje, ta užasnús s'a*. OAI [|...] s'a ne kóle, ta tréba bō ji rozbíti. Šo žoná ne várta, a čolqvik užé jakós' s'a umudrít, ta vün ji rozúbje. Kōwbic'a taká, jak.. síkovata taká. AЦ | Lójoyanķa. Taká jakáz' zeml'a nijáka, niwrodliwa. Ne mōš ji rozbíti, tág yí mōlá. OAI | yniúj rozbíti na níw'í AЦ | *Vat' rozbíti vōzür. Káe, vōzür iskazili, vat' rozbíti*. BBL | *Doróyu rozbíti, káže, tám l'isovózōw xodíti z yruzami, ta jámō narobíti, káže – doróyu yét rozbíti. Šo doróya stála poýána. Rozbíti, káe, doróyu yét l'isovózōw, tó vóz'at, nó*. BBL – ср. (*nskazíti*) || 2. 'разбить, расшибить (напр. голову)': [|...] *kámin' n'om, ta tráfit čomú ci ščós' takóje*. BBL | *Pósok rozbíti. Póskot i rozóbju zaras, káže. Púbjū mu pósok, rozóbju mu pósok*. BBL || 3. 'разровнять ударами': [|...] *kóžu s tel'ati posól'at ta rozúbjūt, obō úsxla. Vat' iz vüci*. AЦ || 4. 'разбить (обувь)': *Rozbíti bokōncí, bo dēs' mōker'í bōli, [и растянулись], rozbíti s'a, ta tak'í rozbíti*. Nú jix w bán'u, tó tak'í rozbíti, šo tám užé ne mōš. BBL || 5. 'вломать (помещение)': *Roz-*

bíli xózu, káze, – é, ta xózu w n'a, káe, snóci rozbílí. Vat' káe, rozbílí ta níe ne wz'álí, líš nó, pobóli taj púšlí deš', perespáli. Rozbílí xózu. Rozbílí xózu, rozbílí saráj. BBLЦ → rozbívátí 0 ~ s'imjú 'разбить семью': Rozbílá s'imjú, káze. Wmíśálas' u čužu s'imjú, rozbílá s'imjú. Vat' xóze, káe, s'imjú rozbílí. BBLЦ

~ s'a med. 1. 'разбиться, расколоться': *Káze, na fúč, na fúk 1 na maramáx [‘варезбги’]. Abo totó wśe odnó, ščo rozbíló s'a tak, ščo.. dúže, dúže.. no trípér' káze, jag bó táril' upáw, tak čítavo bó s'a rozbívú, kazála bís' – na fúč, vat' na fúk, vat' na maramáx. [...] Nó j mašina, jak s'a rozúbje tak na části. AЦ || 2. 'сильно распибаться; разбиться (в аварии)': [...] ta qts'ák-ím [y]o pút pléčí ímla, ta s pn'á dróllila, dúmajú, ímú, abo obó ne upáw, bo tám s'a rozúbje, čórt starój. AЦ | Rozbív s'a na motórc'i, káe, rozbív s'a na mašin'i rozbív s'a. BBLЦ – ср. *probíti s'a* || 3. 'разбиться (об обуви) – см. (4).*

ubítí, 3 sg. ubjé I. (*vъ-) 1. 'вбить': [...] *dawnó bóli po polonínay yómko. D'ílílí tak zém'l'u, ta zakóropuvalí takój stóup. [...] Ubítaj yómk, a xod' dvá tám, ci trí yómkó. OAI | Klin ubítí, vad' zabítí, ubítí.. No zabítí, ubítí, to wśó rownó. Ják s'a uže úslovít. BBLЦ || 2. 'вбить (о содержимом сырого яйца)': Solonínw zvarítí, ta varítí ta zvarítí ta ubítí jajcě, ta mačátí. OAI | Nó rás žír pokládut, a dále na molokó ubjút jajcě, ta roskolót'at. Ta na tómu žíroví zažar'at, ta klíčít máčanjow. MBC || II. (*u-) 1. 'утопать, проложить (дорогу)': Tréba bó ubítí doróyú ontudó napr'amú. Ščo obísme ni xodílí dówkola, a napr'amú. Tréba bó ji s'udó ubítí, vat' probwístí, ubítí [по чергу]. BBLЦ – ср. *probíti* || 2. 'ударить; ушибить': [...] abo totó slúčaj jě takój aš 1 yrozó níjě, ta ščós' s'a ne spátílo, ščós' si koróna vümn'a ubíla, ci ščós'.. xwóra ščós'.. [портится молоко] AЦ | Stróywj čolowík – šo tót xába t'a odnó słowo: tšjúj káye, tak ubíw, káye, dúže stróywj [do] d'ítí stróywj, do žíŋkw stróywj. ABC | Pak totó u nás é poraníw jag bów próstr'ílen, a tak ščo zdér [bó] porubáw – totó líš porubáw, vat'.. vat' tak, ubíw vat'.. vat' porubáw vat' ščós', a poranítí – totó líš kolf bó is tóo, is púsko str'ílít. AЦ || 3. 'убить': A d'i.. na d'íwku túlko bólo swatačú, ščo yóspodí, ta d'íwku [nēs'] líš ubítí taj yotóvo. OAI | Bába ídē doróyow ta revé. Nó ta ubjút vün=néji d'íwku ta yotóvo, bo mnóyo na n'ú l'udí jě. Svátajut 1 tót, tót káze já t'a.. tó za tóyo püdeš', já t'a ubjúj, taj za tóyo – já t'a ubjúj. [...] Ta káze, dúže na n'ú mnóyo swatačú jě, káze, ta ne znáje za kóyo íti, bo káze.. káze júj jedén.. za tóyo püdeš', já t'a ubjúj. Za tóyo püdeš', já t'a ubjúj, no ta káze, ščo men'í čínít(ŋ). OAI | Tá totó tak, ta ubíli tám. A dále prjislí.. deš' tómu prjisló málo, [é kazála m], ta prjśow zakón takój šo ne slóbúdnó wbívátí. A totó wže ubít'í bóli. OAI | Tót prósit róbótu, aš n'í, [bo] ubjé yo. Tó men'í robótow daváj, aš n'í, bo.. ubjúj t'a. A tót uže ne znáw ščo robítí, ta dáw mu čórnú vównu obó žmókáw, ščobó bóla bíla. [о высиженном черте] BLЦ | A vün káze – tvjúj Stéfán umér, tvóyo Stéfana, káze, ubíli. No ubíli yo po wošípč'i, mené, káze, máli ubítí. Tód d'ido men'í s'ák káze – mené, káze, máli ubítí, a ubíli joyó, tó po ošípč'i joyó ubíli. AЦ | No ta.. robíli, púšlí w l'is ta dèrevo joyó ubílo. BIL, AAG | U nás tak ubílo u yľubóküm dèrevo, dvác'c'ít' odén rúk, líš trí mís'ac'a jak iz ármji újśow. Xlópec', tá líš jedén u mátterí bów. MMA | U Koločavi bóli, oní tám.. Tám dvóx ubíli bóli síx, nó, ščo robíli tówm.. no ják.. BIL, AAG | A wní na mašínu pokládí čotow'ox l'udí ta úwezli túj na Tówcku dē škola. Ta tám ubíli, [...] Tá totó tak, ta ubíli tám. OAI | ...S'lístvo kájut, ščo kolf dáščo tkós' izrobíw, ta ščós', ci wkráv ci ščós' izrobíw, nq taj, ci ubíw dákojo, tto takóje. BIL | Ci tkós' ukráv, ci ubíw, toyo najšlí. Najšlí, oní stróyi bóli. BIL, AAG | T'ayá – nó napríkat tá(g) yí w mène sóna ubíli. AЦ | Nó pak u mène vórox síš' ščo vúd n'a sóna ubíw, totó men'í pērśaj vórox. AЦ | Taj Bóyu d'ákovatí, rósli [сыновья] é dók ne napáli zlí duší dále na [...] ta ne ubíli jednýo. AЦ | Ne znátí, ci [príxodít].. náš Stéfán, tám de joyó ubíli. AЦ | Čópij [кличка собаки], 1 w náz bow Čópij odén, ta ubíla yo mašina. AЦ | Nó pak.. jag bím já ubíla lās-*

c'u, sēs'á ščo primadležít do nás. Nó ta drúyi jakós' ták yī.. yī zastaváti za n'u jdút, ta ták ná.. budút ščo dokučáti, ščo ne mós' s'a perez nímí dále.. ne móž bw s'a obw-ynáti, ta jix nitkó ne bjé. AЦ | (Rápšic) Išw krásti ólen'a ubítí. ЕПК | Ta ták kopačóm čím ubítí yo [хорька], vat' ustr'íliti, bo tó.. pojílo bw rúkō. BЦ | Ta móže na mené ták s'a [izopastíw], bo ubíw vúd n'a kotá bow. Takój bow u n'a kút, [...] takój yī zájac'. OAI | A yadišče išw is tóyo, spút [strón'i]. No i yribw. A vún uxopíw [...]. Ta ubíw. A dúžē n' starój yójkaw na n'oyo – obw ne bíw, [...] a tót ne slúxaw! Rumón prók'átow bow. Ta ubíw tóyo yadá, a drúyow dēn' koróva zdóxla. BЦ | Ta vúttw takój wozorēc' malój sobi líst, ta tudó s'a dívít, ta vartúje lisíc'u wbíti. AЦ | Ubíw yo.. pójizd yo wbíw, vat' mašína wbíla, awtóbús yo wbíw. Vad' díví n'i jdí, obw t'a ne wbíw. N'i jdí, obw t'a mašína n'i wbíla, vat' pójizt obw t'a n'i wbíw. BБЦ | Jednóm ústr'ilom bís' xót'iw ubítí dvóx zájč'ü. BБЦ | Na mís'č'i yo ubítí, kaže. Vat' ubíw yo na mís'č'i. BБЦ || 4. 'попасть в (о молнии); убить (о молнии)': Já ne znáju líš tótó ne.. ne w nás stojít, totó jak dēs' yríum ubjé, ta znájud za n'oyo, šo yríum ubíw [дерево], ták onó i stojít, tak.. upáde i dók ne poynije. Ne.. ne pól'zujut. AЦ | [Почему нельзя метать стог на праздник Pal'í? – Bo yríum ubjé. Jó, kážut kopíc'u yríum ubjé. – [А можно ли возить домой сено? – Taj dómü ne vezúd, bo boját s'a šo i dóma ubjé. – [Случится ли пожар? – Nó! Pak jag yríum ubjé, ta zyorít. – [Чем гасят пожар, возникший от молнии? – A ja znáju, pag yríum kolí ubjé na póli, ta ne yas'at ničím, líš podíw'at, bo totó n'ikolí, bo na póli napriklat ónde na Kóčēr'i ubíw yríum, ta dók vúts'í dobžíš, a čím zayasiš, totó zyoríd dog dájdeš. Ničím i ne yas'at. – [А если загорится дом? – A ónde ubílo bólo xóžu na Tówcč'i ta dēs' kazáli šo yasíli molokóm. AЦ | Ta ták, jag yríum ubjé, ta ničím ne móžut zayasíti, ták i zyorít, ščo yríum ubíw. AЦ | [Считается ли человек, убитый молнией, грешником или праведником? – Já ne znáju, ják s'a ščítáje, líš je ták, šo ubjé yo ta jakóz' yó.. jakós' ták ubjé šo zakópl'ut, ta z dákotroyo zeml'a pout'íyat, ta ovún išče dále žije, a dákotroyo zakópl'ut, taj nič ne pomóže, ws'o rownó umré. AЦ | A.. ščo yríum ubjé, totó púp.. slúžít opróvút, taj na kládbišče kladút ták jak obwóčno mértvoyo, vún ne vínovátoj. AЦ | [...] púd dērevom biste šíd'ili, ta w nás s'a xřēs'č'at, jag yremít ta bliskat ta xřēs'č'at s'a, bo kážut šo toydó yríum ne wbjé. AЦ | U dēvėi je mayn'it, i unnú wosóko je i wnó prit'ayne. Prit'íyat. I tám móže yríum ubítí. BЦ | Túj ónde rás ubílo bólo ligin'a, ladíw s'a ženítí s'a. Fájnoj ligin', iz armiji prijšow. Ta máw ití w ned'il'u svátati, ta w subótu yo yríum ubíw. Užé i kós'č'um sobi kupíw bow svád'ebnoj, ws'ó sobi kupíw bow ubran'a svád'ebnoj, ta wbjé yo yríum – no pak totó jakós' us'ó seló škodoválo ta žalovalo. AЦ || 5. 'побить, нанести ущерб (о граде и буре)': Pak zvón'at ták l'ude toydó, zvón'at obw us'í.. obw.. vúdvertájut vút selá, obw ne wbjéw [град] siwbí. AЦ | A jak užé wíd'a.. jak užé prijde w seló, ta wže ták pripre, šo líš na tím mis'č'i yrád bjé, bjé, bjé, bjé, vún užé dále ne jdé, a w ódnúm mis'č'i, tak pak kážut – nó, priprér yrát ta tám u.. na Tówcč'i ci.. ci óntudó, w Nėgrüwc'i, ta kážut ubílo, bo priperli zvónami i jednómu mis'č'i. [град останавливает колокольным звоном] AЦ | Ta biziwno totó ji zbudílo, ta ne rozumila s'a kudó ití, ta pišlá dēs' tudó w kórcüw'la.. u takóje yustóje, w xamníča zajišlá, ta tám zaspála.. tám za.. [zac'ipla], z'z'ablá, búr'a [jak ji] ubíla [líš], á ja znáju, líš umélla. Ta najšił ón' čeres píuw yóda. AЦ | Yrát ubíw. Jój, jág yrát, káe, ubíw, ws'a r'ípa upála. Ws'ó, káe, ták ubíw yrát, káe, ws'ó upálo. Ležít, yrát ubíw, kaže, jój, ják učora wbjéw yrát. BБЦ | Búr'a ubíla. Je-jé, ták, kánt, učora búr'a ubíla ws'ó. Búr'a, prijšow došč takój z vítrom, búr'a ubíla, kaže. Ták ubíla ws'ó yét, [...] kapústu, kaže, pobílo i.. I sát, vat' šós' takóje, tám móže po.. powredíti. Búr'a ubíla. – [Это как град? – Jó, yrát takój prijšow, búrišče taká. Búr'a ubíla, kaže, učora tág búr'a ubíla, kaže, ščo. Je-jé. BБЦ | Jor'í dožž'í, kaže, w Pól'an'iy búr'a ubíla, kaže, bo díví jaká pówvin' íde. Búr'a ubíla, búr'a ubíla ci zbíla, búr'a ubíla, taká, kaže, u Pól'an'iy, bo díví, káe, jaká kalamútna, kálamut'

jaká ploné, káže, zyórw. Izbila, ubila, izbila.. nq wže tám xot' jak. BBL | *Búr'a bóla ubila l'útüs' u l'it'i. Toyó l'ita. Ta mnóyo bólo tudó primulilo* [нанесла река]. AЦ → *bíti*; ср. *(n)zbíti* || 6. в устойчивых выражениях (проклятия) с субъектом *xrest, yromová strílá, guta* и т. п. (ср. *póbíti, rozbíti*): *Xrézd bw yo wbiw. OAI | Xrézd bw yo zolotój wbiw. Xrézd bw t'a zolotój póbíw, ci wbiw. Tóže lájka taká. BBL | Neštás' c'a bw t'a póbilo, abo plíta bw t'a ubila. BBL | Yromová bw t'a strílá ubila. МИК | Gúta bw yo ubila, totó t'ipa yi láje, gúta bw yo ubila, káže. No tó prósto taká lexka.. Lexka taká lájka, gúta bw yo ubila. "Gúta bw yo ubila, káže, gúta bw t'a ubila". BBL | I lájut, kážut – jój, gúta bw t'a ubila, jak ščós' ne poslúxat. D'itvák ščós' ne poslúxat, ta náskoro – jój, gúta bw t'a ubila. AЦ | Bila bil'avíno, ubila bw t'a gúta, / tó kazála, ščo iz méne ne búde regrúta* [коломыйка]. AЦ

♦ I. ~ *w yólqw* 'вбить в голову': *Ubiw sob' i w yólqw, káže. Nq sobí ubiw w yólqw ščo bdé umeráti, taj.. ta totó njág yo ne lišat, káže. BBL* ♦ II. ~ *pečát'* 'поставить печать': *Idú na sil'rádu, bo tréba mī pečát' udáríti. Tréba mī pečát' ubíti. BBL* ♦ *šnur* ~ → *bíti šnur*: *Šnúr bíti, ubili šnúr. AЦ | Šnúr ubíti – kolí déreo naprímer p'ílš [русьмиз], vad' dōšku pobokováti. Ta šnúr tréba udáríti. BBL* ♦ *áž bis' n'a ubiw* 'хоту убей': *Áž bis' n'a wbiw, ta ni opowím ti. Nq, šóz' z'vidat.. [секрет какой-то], ta "Ta áž bis' n'a ubiw, ta ni opowím". BBL* ♦ *ubila gúta* 'хватил удар': *Totó gúta, káyut, ščo tá ščo oqs'ák budé.. u nás.. a w nás tepér' káyut, ščo na šerce umér, a toydó kazáli, jak s'ák umér, najšlí mértvoyu u xóžt, kážud, gúta yo ubila. A totó totó móže tág yi tepér', ščo.. ta pristub bów ta tak ovún umér, a toydó kazáli gúta yo ubila. BГГ | Parálič – pak ščo paral'izúje. Parál'ic. Abq dawnó totó ne kazáli parálič, kazáli šq ubila yo gúta. A totó wže tepér'ko totó wže wš'omú imn'a znájut. AЦ | Tepér' kážut.. spara-lizoválo yo, pak á i dawnó takóje bólo, ta kážut – ubila yo gúta. Vat'.. viter ubiw. Totó takóje yi dawnó kazáli – viter ji ubiw. AЦ | E Xristínu našu skvoz'n'ák boww ubiw, kój mal'ovála.. Pak taj l'íkar' kazáw šo skvoz'n'ák, kój mal'ovála vworó na nqviij xóži, ta skvoz'n'ák ji boww ubiw, ta dústála bóla vospálen' n'a mōsku. AЦ | Ubi-la yo gúta, dawnó kazáli. – [А что такое зума?] – Gúta. No pak.. Pak za sesé šq yi tepér' kážut skvoz'n'ák, a tó dawnó kazáli šq gúta. AЦ*

~ *s'a pass.*: (II.1) 'утрамбоваться, утоптаться': *Ubila s'a doróya užé, káže. Tá-ká bowla nevážna, tepér' s'a užé máj ubila. BBL* || (II.3) *Vat' królikw dóma ubili, bo królikw s'a bjút. Kolí s'a r'íže, ta meži víuxa s'a ubje, a tođ'i wže znízu is.. krqw s'a liš ispuskáje. BBL* || *med.*: 1. 'удариться, ушибиться' (II.2): *Nq, obw ne upáw, ta ne ubiw s'a. AЦ | Ubíti s'a – móžeš, káže, upásti ta ubíti s'a. Šq wdáríti s'a. BBL | Káže, ták-im upála ta ták-im s'a ubila, šo níč-im s'a ne rozumila, a dále-m s'a pročun'ála taj púšlá-m. AЦ* || 2. 'убиться, разбиться' (II.3): *Náša ml'ic'ija níč ne róbít. Oní ne jdút.. I ni jdút dēs'.. [...] Zakličut, podíwlat, púdút. Jím do toyo níč, jím yroši zádar' bráti. A náj s'a ubjut, naj cín'at ščo xot'at.. [архангелское напрефиксальное ударение? – ср. póbíti 'убить'] BГГ | Námert' s'a wbiw vat' rozbiw [на мотоцикле]; Na motórc'i s'a káže, ubiw 'разбился на мотоцикле' BBL || *Sám s'a wbiw* 'покончил с собой' BBL*

ubíti, 3 sg. *ubje* (*vy-) 1. 'выбить, выколотить (очистить выбиванием)': *Pis'-l'a mukó, pis'l'a jakóyos' káe tréba ubíti mix, ubíti, qđ'ijálo ubíti, šos' takóje.. BBL* || 2. 'выбить (наружу)': *Ubíti yvúst iz jakójiz' dōškw, káže, tréba ubíti. Obrátno. Ne zabíti, a tréba ubíti z obrátnoji storonó. Klín "ubíti. Zabíti, "ubíti, wbíti vat'.. Vat' ubíti yo vútto. BBL* || 3. 'выбить (яму; надпись, рисунок)': *Jámu ubíti, mašínw ubíti [на дороге]. BBL | Ubíti tréba nómer tam jakójs', cífru svóju... Tréba ubíti tám kernóm, káže. BBL* || 4. 'перебить всех (переубивать)': [Во время войны] *ubili, káže, wš'wx ubili. Wš'wx ubili, káže, užé tám nítkó s'a ni oštáw. – [А дичь, например?]* – *Ubili wš'wx kabaní, túl'ko bólo [...] ta wš'ó ubili, káže. Ústr'il'ali, t'ipa, ubili, káže. BBL | Odnóyo ubíti, wš'wx ubili. Kurí mós ubiti, naprímer, sus'ítka, jakís' kúri tam*

jūj nadodjādajut. Ta káe, úbjū íx us'óx na Mártju bóžu, bo ták mī nadodjīlī, šo úbjū íx. BBLI || 5. 'выметать, выступить на теле (о сыпи и т. п.): *Aj lúp išče móže bóti jag díš' na kómus' úbje tak strupl'a yústō-yústō-yústō, tak káe – nō ták jak u líbi.* AI || – ср. *obbīti* || о грыже: *Kóla? Jō, ta yē úbje iz nēyo dēs' na kēl'us'í.. takóje.. prūrūwaw s'a, ta pūt kōžow wítko šo prūrūwaw s'a, taká vorčīna s'a wčīnit.* Ta káže – bezūūwono ukólawiiv. AI || 6. 'выжать (на масло): *Pōsōn' ačnik trēba úbīti na olūj.* BBLI ◊ ~ *s'a w l'údi* 'выбиться в люди': *Úbīw s'a w l'údi, xodīw takój, [ta jakōs' w'l'is,] ta užē s'a úbīw w l'údi.* BBLI

vūdbīti, 3 sg. *vūdōbje* 1. 'отбить (что-л. от чего-л.): *Plūt vūdbīti* [от столба]: *vezemē s'ino, trēba plūt vūdbīti, bō ne w'l'ize, trēba bō vūdbīti plūt, bō obōw zājslā mašīna, cī kōn'í, cī ščo tam užē.* BBLI | *Vat' vūdbīti kōmak, kruly'ák tám, kolí kún' t'ánye, to tám pribivājut takōw klīnom, káe, trēba zabīti jo. Klīn zabīti, a dále káe – trēba vūdbīti kōmaká, bō jdē za drūyōw kún' užē.* BBLI || 2. 'отбить (при битье, напр. почки): *vūdbīti pōčkw* BBLI || 3. 'отбить (в игре): *Vūdbīti, vorotār' vūdōbje, káže. Vūdbīw vorotār'.* BBLI

~ *s'a med.* 1. 'отбиться (от сообщества): *Vūc'a s'a vūdbīla vūt stáda. Vūc'a vūdbīla s'a, káže, cī kōzā tam, vūt stáda s'a vūdbīla. – A dē s'a d'ila? – A tá vūdbīla s'a dēs, káže.* BBLI || 2. 'отбиться (в драке): *Trēba bō s'a vūdbīti – id'im s'a bīti, abo.. obōw jak náčnud bīti, trēba bō s'a í nám vūdbīti.* BBLI || 'отбиться (в карточной игре): *Bīto, vūdbīw s'a, káže, pobīw* [при игре "в дурака"]. BBLI || 3. об эхе: *Tótó kážut vūdbīw s'a zvūg dēs' wūtkwōs', čūtí bólo. Vūdbīw s'a zvūk, kazálí sámō búl'se star'í s'ák kazálí.* AI || → *vūdbivāti s'a*

zabīti, 3 sg. *zábje* 1. 'забить (в дерево, в землю): *Kážud bápka, nō. Bápka. Ttó takóje, takóje údowbovānoje, dēwēl'ānoje, a tám takóje bápka w n'ū [zátkneno, da] kōsu klēpl'ut. [...]* *Za tōtū, ščo zábjut u dēwēl'ānoje, totó takóje. Taká, žl'ízo takóje.* МИК | *Nō a užē dále jag bóli skobōw, ta bō.. ta trōsamī pozbivājut, u káž.. zábjut skobū ta trōs prijmūt, ta wže totó maj mūcno bólo* [бревна при лесосплавe]. AI | *Nō, ta pāl'a totó líš pāl'a takóje, ščo kōrōvu jazálí na pólí í na pāl'u. A totó ščo jē zábīto takóje próstoje, abò totó kúl.* ОАИ | *Tótó nīs'ká pāl'a, taká w zēml'u zabīta.* ОАИ | *Klīn wbīti, vad' zabīti, uwbīti.. No zabīti, wbīti, to wšō rōwnō. Ják s'a užē úslovit.* BBLI – ср. *wbīti* || 2. 'забить, заколотить, закрыть': *Trēba mī zāwtra zabīti, káe, dōskamī frontōn.* BBLI || 3. 'забить, заполнить': *Sesē zabīto wže tám kamīn'om, a ver tōyo pak pūšlō.. krājner poklásti, a dále opjāt inšlosō, tepēr' kladē s'a švērpūt* [об устройстве дамбы]. BI || 4. 'утрамбовать (землю, о дождях): *Taká zabīta zēml'a dōžžamī, ta káe – dōžž'í zabīti, ták t'áško kopāti* [окучивать картошку]. *Zabīti, káe, dōžž'í yēd zabīti zēml'u, zabīta zēml'a.* BBLI – ср. *wbīti* || 5. 'посадить (картофель, фасоль и под.): *R'ipu, cī jakūs'.. fasul'í, cī ščo, zabīti nas'in'a. Zabīti trēa w zēml'u káže fasul'í cī ščōs' takóje. Tó star'í budūt kazāti.* BBLI ◊ ~ *sōbī yōlōwu (yōlōw)* 'забить себе голову (чем): *Yōlōwu sōbī zabīw – jō, kážut. Zabīw sōbī yōlōw jakōwz' durnīc'ow, káže. Šōs' sōbī nabráw w yōlōw, zabīw, káe, yōlōw sōbī durnīc'ow jakōwz'.* BBLI

~ *s'a pass.*: (1) *Ā cī znájete šō to šparnák? Tó takój welikōj yūist ščo jē yrūbwōj takój dēs' ščōs'.. U búka s'a zabīvat t'aynūtí cī dēs' s'a w s'c'inū zábje ta dōška s'a na n'ōyo kladē tak u kl'ití.* AI || (3) *Dále do tōyo kladēs'.. s'ák totó dērevo, tō s'a zábje, tám, kamīn'om.* BI || *med.* 'забраться': *Mōwa s'a zabīla u bl'údo – kác vōn, dē-s' s'a zabīla?* BBLI | *Zabīw s'a* [куда-то], *jag d'itvák.* BBLI

<**bivāti**, prs. *bivāju, bīvat*> vb. dur. → *bīti*

dobivāti → *dobīti* 'добивать (кого)': *Ne trēba jo dobivāti, móže budē šče žiti.* BBLI

~ s'a med. 'добиваться': *Dobívat s'a* za tót stówp. Za tót stówb, obó jüj pomin'álí, ne móže s'a níjág dobíti za tót stówp, obó jüj pomin'álí. BBLЦ | *Dobívat s'a* na náálíníkw, káže, *dobívat s'a*. *Dobívat s'a*, ščo xóť'iw bō státi... prids'idáti'l'om, *dobívat s'a*, káe. BBLЦ

(t)z**híváti** → (t)z**bítí** 1. 'сбивать, сколачивать': *A wže ják šes'í rús'ki bóli, pr-íjšli, ta bóli trósō, ta daváli takí skóbō žel'iz'n'í, taj trósō, ta ták šō z**híváti**, tómw užé maj dóbre bólo z**híváti** [плоты]. AЦ | *Dérepo z**hívájut**, jak stáj'n'u kladút, čópom; jak kúrtoje, ta dvi ssíl'ájut ta čópati z**hívájut**. AЦ | S'ák.. z**hívájut** ogoróžu. Ta kážut "lac'kámí-m poyorodíla". MBC | Kóli tésud dérepo l'úde majstrō, kóli na xátu strójat, ščōs' takóje, tésut, tó ták z**hívájut** obó ní x.. ní k.. ní kóvalō s'a. ABM || 2. 'сбивать (масло)': *Máslo z**híváti** w butíl'c'i. Iz moloká. Prósto, kolótis, kolótis – izbítí, káe, má-slo. BBLЦ || 3. 'валять (шерсть)': Robíli sukná. Pr'álí vównu, ta rob.. tkáli suknó, líš totó šce tréba bólo néstí u stúpw. Ta jakós' z**híváti**, ta wnó s'a čnίlo takóje.. [p'ów-noje].. AЦ || 4. 'сбивать (цену)': [...] ta toydō z**híváš** c'inú, ta maj málo za n'óyo [ко-на] dajés, bo najslá-s' gánč na n'ómu. AЦ | ~ (s'a) s **tólku** (заимст.) 'сбивать(ся) с толку': *Ta ne z**híváj** n'a, káže, s tólku. É, já s'a wže i s tólku z**híw**. BBLЦ****

n**abíváti** → n**abíti** 1. 'насаживать (на рукоятку)': *Déržano – totó takóje šō na-bíváti na vílw, vat' na lopátu.. AЦ | w mótōc'í je "úxo [...] onó.. ták tám malóje de.. totó toporíšce, ták mō kážeme, n**abívájeme** ta ták..kóje tō wíxo, toporíšce totó takóje, ta ttó úxo. BWM | Tót fájno n**abívat**, káže. Tót fájno nábje, káže, nesí do n'óyo, tót nábje fájno. BBLЦ || 2. 'набивать (внутрь чего-л.)': *Kowbaskō sūt. Tépér' kážut kowbasá, a dawnō kazáli kowbaskō. Kowbáska. – [Из чего?] – Iz mn'ása. – [А как?] – Pak ták, n**abíváti** u kōškō, rukámí, rúčno robíli. Záraz vām ukážu. U mène je kowbáska, ja vām deržu. OAI | Tówk totó dawnō bólo takóje, kóli kapústō mnóyo príkládovalí, ta ták n**abíváti** tréba bólo šō obw mnóyo s'a w bóčku vejšlō [...] AЦ | tō.. sokóra, znážete, sokóra, ta l'úde n**abívájut** totó ta s'ák rubájut tómw, sokórow.. Toporíšce s'a klíče. BWM || 3. ~ **šum** 'взбивать пену': *No ták mō skotárili dawnō, korówō pásli, ta šum sme n**abíváti** spic'íal'no, butílkow tr'asés, obó šum, šum nabíw. BBLЦ | ~ **yúsku** 'откармливать гуся, насильно запихивая в горло зерна кукурузы, перед тем как его резать': [Раньше] *yusí n**abíváti**. Tréba yúsku nabíti, bo bdemé ji r'ízati. BBLЦ****

~ s'a pass. (1) *Totó s'a tak n**abívat** na stól', i gríř capína, takóje dérepo, nō pak jág bō vām pojasníti – toporíšce, cí ják vām pojasníti, tó s'a klíkalo stól'. AЦ; (2) Na-bíti póroxom patrónō. Tam wručnú n**abívájut** s'a, bo tám pórox sáple s'a, a dále pōží tak'í sukn'an'í. BBLЦ || med. 'набиваться (куда или на что, о человеке)': *Nabívat s'a* w yós'c'í 'набивается в гости' BBLЦ | *Nabíváti s'a. Tót s'a káže nabívat, na jakús' robótu. – [Как?] – Na robótu, t'ípa já [там-то] máju robíti, a tkós' s'a drúywj nabívat. Koróče püdbívat s'a püd mène, káže, tám s'a tót nabívat na robótu. [...] Püd mène, jó, káe, – nó, tót s'a püdbívat na tú robótu, ščo tō máw robíti. Nabívat s'a, káže. BBLЦ**

na**nabíváti** → n**abíváti** 'понабить (внутрь чего-л.)': [...] *pōrōs'á zar'ízut. Nō ta rubíli takí [yurcō] narabl'áli. Takój na**nabíváti**.. kōškō. Nō ta s krowl'āṅkō, káyut, is krowl'āṅkō totó kōškō nabíli. MBC*

ob**bíváti** → ob**bíti** 'обивать': *Ta totó takóje ščo dawnō kóli robíli vūs, ta bólo kóleso derewl'ānoje, ta ottakóje šō ob**bíváti** kóleso takómw žel'izom, kováli yo, ta totó kazáli ráf. AЦ | Káže, wóžu mī tréba ob**bíváti** plás'c'ikom cí vayōṅkōw. BBLЦ || 'об-шивать (дом)': *Napriklad doščōk nar'ízut, šēs' Xristínin ob**bíváw**, malój šēs', iz vüč'-č'om ob**bíváti** wóžu. AЦ**

pe**rebíváti** → pe**rebíti** 'перебивать (в разговоре)': *A, a tót pe**rebívat**, káže, ta káže – ta šō n'a pe**rebívaš**? [...] Ta ne pe**rebívaš**, káže. Ne pe**rebívaš**, káže, náj ja svéje doyoṗór'u, a tō wže šō n'a pe**rebívaš**. BBLЦ*

pobiváti → *pobítí* ‘покрывать, побивать крышу (дранкой)’: *Nò tak nakoloto, xóžu pobivájut kolí šiferu ne bólo dawnó. Taj pobivájut, stájñ'u, oború rǒbl'at na s'ino. To dranic'i, z dranic'.* АЦ | *Začínájut xóžu pobiváti.* ОАИ | *Onó.. odnóyo típa, nó lišen' lac'kó toťó je oyoroža dǒwkola xóži, a dranic'i toťó pobivájut krašu w nás.* МБС | *Šariti dranic'i, jak xóžu pobivájut l'úde, ta zašariti.. ayá, jó-jó, sesé-sesé. Zašariti dranic'i. Kolí x(óža).. pobivat s'a. [...]* Sokórw. *Taków.. malén'ka sokóra šo pobiváti* ntw, ta tótm.. sokor'átkom takótm, malóje sokor'átko takóje, tótm sokor'átkom zašariti. АЦ | *Teper'kw jak pobivájut xóžu pút šifer, ta.. ta tak kladút dǒwy'i taki dranic'i, a dále liš jedná.. vóšñoj šórik idé, ta liš malén'ko perekróvat, a tám újedno je, a dawnó pobiváli ta údvoje ta tak šo išli dranic'i.* АЦ | *Yrēbin' je na xóži, toťó znájeťe de tak: jak pobivájut dranic'amí, [...]* ta z jednóyo bóku s'ák jak prichódid dranic'a, a z drúgoyo idé malén'ko čut'-čut' māj vósoko, tak pját' čentü, kaže s'a. АЦ | *Na daxóvi – bólo, bólo, je, de.. riš, kájut, krutiti. Jak dranic'amí pobiváli xóžu, ta tak na túm..* АЦ → *pobítí*

~ s'a *pass.*: *Xóžu lat'at jak s'a rǒbit ta.. izdǒmn'ut küzló, ta pag dále ye látw pribivájut, obó s'a pobivála.* АЦ | *Je, xóža pobivat s'a. Pobúj.* ОАИ

Примечание: судя по значению, возможно возведение синебирского глагола к ПС **po=*o=bivati.

poperebiváti → *perebiváti* ‘порабивать, раздробить’: *Na nívi yrud'a jak s'a zóre [...]* ta takóje yrud'a ščo.. *tág bw s'a narobiti, dok r'ipu posadiš.. ráz dok toťó poperekópovati, poperebiváti, ta on' toydó pag dále jamčiti ta saditi.* АЦ

popribiváti → *pribiváti* ‘поприбивать (гвоздями)’: *N'e [nɪ] kólesa aj takiji.. tak naroblēn'i takiji s'ák kopači, i s'ák popribivano, tak obó qws'ag deržalo i pag dále túj dǒwkola toyo s'ák s'a toťó krúti i s'ák s'a snuje, s'ák stojite, ta s'ák tótm wse máxajete, i tak nítku deržite, i tak toťó idé.* БГГ | *Ták vorínw pribíti, a do vorín toťó popribivano, toťó roštji.* АЦ

porozbiváti → *rozbiváti* **1.** ‘раздробить, размельчить’: *Po mǒruyóvi yñoju namčut, porozbivájut tá.. yñojiti, obó travá velika.* АЦ | *[...]* *kazála bwñ ščo ponesi yñoju tudó ta porozbiváj, bo tréba poynoiti, obó travá māj fajna.* АЦ || **2.** ‘разбить, расшибить’: *Ta i já z nim isla u noči, ta upáw.. viid n'a [w] toť pótük, ta pobiw s'a, ta takój bwñ dále ráno pobitoj, porozbiváw bwñ yólow, yet [...]* АЦ

powbiváti → *ubiváti* **1.** (*u-) ‘поубивать’: *No mnóyo j vǒkladaciú powbiváli.* ВИГ, ААГ | *Kúl'ko ws'ó, kúl'ko l'udi powbiváli, zádar'!* ОАИ || **II.** (*vy-) **1.** ‘повыбивать (ямы на дороге)’: *Nò, a kǒj dēs' jak tkós' i powbivat jámw, traktórw vat' ščo, ta kážut: powbiváli na dǒrǒz' i jámw, dēs' tak.* ЕПК || **2.** ‘повыбивать, повытряхивать’: *A.. toťó zázubl'a tože powbivájut, powutr'ásujut pa.. vút paz'd'ir'a.* АЦ || **3.** ‘повыметать, выступить на тес’: *Kolí yor'ácka, ta piis'l'a yor'áckw takóje powbivat.. taki golǒmboši, taká, a dátko káye flekw. Pak takóje čerlenoje, ne tó čerlenoje, ne tó sínoje.* АЦ – ср. *obbíti* **4**

pozabivati → *zabiváti*: (*Fogás*) – *Pak tak pribíta wtaká dóska na s'c'in'i, a na n'új popribivano tak šo víšati dáščo. Cí napriklat i yvúš'd'a pozabivano, a dágde toťó, takóje zrobléno fajnoje.* АЦ

pozbiváti → *zbiváti* **1.** ‘посбивать, поскреплять’: *Totó bów svérdel takój, ta toťó pǒvēr't'at, ta tak, a dále.. [...]* *užé pri rús'kwx teper' toťó bólo māj tak, māj prǒsto, bo bóli skobó žel'iz'n'i, ta pozbivájut skobámi, ta.. ta trós.* [бревна при лесосплаве] АЦ | *Nò a užé dále pag bóli skobó, ta bw.. ta trósmi pozbivájut, u káž.. zábjut skobú ta trós prjímút, ta wže toťó māj múcno bólo.* [бревна при лесосплаве] АЦ | *Pozbiváti – plotáw mi tréba zbiti. Izbiti, pozbiváti.* [fut.] *búdu zbiváti vat' pozbivaju.* БВЦ || **2.** ‘сва-

лять, спутать': *Ė ták s'a volòs'a pozbiválo jak.. jag bw yo yostéc' pozbiváw. Ták s'a zbílo volòs'a yí bw yo yostéc' pozbiváw.* – [Что такое гостец? – No, pak á ja znáju, pak s'ák star'i kazáli. АЦ | *Šče kòpči na noyáx, tág yí bw žílo pozbiválo.* АЦ руч. зап.

~ **s'a med.** 'спутаться, сваляться': [...] *ne česála? Pak pozbiválo s'a. Pozbiválo s'a. Ė ták s'a volòs'a pozbiválo jak.. jag bw yo yostéc' pozbiváw.* АЦ

pribiváti → **príbíti** 1. 'прибивать (гвоздями)': *To kážda draníc'a, káždu čolowik jak pribje ta káždu sobi zašarít, tákoj tám sám, kolí ju pribívat.* АЦ | *Nó, lác'ka, pèrše-s' iz vídala za lác'ku, lác'ku pribívájut na látú.* MBC | *Xóžu lat'át jak s'a robít ta.. izdómn'ut küzló, ta pag dále yé látw pribívájut, obó s'a pobivála.* АЦ | *Kowjór jé. Nò takóje šo na s'c'ínw pribiváti, nò totó na s'c'ín'í.* АЦ | *Dawnó ne pribiváli níгда šýya. Bída víd'ila kowjór tòt.* АЦ | *Ta totó čolínec' ròbl'at tel'áti. (Vat' iz) jízaká kóžu dës' izdoxlów pribívájut ta toták pri.. primudrújut, ta kájut – izrobíli mu čolínec', ta wže ne ssé, bo ne dáje koróva.* АЦ | *Ják kon'á kujút ta pútkóvu pribívájut, ta na n'úm takíji ròbl'at šrowfó.* АЦ | [...] *(l)gin'óvi kladút u nás kurayów, malén'ku ròbl'at na totó. Dákómu kladút u trínu, a dákómu pribívájut na xrést.* АЦ | *Totág zapribívájut u zémli'u, jag znájut, šo ovún bosorkún, ci wná bosorkán'a, ta jak umré, ta kolí wže pribívájut u trún'í, ta číp is trepétw útešut ta zad'ijut u zúbw.* АЦ | [...] *kolí tkáti, ta bérdo s'a robít is trostí, totó ščo pribívat.. nò ne znáju jak tí pojašniti, – bérdo takóje jé, ta totó trús'c', odná trús'c', a ws'ó trostí.* АЦ || 2. в ткачестве: *Perebírás noyámi, obó tí s'a wsé.. ták robílo. Ta.. ta tčés užé. Tówm pribívaš, nítkow wsé pribívaš, ta ták s'a tčé, ta polúčít s'a polotnó.* АЦ

~ **s'a pass.**: (1) *Totó šo ták s'a kladé ták, a na n'oyo s'a doškó pribívájut, a mao káyeme ttó kútvic'í. [...] Kútvic'í s'a pribívájut.* БГТ | *Totó, totó ščo s'a na [n'í] pribívat totó kútvic'í, a doškó – doškó kážeme.* БГТ | *A stówp iščé móže bóti ontotó, jag yorodíti.. tág jak pèrše sme kazáli roštij, ontotó, plút, ta totó ščo zabiváti, to ščo s'a do n'oyo roštij pribívat, totó stówp.* АЦ | *Pút krósna ontám s'a pribivála.. lác'ka.* АЦ | *A totó yvózdami s'a pribiválo do s'c'ínw, z jednóyo boku taj iz drúgoyo.* АЦ

probiváti → **probíti** 'прокалывать, протыкать': *Robít šúster bokónči, i sapoyó, ci štó, vún tám šije, probívat.* ОБЦ | *Sámo búl'se w nás probívájut úxa kolí sadó čvitit. No abo.. tkó dës' toydó zabúde, ne wstíyne.. ščós'.. ta probívájut i potómu dále. [...] A samóje n'et, bo samóje ne znáje, aj tkós'.. no, takój.. komú šče i prívúдно fájno probíti, taj skóro, taj ne bojís' s'a – móže tó bis' men'í probivála, a já bím i zal'aščála, a tóbi bw totó wže neprijémno, a móže oná bw probíla, úderžala bw totó. [...] A tepér'.. a tepér' máj búl's idút u bólnic'u, ta médikw probívájut, u níx jé taká i nítká ščo.. médična totá.* АЦ

~ **s'a med.** 1. 'пропорываться (о нарыве)': *Nó, ta tó oní takóje berút povísimo ta tám.. tám šče i šépčud babó, ta [za]pripál'ujut totó, i tót narów dále zt.. probívat s'a ta tám.. nó, narów, yníj takój prósto.* MBC || 2. 'пробиваться (насквозь), проступать': *Probíváje s'a sónce.* Х руч. зап. | *S'vítlo s'a probívat iz ontóji, káe, xóži. Diví, tám, káe, d'írka – bo tám s'vítlo yorít, a tút ne yorít, temnotá. Káže, diví, dé s'a ónde probívat?... БВЦ | Vat' vodá s'a probívat, d'íti stáw.. nó, yat'át, káže.. yat'ád-yat'át, káe – diví skóro, bo ónde s'a probívat [вода]. БВЦ | Vat' kolí bil'át [побелкой другого цвета] – káže, nás-im pob'ilíla, ta probívat s'a tót.. šo bów [цвет]. A šče raz búdu, bo probívat s'a, káže. Ta n'í takóje, n'í sakóje, ta šče raz, káe, bo tót s'a probívat izdól'ú.* БВЦ | *Yústa s'a užé probívájut [у молодого парня] 'пробиваются усы'.* БВЦ

püdbiváti s'a (püd + acc.) med. → **püdbíti**: [...] *já [там-то] máju robíti, a tkós' s'a drúwoj nabívat. Koróče püdbívat s'a püd méne. [...] Püd méne, jó, káe, – nó, tót s'a püdbívat na tú robótu, ščo tó máw robíti.* БВЦ

rozbrívati → **rozbíti** 1. 'разбивать, раздроблять' (см. ~ *s'a*) || 2. 'разбивать, расшибать (напр. голову)': *Velíka.. velíka búr'a jde, nó, a totó yrát u túm.. to takóje, takój yrát pádaw s'oyó jódu, otakój. Ščo dé upáw, yólów rozbríváw.* ОАИ || 3. 'разбивать (обувь)': *Nó bokónči w osnownómu s'a rozbrívájut, a tápkw s'a rvút.* ВВЦ || 4. 'взламывать (о грабителе)': *Rozbíjnik je. Tó takój jakós.. (neposl'uxn'áw c'i, l'úbl'at pítt, je dēs' jakis' i mayazínw tudó rozbrívájut, ta kájut – no jaki rozbíjniki, vat'.. tak..* АЦ ~ *s'a pass.*: (1) *I ták qws'ák rukámí kolót'at s'ák u yorskú, oní s'a rozbrívájut slíw, róbit s'a ták povídlo.* АВМ

ubívati → **ubíti** I. (**vъ-*) 'вбивать': АЦ *C'iwkó robíli.. ta na totó s'a navívat.. nítkó ta tkáti, čowník, u čowník s'a kládé – BЦ Там totá seredíné, serce mó klíčeme [...]* – АЦ *Velíkoje, ta totó ubívájut.* || II. (**u-*) 1. 'убивать': *Pag zakarpáckw xót'ili, liš ni xót'ili.. tód zakón u.. ukrájn'skój, s'ičovikó bóli, totó tówx ubíváli, nó.* ВИГ, ААГ || [*čariwnic'a*] то же, что босоркня? – *Malén'ko inákše: c'a čaró róbít, obó l'ubíli s'a, a tá uže bosorkán'a, u nás kájut, potínaje l'udi, totá ubívaje l'udi. Tak tó dvi r'izn'i totó.* МАС | – *Nó pak maď'are, bo sé.. uže protíwník.. S'ičovikú ubíváli.. S'ičovikó, wkrájnč'i, oní ne xót'ili obó.. To wní jix ubíváli, nó wókladačt nášt púšli yét, vóvremn'a, izmóli s'a.. bo skazáli jím, ščo s'ák. No mnóyo i wókladačtí powbíváli.* ВИГ, ААГ | *No ábo oní jix túj ni ubíváli, oní jix liš.. zabráli.* ВИГ, ААГ | *Bw.. pútti bólo u partizánw, ubíváli maď'ar, ne dopuskáti túj ni nidočoyo, a náj bw bóli..* ВИГ, ААГ | *Bo wní bóla pri maď'ar'ix, a wná.. otéč' u néji báw maď'aróm. Daváw l'udi ubíváli! L'udi daváw ubíváli.* ОАИ | *A dále prijšli.. dēs' tomú prijšló málo, [é kazála m], ta prijšow zakón takój šo ne slóbúdnó wubíváli. A totó wže ubít'i bóli.* ОАИ → **ubíti** || 2. ≈ 'оббивать': *Róbl'at xátu [заимст.], no ta tréba mastíti ji, ta rás tú čellení-c'u mišájut, ta wubívájut, ylád'at, a potómu bíl'at.* ['Делают дом, нужно его обмазывать, и замешивают красную глину, оббивают ею, разглаживают, а потом белят.'] МАС || III. 'вымолачивать' (**vy-*): *A dále jix [конопаю] roskládut obó wúxli, ta towút s'imn'a z nix ubívájut, iz zelénw, iz bílw n'et, w bílw níje. A z zelénw s'imn'a ubívájut, ta tóže ták, jak ísxnut málo, ta nesút jix ta mócat i zelén'i.* АЦ

~ *s'a* recipr. 'убивать друг друга': *Bandérowc'i bóli. O! – [А что они делали?] – Nó, pák po yoráx tudó. U yoráx bóli, nó, zaberáli tudó ščós'.. Táj ubíváli s'a tudó. Partizánw tudó za ními lovíli jix.* ВИГ, ААГ | *Pak a "ubíváli s'a" – drúy drúya wže, no móže, ščo "ubíváli s'a" kaže. Svóji méži sobów s'a moyli wubíváli, vat' ščós'.. ščo na smért' tám ubíváli s'a. Vat' ubíváli s'a, prijšli partizánw ta ubíváli jednú ódnwx, nó, ubíváli s'a vat' ubíváli drúy drúya.* ВВЦ

vüdbívati → **vüdbíti** 1. 'отталкивать, прогонять': *Daže poroš'ata vüdbívat ódnó ódnoyo, kaže. Kolí dvóje wm'is'c'i – kaže, vüdbívad yo vüd jidó, ne daje mu jísti. Samóje skóro jís'c'a, a tó – vüdbívad yo, káe. ... Káe – é, totó maj malóje, bo tó tóyo vüdbívat, kaže.* ВВЦ || 2. 'отворачивать (воду)': [Дамба] *Obó vüdbíválo vódu, rúslo obó m'in'álo. Bo s'udá vodá jšlá püd bérax, a wní pokláli dábmb, ta obó vüdbíválo vódu u drúwój búk, kaže.* ВВЦ || 3. 'иметь оттенок, отдавать чем': *Totó takój jrip je, ta ták s'a klíče, róžok, qvún málo čut'čut' priyürkvoj, žéwtvoj tág zvér'xw takój yt.. vüdbívad yi kirpíčnwm, a [níje] na n'ím.. ón'ón' [...] i prízelénoyo malén'ko ták na lupín'i.* АЦ | *Címós' vüdbívat, ne móžu jísti [еда чем-то отдает].* ВВЦ | *Šnur ~ 'проводить черту на бревне туго натянутой окрашенной бечёвкой': Šnur, totó takóje býti dèrevo, vüdbíváti kudó tesáti tréba.* АЦ → **bíti, ubíti**

~ *s'a pass.*: (2) *C'imróvanka takóje šo.. dé vodá obó s'a vüdbívála.* АЦ || **med.** 1. 'отбиваться (от сообщества)': *Vüc'á s'a vüdbíla vüt stáda. Vat' vüdbívat' s'a kaže. Totá s'a postojánno vüdbívat. Ostaje s'a wse postojánno, vüdbívat s'a, kaže.* ВВЦ || 2. 'отражаться, давать ответ, отдаваться (о свете, звуке)': *zyár'a vüdbívat s'a id néboui*

‘зареву’ руч. зап. | *zvúk vüdbívat s’a* ‘эхо’ руч. зап. | *Vüdbívat s’a éxo, yólos s’a vüdbívat, zašíbat vat’ vüdbívat s’a, káže.* [...] *Ta káe, yólos s’a vüdbívat, vat’ zašíbat. Zašíbat s’a yólos vat’ vüdbívat s’a.* BBI | *Sónce s’a vüdbívat vüd zér’kala* BBI | *Lúč s’vítla s’a vüdbívat. Móže, móže bóti. Mís’ac s’a vüdbívat u vod’i, káže.* BBI | *Cúti bólo, šo vüdbívaú s’a zvúk, kážut.* AЦ – ср. *bíti* 7

zabiváti ‘забивать, вбивать’: *Yvíst wat’ ščo zabiváti.* X | *Ščo ttó fogás? totó takóje s’ák prbíť.. takóje, takóje derewl’anoje robíli dawnó i túj zabiváti* *takii čopw, a tám na totó víšati.. víšati takóje.* BГ | *A stówp iščé móže bóti ontotó, jag yorodíti..* [...] *plút, ta totó ščo zabiváti, to ščo s’a dō n’oyo roštij prbívat, totó stówp.* AЦ

~ **s’a pass.:** *A ci znájete šo to šparnák? Tó takój velikoj yvíst ščo je yvíbaj takój dēs’ ščōs’.. U búka s’a zabívat t’aynúti ci dēs’ s’a w s’c’ínú zábje ta dōška s’a na n’oyo kladé tak u kl’ití, ta dēs’ políc’a s’a zróbti, ta káže šparnák.* AЦ | *Bápka derewl’ána, u néji kladút žel’iscé, zabíváje s’a w zém’l’u.* X руч. зап.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

ААГ – А. А. Горват (1925)
 АВМ – А. В. Мишчанин (1937)
 АЦ – А. С. Цимбота (1940)
 АЯМ – А. Я. Микулин (1923)
 ВВЦ – В. В. Цимбота (1964)
 ВГ – В. Г. Гречин (1928)
 ВИГ – В. И. Горват (1923)
 ВИМ – В. И. Мишчанин (1928)
 ВЦ – В. С. Цимбота (1934)
 ЕПК – Е. П. Кулиш (1925)

АВС – Л. В. Сятыня (1914)
 МАС – М. А. Сятыня (1923)
 МВБ – М. В. Бучина (1931)
 МВС – М. В. Субота (1948)
 МИК – М. И. Кут (1934)
 ММД – М. М. Дебель (1925)
 ОАИ – О. А. Иванина (1924)
 ОВЦ – О. В. Цупер (1921)
 X – нет сведений об информанте

ЛИТЕРАТУРА

- Николаев 1995: Николаев С. А. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // Славяноведение, 1995, № 3.
- Николаев 2006: Николаев С. А. Заметки о вокализме закарпатского говора с Синевир // Исследования по славянской диалектологии 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 380–383.
- Толстая 2002: Толстая М. Н. Опыт составления толкового словаря говора // Исследования по славянской диалектологии 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 231–244.

К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'РОДИТЬ(СЯ)' НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ*

Выявление семантических моделей, в соответствии с которыми в русских говорах образуются лексемы со значением 'родить(ся)', представляет несомненный интерес, в частности, для этимологической практики. Знание этих моделей в ряде случаев может играть важную, а порою и главную, роль при установлении этимологической природы того или иного слова.

Естественно, что лексемы, на базе которых возникали глаголы с семантикой 'родить(ся), разродиться', могут отражать разные стадии физиологического родильного процесса, фиксируемые визуально. Как известно, последняя фаза родов характеризуется появлением и расширением родовой «щели» (цервикального (шеечного) канала), выходом (выбросом) из утробы ребенка, что ведет к освобождению («опустошению») роженицы от плода. Поэтому часто глаголы со значением 'родить(ся), разродиться' закономерно образуются от глаголов, отражающих понятие 'разъединять(ся), разделяться тем или иным способом' (*расколоться, разбиться* и т. п.). Показательно, что, по народным представлениям, легким родом может способствовать ритуал *разбивания* яйца [Полес. сб. 1983: 60], *битье* посуды способствовало плодородию, а «предупреждение и лечение бесплодия осуществлялись с помощью действий, символизирующих *разрывание, развязывание, разъединение*» («*развязывали узлы на одежде жениха и невесты, раскрывали шкафы и сундуки с приданым, разбивали на части сельскохозяйственные орудия...*») [Слав. древн. 1995: 180; 167–168].

* Работа выполнена в рамках темы «Этимологические и этнокультурные исследования лексики русского языка на славянском и индоевропейском фоне» при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Поэтому одной из наиболее распространенных семантических моделей, базирующейся именно на представлении об разъединении, разделении, которую мы отмечали еще в статье «Этимологические заметки по славянской лексике. XX» [Петлева 1997–1999: 140–141] и которая здесь несколько расширена, является следующая: ‘разъединить тем или иным способом: разбить, расколоть, разрушить, раз(об)валить; развязать’ → ‘расщелить, отделить, открыть’ → ‘родить’(→ ‘опустеть, освободиться’).

Разб́иться ‘разрешиться от бремени, родить’ (нижегор., яросл.), а также ‘неблагополучно родить’ (перм.) [СРНГ 33: 262], *баба, жена разрушилась* ниж. ‘растряслась, рассыпалась, родила, разрешилась’ [Даль² IV: 13] — ср. *разб́ить* ‘расшибить, расколотить, разломать ударом, раздробить колотя, ударив...; разломать на части ...’ [Там же].

Расколóться ‘родить’ [Перм. сл. 2: 271], ‘разродиться’ (Коми АССР) [СРНГ 34: 108], см. еще ‘окотиться’ и ‘потрескаться’ [Карел. сл. 5: 449] — ср. *расколóться* ‘разбиться, раздробиться’ (моск., р. Урал), ‘покрыться трещинами’ (твер., арханг., Бурят. АССР), ‘прорваться, лопнуть’ (свердл.) [СРНГ 34: 108], см. еще *расколíться* ‘скользя, разойтись, раздвинуться в стороны, разехаться’ [Орл. сл. 12: 86].

Растрéцить ‘разродиться’ безл. [Перм. сл. 2: 278] — ср. *растрéкаться* ‘треснуть, лопнуть, разорваться; расщелиться, дать трещину, щель’ [Даль² IV: 79], *трéщина* ‘щель, расселина, разрыв, надсадина, лопнувшее место’ [Там же: 429], см. еще так же, как и *растрéцить*, с основой на -и- (-i-) словен. гл. *trěčiti* и показательный в семантическом отношении с.-хорв. диал. гл. *otrěšiti se* (3 л. ед. ч.) ‘открыться и выставить на вид’ [Динић 1988: 109].

Разреши́ть ‘родить ребенка’ (оренб.) [СРНГ 34: 62], *разреши́ться от бремени* (*разреши́ться сыном, дочерью*) [Даль² IV: 45] — ср. *разреши́ть* ‘развязать, распутать, распустить связанное или узы; освободить (кого от чего)’ [Там же], *реши́ться* ‘разрушиться, прийти в негодность’ (арханг., КАССР, р. Урал, иркут.), ‘потерять, уничтожить’ (свердл.), ‘лишиться кого, чего-л.’ (курган.) [СРНГ 35: 86], *реши́ть* ‘разломать; разрушить, развалить’ (свердл., семипалат.), ‘разбить’ (свердл., омск., кемер., краснояр.), ‘отрезать, отрубить’ (пск., твер., Приангарье), ‘потерять, утратить’ (свердл., новосиб., кемер.) [Там же: 85], *разреши́ть* ‘прервать, прекратить’, ‘разрушить’ [Карел. сл. 5: 433], *разреши́ться* ‘открываться’ [Там же].

Ощéриться ‘освободиться от плода путем естественных родов, родить’ [Орл. сл. 8: 238; 139], см. также болг. диал. *штéре* ‘маленький теленок, буйволенок, щенок и др.’ [Бояджиев 1971: 105], т. е. собственно ‘недавно рожденный, новорожденный’ — ср. *ощéриться*¹ ‘показать, обнажить зубы, оскалиться (о животном); улыбнуться, осклабиться’ и *ощéриться*² ‘оказаться усеянным сверху, по поверхности, покрыться’ с контекстом: *Вирхушки либиды ащерились трéщинъми* [Орл. сл. 8: 238], *ощéрить зубы* ‘оскалить, осклабить, оголить ...’ [Даль² II:

779], *расщёрить* 'раздвинуться, раскрыться (о чешуйках шишек)' (урал.) [СРНГ 34: 336].

Разрúшиться (пск., твер.) 'родить, разрешиться от бремени' [Доп. к Оп.: 227], *обрúшить* 'то же' [Там же: 152], *опрорúшиться* 'то же' [Там же; Даль² II: 686], *распрорúшиться*, *прорúшиться* 'растряситься, родить' [Даль² IV: 71], *баба разрушилась* 'родила' (пск.) [Там же: 44], см. еще *прорúха* пск., твер. 'родины' [Доп. к Оп.: 219; Даль² III: 506] и *распрорúха* 'то же' [Даль³ III: 1622] — ср. *разрúшить* 'разрезать' [Яросл. сл. 8: 119; Карел. сл. 5: 434], *рúшать*, *рúшить* 'резать на ломти' [Ирк. сл. II: 230], *рушáть* 'резать' (тул.) [Доп. к Оп. 233], *рúшить* 'развязать' (олон.) [Там же], *разрúшить* 'разрезать, нарезать, делить на части что-л.' (новг., арханг. и мн. др.), *рúшить узел* сев. 'развязать', *рúшать* 'делить, кроить, резать' [Даль² IV: 115]. Учитывая приведенные здесь лексемы, можно предположить, что поговорка *и на старуху бывает проруха*, означающая 'и опытный (бывалый) человек иногда ошибается', может трактоваться не только в связи со значением 'ошибиться' (ср. *прорух*, *проруха* 'ошибка, промах' — Даль² III: 506), но и в связи со значением 'родить', т. е. как 'и старуха может родить'.

См. еще ряд производящих для 'родить(ся)' глаголов, также обозначающих 'разделять, разъединять', но не восходящих к 'колоть, резать, бить и т. п.'

Раскúтаться костр., яросл. 'растряситься, рассыпаться или родить' [Даль² IV: 65], 'разрешиться от бремени' [Яросл. сл. 8: 122] — ср. *раскúтать* 'открыть, раскрыть' [Там же], *раскúтáть* 'откутать, размотать, открыть' [Даль² IV: 65].

Расклéиваться 'начинать рожать' [Перм. сл. 2: 270] — ср. *расклéивать* 'разнимать, разбирать клееное' [Даль² IV: 62].

Рассупóниться 'родить, разрешиться от бремени' (Забайкалье) [СРНГ 34: 237] — ср. *рассупóниться* 'развязаться, расстегнуться' (дон.) [Там же], *рассупóнить* 'развязать, распустить супонь...' [Даль² IV, 51].

Процесс родов завершается появлением (выходом, «вываливанием», выбросом) ребенка (детеныша), что нашло отражение в глаголах 'родить', образованных от слов в значении 'кидать, бросать, вываливать...' О. Н. Трубачев писал, что «значение 'метать, бросать, кидать' выступает... как синонимическая замена глагола 'рожать'» [ЭССЯ 11: 206]. Надо отметить, что в большинстве случаев эти глаголы употребляются по отношению к животным, особенно к птицам, или к преждевременным родам у людей, заканчивающимся выкидышем.

Вывáлить 'родить' экспр. [Пск. сл. 5: 121], *вывалиться из задницы* экспр. 'родиться', а также 'выйти из яйца, икры', '(о пресмыкающихся) нарождаться' [Там же: 121] — ср. *вывалиться* 'выпасть...; отделяться от чего-н., отваливаться' [Там же]. Ср. польск. диал. *owalić się* 'разрешиться от бремени' [Warsz. III: 530].

Выбросить ‘(о животных) родить, произвести на свет’, ‘разрешиться от бремени выкидышем’ [Пск. сл. 5: 120] — ср. ‘кидая, удалять откуда-н.; освободиться от кого-, чего-н. как ненужного, выкинуть’ [Там же].

Выкинуть ‘(о животных) родить’, ‘разрешиться от бремени выкидышем’ [Пск. сл. 5: 176] — ср. ‘бросить за пределы чего-н., наружу’ [Там же].

Ср. еще нем. *werfen* ‘рожать (о животных)’ и ‘бросать, кидать, метать...

В результате окончания родильного процесса роженица освобождается от плода, «опустошается». Это нашло отражение в таких лексемах, как *опростаться*: *хозяйка опросталась* ‘родила, разрешилась’ [Даль² II: 634] — ср. *опростать* ‘опорожнить’ [Ирк. сл. II: 217], ‘освободить от чего-л.’ [Яросл. сл. О–Пито: 52].

В заключение следует отметить, что данная статья не содержит полного индекса русских диалектных глаголов в значении ‘родить’ и ограничивается относительно подробным рассмотрением лишь одной семантической модели ‘разъединять, разделять тем или иным способом’ → ‘родить’ и ее детализацией. Однако и на основе приведенного, далеко не полного, материала можно сделать ряд предварительных наблюдений. Здесь представлены глаголы, которые являются поздними переносными образованиями, в составе которых часто присутствуют префиксы *раз-* и *вы-*. Часто они относятся к экспрессивной лексике. Эти глаголы локально ограничены и, как правило, не имеют формальных соответствий в других славянских языках, хотя семантические модели, по которым они образованы, представлены и за пределами русских говоров. При дальнейшем, более широком и подробном, изучении лексики и моделей семантического поля ‘родить(ся), разродиться’ с привлечением лексических материалов всех славянских языков, возможно, какие-то (едва ли многочисленные) славянские соответствия будут выявлены.

ЛИТЕРАТУРА

- Бояджиев 1971: Бояджиев Т. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // БД. Кн. VI. София, 1971.
- Гессен, Стыпула: Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Т. II. М.; Варшава, 1988.
- Даль²: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882 (= 1955).
- Даль³: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3 изд. Т. III. СПб.; М., 1907.
- Динић 1988: Динић Ј. Речник тимочког говора // СДЗБ. Расправе и грађа. Београд, 1988. Књ. XXXIV.

- Доп. к Оп.: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.
- Ирк. сл.: Иркутский областной словарь / Отв. редактор Н. А. Бобряков. Вып. 2. Иркутск, 1974.
- Карел. сл.: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 5. СПб., 2002.
- Орл. сл.: Словарь орловских говоров / Учебное пособие по русской диалектологии / Научн. редактор Т. В. Бахвалова. Вып. 8. Орел, 1996; Вып. 12. Орел, 2001.
- Перм. сл.: Словарь пермских говоров / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова, И. А. Подюков, К. Н. Прокошева, А. В. Федорова, С. С. Шляхова, Е. К. Мисюра, О. Е. Соловьева. Вып. 2. Пермь, 2002.
- Петлева 1997–1999: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XX // *Этимология*. 1997–1999. М., 2000.
- Полес. сб. 1983: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
- Пск. сл.: Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глушкина и др. Вып. 8. Л., 1983.
- Слав. древн. 1995: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого Т. 1. М., 1995.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 33. Л., 1999; вып. 34. Л., 2000; вып. 35. Л., 2001.
- Толстой: *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1951.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 11. М., 1984; Вып. 18. М., 1992.
- Яросл. сл.: Ярославский областной словарь / Ред. коллегия: Л. Е. Кругликова, Г. Г. Мельниченко, Е. М. Секретова. О–Пито. Ярославль, 1988; Питок–Ряшка. Ярославль, 1989.
- Warsz.: *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. III. Wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.

О «ДЕТСКОЙ» СЕМАНТИКЕ ДЕТИНЦА*

Взявшись за капитальный труд — составление лингвистического комментария к «Поэтическим воззрениям славян на природу» А. Н. Афанасьева, А. Ф. Журавлев [Журавлев 2005] должен был учитывать все разнообразие затронутых в знаменитом компендиуме сюжетов — от праиндоевропейских реконструкций до диалектной лексики фольклора разных народов Европы, зачастую отслаивая «флер» поэтических воззрений самого Афанасьева на предмет его интереса.

Такое «поэтическое воззрение» было положено в основу народной этимологии, предложенной Афанасьевым для объяснения древнерусского названия новгородской крепости — *Детинец* [Журавлев 2005: 430–432]. А. Н. Афанасьев следовал распространенному в Европе романтическому мотиву «строительной жертвы»: с запустением «старого» города Славенска «народные старшины, следуя древнему обычаю, послали перед солнечным восходом гонцов во все стороны, с наказом захватить первое живое существо, какое им встретится. Навстречу попало дитя; оно было взято и положено в основание крепости, которая потому и названа Детинцем» [Афанасьев 1994: 85–86]. Сам сюжет (со ссылкой на «Досуги, или собрание сочинений и переводов» М. И. Попова, СПб., 1772 — см. [Афанасьев СБМ: 76]) обнаруживает книжные истоки, восходящие к позднесредневековым конструкциям о начале Руси — Славенске, братьях Словене и Русе и т. п. — историографических фантомах, не имеющих отношения к истории Новгорода (см. [Буланин, Турилов 1998]). «Старый» город, куда были призваны в IX в. варяжские князья, располагался

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).

на новгородском Городище, древнейшая новгородская территория (три поселка?) формировалась рядом в X веке, детинец стал их общим центром в 1044 г., когда князь Владимир Ярославич «заложил Новгород и сдѣла его» [НПЛ: 181; Янин 2004: 24 и сл.]. Детинец и был собственно городом Новгородом — та же Новгородская летопись сообщает под 1197 г.: «погорѣ дѣтъницѣ город» [НПЛ: 202; ср. Тихомиров 1956: 378–379].

А. Ф. Журавлев упоминает «натянутую» этимологию А. Брюкнера и М. Фасмера, которые обосновывали «детское» название крепости тем, что дети укрывались в крепости, но не должны были защищать ее. «Однако, отказываться от „детской“ семантики, видимо, не следует», заключает комментатор [Журавлев 2005: 431; Секретарь 2009]. Особая наивность приведенной этимологии заключается в том, что ситуация в древней Руси была обратной: как раз «детские» должны были защищать крепость, ибо древнерусское слово «дѣтскыи» — название младшей дружины князя и его слуг [Срезневский, I: 798; СДЯ, III: 169]. Для древнерусской (и праславянской) социальной лексики характерна эта архаичность — противопоставление старшей (мужи/бояре) и младшей дружины (детские — отроки/гридь) [ср. Иванов, Топоров 1984; Ключевский 1989: 108–112; Петрухин 1995: 108 и сл.; Свердлов 1983: 199 и сл.]. Младшие дружинники были непосредственной охраной князя: когда в 1149 г. князь Андрей Юрьевич (в будущем Боголюбский) проявлял храбрость в бою под Луцком, преследуя вражескую пехоту, «дружине не ведущимъ его, токмо о(т) меншихъ дѣтскихъ его два видивши князя своего» [ПСРА, II: 390].

На дружинное происхождение имени новгородского Детинца указывал еще М. Х. Алешковский [Алешковский 1962]; но в Новгороде княжеская дружина не занимала детинца, там обосновались местные верхи: это провоцирует на поиски иного происхождения названия новгородского кремля (*Детинец*, как именовался Вавельский замок в Кракове и т. п. — [ср. Филиппова 2009]). Термин «детинец», однако, был общерусским и мог означать внутреннюю крепость города вне зависимости от социальной специфики контролирующих ее общественных группировок. Действительно, «дружинная» составляющая не доминировала в истории новгородского Детинца, но именно князья (Владимир Ярославич в 1044 г. и Мстислав Владимирович в 1116) занимались его укреплением и расширением (ср. о роли княжеской дружины в жизни Новгорода [Гиппиус 2005: 23]). После новгородской «революции» 1136 г. — вечевого изгнания князя — Детинец стал резиденцией епископа (архиепископа), там заседал «совет господ» — новгородские верхи приняли имя *бояре*, первоначально относившееся к старшей дружине князя. Детские в Новгороде — судебные исполнители (грамота № 615, 80-е гг. XIII в. [Янин, Зализняк 1993: 21–22]; грамота № 718, 60-е гг. XII — 30-е гг.

XIII в. [Янин, Зализняк 2000: 16–17]); детский в древнерусской правовой традиции должен был регулировать споры о наследстве между братьями (Пространная Правда, ст. 108), участвовать в организации судебных испытаний — железом (ст. 86, см. [Зимин 1999: 245]). В. А. Янин отмечает синонимичность в древнерусской правовой традиции терминов «отрок», «детский», «писец» [Янин 1982: 144–145]. Уже в XI в. князь предпочел держать свой двор в Новгороде (Ярославово дворище) на Торговой стороне, напротив Детинца, а в XII в. вернулся на Городище [Рабинович 1978: 82–83].

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский 1962: *Алешковский М. Х.* Новгородский Детинец 1044–1430-х гг. (по материалам научных исследований) // Архитектурное наследство. 1962. № 14.
- Афанасьев 1994: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. М., 1994.
- Афанасьев СБМ: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М., 2000.
- Буланин, Турилов 1998: *Буланин Д. М., Турилов А. А.* Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 3. СПб., 1998.
- Гиппиус 2005: *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4.
- Журавлев 2005: *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» М., 2005.
- Зимин 1999: *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.
- Иванов, Топоров 1984: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1984.
- Ключевский 1989: *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989.
- НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Петрухин 1995: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., Смоленск, 1995.
- ПСРА — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Рабинович 1978: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского средневекового города. М., 1978.
- Свердлов 1983: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества древней Руси. Л., 1983.
- Секретарь 2009: *Секретарь А. А.* Детинец и храм в градостроительной терминологии Древней Руси // Великий Новгород и Средневековая Русь. К 80-летию академика В. А. Янина. М., 2009.

- СДЯ: Словарь древнерусского языка. Т. III. М., 1990.
- Срезневский: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958.
- Тихомиров 1956: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956.
- Филиппова 2009: *Филиппова А. А.* Детинец // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. СПб., 2009.
- Янин 1982: *Янин В. А.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Янин 2004: *Янин В. А.* Средневековый Новгород. М., 1994.
- Янин, Зализняк 1993: *Янин В. А. Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1983–1989 гг. М., 1993.
- Янин, Зализняк 2000: *Янин В. А. Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1990–1996 гг. М., 2000.

ОБ ОДНОМ ИРАНИЗМЕ НА БАЛКАНАХ: ПЕРИ 'ФЕЯ'*

Мифологическое существо *пери* (*пари*) известно в народных поверьях и фольклоре индо-иранских, тюркоязычных, дардо-язычных, а также некоторых других народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, напр., армян [Ганалаян 1979: 250], удмуртов [Айхенвальд и др. 1982: 174] и т. д. В «Авесте» *пери* (*pairika*, *parika*) представляет собой злое существо женского пола [МНМ 1982/2: 286]. В среднеперсидском она называется *parik*, пер. *pari* [Бертельс 1979: 123]. Придя на Балканы в средние века, турки в рамках своего культурного влияния передали и поверья о *пери* той части славянского населения Болгарии и Македонии, которая приняла ислам и с которой они были в более близком и долгом контакте. В Македонии следы этого поверья едва заметны. Оно было засвидетельствовано только у турков Охрида между двумя мировыми войнами [Ђорђевић Т. 1953: 109]. В Болгарии, однако, это поверье сохранилось до наших дней у мусульманского населения Родоп.

Здесь речь пойдет о народных представлениях о *пери* у славянского населения Балкан и о ее связи с вилой (самодивой, самовилой). Для сравнения использованы данные о *пери* и за пределами южнославянской территории. Ценное упоминание о виле, имеющее значение для данной работы, содержится у А. Ф. Журавлева [2005: 740–742].

Пери — это дух (в болг. мн. число *перилор* и *пери*), чаще всего в образе прекрасной девушки, одетой в белое (в восточных Родопах — в черное). Пери может иметь и облик невесты в головном платке и украшениях, редко — мужчины; может показываться и в образе некоторых животных: змеи, кошки, собаки, скота. Кроме названия *пери* [БЕР 1999/V: 172], в Родопах еще за-

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки Республики Сербии, грант №147047.

фиксированы *пейра, перия, перлия, пьерия* [Георгиев 1994: 64; Бонева 1994: 37; БЕР 1999/V: 172; Троева-Григорова 2003: 124–129], как и в окрестностях Шумена [Мицева 1994: 138]. В Желтуше (Ардинско) *пьерия* — то же, что и орисница (девушка, которая определяет судьбу новорожденного) [БЕР 1999/V: 172], в Ахряне (Смолянско) *перийе* — дух убитого человека [Там же: 172], в Жировнице (Реканско) *перна* — обозначение вампира [Там же: 172]. Словом *перия* в Родопях обозначают и очень сильный ветер, вихрь, который может поднимать с земли предметы и людей (другие его названия: *ветрушка, самовила, лелята, юда, верулька, диви*) [Бонева 1994: 19].

Согласно родопским поверьям, пери можно увидеть в лесу, у воды (источника), у старого дерева, на заброшенной мельнице, на мостах и перекрестках [Бонева 1994: 37]. В Карджалийском регионе считается, что пери живут в скалистых местах [Троева-Григорова 2003: 119]. Там, где они проходят, ничто не плодоносит. Если посадить кукурузу, она не растет, если там оставить ребенка, с ним случится что-нибудь плохое. Пери особенно опасна для роженицы и ее ребенка, которого она может подменить. Такой подменыш долго не живет (подробнее о подменышах см.: [Radenković 2003: 143–154]). Нельзя было входить в конфликт с пери — верили, что если ее ударить, она ударит в ответ. Чтобы избежать дурного воздействия пери, мусульмане всякий раз, вставая или садясь, говорили «Бисмилях!», а христиане крестились. В Карджалийско (Родопы), где поверья о пери засвидетельствованы лучше всего, не выбрасывали из дома шелуху лука и чеснока, так как считалось, что это деньги пери [Троева-Григорова 2003: 124–129]. Турки в Охриде говорили, что по ночам пери заплетают коням гриву, и если ее расчесать, она снова заплетается сама [Ђорђевић Т. 1953: 109]. Мотив мифологического существа, заплетающего конскую гриву, воловий хвост или женские волосы, общеизвестен. У южных славян он чаще всего связан с вилой [Dragičević 1908: 449; Филиповић 1949: 210; Ivandić 1965: 56; Rakita 1971: 78; Toldi 1987: 133; Ćulinović-Konstantinović 1989: 91 и т. д.]. У восточных славян это обычно делает домовая [Померанцева 1975: 252–253].

Сходство пери и вилы заметно во внешнем облике (и вилы, как правило, вечно молодые и красивые девушки, одетые в белое), в месте обитания, в их превращениях в отдельных животных и в их деятельности.

Пери/пари может показаться в облике змеи. На нее надо посмотреть три раза, и если она не исчезнет — это обычная змея [Сухарева 1975: 48]. О некоторых вилах также говорят, что они живут под землей и выглядят как змеи, а когда выходят на землю — превращаются в девушек [Чайкановић 1994/5: 229]. В Словении (Бела Краина) верили, что не следует убивать змей, так как это могут оказаться вилы. Согласно преданию, один человек выстрелил из ружья в змею, которая обвилась вокруг дерева, и в тот же момент у него отсохли руки,

так как это была не змея, а вила [Šašelj 1906: 219]. В эпической песне о смерти Илии Смилянича вила, его защитница, в облике змеи скачет на его коне, вплетаясь в гриву. Когда его брат рассекает ее саблей, Илия говорит ему: «Ајме, брате, грдна рано моја! / Сву ми узе срећу и јунаштво. / То си мене погубио, брате, / вилу моју, моју посестриму, / која ми је у помоћи била» (Увы, брат мой, поразил ты меня в сердце! / Забрал ты всю мою удачу и доблесть. / Ты меня сгубил, брат мой, / погубив мою вилу, мою посестриму, / которая всегда мне помогала) [Banović 1935: 49].

У таджиков пери имеют собственные имена: *Торсо-пери*, *Симион-пери*, *Гулистон-пери*, *Лукмон-пери* и т. д. [Сухарева 1975: 45–56]. У вил также есть свои имена. В сербско-македонском фольклоре упоминаются: *Ангелина*, *Андесила*, *Анджелия*, *Джурджа*, *Яня*, *Елка*, *Ерина*, *Катарина*, *Мандалина*, *Наданойла*, *Равийойла*, *Стойна* и т. д. [Ђорђевић Т. 1953: 85–87], у подравских хорватов: *Маре*, *Яне*, *Марица*, *Зорица* [Franković 1990/9: 142].

Пери может влюбиться в земного юношу и иметь с ним сексуальные отношения [Литвинский 1981: 93; Сухарева 1975: 13; Стеблева 2002: 15]. По некоторым поверьям, если этот юноша ей изменяет, она в гневе убивает его, или же, если он открывает тайну, оставляет его навсегда. Согласно армянскому преданию, одна пери вступила в любовные отношения с мужчиной при условии, что он никому об этом не расскажет. Когда человек нарушил обещание и открыл тайну людям, пери его покинула. Только перед смертью он снова увидел ее с их тремя детьми [Ганалаян 1979: 250]. Соответствующие поверья есть и о вилах. Согласно поверью племени кучи в Черногории, юноша все лето оставался с овцами в горах, куда к нему по ночам приходила вила. Когда он открыл тайну, на следующее утро его нашли мертвым — из мести вила вонзила ему в грудь нож [Дучић 1931: 272]. Также, в поверьях подравских хорватов в Венгрии, вила спала с деревенским парнем на сене [Franković 1990/9: 146], и т. д.

Согласно поверью, распространенному у многих народов, пери/пери может сочетаться браком с земным юношей (памирцы [Литвинский 1981: 93]; гисарские парья [Оранский 1977: 121–122]; курды [Руденко 1970: 222]; народы Гиндукуша [Йеттмар 1986: 446]). Мотив «женитьба на виле (самодиве, самовиле)» широко распространен в фольклоре балканских народов. Обычно герой видит, как вилы купаются в горном озере, и прячет крылья или головной убор одной из них, таким образом принуждая ее выйти за него замуж. Брак с вилой, несмотря на то, что в нем рождаются дети, как правило, краток — найдя свои спрятанные крылья или головной убор, вила улетает. Согласно преданию, от такого брака родился знаменитый богатырь Кралевић Марко и некоторые другие герои [ср. Богишић 1878: 231–232; Ardalić 1902: 291; Дучић 1931: 273; Palavestra 1953/2:

294–295; Ивић 1957: 452; Bošković-Stulli 1967–68: 396; Миладиновци 1983: 13–14; Чажкановић 1994/1: 86–87; и т. д.].

В фольклоре пери может иметь дружеские отношения с отдельными персонажами и помогать им в трудных ситуациях. Так, в сказке гисарских парья (Таджикистан) падишах три дня и три ночи боролся с *девом*, и когда уже почти проиграл схватку, пери опрокинула под ноги деву чашку проса; дев поскользнулся и упал, чем падишах воспользовался, отрубив ему голову [Оранский 1977: 160]. В сербской эпической песне богатырь Кралевић Марко бьется «с утра до полудня» с разбойником Мусой Арбанасом. Когда Муса уже повалил Марко на землю, тот призывает на помощь посестриму-вилу. Вила дает ему спасительный совет использовать спрятанный за поясом кинжал, что он и делает и рассекает Мусу. Оказывается, что Муса не был обычным человеком, так как у него было три сердца, а на одном из них спала змея [Караџић 1988/5: 292–298].

Пери завидуют людям, поэтому они прилетают на поля и высасывают сок из хлебных зерен [Йеттмар 1986: 453–454]. По народным поверьям из Македонии, то же самое делает и *ламия*, которая прилетает на хлебное поле в облике тумана и выпивает жито [Цепенков 1980/9: 13].

Пери забирает маленьких детей у матерей, которые не соблюдают установленных запретов, особенно в первые 40 дней после рождения ребенка [Литвинский 1981: 93]. В Болгарии (Родопы, Карджалийско) матери запрещалось носить своего ребенка на спине, чтобы его не подменили пери. В сказке одна женщина пошла к источнику за водой до того, как прошло 40 дней после родов. Там ее схватили пери и водили, пока она не сошла с ума [Троева-Григорова 2003: 124–125]. Роженице в течение 40 дней после родов нельзя было оставаться одной, чтобы ей не навредили пери (Шуменско) [Мицева 1994: 138]. Чтобы защитить от пери себя и ребенка, роженица клала рядом с собой ожерелье из синего бисера, чеснока, метлу и что-нибудь железное [Троева-Григорова 2003: 129].

Пери, как и вилы, могут выбрать отдельного человека, которого обучают обращаться с ними и лечить людей. Так, в Гиндукуше избранник пери, оказавшись на горной пашне, потерял сознание (или заблудился), а вернувшись домой, рассказал, что пери увели его с собой и велели ему быть шаманом [Йеттмар 1986: 290]. У таджиков человек, избранный пери, должен был обеспечить ей пищу и поддерживать ее культ, а в обмен получал от нее способность предвидеть судьбы и изгонять злых демонов, которые вызывают болезни [Сухарева 1975: 13]. У южных славян встречается поверье, что вила может одарить избранного человека некоторыми способностями, которых нет у других людей, — он становится сильнее других, никто не может его сглазить, он умеет лечить разные болезни. Такие люди называются *виленици* (Герцеговина [Грђић Бјелокосић 1896: 316]; Бела Краина [Šašelј 1906:

316]). У хорватов (Самобор) возлюбленный вил, которому они помогают в охоте, называется *вилоняк*; «Замјерити се њему, исто је, да се замјериш вилама, а онда зло си га теби» (Поссориться с ним — то же, что поссориться с вилами, и тогда горе тебе) [Lang 1914: 137]. В Черногории (племя паштровичи), когда вилы украдут чьего-нибудь ребенка, они кормят его своим молоком, и он становится виленьяком [Вукмановић 1960: 365].

Пери, как и вилы, могут в отдельных случаях наказывать людей болезнями, так что те остаются калеками до конца жизни. Так, если человек натолкнется на невидимого ребенка пери и повредит ему или ошпарит кипятком, выплеснутым ночью через открытую дверь, пери его наказывают продолжительной болезнью. В области северный Чатрал в таких случаях в лечении человека мог помочь *пери-хан*. Он вводил больного в гипнотический сон, так что его устами говорила сама пери, которая открывала, за что он наказан [Йеттмар 1986: 453, 465]. У сербов и болгар существуют поверья, что человек может наступить на место, где вилы распеленали своего ребенка или положили пищу для обеда, и тогда они его наказывают болезнью (он неожиданно ослабевает, так как у него «схватывает» руку или ногу или другую часть тела) [Шапкарев 1973/4: 467]. В таких случаях людям помогали знахарки, которые говорили о себе, что у них есть вила-посестрима. Некоторые из них впадали в состояние сна или обмирания и таким образом вступали в контакт с вилами, прося их простить больному его неосмотрительность. Посредством их, таким образом, вилы говорили, что именно является лекарством для этого человека. Так лечила больных знахарка Петрия из села Горине возле Лесковца в южной Сербии. Она ложилась, укрывалась с головой белой простыней и певучим голосом призывала самовил помочь больному. Отдельно она обращалась за помощью к виле Руже и известному утопленнику деду Йовану, утонувшему в местной реке. Схожим образом поступала и знахарка Катица из того же села. Она, лежа в кровати, также посредством песни говорила больному, что нужно сделать, чтобы вылечиться. «Болесник треба да запамти и да протумачи што је чуо, јер му Катица кад престане с певањем, не може поновити што је све навела кад је лежала» (Больной должен запомнить и истолковать, что он услышал, потому что, когда Катица перестанет петь, она не может повторить то, что говорила, когда лежала) [Ђорђевић 1985: 146–147].

* * *

В заключение можно сказать, что поверья и предания о пери/пари больше всего распространены в Средней Азии, у иранских и тюркоязычных народов и в Гиндукуше (Читрал) (ср. [Йеттмар 1986: 222, 231–232, 290, 452–465]). На Балканы их принесли турки, переняв у иранцев. По внешним признакам и деятельности, которая им приписывается, *пери* похожи на отдельных славянских женских ми-

фологических существ, а именно: сербско-хорватско-словенских *вил*, болг. *самодив*, мак. *самовил*, вост.-слав. *русалок*, пол. *богинок*, словен. *дивьих жен* и т. д. Такие сходства не появились вследствие контактов этих народов, а ведут свое происхождение от древнего общего представления евро-азиатских народов о двух видах женских мифологических существ, различие между которыми позже начало теряться. Одни происходят из душ умерших до срока девушек и молодых женщин, а другие, как считается, представляют души предков — праматерей. Первые капризны, мстительны, жаждут сексуальных контактов с мужчинами, однако в отдельных случаях могут быть и помощниками. Другие заботятся о своих живых потомках, их плодородии и достатке, они одаряют, но и наказывают людей, которые не соблюдают установленных правил поведения. По всей видимости, от этих вторых ведет свое происхождение *албаствы* (*алвасти*, *алмасты*), известная на широкой территории от Великой китайской стены до побережья Средиземного моря [Басилов 1994: 49] и имеющая некоторые общие функции с пери. У памирцев (бартангцы) было поверье, что у каждого человека есть своя *пари*, и если человеку везет, говорили: «Ему помогла пари» [Литвинский 1981: 93].

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд и др. 1982: *Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Б. А.* К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Басилов 1994: *Басилов В. Н.* Албаствы // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник статей памяти С. А. Токарева. М., 1994.
- БЕР 1999/V: Български етимологичен речник 5. БАН. София, 1999.
- Бертельс 1979: *Бертельс А. Е.* Пери // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1979. С. 123–128.
- Богишић 1878: *Богишић В.* Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Биоград, 1878.
- Бонева 1994: *Бонева Т.* Народен светоглед // Родопи. Традициона народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- Вукмановић 1960: *Вукмановић Ј.* Паштровићи. Антропо-географско-етнолошка испитивања. Цетиње, 1960.
- Ганаланиян 1979: *Ганаланиян А. Т.* Армянские предания. Ереван, 1979.
- Георгиев 1994: *Георгиев М.* Народна медицина // Родопи. БАН. София, 1994.
- Грђић Бјелокосић 1896: *Грђић Бјелокосић А.* Народно сујевјерије // Гласник земаљског музеја у Сарајеву. VIII. Сарајево, 1896.
- Дучић 1931: *Дучић С.* Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. XLVIII. Београд, 1931.

- Ђорђевић 1985: *Ђорђевић Д. М.* Живот и обичаји народни у лесковачком крају. Лесковац, 1985.
- Ђорђевић Т. 1953: *Ђорђевић Т. Р.* Вештица и вила // Српски етнографски зборник. LXVI. Београд, 1953. С. 57–119.
- Журавлев 2005: *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Ивић 1957: *Ивић П.* О говору Галипольских Срба // Српски дијалектолошки зборник. XII. Београд, 1957.
- Јеттмар 1986: *Јеттмар К.* Религии Гиндикуша. Пер. с нем. М., 1986.
- Караџић 1988/5: *Караџић В. С.* Српске народне пјесме. Књига друга (1845) / Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 5. Београд, 1988.
- Литвинский 1981: *Литвинский Б. А.* Семантика древних верований и обрядов памирцев (1) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 90–121.
- Миладиновци 1983: *Миладиновци Д. и К.* Зборник на народни песни. Скопје, 1983.
- Мицева 1994: *Мицева Е.* Невидими ношни гости. София, 1994.
- МНМ 1980–1982/1–2: Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1–2. М., 1980–1982. С. 286–287.
- Оранский 1977: *Оранский И. М.* Фольклор и язык гиссарский парья (Средняя Азия). Введение, текст, словарь. М., 1977.
- Померанцева 1975: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Руденко 1970: *Руденко М. Б.* Курдские народные сказки. М., 1970.
- Стеблева 2002: *Стеблева И. В.* Очерки турецкой мифологии. М., 2002.
- Сухарева 1975: *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5–93.
- Троева-Григорова 2003: *Троева-Григорова Е.* Демоните на Родопите. БАН. София, 2003.
- Филиповић 1949: *Филиповић М. С.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. LXI. Београд, 1949.
- Цепенков 1980/9: *Цепенков М. К.* Македонски народни умотворби. Кн. IX. Скопје, 1980.
- Чажкановић 1994/1–5: *Чажкановић В.* Сабрана дела из српске религије и митологије. Књ. I–V. Београд, 1994.
- Шапкарев 1973/4: *Шапкарев К.* Сборник от български народни умотворения. Т. IV. София, 1973.
- Ardalić 1902: *Ardalić V.* Bukovica (u Dalmaciji) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. VII. Zagreb, 1902.
- Banović 1935: *Banović S.* Praznovjerice u narodnim pjesmama // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. XXX. Zagreb, 1935.
- Bošković-Stulli 1967–68: *Bošković-Stulli M.* Narodne pripovijetke i predaje Sinjske krajine // Narodna umjetnost. 5–6. Zagreb, 1967–68.
- Čulinović-Konstantinović 1989: *Čulinović-Konstantinović V.* Aždajkinja iz Manite drage. Split, 1989.

- Dragičević 1908: *Dragičević T.* Narodne praznovjerice // Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. XX. Sarajevo, 1908.
- Franković 1990/9: *Franković Đ.* Mitska bića podravskih Hrvata // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. 9. Budimpešta, 1990.
- Ivandić 1965: *Ivandić Lj.* Pučko praznovjerje. Madrid, 1965.
- Lang 1914: *Lang M.* Samobor. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. XIX. Zagreb, 1914.
- Palavestra 1953: *Palavestra V.* Narodne pripovijetke s Kupreškog polja i s područja jajačkog sreza // Bilten Instituta za proučavanje folklora. Sarajevo, 1953.
- Radenković 2003: *Radenković Lj.* Slav Beliefs on Changelings // Balcanica. XXXII–XXXIII. Belgrade, 2003. P. 143–154.
- Rakita 1971: *Rakita R.* Narodna vjerovanja u predjelu Janj // Glasnik Zemaljskog muzeja. Etnologija. N. S. XXVI. Sarajevo, 1971.
- Šašelj 1906: *Šašelj I.* Bisernice iz Belokranjskega narodnega zaklada. I. Ljubljana, 1906.
- Toldi 1987: *Toldi Z.* Nek se spominja i pamti. Život i običaji seljačkog svita u Brockom Posavlju. I. Slavonski Brod, 1987.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БЕРЕСТИЯНЫМИ ГРАМОТАМИ

1. В конце грамоты №314 (конца XIV в.) встречается интересное слово *сѣброднѹ* [см. НГБ 1956–57: 148–150 и, особенно, прорись на с. 149; Зализняк 2004: 627–628]:

[...] а на лѹнѣнѣ . челоуѣкъ . доверъ . а {с}сѣброднѹ .
-----не .і.мѣ

Словом *сбродень*, извлеченном из *Материалов...* И.И.Срезневского и некоторых других источников и понятом как ‘бродяга, преступник, злодей’, когда-то давно занималась О.С.Мжельская [Мжельская 1956: 178–179], однако ни А.В.Арциховский, ни последующие комментаторы грамот ее материалами и выводами не воспользовались. А.В.Арциховский, комментируя это слово, привлек отрывок из послания митрополита Ионы в Новгород (1448–1458 гг.). Этот отрывок в *Материалах...* И.И.Срезневского иллюстрирует статью «сѣброднь (употр. во мн. ч.): сѣбродни — сбродь: — Наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло... зброднеи, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоуѣкъ». Второй пример И.И.Срезневского извлечен им из смоленского документа 1505 г.: «— Обралъ бы на подвоищане добрыхъ люди, не збродневъ, которые бы мѣщаномъ любы были» [Срезневский III: стлб. 653]. Здесь, как и в грамоте № 314, *добрые люди* противоплагаются *сбродням*.

А.А.Зализняк в свое время [НГБ 1977–83: 202] посчитал, что *сѣбродень* значит ‘беглый, бродяга’, и остался при этом мнении [см. Зализняк 2004: 628, 794]. Основанием для такого решения он счел фрагмент полоцкой грамоты серед. XV в.: «Пишѣ вамъ ѡ то, што паньскии слѹга Зѹбѣщъ пѣрво былъ зѣродилъ, ѡт пана повѣгль к Чорторынскому...; ино того сѣбродна Зѹбца выдантѣ томѹ, хто вамъ сию грамотѹ принѣсѣтъ» [ПГ I: 157, № 72]. Но фрагмент этот может быть понят иначе. Слу-

га Зубец действительно сбежал, но **БЫЛЪ ЗБРОДИЛЪ** он *перед* тем, как сбежал (недаром употреблен плюсквамперфект), — следовательно, это какой-то иной проступок. Комментатор также не обратил внимания на две полоцкие грамоты того же времени написания, где использованы квалификации поступков, способные пролить свет и на значение слов *сбродити* и *сбродьнъ*:

— «**А сами вы вѣдаете, коли децкого бити, какаа і то избродна великаа, нно штовы есте велѣли ему паньскому слѣзѣ безъчестье заплатити...**» [1445–1458 гг. — ПГ I: 156, № 71];

— «**Ино вед(ь) сами вѣдаете, коли ваш нѣмъчнин што избродит, и мы к вам опишом, а сами не казним, а наш человек, што оу вас избродит, и вы к нам шлите, нехан мы по своему праву ихъ судимъ**» [1445–1458 гг. — ПГ I: 159, № 74].

Речь идет о преступлениях, и термины с корнем *-брод-* употреблены в полоцких грамотах в соответствии с польским языковым узусом: *zbrodnia* ‘злодеяние, преступление’, *zbrodzień* ‘злодей, преступник’ [Linde 1860: 975; Karłowicz 1911: 348; Karłowicz 1927: 392]. Полонизмы нередки в полоцких грамотах этого времени [ср. Соболевский 1886: 11–13, 19]. Слуга Зубец из полоцкой грамоты № 72 совершил преступление (**былъ збродилъ**), а потом бежал. Полоцкая грамота домогается выдачи ‘преступника’ (**сбродна**), а не ‘беглого’, и — тем более — не ‘бродяги’.

Несколько иную картину наблюдаем в грамоте Пскова Риге 1463–1465 гг. В ней содержится жалоба на рижанина Иволта, который самоуправно задержал в Риге псковских купцов, добиваясь от них имущества своего убитого во Пскове брата-купца. В конце грамоты псковичи называют Иволта *зброднем*:

«И вы, посадники рижкии и ратмани, не давайте воли такимъ зброднямъ над нашими купчинамы, чтобы опять не держалъ нашихъ купчинъ никого» [ГВНП: 323–324, № 336].

Иволт, разумеется, не ‘бродяга’ и не ‘беглый’, но и [вопреки СЛРЯ 23: 88–89 *s.v.* **сбродень**] не вполне ‘преступник’. Он поступил незаконно, самоуправно. Вероятно, именно склонность к своевольству в решениях и неконтролируемость поступков связываются в псковской грамоте с понятием *збродень*.

Подобную семантику у слов этого корня мы наблюдаем и в русских диалектах западного ареала (псковских, тверских, смоленских, брянских): *сбродливый* (псков., твер.) ‘шаловливый’, (смол., брян.) ‘проказливый’; псков., твер. *сбрѣдни* ‘сплетни’, *сбрѣдничать* ‘вести себя сумасбродно’, *сбрѣдня* ‘сумасброд’; псков., смол. *сбрѣда*, брян. *сбрѣдник* ‘воришка (о коте)’; смол., брян., ворон. *сбрѣдовать* ‘напроказничать’; смол., ворон. *сбрѣд* ‘проказник, хулиган’ [СРНГ 36: 186–187]. Все это

близко к белорусской диалектной лексике: *збрóдзень* ‘шалун, трогающий непозволенно’, *збрóдливый* ‘склонный к нарушениям; вороватый’ [Nosovič 1870: 196], *збрóдлівы, збрадлівы, збрыдлівы* ‘озорной, неуправляемый’ [СБГ 2: 278]: «Збрóдлівая карова лезе ў школу». В логойском говоре *zbródziń* — *‘čalaviek, što šmat naškodziu ludziam dy j dalej škodzić*: «Нетaha zbrodnia niamožna na volu puskać» [Varlyha 1970: 165].

Др.-псков. *збрóдьнь*, вероятно, является производным от продолжения глагола **szbrediti* — подобно блр. *збрóдзень* ‘проказник, строптивец’, как полагают белорусские этимологи [ЭСБМ 3: 315]. Ср. псков. *збрéдиться* ‘прийти на ум’ [СРНГ 11: 208], перм. *збрéсти* ‘тж.’: «Збредёт кому в голову» [СГДАПО: 338], разговор. *збрéндить* ‘сойти с ума’ (с экспрессивной инфиксацией), *взбрéстї в гóлову*, etc. Интересны два примера XVII в. на *сзбрести* и *сзбродити* — оба в составе фразеологических сочетаний, рисующих безумие:

«И онъ Васка померъ, а жена ево после ево Васки *ззбрела не своимъ разумомъ*, была на ней падучая» [1673 г. — СЛРЯ 14: 120].

«Да и почасту де его Темка кнутомъ бьеть, что онъ въ хмѣлю *сзбродитъ съ ума* и людей ножемъ рѣжетъ» [1625 г. — СЛРЯ 23: 89].

Вообще говоря, сущ. *збрóдьнь* может быть произведено и от вторичного глагола с *-о-* вокализмом. Мы уже видели этот глагол в полоцкой грамоте № 72 и встречаем в *Домострое* [Домострой, 47, 110]. Речь идет о том, что жена должна информировать мужа о проступках слуг:

«а что кто збродить, и то мужу сказати прямо, без прибавки» (*Домострой* I редакции по ркп. 60-х гг. XVI в.).

«а кто что избродить и то мужу сказати прямо бесъ прибавки» (*Домострой* II редакции по ркп. XVI в.).

По мнению О. С. Мжельской, в *Домострое* «*сзбродить* означает „уговорять, совершить проступок“» [Мжельская 1956: 178].

Мне представляется, что во всех цитированных древнерусских документах (кроме полоцких) значения слова *сзвродьнь* ближе к значению ‘буян, своевольник’, чем к ‘преступник, злодей’, иногда колеблется между ними, но значениям ‘беглый’, ‘бродяга’ там явно нет места. Не кажется исключением и словоупотребление берестяной грамоты № 314. Написание *-нѣ-* в *сзвроднѣ* может не свидетельствовать о древней твердости исхода основы и праформе **szbrodъnъ*. Такое написание может отражать инновационный процесс отвердения *-н-* в исходе, типологически подобный тому, который был зафиксирован в начале XX в. в Шенкурском у. Архангельской губ.: *барыш-*

на, бойна (вм. *бойня*), кнеина (вм. *кнегиня*), колоколина (вм. *колокольня*) [Мансикка 1912: 103]. Ранняя фиксация инноваций — не редкость в письменности новгородско-псковского ареала [ср.: Страхов 1999; Страхов 2000].

А. А. Зализняк [Зализняк 2004: 627] дополняет дефектный текст грамоты словом (**вѣры**), реконструируя тем самым расхожий фразеологизм: *вѣры не имѣ*, что выглядит правдоподобным.

2. В грамоте № 363 (конца XIV в.), представляющей собою наставления тестя невестке, меня интересует слово *колобья* в его отношении к испечению хлеба:

<...> а сол
 одъ ржанын в потклѣтѣ и ты
 возми колобѣю . а мѣкѣ колко
 надобѣ и ты испѣки в мѣрѣ
 а мясо на сѣньникѣ <...>

Перевод А. А. Зализняка гласит: «Солод ржаной в подклате. Ты возьми пригоршню (?), а муки сколько нужно, и испеки [пирога] в меру. А мясо на сеннике» [Зализняк 2004: 606].

Первый издатель этой грамоты А.В.Арциховский склонялся к тому, что *колобья* — это ‘горсть солода’, и ссылался на В.И.Даля, у которого «среди значений слова „колоб“ названы: „скатанный ком, шар“». А.В.Арциховский, впрочем, замечал, что его решение затруднено тем обстоятельством, что «солод не образует таких комьев или шаров» [НГБ 1958–61: 58–59]. А.А.Зализняк в «Поправках...» [НГБ 1977–1983: 204] толкования своего предшественника как бы не замечает, но и сомнений его не ведаёт. Он указывает, что в СРНГ [14: 149] «отмечено череповецкое *колобья* „слежавшееся, испорченное сено“» и далее рассуждает:

«Очевидно, такое значение определяется тем, что слжавшееся сено образует как бы единый ком (соответственно основному значению слова *колоб* — „ком, шар из тестообразной массы“). Высушенный солод представляет собой массу из проросших зерен. По-видимому, колобейей здесь автор письма назвал количество солода, захватываемое горстью, пригоршню».

На тех же позициях находим этого автора и во 2-м издании его результирующего сочинения [см.: Зализняк 2004: 607].

Опора на единичные фиксации и разного рода гапаксы — излюбленный метод «нетрадиционной» лингвистики, а семантика диалектных слов и знание реалий народной жизни, этими словами на-

зываемых, — не самая сильная сторона адептов этой замечательной науки.

Слежавшееся сено образует не комья, а пласты; меры же объема сыпучих тел, равные пригоршне, носят соответствующие названия: *горсть, жменя, корх* и т. д., но *колоб* тут явно ни при чем. Комментаторы привязывают понятие *колобьи* к упоминаемому в грамоте солоду и только через него к испечению хлеба, но в применении к хлебопечению *колобья* не нуждаются в этом промежуточном звене. У В.И. Даля в статье **Кóлоб** приводится значение: «Маку́ха, жмыхи, дуранда, избоина, в больших сваленных комьях» [Даль 2: 350]. В Словаре русских народных говоров [СРНГ 14: 141] находим: *ко́лоб, ко́луб* ‘остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; жмыхи’ (с пометами: «Волог., 1839–1842. Новг., Влад., Яросл., Костром., Нижегород., Симб., Пенз., Саратов., Свердлов., Ср. Урал, Новосибир.»); ‘кусоч спрессованных жмыхов (как мера для отходов маслобойного производства, а также мера полученного масла)’ (с пометами: «Костром., Сев.-Двин., Симб., Саратов.»). К последнему значению ср. ярослав.: «Купила давесь два *колоба дуранды*» [ЯОС 1986: 51]. Сущ. *колобу́ши* ‘жмых льяного семени’ отмечено в Тихвинском р. Новгородской обл. [СРНГ 2: 400]. Отходы от производства масла шли на корм скоту¹, а также добавлялись вместо масла в тесто, предназначенное для выпечки хлебных изделий (обычно во время поста)². Этот экономичный способ изготовления хлеба и рекомендует рачительный адресант берестяной грамоты № 363. Солод применялся для повышения всхожести теста, а отходы маслоделия — для придания ему сладости. *Колобья* (сущ. ж. р.) в берестяной грамоте № 363 — это отходы от сбивания масла, причем, возможно, масла сливочного, так как упоминаемое далее мясо как будто исключает мысль о посте и постной пище. Напомню, что *колобом* назывались отходы и от сбивания коровьего (сливочного) масла: «На той неделе на масляную ездили, три *колоба набили*» («Буйск. Костром., 1830–1846») [СРНГ 14: 141].³

Форма ж. р. *колобья*, возможно, составляет своего рода пару форме м. р. **kolobъ*, которую этимологи реконструируют для восточнославянского, предполагая происхождение **kolobъ* из **kolo* + **biti* [см. ЭССЯ 10: 121–122]. В поддержку этой идеи можно указать на новгород. *колобѣть* ‘бить во что-л.’ [НОС 4: 84], а также псков. (1855 г.),

1 Ср. у В.И. Даля: «**Колобѣнчатый** *пск. твр.* о скоте, выкормленный и холеный, взросший на колобах» [Даль 2: 350]. Под *колобами* понимаются отходы маслоделия, а не тестяные изделия. Ср. владим. *колоби́на* ‘льна́ной жмых’: «Они скотину колобиной подкармливают» [СРНГ 14: 143–144].

2 Ср. волог. *колоба́н* и *колоба́ш* ‘круглый хлебец из пшеничной муки, который пекли по постным дням (средам и пятницам)’ [СРНГ 14: 141–142].

3 Ср. новосибир. *колобо́к* ‘кусоч сливочного масла, сбитого из сметаны’: «Хороший колобок масла собьешь, килограмма на два» [СРНГ 2: 89].

твер. *колоббить* ‘болтать’, *колоббаться* ‘биться, колотиться’, (псков., 1855 г.) ‘возиться’, (волог., 1852 г.) ‘мучиться’ [Даль 2: стлб. 348–349; СРНГ 14: 144]. К возможной связи *kolobъ с *biti, в существовании которой недавно усомнилась А. Косоротова [Косоротова 2006: 171], семасиологическую параллель представляет южнорусское *сколѣтина* ‘пахта; масляный жмых’ [СРНГ 38: 60], произведенное от *сколотити* ‘сбить масло’ [ib.: 54]. Ср. также блр. диал. *скалѣціны, скалѣціна*, етс. ‘пахта’ — от *скалаціць, калаціць* [ЭСБМ 12: 107]: «быстро сколоціла масло» [ТС 5: 45]; укр. диал. *сколѣтина* ‘пахтанье’ [Гринченко 4: 139], *сколѣтинка* ‘отходы при сбивании масла’ [Аркушин 2: 151].

Семантическая основа: ‘сбитость, плотность’ предполагает, что значения основы *колоб-* ‘комы, отходы от сбивания масла, ставшие мерой этих отходов’ первичны по отношению к значениям ‘хлебное изделие круглой, комкообразной формы’.⁴ Стоит в этом плане указать на перм. *кѡлоб* ‘льняной жмых’ и его реализацию в выражении *как кѡлоб* ‘о крепко сбитом’: «Девка, как колоб, беда хорошо ест»; «...сливки снимаешь, дак они, как колоб» [СПГ I: 405]. Со значением ‘отходы (после сбивания или обивания)’ связаны такие сельскохозяйственные термины, как арханг. *колобы* (мн.) ‘ржаная мякина’ и *колобѣга* ‘обмолоченная рожь с остатками колосьев’. Быть может, семантику ‘сбитости, плотности’ реализуют и севернорусские слова со значением ‘слежавшееся сено’: онежск. *колобѣа*, волог. *колобѣга* и череповец. *колобѣя* [СРНГ 14: 141, 149], с которого мы начали наш обзор лексикологических версий.

Итак, я это место в грамоте перевожу: ‘И ты возьми пахты (или жмыху)’.

3. Я воспроизвожу грамоту № 502 (конца XII в.?), ориентируясь на прорись [см. НГБ 1962–76: 96] и последнюю ее публикацию [см. Зализняк 2004: 405]:

Ѡ мирслава к олисьеви ко грициноу а [т]оу [т]и
вѣнидѣте гавѣко полоцанино прашан его ко
дѣ ти на господѣ вѣтаеѣ аѣ ти видѣло како
ти было ѡ ивана ѡлѣ постави .и. пѣредѣ людѣми
како ти вѣмоловитѣ

Перевод А.А.Зализняка: «От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетеля-

4 Вышеприведенные рассуждения А.А.Зализняка и заметка А.Косоротовой [2006], специально посвященная этимологии слова *колоб*, явно исходят из первичности «хлебных» значений. Между тем, словарные толкования дают материал для иного решения. Ср. новгород. *колобушка* «выжимки при выделке льняного масла, спрессованные в лепешку» [НОС 4: 85].

ми, как он скажет (т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет)» [ib.: 406].

На мой взгляд, союз **а** здесь имеет условное значение ('если'), наречие **тоу** не следует понимать как 'тут' (тем более во временном значении: 'сейчас придет...'), скорее как 'туда'. Впрочем, это не так уж принципиально. Принципиально то, что слова **тоу**, **вънидѣте**, **кодъ** (= **къдѣ**), **на господь вѣтаеть** — довольно яркие церковнославянизмы, и задача моего комментария, в основном, стилистическая. Издатели понимали слова **господа** как 'жилище' (вероятно, так же нейтрально понимает его и А. А. Зализняк⁵), но **господа** — это древнее книжное обозначение 'постоялого двора, гостиницы', моравизм в старославянском, по мнению А. С. Львова [Львов 1966: 78–81], а **вѣтати** — обозначение 'временного пребывания' — фигурирует как в старославянских [ср. СС: 116], так и в более поздних книжных текстах [СЛРЯ 2: 192; СДЯ I: 438]. К сугубо книжному по происхождению пласту относятся и **вънидѣте** [ср. СС: 146 s.v. **въннити**]. Недаром, описывая сербское *Вуканово евангелие* начала XIII в., С. М. Кульбакин [Кульбакин 1898: 1172] замечал: «Паннонское **въннити** 3б; 46г; 3г; 47а; 47б, — чередуется с болгарским **вълѣсти** 46г; 5а и др.». Любопытно, что аорист **въниде** — частый гость на листах Синодального списка I Новгородской летописи (см. его под 1138, 1139, 1141, 1157 гг. [НЛ: 25, 26, 30]).

Мирослав предлагает Грицину поинтересоваться, на каком постоялом дворе живет Гавко, возможно, потому, что место его проживания связано с разрешением вопроса: мог ли видеть Гавко арест Ивана Мирославом. В форме **взмоловить** я бы подчеркнул его юридический смысл: *взмолвити на кого-л.* 'возвести обвинение', хотя известные мне примеры [см.: АИ I: 150; СЛРЯ 2: 155–157] извлечены из текстов не старше XV в. Такой же смысл имеется и у императива **постави**. Ср. *поставити* в значении 'представить, предъявить при судебном разбирательстве': «а послухи поставить» в тексте пространной Русской Правды по списку XIV в. [СЛРЯ 17: 227–228].

Мой вариант перевода оказывается весьма близок к переводу А. А. Зализняка: '...Если туда придет Гавко-полочанин, спроси его, в какой гостинице он обитает, если видел, как я схватил Ивана. Поставь его перед людьми, как-то он обвинит'. Но главный интерес грамоты для меня сосредоточен в совмещении юридической терминологии и общего казуистического смысла текста с лексическими элементами высокой книжности. Такое совмещение не предусматривается «бытовым» взглядом на берестяную письмен-

5 В переводе грамоты это понимание затушевано. В *Словоуказателе* его *Древне-новгородского диалекта* в статье **господа** ж. за этим примером почему-то следует форма род. мн. **господѣ** из грамоты № 248 со значением 'хозяев', 'землевладельцев' и др. [см. Зализняк 2004: 726]. Такое объединение в одной словарной статье далеко разошедшихся понятий представляется мне неоправданным.

ность, последовательно проводимым А. А. Зализняком и его последователями.

Высказанные и аргументированные мною ранее [см. Страхов 1995: 244–246] сомнения в правомерности отождествления формы *Грицинь* (являющейся скорее всего патронимом от гипокористики *Грица* < *Григорий*) с этнонимом *Гречинь* остаются в силе, как бы ни были увлекательны последствия этого отождествления.

4. Грамота № 554 (рубеж XII–XIII вв.?) содержит перечисление трех личных имен, представляя собою, по всей вероятности, поминальную записку. Издатели [см.: НГБ 1977–83: 28; ср. Зализняк 2004: 466] прочли ее так:

огриѣни хръстѣнна | къстанѣти

Воспроизводя чтение издателей, я дополнительно курсивом отметил буквы, связанные лигатурами (**р-и**, **т-и**), к слову сказать, довольно типичными для книжного письма.

В. А. Янин решил, что последовательность **огриѣни**, «по-видимому, является видоизмененным написанием имени Агриппа». А. А. Зализняк, соглашаясь с ним, объяснил исход этого имени гиперкоррекцией: *Огривии*, по его мнению, относится к *Огрипа* (из *Агриппа*) как *Савлии* (из грамоты № 272) к имени *Савль* [НГБ 1977–83: 28, 215]. На прориси [см.: НГБ 1977–83: 28], однако, ясно видно, что последней буквой этого имени является не **-и**, а буква **-н** (совершенно идентичная по начертаниям букве **-н** в имени *хръстѣнна*). Таким образом, мы имеем дело с недописанным именем, скорее всего женским, — **огриѣни[а]**, т. е. *Аграфена*, *Агриппина*. Видеть в этом имени видоизменение мужских имен *Агриппин* и/или *Агриппа* представляется гораздо более затруднительным, так как святые с такими именами входят в список «восточных святых, не находящихся в месяцесловах Грекороссийской Церкви» [Сергий 1901: 701–702].

ЛИТЕРАТУРА

- АИ I: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I (1334–1598). СПб., 1841.
- Аркушин 2: *Аркушин Г.* Словник західнополських говірок. Т. 2, Луцьк, 2000.
- ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гринченко 4: *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Т. 4. Киев, 1909 (перг.: Київ, 1959).
- Даль 1–4: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Изд. 3-е. СПб.; М., 1903–1909.

- Домострой: Домострой / Изд. подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 2001.
- Зализняк 2004: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004 (2-е изд.).
- Косоротова 2006: *Косоротова А.* Происхождение существительного *кóлоб* // Русская филология. 17. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2006. С. 170–175.
- Кульбакин 1898: *Кульбакин С. М.* Заметки о языке и правописании Волканова евангелия // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. 1898. Т. III. Кн. 4. С. 1140–1172.
- Львов 1966: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
- Мансикка 1912: *Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. 1912. Т. XVII. Кн. 2. С. 86–144.
- Мжельская 1956: *Мжельская О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV веков // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1956. № 198. С. 163–199.
- НГБ 1958–61: *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.
- НГБ 1977–83: *Янин В. А., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). М., 1986.
- НЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.
- НОС 4: Новгородский областной словарь. Вып. 4. Новгород, 1993.
- СБГ 2: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 2. Мінск, 1980.
- СГДАПО: Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Вып. 1. Пермь, 1984.
- СДЯ I, III: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988; Т. III. М., 1990.
- Сергий 1901: *Архиепископ Сергей (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. I. Восточная агиология. Владимир, 1901 (перг.: М., 1997).
- СЛРЯ 2, 14, 17, 23: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975; Вып. 14. 1988; Вып. 17. 1991; Вып. 23. 1996.
- Соболевский 1886: *Соболевский А. И.* Смоленско-полоцкий говор в XIII–XIV вв. // Русский филологический вестник. 1886. Т. XV. № 1. С. 7–27.
- СПГ I: Словарь пермских говоров. Вып. I. Пермь, 2000.
- СРГК 2: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2. СПб., 1995.
- СРГС 2: Словарь русских говоров Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2001.
- Срезневский I–III: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912 (перг.: М., 1958).
- СРНГ I–: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л., 1965–.
- СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- Страхов 1995: *Страхов А. Б.* Филологические наблюдения над берестяными грамотами: VI–IX // *Palaeoslavica*. 1995. Vol. III. С. 231–279.

- Страхов 1999: *Страхов А. Б.* Новгородские и псковские «переходы» *мл' > н', tl > кл, dl > зл*: альтернативные решения // *Palaeoslavica*. 1999. Vol. VII. С. 275–296.
- Страхов 2000: *Страхов А. Б.* Новгородские и псковские «переходы» *мл' > н', tl > кл, dl > зл*: альтернативные решения (*окончание*) // *Palaeoslavica*. 2000. Vol. VIII. С. 273–296.
- ТС 5: Тураўскі слоўнік. Т. 5. Мінск, 1987.
- ЭСБМ 3, 12: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. 1985. Т. 12. Мінск, 2008.
- ЭССЯ 10: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М., 1983.
- ЯОС 1986: Ярославский областной словарь. *К–Луова*. Учебное пособие. Ярославль, 1986.
- Karłowicz 1911: *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Т. 6. Kraków, 1911.
- Karłowicz 1927: *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. VIII. Warszawa, 1927.
- Linde 1860: *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Т. VI. Lwów, 1860.
- Nosovič 1870: *Nosovič I. I.* Slovar' bělorusskago narěčija. SPb., 1870 (= Specimina philologiae slavicae. Supplementband 2. München, 1984).
- Vartýha 1970: *Vartýha A.* Krajovy slovník Łahojšćyny. New York, 1970.

А. В. Тер-Аванесова

ПЛЫТЬ И ГЛАГОЛЫ ПЛАВАНИЯ В ОЛОНЕЦКИХ ГОВОРАХ

*Дорогому Толе с пожеланием счастливого
плавания во всех смыслах, кроме олонецкого*

Здесь дается краткая характеристика глаголов плавания в северо-западных русских говорах, относящихся по нынешней классификации к Онежской группе; по классификации 1915 г. это олонецкие говоры (бывш. Олонецкой губ.). Это последнее обозначение здесь предпочтительно, поскольку территория олонецких говоров больше территории Онежской группы и более соответствует семантической изоглоссе, рассматриваемой ниже, а именно изоглоссе значения 'ползти', развившегося у *плыть*. Эта изоглосса, по-видимому, продолжается на территории западных поморских и каргопольских говоров, тесно связанных с олонецкими. Такое же семантическое развитие характерно для соответствий финскому *uida* 'плыть' в людиковском диалекте карельского языка (и отчасти в вепском), находящемся в контакте с русскими олонецкими говорами уже несколько веков. Людиковский, (вепский) и русские олонецкие говоры образуют в отношении развития 'плыть' > 'ползти' единый ареал.

Материал отчасти был собран во время экспедиций в Заонежье (Медвежьегорский р-н Карелии, северное побережье Онежского озера), отчасти взят из диалектных словарей (СРГК, АОС, ПОС).

Глаголы, обозначающие плавание в олонецких говорах, ниже разделены на три группы, как предложено авторами проекта «Aqua-motion», см. работы, посвященные этим глаголам в языках мира в [Майсак, Рахилина 2007].

1. Глаголы активного плавания: *плыть* (Заон. *плóвү*, *плóвёт*, в прочих говорах также *плывү*, *плывёт*), *плáвать* 'передвигаться по поверхности воды или в воде, применяя физические усилия' употребляются при любых живых субъектах.

В олонецких говорах это значение, возможно, является частным случаем основного значения глагола *плыть* — ‘ползти’, см. ниже.

Из глаголов погружения в воду интересен заонежск. *купать(ся)* (*кúплюсь, кúплется*, ср. также *кúпальщик*): в «старшей разновидности» говоров он имеет значение ‘окупать(ся), погружать(ся) в воду’ и не предполагает ни плавания, ни мытья. Ср., например, о купании в крещенской проруби, погружении креста в воду при ее освящении: *А пёшайуть ердан, бáтюшка кúплет крёс, потóm крещио́ны заветы полага́ють да кúплюцца* (по рассказам, молодые люди прыгали в *ердан* и тут же выходили из него, а стариков опускали в *ердан* и поднимали обратно на полотенцах). Другие глаголы погружения в воду в Заонежье — *тонуть, нырять* и каузативы к ним *топить, норить* ‘погружать в воду и тянуть невод при подледном лове’.

2. Плавание судов и на судах обозначается в олонецких говорах глаголами *идти, ходить* ‘плыть’ (о судне) и *ехать, ездить* ‘плыть на судне’: *З гóрада да Вéликай Губы рáньше хэ́дили пэ́рхóды, Вэ́льдáрский, потóm Ури́цкий, Ано́хин. Ури́цкий шóл часов пýть. Пгáк ýе́деш, вэ́зь дýмгм возьмёссе* Заон. Ср. появление разбойников на кораблях в стихе о братьях-разбойниках и их сестре (записан в Типиницах от уроженки Кузаранды, Заон.): *Буйны вéтрышки приза́дунули, // Бёлы пáрусá призабéлели, // Чёрны кóрабли призачёрнели, // Тўт на́эхалó дэвэ́ть разбóйников*¹.

В Заонежье *ехать* также употребляется в значении ‘плыть’ (о небольших весельных лодках с гребцом, особенно долбленых *ушкуйках*). Глаголы *идти, ходить* в значении ‘плыть на большом судне, будучи членом его команды’, кажется, в Заон. характерны только для профессионального языка навигаторов; обычно в этом значении обычно употребляется *ехать*, см. следующий пример.

Обозначение плавания судов и на судах представляет собой частный случай обозначения движения транспортных средств и человека на них, а также человека пешком. Исключение составляют повозки (*едут*), подобно весельным лодкам, а не *идут*) и самолеты (*лétят*), однако человек на самолете *едет* (и пассажир, и пилот). Аналогия воздухоплавания и судоходства очевидна в следующем примере, где пилот самолета АН-2 убеждает старушку с Волкострова (Заонежье)

1 В другом великопостном стихе, записанном от той же информантки, олонецкая система глаголов плавания нарушается; в нем имеются и другие не олонецкие лексические особенности:

Как Егóрей-свет пó морю́ плóвёт // Пó морю́ плóвёт, он стихи́ поёт // Он стихи́ поёт хёру́вмскиé. По-олонецки этот текст должен означать, что св. Георгий движется вплавь. И далее: *Тут пошла́ змея́ хадить по гóрадú // Хадить по гóрадú, прасить по гóлавý.* И способ перемещения змеи, и ее именование показывают, что это не простой *гад* (обычное название змеи и ужа в олонецких говорах), или же указывают на неолонецкое происхождение текста.

не бояться перелета: *Дак веть я, бабушка, не пъянай еду, ф тверёзнам віди, дак ты не волну́йся, я фарва́тер зна́ю, дак ты не бойся.*

В значении ‘добираться’ в Заонежье употребляется **попада́тъ** (сов. *попа́сть, вы́падать* ‘добраться, преодолев множество препятствий’): *Куды́ попада́ам?* (вопрос водителя к подобранному на дороге попутчику); *Чим попада́л?*; *То́люшка съ́ехал на Медве́шку, ак пя́ть часо́в попада́ли, авто́бус слома́лся дак; Наси́лу вы́падали.*

3. Глаголы пассивного плавания: *пла́вать, текчи́*. Значение ‘плавать, держаться на поверхности воды’ обслуживается глаголом **пла́вать** (Заон. *бравно́ плаваат*). В значении ‘плыть по течению’ (о предметах; вероятно, также о живых существах — плыть не гребя, без физических усилий) в Заонежье употребляется **плыть** и (видимо, устаревающий) **текчи́**.

Так, в Заонежье при гадании о замужестве на *Ива́ндень* только что связанный березовый веник бросали в озеро (поскольку в Заонежье нет рек, а есть только озера и мелкие порожистые ручьи) со словами: *Куды́ ви́ницёк приплове́тъ, ф какой́ беряжко́?* Предсказание судьбы, как правило, сбывалось: *Да куды́ приплове́тъ, тут бро́сиши, дак ту́т его́ и при́бьет, о́зеро дак. Да фси́ де́фки ф свою́ во́лосъ вы́шли за́муж* (Космозеро). Учитывая формульный характер текста и очевидную неприменимость гадания в условиях озерного края, можно предполагать, что и обряд, и текст в Заонежье заимствованы.

Глагол **течь** (*текчи́*) ‘плыть по течению’ (о предметах) в Заонежье зафиксирован только в рассказе о чудесном появлении креста, по преданию, приплывшего по Онежскому озеру к деревне Воронья: *Там, в Воро́ньгих, крёс при́те́къ по о́зеру, а старики́ наши́ да поста́вили, да там рушников и фсяго́ навешано, да крещи́оны ходят заве́ты полага́ють дак.* В тех частях олонецкой территории, где есть сплавные реки, *течь* (*текчи́*) — единственный глагол, употребляемый в данном значении: *А бывает, что запань лопнет, и лес течёт в Ладожское озеро Лод.* [СРГК 5]; *Бревно пустят, дак оно течёт по реке, а человек плывёт* [там же].

Основное прямое значение *течь* в олонецких говорах — ‘литься, струиться в каком-либо направлении’: *река текёт*. О дождевой, талой воде, реках и ручьях в Заонежье говорят также **бежит** (в том числе о воде, текущей с крыши, наряду с *льется*). Ср.: *бежит* и *текёт* также говорится о голосе при пении: *Голосо́к у меня́ не бежи́т, те́чки не́ту* Нюхча, Арханг. Изредка *течь* встречается в значениях, характерных для олонецкого *плыть* ‘ползти’: *Видела, как гад текёт по дорожке* (о змее) Медв. [СРГК 5]; также *те́чкотать* ‘медленно идти, ползти’: *Возьму, запрягу, до другой горы те́чкотает, идёт* Подп. [СРГК 5].

4. Глаголы **плыть, пла́вать** в значении ‘ползти’ встречаются, согласно СРГК, в олонецких говорах на территории Лодейнопольского, Подпорожского, Вытегорского, Пудожского, Кондопожского, Медвежьегорского, Беломорского и Онежского районов, многие из кото-

рых прилегают к Онежскому озеру, а в целом образуют компактный ареал говоров, объединенных общим происхождением и общими историческими судьбами (как известно, это говоры территорий, колонизированных, начиная с XII–XIII вв., новгородцами и вплоть до XVI в. мало затронутых влиянием северо-восточной Руси). В АОС *выплыть, выплывать* в значении ‘выползти, выползть’ отмечены только в Каргопольском р-не (Ошевенск и Лёкшмозеро) [АОС 8: 89, 90], соседнем с Пудожским.

Значение ‘ползти’ (о змеях) у *-плыть, выплывать* зафиксировано в Гдовском и Великолуцком р-нах Псковской обл. [ПОС 6: 34]. Некоторые говоры Обонежья, в том числе заонежские, обнаруживают близкую связь с гдовскими, и если в последних указанное значение *плыть, плавать* не является результатом параллельного с олонецким развития, можно предполагать, что в олонецких говорах оно является наследием языка псковских переселенцев. Учитывая время заселения русскими онежского побережья, это значение у *плыть* в псковских говорах должно было возникнуть достаточно рано.

Ниже приводятся примеры употребления *плыть* в значениях, свойственных глаголу *ползти* в литературном языке, как они описаны в [Ожегов, Шведова]. Глагол *ползти* по крайней мере в говорах Заонежья и соседних олонецких крайне малоупотребителен (вытеснен глаголом *плыть*), однако он широко употребляется в других северо-западных и поморских русских говорах, где нет *плыть* ‘ползти’.

(1) ‘ползти, передвигаться по поверхности всем телом (о животных) или на ножках (о насекомых)’: *Гад подоплыи и оклеваи* ‘змея подползла и укусила’; *Тут уш не пройдеши, гадевиа плавайут сэры* Заон. *Сели чай пить — гляжу: клеиц плывёт по руке* Лод. [СРГК 4: 553]. Этим значением мотивированы олонецкие названия змей: *пывун* Пуд., *пывуищий* Медв., которые употребляются наряду с обычным *гад* и несравненно более редким *змея*: *Гадья, пывуны, так мы змей кличем* Пуд. [там же].

(2) ‘передвигаться, припадая туловищем к поверхности и перебирая по ней конечностями’ (о человеке, животных): *Встать не могу, ак доплыла кое-как на колёнках* Заон. *Учили нас по-пластунски плавать* Лод. [СРГК 4: 528]. Ср. также переносное значение у *росплыться* ‘расползтись, мало-помалу разъехаться’ в примере: *Нонь вси с деревян росплылись в городá да в посёлки* Заон.

(3) ‘медленно, с трудом передвигаться, тащиться’: *Старуха идёт, одва плывёт* Заон.; ср. производное *пывуныя* ‘та, которая медленно ходит’: *Вот пывуныя, вечно плывёт* Пуд. [СРГК 4: 553]. Это значение представлено у *плыть* в записанной на Пудожье пословице: *Не жили, а плыли* (о плохой жизни) [там же].

Ср. переносн. значение *подплывать* ‘подползать, медленно приближаться’ (о возрасте): *Мне уже восемьдесят лет подплывает* Волос. [СРГК 4: 662].

(4) ‘стелиться по земле’ (о растениях): *Плывунняк — такой сорняк, трава маленька с длинными листьями, по земли расплывается* Лод. [СРГК 4: 553].

(5) ‘сползать, соскальзывать’: *На краечек копыта гвоздики прибывают востренькие, чтобы нога не плыла* Медв.; *Перевяжешь ношу-то, тащишь, чтоб не плыла* Подп.; *Эти-то нитки ходкие и плывут на ниченках* (в ткацком стане) Лод. [там же]. Очевидно, этим значением мотивировано производное *плóвьё* ‘одежда слишком большого размера’ (сползающая) Медв. [СРГК 4: 548].

Широко распространены в олонекских говорах также такие значения *плыть*, которые связаны с вытеканием и распространением жидкости (газа) по поверхности:

‘вытекать, убегать, переливаться через край’ (о жидкостях, дыме, вязких веществах): *А у нас говорят плóвьёт: суп плóвьёт, картошка плóвьёт, а у вас — бежит*. Пуд. *Горячится самовар, да кипяток плывёт* Белом., Кондоп.; *Боров это на вышке, дым-то по нему на крышу плывёт* Подп. [СРГК 4: 553]; ‘течь, протекать’ (о емкостях): *Самовар плывёт, порошина, верно, попала в кран* Медв. [там же].

В связи с изложенным допускает двоякое истолкование «внутренняя форма» олонекской поговорки *ни плыть, ни ехать* ‘не иметь никаких возможностей’, ‘не мочь двинуться’: *Возраст, ни плыть, ни ехать, ничего не могу; Сейчас уже дошли до того, что ни плыть, ни ехать, ничего нет*. Онеж. *Напился до дырочек, до пучи, что ни плыть, ни ехать*. Выт. [СРГК 4: 553]. Можно предполагать следующие мотивирующие его семантические противопоставления: 1) ‘медленно продвигаться пешком, ползти, тащиться — быстро продвигаться на транспорте’, 2) ‘передвигаться вплавь — плыть на лодке’.

5. Развитие семантики *плыть* ‘плыть’ > ‘ползти’, подобное олонекскому (и псковскому), имеется в контактирующих с олонекскими говорами прибалтийско-финских языках и диалектах. Финскому *uida* ‘плыть’ в лудиковском карельском соответствует однокоренной глагол *uivelda* ‘ползти’; кроме того, в вепском имеется *ujuda* ‘плыть; течь, струиться; скользить’; в большинстве прибалтийско-финских языков и диалектов данная основа имеет значение ‘плыть’, как в финском [Kulonen 2000: 368], ср. также [Мустайоки, Протасова 2007: 387]. Учитывая наличие псковских примеров, можно думать, что в лудиковско-(вепско)-олонекском ареале семантическое развитие ‘плыть’ > ‘ползти’ у глагола, означающего перемещение живых существ в воде, в прибалтийско-финских языках происходило под влиянием русских олонекских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

АОС: Архангельский областной словарь / Ред. О.Г.Гецова. Т. 1–11–. М., 1980–2001–.

- Майсак, Рахилина 2007: Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.
- Мустайоки, Протасова 2007: *Мустайоки А., Протасова Е.* Финские глаголы со значением плавания // Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.
- Ожегов, Шведова: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- ПОС: Псковский областной словарь. Т. 1–17–. Л. (СПб.), 1973–2005–.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Kulonen 2000: *U.-M. Kulonen* (ed.). Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki, 2000.

СОКРАЩЕНИЯ

- Арханг.: Архангельская область
Белом.: Беломорский р-н Карелии
Волос.: Волосовский р-н Ленинградской обл.
Выт.: Вытегорский р-н Вологодской обл.
Заон.: Заонежье: Толвуйский полуостров и острова Кижского архипелага, Медвежьегорский р-н Карелии
Кондоп.: Кондопожский р-н Карелии
Лод.: Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
Медв.: Медвежьегорский р-н Карелии
Онеж.: Онежский р-н Архангельской обл.
Подп.: Подпорожский р-н Ленинградской обл.
Пуд.: Пудожский р-н Архангельской обл.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРЕХ ДИАЛЕКТНЫХ
БОЛГАРСКИХ СЛОВ:
ДЖЁТАМ, ПЁЛЬКАМ, РАЗМЙГАМ

ДЖЁТАМ. О слове *джётам* ‘находить’ тайного болгарского говора в [БЕР I: 36] дано следующее этимологическое объяснение: «Из алб. *gjëndem* ‘находиться’». К. Костов и М. Младенов относительно данного объяснения отмечают следующее: «Это невозможно по фонетическим затруднениям. Если это слово все же албанского происхождения, оно может быть возведено к причастию прошедшего времени *gjetur* глагола *gjej* ‘находить’» [Костов, Младенов 1968: 465]. Нужно признать, что и при втором объяснении есть «затруднение» — фонетико-словообразовательное: нужно объяснить выпадение *-ur* в *gjetur*. Я полагаю, что *джётам* возникло по основе *gjet-* аористных форм алб. *gjej* ‘находить’ (вариант *gjen*) — *gjeta* (1 л. ед. ч.), *gjete* (2 л. ед. ч.), *gjeti* (3 л. ед. ч.), *gjetëm* (1 л. мн. ч.), *gjet* (3 л. ед. ч. пассива/рефлекси́ва).

ПЁЛЬКАМ. Слово *пёлькам* ‘вязать, шить, работать неумело с плохим материалом’ говора с. Комштица, р-н Годеча, включено в [БЕР V: 143] как неясное по происхождению. Нет сомнения, что оно извлечено из хранящейся в Институте болгарского языка Болгарской академии наук (София) картотеки «Болгарского диалектного словаря», где имеет форму *пёлькам*, без мягкости *м*, в значении ‘вязать, шить, работать неумело, неуклюже, с плохим, недостаточным материалом’. Обозначенная в БЕР мягкость *м*, очевидно, результат ошибки. На мой взгляд, есть две возможности этимологического объяснения *пёлькам*. Оно может быть из **пльёткам*, варианта с мягким *л* (*ль*) из *л* перед гласным *е* в **плёткам*¹, образованного с суффиксом *-к-* из *плета́*, с метатезой (так из **пльёткам* получается **пёльткам*) и фонетическим упрощением *льтк* > *льк*. Относительно образования с *-к-* ср. возвратную форму *плёткам се* ‘мотаться’

1 Ср. [Виденев 1978: 163], где форма *польёто* с мягким *л* (*ль*) из *л* перед гласным *е* в тексте: *Упольёто набили големѝ цимѝнтови ко̀лци*.

(Прилеп), данную в [БЕР V: 343] как производную от *плета́*. Другая возможность — происхождение из гр. *πλέκω* ‘вязать’ с мягким *л* (*лъ*) из *л* перед передним гласным *е* и *-ам* болгарских глаголов на *-ам* (так получается форма **плѣлкам*), с метатезой (так получается *пѣлкам*).

Первоначальное значение *пѣлкам* было, надо полагать, ‘вязать’ или ‘вязать неумело с плохим материалом’ / ‘вязать что-то неумело, неуклюже, с плохим, недостаточным материалом’. Позднее оно расширилось.

РАЗМИГАМ. Слово *разми́гам* включено в [БЕР VI: 156] как неясное по происхождению. Иллюстрируется оно текстом: *От кокошката не трябува да се хвърля вън, а всичко вътре си да размигат.* В качестве источника указан словарь Т. Панчева. Отмечено, что значение его не ясно. Текст в [Панчев 1908: 178] почерпнут из «Българский народенъ сборникъ» Васила Чолакова (Болград, 1872, с. 112). Это — часть описания обычая в с. Скребатно, р-н Неврокопа (ныне р-н Гоце Делчева) накрывать стол в честь домашнего духа, называемого *наместник*. Позволю себе процитировать побольше текста с описанием обычая, чтобы стало яснее, о чем идет речь: *Въ година-та еднѣчъ правятъ на тоя намѣстникъ гозба. Тая гозба се прави прѣзъ голямія мѣсяцъ въ бо-единъ понеделникъ. На тозы гозба трябува да има и кокошка; кокошка-та я закалатъ вътрѣ на огнището при оганя и тамъ да я опляшатъ. Отъ кокошка-та не трябува да ся хвърля вонъ, а сичко вътрѣ си да размигатъ.* В приведенном тексте *разми́гатъ* — форма 3 л. мн. ч.; таковы и формы *правятъ*, *закалатъ* (= *заколват* ‘убивают, режут’), *опляшатъ* ‘общипывают перья’². Производители действий, обозначенных глаголами *размигатъ*, *правятъ*, *закалатъ* и *опляшатъ*, — жители с. Скребатно. Внимательно взглядевшись в текст, мы можем заключить, что значение глагола *разми́гатъ* — по всей вероятности, ‘смешивают, размешивают’. В таком случае *разми́гам* ‘смешивать, размешивать’ можно объяснить как образование с приставкой *раз-* из **зми́гам* ‘смешивать’, которое, со своей стороны, возникло из нгр. *зміуω* ‘смешивать’ (записанное фонетически кириллицей: *зми́го*). Нужно признать, что болгарские морфемы в начале и конце слова *разми́гам* и совпадение *з* в болгарской приставке *раз-* с *з* греческого глагола (в гипотетической форме **раззми́гам*) делают греческий этимон довольно непрозрачным и трудно выделяемым.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР: Български етимологичен речник. София, 1971–.

Виденов 1978: Виденов М. Годечкият говор. София, 1978.

2 Формы *опля́шувам* (*упля́шувам*), *опля́ша* ‘общипывать перья или волосы’ из Банско и Скребатно, р-н Гоце Делчева; см. [БЕР IV: 904].

Костов, Младенов 1968: *Костов К., Младенов М. Сл.* Бележки и добавки към Българския етимологичен речник // Български език. 1968. № 4-5. С. 460–466.

Панчев 1908: *Панчев Т.* Допълнение на българския речник на Н. Геров. Пловдив, 1908.

Перевод с българского Г. К. Венедиктова

Вокруг испуга, страха и ужаса

Давно поставленный в этимологии вопрос о происхождении русского *пугать*, отсутствующего в других славянских языках и заменившего в литературном языке и отчасти в диалектах закономерную форму *пужать* из *пудить* ‘пугать, устрашать’, решался до недавнего времени в пользу «морфонологической» версии, объясняющей появление задненебного исхода корня на месте шипящего их регулярным соотношением в модели палатализации и йотации (ср. *бегать* — *бежать*, *стерегу* — *сторож* и т. п.). Однако в серии работ С. А. Николаева [1988; 1994; 2005] это явление было поставлено в один ряд со случаями последовательной рефлексии йотированных дентальных **tj*, **dj*, **zj*, **zj* в виде велярных *k*, *g*, *x*, *γ* в псковских говорах, обнаруженными С. М. Глускиной [1962; 1979], и получило иную интерпретацию: «Псковские *x*, *γ*, *k*, *g* и сходные рефлексy в генетически близких говорах на месте праславянских **tj*, **dj*, **sj*, **zj* не только в глаголах, но и в существительных <...>, где вторичное „восстановление“ велярных, по теории С. М. Глускиной, вряд ли возможно, заставляют заключить, что мы имеем в данном случае результат не морфонологического, а именно фонетического процесса» [Николаев 1988: 136]. Область, о которой идет речь, называется условно кривичской диалектной зоной и включает псковские (и происходящие от них северные), смоленские, некоторые северо-восточно-белорусские говоры. Наличие иных, «общерусских» рефлексов (*ч*, *ж*, *ш*) в этих говорах «должно быть отнесено на счет междиалектных контактов и влияния литературного языка» [Там же: 144], а наличие велярных рефлексов за пределами кривичских говоров или в литературном языке предлагается объяснять происхождением соответствующих явлений из говоров кривичского типа.

Не оспаривая предложенной С. А. Николаевым историко-фонетической трактовки большинства рассмотренных им псковских, смоленских и севернобелорусских примеров, по-

черпнутых как из диалектных словарей, атласов и картотек, так и из письменных памятников, следует тем не менее признать, что мена ден- тальных и велярных в исходе корневых морфем в славянской лексике отнюдь не всегда соответствует фонетическим позициям палатали- зации или йотации и часто выходит далеко за границы кривичского диалектного ареала. Корреляции *t/k*, *d/g*, *s/x*, изначально связанные с морфонологическими отношениями (общими для каждой пары реф- лексами палатализации и йотации: соответственно *č, ž, š*), могут лек- сикализироваться и порождать двойную (или даже тройную — с учетом йотированных рефлексов) репрезентацию одних и тех же морфем. Это раздвоение может быть поддержано разного рода формальными, словообразовательными, семантическими притяжениями и влияни- ями. С другой стороны, это устойчивое соотношение дентальных и велярных на конце корня может порождать противоположное явле- ние — семантическое взаимодействие и скрещение этимологически разных лексем и целых гнезд. Некоторые случаи такого рода будут рассмотрены ниже.

1. Корреляция *d/g/ž*

Именно к этому типу, как представляется, относится паралле- лизм корней *пуд-* и *пуг-*, представленных как в глагольных, так и в именных лексемах. Оба вида имеют значительные ареалы на восточ- нославянской территории.

Пуд- рус. *пудало* 'пугало' (орл., тул.); *пудить* 'пугать' (вят., зап., пск., смол.), 'гнать, выгонять', 'сильно лить (о дожде)' (курск., орл., моск., калуж., смол., сталингр.), 'бить, хлестать' (ворон.); *пудиться* 'пу- гаться' (пск.); *пудкий* 'пугливый' (влад., волог.) [СРНГ 33: 107–108]; бел. *пуд* 'страх, испуг': *пудала, пудзіла, пудайло* 'пугало'; *пудзіць* 'пугать, от- пугивать, заставлять убежать'; *пудкі* 'пугливый' [ЭСБМ 10: 198–200]; *пуд, спуд, упуд, перапуд* 'болезнь, вызванная страхом, испугом': «Пуд, пуд, ідзі у кут»; «Пуд, пуд, застанься тут»; «Божа, выгані спуд с ко- стачак, з ручачак, з ножачак» (из заговоров) [НМ: 637, 641, 644, 663]; укр. *пудити* 'пугать, гнать; мочиться; быстро ехать'; *пуд* 'страх'; *пудило, опуд, опуда, опудало, пудло* 'пугало, страшлище'; *пудний* 'страшный'; *напуда* 'тот, кто легко пугается'; *напротуд* 'напролом'; *перепуд* 'испуг, сильный страх'; *попудить* 'бросить'; *попуд* 'тяга, инстинкт'; *попудний* 'распущенный, вольный'; *попудник* 'леший'; *спуда* 'испуг' [ЕСУМ 4: 627]; *пудно* 'страшно' [Гринченко 3: 498]; полес. *пуд* 'болезнь, вызван- ная испугом' [ПЛНМ: 52].

Пуг- рус. литер. *пугать(ся), испуг, пугач, пугливый*; диал. *пуг* 'ис- пуг' (смол., новосиб.), *пуга* 'то, что пугает, внушает страх' (пенз., смол., арх.); *пуга* 'кнут, плеть, хлыст' (калуж., орл., курск., брян., смол., твер., пск., зап., свердл., новорос.); *пугало, пугалка, пугач, пугло* 'пугало, чу- чело, нечистая сила, которой пугают людей'; *пугаловка* 'что-л. устра-

шающее'; *пугат* 'бес, дьявол, черт, пугающий людей' (арх.); *пугасливый, пугатливый, пугачливый* 'пугливый, трусливый' (арх., онеж., волог., перм.); *пугнуть* 'позвать' (смол.); *пугуч, пугыч* 'сова' (орл., ворон.) [СРНГ 33: 104–107]; бел. *пуг* 'испуг, страх' (могил., гом.); *пуга* 'бич, кнут и т. п.' (повсеместно); *пугать* 'жадно пить', 'лить, разливать'; *пугач* 'ночная сова'; *пугнуць* 'испугать, спугнуть, отогнать' [ЭСБМ 10: 193–197]; *пуг, спуг, испуг* 'болезнь, вызванная испугом': «Я цябе, спуг, не баюся, / Я ад цябе малітвай адсякуся» (заговор) [НМ: 616, 635, 649, 655, 658, 659, 663, 673, 674 и др.]; укр. *пуга* 'бич, кнут, бато́г'; *пугати* 'пугать', *пугнути* 'отпугнуть, спугнуть'; *пугало* 'пугало'; *пугач* 'палка, которой гонят рыбу, ударяя по воде'; *пугливый* 'пугливый' (все слова имеют более распространенные варианты с -ж-) [ЕСУМ 4: 625–626]; *пугати* 'кричать (о филине)'; *пугання* 'крик филина'; *пуга, пугач* 'филин'; *пугом* 'грозно, сердито' [Гринченко 3: 497–498]; полес. *спуг, испуг, перепуг* 'болезнь, вызванная испугом' [ПАНМ: 52].

Пуж-: рус. *пужа* 'страх, устрашение' (костром.); *пужака* 'тот, кто слишком пуглив' (горьк., новг., ленингр.); *пужала* 'тот, кто наводит страх' (смол., вост.-сиб.); *пужалка* 'пугало' (моск., горьк.); *пужало* 'то же' (широкое распространение); *пужание* 'пугание, страх' (устар. и простореч.); *пужанка* 'домовой' (якут.); *пужануть* 'пугануть' (забайк., курск.); *пужаный* 'пуганый' (волог., сев.-двин., чкал., омск., ново-сиб.); *пужать(ся)* 'пугать(ся), страшить(ся)' (повсеместно); *пуженька* 'прут' (смол.); *пуживать* 'пугивать' (арх., печор.); *пужистый* 'пугливый' (азерб.); *пужкой* 'пугливый' (арх.); *пужливый* 'пугливый' (новг., пск., брян., калуж., вят., урал.) [СРНГ 33: 110–112]; бел. *пужала* 'пугало'; *пужаць, пужацца* 'пугать(ся), страшить(ся)'; *пужэйло* 'бич, кнут' [ЭСБМ 10: 201–203]; укр. *пуджати* 'пугать', *пуджало* 'пугало' [ЕСУМ 4: 425–426]; *пуджеться* 'пугаться (о лошадях)'; *пужално* 'кнутовище' [Гринченко 3: 498].

Приведенный материал (заведомо не исчерпывающий) дает основание считать параллелизм восточнославянских корней *пуд-* и *пуг-* явлением достаточно древним, о чем свидетельствует не только широкое распространение обоих вариантов на восточнославянской территории (прежде всего в русском и белорусском ареалах), но и его представленность в таких архаических сферах, как народная медицина и тексты заговоров¹. В семантическом отношении заслуживает внимания сочетание в рассматриваемых гнездах значений 'пугать, страшить', с одной стороны, и 'гнать', 'бить', с другой (ср. также пол. *pędzić* 'мчаться, нестись; гнать', родственное в.-слав. *пудити*), которое поддерживается этимологией слав. **bojati* (*se*), возводимого к **biti* [Фасмер 1: 204; ЭССЯ 2: 163–164].

Из других примеров параллелизма данного типа рассмотрим лишь некоторые.

1 О возможном праславянском параллелизме **pod-/pog-* см. [ЕСУМ 4: 626].

Студ-/стыд- (**stud-/styd-*): рус. литер. *студить*, *студеный*, *простуда*, *стыть/стынуть*, *студень*, *стужа*; диал. *остуда* ‘простуда, охлаждение’, *остудник*, *остудница* ‘постылый, немилый человек’; *остудный* ‘постылый’; *остудить*, *остужать* фольк. ‘отдалить, вызвав неприязнь’: «Остудили Михайлушка от батюшка»; *остудиться*, *остужаться* ‘сориться, сердиться; горевать’; *остыdnуть* ‘остынуть’: «Остыднет, дак тогда и выпью» (арх.) [СРНГ 24: 91–95] (сюда же относятся этимологически родственные *стыд* и его производные); укр. *студ* ‘холод’, *студінь*, *студій*, *студорга* ‘сильный холод’, *студень* устар. ‘декабрь’, *студник*, *студниця* ‘колодец’, *студити*, *студонути* ‘повеять холодом’, *остуда*, *перестуда* ‘простуда’ и др.; *стид* ‘стыд’ и его производные [ЕСУМ 5: 456–457, 415]; бел. *студзіць* ‘остужать’; *студзёны* ‘холодный’; *студзень*, *студэнь* ‘стужа’; *студзень* ‘январь’, *студзень*, *студня* ‘колодец’; *стыдзь* ‘мороз, стужа’; *студзька* ‘человек, который боится холода’; *стужа* ‘холод, стужа’; *стужны* ‘холодный, дождливый’; *стужаць* ‘затвердеть’ [ЭСБМ 12: 352–355, 363]; пол., в.-луж. *studzić*; н.-луж. *stužiś*; чеш. *studiti*; *stydnouti* ‘стыть, становиться холодным’; *stud*, *styd* ‘стыд’ [SSJĎ 3: 595]; словац. *studit’*; *stydnúť* ‘стыть, становиться холодным’; *stud*, устар. *syd* ‘стыд’ [SSJ 4: 320, 310]; болг. *студя*, мак. *студи*; с.-х. *студити*; словен. *studiti*.

Стыг-/стыг- (**styg-/stug-*): рус. диал. *остыгать*, *остыгнуть* ‘остывать, охлаждаться’ (пск., карел., арх.), *остыгиший* (смол.), ‘промерзнуть, простудиться’ [СРНГ 24: 94–95]; укр. *стигнути* ‘стыть, делаться холодным, застывать, твердеть’ [ЕСУМ 5: 414]; бел. *стыгнуць*, *стыгці* ‘стыть, остывать, мерзнуть’; диал. *стугнуты* ‘твердеть, черстветь’ [ЭСБМ 12: 362, 354]; пол. *stygnać* (при ст.-пол. *stydnąć*). Таким образом, варианты с конечным -г (и преимущественно с вокализмом -ы-) по существу ограничены восточнославянским ареалом.

Ярким примером семантического взаимодействия и скрещения этимологически разных гнезд служат славянские свадебные термины **посаг** и **посад**. Первый из них представлен в славянских языках всех трех групп: ст.-слав. *посагати* ‘выходить замуж’, *посагъ* ‘брак’, *вєспосаган* ‘не вступивший в брак’, *непосагъши* ‘незамужняя’ [ССЯ 3: 181; 1:84; 2: 387], др.-рус. *посагъ*, *посагъ* ‘замужество, брак’, ‘бракосочетание, свадьба’, *посагати*, *посагати* ‘выходить замуж’, ‘вступать в любовные, половые отношения’, *посагнути за мужъ* ‘выйти замуж’, *посагание* ‘бракосочетание, свадьба’, *посагатель*, *посагатель* ‘тот, кто вступил с кем-л. в половые отношения’, *посагание* ‘замужество’, *посагатися* ‘вступать в брак’, *посагнение браку* ‘вступление в брак’ [СРЯ XI–XII 17: 149, 276–277]; рус. диал. *посаг*, *посага* ‘приданое’, укр. *посаг* ‘то же’ [Гринченко 3: 356], бел. *посаг*, *посага* ‘то же’ [Носович: 476], серб.-ц.-слав. *посагати* ‘nubere’ [Фасмер 3: 338], чеш. устар. *posah* ‘приданое’ [PSJĎ 4/1: 762]; пол. *posag* ‘то же’, *posagowy* ‘относящийся к приданому’, *posażny* ‘(о девушке) имеющий большое приданое’, ‘относящийся к приданому’ [SW 4: 732–733]. Праслав. **posagъ* чаще всего

возводится и.-е. **seg-/seng* ‘прикрепляться, прилепляться, прикасаться’ [Фасмер 3: 338; ESJS 11: 685], однако О.Н. Трубачев предполагает другой и.-е. корень — **sāg-* со значением ‘вести, предводительствовать’ [Трубачев 1959: 144].

Второй термин (*посад*) имеет в обрядовом (свадебном) значении более узкий ареал (восточнославянские и отчасти польский языки) и совершенно прозрачную этимологию — и в формальном, и в семантическом отношении он сохраняет связь с глаголом **saditi*². Тем не менее во многих контекстах *посад* и *посаг* оказываются взаимозаменяемыми, хотя их исходные значения как будто имеют мало общего. Причиной и импульсом скрещения гнезд в данном случае служат как формальные признаки, о которых здесь идет речь (морфонологическая корреляция *d/g*), так и особенности семантической деривации: с одной стороны, это вполне обычное сужение и конкретизация общего значения брака и свадьбы и появление конкретных (в том числе «предметных») значений у **посаг*, а с другой — столь же обычное расширение первоначального значения ‘сажать’ до значения ‘совершать обряд сажания (жениха и невесты)’ с дальнейшим распространением названия центрального ритуала свадьбы на всю свадьбу и ее конкретные элементы и атрибуты.

Посаг — рус. *посаг* ‘брак, замужество’ (твер., орл., олон.), ‘свадьба’ (олон., твер, орл.), ‘приданое’ (орл., брян., зап., урал.); *посага* ‘приданое’ (смол., зап., брян., лит., латв.): «За девкою дали большую посагу» (смол.); «Я и без посаги замуж выйду» (лит.) [СРНГ 30: 130], смол. *посажница* ‘невеста с приданым’ [ССГ 8: 178]; укр. *посаг* ‘приданое’, ‘место, где сажают жениха и невесту’: «Ишла красна Марусенька на посаг»; *посагувати* ‘сажать невесту на посаг (?)’, ‘наделять приданым (?)’ [Гринченко 3: 356]; *посага, посах, посяг, посяга* ‘приданое’, ‘место молодых на свадьбе’, *посажна* ‘невеста с большим приданым’, *беспосажна* ‘бесприданница’, *посажний* ‘подаренный в приданое’, *випосажити, спосажити, упосажити, спосаговувати* ‘дать приданое’ [ЕСУМ 3: 534]; бел. *пасаг, пасага* ‘приданое’, *пасажніца, пасажая, пасажна(я)* ‘корова, овечка, свинья как приданое’ [ЭСБМ 10: 175]; пол. *posag* ‘приданое’, ст.-пол. *posażyć* ‘давать приданое’, откуда соврем. *wposażyć, wposażyć* ‘снабжать, наделять, обеспечивать, оснащать’ [Boryś: 465–466]; ст.-словац. *posag* ‘приданое’ [HSSJ 4: 140].

Посад — рус. *посад* ‘свадебный обряд подготовки невесты к венчанию (когда ее усаживали в переднем углу избы или за столом для свадебного одевания)»; *сажать на посад* ‘усаживать за стол жениха и невесту’; ‘приданое’: «Настюхе дерюжки на посад» (ворон.); *посадный* ‘относящийся к свадебному обряду’ (ворон., тамб.), *посадная рубаха* ‘венчальная рубаха жениха’, *посадная утирка* ‘полотенце, ко-

2 По мнению А. Брюкнера, польское *posad* объясняется вторичным притяжением к **saditi* исконного *posag* [Brückner: 432].

торое готовят к свадьбе', *посадная скатерть* 'скатерть, которой накрывают стол во время свадебного пиршества'; *посажатый (отец)* 'посаженный отец' (твер., перм.) [СРНГ 30: 133–136]; перм. *посадить* 'выдать замуж': «Все равно мы тебя за Ваню посадим» [СПГ 2: 179]; укр. *посад* 'место, где сажают жениха и невесту во время свадьбы'; *посадный батько* 'посаженный отец' [Гринченко 3: 356–357]; бел. *пасада* 'место (дежа, покрытая козухом), на котором сидит невеста на свадьбе' [ЭСБМ 10: 176]; пол. *posad* 'место новобрачных за свадебным столом', 'приданое' [SW 4: 731].

Обильный этнографический и фольклорный материал по славянским свадебным обрядам, собранный А. В. Гурой [Гура, в печати], содержит множество контекстов, в которых *посаг* и *посад* обнаруживают полный параллелизм. Это относится прежде всего к названию ритуала сажания молодых на почетное место в красном углу обычно после венчания (*посад/посаг*) и названию самого этого места (*посадить/сажать на посад/посаг, сидеть на посаде/посаге, дарить на посаде/посаге* и т. д.). При этом в сфере номинации приданого, свадебного обряда в целом и самого брака эти гнезда взаимодействуют не столь активно (эти значения специфичны для *посаг* и менее характерны для *посад*³). Тем не менее, можно предполагать, что «сажание» молодых на почетное место могло быть смысловой доминантой общей концепции свадьбы архаического типа и всего ритуального и языкового текста свадьбы (во всяком случае у восточных славян), и в этом смысле оба термина оказывались ключевыми для свадебного дискурса. Ср. мнение А. В. Гуры: «Название обряда бракосочетания могло быть связано с *посагом* или *посадом*, на что указывает распространенность у восточных и западных славян этих и родственных им названий (в.-слав. *посаг, посага, посажок, посад, посада, посаждение, посажение, сидение за столом*, перм. соликам. *посадить* 'выдать замуж' [СПГ 2: 179], пол. *posiad, posadziny*, словац. *posádeň*) для обозначения бракосочетания, ритуальных действий, символизирующих заключение брака, их места (дежи, козуха, свадебного стола как почетного места для молодых, для свадебного хлеба), атрибутов (хлеба для благословения новобрачных, скатерти для свадебного стола, венчальной рубахи, песни, благословляющей брак) и самих новобрачных (в песенных текстах), а также роль *посаженных* в брачном соединении и церковном венчании новобрачных» [Гура, в печати].

Примером появления морфонологически не оправданного велярного на месте дентального в исходе корня *ед-* на основе корреляции *d/g* может служить рус. диал. *сыроега, сыроедка* 'гриб сыроежка' [СРГК 6: 429], *суровега, суровяга* 'то же' [Даль 4: 641], *суроега* 'гриб сыроежка', 'тесто на простокваше' (вор.) [Даль 4: 682]; *сероега* 'гриб

3 Ср., однако, выше пермский пример, где *посадить* означает 'выдать замуж'.

сыроежка' [СРНГ 37: 218], *сладкоега* 'сластена, сладкоежка' (наряду со *сладкоеда, сладкоедец, сладкоеж, сладкоежа*), *сластногога* 'то же' [СРНГ 38: 236]; орл. *сыроега, сыроевега, суровега, сурооега* 'кушанье из гречневой муки, разведенной водой, квасом или простоквашей', 'гриб сыроежка' [СОГ 14: 170–171], яросл. *суроега, суровега* 'то же', *сыроеги* 'грибы сыроежки' [ЯОС 9: 88, 94] и т. д.

2. Корреляция *t/k* (*st/sk*)

С(т)рет-/с(т)рек-. На фоне общеславянской формы с дентальным исходом корня, восходящей к праслав. **sъ-rěsti* (ст.-слав. *сърѣсти, срѣтати*, рус. *встретить, сретение*, укр. *стрітити*, бел. *стрэць*, ст.-пол. *pośrześć*, чеш. *střetnouti*, словац. *stretnúť*, болг. *срещна*, с.-х. *срести*) вариант с велярным представлен прежде всего в белорусском и отчасти украинском и западнорусском ареале: бел. *сустрэкаць(ся)* 'встречать(ся)' [Носович: 624], *прыстрэк* 'болезнь, вызванная порчей, дурным глазом, опасной встречей', 'растение, употребляемое для лечения такой болезни' [ЭСБМ 10: 146–147]; укр. *стрікати* 'встречать' [ЕСУМ 5: 446], *пристрік* 'болезнь', 'растение' [ЕСУМ 4: 578]; рус. пск. и твер. *повстрекать* 'повстречать' [СРНГ 27: 265]. Параллелизм обеих форм особенно заметен в полесских номинациях порчи и вызываемых ею болезней: тур. *прыстрэк, прыстрэт* 'недомогание': «Прыстрэк у ёго, нехто зурочыў, колісь шэптхуу звалі, шоб пошэптала»; «Прыстрэт, ек дзіця более, кісне» [ТС 4: 256]; калинк. *прыстрыт* 'то же': «Хто-нібудзь подзівіцца і стане корові прыстрыт» [СПЗБ 4: 163]; лельч. «Од пристреку глядзяць круз ногі на небо і гукать сам сябе» [ПА]; ельск. «Прыстрэт — калі нешта паганае пра цябе падумалі. Тады ўсё баліць, у холад кідае, тэмпература падкідаецца, б'е. А пагаворыць бабка, дасць табе вады — і пройдзе» [НМ: 606]; ельск. «Пристрек. Ножом матка берэ да хрэсце ззадзі» [ПА]; калинк. «Каб прыстрэт не становіўся, заткні хоть ложку, хоть нажа за пояс»; «Як прыстрэк, тады наберы вады в рот і бежы мерай дзвері тры разы, выплюнь воду, кажы: „Ат Бога — дак хвалиць Бога, ат людзей — дак нехай на людзей“» [ПА]. Ср. также *пристріт, прыстрет* (более 150 нас. пунктов) и *пристрік, пристрек* (33 пункта) в своде данных о народной медицине Полесья [ПЛНМ: 54–55].

Мет-/мек-. Речь может идти в частности о русских словах *намекнуть, намекать, намек*, не имеющих убедительной этимологии и сопоставляемых на семантических основаниях с **nametnŏti* [Фасмер 3: 41; ЭССЯ 22: 181], ср., однако, др.-рус. *намѣкъ* (с ятем); *мекать, смекать, смекнуть* 'думать, соображать' (по мнению А. Брюкнера, из *метить*) [Фасмер 2: 594, 610; ЭССЯ 18: 74], *смётка* 'способность быстро соображать, догадливость', *сметливый* 'сообразительный, догадливый, находчивый', *кумекать* 'соображать' (согласно [ЭССЯ 13: 101], сложение приставки *ку-* и глагола *тѣкати*; такого глагола, с ятем,

однако, в словаре нет); диал. *мекать* 'думать, предполагать', 'догадываться', 'припоминать' и т. п. (обширный ареал) [СРНГ 18: 94]; карел. *мекась, мекось* 'кажется, думается', *мекаться* 'казаться', *намекаяться* 'намечаться': «Окошки сразу намекаются, а иногда прорубливаются», *намёком* 'как придется': «В Важинах улиц не было, намёком ходили» [СРГК 3: 218]; *смекасть* 'хотеть, намереваться', 'намекасть, подсказывать', 'уметь' и др.; *смекалый, смекальный* 'умелый, сообразительный'; *смекнуть* 'найти, раздобыть' [СРГК 6: 166–167]; пск. *мекать* 'соображать, смекасть, понимать', 'считать': «Мекай по пальцам»; *мекательный* 'умный, сообразительный' [ПОС 18: 127]; перм. *мекать* 'искать': «мы пришли невест мекать», *намекасть* 'предполагать': «Я намекаю, что они здися вроде жили» [СПГ 1: 512, 558], *смекасть* 'искать, высматривать', 'думать', 'узнавать': «Смекайте, может быть, старушки-то на завалинке сидят» [СПГ 2: 355–356]; орл. *мекать* 'обдумывать, прикидывать в уме' [СОГ 6: 123]; *смекасть* 'наблюдать, следить': «Я смекаль за ней; ох, и виртлявья девка, на месте никак не сидит» [СОГ 14: 22].

Черт-/черк-. Исходным здесь является праслав. глагол **čersti, čyrtq* со значением 'очертить границу' (ст.-слав. *чръѣсти, чрътъж*), имеющий надежные и.-е. соответствия [ЭССЯ 4: 75–76, 161–163; SP 2: 163] и засвидетельствованный в тех или иных рефлексах в южно- и восточнославянских языках (русском и украинском): рус. *черта, чертит, чертеж* и *черкнуть, черкать, очерк, почерк* и т. д., укр. *чертити=черкати* 'проводить черту, чертить', *черкнути* 'черкнуть', 'выпить сразу', 'броситься', 'ударить', *черк* 'удар', 'эффект быстрого, резкого движения', 'миг' [Гринченко 4: 457, 459]; волын. *чертити* 'проводить чем-н. над чем-н.': «Йак йачм'ін' [на оці], то черт'ат' пшоно і пташкам д:айут'» [Аркушин 2: 250]; бойк. *черкати* 'чертить', *чертіж* 'поле на месте выкорчеванного леса', 'вырубка', 'заросли на вырубке', *черть* 'эффект быстрого, резкого движения' [Онишкевич 2: 367–368], закарп. *черькати, черькнути* 'чиркать (спичкой)', *черькач* 'бок спичечного коробка, о который зажигают спичку' [Сабадош: 415], гуцул. *черти* 'сдирать кору с дерева': «Чрет стойчечу смереку», *чертіж* 'поляна в лесу' [ГГ: 211]; болг. *черта* 'черта, линия, граница', *чертаж* 'чертить'; с.-х. *цртати* 'чертить, рисовать' [РСХК 6: 827], *цркнати* 'лопнуть, треснуть', 'околеть, сдохнуть'; словен. *crkati, crkniti* 'околеть'. Последние формы считаются звукоподражательными по происхождению (от **čvrk/cvvrk-*) [Bezljaj 1: 67; Snoj: 76], однако в свете приведенных данных они могут быть признаны семантически мотивированными дериватами глагола **čersti, čyrtq*. Впрочем, и в противном случае наблюдается интересующая нас корреляция *t/k*, ср. болг. *цвъркам* и *цвъртя* 'чирикать, щебетать'; *църкам, църкнам* 'чирикать' и *църтя, църтение* 'чирикать, щебетать, щебет' [Героу 5: 521, 529].

Желт-/желк-. Рус. *жёлтый* и *жёлкнуть* 'желтеть, сохнуть'; диал. *желкнуть* и *жёлкнуть* 'желтеть, блекнуть, вянуть (о растениях)' (пенз.,

курск., орл., калуж.) [СРНГ 9: 108]; карел. *жёлкий* 'пожелтевший': «Я рубила порченный лес, стоит в воды и сохнет, хвоя у него жёлка», *жёлкнуть* 'желтеть, блекнуть, вянуть (о растениях)': «Трава от холода жёлкнет» [СРГК 2: 46]; укр. *жовкнути*, *жовкніти* 'желтеть, становиться желтым': «Ой у саду на горбочку трава все жовкніє»; «Без милого дівча жовкне як трава без роси», *жовтий*, *жовклий* 'желтый' [Гринченко 1: 488]; бел. *жаўква* 'желтый песок', *жаўкляк* 'желтый огурец', перен. 'больной человек', *жоўкнуць* 'стать желтым', *жоўклы* 'желтый, увядший' [ЭСБМ 3: 218, 237]; пол. *żółknąć* 'желтеть' [SJPD 10: 1446]; чеш. *žluklý* 'тухлый, испорченный', *žluknouti* 'портиться, протухать' *žlutý* 'желтый' [SSJČ 4: 933–934]; словац. *žlknúť* (*sa*) = *žltnúť* (*sa*) 'желтеть' [SSJ 5: 819]; с.-х. диал. *жук* 'горький, едкий', *жукао*, *жукла* 'размягченный, разбавленный, водянистый', *жуковина* = *жутилица* 'вид травы' [РСХКНЈ 5: 452]; чак. *žuk* 'испорченный, прогорклый', *žuknut* 'портиться (о пище)' [CDL: 1414]; словен. *žolkniti*, *žolgniti* 'испортиться (о пище)' [Bezljaj 4: 477].

Пуст-/пуск-. Эта пара безоговорочно всеми этимологами рассматривается как вариативная и этимологически единая, связанная чередованием *sk/sf* [Фасмер 3: 410; ЕСУМ 4: 638–639; ЭСБМ 10: 232, 242 и др.]. Прямой параллелизм обеих форм наблюдается, в частности, в народных названиях канунов календарных постов: *запуск*, *запуски* и *запуст*, *запусты*, *пущенье* и т. п. [Толстая 2005: 100–101, 201].

Блест-/блеск-. Рус. *блистать*, *блестеть* и *блеск*. Ср.: «В слове *блестеть* следует признать чередование *ст-* : *ск-*; ср. *блеск*» [Фасмер 1: 176; 174]; см. также статью **bliskati*/**blistati* в словаре [ЭССЯ 2].

Ласт-/ласк-. Рус. *ласкать*(ся) и *ластиться* [Фасмер 2: 461–463]. Глагол **lastiti* (*se*) произведен от **laska* «со вторичной субституцией *sk > st*» [ЭССЯ 14: 42]. Взаимодействие вариантов с велярным и ден-тальным исходом обнаруживают названия животного ласки из семейства кунных, ср. рус. арх. *ласта*, дон. *ластовица*, волог. *ластовичок*, ряз. *ласточка*, перм. *ласточок* [СРНГ 16: 279–284]. Авторы украинского этимологического словаря без всяких доводов отвергают мнение О. Н. Трубачева [Трубачев 1962] об этимологическом тождестве названий зверька ласки и птицы ласточки [ЕСУМ 3: 198]. Между тем это языковое родство поддерживается сходством мифологических представлений о зверьке и птице в славянской народной традиции [Гура 1997: 245–249].

Луст-/луск-. О родстве праслав. **lusta* с **luska* см. [ЭССЯ 16: 203]. Рус. южн., зап. *луска* и *луста* 'шелуха, кожура'; *луста* и *луска* 'ломоть хлеба' [СРНГ 17: 204–205], пск. *лускать* 'очищать, шелушить', 'издавать шелкающий звук', 'бить', *лустерить* 'шелушить', *лустить* 'жадно есть, уплетать', *лустка*, *лусточка* 'ломоть, кусок' [ПОС 17: 231], смол. *луска* 'шелуха, кожура', *луста*, *лусть* 'кусок, ломоть хлеба или сала', *лустеть* 'потрескивать, трещать' [ССГ 6: 60–61]; орл. *луста* 'пища, которую брали с собой в поле' [СОГ 6: 80]; укр. *луска* 'рыбья чешуя',

луст, луста ‘краюха хлеба’ [ЕСУМ 3: 310–311]; бел. *луска* ‘шелуха, кожура’, *луст, луста* ‘кусочек хлеба’ [ЭСБМ 6: 64].

3. КОРРЕЛЯЦИЯ *s/x*

Прос-/прох-. При общеславянском распространении корня с дентальным исходом вариант с велярным характерен для украинского языкового ареала: *прохати* ‘просить’, *прохання*, *прохань* ‘прошение, просьба, приглашение’, *просатар* ‘лицо, приглашающее на свадьбу, крестины, похороны’ и *прохатар*, *прохач* ‘проситель’, ‘лицо, собирающее пожертвования’, ‘нищий, старец’, *проханий* ‘приглашенный’, *прохальний*, *прохатний* ‘полученный подающими’, *випрохувати* ‘выпрашивать’, *непроха* ‘тот, кто не просит’, *припрохувати* ‘упрашивать, уговаривать’, *припроха*, *припрохування* ‘упрашивание, уговаривание’ [Гринченко 3: 487–488, 433], ср. также ю.-рус. курск. *прохати* ‘склонять к исполнению своих желаний, убеждать, умолять, добиваться согласия’ [СРНГ 33: 23]. В этимологической литературе форма с велярным остается без объяснения — см. [ЕСУМ 4: 601–602].

Жас-/жах-. В словаре Фасмера слово *ужас*, известное всем трем группам славянских языков, признается «трудным словом» и предположительно связывается с глаголом *гасить* [Фасмер 4: 151]. Другие этимологи допускают его родство с и.-е. **gheis-* и гот. *usgaisjan* ‘пугать’, лит. *gąsti* ‘пугать’ [Brückner: 662, 595; Skok 3: 554; Rejzek: 745]. Не приводя всего материала, обратим внимание только на варианты с велярным исходом, которые широко представлены в восточнославянском диалектном ареале и частично в западнославянском: рус. курск. *жах* междом. в знач. сказуемого; обозначает быстрый, резкий удар: «Ладонью жаж, жаж по щеке»; зап., юж., курск. *жах* ‘страх, ужас’: «Ночью напал такой жаж, альни волос дубом становится»; курск., твер., нижегор. *жахать*, *жахаться*, *жахнуться* ‘испытать чувство страха, ужаса’: «Лошадь как увидела зверя, так и жажнулася»; новг. *жахнуть* ‘неожиданно с размаху сильно придавить’, ‘тряхнуть’, ‘попалоснуть’: «Жахнул ножом и порезал руку» (литов.) [СРНГ 9: 87]; карел. *жахнуть* ‘выпить залпом’: «Давайте жажнем по стаканчику», ‘укусить’: «Ну, меня комар жажнул, прямо в лоб», *жахнуться* ‘упасть, свалиться’: «Не ходи туда, а то еще жажнешся, так не выберешься»; *ужахнуться* ‘испугаться, ужаснуться’, ‘удивиться’ [СРГК 2: 41; 6: 590]; печор. *жахнуть* ‘ударить’: «Ведром жажнули его», ‘выстрелить»; *ужахнуться* ‘испугаться’: «Я так ужахнулася, аж задрожала» [СРНП 1: 203; 2: 374]; волог. *ужахаться* ‘пугаться’: «Да это куры крыльями хлопают, зря вы ужахаетесь», *ужахнуть* ‘испугать’: «Он-то ужахнул его своим отчаянием», *ужахнутся* ‘испугаться’, ‘удивиться’ [СВГ 11: 109]; яросл. *ужахаться* ‘ужасаться, пугаться’, *ужахнуться* ‘испугаться’: «Вот уж они ужахнутся» [ЯОС 10: 10]; пск. *жах* ‘страх, ужас’: «Памёр бы са жаху»; *жахнуть* ‘издавать громкий звук’, ‘с силой уда-

рить, тряхнуть', *жахнуться* 'сильно испугаться' [ПОС 10: 171]; смол. *ужахнуться* 'ужаснуться' [ССГ 11: 14]; перм. *ужахнуться* 'то же' [СПГ 2: 468]; урал. *ужахаться*, *ужахнуться* 'пугаться, бояться, испугаться' [СРГСУ 6: 124; Малеча 4: 309]; сиб. *ужахаться*, *ужахнуться*, *ужах-литься* 'то же' [СРГС 5: 137]; алт. *жахнуться* 'испугаться, шарахнуться от испуга' [СРГА 2/1: 74]; орл. *жакнуть* 'сильно, резко ударить': «Как жакнул палкѣй, так сабакѣ и скулить, скулить» [СОГ 3: 106–107]; ряз. *ужахаться*, *ужаснуться* 'ужасаться, ужаснуться' [Деулино: 573]; ворон. *жахаться* 'бояться, пугаться': «Дитина часта жахаитца»; *жах-нуться* 'упасть': «Ох, я и жахнулась!» [СВор 2: 264].

В украинском находим не только соответствующие русским формам *жах* 'ужас, страх', *жахати(ся)* 'пугать(ся), страшить(ся)', 'вырываться (о пламени)': «Жахнуло полум'я с груби», *жахнуться* 'вздрогнуть, броситься бежать от страха', но и *жахота* 'ужасы, страхи', *жахливий* 'пугливый', *жахний* 'страшный' и т. п. и даже *ужах* 'ужас', *ужахнути(ся)* 'испугать(ся)' [Гринченко 1: 476; 4: 321]; укр. буков. *жахати*, *жахнути* 'сердиться, рассердиться', 'полюхнуть (об огне)' при *жасно* 'страшно': «Жасно вночи в лісі» [СБГ: 110]. Авторы украинского этимологического словаря считают формы с велярным результатом фонетического преобразования исходного вида корня с дентальным исходом под влиянием синонима *страх* [ЕСУМ 2: 189]. Белорусские данные аналогичны украинским: *жах* 'ужас, жуть', *жахаць* 'сильно и быстро рубить, колотить': «Жахае сякіраю па калодзе», *жахнуць* 'ударить', *жахацца* 'ужасаться': «Вада сцюдзёная, аж дзяцё жахаецца», *жахліва* 'с ужасом', *жахлівы* 'ужасный' [Станкевіч: 476]; диал. *жахаць* 'блеснуть (о молнии)', 'с силой ударить' [СПЗБ 2: 145], тур. *жахко* 'с ужасом', *жахліву* 'пугливый', *жахнуць* 'ударить', *жахацца* 'пугаться' [ТС 2: 59]. Этимологический словарь белорусского языка поддерживает версию Фасмера [ЭСБМ 3: 222–223].

Из западнославянских языков только польскому известны варианты с велярным исходом корня (наряду с дентальными вариантами в диалектах): *żachać się*, *żachnąć się* 'возмущаться, возмутиться, с негодованием отвергать, страшиться'; *żachliwy* 'пугливый' [SJPD 10: 1389]; диал. *żach* 'междометие со значением резкого удара'; *żachnąć się* 'наброситься в гневе' [Karłowicz 6: 432] и — устар. *użasnąć (urzasnąć) się* 'испугаться, удивиться', *użasty (urzasty)* 'испуганный' [SW 7: 356, 429]; диал. *użasnąć się* 'испугаться' [Karłowicz 6: 58]. По мнению В. Борыся, велярный исход корня вторичен и объясняется аналогией с глаголами типа *kochać*, *machać* [Boryś: 749–750].

В других славянских языках форм с велярным исходом не засвидетельствовано: чеш. *žasnout* 'изумиться, поразиться', *užasnout* 'то же', *úžas* 'изумление', *úžasný* 'поразительный', *úžaslý* 'удивленный, пораженный' [ЧРС 2: 508; Rejzek: 745]; словац. *žas* 'ужас', *žasnút* 'приходить в ужас', *úžas* 'ужас', *úžasný* 'ужасный, страшный', *užasnút* 'привести в ужас, поразить' [SSJ 5: 788; 4: 751]; ст.-слав. *оужасть* 'ужас, страх,

изумление', *оужасть, оужасати, оужасити, оужаснѣти сѧ, оужастьнѣ* [ССЯ 4: 614–617]; с.-х. *ужас* 'ужас, страх', *ужасан, ужасно, ужаснути, ужаснуто* и т. п. [РСХК] 6: 435–436]; болг. *ужас* 'ужас, страх', *ужасен, ужасно, ужасия* разг. 'нечто страшное, ужас, жуть', *ужася, ужасявам* 'ужаснуть, ужасать' [РСБКЕ 3: 475].

В семантическом отношении формы с велярным, соотносительные с междометием резкого удара, оказываются более мотивированными и подпадающими под общую семантическую модель «бить, ударять > пугать, наводить страх», ср. выше о *пугать, *bojati* (se), а также **poraziti* 'ударить' и 'удивить'.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть здесь другие случаи параллелизма корней с дентальным и велярным исходом, ограничимся приведением выборочных примеров.

Тряс-/трях-. Рус. *трясти, потрясать*, диал. карел. *трѣсом* 'потряхивая', *трясуха* 'лихорадка', *трясучка* 'топкое, вязкое место' [СРГК 6: 527] и т. д. — *тряхнуть, встряхивать*, диал. *тряхлый* 'тонкий, ломкий', *тряхунок* 'неровное место на дороге' [СРГК: 527–528]; яросл. *тряханка* 'смесь сена с соломой' [ЯОС 9: 120]; сиб. *тряхать, тряхнуть* 'грохотать, греметь', *тряхануться* (умом) 'сойти с ума', *тряхти махрами* 'одеваться бедно или неряшливо', *тряхуног* 'бугор или углубление на пути спускающегося с горы на лыжах' [СРГС 5: 97]; печор. *трехомудье* 'старая одежда, отрепья' [СРГНП 2: 360].

Трус-/трух-. К общеславянскому гнезду **trq̃siti/*tręsti* могут быть отнесены также следующие в.-слав. формы с велярным согласным: рус. простореч. *струхнѣть* (к *струсѣть*), *трухатъ* 'ехать мелкою рысью', *трух-трух*: «Перегоном трух-трух, а на место во весь дух» [Даль 4: 857–858] (к *трусѣть*); диал. карел. *струхатъ* 'струсить': «Мы с Колей так струхали» [СРГК 6: 368]; сиб. *трухануть* 'струсить', *трухнуть* 'то же', *дать труха* 'испугавшись, убежать': «Меня парень не послушал, у ворот он труха дал» (из частушки) [СРГС 5: 95]; волог. *трухнуть* 'насыпать в небольшом количестве': «Трухнула немного чайку в чайник» [СВГ 11: 66] (к *трусѣть*); смол. *трух* 'рысь, рысца', *трухатъ* 'бежать мелкой рысью, трусить', *трухнѣть* 'тряхнуть, потрясти', 'сыпнуть', *трухом* 'рысцей' [ССГ 10: 209]; ряз. *трухнѣть* 'ускорить шаг' [Деулино: 565]; урал. *трухнѣть* 'посолить': «Положи облу в кадку и трухни ее» [Малеча 4: 278].

Мес-/мех-. Рус. *помеха* (от *мешать* < *месить*) [Фасмер 2: 615]; диал. пск. *мехать* 'мешать, смешивать', 'мешать, препятствовать': «Там еще маленький горшочек, ен мехать буде» [СРНГ 18: 144]; карел. *мехнуть* 'разболтать, помешать': «Утром сметану толкла, никто, кроме меня, не мяхнѣт»; *мехатка* 'кушанье из брусники с толокном', 'смешанный корм для домашней птицы' [СРГК 3: 235].

Волос-/волох-. Рус. диал. *волоха, волохи* 'кожа, шкура' (твер., костром.); *волохатый* 'волосатый, лохматый, длинношерстный' (курск., калуж.) [СРНГ 5: 67]; яросл. *волоха* 'кожа, шкура': «Ты хоть бы волоху-

то с коровы содрал», ‘рубаха’ [ЯОС 3: 32]; укр. *волохи* мн. ‘волосы на руках и пр.’; *волохатий* ‘мохнатый, косматый’, *волохатити* ‘мохнать’, *волохач* ‘мохнатое существо’ [Гринченко 1: 252]; бел. *валахаты* ‘косматый’, *валахаціцца* ‘становиться косматым’ [ЭСБМ 2: 34]; пол. *włochaty* ‘косматый, волосатый’; *włochacz* ‘пушистая, мохнатая ткань’ [SJPD 9: 1168] (при чеш., словац. только с дентальным: *vlasatý* и т. д.). Ср. еще с.-х. диал. *вла(х)ульица* ‘волосяной пушок на теле’ [РСХКН] 2: 716–717].

Нос-/нох-. Пол. экспрес. *nochal* ‘большой, бесформенный нос’, *nochalek* ‘то же’, *nochaty* ‘носатый’ [SJPD 5: 337]; диал. *nochal* ‘большой нос’, ‘человек с большим носом’ [Karłowicz 3: 332; SW 3: 400].

Дис-/дых-. Особняком на общеславянском фоне стоит с.-х. глагол *дисати* ‘дышать’ вместе с его производными [РСХКН] 4: 338], несомненно принадлежащий к гнезду **dyhati* и не получивший в этимологической литературе объяснения.

Смур-/хмур-. При общеславянском варианте с начальным веларным *x-* (чеш., словац. также *š-*) варианты с дентальным анлаутом представлены как параллельные в следующих случаях: рус. *смурый* ‘темный, темно-серый’, *пасмурный*, разгов. *смурной* и диал. ‘печальный, мрачный’, диал. *смурый* ‘печальный, грустный (о человеке)’, ‘невидный, неказистый’, *смурыйш* ‘неказистый, невидный человек’, *смуроватый* ‘смуглый, смугловатый’, *смурок*, *смурак* ‘темно-серый, темно-бурый кафтан’, *смуреть*, *смурить* ‘становиться хмурым, пасмурным’, *смурогий* ‘испачканный, грязный’ [СРНГ 39: 58–61]; укр. *смурий* ‘мутный, хмурый’, *смурига* ‘нелюдимый человек’ [ЕСУМ 5: 331]; пол. диал. *stura* ‘мгла, туман’ [Karłowicz 5: 181]; каш. *smiřęc sę* ‘хмуриться (о погоде)’ (при *xmura* ‘туча’) [Sychta 5: 104]; болг. *смуртя* ‘хмуриться, мрачнеть’ [Геров 5: 208]; мак. *смуртен* ‘хмурый’, *смурти се* ‘хмуриться, морщить лоб’ [Мургоски: 762]; с.-х. *sumoran* ‘угрюмый мрачный’, *sumor* ‘печаль’, *sumornost*, *sumorstvo* ‘то же’, даматин. *nasumoriti* ‘нахмурить (о небе)’ (= *nahumoriti se*, *nahmuriti se*) [Skok 3: 360]; словен. устар. *sotoren* ‘хмурый, мрачный’ [SSKJ 4: 804]. По предположению Фасмера, веларный анлаут — экспрессивная замена исконного дентального [Фасмер 4: 250].

Приведенный материал (не претендующий на полноту) демонстрирует самые разные случаи корреляции между дентальными и веларными вариантами семантически соотносительных морфем (слов): в одних случаях это расщепление одного корня на два морфонологических варианта с дальнейшей их лексикализацией; в других — результат притяжения и скращения этимологически разных корней. Различны и причины и импульсы этих явлений: самым важным фактором следует признать регулярную морфонологическую соотносительность дентальных и веларных, возникшую в результате общеславянских процессов палатализации и йотации; иногда к ним добавляются факторы экспрессивного и стилистического характера.

Большая часть рассмотренных примеров относится к восточнославянской диалектной области, но многие случаи интересующей нас вариативности выходят за ее границы, что позволяет думать о достаточной древности этого явления⁴.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

- Аркушин: *Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1, 2.
- ГГ: Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997.
- Геров: *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904. Ч. 1–5.
- Глушкина 1962: *Глушкина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. 1. С. 28–57.
- Глушкина 1979: *Глушкина С. М.* Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (смягченные и несмягченные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры. Л., 1979. С. 113–125.
- Гринченко: *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гура 1997: *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гура, в печати: *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной традиции. В печати. Благодарю А. В. Гуру за возможность ознакомиться с его материалами.
- Даль: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1903–1909. Изд. 3.
- Деулино: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссоветацкого. М., 1969.
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–. Т. 1–.
- Малеча: *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
- Мургоски 2005: *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.
- Николаев 1988: *Николаев С. А.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1994: *Николаев С. А.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 2005: *Николаев С. А.* Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (*zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 94–112.

4 Ср. общеслав. *xod- ‘ход, ходить’ из и.-е. *sod- как ступень *sed- ‘сидеть’ [ЭССЯ 8: 51].

- НМ: Народная медицина. Рытуальна-магічная практыка / Уклад. Т. В. Валодзінай. Мінск, 2007.
- Носович: *Насовіч І. І.* Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.
- Онишкевич 1–2: *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1–2.
- ПЛНМ: *Никончук М. В., Никончук О. М., Мойсієнко В. М.* Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001.
- ПА: Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
- ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
- РСБКЕ: Речник на съвременния български книжовен език. София, 1951–1959. Т. 1–3.
- РСХКЈ: Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1969. Књ. 1–3; Нови Сад, 1971–1976. Књ. 4–6.
- РСХКНЈ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–
- Сабадош: *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- СБГ: Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- СВГ: Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- СворГ: Словарь воронежских говоров. Воронеж, 2004. Вып. 1.
- СОГ–Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.
- СПГ: Словарь пермских говоров. Пермь, 2000. Вып. 1 (А–Н). 2002. Вып. 2 (О–Я).
- СПЗБ: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- СРГА: Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
- СРГНП: Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–2005. Т. 1, 2.
- СРГС: Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
- СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7. Екатеринбург, 1996. Дополнения.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л., 1965 —. Вып. 1–.
- СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- ССГ: Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- ССЯ: Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т. 1–4 (репринт).
- Станкевич б/г: *Станкевич Я.* Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. New York, б/г.
- Толстая 2005: *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
- Трубачев 1959: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев 1962: *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 29–39 // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962. Вып. 2. С. 26–43.
- ТС: Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.

- Фасмер 1–4: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- ЧРС: Чешско-русский словарь. М.; Прага, 1973. Т. 1, 2.
- ЭСБМ: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
- ЯОС: Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. [Вып. 1–10].
- Bezljaj 1–4: *Etimološki slovar slovenskega jezika.* Ljubljana, 1976–2005. Т. 1–4.
- Boryś: *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- ČDL: *Hraste M., Šimunović P.* Čakavisch-deutsches lexicon. Köln; Wien, 1979. Т. 1.
- ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* / Red. E. Havlová. Praha, 1989–. Т. 1–.
- HSSJ: *Historický slovník slovenského jazyka.* Bratislava, 1995. Т. 4.
- Karłowicz: *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- PSJČ: *Příruční slovník jazyka českého.* Praha, 1935–1957. D. 1–8.
- Rejzek: *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Praha, 2001.
- SJPD: *Słownik języka polskiego* / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958–1969. Т. 1–11.
- Skok: *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Bd. I–IV.
- SP: *Słownik prasłowiański* / Red. F. Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–. Т. 1–.
- SSJ: *Slovník slovenského jazyka* / Red. Š. Peciar. Bratislava, 1959–1968. D. 1–6.
- SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého.* Praha, 1960–1971. Т. 1–4.
- Sychta: *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. Т. 1–7.
- SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika.* Ljubljana, 1970–1991. D. 1–5.
- SW: *Karłowicz J., Krynski A., Niedzwiecki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. Т. 1–8.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПИСЬМЕН: УКРАИНСКОЕ (?) «НИВИЗАТЬ — ТЕРЯТЬ (ВРЕМЯ)» У И. РЕПИНА

Фантомные слова, коих немало выявил уважаемый юбиляр (см. [Журавлев–1/7]), иногда скрываются и в авторитетных текстах. Охота на них связана порой с ощутимыми проблемами, как показывает и следующий пример.

Знаменитый живописец Илья Репин в своих воспоминаниях «Далекое близкое» употребляет загадочный глагол *нивизать* только один раз, передавая гневную реплику своего коллеги, обращенную к их хозяину: «– Да что с тобой, прихвостом, тут время нивизать¹, — вдруг дерзко пропищал <Демьян> Кузовкин. — Деньги! Подайвай расчет, вот и конец!» [Репин₁ 1937: 95]. Гапакс *нивизать* в первом издании получил лишь лаконичное примечание редактора К. Чуковского: „¹ Терять“ [Репин₁ 1937: 95, прим. 1]. Во втором и следующих изданиях оно было дополнено сокращением *укр.*, место ударения не показано: „* Н и в и з а т ь (укр.) — терять“ [Репин₂ 1944: 79, прим. *; Репин₃ 1949: 80, прим. *]; „* Н и в и з а т ь (укр.) — терять“ [Репин₄ 1953: 79, прим. *]; „¹ Н и в и з а т ь , — терять (укр.)“ [Репин₅ 1960: 89, прим. 1] и др. Однако существование такого украинского глагола представляется проблематичным.

Там же встречается и глагол *нівечити* ‘уничтожать’: «Зачем же этокое добро „нивичить“?» [Репин₁ 1937: 25], — в первом издании данный в авторской записи, то есть приблизительной русской транскрипции, без обозначения ударения и редакторского пояснения. Был ли вообще распознан этот глагол в 1915–1936 гг., когда К. Чуковский дважды предпринимал неудачные попытки издания мемуаров? Далее, начиная со 2-го издания, „нивичить“ дается уже в украинской орфографии и с примечанием, в котором обозначено ударение и имеется помета *укр.*: «Зачем же этокое добро „нівечити“*?» — „* Н і в е ч и т ь (укр.) — портить“ [Репин₂ 1944: 22, прим. *] и др. издания.

Вероятно, у И. Репина употреблен дважды (сначала в значении русского *губить* [*добро*], а потом, видимо, в значении

украинского *зубити* [час]) глагол *нівечити* ‘портить, уничтожать’ [Грінченко 1908: 565; УРС 1958: 752], который и был записан как „нивичить“. Трудно поверить, чтобы К. Чуковский сразу не распознал этот глагол в контексте с „добром“, но отсутствие примечания в первом издании достаточно красноречиво. Еще сложнее отождествить с *нівечити* запись *нивизать*, поскольку стилизованный под якобы украинскую речь контекст И. Репина „*время нивизать*“ не имеет точной параллели среди типовых контекстов глагола: **нівечити час* (?) ($\approx$ ‘уничтожать’ время) — это весьма нетривиально. И. Репин с детства слышал украинский язык, но вряд ли считал его родным, в частности отмечая: «[К]огда несколько „погепанных¹ хохлов“ говорили громко и скоро, я почти ничего не понимал». — ¹ Почти непереводаемое слово, выражающее презрительное (в то время) отношение русских к украинцам“ (прим. К. Чуковского, снятое после первого издания) [Репин₁ 1937: 53, прим. 1].

Скорее всего, И. Репин, по прошествии десятилетий ошибочно употребил в полузабытой реплике Д. Кузовкина вместо обычного *марнувати* ‘терять’ (час) частично синонимичное **нівечити* $\approx$ ‘уничтожать’ (время), а потом уже запись **нівичить* была прочитана как „нивизать“. Кем именно, остается неясным, поскольку готовая к печати беловая рукопись была утрачена, а редактор писал в предисловии к первому изданию: „[Я] сделал попытку восстановить эту книгу“ [Репин₁ 1937: 11]. Во всяком случае прочтение *нивизать* вместо **нивичить* в рукописи И. Репина вероятно: его автографы показывают критичное визуальное сходство *ч* и *з* (близких к рукописному латинскому *z*), а *и* и *а* в смешиваются при разгадке нечетких записей практически регулярно.

Вывод: Фантомный „украинский“ глагол *нивизать* ‘терять (время)’, однократно употребленный в воспоминаниях И. Репина, вероятно, является результатом ошибочного прочтения русской записи *нивичить* (украинского глагола *нівечити*), не опознанной редактором К. Чуковским в нетиповом контексте „время нивизать“.

ЛИТЕРАТУРА

- Грінченко 1908: *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. У 4 т. — Т. 2: 3–Н. К., 1908.
- Журавлев–1/7: *Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193; Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2001. С. 120–131.
- Репин₁ 1937: *Репин И. Е.* Далекое близкое / 1-е изд. М.; Л., 1937.

- Репин₂ 1944: *Репин И. Е.* Далекое близкое / 2-е изд. М.; Л., 1944.
Репин₃ 1949: *Репин И. Е.* Далекое близкое / 3-е изд. М.; Л., 1949.
Репин₄ 1953: *Репин И. Е.* Далекое близкое / 4-е изд. М., 1953.
Репин₅ 1960: *Репин И. Е.* Далекое близкое / 5-е изд. М., 1960.
УРС 1958: Українсько-російський словник. У 4 т. Т. 2: 3–Н. К., 1958.

Читая «Язык и миф» Анатолия Федоровича Журавлева...*

Чествуя юбиляра, пользуюсь случаем, чтобы выразить ему свою признательность и пожелать новых творческих свершений. Многому учусь у него и с интересом читаю его публикации.

Книга «Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу“» — значительное явление в отечественной славистике и этимологии, кладёшь ответов на трудные вопросы славянской культурологии. Чтение этой книги не только приятное, но и побуждающее задуматься над некоторыми темными местами славянской и индоевропейской этимологии. Позволю себе поделиться своими мыслями с уважаемым автором и моим мудрым наставником, а также со всеми, кому эта тема небезынтересна.

Полагаю, что наиболее удобным для читателя будет изложение соображений по поводу отдельных сюжетов обсуждаемой книги с указанием страниц.

С. 83. Скорее всего, дубровницк. *bielojug* ‘южный ветер без дождя’ является осознанной калькой греч. λευκόνοτος. Это сложное слово могло быть усвоено жителями Дубровника еще во времена византийского суверенитета над Далмацией.

С. 94–95. Объяснение греч. Σεΐριος из арабского астрономикона: الشَّيْ رَى [ʾaš-ši'ra] ‘Сириус’, букв. ‘открывающий дверь’ [Щеглов 1996: 110] абсолютно анахронично! В греч. словесности этот астроном отмечался уже у Гесиода, Еврипида, Ликурга, Диодора, Аполлония Родосского за полторы тысячи лет до времени, когда арабская астрономическая номенклатура сформировалась и могла повлиять на греческую словесность.

* Работа выполнена в рамках темы «Этимологические и этнокультурные исследования лексики русского языка на славянском и индоевропейском фоне» при поддержке программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Если уж подозревать в данном случае «ложно-этимологическую подгонку заимствованного слова под свой понятный корень», то значительно более вероятно заимствование напрямую из др.-египетской теонимии (Ὠσίρις) или опосредованно через финикийскую номенклатуру (Eʾsirīs, ʾIṣirīs). При этом заимствован и адаптирован был не сам астроним (*Spdt* = Σωθι, Σωθις, ἔως), а теоним, теснейшим образом с ним связанный. Изначально Альфа созвездия Canis Major по-гречески именовалась κύων ‘пёс’ (ср. ἐπὶ κυνί ‘в жаркое время, летом, когда восходит это созвездие’), а полностью — κύων Ὠρίωνος ‘пёс Ориона’. Напомню, что именно созвездие Орион считалось египтянами посмертным воплощением Осириса и называлось *Sahu*.

С. 118. Греческие триады Сторуких и Киклопов являются отголосками архаичных астрономических систем типа «Три звезды в каждом» [Ван-дер-Варден 1991: 73–77]. Небосклон подразделялся на северную зону незаходящих звезд, тропическую зону и южную, едва видимую зону. В каждой зоне насчитывалось по сто или по пятьдесят ярких звезд (Гекатонхейры имеют сто рук и пятьдесят голов) или по одной ярчайшей звезде, отмечавшей какой-то важный момент годового цикла (одноглазые Киклопы).

С. 125–126. Вопреки общепринятому мнению, влахи, волохи (праслав. **volxъ*) едва ли являются заимствованием герм. формы **walh-* ‘инородец, чужеземец’ (ср. англо-сакс. *wealh* ‘a foreigner, a Celt’, *welþreow* ‘cruel, barbarous, bloodthirsty’, *wealh-stod* ‘interpreter; medium’!), в свою очередь, якобы, адаптации кельт. этнонима *Volcae* (в Нарбонской Галлии, в окрестностях современных Тулузы и Нима!). Это тупиковое направление реконструкции: праслав. этноним для вост.-романского этноса усвоен из германских диалектов, в которых он к тому же являлся не столько этнонимом, сколько социальным термином, в свою очередь отвлеченным от локального кельтского этнонима!

Скорее всего, праслав. **volxъ* ‘вообще романец, говорящий на романском языке’ может являться закономерным рефлексом прототипа **volsku-*, восходящего к лат. этнониму *Volsci*, *Volscus gens* ‘оскское племя в Лации, издавна романизированное’. Т. е. этноним *влах/волох* исконно обозначал латинский этнос, а никакой не кельтский. Латинский этноним мог быть усвоен предками славян от латинских колонистов муниципиев римской Дакии (100–270 гг. н. э.).

С. 142. Все предложенные до сих пор этимологии имени Λιποξαις совершенно нереальны [Абаев 1949: 189, 243; Абаев 1989: 224, 234, 236; Грантовский 1960: 7–9; Раевский 1977: 62–63, Дюмезиль 1990: 150]. Столь же нереальна иранская этимология имени Ἀρτοξαις [Абаев 1949: 242–243].

Порок этимологизации коренится в предпосылке, что перед нами слово иранского происхождения.

Иранская этимология, предложенная для имени Κολαξαις, вовсе невозможна: между перс. *Xorxšed*, авест. *Xvar-xšaita-* и Κολαξαις пролегает непреодолимая пропасть.

Только отказ от «иранских» этимологий выводит из тупика. Я убежден в том, что имя родоначальника скифов Κολαξαις, наименование племени или социальной группы Σκολοτοι — все это факты не индоиранских языков.

Скорее всего, и.-е. диал. (фракийско-скифское) **kola-ksai-* можно толковать как ‘обитающий в повозке’: оно содержит рефлекс и.-е. **k^uola*, производное от **k^uel-* ‘колесо, колесная повозка’ (ср. праслав. **kola*, **kolo*, **kolese* [ЭССЯ 10, 141–144], и.-е. **k^uola*, **k^uolos*, **k^uoles-* ‘колесо, колесница и т. п.’) и **ksai-* ‘обитающий; владеющий; обитатель, владыка, господин’; в целом, Колаксай ‘обитающий в повозке’, ср. др.-греч. кальку *ἀμαξόβιοι* ‘в повозке живущие’.

Возможно и другое толкование имени Колаксай: ‘владыка рода, владыка аборигенов’ — из и.-е. **kuel-* ‘род, этническая единица’, ср. инд. *kūla-* ‘стадо; рой; стая; толпа, множество; семья, род; знатная семья, знатный род; союз; хозяйство; жилище, дом’; латин. *in-cola* ‘абориген, местный житель’.

Или ‘царь пастухов, охранителей стада’ — из и.-е. **k^uel-/k^uolo-* ‘пастух, охранитель стада’, ср. др.-греч. *βοῦκόλοι* ‘пастухи коров и быков’.

Вторая часть и.-е. диал. (вовсе не исключительно индоиранская!) **ksai-* ‘обитатель, обладатель, владыка’ продолжает трудно отделимые друг от друга и.-е. архетипы **k^upei-* ‘siedeln, sich ansiedeln, eine Niederlassung gründen’ и **k^upe[i]-*, **k^upe[i]-* ‘erwerben, Verfügung und Gewalt worüber bekommen’ [Pokorny II, 1949: 626].

Этимология на и.-е. диал. материале, предложенная для имени Колаксай, не только имеет некоторую поддержку в виде греч. кальки *ἀμαξόβιοι* ‘обитающие в повозке’, но и подсказывает продуктивное направление поиска аналогичных наименований «локусов обитания» в составе имен *Λίπο-ξαις* и *Ἀρπο-ξαις* ‘живущий, обитающий в...’. Но, скорее всего, ни Рипейские горы, ни Днепр никакого отношения к **lipo-* и **arpo-* не имеют. Предполагаю, что **lipo-* и **arpo-* обозначают некие рукотворные обиталища.

С. 145. Относительно общепринятой этимологии праслав. **děva* (из протослав. **doiva*), якобы соотносительного с гл. **dojiti*, осмелюсь выразить свою внутреннюю неуверенность в ее правильности и предложить альтернативную этимологию на базе гл. **dēvati*, **dēti*, продолжении и.-е. **dē-* ‘класть (яйца)’.

С. 152–154. Относительно этимологии слова *парень* осмелюсь предложить простое решение на основе словообразовательных аналогий. Принимая во внимание лексический ряд — *у́валень*, *дурень*, *оборотень*, *баловень*, прихожу к выводу, что они образованы на базе глагольных основ: *валяться* (без дела), *дурить* (баловаться), *оборотиться* (кем.-л. или чем.-л.), *баловать(ся)*. Похоже, сущ. *пáрень* входит в этот же словообразовательный ряд. А вот исходный корень **nъr-*, **nъr-*, **nор-*, **nар-* представлен в гл. *препира́ться*, сущ. *ра́спря*, *спор*, прил. *па́ркой* «ловкий, проворный, живой». В таком случае, предпо-

лагаю семантическое развитие ‘упорный, препирающийся, спорщик, затевающий распри’ → ‘молодой человек’.

С. 162. Возможна еще туранская (аланская или сакская) версия этимологии праслав. **bogatyrb* — без тюркского посредства из сакского *bagatūr* ‘стремящийся к счастливой доле’ или ‘преодолевающий судьбу’, словообразовательно связанного с *baga* ‘бог; доля, участь, судьба’ (ср. др.-инд. *Aptūr* (*áp* + *tvar*) ‘деятельный, подвижный’, эпитет божеств *Soma*, *Agni*, *Indra*, *Açvin* в Ригведе [Monier-Williams 1964: 57]). Иначе восстанавливает последовательность заимствования В. В. Иванов: др.-русск. **богатырь**, ст.-польск. *bohaterz* восходят через тюрк. диал. *bayatyr*, *bayatur* к тох. **baga-atär* / **baga-etre* [Иванов 1998: 327].

С. 171. Не является ли теоним *Стрибогъ* сложением праслав. **stryjь* ‘струя’ и **bogъ* подобно сложному гидрониму *Стривігор* (сложение **stryjь* и **qgrъ*)? Ведь форма *Стривігор*, если верно ее разложение на *стры-* и *вігор*, представляется словосложением усеченного гидронима *Стрый* и соседнего гидронима *Вігор* (полонизированные формы *Wihor*, *Wiabr*, *Wiar*) [Вербич 2007: 75–77].

С. 173–174. И все-таки, др.-инд. *Gandharvā-* и др.-греч. Κένταυρος не мнимое соответствие. Фонетическая критика А. Меё [Меё 1938: 400] потому бьет мимо цели, что он рассматривал Κένταυρος как слово, образованное по правилам др.-греч. фонетики. А оно не есть продукт греческого языка, унаследовано из догреческого субстрата. Поэтому практически все возражения А. Меё легко устранимы (кроме качества и просодии гласного *-é-*) с учетом пеласго-греческих фонетических соответствий. Субстратному (пеласгич.?) слову Κένταυρος вероятно соответствовало бы исконно греч. **gentharuōs*, которое вновь оказывается очень сходно с др.-инд. *Gandharvā-*.

Аналогичны и происхождение божеств (потомки бога эклиптики, дети некой планетарной силы — Дакша, Вач, Кашьяпа и Крон, Гера, Иксион соответственно), их миксантропичность, их сущность, их функция (певцы, учителя игре на музыкальных инструментах, знатоки целебных настоев и отваров из растений), их окружение (апсары и нимфы соответственно), их постоянные враги (наги и лапифы соответственно).

С. 174. Несчастные Музы, дочери титаниды Мнемосины (‘памятливость’, ‘вечная память!’), ставшие «хтоническими» существами в воспламенном воображении некоторых упомянутых антиковедов, ничего хтонического в своем имени не имеют. Этот теоним, похоже, не субстратной природы, а регулярного греч. словообразования. Аналогичные формы прич. наст. вр. от гл. μέδω ‘царствовать, править’: м. р. μέδων, -ουτος ‘правитель, царь’ и ж. р. μεδέουσα, μέδουσα ‘правительница’ подсказывают единственно верное этимологическое решение. Μοῦσα, как и Μέδουσα, является формой ж. р. (форма м. р. неупотребительна) причастия настоящего времени на -ουσα (< прагреч. **ontīa*, ср. русск. -ущая), соотносительного с гл. μνδομαι, μνήσαι, μνησκόω, оказывается близкородственной формой др.-инд. словам *matyāt*

(< **mntiom*) ‘the means of acquiring knowledge’ и, особенно, *mati* (< **mnti*) ‘hymn, sacred utterance, prayer’, сюда же и праслав. **pa-mętb* ‘память’ (все они — продолжения и.-е. глагола умственной, мыслительной деятельности **men-*, **mon-*, **mn-*). С учетом сакральной специфики др.-инд. *matí* можно достаточно уверенно реконструировать первичное знач. др.-греч. Моῦσα ‘поющая (на память) моления и гимны’. В. Н. Топоров, весьма чтимый мной, был совершенно прав, когда рассматривал имя Муз в связи с этимологией сущ. *мысль*, и досадно заблуждался, сопоставляя имя Моῦσα с и.-е. сущ. **mis* ‘мышь’.

С. 178–179. Согласен с автором в том, что сущ. *skomorox* — трудный случай для этимолога. В рус. языке XI–XVII вв. изв. *skomoroxъ*, цслав. *skomraxъ* ‘гусляр, гудошник, плясун, лицедей’, ‘бродячий актер, бывший одновременно и певцом, и музыкантом, и плясуном, и акробатом’. Праслав. **skomorxъ* не может продолжать исконную праформу, так как праслав. анлаутные *ska-*, *sco-*, *skъ-* переходят закономерно в *ха-*, *хо-*, *хъ-*, а условно вычленяемое **morxъ* должно восходить к **morsъ* как **gorxъ* к **gorso-s*, или к **morsk-* / **morks-* (?).

Остается предполагать в данном случае относительно раннее слав. заимствование **skomorxъ* из нигде и никогда не засвидетельствованного народно-греч. *σκῶμ(ι) ὄρχ(ος) (проверил по всему корпусу греч. литературы) — сложения усеченных слов σκῶμ(ι)а ‘шутка, острога, насмешка’ и ὄρχ(ος), ὄρχ(ησις), ὄρχ(ημα) ‘пляска, танец, пантомима или пантомимное представление’, подобно σκῶμ(ι) ἀελεύε[ς] [Scholia in *vespas* vers. 57b, lin. 4; *Eupolis* *Fragm.* 243, lin. 1; *Eupolis* *Prosphaltii fragm.* 2, lin. 1].

Заимствование могло произойти еще во времена славяно-антского языкового состояния между 453 и 680/700 гг.

К сожалению, зап.-европ. примеры, обычно привлекаемые сюда же, не могут свидетельствовать в пользу или против какой-л. славянской этимологии, так как франц. *scaramouche*, англ. *scaramouch* ‘хвастун, негодяй’, итал. *scaramuccia* ‘шут’ восходят к итал. производному сущ. с суф. *-ugia*, от корня *scaramella* [Prati 1951: 873–874].

С. 182. Не восходят ли чеш. *oř* ‘конь’, польск. *orz*, *horz* ‘конь’, русск. *орь* ‘конь, жеребец’, укр. диал. *вор*, *вир* ‘жеребец’ к праслав. продолжению и.-е. **or-*, **er-*, **r-* ‘приходить в движение, устремляться’?

С. 184. Думаю, птолемеевское название реки Рā не имеет отношения ни к мордовским *Рав*, *Рав*а, ни к польским гидронимам *Rawa* [Lehr-Splawinski 1946: 55; Никонов 1966: 87; Поспелов 1998: 102]. Перед нами — передача средствами греч. графики персидского гидронима (частично мифологизированного в зороастрийской традиции): *Rah*, *Raha*, *Raṇha-* (из индоиранского **rasa-* ‘влага, вода’).

С. 188. Осмелюсь уточнить значение др.-исл. собирательного теонима *áss* (из прагерм. **ansa-*, о чем часто забывают наши «народные» этимологи). Достопочтенный М. И. Стеблин-Каменский прав далеко не во всем [Стеблин-Каменский 1976: 71]. Германский мифологический род Ансов изначально божественный и астральный.

Ансы — потомки Берига, Бора и Бестлы (Сатурна, Юпитера и Плеяды), обожествленные олицетворения дневного света, блуждающих (Водан, Тив, Тунар — Меркурий, Марс, Юпитер) и неподвижных звезд (Нахарвалы-Алхи — Кастор и Поллукс), а также прочих небесных явлений (метеорит, молния, гром, гроза, туча, облака, северные сполохи), своего рода германские Кронионы-Олимпийцы. В этот же род были включены родоначальники земных германских фратрий (в частности вестготской и остготской династий) — Балт и Амал-Хатв, сыновья Водана, претенденты на руку и сердце Нанто.

Ансы противопоставлены сообществу божеств Ванов, которые соответствуют эллинским Титанам, а именно: Сунн и Соль — Солнце (Гиперион и Тея), Мен или Мани — Месяц (Атлант и Фёба), Ньёрд, Фрий и Фрия-Фригг — Венера (Океан и Тетис), Бериг-Буррий — Сатурн (Крон), Бестла (Плеяда).

И Ансы и Ваны суть не просто собирательные названия двух человеческих родов, а собирательные имена двух групп персонажей германской астральной мифологии. Это немаловажное обстоятельство продолжает ускользать от внимания многих современных комментаторов германских эпосов [Звенияцковский 2002: 19–182].

Разделяю подозрение автора, что «Светлые боги» у Афанасьева — результат какой-то путаницы. Традиционно в германской мифологии различались светлые и темные алвы (эльфы), а не ансы.

С. 212. Для прояснения этимологии сущ. *врач* можно использовать лексический ряд аналогичных имен деятеля: *грач* — от *грать* или *гракать* (?), *дергач* — от *дёргать*, *драч* — от *драть*, *ковач* — от *ковать*, *копач* — от *копать*, *мигач* — от *мигать*, *пугач* — от *пугать*, *рвач* — от *рвать*, *сморкач* — от *сморкаться*, *стрекач* — от *стрекать*, *строгач* — от *строгать*, *ткач* — от *ткать*, *толкач* — от *толкать*, *тягач* — от *тягать*.

Справедливости ради упомяну иную словообразовательную модель, которая просматривается в сопоставительном ряду: *богач* — *богатый*, *бородач* — *бородатый*, *горбач* — *горбатый*, *космач* — *косматый*, *пузач* — *пузатый*, *рогач* — *рогатый* и проч.

Наконец, была и третья (боле поздняя) модель словообразования: *трубач* — от *труба*, *циркач* — от *цирк* и т. п.

Особенно близки структурно слова, в которых пали редуцированные: *рвач* из **рѣвачь*, *ткач* из **тѣкачь*, *драч* — из **дѣрачь*, сюда же и *врач* — из **вѣрачь*. Поэтому мне непонятно предположение П. Я. Черных о том, что исконно русское слово должно быть ***ворочь* [Черных I, 1993: 170]. Наличие слов *врачевати* ‘лечить’, *врачили* ‘лекарство’, *врачьба* ‘лечение, исцеление’, *врачь* ‘лекарь’ в ст.-болг. лексиконе [Иванова-Мирчева, Давидов 2001: 80] не является в данном случае свидетельством в пользу праслав. реконструкции **vorъčь*. Отпадает само собой и предположение о заимствовании слова из ст.-болг. языка. Ведь очевидно, что русск. гл. *врать* продолжает вост.-слав. **вѣрати*, соотносительный с приставочным гл. *за-вираться* (продленный

гласный корня **вр-* → **вир-*). На корневом уровне русск. *врач* восходит в конце концов к и.-с. **цер-* ‘говорить’ [Pokorny 1959: 1162].

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1949: *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. 1. М.; Л., 1949.
- Абаев 1989: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
- Ван-дер-Варден 1991: *Ван-дер-Варден Б.* Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии. М., 1991.
- Вербич 2007: *Вербич С. О.* Гідронімія басейну Верхнього Дністра. Етимологічний словник-довідник. Київ, 2007.
- Грантовский 1960: *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Дюмезиль 1990: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.
- Звиняцковский 2002: *Звиняцковский В.* Асгард и его обитатели // Мировое древо Иггдрасиль. Сага о Вельсунгах. М., 2002.
- Иванов 1998: *Иванов В. В.* Контакты праславянского с тохарским // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отделение литературы и языка РАН: Национальный комитет славистов РФ. М., 1998.
- Иванова–Мирчева, Давидов 2001: *Иванова-Мирчева Д., Давидов А.* Малък речник на старобългарски език. Велико Търново, 2001.
- Мейе 1938: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Никонов 1966: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Поспелов 1998: *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998.
- Раевский 1977: *Раевский Д. С.* Очерк идеологии скифо-сакских племен. (Опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1977.
- Стеблин-Каменский 1976: *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. М., 1976.
- Фасмер 1996: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. СПб., 1996.
- Черных 1993: *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М., 1993.
- Щеглов 1996: *Щеглов П. В.* Отраженные в небе мифы Земли. М., 1996.
- ЭССЯ 10: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10. М., 1983.
- Lehr-Splawiński 1946: *Lehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
- Monier-Williams 1964: *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged. Oxford, 1964.
- Pokorny 1959: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959.
- Prati 1951: *Prati A.* Vocabolario etimologico italiano. Gaezanti, 1951.

С

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ А. Ф. ЖУРАВЛЕВА

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МОНОГРАФИИ, СЛОВАРИ

1. К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Часть I. М. [ИРЯ АН СССР], 1990. 76 с.
2. К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Часть II. М. [ИРЯ АН СССР], 1990. 70 с.
3. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., Индрик, 1994. 254 с.
4. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., Индрик, 1994. 256 с.
5. Материалы к Жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М., Наука, 2004. С. 378–429.
6. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., Индрик, 2005. 1003 с.
Рец.: *Е. А. Березович* // Русский язык в научном освещении. 2006, № 1 (11). С. 257–266; *М. Pukanec* // Slavica slovaca. Ročn. 41, 2006, № 1. S. 85–86; *А. В. Юдин*. Славянская этнолингвистика в 2004–2006 году // Slavica Gandensia, 2006.
7. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии // www.etymolog.ru. [3,80 а. л.] [При участии Ж. Ж. Варбог.] (2007)

РАЗДЕЛЫ В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЯХ, СЛОВАРЯХ

8. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., Наука, 1982. С. 45–109.
9. Предисловие // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., Наука, 1984. С. 3–4. [Без подписи.]
10. Иноязычные заимствования в просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., Наука, 1984. С. 102–124.
11. Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М., Наука, 1988. С. 84–150.

12. К основаниям лексической типологии функциональных разновидностей языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., Наука, 1996. С. 233–244.
13. О некоторых источниках и вспомогательных методиках лексической типологии // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М. Наука, 1996. С. 245–250.
14. Типологические доминанты лексического строя официально-делового стиля современного русского языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М. Наука, 1996. С. 250–267.
15. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., Индрик, 1996. С. 116–144.
Рец.: А. Б. Страхов. Заметки о славянской культурной и иной лексике // Palaeoslavica. XIII / 2005, № 2. Р. 5–36.
16. [10 словарных статей] // Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М. М., Изд-во Московского университета, 2007. С. 41, 98–99, 100, 141, 158–159, 184–185, 266–268, 325–327, 365–366, 379.
17. [21 словарная статья] // Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 34 (**orzmaĭ* — **orzstegaj*). М., Наука, 2008. С. 196–203.
18. [96 словарных статей] // Этимологический словарь русского языка. Вып. 11. Н. — В печати. [41 статья — в соавторстве с Е. М. Сендровиц.]

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

19. Антропо- и зооморфические метафоры в русском языке (на примере народной строительной и географической терминологии) // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 178–179 (Тартуский государственный университет).
20. Цвет в творчестве раннего Маяковского // Русский язык в школе. 1973, № 3. С. 11–13. [Соавт.: О. А. Терновская.]
21. О взаимоотношениях славянской урожайной и скотоводческой обрядности // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». 10–12 февраля 1975. Л., Наука, 1975. С. 38–39. [Соавт.: О. А. Терновская.]
22. [Реф.]: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975 // РЖ Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1976, № 1. С. 168–175.
23. [Реф.]: Н. Н. Холодов. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. Часть I. Смоленск, 1975 // РЖ Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1976, № 3.
24. К ареальной характеристике восточнославянской скотоводческой охранительной магии (обряды при эпизоотиях) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., Наука, 1977. С. 227–232.
25. Категория числа у наречия? // Семасиология и грамматика. Краткие тезисы докладов и сообщений к научной конференции языковедов Центрально-Черноземной зоны. Тамбов, 1977. С. 91–92.
26. [Реф.]: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. (Методология и историография) // РЖ Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1977, № 4. С. 34–38.

27. 'Мотовило' и 'воробей' // Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзеянне славянскіх літаратур. Тэзісы дакладаў III Рэспубліканскай канфэрэнцыі. 2–3 снежня 1977 г. Мінск, Выдавецтва БГУ, 1977. С. 142–143.
28. Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., Наука, 1978. С. 204–228.
29. Производность и экспрессия // Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов и краткие сообщения III Республиканской научной конференции. 21–23 сентября 1978 г. Ташкент, 1978. С. 123–126.
30. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., Наука, 1978. С. 71–94.
31. К текстологии русских «опахивальных» песен // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 114–116.
32. Об одном мотиве восточнославянских загадок (к статье Д. К. Зеленина «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ.») // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., Наука, 1979. С. 130–132.
33. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., Наука, 1980. С. 226–235.
34. К этимологии слав. **vorb-* 'птица Passer, воробей' // Этимология. 1978. М., Наука, 1980. С. 52–58.
35. Этимология рус. диал. *шнь* // Этимология. 1979. М., Наука, 1982. С. 98–99.
36. [Автореф.:] Восточнославянская обрядовая скотоводческая лексика и фразеология в этнолингвистическом аспекте. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1982. 24 с.
37. Проблема формальной вариантности слова и словообразовательное гнездо // Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей. Ташкент, Укитувчи, 1982. С. 393–396.
38. Мотив завязывания узла в продуцирующей магии (некоторые восточнославянские параллели к полесским скотоводческим обрядам) // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., Наука, 1983. С. 209–210.
39. *Ляпуны, гужееды, рязань косопузая...* (народные «региональные» прозвища как этнографический источник) // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Тезисы докладов и сообщений (Вологда, 24–26 мая 1983 г.). Вологда, 1983.
40. К этимологии слав. **skotъ* // Этимология. 1981. М., Наука, 1983. С. 38–44.
41. Семантика и происхождение слова *обыденный* // Этимология. 1981. М., Наука, 1983. С. 77–83.
42. Этнодиалектное членение Костромского региона по данным скотоводческой магии и обрядовой фразеологии (на материалах анкеты «Куль и народное сельское хозяйство» // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сборник научных трудов. Л., Наука, 1983. С. 209–212.
43. VIII. Скот. [Раздел в:] Программа Полесского этнолингвистического атласа // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., Наука, 1983. С. 31. [Без указания авторства; составителями Программы (целиком) обозначены А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая.]
44. «Обмывание копыт» (из восточнославянской лексики и фразеологии, связанной с ритуалами купли-продажи скота) // Славянское и балканское язы-

- кознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., Наука, 1984. С. 109–114.
 Рец.: А. Б. Страхов. «Обмывание копыт» // *Russian Linguistics*, 12, 1988.
45. Этнография в прозвищах // *Русская речь*. 1984, № 3. С. 116–123.
 46. Областные прозвища // *Русская речь*. 1984, № 5. С. 124–129. [Название от редакции. Оригинальное название: «Диалектология в прозвищах».]
 47. География русских названий ритуальной трапезы послушача // *Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межкультурного взаимодействия в истории языка)*. (Ужгород, 18–20 сентября 1984 г.). Тезисы докладов и сообщений. Т. II. М., 1984. С. 148–149.
 48. Монолог и диалог: неявные грамматические различия // *Семантика текста. Тезисы конференции* (Одесса, 1986 г.). М., 1986.
 49. Уровень негации как параметр типологии текстов // *Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании*. (Одесса, сентябрь 1987 г.). М., 1987. С. 61–62.
 50. Лексикостатистическая оценка генетической близости славянских языков // *Вопросы языкознания*. 1988, № 4. С. 37–51.
 51. Должен ли диалектолог быть этнографом? // *Русская речь*. 1988, № 5. С. 89–96.
 52. *Рус. двужильный* // *Этимология*. 1985. М., Наука, 1988. С. 78–81.
 53. «Нынешнее состояние языковой культуры...» // *Советская культура*, 1988, 15 декабря. № 150. С. 8.
 54. Слав. **jъskra*. Рус. *искромётный* // *Этимология*. 1986–1987. М., Наука, 1989. С. 79–83.
 55. К критике некоторых методов определения древнеславянских племенных ареалов // *Всесоюзная научная конференция «Закономерности языковой эволюции»*. Г. Рига, апрель 1990 г. Тезисы докладов. Рига, 1990. С. 103–105.
 56. Поморский («протокашубско-словинский») в кругу позднеславянских диалектов (по данным лексикостатистики) // *Тернопільські славістичні історико-філологічні читання. Рік II. Поморські слов'яни. Тези конференції до 120-річчя з дня народження М. В. Бречкевича*. 25–26 жовтня 1990 р. Тернопіль, 1990. С. 34–37.
 57. К проблеме расселения древних славян (о так называемом «графоаналитическом методе») // *Вопросы языкознания*. 1991, № 2. С. 54–64.
 58. О способе измерения относительной генетической автономности родственных языков // *Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции* (Ужгород, 23–25 сентября 1991 г.). М.; Ужгород, 1991. С. 10–11.
 59. [Автореф.:] Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1992. 47 с.
 60. Из количественно-типологических наблюдений над лексикой славянских языков (праславянское наследие) // *Вопросы языкознания*. 1992, № 3. С. 106–118.
 61. Различия в механизмах эволюции фонетики и лексики и картина диалектного членения праязыка // *Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции*. 4–6 октября 1992 г. Калининград, 1992. С. 114–115.
 62. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // *Этимология*. 1988–1990. М., Наука, 1992. С. 77–88.

63. Аксиологические аспекты изучения праславянского словаря // Язык и культура. Вторая международная научная конференция. 23–27 июня 1993 г. Киев, 1993.
64. *Vir doctus, vir docens*. К семидесятилетию академика Н. И. Толстого // Вопросы языкознания. 1993, № 3. С. 107–112.
65. О возможности лексикостатистического обнаружения явления языковой конвергенции // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., Наука, 1993. С. 311–322.
66. Праславянский словарь древненовгородского диалекта с точки зрения лексикостатистики // Вопросы языкознания. 1993, № 4. С. 87–98.
67. Древнеславянская аксиология по данным лексики // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». 7–9 декабря 1993 г., Москва. Тезисы докладов. М., 1993. С. 46–48.
68. Непристойная лексика — явление культуры? Мат как зеркало нашей жизни // Аргументы и факты. 1994, № 4. С. 11. [Название от редакции.]
69. Украинский и белорусский языки в свете праславянской лексикостатистики // *Slavica tarnopolensia*. Випуск 1. Збірник пам'яті професора К. К. Трофимовича. Тернопіль, 1994. С. 21–22.
70. Из словаря «Славянские древности». Болезни скота // Славяноведение. 1994, № 5. С. 45–49.
71. Из словаря «Славянские древности». Ветеринария народная // Славяноведение. 1994, № 5. С. 49–52.
72. Болезни скота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. А–Г. М., Международные отношения, 1995. С. 222–225.
73. Ветеринария народная // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. А–Г. М., Международные отношения, 1995. С. 361–363.
73. Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого. (Предисловие редактора) // *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., Индрик, 1995. С. 8–12.
75. Скрытые межкультурные конфликты в диалектной лексикографии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М., 1995. С. 69–71.
76. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., Индрик, 1995 (Исследования по славянской диалектологии. 4). С. 183–193.
77. Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 49–51.
78. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997, № 2. С. 34–46. [Соавт.: Е. Э. Бабаева, И. И. Максеева.]
79. О птицах небесных и не только о них... (Из комментария лингвиста к «Поэтическим воззрениям...» А. Н. Афанасьева) // Живая старина. 1997, № 2.
80. РГНФ, секция языкознания: итоги конкурсов исследовательских и издательских проектов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997, № 3.
81. Просторечие // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.
82. *Reflexions sur les categories «force» (sila), «duree de vie» (vek), «destinee» (dolja), «mesure» (mera), en fonction de leur epression linguistique chez les Slaves de l'Est. Pour une reconstruction de la conception du monde chez les anciens slaves // Cahiers slaves. Civilisation russe. 1997, № 1. Aspects de la vie traditionnelle en Russie et alentours. (Paris, Sept. 1997). P. 41–57.*

83. Лексикографические фантомы. 2. СРНГ, И–К // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998. С. 93–104.
84. [Предисловие] // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998. С. 8. [Без подписи.]
- 85–101. Албанский язык. Алтайские языки. Армянский язык. Афразийские языки. Греческий язык. *Двужильный*. Как проникнуть в прошлое языка. Кельтские языки. Лингвистическая машина времени. Мертвые индоевропейские языки. Сколько языков в мире? Славянские языки. Сообщества языков. Уральские языки. Формула Сводеша. Что такое «рука»? Этот мрачный тень // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М., 1998.
102. *Ой-дид-ладо* и его аналогии // Полутропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 226–234.
103. К реконструкции древнеславянского мировидения (Категории «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 71–87.
104. К реконструкции древнеславянского мировидения. Категории «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Kraków 27 VIII — 2 IX 1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Warszawa, 1998. S. 225–226.
105. *Decipimur specie recti*, или Как нельзя делать словари. (Опыт в жанре несвоевременной рецензии) // Филология. Международный сборник научных трудов. (К 70-летию Александра Борисовича Пеньковского). Владимир, 1998. С. 57–71.
106. МИР: *миръ* и *міръ* // Русская речь, 1999, № 1.
107. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 7–32.
108. Из мелкой сволочи (русское демонологическое название *игиша*) // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 203–206.
109. Доля // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 113–114.
- 110–126. Албанский язык. Алтайские языки. Армянский язык. Афразийские языки. Греческий язык. *Двужильный*. Как проникнуть в прошлое языка. Кельтские языки. Лингвистическая машина времени. Мертвые индоевропейские языки. Сколько языков в мире? Славянские языки. Сообщества языков. Уральские языки. Формула Сводеша. Что такое «рука»? Этот мрачный тень // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. 2-е изд. М., 1999.
127. [Предисловие к публикации] // Русская речь, 1999, № 5 [к статье Н. И. Толстого «Страсть, бестрастность, *страшной*...»].
128. Предисловие // Этимологический словарь русского языка. Вып. 9. Л. М., Издательство Московского университета, 1999. С. 3–5. [Без подписи.]
129. Лексикографические фантомы. 3. СРНГ, Л–М // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко. СПб., Фолио-Пресс, 2000. С. 265–282.
130. Наивная этимология и «кабинетная мифология». (Из наблюдений над мифологизмом А. Н. Афанасьева) // Язык как средство трансляции культуры. М., Наука, 2000. С. 68–84.
131. Наивная этимология и «кабинетная мифология». (Из наблюдений над мифологизмом А. Н. Афанасьева) // Этимология. 1997–1999. М., Наука, 2000. С. 45–59.

132. [К 70-летию О. Н. Трубачева] // Вопросы языкознания. 2000, № 5. С. 3.
133. *Сушец пеку*, или Как лечили худосочие // Русская речь, 2001, № 3. С. 66–70.
134. Лексикографические фантомы. 4. СРНГ, *Н–О* // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265–281.
135. Лексикографические фантомы. 6. Словарь русских народных говоров, *П* // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург, 2001. С. 172–178.
136. Об этимологии русского *детинец* «крепость» // Русская речь, 2002, № 1. С. 113–117.
137. Академик Олег Николаевич Трубачев (1930–2002) // Известия АН. Серия литературы и языка, 2002, том LXI, № 4. С. 78–79.
138. Мелкие заметки о русской диалектной фразеологии (1. *лисья темнота*; 2. *дунуть — плюнуть*) // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции. 22–24 октября 2002 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2002. С. 90–93.
139. Несколько славяно–неславянских культурных и языковых встреч (1. *Троян*. 2. 'Сорок'. 3. Русск. диал. *оплетай*) // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., Наука, 2002. С. 253–261.
140. Диалектный словарь как этнографический источник // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 194–205.
141. Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, *О–П* // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 382–389.
142. Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, *П* // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 120–131.
143. Умом и руками <К юбилею Н. И. Толстого> // Российская газета, 16.4.2003. [Название от редакции.]
144. Диалектный словарь и культурные реконструкции // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 177–189.
145. Диалектный словарь и мифологические реконструкции // 13. Mednarodni slavistični kongres. Ljubljana, 15.–21. avgusta 2003. Zbornik povzetkov. 1. del. Jezikoslovje. Ljubljana, 2003. S. 222.
146. Восточнославянские этимологии (1. Рус. *парень*. 2. Укр. *гарний*, белорус. *гарны*) // Studia etymologica Brunensia. 2. Praha, 2003. S. 137–151.
147. Учитель (памяти акад. Н. И. Толстого) // Slavica Tartuensia. VI. Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.8.2003). Tartu, 2003. С. 208–213.
148. Учитель (к 80-летию Н. И. Толстого) // Известия Российской академии наук. Серия языка и литературы. 2003, № 5. С. 56–58.
149. К этимологии рус. *олух* // Этимология. 2000–2002. М., Наука, 2003. С. 117–119.
150. Программа-минимум кандидатского экзамена по специальности 10.02.03 «Славянские языки» по филологическим наукам // Филология и языкознание. Программы-минимум кандидатских экзаменов [Утверждено приказом Министерства образования Российской Федерации № 697 от 17.02.2004.] М, Издательство «Икар», 2004. С. 158–189. [Кроме разделов «Украинский язык», «Белорусский язык».] [Без указания авторства.]

151. Влияние русского литературного языка на народные говоры: лексика // Проблемы изучения межкультурных влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004. С. 43–48.
152. За един славянско-осетински фразеологичен паралел // Български език. Год. LI. 2004, кн. 4 («...на 70-годишния юбилей... Тодор Ат. Тодоров»). С. 46–47.
153. [О труде А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов», тт. I–II] // А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. II. Тарту, Издательство Тартуского университета, 2004. С. 398.
154. К юбилею Григория Куприяновича Венедиктова // Славяноведение. 2005. № 1. С. 125–126. [Совавт.: В. С. Ефимова.]
155. К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.
156. После Унбегауна: о частотности русских фамилий в конце XX в. (К статистике русских фамилий. II) // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, Издательство Уральского ун-та, 2005. С. 43–46.
157. Обратная анаграмма [Пушкин(?). Мандельштам. Гандлевский] // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., Языки славянских культур, 2005. С. 941–950.
158. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков». II // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., Индрик, 2006. С. 140–147.
159. Русская городская геральдика и наивная этимология // Међународни научни симпозијум «Словенска етимологија данас». Београд, 5–7. септембар 2006. Зборник резимеа. Београд, 2006. С. 6–7.
160. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 1 // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2 тт. М., Наука, 2006. Т. 2. Этнизация. С. 252–284.
161. Наблюдения над нынешним состоянием русской диалектной лексикографии // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. М., 2006. С. 60–61.
162. Название 'подорожника' в иронском диалекте осетинского и в восточнославянских языках (ономастологическая параллель) // Микроязыки. Языки. Интерязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. С. 475–477.
163. Александр Дуличенко: труды и дни [вступительная статья] // Р. Э. Романчик. Ординарный профессор Александр Дмитриевич Дуличенко. Биобиблиография. Тарту, 2006. С. 11–55.
164. По поводу истины // Studia etymologica Brunensia. 3. Praha, Lidové noviny, 2006. S. 443–455.
165. О возможном происхождении нотных ключей // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М., ЛЕНАНД, 2006. С. 133–138.
166. [К 80-летию профессора А. К. Матвеева] // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 41. / Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 11. История. Филология. Искусствоведение. Культурология. Екатеринбург, 2006. С. 322.
167. Влияние русского литературного языка на народные говоры: лексика. (Статья 1) // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: Социокультурный аспект. М., Ин-т славяноведения РАН, 2007. С. 245–280.
168. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 2 // Этимология. 2003–2005. М., Наука, 2007. С. 86–108.
169. К 75-летию Олега Николаевича Трубочева // Этимология. 2003–2005. М., Наука, 2007. С. 3–6. [Без подписи]

170. Владимир Николаевич Топоров (5 июля 1928 — 5 декабря 2005) // Этимология. 2003–2005. М., Наука, 2007. С. 334–335.
171. Российская городская геральдика и наивная этимология // Словенска этимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године. Београд, 2007. С. 133–153.
172. Об авторстве одного каламбура // Политическая лингвистика. Вып. 3 (29). Екатеринбург, 2009. С. 53–55.
173. Кто такой царь Горох // Учительская газета, 2009, 6 октября (№ 40).
174. Степень качества // «Слово — чистое веселье...» Сборник статей в честь А. Б. Пеньковского. М., Языки славянских культур, 2009. С. 9–12.
175. Кто такой царь Горох // Русская речь. 2010, № 2. С. 111–115.
176. Интуиция этимолога // Этимология. 2006–2008. М., Наука, 2010.
177. Лексикографические фантомы. 8. СРНГ, П // Материалы и исследования по русской диалектологии. X. — В печати.
178. Лексикографические фантомы. 9. СРНГ, Р. — В печати.
179. Славистика [Дополнения к статье Н. И. Толстого // Энциклопедия «Русский язык»]
180. Славянские языки [Дополнения к статье В. П. Гудкова // Энциклопедия «Русский язык»]
181. Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира // Вопросы языкознания. — В печати.

РЕЦЕНЗИИ

182. Серия «Беларуская народная творчасць» // UNESCO. Информационный бюллетень МАИРСК. Вып. 3. М., Наука, 1980. [Соавт.: А. В. Гура, О. А. Терновская.]
183. The Belorussian Folk Art Series // UNESCO. International Association for the Study and Dissemination of the Slavonic Cultures. Information Bulletin. Issue 3. Moscow, Nauka Publishers, 1980. P. 37–39.
184. Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы. Под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. Ч. 1–4. М., Педагогика, 1979–1980 // Русская речь. 1981, № 5. С. 84–85. [Соавт.: Н. Н. Розанова.]
185. А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Минск, Вышэйшая школа, 1981. 432 с. // UNESCO. Информационный бюллетень МАИРСК. Вып. 6. М., Наука, январь–июнь 1982. С. 51–54.
186. А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Минск, Вышэйшая школа, 1981. 432 с. // UNESCO. International Association for the Study and Dissemination of the Slavonic Cultures. Information Bulletin. Issue 6. Moscow, Nauka Publishers, 1980.
187. Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987 // Этимология. 1988–1990. М., Наука, 1992. С. 181–185.
188. Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1990. 60 с. + 161 карта // Вопросы языкознания. 1993, № 5. С. 134–143.
189. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А–Г. М., Международные отношения, 1995. 584 с. // Славяноведение. 1995, № 5. С. 103–106.
190. Scripta manent. В. В. Виноградов. История слов. М., Толк, 1994. 1138 с. // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Ви-

- ноградова). М., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 421–428.
191. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В пяти томах. Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А–Г. М., Международные отношения, 1995. 584 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996, № 1. С. 340–344.
 192. Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995 // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 3. С. 288–294.
 193. Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995 // Вопросы языкознания. 1997, № 2. С. 185–191.
 194. Новгородский областной словарь. Вып. 13 (дополнительный). А–Я. Великий Новгород, 2000 // Энциклопедия российских деревень. Бюллетень № 1. М., 2000. С. 109–112.
 195. А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.; То же. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000. 768 с. // Русский язык в научном освещении. 2001, № 2. С. 250–257.
 196. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. 560 с. // Русский язык в научном освещении. 2001, № 2. С. 257–264.
 197. В. Ф. Райан. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. Пер. с англ. М., Новое литературное обозрение, 2006. 720 с., с илл. (Серия «Historia Rossica») // Славяноведение, 2008, № 2.
 198. В. Й. Мансикка. Религия восточных славян. М., ИМЛИ РАН, 2005. 368 с. // Славяноведение, 2008, № 5.
 199. V. Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: А–Й; book 2: К–О. Octavia & Co. Press, 2007. 816 p. [Серия «Languages in Time and Space», vv. 1, 2. Edited by Vitaly Shevoroshkin.] // Этимология. 2006–2008. М., Наука, 2010.

ПРОЧЕЕ

200. А. С. Пушкин. <Из черновых вариантов четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»> // Лингвисты шутят. München, Verlag Otto Sagner, 2000. С. 38–42. [Ошибочно: Александр Журавлев.]
201. [Поздравление с юбилеем] // Tabula gratulatoria. In honorem professori Alexandro Dulicenko. Tartu, Tartu Ülikool, 2006. Р. 19. [Подписано также К. В. Никифоровым и А. В. Карасевым.]
202. А. С. Пушкин. <Из черновых вариантов четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»> // Лингвисты шутят. М., Флинта; Наука, 2006. С. 49–53.
203. Анаграммы (избранное) // Лингвисты шутят. М., Флинта; Наука, 2006. С. 54.
204. Почему не говорят? // Лингвисты шутят. М., Флинта; Наука, 2006. С. 54–69.
205. Мизантроп. Повесть // Восток — Запад в пространстве русской литературы и фольклора: материалы Третьей Международной научной конференции (заочной). Волгоград, 19 ноября 2008. К 60-летию профессора А. Х. Гольденберга. Волгоград, изд-во ВГПУ «Перемена». 2009. С. 513–515.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

206. Журн. «Русская речь». [Чл. редколл.] 1990–.
207. Журн. «Вопросы языкознания». [Чл. редколл.] 1994–.

208. Журн. «Вестник Российского гуманитарного научного фонда». [Чл. редколл.] 1995–1998.
209. Журн. «Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова». [Чл. редколл.] 1995–2000.
210. Журн. «Русский язык в научном освещении». [Чл. редколл.] 2001–.
211. Журн. «Вопросы ономастики». [Чл. редколл.] 2004–.
212. *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., Индрик, 1995. 512 с.
213. Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М. [ИСЛ РАН], 1995. 125 с.
Рец.: *М. Божилова* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1996, № 4. С. 186–189.
214. Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., Индрик, 1998. 448 с. [Чл. редколл.]
215. Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., Индрик, 1998. 408 с. [Чл. редколл.]
216. *Т. И. Вендина*. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М. [ИСЛ РАН], 1998. 240 с.
217. *Н. И. Толстой* «*Страсть, бестрастность, страшная...*» // Русская речь, 1999, № 5.
218. Этимологический словарь русского языка. Вып. 9. *А. М.*, Издательство Московского университета, 1999. 240 с. [Совместно с Н. М. Шанским.]
219. Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 23–24 ноября 1999 г.). М. [ИСЛ РАН], 1999.
220. *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М. [ИСЛ РАН], 2000. 160 с.
221. *С. Б. Бернштейн*. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сборник статей. М., Индрик, 2000. 352 с. [Соред.: Г. П. Клепикова.]
222. *С. А. Николаев, М. Н. Толстая*. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М. [ИСЛ РАН], 2001. 231 с.
223. *А. Э. Калнынь*. Фонетическая программа слова как пространством фонетических изменений в славянских диалектах. М. [ИСЛ РАН], 2001. 131 с.
224. *Т. И. Вендина*. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., Индрик, 2002. 336 с.
225. *Г. П. Нешименко*. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., Наука, 2002. 279 с.
226. Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., Наука, 2002. 478 с. [Чл. редколл.]
227. Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М. [ИСЛ РАН], 2002.
228. Этимология. 2000–2002. М., Наука, 2003. 272 с. [Чл. редколл.]
229. Славянские и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., Индрик, 2003. 472 с. [Председ. редколл.]
230. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., Наука, 2004. 304 с.; 36 карт. [Чл. редколл.]
231. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 32 (**obъъnъ — *orzbotati*). М., Наука, 2005. 262 с. [Совместно с О. Н. Трубачевым.]
232. Языки мира. Славянские языки. М., Academia, 2005. 656 с. [Чл. редколл.]

233. Л. Э. Калнынь. Синтагматика сонантов в славянских диалектах. М. [ИСЛ РАН], 2005 (Исследования по славянской диалектологии. 11). 192 с.
234. Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., Индрик, 2006.
235. Этимология. 2003–2005. М., Наука, 2007. 398 с. [Чл. редколл.]
236. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 33 (**orzbotěti* — **ormajati* (*sg*)). М., Наука, 2007. 285 с.
237. Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М. М., Изд-во Московского университета, 2007. 400 с. [Совместно с Н. М. Шанским.]
238. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 34 (**ormajb* — **orstegajb*). М., Наука. 2008. 308 с.
239. Исследования по славянской диалектологии. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов. М. [ИСЛ РАН], 2009. 344 с. [Чл. редколл.]
240. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 35 (**orstegati* (*sg*) — **orzbjviti* (*sg*)). М., Наука. 2009. 234 с.
241. Этимология. 2006–2008. М., Наука, 2010. 356 с. [Чл. редколл.]
242. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 36 (**orz(ъ)zeleněti* / **orz(ъ)zeleniti* — **otvgrěbati*). М., Наука. 2010. 260 с.
243. Этимологический словарь русского языка. Вып. 11. Н. — В печати.
244. Исследования по славянской диалектологии. 15. [Чл. редколл.] — В печати.
245. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 37. — В печати.

Научное издание

СЛОВА. КОНЦЕПТЫ. МИФЫ.

К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева

Корректор М. Н. Толстая

Оригинал-макет Г. А. Шпэт

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)954-17-52

www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other INDRIK publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
24,0 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

